

Н. С. ГУМИЛЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. С. ГУМИЛЕВ

Полное собрание сочинений

ТОМ ВОСЬМОЙ

Письма

Москва

2007

УДК 882-12
ББК 84(2Рос=Рус)1
Г94

Тексты подготовили и примечания составили:
М. Баскер (Великобритания), Т. М. Вахитова, Ю.В. Зобнин,
А.И. Михайлов, В.А. Прокофьев, Е.Е. Степанов.

В подготовке тома принимали участие:
В.Н. Воронович (С.-Петербург), В.П. Петрановский (С-Петербург),
Е.Ю. Раскина (Москва), Р.Д. Тименчик (Иерусалим, Израиль),
Н.М. Иванникова (Москва), Н.А. Хмелевская (С.-Петербург).

Материалы из архива М.Л. Лозинского подготовлены
И.В. Платоновой-Лозинской.

Том создан при участии: Российского государственного архнва литературы и искусства (Москва), Российской государственной библиотеки (Москва), Российской национальной библиотеки (С-Петербург),
Государственного Русского музея (С-Петербург).

Ответственный редактор тома
Ю. В. Зобнин
Редактор
Д. М. Климова

Г 94 **Гумилев Н.С.** Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. Письма. — М.: Воскресенье, 2007. — 640 с.; ил.

Восьмой том Собрания сочинений Николая Степановича Гумилева представляет полный свод известного на настоящий момент эпистолярного наследия поэта; многие из писем публикуются впервые.

ISBN 978—5—88—528—511—7 (Т. 8)
ISBN 5—93494—080—5

Г $\frac{4702010102—024}{К56(03)—98}$ ББК 84(2Рос=Рус)1

ПИСЬМА
(1906—1921)

1. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 11 февраля 1906 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я Вам искренне благодарен за Ваше письмо и за то внимание, которым Вы меня дарите. Вы воскресили мою уверенность в себе, упавшую было после Вашей рецензии. Очень благодарю Вас за любезное приглашение участвовать в «Весах». Но я боюсь, что присылаемые с этим письмом стихи покажутся Вам неудовлетворительными. Дело в том, что зимой я пишу меньше и слабее, чем обыкновенно, а мои осенние стихи частью вошли в «Путь конквистадоров», частью печатаются в сборнике «Северная речь», который выйдет в конце февраля. Поэтому, если присланные стихи будут забракованы, я пришлю Вам другую партию, быть может, лучшую. Если же нет, то вторая партия может быть помещена в другом номере «Весов».

Мне очень жаль злоупотреблять Вашей любезностью, но я не могу не попросить Вас уведомить меня, какие именно мои стихи будут помещены в «Весах», потому что оставшиеся я думаю предложить для «Слова».

Еще раз благодарю за внимание.

Готовый к услугам Н. Г у м и л е в.

11 февраля 1906 г.

<...>

Но не будем таиться рыданья,
О моя золотая печаль!
Только чистым дано созерцанье
Вечно-радостной чаши Грааль.

Разорвал я лучистые нити,
Обручившие мне красоту...
Братья, сестры, скажите, скажите,
Где мне вновь обрести чистоту?

* * *

Я зажег на горах красный факел войны,
Разгораяся лижут лазурность огни.

Неужели опять для меня суждены
Эти звонкие, ясно-кристальные дни?

На натянутом луке дрожит тетива,
И на поясе бьется сверкающий меч,
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря несмолкаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко стреляющий лук?
Иль не знаете вы, что разрушена твердь,
Что земля к нам склонилась, союзник и друг?

Все моря целовали мои корабли,
Мы украсили битвою все берега...
Неужели за гранью роскошной земли
И за гранью небес вы узнали врага!

* * *

Мне надо мучиться и мучить,
Твердя безумное «люблю».
О миг, страшися мне наскучить,
Я царь твой, я тебя убью!

О миг, не будь бессильно плоским,
Но опали, сожги меня
И будь великим отголоском
Веками ждущего Огня.

Относительно перемены знаков прошу не стесняться. Н.Г.

* * *

Мой старый друг, мой верный дьявол
Пропел мне песенку одну:
«Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Вокруг вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь.
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
— О, верь мне! Я не обману»...
«Но помни, — молвил умный дьявол, —
Он на заре пошел ко дну».

* * *

Солнце бросило для нас
И для нашего мученья
В яркий час, закатный час
Драгоценные каменья.

Да, мы — дети бытия,
Да, мы солнца не обманем.
Огнезарная змея
Проползла по нашим граням.

Научивши нас любить,
Позабыть, что все мы пленны,
Нам она соткала нить,
Нас связавшую с Вселенной.

Льется ль песня тишины,
Или бурно бьются струи,
Жизнь и смерть — ведь это сны,
Это только поцелуи.

2. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 8 мая 1906 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно вышел тот сборник, о котором Вы меня спрашивали, и я посылаю его Вам вместе с этим письмом. Может быть, Вы напишете о нем рецензию. Составители были бы очень рады.

Посылаю также одно стихотворение: оно уже месяца два дожидалось очереди, чтобы быть напечатанным в «Слове», но так и не дождалось, хотя стихотворения других авторов, присланные в редакцию позднее моего, уже давно напечатаны. В силу всего этого, я беру его из «Слова» и посылаю Вам для замены какого-нибудь уже намеченного Вами.

Что же касается присылки новых стихотворений, то мне придется обмануть Вас: я почти ничего не пишу. Я объясняю это отсутствием людей, общенье с которыми дало бы мне новые мысли или чувства. Уже год, как мне не удается ни с кем поговорить так, как мне хотелось бы.

Я пишу это для того, чтобы Вы не отчаялись во мне, видя мою лень, тем более, что Ваше участие ко мне — единственный козырь в моей борьбе за собственный талант.

Простите за сбивчивое письмо.

Уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

* * *

Там, где похоронен старый маг,
В полумраке мраморной пещеры,
Мы услышим тайный робкий шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет бледный день,
В мире будет тихо, как во храме.
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,
Не нарушим нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно-горькое рыданье.

Но когда небесный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер — блуждающею тенью.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя —
Золотисто-огненное солнце.

Н. Гумилев.

Мой адрес: Царское Село, угол Средней и Оранжерейной, дом Полубояринова, подъезд со Средней.

3. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 15 мая 1906 г.>

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Спешу ответить на Ваше любезное письмо и дать Вам канву, по которой и т.д.

3-го апреля мне исполнилось двадцать лет, и через две недели я получаю аттестат зрелости. Отец мой — отставной моряк, и в материальном отношении я вполне обеспечен. Пишу я с двенадцати лет, но имею очень мало литературных знакомств, так что многие мои вещи остаются нечитанными за недостатком слушателей.

Из иностранных языков читаю только на французском, и то с трудом, так, что собрался прочитать только одного Метерлинка. Из поэтов люблю больше всего Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта, и Вас (ради Бога, не сочтите это за лесть, и если Вы скромны, то припишите это моей недостаточной культурности).

Летом я собираюсь ехать за границу и пробыть там лет пять. Но так как мне очень хочется повидаться с Вами, то я думаю недели через три поехать в Москву, где, может быть, Вы не откажете уделить мне несколько часов.

Если Вы ничего против этого не будете иметь, то напишите, пожалуйста, где я могу Вас видеть и какой день для Вас удобнее.

Хотелось бы Вам написать еще многое, но откладываю до личного свиданья.

Ваш Н. Гумилев.

4. В.Я. БРЮСОВУ

<Рязанская губерния, усадьба «Березки». 15 июня 1906 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я думаю приехать в Москву, в первый же вторник после 15-го, т.<о> е.<сть> — 20-го июня. Но зная Ваше намерение отправиться в Швецию, я хотел бы знать точно, застану ли я Вас в Москве. Я теперь в деревне и чувствую себя довольно скверно, но числа 19-го все же надеюсь выехать...

На случай, если Вы захотите мне ответить, прилагаю адрес: Московско-Казанская ж.д. Станция Вышгород, усадьба Березки, мне.

Уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

Р.S. Простите за короткое и небрежное письмо. Но я пишу его, лежа в постели при $38\ {}^{5}/_{10}{}^{0}$ температуры

Н. Г у м и л е в.

5. В.И. АННЕНСКОМУ-КРИВИЧУ

<Париж. 19 сентября/> 2 октября 1906 г.

Многоуважаемый Валентин Иннокентиевич!

Очень и очень благодарю Вас и Иннокентия Феодоровича за знакомство с Деникерами. Я не писал Вам раньше потому, что я познакомился с m-er Nicolas в мое второе посещение, а именно вчера, когда я был приглашен завтракать Любовью Феодоровной. Я был встречен очень сердечно и был представлен Любовью Феодоровной во французское семейство, фамильи которого я не запомнил.

M-er Nicolas читал свои стихотворения, и мне они очень понравились: при красивой простоте стиля много красивых и интересных сопоставлений и образов и полное отсутствие тех картонажных эффектов, от которых так страдает новая русская поэзия.

Я непременно переведу его стихи, если найду орган, где бы можно было печататься. «Слово» — тю-тю. Даже гонорара не платят. Вы меня спрашиваете о моих стихах. Но ведь теперь осень, самое горячее время для поэта, а я имею дерзость причислять себя к хвосту таковых. Я пишу

довольно много, но совершенно не могу судить хорошо или плохо. Мое обыкновенье — принимать первое высказанное мне мненье, а здешние русские ничего не говорят, кроме: «Очень, очень звучно» или даже просто «Очень хорошо». Но я надеюсь получить от Вас более подробное мнение о моих последних стихах.

Несколько из них я послал на имя Сергея Владимировича. Когда он вернется, он верно не откажется показать их Вам. Другие посылаю Вам сейчас. Меня очень огорчило известие о смерти Инны Андреевны. Хотя я ее знал мало, но несколько встреч было достаточно, чтобы почувствовать к ней живую симпатию. Передайте, пожалуйста, Сергею Владимировичу мое сочувствие его горю.

Мне очень жаль, что Вы ничего не написали за лето. Но ведь это естественное последствие Ваших усиленных занятий. Ничто так не ослабляет творческие способности, как постороннее умственное напряжение. Эта теория — оправдание моей прошлой, гимназической лени.

Что же касается поэмы, посвященной Наталье Владимировне, то, продолжая Ваше сравнение с железной дорогой, я могу сказать, что все служащие забастовали и требуют увеличенья рабочего дня, глубокого сосредоточенья и замкнутой жизни, а я как монархист не хочу потакать бунтовщикам, уступая их желаньям.

Впоследствии, когда я перейду в «Союз 17 октября», может быть, дело двинется быстрее.

Пожалуйста, засвидетельствуйте мое уважение Наталье Владимировне, Дине Валентиновне и Иннокентию Феодоровичу.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Н. Гумилев.

P.S. Адрес мой остается прежним.

* * *

Недавно у берега нашего бросил
Свой якорь досель незнакомый корабль,
Мы видели отблески пурпурных весел,
Мы слышали смех и бряцание сабль.

Тяжелые грузы корицы и перца,
Красивые камни и шкуры пантер,

В.И. Анненский-Кривич

Все, все, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли.
Но вот капитан его в город вошел,
И черные очи горели, как угли,
И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
Смеялись при виде нежданных чудес,
Но старый наш патер, святой и ученый,
Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
Что надо молиться для встречи конца...
Но мы не поверили в скучные бредни
И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
Со стаею белых своих голубей...
А мы отдалися душой наслажденью,
Веселым безумьям богов и людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром
— Царей не бывало издавна у нас —
Дивились движеньям, красивым и быстрым,
И угольям черных, пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
Украсили город, как стены дворца,
Остался лишь бедным, в глухом переулке,
Сиреневый домик седого глупца.

Он враг золотого, роскошного царства,
Средь яркого пира он — горестный крик,
Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

* * *

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть свою в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Прочь, беспокойные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник
В мире лукавых обличий,
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его беспокойном
Сделались вихрями света,
Полднем горящим и знойным.

Музы, в красивом пеанте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

Н. Гумилев.

6. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 17/>30 октября <1906 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Сегодня в восемь часов утра я получил Ваше письмо и в девять уже пишу ответ. «Manon Lescaut»* прекрасное издание «librairie artistique»**, купленная только вчера, лежит и дожидается очереди быть прочитанной. Из этого Вы можете заключить, как я обрадовался Вашему письму. Простите, что мой ответ будет длинен, но мне так много хочется сказать Вам, а главное спросить Вас.

Прежде всего я должен горячо поблагодарить Вас за Ваши советы относительно формы стиха. Против них долго восставала моя лень, шептала мне, что неточность рифм дает новые утонченные намеки и сочетанья мыслей и что этим эффектом пользовались Вы сами в «Двух моряках». Последним протестом было мое стихотворение «Крокодил» (ниже), одобренное многими и стоявшее на очереди в редакции покойного «Слова». Но потом наступил перелом. Последующие мои стихи, написанные с безукоризненными рифмами, доставили мне больше наслаждения, чем вся моя предшествующая поэзия. Мало того, я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами и понял, что источник их неистощим. Может быть, Вы меня поймете, прочитав мою «Загадку», которую я особенно рекомендую Вашему вниманию.

Теперь относительно размеров: Вы пишете, что они у меня однообразны и несвоеобразны, что им надо учиться у Вячеслава Иванова. Я взял «Прозрачность» и пытался постигнуть строение ее стихов. Но, насколько я мог заметить, их секрет основан на том, что г-н Иванов берет для одной строфы строки различных размеров («Снилось мне, сквозит завеса / Меж землей и лицом небес, / Небо — влажный взор Зевеса, / И печальный грустит Зевес») или к обыкновенному размеру прибавляет или убавляет один-два слога («Я видел Психею в густых лесах / Взлелеял Пан...»). Тогда как «В ночи, когда со

* «Манон Леско» (*франц.*)

** «библиотека художественной литературы» (*франц.*)

звезд провидцы и поэты...» — стихотворение, которое мне кажется у него лучшим, написано обыкновенным размером. И тогда мне представилось, что прелесть стиха заключается во внутренней, а не во внешней структуре, в удлинении гласных и отчеканивании согласных, и это должен вызвать смысл стиха.

Для пояснения привожу строфу из моих последних стихов:

... Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того,|| кто не придет.

Здесь в первой строке долгие гласные должны произноситься гортанью и вызывать впечатление силы, а во второй строке два «е» и два «о», произнесенные в нос, должны показать томление, являются нижним тоном и относятся к первой строке так же, как сине-голубые пятна на картинах фра Анджелико Фьезоле относятся к горячим красным. В третьей и четвертой строке ударенье на третьем слоге от начала, чтобы сделать логичной паузу и ослабленье тона:

«... того — кто не придет».

Но, ради Бога, не подумайте, Валерий Яковлевич, что я спорю с Вами или даже защищаюсь. Это не более как сомнения и, может быть, тоже нашептанные моей леностью. Скажите мне только, что это не так, и я все силы положу, чтобы овладеть незнакомыми мне размерами. В Ваши руки отдал я развитье моего таланта еще до первого Вашего письма, и мне порукой служит то, что Вы сделали для русской поэзии.

Затем мне было крайне интересно узнать, что думаете Вы о содержании моих стихов: их образах, настроениях и идеях. Меня страшно интересует вопрос, какие образы показались Вам, по Вашему выражению, «действительно удачными», и, кроме того, это дало бы мне известный критерий для писанья последующих стихов. Не забывайте того, что я никогда в жизни не видал даже ни одного поэта новой школы или хоть сколько-нибудь причастного к ней. И никогда я не слышал о моих стихах мнение человека, которого я бы мог найти компетентным.

Приехав в Париж, я послал Бальмонту письмо, как его верный читатель, а отчасти в прошедшем и ученик, прося позволенья увидеться с ним, но ответа не получил. Вы были так добры, что сами предложили свести меня с Вашими парижскими знакомыми. Это будет для меня необыкновенным счастьем, так как я оказался несчастлив в моих здешних знакомствах. У меня есть рекомендательное письмо к г-же Гиппиус (Мережковской), но я не знаю ее адреса. Кроме того, я был бы в восторге увидеть Вячеслава Иванова и Макса Волошина, с которыми Вы, наверно, знакомы. Но только не Бальмонта! Знаменитый поэт, который даже не считает нужным ответить начинающему поэту, сильно упал в моем мнении, как человек. Вы просите у меня каких-нибудь статей. У меня есть планы трех, но, увы, не по искусству, и поэтому я боюсь, что они не подойдут для «Весов». Вот они: «Костюм Будущего», где я на основании изученья эволюции костюма в прошлом пытаюсь угадать, каков он будет в будущем. «Защита чести» — эстетическое обоснование поединков всякого рода. И «Культура любви» — эстетические заметки о различных родах половой любви.

Если что-нибудь из этого заинтересует Вас, напишите, я пришлю. Скоро я должен познакомиться с Леоном Дьерксом и надеюсь описать нашу встречу. Пожалуйста, поблагодарите от меня г-на Ликиардопуло за его любезное письмо. Я лично не написал ему, чтобы не отнимать его времени.

Простите за неприличную внешность письма, но я страшный пачкун и иначе не могу.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. Гонорар не получен.

Каракалле. 3 стихотворения

Посвящение

Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне! Я не купец, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,

И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери,
И мои бедные сказки-стихи
Слушают только бездомные звери
Да на высоких горах пастухи.

Руки мои безнадежно повисли,
Тайные думы мои смущены...
Мне ли воспеть твои тонкие мысли?
Мне ли воспеть твои знойные сны?

Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О, император, я верный твой раб.

Император

Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы был ты властелином,
Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях.

Образы властительные Рима,
Цезарь, Юлий Август и Помпей,
Это — тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.

Черное безумье Калигулы,
Конь его, позорящий сенат,
Дикие, тревожащие гулы
Ничего тебе не говорят.

Жадность снов в тебе неутолима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укротить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний,
Когда тени упадают ниц,
И когда, как золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет.

Там, в садах, торжественное небо,
Звезды разбросались, как в бреду,
Там, быть может, ты увидел Феба,
Трепетно бродящего в саду.

Как и ты, стрелою снов пронзенный
С любопытным взором он застыл
Там, где дремлет с Нила привезенный
Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камеи,
Тихие, пустынные сады,
С темных пальм в траву свисают змеи,
Зреют небывалые плоды.

Меж ветвей раскидистых платана
Притаился безобразный лар,
Стон земли несется из тумана,
Стон земли, больной от диких чар.

И великой мукою вселенной
На минуту грудь свою омыв,

Ты стоишь, божественно-надменный,
Император, ты тогда счастлив.

А потом в твоем зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-звонкими стихами
Пробуждаешь юную зарю.

Крокодил

Мореплаватель Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.

Беспечально с ночью споря,
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император стал у моря,
Чтобы встретить крокодила.

И утонченного слуги,
В мире странного скитальцы
Становились друг за друга,
Поднимая в знак испуга
Изукрашенные пальцы.

И какой-то сказкой чудной,
Чуждый людям и природе,

Крокодил блистал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряной подводе.

Загадка

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть свою в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Прочь, козлоногие фавны,
Музыки нет в вашем кличе,
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник
В мире лукавых обличий,
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его беспокойном
Сделались вихрями света,
Полднем горящим и знойным.

Музы, в красивом пеанте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

Н. Гумилев.

7. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 29 октября/> 11 ноября <1906 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Пишу Вам, не дождавшись Вашего ответного письма, потому что чувствую, что мое первое письмо было очень неполно. Прежде всего спешу ответить на Ваш вопрос о влиянии Парижа на мой внутренний мир. Я только после Вашего письма задумался об этом и пришел вот к каким выводам: он дал мне сознанье глубины и серьезности самых мелких вещей, самых коротких настроений. Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом. Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстух или удачно написанное стихотворение может дать душе тот же трепет, как и вызыванье мертвецов, о котором так некрасноречиво трактует Элифас Леви.

Не сердитесь за сравнение галстуха со стихами; это показывает только, как высоко ставлю я галстухи. О выставке Дягилева я не напишу ничего: она слишком велика по замыслу. Русское искусство представлено с самого своего начала, с тех пор когда оно, может быть, даже и не существовало: я говорю о некоторых иконах. Я не могу написать о ней в стиле Сологуба: я не мистик. Я не могу написать в стиле Макса Волошина: я не художник. Написать же в моем собственном стиле я мог бы только о двух, трех картинах Врубеля, о Бенуа и о Феофилактове. А подобная статья не заслуживала бы даже названия «впечатлений от выставки Дягилева». Простите меня за этот отказ: но мне казалось лучше отказаться, чем брать работу, не соответствующую моим силам. Что же касается беседы с французскими поэтами, то это совсем другое дело.

Как раз теперь я замечаю в них интересное движенье, переход от прошлогоднего классицизма к классицизму романтическому. И как только я больше разберусь в этом движении, я непременно напишу об этом статью.

Точно так же я принял во вниманье Ваше предложение относительно статей по вопросам искусства. У меня уже кое-что намечено. Кроме того, у меня почти готова драма или скорее драматические картины, вещь небольшая и, как мне кажется, интересно задуманная.

Если она имеет какие-нибудь шансы пройти в «Весы», то напишите мне, пожалуйста, об этом. Я ее отделаю и пришлю. С нетерпеньем жду исполненья Вашего обещанья относительно знакомств. А то бывают дни, когда я не говорю ни слова, кроме как с прислугой. В заключенье посылаю Вам мои последние стихотворенья, не столько для печати, сколько для того, чтобы узнать Ваше мненье, развивается ли мой талант или нет.

* * *

Мне было грустно, думы обступили
Меня, как воры в тишине предместий,
Унылые, как взмахи черных крылий,
Томилися и требовали мести.

Я был один, мои мечты бежали,
Моя душа сжималась от волненья,
И я читал на каменной скрижали
Мои слова, дела и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,
За то, что я кровавыми устами
Касался уст, трепещущих и бледных,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком стройны,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны,

За все теперь настало время мести,
Мой лживый, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во мгле, меня задушат.

* * *

Он воздвигнул свой храм на горе,
Снеговой многобашенный храм,
Чтоб молиться он мог на заре
Переменным небесным огням.

И предстал перед ним его Бог,
Бесконечно родной и чужой,
То печален, то нежен, то строг,
С каждым новым мгновеньем иной.

Ничего не просил, не желал,
Уходил и опять приходил,
Переменно горящий кристалл
Посреди неподвижных светил.

И безумец, роняя слезу,
Поклонялся небесным огням,
Но собралися люди внизу
Посмотреть на неведомый храм.

И они говорили, смеясь:
«Нет души у минутных огней,
Вот у нас есть властитель и князь
Из тяжелых и вечных камней».

А безумец не мог рассказать
Нежный сон своего божества,
И его снеговые слова,
И его голубую печать.

Н. Гумилев.

P.S. Если гонорар еще не послан, то не может ли редакция послать его по моему адресу в Париж.

Преданный Вам Н. Гумилев.

8. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 12/> 25 ноября <1906 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно получил Ваше второе письмо и спешу ответить на него. Прежде всего, не знаю, как выразить Вам благодарность за обещанный Вами трактат. Правду сказать, я ожидал только утвердительного или отрицательного ответа, и Ваше обещание привело меня в восторг.

Одно только меня огорчает и сильно, это то, что я вижу мою бесполезность для «Весов». Я написал мою «Культуру любви», но когда я вспомнил статьи, раньше напечатанные в «Весах», Ваши, Бальмонта, Андрея Белого и Вячеслава Иванова, столь выразительные по языку и богатые по мысли, то я решил не посылать ее на верный отказ. Только за последние полгода, когда я серьезно занялся писаньем и изученьем прозы, я увидел, какое это трудное искусство. И мои теперешние опыты в этом направлении не заслуживают быть даже прочитанными Вами. Я виделся и говорил с Леоном Дьерксом. Но прежде чем говорить со мной, он взял с меня честное слово, что я не предам его мненья гласности. Одна моя надежда на драму «Шут короля Батиньоля». У меня <есть> даже честолюбивые мечты поставить ее в театре Вашкевича, если таковой еще существует. Но мне хотелось бы, прежде чем хлопотать о постановке, узнать Ваше мненье о ней. Поэтому простите меня за возможную скуку, которую Вы испытаете при ее чтении, так как я собираюсь Вам прислать <эту драму> очень скоро. Со стихами тоже плохо. Я пишу довольно много, но так как я меняю приемы творчества, что Вы, наверно, уже заметили, то, конечно, среди них масса хламу. Я прислал уже Вам шесть и посылаю седьмое. Как только напишу еще, пришлю немедленно, так как Вы, конечно, понимаете мое желанье как можно скорее войти в число рыцарей «Весов», по выражению одного из Ваших сотрудников.

Теперь до свиданья.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Сегодня у берега нашего бросил
Свой якорь досель незнакомый корабль,
Мы видели отблески пурпурных весел,
Мы слышали смех и бряцание сабль.

Тяжелые грузы корицы и перца,
Красивые камни и шкуры пантер,
Все, все, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли.
Но вот капитан его в город вошел,
И черные очи горели, как угли,
И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
Смеялись при виде нежданных чудес,
Но старый наш патер, святой и ученый,
Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
Что надо молиться для встречи конца...
Но мы не поверили в скучные бредни
И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
Со стаею белых своих голубей...
А мы отдалися душой наслажденью,
Веселым безумьям богатых людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром
— Царей не бывало издавна у нас —
Дивились движеньям, красивым и быстрым,
И молниям черных, пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
Украсили город, как стены дворца,
Остался лишь бедным, в глухом переулке,
Сиреневый домик седого глупца.

Он враг золотого, роскошного царства,
Средь яркого пира он — горестный крик,
Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

Н. Гумилев.

9. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 24 ноября /> 7 декабря <1906 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Простите, что я Вас положительно забрасываю своими письмами, но Вы просили всех моих стихов, а я не виноват, что на днях написал еще два. Но что еще невежливее с моей стороны — это мои бесконечные просьбы. Увы, я не могу от этого отделаться, потому что Вы — единственный человек в России, интересующийся моими стихами. Так и теперь, я хотел бы Вас просить направить в «Золотое Руно» все стихи, одобренные Вами, но не могущие почему-либо быть напечатанными в «Весах». Мне было бы очень приятно сотрудничать и там. Прощайте, не сердитесь и напишите хоть открытку. А то я объясняю Ваше долгое молчанье тем, что Вам не понравилось что-нибудь в моих письмах. Заранее извиняюсь за все.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Неоромантическая сказка

Над высокою горою
Поднимались стены замка,

И река вилась змеею.
Как причудливая рамка.

Ночью солнце там дремало,
Петь в том замке был обычай,
И он звался замком Лалло,
Лебедей и Горных Кличей.

В замке были властелины —
Принц, на днях еще из детской,
Золотистые павлины
И напыщенный дворецкий.

Принц был облачка прелестней,
Принц был ласточки проворней,
Он был прозван принцем песни
Посреди веселой дворни.

И павлины, точно феи,
Краской спорили с цветами,
Выгибая с негой шеи,
Похваляяся хвостами.

Без цветистых прибауток
Говорить не мог дворецкий,
И служил предметом шуток
Всем парик его немецкий.

В зале Гордых Восклицаний
Много копий и арканов.
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий,
Отогнав свою дремоту.

Он кричит в смешном испуге
Кудри смялись, развилися:
«Гей, вы там, постойте, слуги,
Принц, не езди, воротися!

За пределами Веледа
Есть запретные дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы.

Не ходи за те границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурные птицы,
В небе плавают воро́ны...».

Принц не слушает и мчится,
Белый панцирь так и блещет,
Сокол, царственная птица,
На руке его трепещет.

И скача из рощей в рощи,
Он вошел в страну страданья,
Где, как папоротник тощий,
Вырастают заклинанья.

Там жилище людоеда,
Скал поднялися уступы,
И, трофей его победы,
Тлеют брошенные трупы.

Там, как сны необычайны,
Поднимаются удавы...

...Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не старается он вынуть
Меч сверкающий из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Чтобы вызвать носорога.

Но он скоро рог оставит:
Друг его в пещерном мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел, нечаян
В замок зла и заклинаний,
И испуганный хозяин
Был потащен на аркане.

...В час красивый и вечерний
В замок Лалло, Горных Кличей,
На потеху праздной черни
Принц является с добычей.

Все, дивясь его победам,
Принца сравнивают с богом,
Пред бессильным людоедом,
Пред убитым носорогом.

Принц, смеясь и похваляясь,
Выступает пред зверинцем,
И дворецкий, ухмыляясь,
Поспешает вслед за принцем.

10. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 26 декабря 1906/> 8 января 1907 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за Ваши письма, особенно за первое с рассуждениями о рифмах и размерах. Оно сказало мне то, что я и раньше чувствовал, но не мог применить на деле, потому что эти мысли еще не проникли в мое сознание. Эзотерическая тайна привела меня в восторг, и я ее принимаю вполне. Мой демон нашептывает мне еще разные мелкие сомнения, но я отложу их до нашего свидания, тем более, что, как я слышал, Вы собираетесь приехать в Париж. Очень благодарю за сообщенные адреса, но боюсь, что они окажутся мне бесполезны. Дело в том, что я получил мистический ужас к знаменитостям, и вот почему. Я имел к Зинаиде Николаевне Мережковской рекомендательное письмо от ее знакомой писательницы Микулич. И однажды днем я отправился к ней. Войдя, я отдал письмо и был введен в гостиную. Там, кроме Зинаиды Ник.<олаевны>, были еще Философов, Андрей Белый и Мережковский. Последний почти тотчас же скрылся. Остальные присутствующие отнеслись ко мне очень мило, и Философов начал меня расспрашивать о моих философско-политических убеждениях. Я смутился, потому что, чтобы рассказать мое мировоззрение стройно и ясно, потребовалась бы целая речь, а это было невозможно, так как интервьюирование велось в форме общего разговора. Я ответил, как мог, отрывая от своей системы клочки мыслей, неясные и недоказанные. Но, очевидно, желание общества было подвести меня под какую-нибудь рамку. Сначала меня сочли мистическим анархистом — оказалось неправильным.

Учеником Вячеслава Иванова — тоже.

Последователем Сологуба — тоже.

Наконец, сравнили с каким-то французским поэтом Бетнуаром, или что-то в этом роде. Разговор продолжался, и я надеялся, что меня подведут под какую-нибудь пятую рамку. Но на мою беду в эту минуту вошел хозяин дома Мережковский, и Зинаида Ник. <олаевна>. сказала ему: «Ты знаешь, Николай Степанович напоминает Бетнуара». Это было моей гибелью. Мережковский положил руки в карманы, стал у стены и начал отрывисто и в нос: «Вы, голубчик, не туда попали! Вам не здесь место! Знакомство с

Вами ничего не даст ни Вам, ни нам. Говорить о пустяках совестно, а в серьезных вопросах мы все равно не сойдемся. Единственное, что мы могли бы сделать, это спасти Вас, так как Вы стоите над пропастью. Но ведь это...» тут он остановился. Я добавил тоном вопроса: «дело неинтересное?» И он откровенно ответил «да», и повернулся ко мне спиной. Чтобы сгладить эту неловкость, я посидел еще минуты три, потом стал прощаться. Никто меня не удерживал, никто не приглашал.

В переднюю, очевидно из жалости, меня проводил Андрей Белый.

Теперь я боюсь идти и к Гилю.

Зато я нашел самый радушный прием у бывшего сотрудника «Весов» Щукина. У него я познакомился с Минским и, может быть, познакомлюсь и с Бальмонтом.

Теперь приступаю к самому главному. Несколько русских художников, живущих в Париже, затеяли издавать журнал, художественный и литературный. Так как среди них пишу я один, то они уговорили меня взять заведование литературной частью с титулом редактора-издателя. Его направление будет новое, и политика тщательно изгоняема. Он будет выходить еженедельно размером в один или два печатных листа. Его небольшой размер почти дает мне возможность надеяться избежать ошибок и неловкостей, которые могут произойти от моей неопытности.

Теперь, Валерий Яковлевич, если бы Вы могли дать нам что-нибудь свое — стихотворение, рассказ или статью, — Вы еще раз доказали бы свою бесконечную доброту ко мне. К несчастью, дело настолько молодое, что мы ничего не можем сказать о гонораре. Мы, его устроители, работаем совершенно бесплатно. Если же Вас смутит Ваше незнание идей журнала, то Вы могли бы, прислав что-нибудь, подождать первого номера и потом телеграммой известить меня, согласны Вы на помещение Вашего материала или нет. Таким образом не будет неприятной задержки.

Я с радостью увидел, что после этих месяцев усиленной работы над стилем прозы, у меня начинает выходить что-то почти удовлетворительное. У меня в голове начинают рождаться интересные сюжеты и обстановки для рассказов и повестей. Надеюсь, что недели через три я пошлю что-нибудь «прозаическое» для «Весов».

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

2 Гумилев. ПСС в 10 т. Т. 8

11. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 1/> 14 февраля 1907 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за книгу и за портрет. Я вчера был у Ваших родителей, и они были так добры, что показали мне две Ваши фотографические карточки. Так что я теперь имею довольно полное представление о Вашей наружности, и мне хочется, чтобы Вы имели такое же представление о моей. К сожалению, я не могу Вам прислать моей фотограф.<ической> карточки, потому что я почти никогда не снимался и чувствую инстинктивное отвращение к фотографии. Зато один мой знакомый художник обещал сделать мой портрет, и когда он будет готов, я его пришлю Вам. Относительно книги, меня удивляет, как Вы не получили моей открытки, которую я послал Вам тотчас же по получении ее. Многое оттуда я уже знал и любил, как напр.<имер>, «Респ.<ублику> Ю.<жного> Кр.<еста>» и «Теперь, когда я пр.<оснулся>». Из незнакомых мне больше всего понравились «Последние мученики», вещь удивительная по выполнению. Я даже думаю, базируясь на этой вещи, написать для нашего «Сириуса» статью о стильной прозе. Зато меня огорчило присутствие в книге «Мраморной головки». Зачем и как попал этот недурной рассказ в книгу, составленную из жемчужин, более или менее чистых, но всегда настоящих. Кстати, о нашем журнале «Сириус». Дня через три я посылаю Вам первый номер. Может быть, Вы найдете возможным что-нибудь о нем написать в «Весах».

Я сам прекрасно сознаю его многочисленные недостатки, маленький размер и случайность материала. Но первый номер не может быть боевым, чтобы не запугать большой публики. Потому что каждый журнал является учителем какого-либо отдельного мировоззрения, не единственно возможного и правильного, но только освещающего жизнь и искусство с новой, одному ему свойственной точки зрения. И поэтому надо, подобно философам Александрийской школы, исподволь приучать публику смотреть на вещи глазами редактора. Я надеюсь, что последующие номера яснее выразят наши намерения.

Теперь я должен оправдаться перед Вами в моей кажущейся лени, с которой я не присылаю в «Весы» ничего, кроме стихов. Но не забывайте, что мне только двадцать лет, и у меня отсутствует чисто техническое уменье писать прозаические вещи.

Идей и сюжетов у меня много. С горячей любовью я обдумываю какой-нибудь из них, все идет стройно и красиво, но когда я подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какофонией.

И я опять спешу в библиотеки, стараясь выведать у мастеров стиля, как можно победить роковую интерность пера.

Как раз в это время я работаю над старинными французскими хрониками и рыцарскими романами и собираюсь написать модернизированную повесть в стиле XIII или XIV века.

Вообще, мне кажется, что я уже накануне просветления, что вот-вот рухнет стена, и я пойму, именно пойму, а не научусь, как надо писать. И тогда я забросаю Вас рукописями.

Из стихов я тоже не могу прислать ничего нового. Благодаря моим работам по прозе, я пришел к заключению о необходимости переменить и стихотворный стиль по тем приемам, которые Вы мне советовали. И поэтому все мои теперешние стихи не более чем ученические работы.

Теперь позвольте Вас просить, когда у Вас будет время и охота, написать мне, какие мои вещи пойдут в «Весах», чтобы я мог направить остальные в другие места.

Я Вам бесконечно благодарен, что Вы не переменили своего мнения обо мне, как о человеке, и прислали мне такое милое письмо после отзыва г-жи Мережковской, наверно, очень недоброжелательного. И я надеюсь, что при нашем свидании, которое очень возможно, так как я думаю вернуться в Россию, я произведу на Вас менее несимпатичное впечатление. В противном случае это было бы очень грустно, потому что тогда совсем окончились бы мои сношения с моими учителями в деле искусства.

Простите за такое длинное письмо.

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

12. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 11/>24 марта 1907 <г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Только вчера я получил Ваше большое и милое письмо, где Вы разбираете мои стихотворения. Тысячу раз благодарю Вас за него: благодаря ему мои горизонты начинают проясняться, и я начинаю понимать, что мне надо делать, чтобы стать поэтом. Вы, наверное, не можете представить, сколько пользы принесло оно мне. Я последнее время сильно отвлекся от поэзии заботами о выработке прозаического стиля, занятьями по оккультизму и размышлениями о нем. Но Ваше письмо пробудило меня. Я поверил, что если я мыслю образами, то эти образы имеют некоторую ценность, и теперь все мои логические построения опять начинают облекаться в одежду форм, а доказательства превращаются в размеры и рифмы. Одно меня мучает и сильно — это мое несовершенство в технике стиха. Меня мало утешает, что мне только 21 год, и очень обескураживает, что я не могу прочитать себе ни одно из моих стихотворений с таким же удовольствием, как напр.<имер>, Ваши «Ахилл у алтаря», «Маргерит» и др.<угие> или «Песню Офелии» Ал.<ександра> Блока. Не радует меня также, что и <у> больших поэтов есть промахи, свойственные мне. Я не сравниваю моих вещей с чужими (может быть, во вред мне), я просто мечтаю и *хочу* уметь писать стихи, каждая строчка которых заставляет бледнеть щеки и гореть глаза. И если бы я не был адептом оккультизма, я вечно удивлялся бы случаю, который заставил Вас заинтересоваться моими стихами. Ваши стихи чаще всех других вызывают во мне эффект, о котором я мечтаю для своих. И некоторые Ваши строки как составная часть вошли не в мое миросозерцание (это было бы слишком мало), но в формулировку смутных желаний моего астрального тела и, следовательно, в мою истинную личность. Таковы, например:

«Пора помыслить о победе
Над темным гением судьбы».

Или

«Как нимб, любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя...
Блажен, кто ведал посмеяние
И стыд и гибель за тебя».

и другие.

Я много ожидаю от встречи с Вами, которая, может быть, скоро состоится, так как через месяц я думаю ехать в Россию и тогда постараюсь приехать дня на два в Москву.

Теперь, я надеюсь, Вы уже получили «Сириус». Если же нет, то напишите об этом одно слово, я высылаю его в *третий раз* и начинаю ссору с почтой. Если будет время и желание, напишите несколько слов, как Вы нашли мою прозу. Вам я открою инкогнито: Анатолий Грант — это я. Что же мне было делать, если у нас совсем нет подходящих сотрудников. Приходится хитрить, и истина об Анат.<олии> Гранте — тайна даже для моих компаньонов.

Я очень огорчен нашей художественной критикой, но, увы, я не свободен. Меня с моими компаньонами связывают прежде всего денежные счеты.

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

P.S. Слово, которое Вы не разобрали, было «мой лживый, нежный...».

13. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 1 мая 1907 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я не писал Вам почти два месяца, но в этом виноваты обстоятельства моей личной жизни, не дававшие мне времени заняться перепиской, а тем более литературой.

Как Вы видите по штемпелю, я уже в России и мой новый адрес: Царское Село, Конюшенная ул.<ица>, д. <ом> Белозерова.

К несчастью, я боюсь, что мне не удастся ехать в Москву, но если, благодаря какому-нибудь счастливому случаю, Вы будете в Петербурге, я надеюсь, что Вы не откажете мне сообщить, когда и где я смогу увидеть Вас. Опять за границу я думаю ехать в конце июня.

Я посылаю Вам три моих новых стихотворения, из которых два первых написаны по Вашим указаниям. Может быть, Вы возьмете что-нибудь для «Весов».

Простите меня за долгое молчание.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

P.S. Может быть, Вас не затруднило бы дать мне рекомендательное письмо к Ал.<ександру> Блоку, которого Вы, наверно, знаете. Его «Нечаянная Радость» заинтересовала меня в высшей степени.

Н.Г.

Влюбленная в дьявола

Кто был бледный и красивый рыцарь,
Что проехал на черном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожащем мерцаньи свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С заклинательной башни в наш дом,
И зачем был так суров и долог
Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, многого не знаю,
Я еще так молода,
Но я все же плачу и рыдаю,
И мечтаю всегда.

* * *

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал,
Я скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете — надменный павлин,
В час ненастья — внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно,
В дикой буре его сохранялась печать,
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудным покрыло земные пути,
Зажигало лиловым морскую волну...
Я не смел подойти и не мог отойти,
И не в силах был словом порвать тишину.

* * *

Слушай веления мудрых,
Мыслей пленительных танец,
Бойся у дев златокудрых
Нежный заметить румянец.

От непостижного скройся —
Страшно остаться во мраке.
Ночью весеннею бойся
Рвать заалевшие маки.

Девичьи взоры неверны,
Вспомни сказанья Востока,
Пояс на каждой пантерный,
Дума у каждой жестока.

Сердце пронзенное вспомни,
Пурпурный сок виноградин.
Вспомни, нет муки огромней,
Нету тоски безотрадней.

Вечером смолкни и слушай,
Грезам отдавшись беспечным.
Слышишь, вечерние души
Шепчут о нежном и вечном.

Ласковы быстрые миги,
Строго-высокие свечи,
Мудрые, старые книги
Знающих тихие речи.

Н. Гумилев

14. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 21 июля/3 августа 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Если бы Вы знали, как глубоко я сознаю мою вину перед Вами. После Вашего любезного приема, после всего, что Вы сделали для меня, не писать Вам в продолжение двух месяцев — это преступленье, которому нет равных. Но, честное слово, все это время я был по выражению Гофмана (не гоголевского ремесленника и не русского поэта, а настоящего, немецкого) игралищем слепой судьбы. Я думаю, что будет достаточно сказать, что после нашей встречи я был в Рязанской губернии, в Петербурге, две недели прожил в Крыму, неделю в Константинополе, в Смирне имел мимолетный роман с какой-то гречанкой, воевал с апашами в Марселе и только вчера, не знаю как,

не знаю зачем, очутился в Париже. В жизни бывают периоды, когда утрачивается сознанье последовательности и цели, когда невозможно представить своего «завтра» и когда все кажется странным, пожалуй, даже утомительным сном.

Все последнее время я находился как раз в этом периоде. Поэтому простите меня и напишите, как Вы обещали, о впечатлении, произведенном мною на Вас. Это будет более чем полезно для меня, потому что я не имею никакого понятия о самом себе. А то немногое, <что> я думаю об этом вопросе, так нелестно для меня, что всякое другое мнение способно привести меня в восторг. Это не скромность, и в минуты самонадеянности я объясняю это дурной привычкой всегда сравнивать себя с людьми, стоящими много выше меня. Поэтому помогите мне и теперь, как Вы помогали мне раньше в других вопросах.

Я собираюсь издать вторую книгу моих стихов, напечатав ее здесь и переслав для продажи в Россию. Для распространения ее там я думаю воспользоваться «Обществом распростр.<анения> печатных изд.<аний>», но если бы можно было устроить, чтобы за это взялся «Скорпион», как он это сделал для «Ор», то, конечно, я не просил бы ничего лучшего и заранее принял бы все условья. Я хотел бы знать, посоветуете ли Вы мне обратиться с этим к г<осподи>ну Полякову.

За последнее время я писал довольно много, и некоторые из моих стихов почти удовлетворяют меня. Я посылаю Вам одно не для печати, потому что оно скоро появится в сборнике, а из чисто ребяческого желания похвастаться своим прогрессом. Не осудите же меня за мой дурной вкус, и вспомните, что я считаю его недурным только *для меня*.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,

И смущались гордые трибуны,
И дрожали черные рабы.

А царица, наклоняясь с ложа,
Радостно играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Задыхаясь в несказанном блуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

И когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

P.S. Поклонитесь, пожалуйста, от меня m<onsieu>r Ликиардопуло, я с удовольствием вспоминаю нашу встречу.

Мой адрес: Paris, rue Bara, 1. Nicolas Goumileff.

15. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 2/15 августа 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше молчанье — совершенно справедливое возмездие для меня, но неужели оно продолжится вечно. Подумайте, что это может повергнуть меня в такое мрачное отчаянье, что я начну писать революционные стихи для «Перевала» и плагиаты-компиляции для «Золотого Руна». И на Вашу совесть ляжет гибель юноши.

Теперь я хочу привести основания, по которым Вы могли бы меня простить: во-первых, Вы сами написали мне два года назад, что я поэт, и я не настолько слеп, чтобы не видеть, что я делаю успехи с каждым годом. А ведь Вы переписываетесь со мной не как с человеком, который по несчастной случайности оказался невежливым по отношению к Вам, а как с молодым поэтом, который еще не имеет установившихся взглядов на искусство и каждую минуту может потерять веру в себя. Неужели за невольный грех человека Вы допустите погибнуть поэта?

Второе мое оправданье в том, что я люблю Вас. Если бы мы писали до Р.<ождества> Х.<ристова>, я сказал бы Вам: Учитель, поделись со мной мудростью, дарованной тебе богами, которую ты не имеешь права скрывать от учеников. В Средние Века я сказал бы: Maître, научи меня дивному искусству песнопенья, которым ты владеешь в таком совершенстве. Теперь я могу сказать только: Валерий Яковлевич, не прекращайте переписки со мной, мне тяжело думать, что Вы на меня сердитесь.

Свой сборник я раздумал издавать, во-первых, потому, что я не доволен моими стихами, а, во-вторых, их слишком мало. Подожду еще год, а там, может быть, найду издателя.

Поэтому я буду в восторге, если Вы пожелаете напечатать что-нибудь в «Весах». Теперь я посылаю Вам кое-что новое.

Не забывайте меня. Ваш Н. Гумилев.

Paris, rue Bara, 1.

Измена

Странный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я горел на небе
И что жизнь — чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.

Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце — пламя жгучего пожара,
В мускулах — безумье содроганий.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.

И нежданно в темном перелеске
Я увидел стройный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.

«Призрак счастья, белая невеста...»
Думал я, дрожащий и смущенный,
А она промолвила: «Ни с места».
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,
Я лежал, ее окован знаком,
И достался, как шакал, в добычу
Разъяренно-лающим собакам.

А она прошла за перелеском
Тихими, неслышными шагами,
Лунный луч кружился по подвескам,
Звезды говорили с жемчугами.

* * *

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом:

«Почему вы не пьете, друзья,
Этой первою полночью брачной?
Этой полночью радостен я,
Я — доселе жестокий и мрачный.

Все вы знаете деву богов,
Что владела богатою Смирной
И сегодня вошла в мой альков,
Как наложница, робкой и мирной.

Ее лилии были нежны
И, как месяц, печальны напевы.
Я не видел прекрасней жены,
Я не знал обольстительней девы.

И когда мой открылся альков,
Я, властитель, смутился невольно.
От сверканья ее жемчугов
Было взорам и сладко и больно.

Не смотрел я на бледность лица,
Не того мое сердце хотело,
Я ласкал, я терзал без конца
Беззащитное юное тело.

Вы должны позавидовать мне,
О, друзья дорогие, о братья,
Я услышал, сгорая в огне,
Как она мне шептала проклятья.

Кровь царицы, как пурпур, красна,
Задыхаюсь я в темном недуге,
И еще мне несите вина,
Нерадиво-ленивые слуги».

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом.

Диалог

(*между Одиссеем и Ахиллом*)

Одиссей

Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вместо доспехов — меха леопарда
С негой обвили могучие мускулы,
Чувствую запах не крови, а нарда.

Сладкими винами кубок твой полнится,
Тщетно вождя ожидают в отряде,
И завивает, как деве, невольница
Черных волос твоих длинные пряди.

Ты отдыхаешь под синими кущами,
Сердце безгневно и взор твой лилеен,
В час, когда дебри покрыты бегущими,
Поле — телами убитых Ахеян.

Каждое утро страдания новые,
Вот, я раскрыл пред тобою одежды,
Видишь, как кровь убегает багровая,
Это не кровь, это — наши надежды.

Ахилл

Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
Красная кровь Вас с землей не разлучит,
А у меня она страшная, черная,
В сердце скопилась и давит и мучит.

* * *

За часом час бежит и падает во тьму,
Но властно мой флюид прикован к твоему.

Сомкнулся круг навек, его не разорвать,
На нем нездешних рек священная печать.

Явленья волшебства — лишь игры вечных числ,
Я знаю все слова и их сокрытый смысл.

Я все их вопросил, но нет ни одного
Сильнее тайных сил флюида твоего.

Да, знанье — сладкий мед, но знанье ли спасет,
Когда закон зовет и время настает.

За часом час бежит, я падаю во тьму
За то, что мой флюид покорен твоему.

16. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 24 августа/> 6 сентября <1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я очень благодарю Вас за Ваше письмо; верьте, что я никогда бы не надоедал Вам так с просьбами об ответе, если бы это не было после нашего первого свиданья. Я серьезно боялся не понравиться Вам. Но теперь я готов писать Вам месяцами, не ожидая ответа.

Я в восторге от Вашей похвалы. Лучше действительно трудно похвалить поэта двадцати одного года. Но меня только удивило, что Вы взяли для «Весов» мою «Царицу Содома», стихотворение, которое я очень не люблю и которое может показаться неловким подражанием Вашему «Близ медлительного Нила, там где озеро Мерида...» (цитирую на память). Но, наверное, у Вас были основания поступить так, хотя я своими силами не могу догадаться о них. Так как Вы обещали написать мне вскоре, то я хочу задать Вам несколько вопросов.

Какого Вы мнения о моей «Влюбленной в Дьявола»? Вот стихотворение, которое многие находят лучшим из моих и которое мне не говорит ничего.

Потом, какое из моих стихотворений, присланных Вам этим летом и осенью, Вы считаете наиболее удачным? Ваш ответ поможет мне, наконец, разобраться в том, как *мне* надо писать стихотворения, до сих пор я понял только, *как* мне не надо их писать.

Очень благодарю Вас за письмо к Рене Гилю. Я пойду к нему через неделю, чтобы дать ему время получить Ваше письмо.

Недели две тому назад, «обуянный жаждой славы», я послал многие мои стихотворения в «Русскую мысль», «Перевал» и «Русь», приложив марки на ответы, но, увы, ответил только «Перевал». Он взял моего злополучного «Крокодила» и «Измену». «Русская мысль» и «Русь» хранят гробовое молчание.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы указали мне журналы или газеты, где я имел бы шанс быть напечатанным. Недели <через> две после нашей встречи я опять был в Москве и заходил к Вам, но не застал Вас дома.

Посылаю Вам еще два стихотворения.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

... Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно-мерцающем взоре?
... Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль... величавей, смелее
Не видали над бездной морской,
Колебались высокие реи,
Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Изумрудно-блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,

Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает
О безумной предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки,
Точно сны, улетая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В отуманенном взоре твоем.

* * *

С корабля замечал я не раз,
Над пучиной, где солнце лучится,
Как рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немым океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные, белые крылья.

И когда заглянул я в твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я увидел в нем тот же позор,
Тот же ужас измученной птицы.

17. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 10/23 сентября 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за письмо и за указания относительно печатанья. Я буду очень рад помещать мои вещи в «Столичное Утро» и думаю, что для стихов и рассказов направление газеты мало играет значенья. Только Вы предлагаете передать туда стихотворение «С корабля», а оно было в числе без вести пропавших в таинственных глубинах редакции «Русь», из которой я не получил ни одного слова. Я сегодня же напишу туда, а пока, может быть, Вы найдете возможным, передавая в «Столичное утро» стихотворение «Что ты видишь...», прибавить какое-нибудь другое мое стихотворение, напр.<имер>, «Юный маг», «Перчатка», «Ахилл и Одиссей», «Влюбленная в Дьявола» или что-нибудь из настоящей присылки. Нельзя ли также устроить, чтобы мне высылали номера, где будут напечатаны мои вещи. Простите меня еще раз, что я так эксплуатирую Вашу доброту.

Я совершенно не помню, благодарил ли я уже редакцию «Весов» за гонорар, а Мих.<аила> Феод. <оровича> Ликиардопуло за любезное письмо. Но последнее время я был болен и в разъездах, обе вещи в одно время, так что не очень смейтесь моей забывчивости.

Теперь я в русской литературе, как в лесу, получаю только одни «Весы», да и то с большим запозданием через мою семью. Поэтому я был бы более чем в восторге, если бы «Весы» могли отправлять мне в счет будущего гонорара (как с них, так и со «Столичного утра») самые крупные новинки, напр.<имер>: Цветник Ор, Эме Лебеф и т.п. Но я боюсь, что это будет очень затруднительно.

Последнее время я опять с вожделением подумываю о прозе и все собираюсь написать рассказ. Если будет хоть какая-нибудь возможность, я пришлю его Вам.

Пока посылаю Вам два новых стихотворения, но кажется, очень неудачные. Но я утешаю себя тем, что я решительно не способен отдать себе отчет в достоинствах или недостатках своих стихов прежде, чем я услышу чье-нибудь мнение о них. А в Париже у меня нет никого, способного оказать мне эту услугу.

Пока всего хорошего; еще раз благодарю Вас за Ваше доброе отношение ко мне; верьте, что я понимаю его важность, и это очень ободряет меня в моей работе.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Неправда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

Ее глаза светилися изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови...»

По деревням собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные безжалостные плети.

***

За стенами старого аббатства
— Мне рассказывал его привратник —
Что ни ночь творятся святотатства:
Приезжает неизвестный всадник,

В черной мантии, большой и неуклюжий,
Он идет двором, сжимая губы,
Медленно ступая через лужи,
Пачкает в грязи свои раструбы.

Отодвинув тяжкие засовы,
На пороге суетятся духи,
Жабы и полуночные совы,
Колдуны и дикие старухи.

И всю ночь звучит зловещий хохот
В коридорах гулких и во храме,
Песни, танцы и тяжелый грохот
Сапогов, подкованных гвоздями.

Но на утро в диком шуме оргий
Слышны крики ужаса и злости.
То идет с мечом святой Георгий,
Что иссечен из слоновой кости.

Видя гневно сдвинутые брови,
Демоны спасаются в испуге,
И наутро видны капли крови
На его серебряной кольчуге.

Н. Гумилев.

18. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 19 сентября/> 2 октября <1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

С моей прозой дело как-то не выходит, но зато стихи так и сыпятся. Сегодня посылаю Вам четыре новых. Если Вы захотели бы сохранить что-нибудь для «Весов» или «Столичного утра», то напишите мне об этом, потому что огонь моей предприимчивости еще не погас, и я собираюсь писать все в новые и новые журналы.

В «Русь» я писал недели две тому назад и не получаю никакого ответа, несмотря на приложенную марку. Я решительно не знаю, что мне думать. Я все хвораю и настроение духа самое мрачное, вот почему я не был до сих пор у Ренэ Гиля. Но я боюсь, что не хватит места для стихов, и поэтому кончаю.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. За что меня больше не печатают в числе сотрудников «Весов»? Неужели я изгнан? Тогда почему же Георгий Чулков не написал мне приветственного письма.

Н.Г.

* * *

Дня и ночи перемены
Мы не в силах превозмочь!
Слышишь дальний рев гиены,
Это значит — скоро ночь.

Я несу в мои пустыни
Слезы девичьей тоски,
Вижу звезды, сумрак синий
И сыпучие пески.

Лев свирепый, лев голодный,
Ты сродни опасной мгле,
Бродишь, Богу неугодный,
По встревоженной земле.

Я не скроюсь, я не скроюсь
От грозящего врага,
Я надела алый пояс,
Дорогие жемчуга.

Я украсила брильянтом
Мой венчальный белый ток
И кроваво-красным бантом
Оттенила бледность щек.

Подойди как смерть, красивый,
Точно утро молодой,
Потряси густою гривой,
Гривой светло-золотой.

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Ласку смерти приготовь,
Дай услышать страшный запах
Темный, пьяный, как любовь.

Это тело непорочно
И нетронуто людьми,
И его во тьме полночной
Первый ты теперь возьми.

Как куренья дышут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

* * *

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На цветы и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно омочила
В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца
Заменилась тенью белой
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалека наплывают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Точно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

* * *

(Это стихотворение может служить продолжением предыдущего).

На камине свеча догорала, мигая,
Отвечая дрожанием случайному звуку,
Он, согнувшись, сидел на полу, размышляя,
Долго ль можно терпеть нестерпимую муку.

Вспоминал о любви, об ушедшей невесте,
Об обрывках давно миновавших событий
И шептал: «О, убейте меня, о, повесьте,
Забросайте камнями, как пса задавите!»

В набегающем ужасе странной разлуки
Ударял себя в грудь, исступленьем объятый,
Но не слушались жалко повисшие руки
И их мускулы дряблые, словно из ваты.

Он молился о смерти... навеки, навеки
Успокоит она, тишиной обнимая,
И забудет он горы, равнины и реки,
Где когда-то она проходила, живая.

Но предателем сзади подкралось раздумье,
И он понял: конец роковой самовластью:
И во мраке ему улыбнулось безумье
Лошадиной оскаленной пастью.

* * *

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера —
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно взглянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни,
Со стеклянным, выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в свою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь над собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть.
Целовать со злобой бесконечной,
Ты не сможешь двинуться иль крикнуть.
...Это все! И это будет вечно!

Н. Гумилев.

19. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 23 сентября/6 октября 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера получил Ваше письмо и уже написал Р. Гилю. Сегодня получу ответ, если выбранный мною день для визита ему не понравится. Я Вам очень благодарен, что Вы мне сообщили о бойкоте «Столичного утра». Хотя я совершенно не знаю обстоятельств дела, я заранее присоединяюсь к Вашему мнению и так же не желал бы быть напечатанным в «Ст. <оличном> утре». Таким образом выходит, что я бойкотировал уже два издания — «Утро» и «Руно». Недурно на начинающего писателя! Но правдива была старая истина, гласившая, что «поднявший меч от меча погибнет». Я тоже бойкотирован «Русью», которая, напечатав мои стихи, упорно не хочет ответить мне на мои письма. Забудьте мою просьбу присылать мне книги в счет будущего гонорара. Во-первых, может выйти путаница, а во-вторых, я буду получать новые книги через моих петербургских знакомых. «Весы» я получаю все время и еще на днях прочитал их 8-й номер.

Я не хотел Вам говорить что-нибудь об «Огненном Ангеле», но теперь не могу удержаться, чтобы не написать Вам хоть незначительную часть того, что я об нем думаю: прежде всего, мне трудно припомнить что-нибудь равное ему по продуманности и гармоничной четкости и краткости линий, разве только Роденовскую «Данаиду» из Люксембургского музея. Во-вторых, признак вещи, создающей эру, она кажется каждому его собственной биографией (действительной или возможной, все равно), и я уже встречал людей, говоривших: «Я, как Рупрехт...». Я мог бы написать и «в-третьих» и «в-четвертых», но, верный моему обещанию, кончаю.

Теперь относительно поэтов: насколько мне понравились мои соседи В. Гофман и Садовский, особенно последний, настолько меня неприятно удивили Соловьев и Тарасов. О Сологубе, конечно, не мне писать.

Соловьев крайне неотчетлив; его мысли и образы напоминают шепелявящих детей, и, прочтя все шесть страниц его стихов, с трудом соображаешь, что он говорил о какой-то девушке, но *что*, как и зачем, это ускользает даже от внимательного читателя. Где же новизна

рифм, обдуманность сравнений и умелая расстановка слов, о которых я читал в Вашей рецензии? Неужели «звенящая тишина» и «родимый лес». Грустно! А я уже любил Соловьева за его переводы из Шиллера.

Тарасов слишком откровенно воспользовался Вашими «Грядущими Гуннами», так что о нем и говорить не приходится. Я ничего не имею против «заимствований» (по выражению Твеновского Финна-отца), но наивно, позаимствовав картину, обмазывать ее дегтем, чтобы не узнали. Простите меня за резкость, но как нарочно стихотворение «Грядущие Гунны» — одно из моих любимейших, и «...мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери...».

После таких строгих замечаний мне стыдно посылать Вам мое новое стихотворение, которое несомненно, как и все, что я пишу, хуже соловьевских, но по старой привычке отнимать у Вас нужное Вам время, я все-таки делаю это.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

На горах розовеют снега,
Я грущу с каждым мигом сильней,
Для кого я сбирал жемчуга
В зеленеющей бездне морей?!

Для тебя ли? Но ты умерла,
Стала девой таинственных стран,
Над тобою огнистая мгла,
Под тобою лучистый туман.

Ты теперь безмятежнее дня,
Белоснежней его облаков,
Ты теперь не захочешь меня,
Не захочешь моих жемчугов.

Но за гранями многих пространств,
Где сияешь ты белой звездой,

В красоте жемчуговых убранств,
Как жених я явлюсь пред тобой.

Расскажу о безумной борьбе,
О цветах, обагренных в крови,
Расскажу о тебе и себе
И о нашей жестокой любви.

И на миг забывая покой,
Ты припомнишь закат и снега,
И невинной прозрачной слезой
Ты унизишь мои жемчуга.

Н. Гумилев.

20. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 26 сентября/> 9 октября <1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Никогда еще в жизни я не показывал себя таким бессовестным, как я это сделаю сейчас. Именно: я прошу Вас написать мне хоть самую маленькую открытку, но сейчас. Чем скорее я получу Ваш ответ, тем скорее я успокоюсь. Дело вот в чем: около месяца тому назад я послал в «Золотое Руно» три моих стихотворения, а на другой же день получил Ваше письмо, где Вы просите меня не делать этого. Тотчас же я послал в «Золотое Руно» извинения за беспокойство и просьбу предать дело о моем сотрудничестве забвению. Все это было месяц тому назад, и я перестал даже и думать о «Золотом Руне», как вдруг вчера я получаю оттуда письмо, копию с которого я пересылаю Вам. Из него ясно видно, что г<осподи>н Рябушинский получил мои извинения, но внимания им не придал. Теперь передо мной большая дилемма, разрешить которую можете только Вы. С одной стороны, мне как писателю молодому и неизвестному хотелось бы печататься возможно больше и по собственной инициативе я не могу гнушаться журналом, где пишут Ал.<ександр> Блок, Вяч.<еслав> Иванов, Ф. Сологуб, К. Бальмонт и др., особенно

после такого более чем любезного приглашения. С другой стороны, Ваш выход из него и Ваше предупреждение останавливают меня согласиться. И вот, следуя совету Ренэ Гиля, прежде чем ответить что-нибудь Рябушинскому, я пишу Вам, чтобы узнать, как Вы советуете мне поступить. Если Вы найдете нужным повторить Ваш совет, поверьте, я ни на минуту не подумаю упрекать Вас, наоборот, я буду спокоен, отказывая Рябушинскому. Я уже как-то писал Вам, что я отдал в Ваши руки развитье моего таланта, и теперь опять очень прошу Вас высказать Ваше мнение, которое будет решающим.

Сегодня я был у Гиля, и он мне понравился без всяких оговорок. Это энергичный, насмешливый, очень тактичный и действительно очень умный человек (я описываю здесь только его внешние качества, а внутренние знакомы Вам много больше, чем мне). Со мной он был крайне приветлив с каким-то особенным оттенком дружеской фамильярности, что сразу сделало нашу беседу непринужденной. Вообще, я был совершенно не прав, когда боялся к нему идти, и теперь знаю, что французские знаменитости много общежительнее русских (Вы знаете, о ком я говорю).

За последнее время по еженедельному количеству производимых стихотворений я начинаю приближаться к Виктору Гюго. Кажется, попадаются недурные (для меня, конечно). Я посылаю Вам два.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Царица, иль, может быть, только печальный ребенок,
Она наклонялась над сонно вздыхающим морем,
И стан, перехваченный шалью, казался так тонок.
Он тайно стремился навстречу сверкающим зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица.
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины,
Чтоб ехать к серебряным замкам влюбленного принца.
Они предлагали свои изумрудные спины.

Но голос хрустальный казался особенно тонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо».

Царица, или, может быть, просто капризный ребенок,
Усталый ребенок с тяжелою мукою взгляда!

* * *

Я вижу, сегодня особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв,
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его испещряет волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его строен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран,
Про черную деву, про страсть молодого вождя...
Но ты слишком много вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь?.. Послушай: далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Н. Гумилев.

Копия письма Н.П. Рябушинского

М.<илостивый> Г.<осударь>

Простите, что не знаю Вашего имени, отчества, но с благодарностью пишу Вам. Ваша поэзия уже знакома мне из «Весов» и вызывает общее внимание. Хотел писать Вам, но Вы предупредили меня

любезной присылкой стихотворений. Надо быть искренним и честным: в Вашем стихотворении прелестные образы, в нем есть нечто родственное нашим стремлениям. Поэтому я с радостью помещаю Ваше имя в числе сотрудников «Золотого Руна». Стихотворения Ваши будут напечатаны в следующем номере журнала и уже набраны к печати.

На днях буду в Париже, очень интересно было бы повидаться с Вами лично и поговорить о Вашем дальнейшем сотрудничестве. Может быть, Вы пришлете нам еще другие беллетристические произведения.

В ожидании Вашего ответа остаюсь Вас искренне уважающий Николай Рябушинский.

21. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. Середина октября (н.ст.) 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень Вас благодарю за письмо и за высказанное Вами мнение. Я думаю поступить следующим образом: из нелюбви к кляузам, я не думаю требовать у г-на Рябушинского приостановки номера или исключения из него моих стихов. Но не буду также и посылать что-нибудь новое или вступать в переписку с этой редакцией, так что, как видите, фактически я не буду его сотрудником. В общем, мне не повезло, когда я появился со своими стихами на книжный рынок. «Нива», «Правда» и «Русь» вовсе не ответили мне на мои вопросы о принятии моих стихов. Относительно «Перевала» я не знаю ничего. Вы, наверное, его читаете и, может быть, сообщите мне, когда там появятся мои стихи. Очень благодарю Вас за любезное предложение устроить меня в «Столичное утро» и «Голос Москвы». Я посылаю Вам для них стихи, которые, во-первых, безусловно свободны, а во-вторых, которые я не думаю переделывать и считаю поконченными (далеко не то же, что законченными).

Быть может, также для какого-нибудь из этих изданий понадобятся рассказы (отвлеченного характера, без русских фамилий), у меня есть кое-что в этом роде.

Я посылаю Вам сейчас четыре новых стихотворения, кажется, Вам еще неизвестных. Они свободны. Свободны также из находящихся у Вас следующие: 1) Гиена, 2) Святой Георгий, 3) Я смотрю на закат и снега..., 4) Усмехнулась и вздохнула..., 5) Безумье (с лошадиной мордой), 6) Под землей есть тайная пещера, 7) Царица или Ребенок и многие другие, но я надеюсь, что это более чем довольно. Может быть, напишете, что Вы оставляете за собой.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

Следом за Синдбадом-Мореходом
В дальних странах я сбирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же...
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,
Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью, —
В сердце гибель загорелась снами,
Я — как мальчик, схваченный любовью
К девушке, закутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенный взором,
Отлетая, распускает крылья.

* * *

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Накормил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стало тихо тишиной виденья,
Красноватым пламенем лампадка
Освещала только часть строенья.

Что там? Или это только тряпки,
Жалкие ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
Кажется мучительно знакомо
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома?

...Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
И не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.

* * *

Видишь, мчатся обезьяны
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,

Слышишь шорох многих ног?
Это значит — близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,
Слышишь топот... Нет сомненья,
Если даже буйвол сонный
Отступает глубже в грязь.
Но в нездешнее влюбленный,
Не ищи себе спасенья,
Убегая и таясь.

Встреть спокойно носорога,
Как чудовищного бога,
Посреди лесного храма
Не склони к земле лица,
Если страсть твоя упряма,
Не закрадется тревога
В душу смелого жреца.

Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далеко уведут...
...И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут.

* * *

Неслышный, мелкий падал дождь,
Вдали чернели купы рощ,
Я шел один средь трав высоких,
Я шел и плакал тяжело,
И проклинал творящих зло,
Преступных, гневных и жестоких.

И я увидел пришлеца:
С могильной бледностью лица
И с пересохшими губами,
В хитоне белом, дорогом,
Как бы упившийся вином,
Он шел неверными шагами.

И он кричал: «Смотрите все,
Как блещут искры на росе,
Как дышут томные растенья,
И Солнце, золотистый плод,
В прозрачном воздухе плывет,
Как ангел с песней Воскресенья.

Как звезды, праздничны глаза,
Как травы, вьются волоса,
И нет в душе печалям места
За то, что я убил тебя,
Склоняясь, плача и любя,
Моя царица и невеста».

И все сильнее падал дождь,
И все чернели купы рощ,
И я промолвил строго-внятно:
«Убийца, вспомни Божий страх,
Смотри: на дорогих шелках
Как кровь алеющие пятна».

Но я отпрянул, удивлен,
Когда он свой раскрыл хитон
И показал на сердце рану.
По ней дымящаяся кровь
То тихо капала, то вновь
Струею падала по стану.

И он исчез в холодной тьме,
А на задумчивом холме

Рыдала горестная дева,
И я задумался светло
И полюбил творящих зло
И пламя их святого гнева.

Н. Гумилев.

22. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 14/27 октября 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас, перечитывая Ваше последнее письмо, я увидел, что Вы хотели бы иметь новые списки моих стихов для редакций. Сперва я прочитал слово «списки», как слово «стихи». Сейчас я посылаю Вам три новых и два уже известных Вам и буду очень благодарен, если Вы, по Вашему любезному предложению, выберете что-нибудь для упомянутых Вами газет. Я слышал, что в Петербурге начинается новый журнал «Луч» при участии Блока и Сологуба. Если это что-нибудь интересное, то, пожалуйста, когда будете писать мне, напишите его адрес, я бы, может быть, подписался. Я пишу очень много, но начинаю бояться, что я приближаюсь к парнассизму, от которого Вы меня предостерегали в Москве. Но, во всяком случае, это не плод теорий, а, может быть, просто временное умственное затемнение. Я им пользуюсь, чтобы работать над формой.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

В красном фраке с галунами,
Надушенный, встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки мерные оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И металися по зале,
И роняли бриллианты.

К золотым спускались рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закружившись вкруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

* * *

От кормы, изукрашенной красным,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненьи опасном
С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни
Они спорят, храбрясь и бледнея,
И вполголоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами
На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов: это голос Помпея,
Окруженного стаей голубок.
Он кричит: «Эй, собаки, живее!
Где вино, - ысыхает мой кубок».

И над морем седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые длинные ногти.

И, оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

* * *

Приближается к Каиру судно
С красными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос, гортанный и резкий,
На снастях видны смуглые лица,
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их смуглые тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи,
Они всех выше,
И им виднее.

Аисты — воздушные маги.
Им многое ясно и понятно,
Почему у одного бродяги
На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

* * *

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Неправда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

Ее глаза светилися изменой,
Носили смерть изогнутые брови,

Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови».

По деревням собаки выли в страхе,
В домах рыдали маленькие дети,
И хмурые готовили феллахи
Свистящие, безжалостные плети.

* * *

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И в последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно омочила
В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца
Заменилась тенью белой
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалека набегают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Точно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

Н. Гумилев.

23. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 17/>30 ноября <1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, что я так долго не писал Вам, я сам чувствую, что плохо плачу Вам за Ваше хорошее отношение ко мне. Но за последнее время я имел массу хлопот, был в России (между прочим, проездом в Киеве сделался сотрудником «В мире искусств») и по приезде в Париж принялся упорно работать над прозой. Право, для меня она то же, что для Канта метафизика, но теперь, наконец, я написал три новеллы и посвященье к ним, все неразрывно связанное между собою. Наверное, завтра я пошлю их Вам заказным письмом. Нечего и говорить, что я был бы в восторге, если бы Вы согласились напечатать их в «Весах», но, по правде сказать, я едва надеюсь на такую честь. Поэтому не бойтесь обескуражить меня отказом, я к нему уже подготовлен и приму его за должное, но, если возможно, ответьте поскорее, берете ли Вы эти новеллы или нет. Тогда я предложу их в другое место, а по романическим причинам мне хочется видеть их напечатанными возможно скорее. Но, конечно, если их возьмут «Весы», я готов ждать хоть год. Они имеют вид миньятюр и в печати возьмут все вместе не более шести, семи страниц.

Но если эти новеллы покажутся Вам вообще плохими или подражательными, то, может быть, Вы с Вашей обычной добротой не откажетесь откровенно сказать мне это, и я предам их забвенью, как некогда «Шута короля Батиньоля». Я знаю, что мне надо еще очень много учиться, но я боюсь, что не сумею сам найти границу, где кончаются опыты и начинается творчество. И теперь моя высшая литературная гордость — это быть Вашим послушным учеником как в стихах, так и в прозе.

Я продолжаю писать и стихи, но боюсь, что мои последние вещи не показывают никакого прогресса. Впрочем, я возлагаю большие надежды на Рождество, когда у Вас, может быть, найдется время и желанье написать мне письмо вроде одного из прошлогодних, где на примере моих же стихов укажете мне, на какие приемы письма я должен обратить особенное внимание и какие недостатки уничтожить. Сейчас посы-

лаю Вам два самых последних стихотворения; из них первое я послал в «Ниву» и жду ответа, второе свободно, и я не имею на него пока никаких планов.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И — кто поймет намек священной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали,
Изящный лоб белей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.

И щеки, розоватый жемчуг юга,
Сокровище немыслимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Сплетаяся в молитвенном экстазе.

У ног ее две черные пантеры
С отливами змеиными на шкуре,
Над скалами, где кроются пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны,
Пускай сирокко носится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

Любовникам

Печаль их душ родилась возле моря
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец... Страннее и суровей
Едва ль была мужская красота,
Спокойный взор, сомкнутые уста
И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью,
Великий жрец творил святой обряд,
И танцы гибких трепетных наяд
По берегу вились жемчужной цепью.

Из всех одной, пленительней, чем сказка,
Великий жрец оказывал почет.
Он позабыл, что красота влечет,
Что опьяняет красная повязка.

И звезды предрассветные мерцали,
Когда забыл великий жрец обет,
Ее уста не говорили «нет»,
Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли из тьмы священных рощ
Туда, где их сердец исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью.

Н. Гумилев.

P.S. Не откажите упомянуть в письме, были мои вещи в «Золотом Руне» и какие? Так же в моск. <овских> газ. <етах> благодаря Вам?

Н.Г.

24. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. Между 2 и 6 декабря (н. ст.) 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Еще несколько необходимых слов по поводу моих новелл. Мне кажется, что их надо печатать все разом, потому что они дополняют одна другую. Но, конечно, сделайте, как решите сами. Если у Вас не будет времени прочесть их самому, может быть, Вы их передадите лицу, заведующему вообще чтеньем всех рукописей, присылаемых в «Весы». Все поправки и измененья я заранее принимаю с благодарностью. У меня есть три стихотворения, род серии, на африканские мотивы. Два из них, «Жирафа» и «Носорога», Вы знаете. Не посоветуете ли Вы мне какой-нибудь альманах, куда я мог бы послать их все вместе. Если да, то сообщите, пожалуйста, и его адрес. А то в Париже я совсем отстал от русской жизни.

Кстати, «Носорог» будет называться:

Встреча Смерти.

барабанный бой племени Бурну

Чтобы заполнить место, посылаю Вам и третье в таком же роде. Прочитайте как-нибудь в совсем свободное время, потому что оно довольно длинное. Мне так совестно, что я отнимаю у Вас столько времени стихами и письмами.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

На таинственном озере Чад
Повисают, как змеи, лианы,
Разъяренные звери рычат
И блуждают седые туманы.
По лесистым его берегам
И в горах у зеленых подножий
Поклоняются странным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

* * *

Я была женой великого вождя,
Дочь любимая властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала тайну древнего обряда.
Взор мой был бесстрашен, как стрела,
Груди трепетные звали к наслажденью,
Я была нежна и не могла
Не отдаться заревому искушенью.

* * *

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем,
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.

Он сказал, что я красива,
И красу мою стыдливо
Я дала его губам,
И безумной знойной ночью
Мы увидели воочью
Счастье, данное богам.

* * *

Муж мой гнался с верным луком.
Пробегал лесные чащи,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам,
И достался смертным мукам;
...Видел только день палящий

Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

* * *

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груде
Шкур пантерных и тканей восточных,
Я, как птица, неслася на север,
Я, играя, ломала мой веер,
Ожидая восторгов полночных.

Я раздвинула гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклонялась в оконце...
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

* * *

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно скучная любовница,
Точно вещь, я брошена в Марселе.

Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы спать, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами
И они, смеясь, владеют мною.

Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом потухает...
Умереть?! Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.

Н. Гумилев.

25. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 24 ноября/7 декабря 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Перебирая старые бумаги, в одном из Ваших прошлогодних писем я нашел следующие фразы: «говорю Вам, что мне очень бы хотелось, чтобы Вы стали нашим постоянным вкладчиком: присылайте... стихи, рассказы, статьи, заметки о книгах...». Кроме того, я помню, что в прошлом году Вы просили меня написать впечатленье от выставки Дягилева. Но, подобно строптивому сыну Евангелья, я долго, почти год, молчаливо отказывался, до такой степени я ненавидел мои *многочисленные* попытки писать прозой. И вот только недавно, не более месяца, я попробовал писать рассказ (3-ью новеллу о Кав.<альканти>) и не покраснел и не почувствовал прежней жгучей ненависти к себе. С того дня я начал писать много и часто и думаю, что мог бы продолжать, если бы меня не мучила мысль, что мое «довольство» собой происходит только от притупленья моего художественного чутья.

Дней пять тому назад я послал Вам новеллы, сегодня посылаю впечатленья новой русской выставки. Теперь я мог бы исполнить Вашу просьбу и в неограниченном количестве присылать Вам и статьи, и рассказы, и пр. Но насколько моя проза годится для «Весов», я думаю, Вы можете судить по двум образцам. Может быть, они Вас не удовлетворят по каким-нибудь легко устранимым причинам, и в принципе будет решено, что моя проза имеет шанс пройти в «Весы». Если же она Вас не удовлетворит совсем, то, ради Вашей веры в мое будущее (Вы мне писали об ней), прошу Вас, сообщите мне это совершенно откровенно. Я буду, как прежде, писать только стихи.

Еще раз прошу Вас, если Вы заняты, не читайте сами моей статьи и не отвечайте мне, а передайте ее редактору, как и все присылаемые рукописи, и, может быть, г<осподи>н Ликиардопуло возьмет на себя труд ответить мне о ее судьбе.

Простите меня за такую канонаду писем, но ведь она совсем не обязывает Вас отвечать на нее. Я верю в Ваше расположение ко мне и знаю, что когда будет можно, Вы напишете.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

26. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 3/> 16 декабря <19>07 <г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас получил № «Раннего утра» с моей «Гиеной» и очень благодарю Вас за напечатание ее. Сама газета мне показалась симпатичной, но я настолько наивен в делах политики, что так и не понял, какого она направления. Но, кажется, «приличного», единственного, которому я теперь сочувствую.

На русской выставке, о которой я писал в «Весы», я познакомился с Рёрихом и княг.<иней> Тенишевой. Теперь я все собираюсь пойти опять к Ренэ Гилю, его пятницы уже начались. Я пойду, наверно, вместе с Nicolas Denicer — молодым французским поэтом, моим приятелем. Вы об нем, наверно, уже читали в статье для «Весов» Ренэ Гиля.

Сам я все это время сильно нервничаю, как Вы можете видеть по почерку. Пишу мало, читаю еще меньше. Часто хожу в Jardin des Plantes и там кормлю хлебом тибетских медведей. Кажется, они уже узнают меня. Неправда ли, это стоит прошлогоднего календаря камергера Альвинга из «Привидений» Ибсена.

На всякий случай, если Вы захотите напечатать еще что-нибудь мое, я посылаю Вам два из моих старых стихотворений, заново переписанных. Кстати, не беспокойтесь, пожалуйста, мне присылать №№ с моими стихами. Наверное, это затрудняет Вас, а мне достаточно знать, что такое-то стихотворение есть или будет напечатано. Зато меня интригует «Золотое Руно». Там лежат три моих стихотворения, из которых два я очень люблю, и я не знаю, напечатаны они или нет. Если да, то сообщите мне об этом, когда будете писать. Еще раз благодарю Вас за память.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

P.S. За последнее время я много занимался теорией живописи, а отчасти и театра, читал, посещал выставки и говорил с артистами. Результаты Вы можете видеть в моем письме о «Русск. <ой> Выст. <авке>». Если оно Вас удовлетворяет, может быть, Вы сможете мне указать какой-нибудь орган, хотя бы «Ранн.<ее> Утро», где я мог бы писать постоянные корреспонденции о парижских выставках и театрах. Этим Вы оказали бы мне еще раз большую услугу.

Н.Г.

* * *

Приближается к Каиру судно
С длинными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос, гортанный и резкий,
На снастях видны смуглые лица,
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их тонкие тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи,
Они всех выше
И им виднее.

Аисты — воздушные маги,
Им многое ясно и понятно,
Почему у одного бродяги
На щеках зловещие пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

* * *

Как труп, бессилен небосклон,
Земля — как уличенный тать,
Преступно-тайных похорон
На ней зловещая печать.

Ум человеческий смущен,
В его глубинах — черный страх,
Как стая траурных ворон
На обессиленных полях.

Но где же солнце, где луна?
Где сказка — жизнь и тайна — смерть?
И неужели не пьяна
Их золотою песней твердь?
И неужели не видна
Судьба, их радостная мать,
Что пеной жгучего вина
Любила смертных опьянять.

Напрасно ловит робкий взгляд
На горизонте новых стран,
Там только ужас, только яд,
Змеею жалящий туман.
И волны глухо говорят,
Что в море бурный шквал унес
На дно к обителям наяд
Ладью, в которой плыл Христос.

Н. Гумилев.

27. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 13/>26.12.<19>07<г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за «Пути и перепутья», которые я получил сегодня. Особенно рад я был прочитать стихи из «Tertia Vigilia», которую я давно и тщетно искал и в книжных магазинах, и у знакомых.

Но мне хотелось бы лучше ориентироваться в истории развитья Вашего творчества, и поэтому я решаюсь задать Вам нескромный вопрос, а именно, сколько Вам лет теперь. Тогда бы я вычислил, скольких лет написали Вы то или другое стихотворенье, и знал бы, на что смогу

надеяться в будущем я. Может быть, это смешно, но я все утешаю себя в недостатках моих стихов, объясняя их моей молодостью.

Несмотря на мой сплин, я все-таки написал недавно два стихотворения и неуклонно посылаю их Вам.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Волшебная скрипка

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси о недоступном, есть различные миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры.

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
Тот навек погиб для счастья, для ласкающих лучей.
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь, ты замедлишь, и на миг прервется пенье,
Тотчас бешеные волки устремятся на тебя.
И запрыгают, завоют в кровожадном исступленье,
Белоснежными зубами кости крепкие дробя.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше... Здесь не встретишь ни веселий, ни сокровищ...
Но я вижу — ты смеешься... Эти взоры — два луча!
... На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ,
И погибни страшной смертью, черной смертью скрипача!

* * *

Нас было пять... Мы были капитаны,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекие загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей,
Нам нравились зияющие раны,
И зарево, и жалкий треск снастей.

Наш взор являл туманное ненастье,
Что можно видеть, но понять нельзя,
И после смерти наши привиденья

Поднялись, как подводные каменья,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

Н. Гумилев.

28. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 19 декабря 1907 г./1 января 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас получил Ваше письмо и спешу поблагодарить Вас за Ваше вниманье ко мне. Меня крайне обрадовало, что моя замет<к>а о выставке принята Вами для «Весов». Ведь это моя первая напечатанная проза, потому что «Сириуса» считать нельзя.

Все это время я читал «Пути и Перепутья», разбирал каждое стихотворение, — специальную мелодию и внутреннее построение, и мне кажется, что найденные мною по Вашим стихам законы мелодии очень помогут мне в моих собственных попытках. Во всяком случае, я понял, как плохи мои прежние стихи и до какой степени Вы были снисходительны к их недостаткам.

Кончаю письмо, чтобы не отнимать у Вас дальше времени, но все-таки посылаю Вам два новых стихотворенья. Это обратилось у меня в привычку, и, быть может, Вы найдете удобным воспользоваться ими для какого-нибудь изданья.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны,
Где безумье и ужас от века застыли на всем,
Где гора в отдаленьи казалась взъерошенным псом,
И клокочущей черною медью кипели вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,
Закружились, встревоженным воем приветствуя день.

Был испуг ожиданья.

И в терновом венке, под которым сочилася кровь,
Вышла тонкая девушка в голубоватом сияньи
И серебряным плугом упорную взрезала новь...
Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.

Это было спасенье.

Renvoi*

Еще ослепительны зори,
И перья багряны у птиц,
И много есть в девичьем взоре
Еще не прочтенных страниц.

---

* Возвращение (*франц.*)

И лилии строги и пышны,
Прохладно дыханье морей,
И звонкими веснами слышны
Весенние отклики фей.

Но греза моя недовольна,
В ней голос тоски задрожал,
И сердцу мучительно больно
От яда невидимых жал.

У лучших заветных сокровищ,
Что предки сокрыли для нас,
Стоят легионы чудовищ
С грозящей веселостью глаз.

Здесь всюду и всюду пределы
Всему, кроме смерти одной,
Но каждое мертвое тело
Должно быть омыто слезой.

Искатель нездешних Америк,
Я отдал себя кораблю,
Чтоб, глядя на брошенный берег,
Шепнуть золотое «люблю».

Н. Гумилев.

29. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 25 декабря 1907 г. /> 7—1—<19>08<г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень благодарю Вас за напечатание Синдбада и за присылку «Раннего Утра». Статья А. Белого о «Путях и Перепутьях» интересна, и я с удовольствием бы подписался под ее второю частью, особенно под тем, что у Вас нет учеников. Я люблю называть Вас своим учителем, и, действительно, всему, что у меня есть лучшего, я научился у Вас, но мне

нужно еще бесконечно много, чтобы эта моя зависимость от Вас могла почувствоваться читателями. То же, я думаю, можно сказать и о других молодых поэтах, сгруппировавшихся вокруг Вас. Но мне всегда очень неловко писать Вам о Вас же, и потому я кончаю это щекотливое, хотя и приятное занятье. Буду писать о себе.

В этом письме я посылаю Вам рассказ, который, может быть, Вы взяли бы для «Раннего Утра» или, если «новеллы» не приняты, для «Весов», хотя мне лично было бы приятнее увидеть в «Весах» последние. Этот последний рассказ я переписывал четыре раза, всегда с крупными поправками. Так что относительно старательности я сделал все, что мог. Очень скоро я пошлю Вам еще один рассказ, уже специально для «Раннего Утра» без посягательств на «Весы». Он уже написан, но еще не отделан. Вообще все, что я Вам присылаю, поступает в Ваше полное распоряжение как редактора разных изданий, и я заранее благодарю Вас за все места для моих вещей, даже за пылающую печь. Сборник моих стихов (последних) уже печатается, выйдет через две, три недели. Поэтому я буду очень благодарен, если в «Р.<аннем> Утр.<е>» появятся какие-нибудь мои стихи из имеющихся у Вас до его выхода.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Помпей у пиратов

От кормы, изукрашенной красным,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненьи опасном,
С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни
Говорят, то храбрясь, то бледнея,
И в пол голоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами,
На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов... Это голос Помпея,
Окруженного стаей голубок,
Он кричит: «Ей, собаки, живее,
Где вино, высыхает мой кубок».

И над морем седым и пустынным
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые, длинные ногти.

И оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

Н. Гумилев

* * *

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера,
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно взглянет в очи,
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни,
Со стеклянным выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в свою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь над собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной,
Ты не сможешь двинуться иль крикнуть...
Это все. И это будет вечно.

Н. Гумилев.

Золотой Рыцарь

Золотым ослепительным полднем въехало семеро рыцарей крестоносцев в узкую пустынную долину восточного Ливана. Солнце метало разноцветные лучи, страшные, как стрелы неверных, кони были измучены долгим путем над обрывами и могучие всадники едва держались в седлах, изнемогая от жажды и зноя. Знаменитый граф Кентерберийский Оливер, самый старый во всем отряде, подал знак отдохнуть. И как нежные девушки, ошеломленные неистово пряным и томящим индийским ветром, бессильные попадали рыцари на голые камни. Долго молчали они, сознавая, что уже не подняться им больше и не сесть на коней, и что жажда, подобно огненному дракону, свирепыми лапами став им на грудь, разорвет их пересохшие горла. И лежали, покорные.

Наконец сэр Гуго Эльвистам, темплиер с душою сирийского льва, приподнявшись на локте воскликнул: «Благородные сэры и дорогие братья во Христе, вот уже восемь дней как, отстав от нашего войска, мы блуждаем одни и два дня тому назад мы отдали последнюю воду нищему прокаженному близ высохшего колодца Мертвой Гиены. Но если мы должны умереть, то умрем как рыцари, стоя, и споем в последний раз приветственный гимн нашему Небесному Сеньеру, Господу Иисусу Христу». И он медленно поднялся с невидящим взором, цепляясь за колючий кустарник, и один за другим стали подниматься его товарищи, шатаясь и с трудом выговаривая слова, как бы упившиеся кипрским вином в голубых изукрашенных залах византийского императора. И странно, и страшно было бы на душе одиноких пилигримов или купцов из далекой Армении, если бы случайно проходящие, увидели они семерых безвестно умирающих рыцарей и услышали бы их покорное тихое пенье.

Но внезапно слова их гимна прервал приближающийся топот коня, звучный и легкий как звон серебряного меча у пояса Архистратига Михаила. Нахмурились строгие брови молящихся и их души, уже

склонившиеся в мягкие сумерки смерти, омрачились при мысли о ненужной встрече. Перед ними на повороте ущелья появился неизвестный рыцарь, высокий и стройный, красиво могучий в плечах, с опущенным забралом, над которым свивались страусовые перья, и в латах чистого золота, ярких как блеск звезды Альдебаран. И конь золотистой масти дыбился и прыгал и еле касался копытами мертвых утесов. Голубой герольд на коне белоснежном с лицом кротким и мудрым, тайно похожим на образ апостола Иоанна, спешил за своим господином.

Чудные всадники быстро приблизились к умирающим рыцарям, певшим гимн. Одетый в золото осадил коня и наклонил копье как бы перед началом сраженья, а герольд, поднимая щит со странным гербом, где мешались лилии и звезды, столпы Соломонова храма и колючие терны, воскликнул слова, издавна принятые на турнирах: «Кто из благородных рыцарей, присутствующих здесь, хочет сразиться с моим господином, пеший или конный, на копьях или на мечах». И отъехал в сторону, ожидая.

Неожиданный подул откуда-то ветер, принося освежительную прохладу, внезапно окрепли мускулы доселе бессильных рыцарей и огненный дракон жажды перестал терзать их горло, сделался совсем маленьким и с беспокойным свистом уполз в темную расщелину скал, где таились мохнатые тарантулы и смертельно-жалящие скорпионы.

Граф Кентерберийский Оливер первый ответил голубому герольду от имени всех: в речи изысканно-вежливой, но полной достоинства он сказал, что они нисколько не сомневаются в благородном происхождении неизвестного рыцаря, но тем не менее желали бы видеть его поднявшим забрало, ибо этого требует старинный рыцарский обычай.

Едва он окончил свои слова, как тяжелое сияющее забрало поднялось, открывая молодое лицо красоты совершенной, глаза, полные светлой любовью, щеки нежные, немного бледные, алые губы, о которых столько мечтала Святая Магдалина, и золотистую бородку, расчесанную и надушенную самой Девой Марией. Не посмели догадаться благочестивые рыцари, кто пришел облегчить их страдания и разделить забавы, хотя мистический восторг и захватил их души, повлекши их к доныне неизвестным путям.

Так ураган в открытом море схватывает беспечных искателей жемчуга, чтобы повертев их, оробелых, среди изумрудных брызг и клокочущей пены, бросить потом на отлогий берег Островов Неведомого Счастья.

Полные чувством благоговения и таинственной любви к своему противнику, они просили его принять дань их уважения перед началом турнира.

Первым вышел для битвы герцог Нотумберланский, но не помогли ему ни руки, бросавшие на землю первых силачей, ни очи, для которых надменные дамы при дворе веселого короля Ричарда одевали свое юное тело в дорогие шелка. Он был выбит из своего узорного седла и покорно отошел в сторону, удивляясь, что его сердце, несмотря на поражение, сияет лучами. Его товарищей, одного за другим постигла такая же участь. И когда золотой незнакомец, со смехом, веселым и нежным, повалил барона Норвического, последнего вышедшего против него, огромного и могучего как пиринейский медведь, все рыцари согласно решили, что еще не поднималось сильнее копья ни в далекой Европе, ни на мертвых долинах песчаной Сирии, ни на зеленых полях Эздрелонских.

За турниром должен следовать пир; таков был обычай в железной Нормандии и старой веселой Англии. Захваченные странными чарами рыцари не удивились, когда на место их копий, воткнутых в трещины скал, поднялись цветущие пальмы с обольстительными спелыми плодами, подобными тем, что манили на загадочном Дереве Жизни, посреди прохладной равнины омываемой Эфратом и Тигром.

И прозрачный ручеек выбежал из голой скалы, звеня и блестя серебром. Было весело пировать, отдыхая, петь военные песни, говорить о любви и о славе.

Золотой победитель сидел со всеми, и ел, и пил, и смеялся. А вечером, когда зашевелились далекие кедры и теплые тени все чаще и чаще стали ласкать лица сидящих, он сел на коня и поворотил за угол ущелья. Остальные, как завороженные, последовали за ним туда, где уже возвышалась широкая и отлогая лестница из мрамора белого с голубыми прожилками, ведущая прямо на небо. Тяжко зазвучали на мраморе копыта земных коней и легкий ласкался к ним конь золотистый. Неизвестный рыцарь показывал путь и скоро уже совсем ясно стали различаться группы немыслимо-дивных деревьев, утопающие в ровном синем сияньи. Где-то свирельными голосами пели ангелы. На встречу едущим вышла нежная и благостная Дева, больше похожая на старшую сестру, чем на мать Золотого Рыцаря Иисуса Христа.

Н. Гумилев.

30. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 27 декабря 1907 г./> 9—1—<19>08 <г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я очень рад, что Вам понравилась «Волшебная Скрипка». И хотя она и должна была войти в мою книгу, но я беру ее оттуда и с большим удовольствием отдаю для «Весов». Что же касается двух стихотворений «От кормы...» и «Улыбнулась и вздохнула», то было бы хорошо, если бы Вы смогли напечатать их вскоре, а то через три недели выйдет мой сборник с ними. Два остальные «Мне было грустно» и «В красном фраке» в сборнике не будут, и потому делайте с ними, что хотите.

Я очень рад, что мне идет гонорар, и даже хотел бы его получить, а также и за статейку в «Весах». Но пересылать стоит только, начиная с 20 р.<ублей> (50 fr.).

Хорошо, что «Руно» забыло обо мне; таким образом Ваше желание о моем несотрудничестве там устроилось без хлопот. Вопрос об этом можно считать совсем исчерпанным, потому что стихи, бывшие в «Руне», войдут в мой сборник.

Если новеллы не пройдут в «Весы», может быть, Вы возьмете их для «Раннего Утра» или для чего-нибудь другого?

Не согласится ли магазин «Скорпион» взять на себя распространение моей книги в России, как он это делает для «Ор»? Я бы дал *какой угодно* процент и на свой счет пересылал бы книги в Москву. Их всего 300 экз.<емляров>, для себя и Парижа я оставлю 50. Следовательно, остается 250 экз<емпляров>.

В каждой 4 печатных листа (64 стр.<аницы>), бумага vergé. Цена экз.<емпляра> 50 к.<опеек>

За пересылку в редакции для отзывов плачу я, но устраивает эту пересылку магазин. Если это можно устроить, это будет для меня почти спасением.

Напишите мне об этом маленькую открытку, а то через две недели книга будет отпечатана.

Теперь я много работаю над прозой, скоро должен прислать Вам рассказ и буду рад, если его можно будет напечатать. Правда сказать, скоро я буду нуждаться в гонораре.

Поздравляю Вас с прошедшим новым годом. Увы, я совсем было забыл об этом важном событьи.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

31. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 9/22 января 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я написал Вам две недели тому назад, и с тех пор, конечно, накопилось много новых стихов. Но так как за последнее время новые мои взгляды на искусство стихосложения, вызванные отчасти «Путями и Перепутьями», частью перечитыванием Пушкина, еще не сумели найти себе места в моих стихах, хотя поколебали и уничтожили многое, то я посылаю Вам только некоторые. Строение последней фразы доказывает, что я перечитывал и Карамзина.

Со стихами моими делайте, по обыкновению, все, что хотите. Через пять дней отсылаю Вам мою книгу. Обещанный рассказ для «Раннего Утра» я бросил в печь. Вы, наверное, уже слышали о внезапной смерти Ив.<ана> Ив. <ановича> Щукина.

Я подумываю о скорой поездке в Италию.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Основатели

Ромул и Рем взошли на гору,
Лес перед ними был глух и нем,
Ромул сказал: «Здесь будет город!»
«Здесь будут стены», — ответил Рем.

Ромул сказал: «Волей созвездий
Мы обрели наш прежний почет!»
Рем отвечал: «Что было прежде,
Надо забыть, взглянем вперед!»

«Здесь будет цирк, — промолвил Ромул,
Здесь будет дом наш, открытый всем...»
«Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы», — ответил Рем.

* * *

Манлий сброшен. Право Рима,
Власть все та же, что была,
И как прежде, недвижима
Нерушимая скала.

Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.

Чтоб простить его, пришлось бы
Слушать просьбы многих губ...
И народ в ответ на просьбы
Получил холодный труп.

Манлий сброшен! Почему же
Шум на улицах растет?
Как жена, утратив мужа,
Мести требует народ.

Семь холмов, как звери, хмуры,
И смущенные стоим
Мы, сенаторы, авгуры,
Чьи отцы воздвигли Рим.

Неужель не лгали басни
И гробы грозят бедой?
Манлий мертв, но он опасней,
Он страшнее, чем живой.

* * *

Моя душа осаждена
Безумно странными грехами,
Она — как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертоге прясть,
Склоняя взоры все суровей,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность бурной крови.

Но если бой неравен стал,
Я гордо вспомню клятву нашу
И, выйдя в пиршественный зал,
Возьму отравленную чашу.

И смерть придет ко мне на зов,
Как Одиссей, боец в Пергаме,
И будут вопли женихов
Под беспощадными стрелами.

32. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 13/26 января 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам мою книгу в двух экземплярах, один для Вас лично, а другой, как полагается, для отзыва. Она придет немного позже, потому что послана заказным.

К несчастью, последнее время я хворал и не мог лично присмотреть за печатанием и брошюровкой, и потому книга вышла в виде брошюры, несмотря на то, что она только на один лист меньше «Пути Конквистадоров».

Я не доволен этой новой книгой, но очень доволен, что издал ее. Теперь я свободен от власти старых приемов и тем, и мне много легче будет пойти вперед. Я не знаю, будете ли Вы говорить об этой книге

в «Весах» и, конечно, не могу просить об этом, но если Вы решите сделать это, то, может быть, не откажете, хотя бы одной фразой отметить, какую из сторон моего творчества я должен культивировать. А то до сих пор большинство моих критиков, почти всех благосклонных, только указывало на мои недостатки, так что если я захочу послушаться всех сразу, мне придется вовсе бросить писать стихи. Если бы я знал, что «Раннее Утро» помещает рецензии, я послал бы туда мою книгу для отзыва. Я пишу кое-что, но все неудачно, не могу попасть в верный тон с моими новыми мыслями об искусстве. Жду какого-нибудь внешнего толчка и мечтаю, что им будет Ваш отзыв о моей книге, хотя бы в частном письме.

Всегда искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

33. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 24 января / 6 февраля 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я посылаю Вам одно из моих новых стихотворений, чтобы Вы могли судить, кончился ли срок моего искуса, о котором я Вам писал; сам я не имею никакого мнения на этот счет, так как два единственные мои слушателя уехали из Парижа и остались только французы и русские, не интересующиеся стихами. А я не способен без посторонней помощи судить мои стихи. Но об этом и вообще о моих сомненьях в области творчества я поговорю подробнее в следующем письме, а теперь мне хотелось бы поднять неприятный разговор, а именно, что я был бы не прочь получить мой гонорар с «Раннего Утра» даже таков, как он есть (рублей 12, я думаю). Если также Вы не думаете взять мою прозу, я бы предложил ее в другое место (куда, сам не знаю); мне достаточно только знать, что отвергнуто Вами, так как у меня целы все черновики. Поверьте, что это не жажда славы, которая побуждает меня печататься, а другие более низменные причины, о которых не трудно догадаться. Стыдно в таком письме говорить о чем-нибудь более интересном, и я его кончаю.

Всегда искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Камень

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень,
Не думай, то не светляки.

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный,
И вот, лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы смог увидеть
Его ночной и тайный путь,
...И берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз.
Он промолчит и будет с виду
Недвижим, как простой утес.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленьи,
Увидя блеск его щелей,
Услыша шум его паденья
И жалкий хруст твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он покинет дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

Н. Гумилев.

34. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 25 января / 7 февраля 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
сейчас я получил Ваше письмо, и, если бы не первое печальное известие, оно привело бы меня в восторг. Вам понравились «Цветы». Вы будете писать о них в «Весах» и пришлете книгу с Вашими указаньями. Кроме того, новеллы пойдут в «Весах». При таком Вашем внимании ко мне и я начинаю верить, что из меня может выйти поэт, которого Вы не постыдитесь назвать своим учеником. Тем более, что насмотревшись картин Gustave'а Moreau и начитавшись парнасцев и оккультистов (увы, очень слабых), я составил себе забавную теорию поэзии, нечто вроде Mallarmé, только не идеалистическую, а романтическую, и надеюсь, что она не позволит мне остановиться в развитьи. Вы и Ваше творчество играют большую роль в этой теории. Вы жалеете, что не все издание «Цветов» напечатано на бумаге ingres, но ведь ее даже не держат в типографиях, и я отыскал ее специально в художественном магазине. Впрочем,

если кто-нибудь из Ваших знакомых пожелал бы иметь эту книгу, напишите мне одно слово, и я тотчас же пришлю Вам пять, шесть экземпляров на этой бумаге.

«Неоромантическая Сказка» осталась за флагом потому, что я издавал книгу на свой счет и экономил место, а «Маскарад» — из-за своего посвящения, которое несогласно с общим.

Теперь я опять начал писать и, кажется, увереннее и сильнее, чем в период, представленный «Цветами». Примеры: вчерашний «Камень» и два сегодняшние. И я очень и очень интересуюсь узнать Ваше мнение по этому поводу. Жаль только, что конквистадоры моей души, по-видимому, заблудились и вместо великолепных стран и богатых городов попали в какие-то каменноугольные шахты, где приходится думать уже не о победе, а о спасенье. Это делает мои последние вещи однообразными и почти антихудожественными. Жду девятого вала переживаний.

Сегодня я послал Вам книгу для Ваших замечаний. Стихи мои, которые я посылал, посылаю и буду посылать Вам, всецело отдаются в Ваше распоряжение (всегда свободны), и я буду Вам всегда очень благодарен за напечатанье их, где бы Вы ни пожелали.

Нельзя ли хоть купить № 11 «Весов», который не был доставлен почтой (я писал об этом г.<осподину> Ликиардопуло), а то мне крайне важно знать, как отнеслась Рената к раненному Рупрехту.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Больная Земля

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.

При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей, и птиц,
И насекомых, и растений.

Их отвратительным теплом
И я согретая невольно,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное: «довольно».

Светила смотрят всё мрачней,
Но час тоски моей недолог,
И скоро в бездну мир червей
Помчит озлобленный осколок.

Комет бегущих душный чад
Убьет остатки атмосферы,
И диким ревом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.

И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгниют и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.

И снова будет торжество
И снова буду я единой,
Необозримые равнины
И на равнинах никого.

* * *

Я уйду, убегу от тоски,
Я назад ни за что не взгляну,
Но руками сжимая виски,
Я лицом упаду в тишину.

И пойду в голубые сада
Между ласково-серых равнин,
И отныне везде и всегда
Буду я так отрадно один.

Гибких трав вечереющий шелк
И второе мое бытие.
Да, сюда не прокрадется волк,
ТАМ вцепившийся в горло мое.

Я пойду и присяду, устав,
Под уютный задумчивый куст,
И не двинется призрачность трав,
Горизонт будет нежен и пуст.

Пронесутся века, не года,
Но и здесь я печаль сохраню,
И я буду бояться всегда
Возвращенья к жестокому дню.

Н. Гумилев.

35. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 10/23 февраля 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я давно не писал Вам и теперь хочу искупить этот проступок, посылая Вам несколько новых стихотворений, из которых первое кажется мне не очень плохим, хотя в нем, пожалуй, я воспользовался Вашей темой. Второе обращение к себе самому; в нем я высказываю кое-что пришедшее мне в голову относительно конструкции стиха. Так что взгляните на него скорее как на рассуждение, чем как на стихотворение. Третье я считаю пустяком, но его захвалили и, может быть, оно понравится и Вам. Недавно случайно в № «Образования» я нашел Вашу «Жизнь», и она мне понравилась больше *каждого* стихотворенья «Венка». Теперь уже, когда у меня спрашивают, какая Ваша книга наиболее вырисовывает Ваше творчество, я принужден отвечать, что все уже более или менее устарели и что Вы уже обогнали их на очень-очень многое. Никогда бы я не стал Вам писать всего этого, если бы у меня не было корыстной цели: побудить Вас издать новый сборник Ваших последних стихов.

В самом деле, мы (т.е. русские читатели) получаем Блока и Городецкого по нескольку книг в год, а Вас — раз в три <года> и даже больше. Но я, конечно, не говорю здесь о распространении книг для поддержания или увеличения Вашей славы, надеюсь Вы меня не заподозрите в этом, нет, но просто для современного читателя важно быть au courant* Вашего творчества. Тогда бы и русская литература очистилась от мелких гениев, которых приходится хвалить за неимением лучшего, и Георгий Чулков бросил бы перо к великой радости г.<осподина> Андрея Белого, и Городецкий подумал бы, что теперь писать левой ногой стало как-то неловко. И я бы поучился.

Все это я пишу Вам как читатель и с его точки зренья мечтаю о Вашей книге, но как *писатель* должен сознаться, что Вы своей строгостью к себе лучше, чем словами, учите нас тактичному обращенью с литературой. Но мне кажется, что эта Ваша последняя задача уже выполнена: кто хотел, понял, а горбатого исправит могила. Простите мою многоречивость.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Андрогин

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное бог-существо,
Мы знаем, ты здесь, ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самою,
Ты тело даешь для великого бога,
А я ему душу мою отдаю.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими
Должны мы исполнить священный завет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

* в курсе (*франц.*)

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... что же?
Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как Феникс из пламени, встал андрогин.

Уж воздух, как роза, и мы, как виденья,
То видит отчизну свою пилигрим...
И верь: не коснется до нас наслажденье
Бичем оскорбительно-жгучим своим.

Поэту

Пусть будет стих твой гибок, но упруг,
Как тополь зеленеющей долины,
Как грудь земли, куда вонзился плуг,
Как девушка, не знавшая мужчины.

Уверенную строгость береги:
Твой стих не должен ни порхать, ни биться,
Хотя у музы легкие шаги,
Она богиня, а не танцовщица.

И перебойных рифм веселый гам,
Соблазн уклонов легкий и свободный
Оставь, оставь накрашенным шутам,
Танцующим на площади народной.

И выйдя на священные тропы,
Певучести пошли свои проклятья.
Пойми: она любовница толпы,
Как милостыни, ждет она объятья.

* * *

Под рукой уверенной поэта
Струны трепетали в легком звоне,

Струны золотые, как браслеты
Сумрачной царицы беззаконий.

Опьяняли зовы сладострастья,
И спешили поздние зарницы,
Но не даром звякнули запястья
На руках бледнеющей царицы.

И не даром взоры заблистали:
Раб делил с ней счастье этой ночи,
Лиру положили в лучшей зале,
А поэту выкололи очи.

Н. Гумилев.

36. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 23 февраля /> 7 марта <19>08 <г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я так долго не писал Вам по двум причинам: во-первых, надеялся, что Вы напишете мне вскоре, а во-вторых, думал, что мне удастся написать несколько стихотворений, чтобы по обыкновенью послать Вам. Ни то, ни другое не оправдалось. Стихотворенье я написал, но очень слабое и, если бы не привычка и не новая для меня форма, ни за что бы не послал его Вам. На днях я получил № 1 «Весов» и пришел в восторг, узнав, что «все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов». Это была одна из сокровеннейших мыслей моих, но я боялся оформить ее даже для себя и считал ее преувеличенным парадоксом. Теперь же в цепи Ваших стихов она кажется вполне обоснованной истиной, и я удивляюсь ее глубине, как удивился бы угольщик своему собственному сыну, воспитанному в королевском дворце. Видите, я даже впал в семинарский стиль. Из всего цикла мне больше всего понравился «Лунный Дьявол». Неправда ли, рога — это лучи, а агатовые взоры — это пятна на луне? Удивительное сочетание четкости с тонкостью.

Почему-то предположив, что мой «Камень» Вам не понравится, я послал его в «Образованье». Если же я ошибся и Вы думаете взять его, напишите, я пошлю в «Об.<разованье>» извиненья.

Когда Вы вздумаете писать мне, скажите хоть несколько слов о моем «Андрогине» («Тебе никогда не устанем молиться...») и что Вы думаете с ним делать? «Он» меня очень интересует. Сейчас я пишу философско-поэтический диалог под названьем «Дочери Каина», смесь Платона с Флобером, и он угрожает затянуться. Когда кончу, непременно пошлю Вам. Не так давно я познакомился с новым поэтом, мистиком и народником Алексеем Н. Толстым (он посылал Вам свои стихи). Кажется, это типичный «петербургский» поэт, из тех, которыми столько занимается Андрей Белый. По собственному признанию, он пишет стихи всего один год, а уже считает себя maître'ом. С высоты своего величья он сообщил несколько своих взглядов и кучу стихов. Из трех наших встреч я вынес только чувство стыда перед Андреем Белым, которого я иногда упрекал (мысленно) в несдержанности его критик. Теперь я понял, что нет таких насмешек, которых нельзя было бы применить к рыцарям «Патентованной Калоши».

Сегодня собираюсь пойти к Ренэ Гилю; у него прием.

Может быть, Вам не будет трудно в начале второй из моих новелл перечеркнуть слово «Симла» и поставить вместо него «Мартишор». Первого зверя я выдумал сам, о втором упоминает Аристотель.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

На пиру

Влюбленный принц Диего задремал
И выронил чеканенный бокал,
И голову склонил меж блюд на стол,
И расстегнул малиновый камзол.

И видит он прозрачную струю,
И на струе стеклянную ладью,
В которой плыть уже давно, давно,
Ему с его невестой суждено.

Вскрываются пространства без конца,
И, как два взора, блещут два кольца.
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова,
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.

А между тем властитель на него
Вперил свой взгляд, где злое торжество.
Прикладывают наглые шуты
Ему на грудь кровавые цветы,
И томная невеста, чуть дрожа,
Целует похотливого пажа.

Н. Гумилев.

37. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 12/25 марта 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,

я чувствую мою вину. Открылась выставка Indépendants, и я ничего не пишу о ней в «Весы». Это происходит не от лени и не из-за моих других работ (их у меня действительно много), но исключительно из-за самой выставки. Слишком много в ней пошлости и уродства, по крайней мере для меня, учившегося эстетике в музеях. Может быть, это тот хаос, из которого родится звезда, но для меня новые теченья живописи в их настоящей форме совершенно непонятны и не симпатичны. А писать о том немногом, что меня заинтересовало, не имело бы смысла. Впрочем, скоро открывается Весенний Салон, и я надеюсь, что с ним я буду счастливее. Также я попросил бы Вас дать мне для разбора какую-нибудь книгу русских стихов. Моим мыслям о поэтическом творчестве пока было бы удобнее всего вылиться в рецензии.

Мне очень интересно, сколько моих стихов Вы думаете напечатать в этом году. Если три, то я позволю себе обратить Ваше внимание на

«Скрипку» (уже взятую Вами), «Андрогина» и сегодняшнее — «Одержимый». Они мне нравятся больше всего, мною написанного, но, конечно, Ваш выбор может переменить мое мнение, составленное совершенно одиноко.

Не надо ли прислать их переписанными заново? Февральского номера «Весов» я еще не получил и жду его с нетерпеньем.

Всегда преданный Вам Н. Г у м и л е в.

38. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 24 марта / 6 апреля 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спешу Вас известить, что мое поползновенье печататься, по обыкновению, не увенчалось успехом, и Арцыбашев объявил, что стихи мои не подходят «по характеру». Впрочем, из интересных я посылал ему только «Камень». Но теперь свободен и он.

Я посылаю Вам несколько новых вещей, чтобы у Вас был больше выбор. Не могу Вам не признаться в недавней мальчишеской шутке. Я познакомился с одной барышней, m-lle Богдановой, которая бывает у Бальмонтов и у Мережковских, и однажды в Café d'Harcourt она придумала отнести мое стихотворение «Андрогин» для отзыва З.Н. Гиппиус, не говоря ни моего имени, ни моих литературных заслуг. Стихотворение понравилось, было возвращено с надписью «очень хорошо», и даже Мережковский отнесся к нему благосклонно. M-lle Богданову расспрашивали об авторе и просили его привести, но, конечно, ей не удастся это сделать. Так что, если «Андрогин» не будет в «Весах», для З.<инаиды> Н.<иколаевны> останется загадкой «застенчивый» талант-метеор (эпитет Образования).

Теперь я хочу попросить у Вас совета как у maître'a, в руках которого находится развитье моего таланта. Обстоятельства хотят моего окончательного переезда в Россию (в Петербург), но не повредит ли мне это как поэту. Тогда их можно устранить. Сообщите мне Ваше мнение, и оно будет играть роль в моем решеньи. Конечно, я напомню Вам Джеромовского юношу, который вечно жил советами, но Ваше влияние на меня было до сих пор так благотворно, что я действую по опыту.

Мне совестно писать Вам об этом, но я надеюсь получить от Вас ответ сравнительно скоро, так как через три недели я опять начну кочевой образ жизни и долго не буду иметь определенного адреса. Скоро, наверное, в Москву приедет поэт гр.<аф> Толстой, о котором я Вам писал. За последнее время мы с ним сошлись, несмотря на разницу наших взглядов, и его последние стихи мне очень нравятся. Очень интересно, что скажете о нем Вы.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. Несколько слов об Анне Комнене, о которой я написал стихотворение. Историки любят выставлять ее идеальной, но многие факты заставляют меня подозревать противное. Вспомните крестоносца Боемонта, помилованного разбойника etc. Думаю, я не исказил истины.

Н.Г.

Анна Комнена

Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит беззаботный полет кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы
И странно-красивый изогнутый нос,
Но взоры унылы, как холод могилы,
И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь, надменный, как птица,
Как серый орел пиренейских снегов,
Он отдал сраженья за стон наслажденья,
За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
Его отличали в боях короли,
Он смотрит, безмолвный, как знойные волны
Дрожа увлекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди
И взором ловить ускользающий взгляд,
А утром спокойный, красивый и стройный,
Он выпьет коварно предложенный яд.

И снова в апреле заплачут свирели,
Среди облаков закричат журавли,
И в сад кипарисов от западных мысов
За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница,
Дразнящее тело свое обнажив,
Лишь будет печальной, дрожа в своей спальне,
В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены,
Но знает безумную жажду игры
И темные муки томительной скуки,
Сковавшей забытые смертью миры.

39. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 9/>22 апреля <19>08<г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,

сейчас я получил Ваше письмо, и мне очень стыдно, что я отрываю Вас от Ваших работ. Но, сказать по правде, статья А. Белого о вольноотпущенниках и их закулисной жизни меня затронула, я принял ее также и на свой счет и захотел еще раз убедиться в неизменности Вашего расположенья ко мне. Уверяю, это было совершенно бессознательно. Очень благодарю Вас за рецензию и совет. В рецензии Вы отнеслись ко мне снисходительнее, чем я думал, и в ней Вы сделали все, чтобы вывести меня на путь известности. Особенно же мне понравилось бесконечное верное (я надеюсь) замечанье, что «Романтические Цветы» только ученическая книга. Я уже теперь считаю ее за прой-

денный этап творчества. Что касается совета, я вполне понимаю его справедливость, и меня утешает только то, что если я перееду в Россию, я буду жить не в Петербурге, а в Царском Селе, которое очень тихо и спокойно. Но этот вопрос, может быть, нам удастся выяснить при встрече, потому что я в первой половине мая буду в Москве и постараюсь увидаться с Вами. Я работаю много, написал два рассказа и много стихов, из которых кое-что мне кажется удачным. Я посылаю стихи Вам, и, может быть, Вы выберете третье для «Весов». «Рыцарь с цепью» мне нравится мало: он какой-то легкомысленный. Но я в восторге, что Вы одобрили «Одержимого».

Завтра я пойду в «Весенний Салон» и посмотрю, не смогу ли написать о нем; заодно упомяну и о «Независимых».

А через неделю, наверно, выеду из Парижа.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Выбор

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в глухие пещеры
Иль к безлюдью пустынной реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не избегнешь ты доли кровавой,
Насмеется беззвучная твердь,
Но молчи: несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

Колокол

Тяжкий колокол на башне
Медным ревом заревел,
Чтоб огонь пылал бесстрашный,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груде
Изуродованных тел.

Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово: «смерть».
Звери корчились от боли
И испуганные птицы,
Как багряные зарницы,
Лётом взрезывали твердь.

Дальше звал он, точно пенье,
К созидающей борьбе,
Люди мирного селенья,
Люди плуга, брали молот,
Презирая зной и холод,
Храмы строили себе.

А потом он умер, сонный,
И мечтали пастушки:
«Это, верно, бог влюбленный,
Приближаясь к сладкой цели,
Нежным рокотом свирели
Потревожил тростники».

Завещание

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,

Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпительной черной земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озер
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер.

И покорно склоняясь, положат
На него мой недвижимый труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа,
По иному печален и туп.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеюще-траурный плот.

Словно демон в лесу волхований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

Н. Гумилев.

40. В.Я. БРЮСОВУ

<Париж. 15/28 апреля 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

На днях я был в Весеннем Салоне, и он мне так понравился, что я написал о нем и «Независимых» заметку, которую буду очень рад увидеть в «Весах». Посмотрите, нельзя ли будет ее там напечатать. А то я все еще мало верю в мой талант как художественного критика. Впрочем, я много вращаюсь в кругах художников, и сообщаемые мною сведения вполне достоверны. Очень благодарю Вас за II том «Путей и Перепутий». Я ему особенно обрадовался, так как «Urbi et Orbi» у меня зачитали. Больше не пишу Вам ничего, потому что недели через три мы, наверное, увидимся.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

41. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 12 мая 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я посылаю Вам по условию три отмеченные Вами стихотворения в несколько исправленном виде. Если Вы пожелаете изменить в них что-нибудь сами, Вы доставите мне этим громадное удовольствие. Теперь Вы, конечно, знаете, возьмется ли «Скорпион» за издание моих стихов, и я со жгучим нетерпением жду Вашего ответа по этому поводу. Еще раз повторяю, что если объявление о моей книге будет печататься в списках изданий «Скорпиона», я буду ждать хоть два года. Мне было бы также интересно знать, пойдет ли в «Весах» мой рассказ «Скрипка Страдивариуса», потому что в случае отказа я мог бы предложить ее в другое место. Но с этим не торопитесь и прочтите ее, когда Вам будет удобно.

Сейчас я перечитывал «Путь конквистадоров» (первый раз за два года), все Ваши письма (их я читаю часто) и «Романтические Цветы». Нет сомнения, что я сделал громадные успехи, но также нет сомнения, что это почти исключительно благодаря Вам. И я еще раз хочу Вас просить,

не смотреть на меня как на писателя, а только как на ученика, который до своего поэтического совершеннолетья отдал себя в Вашу полную власть. А я сам сознаю, как много мне надо еще учиться.

Так как Вы не помните моего «Андрогина», я посылаю его Вам и был бы в восторге, если бы его можно было напечатать в «Весах»: я его очень люблю.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

42. В.Я.БРЮСОВУ

<Царское Село. Между 23 и 28 мая 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень благодарю Вас за напечатание статьи и за благоприятный ответ о «Жемчугах». Относительно последних я не только не тороплю «Скорпион», но напоминаю, что раньше февраля не могу доставить рукописи. После строгого отбора я оказался обладателем только сорока стихотворений, а для настоящей книги их надо не меньше восьмидесяти, так что мне надо много работать. Ведь книга должна быть боевой.

Теперь относительно статьи: я позволил себе немного изменить Вашу поправку, чтобы избежать слова «тупой». Потом в двух местах я изменил границы красных строк. Чтобы не было сомнений относительно транскрипции имен, я посылаю Вам вырезки из официальных каталогов обеих выставок. Зачеркнутую вначале фразу я заменил другой, а то изменялся смысл дальнейшего. Если Вы захотите сделать еще какие-нибудь поправки, то не спрашивайте моего мнения, я заранее благодарю Вас за них. Вы советуете подписать статью инициалами. Почему? Если из-за его боевого характера, то у меня достаточно фактов, чтобы подтвердить мои слова, и я предпочитаю подписаться полностью. Если же Вы находите эту статью ниже моих обычных вещей, то конечно оставьте только инициалы. Я счастлив, получая Ваши советы, и всегда стараюсь исполнять их.

Я был у г.<осподина> Ляцкого и оставил ему несколько стихотворений. Теперь жду ответа. Был также у г.<осподина> Галича в «Речи» и благодаря Вашей рецензии в № 3 «Весов» принят более чем радушно. Г.<осподин> Галич просил меня писать рецензии о книгах стихов и в частности о II томе «Путей и Перепутий». В этот четверг появи-

лась моя рецензия о «Сетях» (действительно, прекрасная книга), а в следующем, если мне удастся справиться с темой, будет рецензия о «Путях и Перепутьях».

Надеюсь, Вы не рассердитесь, если самый покорный из Ваших учеников захочет хоть отчасти выяснить себе в чем сила его учителя.

Я работаю много и над прозой и над стихами.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село, Конюшенная ул.<ица>, д.<ом> Белозерова.

43. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 15 июня 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Благодарю Вас за письмо, я уже давно не получал от Вас таких длинных, и это начинало меня угнетать. Напишите, пожалуйста, в какие места к океану Вы думаете ехать. Осенью я тоже думаю уехать из России, и, может быть, мне удалось бы повстречаться с Вами. А то, правду сказать, я не вполне удовлетворен нашими прежними встречами. Вы были моим покровителем, а я ищу в Вас «учителя» и жду формул деятельности, которым я поверю не из каких-нибудь соображений (хотя бы и высшего порядка), а вполне инстинктивно. Вспомните, для примера, Ваше прошлогоднее письмо о рифмах и размерах. По «Ром.<антическим> Цветам» Вы видите, как много оно мне открыло. Недавно мне передавали, что Вяч.<еслав> Иванов недоволен моими стихами и находит, что в них чувствуется Ваше влияние. При встрече я искренне поблагодарю его за это мнение. Я не воспринял от Вас еще и четверти того, что мне надо, чтобы выяснить свою творческую индивидуальность. И мне кажется, чем решительнее, чем определеннее будут Ваши советы, тем больше пользы они мне принесут. Впрочем, делайте, что найдете нужным и удобным: уже давно я Вам сказал, что отдаю в Ваши руки развитье моего таланта, и Вы вовремя не отказались.

Пишу я, как и всегда летом, мало. Но надеюсь, что это затишье перед бурей. За мои стихи и рецензии в «Речи» меня травит маленькая вечерняя газета «Последние новости». Но пока довольно неостроумно:

В.Е. Аренс

так, например, «Афродиту Уранию», про которую я однажды упомянул, она спутала с Афр.<одитою> уранистов и т.д. «Русская мысль» взяла один мой рассказ и просит еще. Если Вы не берете «Скрипку Страдивариуса», сообщите мне, я предложу ее туда.

Жду «Ром.<антических> Цветов» с Вашими пометками. На всякий случай посылаю еще экземпляр.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

44. В. Е. АРЕНС

<Царское Село> 1 июля 1908<г.>

Многоуважаемая Вера Евгеньевна,
я давно и с нетерпеньем ждал от Вас обещанного письма и, получив его, был безумно доволен. Одно только меня смущает: Вы не пишете, позволяете ли Вы мне писать Вам сколько и когда мне захочется, или же просто Ваше письмо было милым капризом. Во всяком случае, до полученья от Вас настоящего разрешенья я не буду надоедать Вам своими письмами, но, конечно с восторгом исполню Ваше желанье и буду присылать Вам мои рассказы. В этом письме я посылаю Вам первый, довольно неудачный и не характерный для моего творчества. Лучшие появятся в «Весах» и в «Русской мысли». Мне очень интересно, какое стихотворение вы предположили написанным для Вас. Это — «Сады моей души». Вы были правы, думая, что я не соглашусь с Вашим взглядом на Уайльда. Что есть прекрасная жизнь, как не реализация вымыслов, созданных искусством? Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму? Правда, материал очень неподатлив, но разве не из твердого мрамора высекают самые дивные статуи. А у Вас творческий ум, художественный глаз и, может быть, окажется твердость руки, хотя Вы упорно ее в себе отрицаете. Вот одна сотая из того, что можно выразить Вам на Ваши слова. А обман жизни заключается в ее обыденности, в ее бескрасочности. Жду от Вас разрешенья писать и прошу свидетельствовать мое почтенье Зое Евгеньевне.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

45. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 14 июля 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я уже давно собирался Вам писать, но не хотелось делать это без обычного приложения, т.<о> е.<сть> стихотворенья.

Я написал его недавно, и, кажется, оно уже указывает на некоторую перемену в моих приемах, именно на усиленье леконт-де-лилевского элемента. Кстати сказать, самого Леконта де Лиля я нахожу смертельно скучным, но мне нравится его манера вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты. Во всяком случае это спасенье от блоковских туманностей. Я вырабатываю также и свою собственную расстановку слов. Теперь, когда я опять задумался над теорией стихосложенья, мне было бы крайне полезно услышать Ваши ответы на следующие, смущающие меня вопросы: 1) достаточно ли самобытно построение моих фраз? 2) не нарушается ли гармония между фабулой и мыслью («угловатость образов»)? 3) заслуживают ли вниманья мои темы и не является ли философская их разработка еще ребяческой?

На эти вопросы может ответить только посторонний человек, опытный и интересующийся моими стихами, и, кроме Вас, я таких не знаю. Верьте, что моя просьба об этих указаньях вызвана не тщеславным желаньем получать от Вас советы, а только любовью к искусству, которому я посвящаю свою жизнь. Я помню Ваши предостереженья об опасности успехов и осенью думаю уехать на полгода в Абиссинию, чтобы в новой обстановке найти новые слова, которых мне так не достает. А успехи действительно есть: до сих пор ни один из моих рассказов не был отвергнут для напечатанья. «Русская Мысль» взяла два мои рассказа и по моей просьбе (о ней ниже) напечатает их в августе, «Речь» взяла три и просила еще. Но я чувствую, что теоретически я уже перерос мою прозу, и, чтобы отделаться от этого цикла моих мыслей, я хочу до отъезда (приблизительно в сентябре) издать книгу рассказов и затем до возвращенья не печатать ничего. Теперь я дошел до щекотливого пункта. У Вас есть мой рассказ «Скрипка Страдивариуса», по общему мнению, <стоя́щий> много выше «трех новелл», и он должен войти в книгу. Поэтому для меня очень важно, если, в случае его принятия, он будет напечатан в

августе. И так как это может ввести «Весы» в непредвиденные расходы по увеличенью номера, я с удовольствием откажусь от гонорара за него. Если же это все-таки не удастся, то прошу Вас, не откажите сообщить мне об этом, я предложу его в другое место. Не рассердитесь за настойчивость моих просьб и, если они Вас стеснят, забудьте о них. Вы и так слишком много сделали для меня, чтобы я мог быть в претензии.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царица

Когда зарыдала страна под немилостью Божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица нагою.

Трубили герольды; по ветру рвалися знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья,
Роскошные груды восточных шелков и виссона
С краев украшали литые из золота кисти.

Нагая царица томилась в неслыханном блуде,
Глаза ее были, как пропасти темного счастья,
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди,
На стройных руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны ласкательной лютни:
«Спешите, герои, несущие луки и пращи,
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще.

Спешите, герои, окованы медью и сталью,
Пусть в гибкое тело вонзятся свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью,
И будут пьяней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие грубые люди,
Мое исступленное сердце не знает боязни,

Идите, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд протрубит, приступите к восторженной казни».

Серебряный рог, изукрашенный костью слоновой,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые рокоты птичьи,
И царственно-синие женские взоры... и струны,
Которыми скальды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И щеки пылали и ждали сердца преступленья,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной улыбкой он крикнул слова отступленья.

Н. Гумилев.

46. М.Ф. ЛИКИАРДОПУЛО

<Царское Село. 17 июля 1908 г.>

Многоуважаемый Михаил Федорович!

Может быть, Вы не откажетесь распорядиться, чтобы мне выслали гонорар за мои стихи в № 6 «Весов». Я в Царском еще месяц. Мой привет Валерию Яковлевичу, если он случайно в Москве.

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

Царское Село, Конюшенная, д.<ом> Беллозерова

47. В.Я. БРЮСОВУ

<Слепнево (?). До 20 августа 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Не только Вам, но и мне суждено начинать письма извиненьями. Но и у меня есть достаточные основанья, чтобы объяснить мое

долгое молчанье. Все это время во мне совершался перелом во взгляде на творчество вообще, а на мое в частности. И я убедился в моем ничтожестве. В Париже я слишком много жил и работал и слишком мало думал. В России было наоборот: я научился судить и сравнивать. Не думайте, что я соблазнился ересью В. Иванова, Блока или других. По-прежнему я люблю и ценю больше всего путь, указанный для искусства Вами. Но я увидел, как далеко стою я от этого пути. В самом деле, Ваше творчество отмечено всегдашней силой мысли. Вы безукоризненно точно переводите жизнь на язык символов и знаков. Я же до сих пор смотрел на мир «пьяными глазами месяца» (Нитше), я был похож на того, кто любил иероглифы не за смысл, вложенный в них, а за их начертанья и перерисовывал их без всякой системы. В моих образах нет идейного основанья, они — случайные сцепленья атомов, а не органические тела. Надо начинать все сначала или идти по торной дорожке Городецкого. Но на последнее я не согласен. В одном стихотвореньи Вы говорите: «есть для избранных годы молчанья...». Я думаю, что теперь они пришли и ко мне.

Я еще пишу, но это не более, как желанье оставить после себя след, если мне суждено «одичать в зеленых тайнах». В силу того же соображенья я возвращаю Вам «Скрипку Страдивариуса» с просьбой напечатать ее в «Весах», когда это будет для них удобно. Книгу я решил не издавать, а мои вещи после перелома будут слишком долго незрелы, чтобы их можно было печатать.

Как видите, я написал Вам кислое письмо, но я серьезно думаю все это. От Вас зависит властью добровольно избранного maître'а повлиять на мое решенье.

Успех продолжает меня преследовать: мною заинтересовался Петр Пильский, пригласил в «Новую Русь»; в «Речи» мне хотят прибавить гонорар и т.п. Я никогда не думал, что все это может быть так не интересно. Когда «Весы» смогут опять напечатать мои стихи? Если одиннадцатый номер опять будет сборным, нельзя ли и мне попасть туда. А то до сих пор я печатался в летних номерах, которые не читаются третью подписчиков. Если это будет возможно, не откажите сообщить, я бы выбрал лучшее.

Числа седьмого (по старому стилю) я думаю выехать из Царского. Когда мой адрес хоть сколько-нибудь установится, я тотчас сообщу его Вам (в Москву). Но, может быть, Вы напишете мне до моего отъезда.

Пока я не написал ничего такого, что хотелось бы отдать на Ваш суд.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

48. В.И.АННЕНСКОМУ-КРИВИЧУ

<Царское Село. 5 сентября (?) 1908 г.>

Многоуважаемый Валентин Иннокентиевич,
я очень и очень сожалею, что не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением, но я уезжаю как раз сегодня вечером. Ехать я думаю в Грецию, сначала в Афины, потом по разным островам. Оттуда в Сицилию, Италию и через Швейцарию в Царское село. Вернусь приблизительно в декабре.

Очень жаль, что мы так и не увиделись до моего отъезда. Как Ваша будущая книга стихов? Грустно будет, если Вы забросите ее из-за таких несерьезных дел, как комиссии. Когда мой адрес хоть немного установится, я напишу Вам и надеюсь, что Вы тоже не откажетесь мне ответить. Целую ручки Наталье Владимировне.

Искренно уважающий Вас Н. Гумилев.

49. В.Е. АРЕНС

<Константинополь. 23 сентября /> 6 окт.<ября> 1908 г.

Многоуважаемая Вера Евгеньевна.

Приветствую Вас из Константинополя. Я долго ждал Вас, или Вашего письма, но так и не дождался. Скоро буду Вам писать. Очень прошу Вас засвидетельствовать мое почтенье всем Вашим. Мой адрес (пока) Греция, Патрас, Главный почтамт, до востр.<ебования>

Преданный Вам Н.Г.

50. В.Е. АРЕНС

<Египет (Каир (?)). 2/15 октября 1908 г.>

Многоуважаемая Вера Евгеньевна,
приветствую Вас и Зою Евгеньевну из Египта. Скоро думаю возвратиться. Может быть, буду в Палестине. Я думал писать Вам большое письмо, но это невозможно. Я все время в разъездах. Кланяйтесь Вашим и Владимиру Андреевичу.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

51. В.Я. БРЮСОВУ

<Египет (Каир (?)). 2/15 октября 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я не мог не вспомнить Вас, находясь «близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида в царстве пламенного Ра». Но увы! Мне не удается поехать в глубь страны, как я мечтал. Посмотрю Сфинкса, полежу на камнях Мемфиса, а потом поеду не знаю куда, но только не в Рим. Может быть, в Палестину или Малую Азию. Адреса у меня нет. Когда будет, тотчас сообщу.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

52. В.И.АННЕНСКОМУ-КРИВИЧУ

<Каир. 13/26 октября 1908 г.>

Многоуважаемый Валентин Иннокентиевич!
Мой привет Вам и Наталье Владимировне из Египта. Вернусь на днях.
Ваш Н. Г у м и л е в.

53. В.В.УМАНОВУ-КАПЛУНОВСКОМУ

<Царское Село. 14 ноября 1908 г.>

Многоуважаемый Владимир Васильевич,
я вернулся из моей поездки и был бы очень рад снова принять участие в вечерах имени Случевского. Вам как секретарю я сообщаю мой

новый адрес: Царское село, Бульварная ул.<ица> д.<ом> Георгиевского. Николаю Степановичу Гумилеву. И я надеюсь, что Вы не откажетесь прислать мне повестку на ближайший вечер.

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

54. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 27 ноября 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я уже недели три <как> вернулся в Царское Село, но так как здесь циркулировали упорные слухи, что Вы в Лондоне, до сих пор не писал Вам. Но вчера на «среде» у Вячеслава Ивановича мне сказали, что Вы в Москве. Из Каира я послал Вам большое письмо со стихами и просил Вас ответить, но, очевидно, Вы его не получили. Впрочем, в египетском почтовом ведомстве порядки поистине африканские. Я много и серьезно работаю и написал около пятнадцати стихотворений. Два из них я посылаю Вам для сведения, потому что очень хочу, чтобы Вы как мой лучший учитель были в курсе моего развитья.

Я окончательно пошел в ход. Приглашен в три альманаха: «Акрополь» С. Маковского, о котором Вы, наверно, знаете, в «Семнадцать» — альманах «Кошкодавов», и в альманах Городецкого «Кружок Молодых». В каждый я дал по циклу стихотворений. И критика ко мне благосклонна. Пока обо мне написали в 6-ти изданьях и, кажется, напишут еще в трех. Но эти успехи заставляют меня относиться очень недоверчиво к себе. И я думаю отложить изданье моих «Жемчугов» с назначенного Вами февраля на сентябрь. Это даст мне возможность напечатать в «Весах» еще партию моих стихов, теперь, быть может, большую.

Меня очень интересует судьба «Скрипки Страдивариуса». Еще раз прошу Вас: не признавайте меня совершеннолетним и не отказывайтесь помогать мне советами. Всякое Ваше письмо с указаньями относительно моего творчества для меня целое событие. Вячеслав Иванович вчера сказал мне много нового и интересного, но учитель мой Вы, и мне не надо другого.

Кстати, Мережковский безапелляционно сказал, что ни стихов, ни рассказов моих печатать в «Русской Мысли» он *не будет.*

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Царское Село, Бульварная, д.<ом> Георгиевского.

* * *

Она колдует тихой ночью
У потемневшего окна
И страстно хочет, чтоб воочью
Ей тайна сделалась видна.

Как бред, мольба ее бессвязна,
Но мысль упорна и горда,
Она не ведает соблазна
И не отступит никогда.

Внизу... там дремлет город пестрый,
Там кто-то слушает и ждет,
Но меч уверенный и острый, —
Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади у сквера,
Где сонно падает роса,
Живет неслыханная вера
В ее ночные чудеса.

Но тщетен зов ее кручины,
Земля все та же, что была,
Вот солнце выйдет из пучины
И позолотит купола.

Ночные тени будут реже,
Прольется гул, как ропот вод,
И в сонный город ветер свежий
Дыханье моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
Кого-то примет тишина,
Когда усталая поникнет
У заалевшего окна.

* * *

Рощи пальм и дикого алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо бесконечно голубое,
Небо золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце,
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду?
Разве ты не можешь жить, как травы
В этом упоительном саду?

Н. Гумилев.

55. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 9 декабря 1908 г.>

* * *

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни,
Странник — оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе... природа враждебна,
Все в ней рождает тоску и тревогу,

Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу-

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли,
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж! Это путь величавый и строгий —
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Темные грезы оковывать метром.

* * *

Давно вода в мехах иссякла,
Но, как собака, не умру, —
Я в память дивного Геракла
Сперва предам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое странное созвучье
У двух враждующих судеб.

Он был героем, я — бродягой,
Он — полубог, я — полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред смертью все — Терсит и Гектор —
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью светлый нектар
В полях лазоревой страны.

Н. Гумилев.

56. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 10 декабря 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо и за приглашенье принять более близкое участие в «Весах». Для меня этот журнал был и остается самым интересным, и я считаю за большую честь печататься в нем.

Вчера послал Вам «Скрипку Страдивариуса» (исправленную) и, увы, только два стихотворенья. Но я дал их шесть Галичу для «Акрополя» еще до Вашего письма и до сих пор не получил ответа. Теперь, с Вашего согласья, я возобновлю прежний ход вещей. Все, чем я останусь доволен, я буду посылать в «Весы», и Вы время от времени будете сообщать мне, что взято Вами.

Завтра или послезавтра я посылаю Вам статью страницы в 4 или 5 печатных. Она должна пойти не позже январского номера, потому что об этом же предмете, только в области живописи, будет говорить в «Образованье» Мст.<ислав> Фармаковский. Так как совпаденье главной мысли изумительно, то мы решили печатать обе статьи одновременно, чтобы не приходилось прибегать к оговоркам в примечаньях. Поэтому, если статья не подойдет для «Весов», я очень бы просил Вас сообщить мне об этом возможно скорее, чтобы я мог отдать ее в другое место.

В конце этого месяца я думаю быть в Москве, главным образом, чтобы повидаться с Вами. Если бы Вы могли назначить мне число приезда, наиболее удобное для Вас, я был бы Вам бесконечно благодарен. А то я очень боюсь помешать Вам внезапным приездом!

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

57. И.Ф. АННЕНСКОМУ

<Царское Село. Около 15 декабря 1908 г.>

Многоуважаемый Иннокентий Федорович!

Я уже много раз просил Валентина Иннокентьевича передать Вам мою искреннюю благодарность за Вашу чудную статью о моей книге, но теперь уступаю желанью поблагодарить Вас самому.

Я не буду говорить о той снисходительности и внимательности, с какой Вы отнеслись к моим стихам, я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об «Озере Чад», моем любимом стихотворении. Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в нем самую суть, ту иронию, которая составляет сущность романтизма и, в значительной степени, обусловила название всей книги. С главной мыслью Вашей статьи — с влиянием Парижа — я еще не могу вполне согласиться, но во всяком <случае> она дает мне возможность взглянуть на себя под совершенно новым углом зренья. Надо ли говорить, как это ценно.

Еще раз бесконечно благодарю Вас за те усилья, которые Вы сделали, чтобы помочь мне осознать мое творчество и подвигнуть меня так намного «по тернистому пути славы».

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

58. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 15 декабря 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
спешу Вас известить, что я раздумал печатать ту статью, о которой я Вам писал, и вместо нее готовлю цикл стихотворений. Но у меня намечено несколько статей, которые я хотел бы напечатать в «Весах» в теченье этого года. Не взяли бы Вы также повесть листа в 4, 5 печатных. Она из современной жизни, но с фантастическим элементом. Написана, скорее всего, в стиле «Дориана Грея», фантастический элемент в стиле Уэллса. Называется «Белый Единорог». Кстати, нельзя ли поместить в каталоге «Скорпиона» заметку, что готовится к печати моя книга стихов под названьем «Золотая Магия». Это вместо «Жемчугов».

Посылаю Вам рецензию обо мне И.Ф. Анненского. Она только что вышла.

Так как я до сих пор не получил от Вас уведомления, то думаю быть в Москве числа 22-го. Надеясь скоро увидеться, не продолжаю письма.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

59. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 19 декабря 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
разумеется, я не приеду в Москву, пока Вы сколько-нибудь не освободитесь. И я верю, что когда это случится, Вы мне напишете. «Скрипка Страдивариуса» послана Вам 9-го декабря заказным письмом, и квитанция хранится у меня. Если Вы уверены, что она не дошла до редакции «Весов», то, пожалуйста, черкните мне маленькую открытку или поручите кому-нибудь сделать это — я тотчас взыскиваю с почты 10 руб.<лей> штрафу и посылаю Вам новый список этого рассказа. Если не получу этой открытки, буду думать, что она нашлась и пойдет в «Весах». Присылать ли также еще стихов, и пойдут ли два уже посланные.

Я много работаю, и все больше над стихами. Стараюсь, по Вашему совету, отыскивать новые размеры, пользоваться аллитерацией и внутренними рифмами. Хочу, чтобы «Золотая Магия» уже не была «ученической книгой», как «Ром.<антические> Цветы». Посылаю одно такое стихотворение. Может быть, возьмете для «Весов».

Я безумно заинтересован «Основами поэзии».

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. В Ваших словах о рецензии Анненского есть много правды.

Охота

Князь вынул бич и кинул клич, —
Грозу охотничьих добыч,
И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит
И зверь встает, и зверь бежит,
Но не спастись ни в глубь, ни в высь
Как змеи, стрелы понеслись.

5 Гумилев. ПСС в 10 т. Т. 8

Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих россомах,
Грызет их медь седой медведь,
Но все же должен умереть,
И легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал.
Не дремлет конь — его не тронь —
Огонь в очах его, огонь.

И волк равнин, крадется финн
Туда, где дремлет властелин,
А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

Н. Гумилев.

60. А.М.РЕМИЗОВУ

<Царское Село. 9 февраля (?) 1909 г.>

Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович.

Ваше письмо застало меня совсем больным. Я довольно сильно распростудился и не выхожу из дому, а поэтому и лишен возможности служить Вам, как обещал. Но я посоветовал бы Вам направить Толстого к Глаголину — благодаря Божерянову там почва налажена.

Я в периоде полного унынья. Ничего не пишу и не собираюсь. Если можно, я не дам Глаголину обещанной статьи о Кузмине.

Очень благодарю Вас за приглашение участвовать в Кощеевском вечере, но мне придется отказаться от него. Тот рассеянный образ жизни, который я вел за эту зиму, сводит на нет мои небольшие литературные способности.

Целую ручки Серафимы Павловны и жму Вашу.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

P.S. Поклон нашим общим знакомым. Кажется, Толстой собирается серьезно приняться за наш альманах; если да, я перешлю ему рукопись Кузмина, которая сейчас у меня.

61. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село.> 26.II.<19>09 <г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я не писал Вам целую вечность и две вечности не получаю от Вас писем. Что послужило причиной последнего, не знаю и никакой вины за собой не чувствую. Я три раза виделся с «Царицей Савской» (так Вы назвали однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисианскую ересь не совратился. Ни на каких редакционных или иных собраньях, относительно которых Вы меня предостерегали, не бывал. Творчество мое идет без больших скачков, и я прилагаю все старанья, чтобы каждая вещь тем или иным была выше предыдущей. И то, что я очень редко получаю за него похвалы, служит, как мне кажется, лучшей гарантией того, что я не изменяю сам себе. Это в теории, а на практике я очень обескуражен и пишу по одному, по два стихотворенья в месяц. Три лучших, на мой взгляд, стихотворенья я уже послал Вам и предложил их для «Весов». На всякий случай напоминаю их начальные строчки («Князь вынул бич и кинул клич», «Давно вода в мехах иссякла», «В муках и пытках рождается слово»). Через полторы недели истекает ровно три месяца с тех пор, как они посланы, и, согласно объявленью «Весов», я буду считать их непринятыми, если не получу до тех пор известия о их принятьи. Я не знаю, как мне быть относительно «Скрипки Страдивариуса», про которую Толстой передавал мне Ваши слова, что принятие ее еще не решено, а Ликиардопуло на мой запрос не отвечал ни слова. Ведь она тоже лежит в редакции около трех месяцев. Но я хочу верить, что так или иначе инцидент с ней уладится и поэтому готовлю для «Весов» новый рассказ. Новых стихов я сейчас не посылаю, потому что большая часть их появится в альманахе «Акрополь», и я не хочу затруднять Вас чтеньем рукописи.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Царское Село. Бульварная, д. <ом> Георгиевского.

62. И.Ф. АННЕНСКОМУ

<Царское Село. 4 марта 1909 г.>

Многоуважаемый Иннокентий Федорович.

Не согласитесь ли Вы посетить сегодня импровизированный литературный вечер, который устраивается у меня. Будет много писателей, и все они очень хотят познакомиться с Вами. И Вы сами можете догадаться об удовольствии, которое Вы доставите мне Вашим посещением. Все соберутся очень рано, потому что в 12 ч.<асов> надо ехать на вокзал всем петербуржцам.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Бульварная, д.<ом> Георгиевского.

63. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 21 апреля 1909 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
ради Бога, простите мою настойчивость, но к ней меня вынуждают обстоятельства.

Мне крайне интересно знать, как Вы думаете распорядиться взятыми у меня стихами. Какие и где будут напечатаны? Я это спрашиваю не только из любопытства, но и потому, что вещи, оставшиеся непринятыми, я отдам в «Остров» или в «Аполлон». Первый очень нуждается в стихах.

Я жду решенья г.<осподина> Полякова относительно изданья «Жемчугов». Но мне все-таки хотелось бы получить ответ до конца мая, когда я уеду в Крым. Я бы лично хотел издать книгу в октябре. Впрочем, в конце мая я буду проездом в Москве, и если бы Вы позволили мне увидаться с Вами, мы бы подробнее обсудили этот вопрос.

Посылаю Вам мой новый сонет, может быть, Вы захотели бы его напечатать.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село, Бульварная, д.<ом> Георгиевского.

Судный день

В. И. Иванову

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный, и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет... то День подходит Судный.

Не смирну, не бдолах, не кость слоновью,
Я приношу зовущему пророку
Багряный ток из виноградин сердца.

И он во мне поймет единоверца,
Залитого, как он, во славу Року
Блаженно-расточаемою кровью.

Н. Гумилев.

64. М.А.КУЗМИНУ

<Царское Село. 7 мая 1909 г.>

Дорогой Михаил Алексеевич,
наконец-то вышел первый номер «Острова». Я высылаю его Вам на днях, так как теперь праздники. Сергей Абрамович сказал мне, что Вы не получили моего письма, которое я послал в ответ на Ваше. Это мне страшно неприятно, потому что «Праздники» уже напечатаны. У нас есть теперь издатель Н.С. Кругликов. Так что журнал наверное пойдет. Не откажите прислать еще стихов для следующих номеров. Мы очень ценим, что Вы у нас «участник», а не просто сотрудник. Журналом заинтересовался Вячеслав Иванович и он много помогает нам своими советами.

В Петербурге все по-прежнему: ссорятся, пьют и читают стихи. Вячеслав Иванович читал свой «Венок сонетов» — удивительно хорош. Алексей Михайлович кончил первую часть «Недобитого соловья» — тоже прекрасно. Все очень скучают по Вас и с нетерпением ждут Вашего возвращенья. Понемногу разъезжаются. Мейерхольд едет завтра, Толстые 12 мая. Я в конце месяца.

Может быть, напишете. С нетерпением жду стихов. Присылайте их по моему адресу: Ц<арское> С<ело> Бульварная, д.<ом> Георгиевского.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

65. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 11 мая 1909 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
на этих днях я посылаю Вам первый номер «Острова». В нем есть два мои последних стихотворенья, образчики того, что я усвоил в области хорея и ямба. Мне очень важно было бы узнать, как Вы отнесетесь к ним. Вы, наверно, уже слышали о лекциях, которые Вячеслав Иванович читает нескольким молодым поэтам, в том числе и мне. И мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, что такое стих. Но, с другой стороны, меня все-таки пугает чрезмерная моя работа над формой. Может быть, она идет в ущерб моей мысли и чувства. Тем более, что они упорно игнорируются всеми, кроме Вас; я сужу по тому, что Вы мне сказали о моем «Орле» и «Одиночестве».

«Все напевы» пока еще несколько чужды. Они не вошли мне «в кровь и в душу», как другие Ваши книги, но я думаю, что это все-таки будет из-за «Дедал и Икар» и «Кому-то».

Теперь несколько слов о делах. Не дадите ли Вы мне знать, какие из восьми взятых Вами моих стихотворений будут напечатаны, где и приблизительно когда. Оставшиеся я думаю отдать для второго номера «Острова», который выйдет недели через три. Интересно было бы узнать, наконец, судьбу «Скрипки Страдивариуса».

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

66. М.А. ВОЛОШИНУ

<Царское Село. Около 20 мая 1909 г.>

Дорогой Максимилиан Александрович,

Вы меня очень обрадовали и письмом, и сонетом, и вызовом. На последний я Вам отвечаю в этом письме через два часа после его полученья. Я написал еще сонет-посвященье Вячеславу Ивановичу, и он пишет мне ответ. Если хотите поспорить с более достойным Вас противником, я прилагаю Вам мои рифмы: — книга — полудней — рига — будней — расстрига — трудный — верига — судный — слоновью — пророку — сердца — единоверца — Року — кровью. Как видите, рифмы не вполне точны. Это Ваш развращающий пример.

В Коктебель я думаю выехать числа 27-го, вряд ли раньше, может быть, позже.

В Петербурге новостей нет, разве что Кузмин поссорился с Позняковым, Потемкин пропал без вести, вышел «Остров».

Не откажите засвидетельствовать мое почтенье Елене Тобальдовне.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

Содержанье моего ответа обусловлено тем, что «иней» мало вяжется с Эринниями, Ассурами и пр.

Н. Г.

* * *

Нежданно пал на наши рощи иней,
Он не сходил так много, много дней,
И полз туман, и делались тесней
От сорных трав просветы пальм и пиний.

Гортани жег пахучий яд глициний,
И стыла кровь, и взор глядел тусклей,
Когда у стен раздался храп коней,
Блеснула сталь, пронесся крик Эрриний.

Звериный плащ полуспустив с плеча,
Запасы стрел еще не расточа,
Как груды скал, задумчивы и буры,

Они пришли, губители богов,
Соперники летучих облаков,
Неистовые воины Ассуры.

67. В.И.АННЕНСКОМУ-КРИВИЧУ

<Царское Село. 23 мая 1909 г.>

Дорогой Валентин Иннокентиевич,
узнав, что Вы не выходите по воскресеньям, я нарочно собрал у себя моих друзей в субботу, чтобы иметь удовольствие видеть и Вас. Итак, жду Вас сегодня вечером, конечно, пораньше. Ауслендер читает новый рассказ.

Это последний раз в этом сезоне собираются у меня.

Целую ручки Наталье Владимировне и жму Вашу.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

68. А.А. ГОРЕНКО

<Коктебель. Конец июня 1909 г.>

Дорогой Андрей Андреевич,
как видите, я изменил моему плану и пишу Вам с целью возобновить нашу переписку. Я знаю, Вы, конечно, сердитесь на меня, но я готов принять какую угодно эпитимию, чтобы заслужить Ваше прощение. Жду ее с покорно опущенной головой. Может быть, мы скоро увидимся, потому что есть шанс думать, что я заеду в Лустдорф. Анна Андреевна написала мне в Коктебель, что вы все скоро туда переезжаете, обещала выслать новый адрес и почему-то не сделала этого. Я ответил ей в Киев заказным письмом, но ответа не получаю. Сообщите хоть Вы настоящий адрес, а то я кидаю письма наудачу и это

лишает меня сил написать что-нибудь связное. За это я вышлю Вам новую поэму (в 108 строк) очень одобренную В.Ивановым, Брюсовым и И.Ф.Анненским.

Если Анна Андреевна не получила моего письма, не откажите передать ей, что я всегда готов приехать по ее первому приглашению, телеграммой или письмом.

Кланяюсь всем вашим и жду адреса.

Всегда Ваш Н. Гумилев.

Коктебель (близ Феодосии) именье Волошиных, мне.

69. Ф.М. САМОНЕНКО

<Царское Село. 4 августа 1909 г.>

Милостивый государь!

Редакция «Острова» извиняется за все причиненные Вам хлопоты. С петербургским адресом вышло много недоразумений, настоящим адресом надо считать царскосельский. Вы будете крайне добры, если пожелаете выслать по нему посылку и деньги. Второй номер «Острова» выйдет в конце августа.

Готовый к услугам Н. Гумилев.

70. И.Ф. АННЕНСКОМУ

<Царское Село. До 30 августа 1909 г.>

Многоуважаемый Иннокентий Федорович,

Вы будете очень добры, если согласитесь прийти к нам в это воскресенье часам к пяти дня. Я жду Маковского, Кузмина etc. Обещал быть Вячеслав Иванович. Я говорил уже с Валентином Иннокентьевичем, и он любезно согласился прийти. Будут стихи, но не в таком неумеренном количестве, как прошлые разы. Я имею новую вещь для прочтенья.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Бульварная, д. Георгиевского.

71. М.М. ЗАМЯТНИНОЙ

<С-Петербург. 20-е числа октября 1909 г.>

Многоуважаемая Мария Михайловна,
если позволите, для восстановления текста прошлогодних лекций мы собираемся у Вас в эту субботу часа в три дня. Мосолов обещал быть и хотел известить Ивойлова, я написал уже Елизавете Ивановне.

Извините за краткость, я очень спешу.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

72. М.М. ЗАМЯТНИНОЙ

<С-Петербург. 14 ноября 1909 г.>

Многоуважаемая Мария Михайловна,
я крайне сожалею, что не могу приехать сегодня как условлено. Посылаю в готовом виде лекцию о рифме. Поля оставлены для поправок, какие комиссия найдет нужным сделать.

Мне очень интересно, что решил Вячеслав Иванович относительно Абиссинии. Может быть, мне кто-нибудь об этом напишет, так как вряд ли до 20-го я покажусь в Петербурге.

Мой поклон всем.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

73. В.И.АННЕНСКОМУ-КРИВИЧУ

<Царское Село. 24 ноября 1909 г.>

Дорогой Валентин Иннокентиевич,
если свободны, приходите сегодня часов в восемь. Зноско будет читать у меня свою драму. Будут интересные люди. Это последний раз перед Абиссинией у меня собираются.

Простите за обрывок. Очень тороплюсь.

Жму Вашу руку.

Ваш Н. Г у м и л е в.

74. ВЯЧ.И. ИВАНОВУ

<Одесса. 1 декабря 1909 г.>

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,
карантина в Синопе, кажется, нет. 3-го (в среду) я выезжаю в К<онстантино>поль, там в пятницу. В субботу румынский пароход, и 9-го (во вторник) я уже в Каире. Незачем ехать в Триест. Так дешевле и быстрее.

В Каире буду ждать телеграммы в русское консульство. Письмо очень запоздает. 12-го, если не будет телеграммы, еду дальше. Я чувствую себя прекрасно, очень хотел бы Вашего общества.

Мой поклон всем.

P.S. Море очень хорошо.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

75. В.Я. БРЮСОВУ

<Варна.> 3</16>. XII.<190>9 <г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
не знаю, простите ли Вы мне, что я так долго не писал; Вы будете справедливы, если не простите, и великодушны, если простите. Приветствую Вас из Варны, куда я заехал по пути в Абиссинию. Там я буду недели через полторы. Застрелю двух, трех павианов, поваляюсь под пальмами и вернусь назад, как раз, чтобы застать Ваши лекции в «Академии Стиха». Напишу еще из Джибути или Харрара.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

76. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ, М.А. КУЗМИНУ, С.А. АУСЛЕНДЕРУ, П.П. ПОТЕМКИНУ

<Варна. 3 / 16 декабря 1909 г>.

Дорогие Женя, Миша, Сережа, Петя и т.д.,
одним словом, все, кто относится ко мне хорошо, приветствую Вас из Варны. Из-за карантина пассажиров не выпускают на берег, но я как-

то удрал. Сижу в кафе и пью бенедиктин за каждого из Вас. Выпейте и <вы> за меня, когда будете у Альберта, и не давайте меня обижать в «Аполлоне». Качало нещадно, завтра опять будет качать. В субботу я в Константинополе, во вторник в Александрии. В Варне пробуду до полуночи, а теперь шесть вечера. У кого фантазия, фантазируйте.

Ваш Н. Гумилев.

77. В.К. ИВАНОВОЙ-ШВАРСАЛОН

<Каир. 12/25 декабря 1909 г.>

Вера Константиновна,

уже три дня я в Каире, а от Вячеслава Ивановича нет ни писем, ни телеграммы. Очевидно, он не поехал, и я поеду дальше без него. Здесь очень хорошо. Каждый вечер мне кажется, что я или вижу сон, или наоборот проснулся в своей родине. В Каире, вблизи моего отеля, есть сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев. Вечером там почти никого нет, и светит большая бледно-голубая луна. Там дивно-хорошо. Но каждый день мне приходит в голову ужасная мысль, которую я, конечно, не приведу в исполнение,— это отправиться в Александрию и там, не утопиться подобно Антиною, а просто сесть на корабль, идущий в Одессу. Я чувствую себя очень одиноким, и до сих пор мне не представилось ни одного случая выпрямиться во весь рост (это не самомнение, а просто оборот речи). Но сегодня я не смогу вытерпеть и отправлюсь на охоту. Часа два железной дороги, и я уже буду на границе Сахары, где водятся гиены. Я знаю, это дурно с моей стороны. Я сижу в Каире, чтобы кончить статью для «Аполлона»,— как она меня мучит, если бы Вы знали — денег у меня мало. Но лучше я буду работать в Абиссинии, там, кстати, строится железная дорога от Харрара до Адис-Абебы, и нужны руки, лучше пусть меня проклянет за ожиданье Маковский.

Я высаживался в Пирее, был в Акрополе и молился Афине Палладе перед ее храмом. Я понял, что она жива, как и во времена Одиссея, и с такою радостью думаю о ней. Помните, и по «Кормчим Звездам» мне вышла Нике. Et il me plaise à croire qu'elle ressemble à Vous*.

* И мне приятно думать, что она напоминает о Вас (*франц.*)

Я писал Марье Михайловне, что я не попаду в Джибути. Но, подумав, что там меня ждут письма, я решил быть там во что бы то ни стало. И, кажется, это устраивается. Придется только ехать в четвертом классе и сперва в Аден и уж оттуда в Джибути.

Если Вам вздумается мне написать, а я мечтаю об этом, пишите в Одессу до востребованья. Я буду там через месяц. Простите за такое глупое письмо, но я не мог лучше. Это третье, которое я пишу Вам из Каира. Первые два я изорвал.

Попросите, чтобы не очень обижали Потемкина. В Киеве я заметил такую тенденцию, и мне его жаль.

Я очень кланяюсь всем на башне, очень жалею о Вячеславе Ивановиче. Посылаю новое стихотворенье в общее пользованье.

Преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

Она говорила: «Любимый, любимый,
Ты болен мечтою, ты хочешь и ждешь,
Но память о прошлом, как ратник незримый,
Взнесла над тобой угрожающий нож.

О чем же ты грезишь с такою любовью,
Какую ты ищешь себе Госпожу?
Смотри, я прильну к твоему изголовью
И вечные сказки тебе расскажу.

Ты знаешь, что женское тело могуче,
В нем радости всех неизведанных стран,
Ты знаешь, что женское сердце певуче,
Умеет целить от тоски и от ран.

Ты знаешь, что робко себя сберегая,
Невинное тело от ласки тая,
Тебя никогда не полюбит другая
Такой беспредельной любовью, как я».

Она говорила, но полный печали,
Он думал о тонких руках, но иных;
Они никогда никого не ласкали
И крестные язвы застыли на них.
Н. Г у м и л е в.

78. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Каир. 12 / 25 декабря 1909 г.>

Дорогой Женя,

через два дня отправляю тебе статью, которую отделываю. Как видишь, я уже в Каире. Через два дня еду дальше. В Джибути и потом куда Бог даст. В Каире очень хорошо. Это письмо я пишу на террасе кафе и сижу без пальто, а уже вечер. Послезавтра выйдет номер «Аполлона». Поздравляю всех вас с этим событием. Пиши мне в Джибути до востребованья и, пожалуйста, поразборчивее. Сегодня Рождество по новому стилю, и поэтому скандалов в Каире вдвое больше обычного. А этим сказано все. Право, это город пальм и авантюристов. И все-таки он очень хорош. Ты помнишь обещанье: выслать 80 руб.<лей> до востребования в город, откуда я пошлю телеграмму. А то придется продать себя в рабство. Поклон всем.

Всегда твой Н. Г у м и л е в.

79. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Порт-Саид. 16 / 29 декабря 1909 г.>

Дорогой Женя,

вчера я отправил тебе первую статью, вторую привезу с собой. Вернусь около 20 января. Если можно, вышли мне сейчас же 80 р.<ублей> в Джибути. 4 января я уезжаю оттуда. Около Каира я застрелил гиену. Хотел снять шкуру, но она очень пахла, и я бросил ее так. Кланяюсь всем.

Всегда твой Н. Г у м и л е в.

Устрой, чтоб деньги пришли вовремя.

Н.Г.

80. ВЯЧ.И. ИВАНОВУ

<Джибути, 24 декабря 1909 г. / 6 января 1910 г.>

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,
до последней минуты я надеялся получить Вашу телеграмму или хоть письмо, но, увы, нет ни того, ни другого. Я прекрасно доехал до Джибути и завтра еду дальше. Постараюсь попасть в Адис-Абебу, устраивая по дороге эскапады. Здесь уже настоящая Африка. Жара, голые негры, ручные обезьяны. Я совсем утешен и чувствую себя прекрасно. Приветствую отсюда Академию Стиха. Сейчас пойду купаться, благо акулы здесь редки.

Марье Михайловне эта открытка должна быть знакома. Мы видели, такую же у докторши. Передайте, пожалуйста, Вере Константиновне, что я все время помню о геософии, и Михаилу Алексеевичу, что я тщетно ищу для него галстух. Здесь их не носят. Мой поклон всем на Башне.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

81. В.Я. БРЮСОВУ

<Джибути. 24 декабря 1909 г. / 6 января 1910 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
как видите, пишу Вам уже из Джибути. Завтра еду в глубь страны, по направленью к Адис-Абебе, столице Менелика. По дороге буду охотиться. Здесь уже есть все, до львов и слонов включительно. Солнце палит немилосердно, негры голые. Настоящая Африка. Пишу стихи, но мало. Глупею по мере того, как чернею, а чернею я с каждым часом. Но впечатлений масса. Хватит на две книги стихов.

Если меня не съедят, я вернусь в конце января. Кланяюсь Вашей супруге.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

82. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Джибути. 24 декабря 1909 г. / 6 января 1910 г.>

Дорогой Женя,
приветствую тебя и всех моих друзей «аполлоновцев» из Джибути. Завтра еду в Харрар и потом в Адис-Абебу, так что когда ты будешь читать эту открытку, я буду уже в положеньи, изображенном на другой стороне. Там, как ты можешь видеть, изображено, как я застиг врасплох льва и готовлюсь везти его живьем в Петербург. Я даже бросил ружье, чтобы нечаянно его не поранить. Здесь очень жарко, негры голые, обезьяны, попугаи.

Вернусь в конце января, привезу статью об экзотизме и негритянок для всех сотрудников «Аполлона». Ты напрасно ждешь, что я прибавлю «и негров для сотрудниц», я никогда не осмелюсь даже подумать об этом.

Надеюсь, мне удастся уговорить Менелика выписать «Аполлон» для всех народных училищ Абиссиний.

Всегда искренно любящий тебя Н. Гумилев.

83. М.А. КУЗМИНУ

<Харэр. Январь 1910 г.>

Дорогой Миша,
пишу уже из Харрара. Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня мне предстоит ехать еще 8 часов (50 километров), чтобы найти леопардов. Так как княжество Харрар находится на горе, здесь не так жарко, как было в Дир-Абауа, откуда я приехал. Здесь только один отель и цены, конечно, страшные. Но сегодня ночью мне предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью. Здесь есть и львы, и слоны, но они редки, как у нас лоси, и надо надеяться на свое счастье, чтобы найти их.

Я в ужасном виде: платье мое изорвано колючками мимоз, кожа обгорела и меднокрасного цвета, левый глаз воспален от солнца, нога болит, потому что упавший на горном перевале мул придавил ее своим телом. Но я махнул рукой на все. Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом.

Как видишь из этого письма, я совсем забыл русский язык; здесь я говорю на пяти языках сразу. Но я доволен своей поездкой. Она меня пьянит, как вино.

Когда ты получишь это письмо, я буду, наверно, уже по дороге в Константинополь и через неделю увижу тебя.

Кланяйся всем на башне и в Аполлоне. Мой слуга абиссинец ждет меня у дверей. Кончаю писать.

Всегда твой Н. Г у м и л е в.

84. Е.А. НАГРОДСКОЙ

<Царское Село. 1910-е годы>

Многоуважаемая Евдокия Аполлоновна,
посылаю Вам обещанное стихотворение и жму Ваши ручки.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

85. Е. А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

[Приписка на письме С.А. Ауслендера Е.А. Зноско-Боровскому]

<Парахино. 20 марта 1910 г.>

Дорогой Женичка,
я уже в Окуловке и шлю тебе отсюда мой лучший привет. Здесь хорошо: солнце светит, птички поют и т.д.

Вернусь, наверно, во вторник; в понедельник пойду на тетеревиный ток.

Жму твою руку.

Искренне любящий тебя Н. Г у м и л е в.

86. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 25 марта 1910 г.>

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,
скоро должна выйти моя книга стихов, посвященная Вам, как моему учителю, и я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы согласились

написать о ней в «Аполлоне». Но по многим соображеньям необходимо, чтобы отзыв о моей книге появился в апрельском номере, и для этого надо, чтобы рукопись его была в распоряженье редакции никак не позже первого апреля. Так что, если Вы согласны писать обо мне, мне придется просить Вас взять корректуры у М.Ф. Ликиардопуло и написать Ваш отзыв по ним. Они уже все готовы, и часть книги отпечатана.

Рукопись лучше всего прислать в «Аполлон» на имя секретаря Зноско-Боровского.

Я тоже вынужден силой обстоятельств просить Вас известить меня открыткой о Вашем согласье или несогласье, чтобы в последнем случае, я мог просить рецензию <у> другого.

Я послал Вам три письма из Египта и Абиссинии. Дошли ли они?

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Царское Село, Бульварная, д. <ом> Георгиевского.

87. В.Я. БРЮСОВУ

<Киев. 21 апреля 1910 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
пишу Вам, как Вы можете видеть по штемпелю, из Киева, куда я приехал, чтобы жениться. Женюсь я на А.А. Горенко, которой посвящены «Романтические цветы». Свадьба будет, наверное, в воскресенье, и мы тотчас же уезжаем в Париж. К июлю вернемся и будем жить в Царском по моему старому адресу.

«Жемчуга» вышли. Вячеслав Иванович в своей рецензии о них в «Аполлоне», называя меня Вашим оруженосцем, говорит, что этой книгой я заслужил от Вас ритуальный удар меча по плечу, посвящающий меня в рыцари. И дальше пишет, что моя новая деятельность ознаменуется разделеньем во мне воды и суши, причем эпическая сторона моего творчества станет чистым эпосом, а лиризм — чистой лирикой.

Не знаю, сочтете ли Вы меня достойным посвященья в рыцари, но мне было бы очень важно услышать от Вас несколько напутственных слов, так как «Жемчугами» заканчивается большой цикл моих пережи-

ваний, и теперь я весь устремлен к иному, новому. Каково будет это новое, мне пока не ясно, но мне кажется, что это не тот путь, по которому меня посылает Вячеслав Иванович. Мне верится, что можно еще многое сделать, не бросая лиро-эпического метода, но только перейдя от тем личных к темам общечеловеческим, пусть стихийным, но под условьем всегда чувствовать под своими ногами твердую почву. Но я повторяю, что мне это пока неясно и жду от Вас какого-нибудь указанья, намека, которого я, может быть, сразу не пойму, но который встанет в моем сознаньи, когда нужно. Так бывало не раз, и я знаю, что всем, чего я достиг, я обязан Вам.

Как надпись на Вашем экземпляре «Жемчугов» я взял две строки из Вашего «Дедала и Икара». Продолжая сравненье, я скажу, что исполняю совет Дедала, когда он говорит:

«Мой сын, лети за мною следом
И верь в мой зрелый, зоркий ум...»

Но я не хочу погибнуть, как Икар, потому что белые Кумы поэзии мне дороже всего.

Простите, что я так самовольно и без всякого на то права навязался к Вам в Икары.

Не присылаю теперь моего адреса, потому что сам его еще не знаю. Из Парижа напишу опять, тогда уже с адресом.

Может быть, Вы захотите мне там поручить что-нибудь сделать.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

88. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 9 июля 1910 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
не только долг благодарности за Ваш более чем лестный для меня отзыв заставляет меня писать Вам, но и желанье договорить хоть прозой, то, что я не сумел вложить в стихи, показать, что не напрасно Вы оказали мне честь, признав меня своим учеником, что я тоже стремлюсь к указанному Вами синтезу, но по-своему осторожно, быть может, даже слишком. Начиная с «Пути конквистадоров» и кончая последними стихами, еще ненапечатанными, я стараюсь расширять мир моих образов

и в то же время конкретизировать его, делая его таким образом все более и более похожим на действительность. Но я совершаю этот путь медленно, боясь расплескать тот запас гармоний и эстетической уверенности, который так доступен, когда имеешь дело с мирами воображаемыми и которому так мало (по-видимому) места в мире действительности. Я верю, больше того, чувствую, что аэроплан прекрасен, русско-японская война трагична, город величественно страшен, но для меня это слишком связано с газетами, а мои руки еще слишком слабы, чтобы оторвать все это от обыденности для искусства. Тут я был бы только подражателем, неудачным вдобавок; а хочется верить, что здесь я могу сделать что-нибудь свое.

«Жемчуга» — упражненья, — и я вполне счастлив, что Вы, мой первый и лучший учитель, одобрили их. Считаться со мной как с поэтом придется только через много лет.

Я уже женат и живу в Царском, на старой квартире, Бульварная, д.<ом> Георгиевского. И думаю остаться еще несколько месяцев, пока не потянет куда-нибудь на юг. Пока смутно намечается поездка в Среднюю Азию.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

89. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 2 сентября 1910 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я Вас очень благодарю за Ваше письмо и приглашенье. Для меня большая честь печататься в изданьях, руководимых Вами. Но тем более я хочу быть требовательным к себе. В настоящую минуту то небольшое количество стихотворений, которое у меня было после «Жемчугов» (я летом вообще пишу мало), разобрано разными редакциями. Рассказов я вообще не писал уже довольно давно. Но, конечно, Ваше письмо заставит меня работать, и я уверен, что через очень короткий срок я пришлю Вам ряд стихов, а может быть, и рассказ.

Дней через десять я опять собираюсь ехать за границу, именно в Африку. Думаю через Абиссинию проехать на озеро Родольфо, оттуда на озеро Виктория и через Момбаз в Европу. Всего пробуду там месяцев пять.

Ваша последняя статья в «Весах» очень покорила меня, как, впрочем, и всю редакцию. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче, но я несколько иначе понимаю статью Блока. Может быть под влияньем разговора с ним я вынес то впечатленье, что он стремится к строгому искусству, которое ему нравится называть религией, от произвольных догадок, выкриков и подмигивания (земля в снегу), что он, конечно, совсем неосновательно называет поэзией. Пример — его стихи в «Аполлоне», где он явно учится у Вас.

Кстати, относительно «Аполлона» я хочу Вас предупредить, что хотя я и считаюсь его ближайшим сотрудником, но влиянье (и то только некоторое) имею лишь на отдел стихов, статьи же, рассказы и хронику читаю только по выходе номера.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

Мой адрес прежний; если я уеду, мне будут пересылать все письма.

90. А.Г. АРХАНГЕЛЬСКОМУ

<Петербург. 20 сентября 1910 г.>

М.<илостивый> Г.<осударь>

Исполняя Вашу просьбу, пишу Вам о Ваших стихах. По моему мненью, они несколько ходульны по мысли, не оригинальны по построенью, эпитеты в них случайны, выраженья и образы неточны. От всех этих недостатков, конечно, легко отделаться, серьезно работая над собой и изучая других поэтов, лучше всего классиков,— но пока Вы не совершили этой работы, выступленье Ваше в печать было бы опасно прежде всего для Вас самих как для начинающего поэта. При сем я посылаю Вам Ваше стихотворенье с детальными примечаньями, которые должны пояснить Вам мою мысль.

В надежде на Ваши будущие успехи Н. Гумилев.

Он стал над землей и горами[1]
И глянул в бездонную высь.
И Солнце, сжигая лучами[2],
Ему прошептало — Молись! —

Он ринулся в бездну немую[3],
Где змеи в изгибах свились[4],
И слышал Он просьбу глухую,
Тревожную просьбу — Молись! —

И крикнул Он голосом диким[5]:
— Зачем же мы жить родились?[6]
Чтоб только молиться безликим?[7]
— Да! Только молиться. Молись!

1. Земля и горы в данном случае одно и то же.
2. Сжигая *кого*? Кроме того, на высотах холоднее, чем в низинах.
3. «Немая бездна» — банальна. Вся строчка напыщена.
4. Какие змеи? Почему? Как можно свиваться в изгибах?
5. Дикий голос — заезженный романтизм.
6. «Жить родились» — плеоназм.
7. Великое. Безликое — у Бальмонта. Вряд ли безликих несколько, ведь тогда бы они имели «лик», как различье.

По построению стихотворенье напоминает Бальмонта: «Я спросил у свободного ветра» и Тютчева «Восток бледнел...».

91. Е. А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Константинополь. 7 / 20 октября 1910 г.>

Дорогой Женя,
прости, поэма через неделю. Кланяйся всем.

Твой Н. Г у м и л е в.

92. С.К. МАКОВСКОМУ

<Порт-Саид. 13/26 октября 1910 г.>

Дорогой Сергей Константинович, я очень извиняюсь за опозданье, с которым я высылаю Вам поэму в ее окончательном виде. Но для последнего номера она все-таки поспеет, не правда ли? В данное время

я занят тем, что пишу гимн Аполлону, пошлю его Вам из Порт-Судана или из Джедды. Сейчас мы идем вдоль Кипра, совсем близко от берега; море совсем сине и уже очень жарко, совсем по-южному. В Бейруте я буду купаться. Как-то Аполлон? Высылайте мне, пожалуйста, вновь выходящие номера в Порт-Саид до востребования. Туда же можно будет и писать. Месяца через два или три я буду там проездом.

Я попросил бы, если это не очень затруднит «Аполлон», выслать мне переводом (почтовым или банковским) в Момбазу (Восточная Африка) 150 или 200 р. <ублей> на обратный путь. В таком случае все мои получки с Мусагета, Северных Цветов и Русской Мысли, я предоставляю получить Аполлону в счет долга, о чем и напишу, конечно, издателям. Остаток пойдет в виде аванса. Во всяком случае напишите мне туда до востребования, чтобы я знал, чего держаться. Поклон Жене, Кузмину и другим нашим общим знакомым.

Ис<к>ренне Ваш Н. Гумилев.

P.S. В поэме я принимаю заранее все измененья, сделанные Вами вместе с Кузминым или Вячеславом Ивановичем. Я прошу о них.

93. ВЯЧ.И.ИВАНОВУ

<Шеллал. 23 октября / 5 ноября 1910 г. >

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,
опять попав в места, о которых мы столько говорили в прошлом году, я не смог удержаться от искушенья напомнить Вам о своем существовании этой открыткой. Как-то Вам понравилась моя поэма? 4 песнь целиком написана в Средиземном море. Мой поклон Башне.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

94. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Джидда. 26 октября / 8 ноября 1910 г.>

Дорогой Женя, привет тебе и всему Аполлону из Порт-Судана. Пишу это сейчас после купания за стаканом виски с содовой. Но оказалось, что почта заперта, ото<ш>лю эту открытку из Джедды.

* * *

Я уже в Джедде. Здесь очень жарко, очень грязно, удивительно зеленый цвет воды, много акул и могила Евы. Я совершил туда паломничество. Мой привет «Аполлону» и всем нашим друзьям. Через три дня я буду уже в Джибути.

Искренно твой Н. Г у м и л е в.

95. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Царское Село. 16 апреля 1911 г.>

Дорогой Женя,
в субботу приехать не могу, мне крайне надоела моя лихорадка. Приеду в понедельник, тогда, если ты свободен, побродим. Сообщи об этом Чулкову. Моя жена отправила два письма в «Аполлон» Моравской и Зенкевичу (она не знает их адреса) и очень просит тебя отослать их по адресу с посыльным немедленно. Пожалуйста, не откажи. Хронику привезу в понедельник.

Жму руку.

Твой Н. Г у м и л е в.

96. В.Я. БРЮСОВУ

<Слепнево. 24 мая 1911 г.>

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,
благодарю Вас за переводы Верлэна (они мне очень и очень понравились) и за новую «Земную Ось». Правда ли, что книга Ваших стихов выходит осенью? Это очень нужно, а то проходящая зима была так бедна стихами, что даже интерес к ним стал как будто пропадать. Ваши мысли по поводу реализма в поэзии (из Русской Мысли) заставили меня много думать, волноваться, даже сердиться. Но Вы правы: и ангелы, и замки не лучше гражданской поэзии. Меня смутил только Ваш отзыв об Эренбурге. Сколько я его ни читал, я не нашел в нем ничего, кроме безграмотности и неприятного снобизма.

Как Вам показались стихи Анны Ахматовой (моей жены)? Если не поленитесь, напишите, хотя бы кратко, но откровенно. И положительное, и отрицательное Ваше мненье заставит ее задуматься, а это всегда полезно.

Посылаю Вам три новые стихотворенья, может быть, пригодятся в какое-нибудь изданье. Но мне хотелось бы знать о их судьбе.

Целую ручки Анны Матвеевны.

Мой адрес до августа: Тверская губ.<ерния> Полуст.<анок> Подобино, именье Слепнево, мне.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Двенадцатый год

Как будто год наш роковой,
Двунадесятый возвращался.
Гр<афиня>.Е. Ростопчина.

Он близок, слышит лес и степь его;
Какой теперь он кроет ков,
Год Золотой Орды, Отрепьева,
Двунадесяти языков?

Вслед за его крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С военной музыкой и пением
Войдут войска в столицу... чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных,
Но громких в летописях слав?

Кто смелый?.. Но к чему допрашивать!
Туманно небо, воет пес,
В душе темно, — пора докашивать
Перестоявшийся покос.

Чума, война иль революция,
В пожарах села, луг в крови!
Но только б спела скрипка Муция
Песнь Торжествующей Любви.

* * *

В вазах было томленье умирающих лилий.
Запад был медно-красный. Вечер был голубой.
О Леконте де Лиле мы тогда говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы,
И читали спокойно, и шептали — «не тот!»
... Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы,
Как кочевницы-звезды, что восходят раз в год.

Было тихо, так тихо, и пред нами воскресли
Рифмы древнего Солнца, мир нежданно-большой,
И сквозь сумрак вечерний, запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой.

Н. Гумилев.

97. ВЯЧ.И. ИВАНОВУ

<Слепнево.> 3 <июня> 1911<г.>

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,
теперь, наверно, уже вышел второй том «Cor Ardens'a», и я очень верю, что у Вас есть несколько свободных стихотворений, которые Вы могли бы дать для августовской книжки «Аполлона», как однажды обещали мне. Если да, я буду Вам очень благодарен, если пошлете их прямо Зноско-Боровскому, чтобы он сдал их в печать, потому что номер уже набирается.

Кроме того у меня к Вам есть еще большая просьба: я написал здесь несколько стихотворений в новом для меня духе и совершенно не знаю, хороши они или плохи. Прочтите их, и если решите, что они паденье или нежелательный уклон моей поэзии, сообщите мне или Зноско-Боровскому, который мне напишет, и я дам в «Аполлон» другие стихи. Если понравятся, пошлите в «Аполлон» их вместе с Вашими. Этим Вы докажете, что Вы относитесь ко мне достаточно хорошо, чтобы быть строгим, и еще не отреклись от всегда сомневающегося, но всегда преданного Вам ученика

Н. Гумилева.

Поклон всем на Башне. Аня наверно скоро вернется.

В Царском мы будем в начале августа.

Мой адрес: Станция Подобино, Московско-Виндаво-Рыбинской ж.<елезной> д.<ороги>, именье Слепнево, мне.

Четыре стихотворения

I. Неизвестность

Замирает дыханье, и ярче становятся взоры
Перед сладко волнующим ликом твоим, Неизвестность,
Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы
И смущенного видеть еще неоткрытую местность.

В каждой травке намек на возможность несбыточной встречи,
Этот грот — обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит: «милый!»

У нее есть хранитель, волшебник ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сетью, опутает душу печалью.
... И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду, всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью.

II. В саду

Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далекой аллее ждала,
И томила весна... Но она не пришла,
Не хотела, иль просто пугалась ветвей.

Оттого ли, что было томиться невмочь,
Оттого ли, что издали плакал рояль,
Было жаль соловья, и аллею, и ночь,
И кого-то еще было тягостно жаль.

— Не себя! Я умею быть светлым, грустя;
Не ее! Если хочет, пусть будет такой;
...Но зачем этот день, как больное дитя,
Умирал, не отмеченный Божьей Рукой?

III. Лиловый цветок

Вечерние тихи заклятья,
Печаль голубой темноты,
Я вижу не лица, а платья,
А может быть, только цветы.

Так радует серо-зеленый,
Живой и стремительный весь,
И, может быть, к счастью, влюбленный
В кого-то чужого... не здесь.

Но душно мне... Я зачарован;
Ковер подо мной, словно сеть;
Хочу быть спокойным — взволнован,
Смотрю,— а хочу не смотреть.

Смолкает веселое слово,
И ярче пылание щек:

То мучит, то нежит лиловый,
Томящий и странный цветок.

IV. Сон (Утренняя болтовня)

Вы сегодня так красивы,
Что вы видели во сне?
— Берег, ивы
При луне. —

А еще? К ночному склону
Не приходят, не любя.
— Дездемону
И себя. —

Вы глядите так несмело:
Кто там был за купой ив?
— Был Отелло...
Он красив. —

Был ли он вас двух достоин,
Был ли он как лунный свет?
— Да! Он воин
И поэт. —

О какой же пел он ныне
Неоткрытой красоте?
— О пустыне
И мечте. —

Что ж? Вы слушали влюбленно,
Нежной грусти не тая?
— Дездемона,
Но не я.

98. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Слепнево. 3 июня 1911 г.>

Дорогой Женя,

спасибо за письмо. Оно дошло до меня с опозданьем. Дня через три высылаю тебе хронику. Она будет небольшой. Одновременно с этим письмом пишу Вячеславу Ивановичу, прося его дать стихов, и прямо тебе. Их можно набирать. Он же наверно передаст тебе и мои стихи для того же номера, я послал их ему, желая узнать его мнение. Если не даст, напиши мне, я устрою что-нибудь другое. Книги, пожалуйста, пришли сюда, я буду готовить большую хронику для сентября. Я живу здесь очень мило и вряд ли вернусь до августа. Очень повторяю тебе мое приглашение приехать сюда погостить. Если выедешь в восемь вечера с Николаевского вокзала, в шесть утра будешь в Бежецке, и если заранее назначишь день, за тобой вышлют лошадей. Здесь две прелестные кузины, крокет, винт, верховая езда и т.д. Рискни несколькими днями, ты меня этим очень порадуешь.

Кланяйся всем знакомым.

Искренне твой Н. Гумилев.

99. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<Слепнево. 7 или 8 июня 1911 г.>

Дорогой Борис Николаевич,

очень Вас благодарю за письмо и за стихи. Не получая от Вас довольно долго ответа, я уже попросил стихов для августа у Вячеслава Ивановича; если он даст, то Ваши пойдут в сентябре (разница в один месяц); если же нет, они пойдут в августе, как мы и думали. «Мусагет» я еще не получал.

В августе мне снова придется обратиться к Вам за стихами для альманаха «Аполлона», который предполагается издать осенью. Хотелось бы иметь стихотворений шесть или семь. Но я еще напишу об этом.

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

100. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Царское Село. 7 или 8 июня 1911 г.>

Дорогой Женя,
посылаю тебе хронику и стихи Андрея Белого. Если В. <ячеслав> И. <ванов> уже дал стихи для августа, эти пойдут в сентябре. Если не дал, пусти их в август. Пожалуйста, пришли мне второй том Cor Ardens'а и Блока; с ними будет много работы. Не удивляйся, получа это письмо из Петербурга. Я все еще в деревне. Кланяйся всем. Жму твою руку.

Н. Гумилев.

101. Г.Т. РОБАКИДЗЕ

<Царское Село. 7 или 8 июня 1911 г.>

Дорогой господин Григол!

Прежде всего простите, что я так опоздал с ответом. Но я только что вернулся из Тверской губернии и получил Ваше письмо. Я очень рад, что Вы вспомнили обо мне и что собираетесь приехать в Петербург.

Я буду очень рад нашей встрече. Ваша информация о грузинском символизме меня очень заинтересовала. Конечно, пришлите Вашу статью, и я ее где-нибудь пристрою. Но редакция должна иметь право по желанию сократить статью по своему усмотрению, что может быть затруднительно.

Что касается перевода «Змееeда», большое удовольствие взять его на себя, если он не содержит технической трудности. Тогда перевод может быть удастся опубликовать в «Пантеоне» с Вашим предисловием. Но беда в том, что грузинский язык я знаю очень плохо и смогу перевести лишь при наличии подстрочника и с указаниями какого-нибудь знатока.

Ваш Н. Гумилев.

Рукопись и письма пошлите по адресу: Царское Село, Бульварная, дом Георгиевского, Николаю Степановичу Гумилеву.

102. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Слепнево. 25 июня 1911 г.>

Дорогой Женя,
посылаю тебе исправленную корректуру. В августе пойдут только стихи Белого, других пока нет, да пожалуй, пока и не надо. Может быть, я приеду в Петербург до августа. Но во всяком случае верю, что ты помнишь свое обещанье приехать ко мне и сдержишь его. Лучше бы поскорее.

Всегда твой Н. Гумилев.

103. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

<Слепнево. 28 июля 1911 г.>

Милый Женя,
я здесь пробуду до 7-го августа. Если приедешь, очень порадуешь. Напиши, что надо сделать еще для альманаха. Я уезжаю к лопарям. Вернусь в начале сентября. Князеву пишу. Жму твою руку.

Твой Н. Гумилев.

Аня шлет привет.

104. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 4 сентября 1911 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
разумеется Ваша трагедия будет очень кстати для альманаха «Аполлона». Я очень Вам благодарен, что Вы ее нам предложили. Мы будем ее ждать, так же как и стихи; я здесь хвастался, что Вы даете их много, восемь или десять. Все поступившие рукописи уже набираются, и мы очень хотим поторопиться с печатаньем, так как этой же зимой думаем выпустить второй альманах, причем, конечно, опять очень рассчитываем на Ваше любезное согласие принять в нем участье.

Я очень рад, что мои стихи в «Аполлоне» остановили на себе Ваше вниманье, хотя они не из моих любимых. Но мне очень интересно, что Вы скажете о моем цикле в Альманахе и останетесь ли Вы при убежденьи, что я только переменил учителя.

Теперь я, кажется, опять начинаю увлекаться прозой (не оставляя, конечно, стихов), но печатать ее решусь только, если сам останусь ей доволен. Для «Русской Мысли» пришлю что-нибудь непременно — мне очень приятно там печататься.

Надеюсь, Вы уже получили мой долг, я Вам очень за него благодарен.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

105. Г. И. ЧУЛКОВУ

< Царское Село. 15 сентября 1911 г.>

Дорогой Георгий Иванович,

разумеется, пишите и присылайте в «Аполлон» статью о «Cor A<rdens'e>. Мне это будет очень приятно, так как я искренне не верю в свою способность всесторонне осветить такую значительную книгу. Я говорил о вашем предложении С.<ергею> К.<онстантиновичу>, и он тоже очень рад, но только просит, чтобы, если эта статья предназначается для хроники, она не превышала бы размера двух столбцов. Это его пожеланье, но не мое.

Благодарю, что вспомнили.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

106. В.А. ПЯСТУ

<Царское Село. До 20 октября 1911 г.>

Дорогой Владимир Алексеевич,

Вы приглашены в новый литературный кружок для чтенья и обсужденья стихов. Первое собранье назначено в четверг в 8 часов вечера, у С.М.Городецкого. Фонтанка, 143.

Уважающий Вас Н. Гумилев.

6 Гумилев. ПСС в 10 т. Т. 8

107. М.А. КУЗМИНУ

<Царское Село. Осень 1911 г.(?)>

Дорогой Миша,
сегодня царскосельское казначейство было заперто весь день. Надеюсь, что завтра оно будет отперто, тогда я немедленно пришлю или привезу сам.

Очень жалею о случае, о котором ты говоришь в приписке.

Прости, тороплюсь.

Твой Н. Г у м и л е в.

108. М.А. КУЗМИНУ

<Царское Село. Между 9 и 11 ноября 1911 г.>

Дорогой Миша,
прости, что я не мог быть у тебя во вторник. Очень жду тебя в субботу часа в 4 с *обоими* Иониными. Очень прошу тебя передать мое приглашенье меньшому.

Я совсем закис.

Искренне твой Н. Г у м и л е в.

109. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 15 ноября 1911 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
посылаю Вам три мои последние стихотворенья. Может быть, что-нибудь пригодится для «Русской Мысли». Но, к сожаленью, я должен Вас предупредить, что в феврале выйдет книга моих стихов, так что эти стихи самое позднее могут войти в февральскую книжку. Может быть, Вы не откажете известить меня о Вашем решеньи.

Мне очень жаль, что с Вашими стихами, присланными в «Аполлон», вышло такое недоразуменье. Когда они пришли, альманах был уже наполовину отпечатан, так что включить их не представлялось никакой возможности. Почему Вы не хотите их оставить для декабрьского

номера и второго альманаха «Аполлон», который должен выйти весною? Я только очень боюсь, что «Аполлон» не решится напечатать «Провинциальную Картинку».

О Вашей книге «Далекие и Близкие» я буду писать в ближайшем номере. Удивительно, какой цельной вышла она, составленная из отдельных рецензий.

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

P.S. Пожалуйста, известите поскорей, что возьмете для «Русской Мысли». Остальное думаю дать в декабрь «Аполлона».

Освобожденье

Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным;
Руки не чувствуют холода цепи тяжелой;
Грустно расстаться ему с пауком прирученным,
С хилым тюремным цветком, пичиоллой;

Жалко тюремщика... (он иногда улыбался
Странно-печально)... и друга за тяжким затвором...
Или столба, на котором однажды качался
Тот, кого люди назвали убийцей и вором...

Жалко? Но только, как призрак, растаяли стены,
В темных глазах нетерпенье, восторг и коварство;
Солнце пьянит его, солнце вливается в вены,
В сердце... изгнанник идет завоевывать царство.
Н. Г у м и л е в.

110. А.М. РЕМИЗОВУ

<Царское село. Зима-весна 1912 г. (?)>

Дорогой Алексей Михайлович,
опять Вас не застал. Ужасно досадно. Может быть, вы с Серафимой Павловной соберетесь в Царское. По воскресеньям мы всегда дома.

Целую ручки Серафимы Павловны и кланяюсь Вам.

Ваш Н. Г у м и л е в.

111. К.И. ЧУКОВСКОМУ

<Царское Село. Конец марта — начало апреля 1912 г.>

Многоуважаемый Корней Иванович,
я думаю, Вам уже передали в «Ниве» мой перевод Сфинкса. Мне очень интересно было бы узнать, как Вы его нашли.

Посылаю Вам еще четыре стихотворения Уайльда, их тех, которые Вы мне отметили. Перевод пятого мне не удался, и я решил от него отказаться.

Деньги за Сфинкса я уже просил секретаря отослать в Царское Село; а за стихи (17 р.<ублей>) я очень бы просил выслать возможно скорее на мое имя во Флоренцию, Главное Бюро, до востребования.

Пользуюсь случаем еще раз поблагодарить Вас за заказ, выполнять который для меня было истинным удовольствием.

Искренно Ваш Н. Г у м и л е в.

Письма мне можно пока тоже в Флоренцию.

112. В.Я. БРЮСОВУ

<Италия (Венеция?). Май 1912 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я проехал почти всю Италию, написал с десяток стихотворений. Посылаю Вам несколько. Может быть, Вы захотите что-нибудь напечатать в «Русской Мысли». Сколько раз я начинал Вам писать. Хотел рассказать Вам о моем союзе с Городецким, о Цехе Поэтов и его отношеньи к Вячеславу Ивановичу, о будущей реформе «Аполлона». Хотел... но это был бы целый трактат, а я совсем не могу писать прозой, по крайней мере, <в> последнее время. Мысли несутся вперед, путаются, перо не хочет их записывать. Надеюсь, это продлится недолго.

Относительно моих стихов, может быть, Вы напишете мне в «Аполлон», я буду там недели через полторы.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

113. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 22 мая 1912 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я уже вернулся и получил Ваше письмо. Для меня было большой радостью узнать, что мои итальянские стихи Вам понравились. Что же касается Ваших сомнений, то у меня были те же самые, так что я охотно пойду на исправленья. Вот как у меня было в первой редакции (если это Вас удовлетворит, оставьте).

Конец «Пизы»:

Сатана, в нестерпимом блеске
Оторвавшись от старой фрески,
Распростерся с тоской всегдашней
Над кривою пизанской башней.

Вместо «распростерся» можно поставить «изогнулся» или «наклонился», у меня нет предпочтений.

В «Риме» было вместо «царство иное» — «царство покоя», вместо «он крепок лишь следом длинных» — «он крепок следом призывных», период двух строф был яснее (смысл новых таков: что значит вся эта мишура, твой город тот же дикий и вечный, благодаря своему божественно-звериному происхожденью). Но я посылаю его Вам заново переписанным.

А на неверные рифмы меня подбили стихи Блока. Очень они заманчиво звучат.

Может быть, Вы пришлете стихов для второго альманаха «Аполлона». Литературный Петербург очень интересует теперь возможность новых группировок, и по моей заметке, а также отчасти по заметке Городецкого в «Речи», Вы можете судить, какое место в этих группировках отводится Вам. Я надеюсь, что альманах «Аполлона» окажется в значительной степени под влияньем этих веяний.

В конце этой недели я еду в деревню, и мой адрес таков: Московско-Виндаво-Рыбинская ж.<елезная> д.<орога>, полустанок Подобино, усадьба Слепнево, мне.

Еще одно слово: не мог ли бы я получать в «Русской мысли» пятьдесят копеек за строчку стихов, как я получаю теперь везде. Если нет, пусть останется по-старому.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

Рим

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе!

С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть,
Они не люди — волчата,
У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?

Когда же в царство иное
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же
У той же быстрой реки,
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,

И взор Мадонн вдохновенный,
И храм Святого Петра,

И все, что нежно и тленно,
Родилось только вчера!

Он будет, вечный и дикий,
Стоять на семи холмах,
Покуда звездные лики
Над ним горят в небесах.

И, город Цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок лишь следом длинных
Косматых, звериных лап.

Н. Гумилев.

114. В.Я. БРЮСОВУ

<Слепнево. 4 июня 1912 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
как видите по штемпелю, я уже в деревне.

Оказывается, случилось неприятное для «Цеха Поэтов» приключенье. «Скифские Черепки» были посланы в редакцию «Русской Мысли», но, судя по Вашему письму к Городецкому, до Вас они не дошли. К тому же, еще кто-то что-то напутал, и до сих пор они не были высланы Вам вторично. К счастью, муж поэтессы, мой приятель и дальний родственник, живет в шести верстах от меня. От него я достал один экземпляр «Скифских Чер.<епков>» и со всею поспешностью отправляю его Вам. Он был надписан, и поэтому пришлось вырвать первый лист. Мне, как синдику Цеха, очень дорого, чтобы Вы писали о его изданиьях, и, кроме того, я очень дружески настроен к автору «Ск.<ифских> Ч.<ерепков>».

Недели полторы тому назад я послал Вам измененья в «Риме» и «Пизе». Очень интересно, удовлетворили ли они Вас?

Искренне Ваш Н. Гумилев.

115. В.Я. БРЮСОВУ

<Слепнево. 20 июня 1912 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
около месяца тому назад я послал Вам исправленными «Пизу» и «Рим». И не получая до сих пор ответа, я очень беспокоюсь, дошло ли до Вас это письмо с исправленьями. Если нет, не откажите написать мне открытку, я вышлю их вновь.

Я уже в деревне, и мой адрес таков: Московo-Виндаво-Рыбинская ж.<елезная>д.<орога>, полустанок Подобино, усадьба Слепнево, мне.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

116. А. А. АХМАТОВОЙ

<Слепнево. Июнь 1912 г.>

Милая Аничка,
как ты живешь, ты ничего не пишешь. Как твое здоровье, ты знаешь, это не пустая фраза. Мама нашила кучу маленьких рубашечек, пеленок и т. п. Она просит очень тебя целовать. Я написал одно стихотворенье вопреки твоему предупрежденью не писать о снах, о том моем итальянском сне во Флоренции, помнишь. Посылаю его тебе, кажется, очень нескладное. Напиши, пожалуйста, что ты о нем думаешь. Живу я здесь тихо, скромно, почти без книг, вечно с грамматикой, то английской, то итальянской. Данта уже читаю à livre ouvert*, хотя, конечно, схватываю только общий смысл и лишь некоторые выражения. С Байроном (английским) дело обстоит хуже, хотя я не унываю. Я увлекся также верховой ездой, собственно, вольтижировкой, или подобьем ее. Уже могу на рыси вскакивать в седло и соскакивать с него без помощи стремян. Добиваюсь делать то же на галопе, но пока неудачно. Мы с Олей устраиваем теннис и завтра выписываем мячи и ракеты. Таким образом, хоть похудею. Мока наша дохаживает последние дни, и для нее уже поставлена в моей комнате корзина с сеном. Она так мила, что всех умиляет. Даже Александра Алексеевна сказала, что она самая симпатичная из наших зверей.

---

* с листа (*франц.*)

Каждый вечер я хожу один по Акинихской дороге испытывать то, что ты называешь Божьей тоской. Как перед ней разлетаются все акмеистические хитросплетения. Мне кажется тогда, что во всей вселенной нет ни одного атома, который бы не был полон глубокой и вечной скорби.

Я описал круг и возращаюсь к эпохе «Романтических цветов» (вспомни Волчицу и Каракаллу). Но занимательно то, что, когда я думаю о моем ближайшем творчестве, оно по инерции представляется мне в просветленных тонах «Чужого неба». Кажется, зимой наши роли переменятся, ты будешь акмеисткой, а я мрачным, символистом. Все же я надеюсь обойтись без надрыва.

Аничка милая, я тебя очень, очень и всегда люблю. Кланяйся всем, пиши. Целую.

Твой Коля.

117. К.И. ЧУКОВСКОМУ

<С-Петербург. 28 августа 1912 г.>

Дорогой Корней Иванович,
очень благодарю Вас за милое письмо, которое я нашел в «Сфинксе». Я не ответил на него потому, что был уже на выезде. Мне тоже хотелось бы Вас повидать. В четверг (30-го) я буду около трех в редакции «Нивы», хорошо, если бы удалось встретится там с Вами. Если же это Вам неудобно, позвоните мне по телефону 555 в Царское, я там с 1 сентября.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

118. А.И. ТИНЯКОВУ

Царское Село. 3 октября <1912 г.>

Многоуважаемый Александр Иванович,
очень благодарю Вас и за «Navis nigra» и за Ваше милое письмо. Я давно знаю Ваши стихи и тоже хотел бы встретиться с Вами. В пятницу (5 октября) я буду дома. Может быть, соберетесь. Пусть Вас как москвича не пугает поездка в Царское. Поезда отходят каждый час, и дорога берет всего $^1/_2$ ч.<аса> В «Аполлоне» я принимаю по понедельникам.

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

Мой адрес: Царское Село, Малая ул.<ица>, д.<ом> 63.

119. С.К. МАКОВСКОМУ

<Царское Село. 8 или 9 октября 1912 г.>

Многоуважаемый Сергей Константинович,
честь, которую Вы мне оказали, приглашая меня заведовать литературным отделом Вашего журнала, тем более мне дорога, что за все три года выхода «Аполлона» я ни на минуту не переставал любить его и верить в его будущее. Я принимаю Ваше предложение и постараюсь осуществить не столько те принципы, которые выдвинула практика этих лет, сколько идеалы, намеченные во вступительной статье к первому номеру «Аполлона». Да поможет мне в этом деле одинаково дорогое для нас с Вами воспоминанье о Иннокентии Федоровиче! Я обещаю Вам по мере сил определенно и без компромиссов развивать идеи «нашего «Аполлона»», как я его понимаю, и только их; в то же время я верю, что, если выяснится неудобство или нежелательность этой моей работы для общего облика журнала, Вы поставите мне это на вид с достаточной определенностью, чтобы, не порывая с «Аполлоном», я мог также отказаться определенно от моих обязанностей, выполнить которые я окажусь не в состоянии.

Согласно нашим разговорам, я считаю, что предложенье Ваше входит в силу во всех своих подробностях с первого номера 1913 года. Теперь же я приступаю к приглашению сотрудников и подготовке материала.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам Н. Гумилев.

120. А.И. ТИНЯКОВУ

Царское Село. 16 октября <1912 г.>

Многоуважаемый Александр Иванович,
если вы свободны в четверг вечером, я буду очень рад видеть Вас у себя.

Привезите Ваши новые стихи.

Уважающий Вас Н. Гумилев.

Царское Село. Малая ул.<ица>, 63.

121. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 17 октября 1912 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
мне передавали, что Вы уже несколько раз были в Петербурге и скоро приедете опять. Я очень жалею, что не знал об этом и не мог повидаться с Вами, что мне не только очень хотелось бы, но и было нужно. Может быть, Вы не откажете написать мне или позвонить по телефону (Царс.<кое> Село, 555), где и когда я могу Вас застать. Если же у Вас выпадет свободный вечер, Вы меня крайне обрадуете, приехав ко мне пообедать. Только, если возможно, известите меня об этом накануне, чтобы я наверно был дома. От 5 до 6 часов есть несколько поездов.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село, Малая ул.<ица> 63 (собств.<енный> д.<ом> против Гимназии).

122. О.Н. ВЫСОТСКОЙ

<С.-Петербург. 1912 - начало 1913 г. (?)>

Ольга Николаевна,
завтра непременно буду у Вас. Не удивляйтесь (после Вашего письма Вы не должны этому удивляться) если я зайду и сегодня. Будете дома хорошо, нет — увидимся завтра.

Целую Ваши ручки Н. Г у м и л е в.

123. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

<Царское Село. Осень 1912-1913 г. >

Милостивый Государь,
прошу выдать подателю сего пятьдесят экземпляров журнала «Гиперборей» под расписку. А записать можно на мое имя. Скоро я опять зайду поговорить.

Уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

124. В.Я. БРЮСОВУ

<Царское Село. 28 марта 1913 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я с громадным интересом прочел Вашу статью о футуристах, хотя соглашался не со всем. Ваш анализ их «открытий» подлинно блестящ. Дай Бог, чтобы они его усвоили. Но я не хочу писать об этом, потому что в № 4 «Аполлона» появится моя статья, где я отчасти коснусь той же темы.

В конце Вашей статьи Вы обещаете другую, об акмеизме. Я хочу Вас просить со всей трогательностью, на которую я способен, прислать мне корректуру этой статьи до 7 апреля. В этот день я уезжаю на четыре месяца по поручению Академии Наук в Африку, в почти неисследованную страну Галла, что на востоке от озера Родольфо. Письма ко мне доходить не могут. И Вы поймете всё мое нетерпенье узнать Ваше мненье, мненье учителя, о движеньи, которое мне так дорого. Я буду обдумывать его в пустыне, там гораздо удобнее это делать, чем здесь.

Всем, пишущим об акмеизме, необходимо знать, что «Цех поэтов» стоит совершенно отдельно от акмеизма (в первом 26 членов, поэтов акмеистов всего шесть), что «Гиперборей» — журнал совершенно независимый и от «Цеха» и от кружка «Акмэ», что поэты акмеисты могут считаться таковыми только по своим последним стихам и выступлениям, прежде же они принадлежали к разным толкам. Действительно акмеистические стихи будут в № 3 «Аполлона», который выйдет на этой неделе.

Мой адрес: Царское Село, Малая, соб. <ственный> д. <ом>

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

125. А.А. АХМАТОВОЙ

<Одесса. 9 апреля 1913 г.>

Милая Аника,
я уже в Одессе и в кафе почти заграничном. Напишу тебе, потом попробую писать стихи. Я совершенно выздоровел, даже горло прошло, но еще несколько устал, должно быть, с дороги. Зато уже нет прежних кошмаров; снился раз Вячеслав Иванов, желавший мне сделать какую-

то гадость, но и во сне я счастливо вывернулся. В книжном магазине просмотрел Жатву. Твои стихи очень хорошо выглядят, и забавна по тому, как сильно сбавлен тон, заметка Бориса Садовского.

Здесь я видел афишу, что Вера Инбер в пятницу прочтет лекцию о новом женском одеянии, или что-то в этом роде; тут и Бакст, и Дункан, и вся тяжелая артиллерия.

Я весь день вспоминаю твои строки о «приморской девчонке», они мало того что нравятся мне, они меня пьянят. Так просто сказано так много, и я совершенно убежден, что из всей послесимволической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными.

Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца, но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады.

Любопытно, что я сейчас опять такой же, как тогда, когда писались «Жемчуга», и они мне ближе «Чужого неба».

Маленький до сих пор был прекрасным спутником; верю, что так будет и дальше.

Целуй от меня Львеца (забавно, я первый раз пишу его имя) и учи его говорить «папа». Пиши мне до 1 июня в Дире-Дауа (Dire-Daoua, Abyssinie. Afrique), до 15 июня в Джибути, до 15 июля в Порт-Саид, потом в Одессу.

Снова море

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход,
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет:

«Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышит песен Уллиса,
Призывающего к игре?»

Ах, к игре с трезубцем Нептуна,
С косами диких нереид
В час, когда буруны, как струны,
Звонко лопаются и дрожит
Пена в них или груди юной,
Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома
Повидаться с иной судьбой,
Целый мир, чужой и знакомый,
Породниться готов со мной:
Берегов изгибы, изломы,
И вода, и ветер морской.

Но врагам не предам лукаво,
Ни лобзанья Иуды дам
Я пути, что лег величаво,
Одиноко лег по холмам,
И луне, что встала, как слава,
И сияет обоим нам.

Солнце духа, ах, беззакатно,
Не вещам его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если лето благоприятно,
Если любит меня Господь.
Н. Гумилев.

126. О.Н.ВЫСОТСКОЙ

<Константинополь. 12/25 апреля 1913 г.>

Целую ручки и всегда вспоминаю, напишите в Порт-Саид в июле месяце, куда привезти Вам леопардовую шкуру.

Н. Гумилев.

Сонет

В ночном кафе мы молча пили кьянти,
Когда вошел, спросивши шерри-бренди,
Высокий и седеющий эффенди,
Известный враг христиан на всем Леванте.

И я ему заметил: перестаньте,
Мой друг, презрительного корчить денди
В тот час, когда быть может по легенде
В зеленый сумрак входит Дамаянти.

Но он, ногою топнув, крикнул: бабы,
Не знаете ль, что черный камень Кабы
Поддельным признан был на той неделе.

Потом вздохнул, задумавшись глубоко,
И прошептал с печалью: мыши съели
Три волоска из бороды пророка.

127. А.А. АХМАТОВОЙ

<Порт-Саид. 16/29 апреля 1913 г.>

Милая Аника,

представь себе, с Одессы ни одного стихотворения. Готье переводится вяло, дневник пишется лучше. Безумная зима сказывается, я отдыхаю как зверь. Никаких разговоров о литературе, о знакомых, море хорошее, прежнее. С нетерпеньем жду Африки. Учи Леву говорить и не скучай. Пиши мне, пусть я найду в Дире-Дауа много писем. И помечай их числами.

Горячо целую тебя и Леву; погладь Молли.

Всегда твой Коля.

128. А.А.АХМАТОВОЙ

<Джибути. 25 апреля / 8 мая 1913 г.>

Дорогая моя Аника,
я уже в Джибути, доехали и высадился прекрасно. Магический открытый лист уже сэкономил мне рублей пятьдесят и вообще оказывает ряд услуг. Мое нездоровье прошло совершенно, силы растут с каждым днем. Вчера я написал стихотворение, посылаю его тебе. Напиши в Дире-Дауа, что ты о нем думаешь. На пароходе попробовал однажды писать в стиле Гилеи, но не смог. Это подняло мое уважение к ней. Мой дневник идет успешно, и я пишу его так, чтобы прямо можно было печатать. В Джедде с парохода мы поймали акулу; это было действительно зрелище. Оно заняло две страницы дневника.

Что ты поделываешь? Право, уже в июне поезжай к Инне Эразмовне. Если не хватит денег, займи, по возвращении в Петербург у меня они будут. Присылай мне сюда твои новые стихи, непременно. Я хочу знать, какой ты стала. Леве скажи, что у него будет свой негритенок. Пусть радуется. С нами едет турецкий консул, назначенный в Харрар. Я с ним очень подружился. Он будет собирать для меня абиссинские песни, и мы у него остановимся в Харраре. Со здешним вице-консулом Галебом, с которым, помнишь, я ссорился, я окончательно примирился, и он оказал мне ряд важных услуг.

Целую тебя и Левика.

Твой К о л я.

129. Л.Я. ШТЕРНБЕРГУ

<Джибути. 25 апреля / 8 мая (?) 1913 г.>

Многоуважаемый Лев Яковлевич,
мы уже в Джибути. Завтра едем вглубь страны. Дождей не будет еще полтора месяца. Путешествие обещает быть удачным. Русский вице-консул Галеб оказал мне уже ряд услуг. Из Харрара, когда соберу караван, напишу подробное письмо, а пока извиняюсь за открытку.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам Н. Г у м и л е в.

130. Л.Я. ШТЕРНБЕРГУ

<Дыре-Дауа. 7/> 20 мая 1913 <г.>

Многоуважаемый Лев Яковлевич,
как увидите по штемпелю, мы уже в Абиссинии. Нельзя сказать, чтобы путешествие началось совсем без приключений. Дождями размыло железную дорогу, и мы ехали 80 км. на дрезине, а потом на платформе для перевозки камней. Прибыв в Дире-Дауа, мы тотчас отправились в Харрар покупать мулов, так как здесь они дороги. Купили пока четырех, очень недурных, в среднем по 45 р. <ублей> за штуку. Потом вернулись в Дире-Дауа за вещами и здесь взяли 4-х слуг, двух абиссинцев и двух галласов, и пятого переводчика, бывшего ученика католической миссии, галласа. Из Харрара я телеграфировал русскому посланнику в Адис-Абебе, прося достать мне разрешение на проезд, но ответа пока не получил.

Мой маршрут более или менее устанавливается. Я думаю пройти к Бари, оттуда по реке Уаби <в> Сидамо к озеру Зваи и, пройдя по земле Арусси по горному хребту Черчер, вернуться в Дире-Дауа. Таким образом я все время буду в наименее изученной части страны Галла. Благодаря дождям не жарко, всюду есть трава и вода, т.<о> е.<сть> все, что нужно для каравана. Правда, реки иногда разливаются, и в Дире-Дауа почти ежедневно есть несчастные случаи с людьми, но с такими мулами, как у меня, опасность сведена до миниума.

Завтра я надеюсь уже выступить, и месяца 3 Вы не будете иметь от меня вестей. Вернее всего в конце августа я прямо приду в Музей. Очень прошу Вас в половине июня послать через Лионский кредит в Banc of Abyssinie в Dire Daua 200 р. <ублей>. Я на них рассчитываю, чтобы расплатиться с ашкерами и возвратиться. Русский вице-консул в Джибути m-r Галеб оказал мне ряд важных услуг: устроил бесплатный пропуск оружия в Джибути и в Абиссинии, скидку на провоз багажа на железной дороге, дал рекомендательные письма.

Искренне уважающий Вас
Н. Г у м и л е в.

131. Д. М. ЦЕНЗОРУ

<Царское Село. Конец 1913 - начало 1914 г.>

Многоуважаемый Дмитрий Михайлович.

Сейчас только получил Ваше письмо и, несмотря на злейшую аграфию, которая мучит меня уже полгода, пишу Вам и посылаю стихи.

Ане я передам Вашу просьбу, и она наверно пришлет Вам тоже.

Очень интересно будет посмотреть на Ваш «Златоцвет».

Жму Вашу руку.

Ваш Н. Г у м и л е в.

* * *

Мое прекрасное убежище —
Мир звуков, линий и цветов,
Куда не входит ветер режущий
Из недостроенных миров.

Цветок сорву ли — буйным пением
Наполнит душу он, дразня,
Чаруя светлым откровением,
Что жизнь кипит и вне меня.

Но так же дорог мне искусственный
Взлелеянный мечтою цвет,
Он мозг дурманит жаждой чувственной
Того, чего на свете нет.

Иду в пространстве и во времени
И вслед за мной мой сын идет
Среди трудящегося племени
Ветров, и пламеней, и вод.

И я приму — о, да, не дрогну я! —
Как поцелуй иль как цветок,
С таким же удивленьем огненным
Последний гибельный толчок.

Н. Г у м и л е в.

Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий

132. С. М. ГОРОДЕЦКОМУ

<С.-Петербург. 16 апреля 1914 г.>

Дорогой Сергей,

письмо твое я получил и считаю тон его совершенно неприемлемым: во-первых, из-за резкой передержки, которую ты допустил, заменив слово «союз» словом «дружба» в моей фразе о том, что наш союз потеряет смысл, если не будет Л<итературного> П<олитехнпкума>; во-вторых, из-за оскорбительного в смысле этики выраженья «ты с твоими», потому что никаких «моих» у меня не было и быть не может; в-третьих, из-за того, что решать о моем уходе от акмеизма или из Цеха Поэтов могу лишь я сам, и твоя инициатива в этом деле была бы только предательской; в-четвертых, из-за странной мысли, что я давал тебе какие-то «объясненья» по поводу изд.<ательства> Гиперборей, так как никаких объяснений я не давал, да и не стал бы давать, а просто повторил то, что тебе было известно из разговоров с другими участниками этого издательства.

Однако те отношенья, которые были у нас за эти три года, вынуждают меня попытаться объясниться с тобой. Я убежден, что твое письмо не могло быть вызвано нашей вчерашней вполне мирной болтовней. Если же у тебя были иные основанья, то насколько было бы лучше просто изложить их. Я всегда был с тобой откровенен и, поверь, не стану цепляться за наш союз, если ему суждено кончиться. Я и теперь думаю, что нам следует увидаться и поговорить без ненужной мягкости, но и без излишнего надрыва.

К тому же после нашего союза осталось слишком большое наследство, чтобы его можно было ликвидировать одним взмахом пера, как это думаешь сделать ты.

Сегодня от 6—7 ч.<асов> вечера я буду в ресторане Кинши, завтра до двух часов дня у себя на Тучковом. Если ты не придешь ни туда, ни туда, я буду считать, что ты уклонился от совершенно необходимого объясненья и тем вынуждаешь меня считать твое письмо лишь выраженьем личной ко мне неприязни, о причинах которой я не могу догадаться.

Писем, я думаю, больше писать не надо, потому что уж очень это не акмеистический способ общенья.

Н. Гумилев.

133. М. Л. ЛОЗИНСКОМУ

<Слепнево. До 1 июня 1914 г.>

Дорогой Михаил Леонидович,
июнь почти наступил... я начал письмо в эпическом стиле, но вдруг и с ужасом увидал, что моя аграфия возросла в деревне невероятно. Веришь ли, перед тем, как поставить ряд точек, я минут десять безуспешно придумывал турнюр фразы. Оказывается, я могу писать только отрывочно и нелепо. Вроде капитана Лебядкина.

Пожалуйста, вспомни, что ты обещал приехать, и приезжай непременно. У нас дивная погода, теннис, новые стихи... Чем скорее, тем лучше. Я почему-то, как Евангелью поверил, что ты приедешь, и ты убьешь веру в неопытном молодом человеке, если только подумаешь уклониться. О каких-нибудь делах рука не поднимается писать; лучше поговорим. Сообщи только, отдала ли Чацкина деньги.

Пишу и не знаю, получишь ли письмо. Петербургский твой адрес забыл, финляндского не знаю, а Аполлон... бываешь ли ты там теперь? Ответь что-нибудь и еще лучше назначь день приезда.

Засвидетельствуй мое почтенье Татьяне Борисовне.

Искренно твой Н. Г у м и л е в.

P.S. Аня тебе кланяется.

134. М.Л. ЛОЗИНСКОМУ

<Териоки. 9 / 22 июля 1914 г.>

Дорогой Михаил Леонидович,
прости, что так долго не писал — это аграфия. Теперь если бы ты захотел меня увидать, тебе стоит только проехать девять верст до Териок (города) и в кофейне Идеал (близ вокзала, в двух шагах от гостиницы «Иматра») спросить меня. Если я не дома, значит, в теннисном клубе (пройди туда) или на море. Но по утрам я обыкновенно дома до двух. Не можешь приехать, напиши.

Твой Н. Г у м и л е в.

135. А.А. АХМАТОВОЙ

<Териоки. 10 / 23 июля 1914 г.>

Милая Аничка,

думал получить твое письмо на Царск. <осельском> вок.<зале>, но не получил. Что, ты забыла меня или тебя уже нет в Деражне? Мне страшно надоела Либава, и вот я в Териоках. Здесь поблизости Чуковский, Евреинов, Кульбин, Лозинский, но у последнего не сегодня-завтра рождается ребенок. Есть театр, в театре Гибшман, Сладкопевцев, Л.Д.Блок и т.п. Директор театра Мгебров (офицер).

У Чуковского я просидел целый день; он читал мне кусок своей будущей статьи об акмеизме, очень мило и благожелательно. Но ведь это только кусок и, конечно, собака зарыта не в нем! Вчера беседовал с Маковским, долго и бурно. Мы то чуть не целовались, то чуть не дрались. Кажется, однако, что он будет стараться устроить беллетристический отдел и еще разные улучшенья. Просил сроку до начала августа. Увидим! Я пишу новое письмо о русской поэзии — Кузмин, Бальмонт, Бородаевский, может быть, кто-нибудь еще. Потом статью об африканском искусстве. Иру бросил. Жду, что запишу стихи.

Меланхолия моя, кажется, проходит. Пиши мне, милая Аничка, по адресу Териоки (Финляндия), кофейня «Идеал», мне. В этой кофейне за рубль в день я снял комнату, правда, неплохую.

Значит, жду письма, а пока горячо целую тебя.

Твой К о л я.

Целую ручки Инне Эразмовне.

136. А.А. АХМАТОВОЙ

<С.-Петербург. 17 июля 1914 г.>

Милая Аничка,

может быть, я приеду одновременно с этим письмом, может быть, на день позже. Телеграфирую, когда высылать лошадей. Время я провел очень хорошо, музицировал с Мандельштамом, манифестировал с Городецким, а один написал рассказ и теперь продаю его. Целую всех. Очень скоро увидимся.

Твой К о л я.

137. А.А. АХМАТОВОЙ

<Кречевицкие казармы под Новгородом. До 6 сентября 1914 г.>

Дорогая Аничка

(прости за кривой почерк, только что работал пикой на коне — это утомительно), поздравляю тебя с победой. Как я могу рассчитать, она имеет громадное значенье, и, может быть, мы Новый Год встретим, как прежде, в Собаке. У меня вестовой, очень расторопный, и, кажется, удастся закрепить за собой коня, высокого, вороного, зовущегося Чернозем. Мы оба здоровы, но ужасно скучаем. Ученье бывает два раза в день часа по полтора, по два, остальное время совершенно свободно. Но невозможно чем-нибудь заняться, т.<о> е.<сть> писать, потому что от гостей (вольноопределяющихся и охотников) нет отбою. Самовар не сходит со стола, наши шахматы заняты двадцать четыре часа в сутки, и хотя люди в большинстве случаев милые, но все же это уныло.

Только сегодня мы решили запираться на крючок, не знаю, поможет ли. Впрочем, нашу скуку разделяют все и мечтают о походе как о Царствии Небесном. Я уже чувствую осень и очень хочу писать. Не знаю, смогу ли.

Крепко целую тебя, маму, Леву и всех.

Твой К о л я.

138. А.А. АХМАТОВОЙ

<Расейняй. 7 октября 1914 г. Действующая армия.>

Дорогая моя Аничка,

я уже в настоящей армии, но мы пока не сражаемся и когда начнем, неизвестно. Все-то приходится ждать, теперь, однако, уже с винтовкой в руках и с опущенной шашкой. И я начинаю чувствовать, что я подходящий муж для женщины, которая «собирала французские пули, как мы собирали грибы и чернику». Эта цитата заставляет меня напомнить тебе о твоем обещании быстро дописать твою поэму и прислать ее мне. Право, я по ней скучаю. Я написал стишок, посылаю его тебе, хочешь продай, хочешь читай кому-нибудь. Я здесь утерял критические способности и не знаю, хорош он или плох.

Пиши мне в 1-ю действ.<ующую> армию, в мой полк, эскадрон ее величества. Письма, оказывается, доходят очень и очень аккуратно.

Я все здоровею и здоровею: все время на свежем воздухе (а погода прекрасная, тепло), скачу верхом, а по ночам сплю, как убитый.

Раненых привозят немало, и раны все какие-то странные: ранят не в грудь, не в голову, как описывают в романах, а в лицо, в руки, в ноги. Под одним нашим уланом пуля пробила седло как раз в тот миг, когда он приподнимался на рыси; секунда до или после, и его бы ранило.

Сейчас случайно мы стоим в таком месте, откуда легко писать. Но скоро, должно быть, начнем переходить, и тогда писать будет труднее. Но вам совершенно не надо беспокоиться, если обо мне не будет известий. Трое вольноопределяющихся знают твой адрес и, если со мной что-нибудь случится, напишут тебе немедленно. Так что отсутствие писем будет обозначать только то, что я в походе, здоров, но негде и некогда писать. Конечно, когда будет возможно, я писать буду.

Целую тебя, моя дорогая Аничка, а также маму, Леву и всех. Напишите Коле маленькому, что после первого боя я ему напишу.

Твой Коля.

139. М.Л. ЛОЗИНСКОМУ

<Ковно. 1 ноября 1914 г. Действующая армия.>

Дорогой Михаил Леонидович,

пишу тебе уже ветераном, много раз побывавшим в разведках, много раз обстрелянным и теперь отдыхающим в зловонной ковенской чайной. Все, что ты читал о боях под Владиславовом и о последующем наступленьи, я видел своими глазами и во всем принимал посильное участие. Дежурил в обстреливаем<ом> Владиславове, ходил в атаку (увы, отбитую орудийным огнем), мерз в сторожевом охраненьи, ночью срывался с места, заслыша ворчанье подкравшегося пулемета, и опивался сливками, объедался курятиной, гусятиной, свининой, будучи дозорным при следованьи отряда по Германии. В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше.

Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на тебя, — я думаю, такое наслажденье испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако бывает и реакция, и минута затишья — в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчетов — а то бы я предложил общее и энергичное наступленье, которое одно поднимает дух армии. При наступленьи все герои, при отступленьи все трусы — это относится и к нам, и к германцам. В частности, относительно германцев, ничто так не возмущает солдат, как презрительное отношенье к ним наших газет. Они храбрые воины и честные враги, и к ним невольно испытываешь большую симпатию, потому что как-никак ведь с ними творишь великое дело войны. А что касается грабежей, разгромов, то как же без этого, ведь солдат не член Армии Спасенья, и если ты перечтешь шиллеровский «Лагерь Валленштейна», ты поймешь эту психологию.

Целуя от моего имени ручки Татьяны Борисовны, извинись, пожалуйста, перед нею за то, что во время трудного перехода я потерял специально для нее подобранную прусскую каску. Новой уже мне не найти, потому что отсюда мы идем, по всей вероятности, в Австрию или в Венгрию. Но, говорят, у венгерских гусар красивые фуражки.

Кланяйся, пожалуйста, мэтру Шилейко и напишите мне сообща длинное письмо обо всем, что делается у вас; только не политику и не общественные настроенья, а так, кто что делает, что пишет. Говорила мне Аня, что у Шилейки есть стихи про меня. Вот бы прислал.

Жму твою руку.

Твой Н. Гумилев.

140. М.Л. ЛОЗИНСКОМУ

<Дрежевица.> 2 января 1915 г. <Действующая армия..>

Дорогой Михаил Леонидович,
по приезде в полк я получил твое письмо; сказать по правде, у меня сжалось сердце.

Вот и ты, человек, которому не хватает лишь loisir'a*, видишь и ценишь во мне лишь добровольца, ждешь от меня мудрых, солдатских слов. Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги — мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю, которую я ценю меньше всего, с досадной настойчивостью муссирует все, что есть лучшего в Петербурге. Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. Когда полтора года тому назад я вернулся из страны Галла, никто не имел терпенья выслушать мои впечатленья и приключенья до конца. А ведь, правда, все то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправы через крокодильи реки, ссоры и примирения с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не видевший белых в своем африканском Ватикане — все это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе. И мэтр Шилейко тоже позабыл о моей «благоухающей легенде». Какие труды я вершу, какие ношу вериги? Право, эти стихи он написал сам про себя и хранит их до времени, когда будет опубликов<ан> последний манифест, призывающий его одного.

Прости мне мою воркотню; сейчас у нас недельный отдых, и так как не предстоит никаких lendemains épiques**, то я естественно хандрю. Меня поддерживает только надежда, что приближается лучший день моей жизни, день, когда гвардейская кавалерия одновременно с лучшими полками Англии и Франции вступит в Берлин. Наверно, всем выдадут парадную форму, и весь огромный город будет как оживший альбом литографий. Представляешь ли ты себе во всю ширину Фридрихштрассе цепи взявшихся под руку гусар, кирасир, сипаев, сенегальцев, канадцев, казаков, их разноцветные мундиры с орденами всего мира, их счастливые лица, белые, черные, желтые, коричневые.

...Хорошо с египетским сержантом
По Тиргартену пройти,
Золотой Георгий с бантом
Будет биться на моей груди...

---

* Досуг (*франц.*)

** Эпических завтра (*франц.*)

Никакому Гофману не придет в голову все, что разыграется тогда в кабачках, кофейнях и закоулках его «доброго города Берлина».

В полку меня ждал присланный мне мой собственный Георгий. Номер его 134060. Целуя от моего имени ручки Татьяны Борисовны, напомни, что мне обещан номер со статьею о Панаеве. А Филипку просто поцелуй.

Жму твою руку.

Искренне твой Н. Г у м и л е в.

141. А.А. АХМАТОВОЙ

<Заболотце.> 6 июля 1915 <г. Действующая армия.>

Дорогая моя Аничка,

наконец-то и от тебя письмо, но, очевидно, второе (с сологубовским), первого пока нет. А я уж послал тебе несколько упреков, прости меня за них. Я тебе писал, что мы на новом фронте. Мы были в резерве, но дня четыре тому назад перед нами потеснили армейскую дивизию и мы пошли поправлять дело. Вчера с этим покончили, кое-где выбили неприятеля и теперь опять отошли валяться на сене и есть вишни. С австрийцами много легче воевать, чем с немцами. Они отвратительно стреляют. Вчера мы хохотали от души, видя, как они обстреливали наш аэроплан. Снаряды рвались по крайней мере верст за пять от него. Сейчас война приятная, огорчают только пыль во время переходов и дожди, когда лежишь в цепи. Но то и другое бывают редко. Здоровье мое отлично.

Ну и задала же ты мне работу с письмом Сологубу. Ты так трогательно умоляла меня не писать ему кисло, что я трепетал за каждое мое слово — мало ли что могло почудиться в нем старику. Однако все же сочинил и посылаю тебе копию. Лучше, правда, не мог, на войне тупеешь.

Письмо его меня порадовало, хотя я не знаю, для чего он его написал. А уж наверно для чего-нибудь! Впрочем, я думаю, что оно достаточная компенсация за его поступки по отношению лично ко мне, хотя желанье «держаться подальше от акмеистов» до сих пор им не искуплено.

Что же ты мне не прислала новых стихов? У меня кроме Гомера ни одной стихотворной книги, и твои новые стихи для меня была бы такая радость. Я целые дни повторяю «где она, где свет веселый серых звезд ее очей» и думаю при этом о тебе, честное слово.

Сам я ничего не пишу — лето, война и негде, хаты маленькие и полны мух.

Целуй Львенка, я о нем часто вспоминаю и очень люблю.

В конце сентября постараюсь опять приехать, может быть, буду издавать «Колчан». Только будет ли бумага, вот вопрос.

Целую тебя, моя дорогая, целуй маму и всех.

Да, пожалуйста, напишите мне, куда писать Мите и Коле маленькому. Я забыл номер Березинского полка.

Твой всегда К о л я.

142. Ф.К. СОЛОГУБУ

<Заболотце.> 6 июля 1915 <г. Действующая армия.>

Многоуважаемый Федор Кузьмич,
горячо благодарю Вас за Ваше мнение о моих стихах и за то, что Вы пожелали мне его высказать. Это мне тем более дорого, что я всегда Вас считал и считаю одним из лучших вождей того направленья, в котором протекает мое творчество.

До сих пор ни критики, ни публика не баловали меня выражением своей симпатии. И мне всегда было легче думать о себе как о путешественнике или воине, чем как о поэте, хотя, конечно, искусство для меня дороже и войны и Африки. Ваши слова очень помогут мне в трудные минуты сомненья, которые, вопреки Вашему предположенью, бывают у меня слишком часто.

Простите меня за внешность письма, но я пишу с фронта. Всю эту ночь мы ожесточенно перестреливались с австрийцами, сейчас отошли в резерв и нас сменили казаки; отсюда слышно и винтовки и пулеметы.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

143. А.А. АХМАТОВОЙ

<Лушков.> 16 июля <1915 г. Действующая армия.>

Дорогая Аничка,
пишу тебе и не знаю, в Слепневе ли ты или уже уехала. Когда поедешь, пиши мне с дороги, мне очень интересно, где ты и что делаешь.

Мы всё воюем, хотя теперь и не так ожесточенно. За 6-е и 7-е наша дивизия потеряла до 300 человек при 8 офицерах, и нас перевели верст за пятнадцать в сторону. Здесь тоже беспрерывный бой, но много пехоты и мы то в резерве у нее, то занимаем полевые караулы и т. д.

Здесь каждый день берут по нескольку сот пленных, всё германцев, а уж убивают без счету, здесь отличная артиллерия и много снарядов. Солдаты озверели и дерутся прекрасно.

По временам к нам попадают газеты, всё больше «Киевская мысль», и не очень поздняя, сегодня, например, от 14-го.

Погода у нас неприятная: дни жаркие, ночи холодные, по временам проливные дожди. Да и работы много — вот уж 16 дней ни одной ночи не спали полностью, всё урывками. Но, конечно, несравнимо с зимой.

Я все читаю Илиаду; удивительно подходящее чтенье. У ахеян тоже были и окопы, и загражденья, и разведка. А некоторые описанья, сравненья и замечанья сделали бы честь любому модернисту. Нет, не прав был Анненский, говоря, что Гомер как поэт умер.

Помнишь, Аничка, ты была у жены полковника Маслова, его только что сделали флигель-адъютантом.

Целую тебя, моя Аня, целуй маму, Леву и всех; погладь Молли.

Твой всегда К о л я.

Курры и гуси!

144. А.А. АХМАТОВОЙ

<Столенские Смоляры.> 25 июля 1915 <г. Действующая армия.>

Дорогая Аничка,
сейчас получил твое и мамино письма от 16-го, спасибо, что вы мне так часто пишете. Письма идут, оказывается, десять дней. На твоем есть штемпель «просм. <отрено> военной цензурой».

У нас уже несколько дней все тихо, никаких боев нет. Правда, мы отошли, но немец мнется на месте и боится идти за нами.

Ты знаешь, я не шовинист. И однако, я считаю, что сейчас, несмотря на все отходы, наше положенье ничем не хуже, чем в любой из прежних моментов войны. Мне кажется, я начинаю понимать, в чем дело, и больше чем когда-либо верю в победу.

У нас не жарко, изредка легкие дожди, в общем, приятно. Живем мы сейчас на сеновале и в саду, в хаты не хочется заходить, душно и грязно. Молока много, живности тоже, беженцы продают очень дешево. Я каждый день ем то курицу, то гуся, то поросенка, понятно, все вареное. Папирос, увы, нет и купить негде. Ближайший город верст за восемьдесять. Нам прислали махорки, но нет бумаги. Это грустно.

Стихи твои, Аничка, очень хороши, особенно первое, хотя в нем есть неверно взятые ноты, напр.<имер> стр<ока> 5-я и вся вторая строфа; зато последняя строфа великолепна; только <это не> описка: «Голос Музы еле слышный...»?. Конечно, «ясно или внятно слышный» надо было сказать. А еще лучше «так далеко слышный».

Второе стихотворенье или милый пустячок (размер его чет.<ырехстопный> хорей говорит за это), или неясно. Вряд ли героине поручалось беречь душу от Архангела. И тогда 9-я и 10-я строчки возбуждают недоуменье.

В первом стихотворении очень хороша (что ново для тебя) композиция. Это мне доказывает, что ты не только лучшая русская поэтесса, но и просто крупный поэт.

Пожалуйста, не уезжай, не оставив твоего точного адреса в Слепневе, потому что я могу приехать неожиданно и хочу знать, где тебя найти. Тогда я с дороги запрошу телеграммой «где Аня?», и тогда ответьте мне телеграммой же в Петербург, Николаевский вокзал, до востребованья, твой адрес.

Целую тебя, маму, Леву.

Пожалуйста, скучай как можно меньше и уж вовсе не хворай.

Маме я писал 10-го. Получила ли она?

Твой всегда К о л я.

145. Д. М. ЦЕНЗОРУ

<Петроград. Ноябрь 1915 г.>.

Многоуважаемый Дмитрий Михайлович,

Городецкий мне передавал, что Вы просили для Вашего журнала моих стихов. Я с удовольствием посылаю Вам одно. Но оно будет в моей новой книге, которая выйдет через три недели, точно. Если успеете, напечатайте. Если нет, пришлю другое, когда напишется. Простите, что

М.М. Тумповская

посылаю грязную корректуру, право, нет времени переписывать. Стихотворенье нигде не напечатано.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

146. С.К. МАКОВСКОМУ

<Петроград. Конец декабря 1915 г. — начало января 1916 г.>

Дорогой Сергей Константинович,
я принес статью и три стихотворения для январского номера и был бы очень Вам признателен, если бы <Вы> дали распоряженье в конторе выдать мне 25 р.<ублей> в счет гонорара за эти вещи.

Мой долг «Аполлону» крайне незначителен если еще не погашен. За деньгами зайду завтра.

Что же рукопись кн.<ягини> Гедройц? Когда-нибудь надо же ее прочитать, а она спрашивает.

Надеюсь, Вы скоро поправитесь.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

147. В.И.АННЕНСКОМУ-КРИВИЧУ

<Петроград. Март 1916 г.>

Дорогой Валентин Иннокентиевич,
письмо это Вам передаст мой большой приятель Константин Юлианович Ляндау. Он издает альманах и очень хочет получить для него стихи Иннокентия Феодоровича. Пожалуйста, не откажите ему в них, альманах обещает быть очень приятным. Ваше согласье я сочту за личное одолжение.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

148. М.М. ТУМПОВСКОЙ

<Фольварк Арандоль (Даугавпилс)>.
5 мая 1916 <г. Действующая армия>

Мага моя,
я Вам не писал так долго, потому что все думал эвакуироваться и увидеться; но теперь я чувствую себя лучше и, кажется, остаюсь в полку на все лето.

Мы не сражаемся и скучаем, я в особенности. Читаю «Исповедь» блаженного Августина и думаю о моем главном искушении, которого мне не побороть, о Вас. Помните у Нитше — «в уединении растет то, что каждый в него вносит». Так и мое чувство. Вы действительно удивительная, и я это с каждым днем узнаю все больше и больше.

Напишите мне. Присылайте новые стихи. Я ничего не пишу, и мне кажется странным, как это пишут. Пишите так: Действующая Армия, 5 кавалерийская дивизия, 5 гусарский Александрийский полк, 4 эскадрон, прапорщику Н.С.Гумилеву.

Целую ваши милые руки.

Н. Гумилев.

149. О.А.МОЧАЛОВОЙ

<Ялта. 8 июля 1916 г.>

Ольге Александровне Мочаловой.

Помните вечер 7 июля 1916 г. Я не пишу «прощайте», я твердо знаю, что мы встретимся. Когда и как, Бог весть, но наверное лучше, чем в этот раз. Если Вы думаете когда-нибудь написать мне, пишите Петроград, ред. <акция> Аполлон, Разъезжая, 8. Целую Вашу руку. Здесь я с Городецким. Другой <фотографии> у меня не оказалось.

150. А.И. ГУМИЛЕВОЙ

<Шносс-Лембург.> 2 августа 1916 <г. Действующая армия.>

Милая и дорогая мамочка,
я уже вторую неделю в полку и чувствую себя совсем хорошо, кашляю мало, нервы успокаиваются. У нас каждый день ученья, среди них есть и забавные, например парфорсная охота. Представь себе человек сорок офицеров, несущихся карьером без дороги, под гору, на гору, через лес, через пашню, и вдобавок берущих препятствия: канавы, валы, барьеры и т. д. Особенно было эффектно одно — посередине очень крутого спуска забор и за ним канава. Последний раз на нем трое перевернулись с лошадьми. Я уже два раза участвовал в этой скачке

7 Гумилев ПСС в 10 т. Т. 8

и ни разу не упал, так что даже вызвал некоторое удивленье. Слепневская вольтижировка очевидно мне помогла. Правда, моя лошадь отлично прыгает. Теперь уже выяснилось, что если не начнутся боевые столкновения (а на это надежды мало), я поеду на сентябрь, октябрь держать офицерские экзамены. Конечно, провалюсь, но не в том дело, отпуск все-таки будет. Так что с половины августа пиши мне на «Аполлон» (Разъезжая, 8). Я думаю выехать 22-го или 23-го, а езды всего сутки.

Здесь, как всегда, живу в компании и не могу писать. Даже «Гондлу» не исправляю, а следовало бы.

У нас в эскадроне новый прапорщик из вольноопределяющихся полка, очень милый. Я с ним, кажется, сойдусь, и уже сейчас мы усиленно играем в шахматы.

Завтра полковое ученье, идти придется за тридцать верст, так что всего сделаем верст семьдесят. Хорошо еще, что погода хорошая.

Пока целую тебя, милая мамочка, целуй Леву, кланяйся всем.

Твой К о л я.

151. Л.М.РЕЙСНЕР

<Петроград.> 23 сент. <ября> 1916 <г.>

Что я прочел? Вам скучно, Лери,
И под столом лежит Сократ,
Томитесь Вы по древней вере?
— Какой отличный маскарад!
Вот я в моей каморке тесной
Над Вашим радуюсь письмом,
Как шапка Фауста прелестна
Над милым девичьим лицом.
Я был у Вас, совсем влюбленный,
Ушел, сжимаясь от тоски,
Ужасней шашки занесенной
Жест отстраняющей руки.
Но сохранил воспоминанье

О дивных и тревожных днях,
Мое пугливое мечтанье
О Ваших сладостных глазах.
Ужель опять я их увижу,
Замру от боли и любви
И к ним, сияющим, приближу
Татарские глаза мои?!
И вновь начнутся наши встречи,
Блужданья ночью наугад,
И наши озорные речи,
И острова, и Летний сад?!
Но ах, могу ль я быть не хмурым,
Могу ль сомненья подавить?
Ведь меланхолия амуром
Хорошим вряд ли может быть.
И верно день застал, серея,
Сократа снова на столе,
Зато «Эмали и Камеи»
С «Колчаном» в самой пыльной мгле.
Так Вы, похожая на кошку,
Ночному молвили: «Прощай!»
И мчит Вас в Психоневроложку,
Гудя и прыгая, трамвай.

Н. Гумилев.

152. А.А. АХМАТОВОЙ

<Петроград.> 1 октября 1916 г.

Дорогая моя Анечка,
больше двух недель от тебя нет писем — забыла меня. Я скромно держу экзамены, со времени последнего письма выдержал еще три; остаются еще только четыре (из 15-ти), но среди них артиллерия — увы! Сейчас готовлю именно ее. Какие-то шансы выдержать у меня все-таки есть.

Лозинский сбрил бороду, вчера я был с ним у Шилейки — пили чай и читали Гомера. Адамович с Г. Ивановым решили устроить новый цех, пригласили меня. Первое заседание провалилось, второе едва ли будет.

Я ничего не пишу (если не считать двух рецензий для Биржи), после экзаменов буду писать (говорят, мы просидим еще месяца два). Слонимская на зиму остается в Крыму, марионеток не будет.

После экзаменов попрошусь в отпуск на неделю и, если пустят, приеду к тебе. Только пустят ли? Поблагодари Андрея за письмо. Он пишет, что у вас появилась тенденция меня идеализировать. Что это так вдруг.

Целую тебя, моя Анечка, кланяйся всем.

Твой К о л я.

Verte*

Вексель я протестовал, не знаю, что делать дальше.

Адрес Е.<лены>И. <ивановны> (?) неизвестен.

Курры и гуси!

153. Л.М.РЕЙСНЕР

<Шносс-Лембург.> 8 ноября 1916 г. <Действующая армия.>

«Лера, Лера, надменная дева, ты как прежде бежишь от меня». Больше двух недель, как я уехал, а от Вас ни одного письма. Не ленитесь и не забывайте меня так скоро, я этого не заслужил. Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру Ваше имя. Снитесь Вы мне почти каждую ночь. И скоро я начинаю писать новую пьесу, причем, если Вы не узнаете в героине себя, я навек брошу литературную деятельность.

О своей жизни я писал Вам в предыдущем письме. Перемен никаких и, кажется, так пройдет зима. Что же? У меня хорошая комната, деньщик професьональный повар. Как это у Бунина?

Вот камин затоплю, буду пить,
Хорошо бы собаку купить.

Кроме шуток, пишите мне. У меня «Столп и Утвержденье истины», долгие часы одиночества, предчувствие надвигающейся творческой гро-

* Далее (*лат.*)

зы. Все это пьянит как вино и склоняет к надменности солепсиума. А это так не акмеистично. Мне непременно нужно ощущать другое существованье, яркое и прекрасное. А что Вы прекрасны, в этом нет сомненья. Моя любовь только освободила меня от, увы, столь частой при нашем образе жизни слепоты.

Здесь тихо и хорошо. По-осеннему пустые поля и кое-где уже покрасневшие от мороза прутья. Знаете ли Вы эти красные зимние прутья? Для меня они олицетворенье всего самого сокровенного в природе. Трава, листья, снег — это только одежды, за которыми природа скрывает себя от нас. И только в такие дни поздней осени, когда ветер, и дождь, и грязь, когда она верит, что никто не заметит ее, она чуть приоткрывает концы своих пальцев, вот эти прекрасные прутья. И я, новый Актеон, смотрю на них с ненасытным томленьем. Лера, правда же, этот путь естественной истории бесконечно более правилен, чем путь естественной психоневрологии. У Вас красивые, ясные, честные глаза, но Вы слепая; прекрасные, юные, резвые ноги и нет крыльев; сильный и изящный ум, но с каким-то странным прорывом посередине. Вы — Дафна, превращенная в Лавр, принцесса, превращенная в статую. Но ничего! Я знаю, что на Мадагаскаре все изменится. И я уже чувствую, как в какой-нибудь теплый вечер, вечер гудящих жуков и загорающихся звезд, где-нибудь у источника в чаще красных и палисандровых деревьев, Вы мне расскажете такие чудесные вещи, о которых я только смутно догадывался в мои лучшие минуты.

До свиданья, Лери, я буду Вам писать.

О моем возвращенье я не знаю ничего, но зимой на неделю думаю вырваться. Целую Ваши милые руки.

Ваш Г а ф и з.

Мой адрес: Действующая Армия, 5 гусарский Александрийский полк, 4 эскадрон, прапорщику Гумилеву.

154. Л.М.РЕЙСНЕР

<Шносс-Лембург.> 8 декабря 1916 <г. Действующая армия.>

Лери моя,
приехав в полк, я нашел оба Ваши письма. Какая Вы милая в них. Читая их, я вдруг остро понял то, что Вы мне однажды говорили,—

что я слишком мало беру от Вас. Действительно, это непростительное мальчишество с моей стороны разбирать с Вами проклятые вопросы. Я даже не хочу обращать Вас. Вы годитесь на бесконечно лучшее. И в моей голове уже складывается план книги, которую я мысленно напишу для себя одного (подобно моей лучшей трагедии, которую я напишу только для Вас). Ее заглавие будет огромными красными, как зимнее солнце, буквами: «Лера и Любовь». А главы будут такие: «Лера и снег», «Лера и Персидская Лирика», «Лера и мой детский сон об орле». На все, что я знаю и что люблю, я хочу посмотреть, как сквозь цветное стекло, через Вашу душу, потому что она действительно имеет свой особый цвет, еще не воспринимаемый людьми (как древними не был воспринимаем синий цвет). И я томлюсь как автор, которому мешают приступить к уже обдуманному произведению. Я помню все Ваши слова, все интонации, все движенья, но мне мало, мало, мне хочется еще. Я не очень верю в переселенье душ, но мне кажется, что в прежних своих переживаньях Вы всегда были похищаемой, Еленой Спартанской, Анжеликой из «Неистового Роланда» и т. д. Так мне хочется Вас увести. Я написал Вам сумасшедшее письмо, это оттого, что я Вас люблю.

Вспомните, Вы мне обещали прислать Вашу карточку. Не знаю только, дождусь ли я ее, пожалуй, прежде удеру в город пересчитывать столбы на решетке Летнего сада. Пишите мне, целующему Ваши милые, милые руки.

Ваш Г а ф и з.

155. К.И. ЧУКОВСКОМУ

<Шносс-Лембург. Конец (декабрь (?)) 1916 г. Действующая армия.>

Дорогой Корней Иванович,

посылаю Вам 8 глав «Мика и Луи». Остальные две, не хуже и не лучше предыдущих, вышлю в течении недели. Пожалуйста, как только Вы просмотрите поэму, напишите мне, подходит ли она под Ваши требования. Если да, то о гонораре мы окончательно сговоримся, когда я буду в городе, т.<о> е.<сть> по моим рассчетам в начале января. Какие-нибудь изменения можно будет сделать в корректуре.

Мой адрес: Д.<ействующая> А.<рмия>. 5 гусарский Александрийский Ея Величества полк,. 4 эскадрон, мне.

Жму Вашу руку.

Ваш Н. Гумилев.

156. М.Л.ЛОЗИНСКОМУ

<Шносс-Лембург.> 15 января 1917 <г. Действующая армия.>

Дорогой Михаил Леонидович,
еще раз благодарю тебя и за милое гостеприимство, и за все хлопоты, которые я так бессовестно возложил на тебя. Но здесь, на фронте, я окончательно потерял остатки стыда и решаюсь опять обратиться к тебе. Краснею, но решаюсь... Вот: купи мне, пожалуйста, декабрьскую «Русскую мысль» (там по слухам статья Жирмунского), Кенета Грээма «Золотой возраст» и «Дни грез» из.<дательство> Пантелеева, собст.<венность> Литературного Фонда, склад из.<даний> у Березовского, Колокольная, 14 (два шага от Аполлона), III том Кальдерона в пер.<еводе> Бальмонта и, наконец, лыжи (по приложенной записке). В последнем тебе, может быть, не откажется помочь Лариса Михайловна, она такая спортсменка. Позвони ей и передай от меня эту просьбу вместе с поклоном и наилучшими пожеланьями. На все расходы я вкладываю в это письмо 100 р.<ублей>

Дня через два после полученья тобой этого письма в Аполлон зайдет солдат из моего эскадрона за вещами, сдачей и, если будет твоя милость, письмом.

Я живу по-прежнему: две недели воюю в окопах, две недели скучаю у коноводов. Впрочем, здесь масса самого лучшего снега, и если будут лыжи и новые книги, «клянусь Создателем, жизнь моя изменится» (цитата из Мочульского).

Целую ручки Татьяны Борисовны и жму твою.

Еще раз прости твоего бесстыдного Н. Гумилева.

P. S. Да, еще просьба: маркиз оказался шарлатаном, никаких строф у него нет, так что ты по Cor Ardens'у пришли мне схему десятка форм рондо, триолета и т. д.

157. Л.М. РЕЙСНЕР

<Новый Беверсгоф.> 15 января 1917 г. <Действующая армия.>

Леричка моя,

Вы, конечно, браните меня, я пишу Вам первый раз после отъезда, а от Вас получил уже два прелестных письма. Но в первый же день приезда я очутился в окопах, стрелял в немцев из пулемета, они стреляли в меня, и так прошли две недели. Из окопов писать может только графоман, настолько все там не напоминает окопа: стульев нет, с потолка течет, на столе сидит несколько огромных крыс, которые сердито ворчат, если к ним подходишь. И я целые дни валялся в снегу, смотрел на звезды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себе Ваше лицо, смотрящее на меня с небес. Это восхитительное занятье, Вы как-нибудь попробуйте.

Теперь я временно в полуприличной обстановке и хожу на аршин от земли. Дело в том, что заказанная Вами мне пьеса (о Кортесе и Мексике) с каждым часом вырисовывается передо мной ясней и ясней. Сквозь «магический кристалл» (помните, у Пушкина) я вижу до мучительности яркие картины, слышу запахи, голоса. Иногда я даже вскакиваю, как собака, увидевшая взволновавший ее сон. Она была бы чудесна, моя пьеса, если бы я был более искусным техником. Как я жалею теперь о бесплодно потраченных годах, когда, подчиняясь внушеньям невежественных критиков, я искал в поэзии какой-то задушевности и теплоты, а не упражнялся в писаньи рондо, ронделей, лэ, вирелэ и пр.

Что из того, что в этом я немного искуснее моих сверстников. Искусство Теодора де Банвиля и то оказалось бы малым для моей задачи.

Придется действовать по-кавалерийски, дерзкой удалью и верить, как на войне, в свое гусарское счастье. И все-таки я счастлив, потому что к радости творчества у меня примешивается сознанье, что без моей любви к Вам я и отдаленно не мог бы надеяться написать такую вещь.

Теперь, Леричка, просьбы и просьбы: от нашего эскадрона приехал в город на два дня солдат, если у Вас уже есть русский Прескотт, пришлите

его мне. Кроме того я прошу Михаила Леонидовича купить мне лыжи и как на специалиста по лыжным делам указываю на Вас. Он Вам наверное позвонит, помогите ему. Письмо ко мне и миниатюру Чехонина (если она готова) можно послать с тем же солдатом. А где найти солдата, Вы узнаете, позвонив Мих.<аилу> Леонид.<овичу>

Целую без конца Ваши милые, милые ручки.

Ваш Г а ф и з.

158. Л.М. РЕЙСНЕР

<Окуловка.> 22 января 1917 г.

Леричка моя,

какая Вы золотая прелесть, и Ваш Прескотт и ваше письмо, и, главное, Вы. Это прямо чудо, что во всем, что Вы делаете, что пишете, так живо чувствуется особое Ваше очарованье. Я и «Завоеванье Мексики» читаю с таким чувством, точно Вы его написали. А какая это удивительная книга. Она вся составлена на основаньи писаний старинных летописцев, частью сподвижников Кортеса, да и сам Прескотт недалеко ушел от них в милой наивности стиля и мыслей. Эта книга подействовала на меня, как доппинг на лошадь, и я уже совсем собрался вести разведку на ту сторону Двины, как вдруг был отправлен закупать сено для дивизии. Так что теперь я в такой же безопасности, как и Вы. Жаль только, что приходится менять план пьесы, Прескотт убедил меня в моем невежестве относительно мексиканских дел. Но план вздор, пьеса все-таки будет, и я не знаю, почему Вы решили, что она будет миниатюрной, она, трагедия в пяти актах, синтез Шекспира и Расина! Лери, Лери, Вы не верите в меня. К первому приехать мне не удастся, но в начале февраля наверное. Кроме того, пример Кортеса меня взволновал, и я начал сильно подумывать о Персии. Почему бы мне на самом деле не заняться усмиреньем бахтиаров? Переведусь в кавказскую армию, закажу себе малиновую черкеску, стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана, и к концу войны кроме славы у меня будет еще дивная коллекция персидских миниатюр. А ведь Вы знаете, что моя главная слабость — экзотическая живопись.

Я прочел статью Жирмунского. Не знаю, почему на нее так ополчались. По-моему, она лучшая статья об акмеизме, написанная сторонним наблюдателем, в ней много неожиданного и меткого. Обо мне тоже очень хорошо, по крайней мере так хорошо еще обо мне не писали. Может быть, если читать между строк, и есть что-нибудь ядовитое, но Вы же знаете, что при этой манере чтенья и в Мессиаде можно увидеть роман Поль де Кока.

Почему Вы мне не пишете, получили ли Вы программу чтенья от Лозинского и следуете ли ей. Хотя, кажется, Вам не столько надо прочесть, сколько забыть.

Напишите мне, что больше на меня не сердитесь. Если опять от меня долго не будет писем, смотрите на плакаты — «Холодно в окопах». Правду сказать, не холодней, чем в других местах, но неудобно очень.

Лери, я Вас люблю.

Ваш Г а ф и з.

Вот хотел прислать Вам первую сцену Трагедии и не хватило места.

159. Л.М. РЕЙСНЕР

<Окуловка.> 6 февраля 1917 г.

Лариса Михайловна,
моя командировка затягивается и усложняется. Начальник мой очень мил, но так растерян перед встречающимися трудностями, что мне порой жалко его до слез. Я пою его бромом, утешаю разговорами о доме и всю работу веду сам. А работа ужасно сложная и запутанная. Когда попаду в город, не знаю. По ночам читаю Прескотта и думаю о Вас. Посылаю Вам военный мадригал, только что испеченный. Посмейтесь над ним.

Ваш Н. Г.

* * *

Взгляните: вот гусары смерти!
Игрою ратных перемен
Они, отчаянные черти,
Побеждены и взяты в плен.

Зато бессмертные гусары,
Те не сдаются никогда,
Войны невзгоды и удары
Для них — как воздух и вода.

Ах, им опасен плен единый,
Опасен и безумно люб, —
Девичьей шеи лебединой,
И милых рук, и алых губ.

160. Л.М. РЕЙСНЕР

<Окуловка. 9 февраля 1917 г.>

Лариса Михайловна,
я уже в Окуловке. Мой полковник застрелился, и приехали рабочие, хорошо еще, что не киргизы, а русские. Я не знаю, пришлют ли мне другого полковника или отправят в полк, но, наверно, скоро заеду в город. В книжн.<ом> маг.<азине> Лебедева, Литейный (против Армии и Флота) есть и Жемчуга, и Чужое Небо. Правда, хорошие китайцы на открытке? Только негде написать стихотворенье.

Иск.<ренно> пред.<анный> Вам Н. Гумилев.

161. А.И. ГУМИЛЕВОЙ

<Окуловка. 17 февраля 1917 г.>

Дорогая мамочка,
твою открытку я получил, благодарю. Мне прислали нового полковника, страшно милого и деятельного. С ним и жить будет приятно и работать хорошо. Однако я с наступлением тепла хочу удрать в полк. Да, ура! В пехоту я не попал, отстояли. Думаю скоро приехать, но когда не знаю.

Целую тебя, Леву (ему пишу тоже) и тетю Варю.

Твой Коля.

Посмотри, какая милая открытка.

162. Л.М. РЕЙСНЕР

<Москва. 22 февраля 1917 г.>

Канцона

Бывает в жизни человека
Один неповторимый миг:
Кто б ни был он: старик, калека,
Как бы свой собственный двойник,
Нечеловечески прекрасен
Тогда стоит он; небеса
Над ним разверсты; воздух ясен;
Уж наплывают чудеса.
Таким тогда он будет снова,
Когда воскреснувшую плоть
Решит во славу Бога-Слова
К всебытию призвать Господь.
Волшебница, я не случайно
К следам ступней твоих приник:
Ведь я тебя увидел тайно
В невыразимый этот миг.
Ты розу белую срывала
И наклонялась к розе той,
А небо над тобой сияло
Твоей залито красотой.

Н. Гумилев.

22 февраля 1917

163. Л.М. РЕЙСНЕР

<Москва. 23 февраля 1917 г.>

Канцона

Лучшая музыка в мире — нема!
Дерево, жилы ли бычьи

Выразят молнийный трепет ума,
Сердца причуды девичьи?
Краски и бледны и тусклы! Устал
Я от затей их бессчетных.
Ярче мой дух, чем трава иль металл,
Тело подводных животных!
Только любовь мне осталась, струной
Ангельской арфы взывая,
Душу пронзая, как тонкой иглой,
Синими светами рая.
Ты мне осталась одна. Наяву
Видевши солнце ночное,
Лишь для тебя на земле я живу,
Делаю дело земное.
Да! Ты в моей беспокойной судьбе —
Иерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов.
Н. Гумилев.
23 февраля 1917

164. Л.М. РЕЙСНЕР

<Стокгольм. 17 / 30 мая 1917 г.>

Швеции

Страна живительной прохлады,
Лесов и гор гудящих, где
Стремительные водопады
Ревут, как будто быть беде!
Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?
Скажи, ужели так и надо,

Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забыт Олегов медный щит?
Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой крещенная сестра?
Ах, неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Напрасно Рюрик приходил!

Н. Гумилев.

Привет и извиненья за такие стихи.

165. Л.М. РЕЙСНЕР

<Берген. 23 мая / 5 июня 1917 г.>

Лариса Михайловна,
привет из Бергена. Скоро (но когда неизвестно) думаю ехать дальше. В Лондоне остановлюсь и оттуда напишу как следует. Стихи все прибавляются. Прислал бы Вам еще одно, да перо слишком плохо, трудно писать. Здесь горы, но какие-то неприятные, не знаю чего недостает, может быть, солнца. Вообще Норвегия мне не понравилась, куда же ей до Швеции. Та — игрушечка. Ну, до свиданья, развлекайтесь, но не занимайтесь политикой.

Преданный Вам Н. Гумилев.

166. А.А. АХМАТОВОЙ

<Лондон. После 4 / 17 июня 1917 г.>

Дорогая Анечка,
привет из Лондона, мой, Анрепа, Вадима Гарднера и Бехгофера. Не правда ли, букет имен.

М.Л. Лозинский

Расскажу о всех по порядку. Я живу отлично, каждый день вижу кого-нибудь интересного, веселюсь, пишу стихи, устанавливаю литературные связи. Кстати, Курнос просто безызвестный графоман, но есть другие хорошие переводчики, которые займутся русской поэзией. Анреп занимает видное место в комитете и очень много возится со мной. Устраивает мне знакомства, возит по обедам, вечерам. О тебе вспоминает, но не со мной. Так, леди Моррель, дама-патронесса, у которой я провел день под Оксфордом, спрашивала, не моя ли жена та интересная, очаровательная и талантливая поэтесса, о которой ей так много говорил Анреп. Семья его в деревне, а он или на службе, или в кафе. Вадим Гарднер, который тоже в India House, проводит время исключительно в обществе третьеразрядных кокоток и презирает Лондон и все английское — этакий Верлэн.

Бехгофер (англичанин из Собаки) пригласил меня остановиться у него. Он тоже в India, недурно говорит по-русски и знакомит меня с поэтами. Но все в один голос говорят, что хороших сейчас нет и у большинства обостренные отношения. Сегодня я буду на вечере у Йейтса, английского Вячеслава. Мне обещали также устроить встречу с Честертоном, которому, оказывается, за сорок и у которого около двадцати книг. Его здесь или очень любят, или очень ненавидят — но все считаются. Он пишет также и стихи, совсем хорошие.

Думаю устроить, чтобы гиперборейские издания печатались после войны в Лондоне, это будет много лучше и даже дешевле. Здесь книга прозы, 300 стр.<аниц> 1000 экз.<емпляров> на плотной бумаге и в переплете, стоила еще совсем недавно 500 р.<ублей>

Ну, целую тебя и посылаю кучку стихов, если захочешь, дай их Маме, пусть печатает.

Твой всегда К о л я.

167. М.Л.ЛОЗИНСКОМУ

<Лондон. Конец июня (н. ст.) 1917 г.>

Дорогой Михаил Леонидович,

я просидел в Лондоне две недели и сегодня еду дальше. В Лондоне я не потерял времени даром. Видел много поэтов, художников, эссеистов; дал интервьюеру одной литературной газеты (еженед.<ельной>) общий мой взгляд на

современную поэзию, пришел на помощь одному переводчику в составлении антологии совр.<еменных> русских поэтов. В этом я очень просил бы и твоей помощи. Переводчику необходимо знакомиться с поэзией последних лет, чтобы написать вступленье, и может быть, ты бы мог выслать нужные книги. Подробности относительно пересылки и денег тебе напишет Анреп.

Нужно достать: В. Иванов: Cor Ardens (оба тома) и Нежная тайна, А. Белый: Золото в лазури, И. Анненский: Кипарисовый ларец, Ахматовой: корректуру Белой стаи, Мандельштама: Камень (второй, если еще нет третьего), Лозинского: Горный ключ, Ходасевича: Счастливый Домик, Клюева все три книги, Кузмина: Осенние озера и Глиняные голубки, Гумилева: Чужое небо, Колчан и оттиск Дитяти Аллаха. И, если можно, декабрьскую книгу «Русской мысли» (ст.<атья> Жирм.<унского>) и № Аполлона со статьями об акмеизме.

Я чувствую себя совершенно новым человеком, сильным, как бык, и помолодевшим, по крайней мере, на пятнадцать лет. Написал уже десяток стихотворений, и строчки бродят в голове. По-английски уже объясняюсь, только понимаю плохо. «Дельвига нету со мной...», вот одно горе. Помнишь, что мы должны после войны вместе ехать за границу. А что делает неверный Шилей? Впрочем, я не имею права задавать вопросы, потому что до сих пор не знаю, куда мне писать.

Отношение к русским здесь совсем неплохое, а к революции даже прекрасное. Посылаю тебе одно из моих последних стихотворений, если папá захочет, пусть печатает в «Аполлоне», с твоего одобрения, потому что я еще не знаю, хорошо оно или плохо.

Кланяйся от меня всем, кто еще не забыл меня.

Жму твою руку.

Твой Н. Г у м и л е в.

Прости, что опять беспокою тебя просьбами, но это для русской поэзии.

168. А.А. АХМАТОВОЙ

<Париж. После 13 / 25 октября 1917 г.>

Дорогая Анечка,

ты, конечно, сердишься, что я так долго не писал тебе, но я нарочно ждал, чтобы решилась моя судьба. Сейчас она решена. Я остаюсь в

Париже в распоряжении здешнего наместника от Временного Правительства, т.<о> е.<сть> вроде Анрепа, только на более интересной и живой работе. Меня, наверно, будут употреблять для разбора разных солдатских дел и недоразумений. Через месяц, наверно, выяснится, насколько мое положение здесь прочно. Тогда можно будет подумать и о твоем приезде сюда, конечно, если ты сама его захочешь. А пока я еще не знаю, как велико будет здесь мое жалованье. Но положение во всяком случае исключительное и открывающее при удаче большие горизонты.

Я по-прежнему постоянно с Гончаровой и Ларионовым, люблю их очень. Теперь дело: они хотят ехать в Россию, уже послали свои опросные листы, но все это очень медленно. Если у тебя есть кто-нибудь под рукой из мин.<истерства> иностр.<анных> дел, устрой, чтобы он нашел их бумаги и телеграфировал сюда в Консульство, чтобы им выдали поскорее паспорта. Их дело совершенно в порядке, надо только его ускорить.

Я здоров и доволен своей судьбой. Дня через два завожу постоянную комнату и тогда напишу адрес. Писать много не приходилось, все бегал по разным делам.

Здесь сейчас Аничков, Минский, Мещерский (помнишь, бывал у Судейкиных). Приезжал из Рима Трубников.

Целуй, пожалуйста, маму, Леву и всех. Целую тебя.

Всегда твой К о л я.

Когда Ларионов поедет в Россию, пришлю с ним тебе всякой всячины из Galerie Lafayette.

169. М.Ф. ЛАРИОНОВУ

<Париж. Вторая половина 1917 г.>

Видишь, Михаил Федорович, я пришел как было условлено в половине второго, чтобы идти в типографию и к Кастелюччи, а тебя нет. Не говори же после этого, что я бездеятелен, а ты аккуратен.

Целую ручку Натальи Сергеевны, жму твою.

Г у м и л е в

170. М.Л. ЛОЗИНСКОМУ

<Петроград. 18 июня 1918 г.>

Дорогой Михаил Леонидович,
дай, пожалуйста, подательнице этого письма мои сочинения, т.<о> е.<сть> «Путь конквист.<адоров>», «Романт.<ические> цветы», «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан» и тот милый сборник переводов.

Это для Михайлова, который подумывает меня издать. Он будет с ними крайне бережен и послезавтра (в четверг) возвратит. Не откажи, пожалуйста. Дела Гиперборея идут.

Искренно твой Н. Гумилев.

171. А.Л. ВОЛЫНСКОМУ

<Петроград. Вторая половина июля — сентябрь 1918 г.>

Многоуважаемый Аким Львович,
посылаю Вам первое послание для «Биржевых». Скоро дам ряд статей и рецензий книг стихов. Пользуюсь случаем напомнить Вам о Вашем обещании устроить мне аванс на счет моего гонорара. О том, когда и где мне его получить, не откажите черкнуть мне несколько слов.

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

P.S. Информационный материал прошу печатать без подписи.

Театр 10

В скором времени в помещении журнала «Аполлон» открывается камерный театр, рассчитанный всего на шестьдесят зрителей.

Репертуаром заведует Н. Гумилев, художественною частью Г. Гидони, постановками В. Соловьев и С. Радлов. Труппа состоит из бывших учеников студии Мейерхольда, ныне закрытой. На билеты будет открыта запись. К постановке предполагается «Киклоп» Еврипида в переводе Иннокентия Анненского, «Мистерия Адама» анонима XII века, перевод М.Лозинского, «Подвиг Хокусая», японская драма XVIII века, и «Сид» Корнеля в переводе Н. Гумилева.

Книги

Книгоиздательство «Гиперборей» возобновило свою деятельность: кроме уже вышедших книг Н. Гумилева — «Мик», африканская поэма, «Костер», новый сборник стихов, и «Фарфоровый павильон», китайские стихи, — намечены к изданию новый сборник стихов Анны Ахматовой, «Фамира Кифаред» Иннокентия Анненского, ассирийский эпос о Гильгамеше, «Тристан и Изольда» по древнейшему стихотворному тексту и пр. Большое внимание уделено художественной стороне изданий. Все украшены заставками современных и старых графиков, некоторые печатаются в две краски.

* * *

Начинает свою деятельность издательство «Книжная Редкость». К изданию предположены книги, которые еще не появились на русском языке и редки на том, на каком написаны. Кроме виньеток, они будут снабжены графическими рисунками, раскрашенными от руки. Каждое издание выходит в количестве 300 экз.<емпляров> и повторено не будет. В ближайшем времени выходят «Матрона из Ефеса», повесть Тита Петрония Арбитра с иллюстрациями Г.Гидони, и «Абиссинские песни», собранные Н. Гумилевым, с рисунками по образцам абиссинской живописи. Предполагаются к изданию «Письма о танце» Апулея, «Письма о живописи» Дюрера и пр.

* * *

Издательство «Прометей» приступило к переизданию «Четок» и «Белой Стаи» Анны Ахматовой и «Романтических цветов», «Жемчугов», «Чужого Неба» и «Колчана» Н. Гумилева.

172. Е.Р. МАЛКИНОЙ

<Петроград. Осень 1918 г.>

Екатерина Романовна,

случилось то, чего я никак не мог предполагать: Вы меня в чем-то упрекаете в Вашем письме. Я не совсем понял, может быть, побоялся понять его среднюю часть. Для ясности восстановил события того дня. Я шел к Вольфу, ничего не думая, просто очень радуясь, что увижу Вас. Когда мы встретились, и Вы сказали мне о холоде, у меня

замелькали тысячи планов: пойти в Исаакиевский собор, но я не знал, откроется ли он; во «Всем.<ирную> литературу», там масса знакомых; в Музей Древностей, это далеко, и т.д. И вдруг я вспомнил, что на Гороховой есть приличная, тихая гостиница, где я часто останавливался, приезжая с фронта и из-за границы. Я думал достать там дров и посидеть перед камином, как в Арионе. Ничего странного или предосудительного я в этом не видел, не вижу и теперь. Наоборот, этот тихий и скромный отель напоминал мне отели константинопольские, афинские и каирские и как-то краем предвосхищал мою мечту о поездке с Вами на Восток. В комнате я несколько раз пытался достать дров, но неудачно и тогда только предложил Вам перейти рядом, где ведь действительно было и теплее и удобнее. Вы написали и о моем огромном усильи воли, и о Ваших колебаньях, которые я, конечно, видел. Приходило ли Вам в голову, что мое усилье воли я направил только на себя и в Ваших колебаниях стал на сторону Вашего теперешнего решения? Нет, очевидно, я просто не понял всей средней части Вашего письма. Все эти дни я ждал, что Вы подадите мне весть о себе, и мы встретимся. Я прекрасно знал, что Вы скажете «нет» и почувствовал, что это «нет» будет для меня ослепительнее и нужнее самого ясного «да». Огненное искушенье, о котором говорит апостол Петр, предназначено мне, а не Вам. Я отлично знаю, во имя чего и любовь, и поэзия, и жизнь — это та вершина, которая венчает все мое творчество. Да, Вас бы я мог любить, ничего не ожидая и получая безмерно много для духа.

И вся первая часть Вашего письма не жестокость (как Вы думали), а светлая милость.

Я писал о Вас, когда говорил, представлял себе, что Вы тоже меня слушаете, и говорил хорошо. Никогда еще я так не радовался солнцу, как вчера, мне казалось, что оно светит только для Вас. Я думал, как радостно мы встретимся, как я Вам расскажу о том чудесном новом — или только забытом — чему научили меня Ваши глаза и Ваше «нет». И я верил, что Вы захотели бы и стали меня слушать.

Но Вы слишком ясно дали мне понять в письме, что Вам тяжело со мной встречаться, хотя Вы на это «согласны». Я так причинил Вам много боли. Но, правда, если я виновен, то лишь в

том, что не до конца понимал тютчевское стихотворение: «Не верь, не верь поэту, дева». Теперь я его понял и скрываюсь. Мы встречались только в Арионе, я не буду туда ходить. Это только справедливо. Мне по вечерам следует работать, Вам — отдыхать после дневной работы. Однако я думаю, было бы много лучше во избежание всяких предрассудков и догадок встретиться еще один раз там же и провести полчаса в одной компании. Сделаемте это завтра: я не буду Вас тревожить разговорами, буду просто болтлив и скоро уйду. К тому же, так как я не могу от Вас чего-нибудь скрывать, мне мучительно хочется увидеть Вас еще один раз, хоть и в последний.

Н.Г.

173. А.Н. ТИХОНОВУ-СЕРЕБРОВУ

<Петроград. 4 февраля 1919 г.>

Многоуважаемый Александр Николаевич,

я сегодня не приду — заболел. Температура повышена. Посылаю проредактированную Заиру. Распорядитесь, чтобы повесили объявление об отмене завтрашнего моего семинария.

Искренно Ваш Н. Г у м и л е в.

174. К.И. ЧУКОВСКОМУ

<Петроград. 21 ноября 1919 г.>

Дрова пришли, сажень, дивные. Вечная моя благодарность Вам. Пойду благодарить П.<етра> В.<ладимировича>.

Вечно Ваш Н.Г.

175. О.Н. АРБЕНИНОЙ

<Петроград. Осень 1919 г. (?)>

Ольга Николаевна,

опять я целую вечность не могу Вас встретить. Сегодня занятий в Институте не будет — студенческая сходка, и я буду переходить на

зимнее положение. Если Вам не покажется очень скучно уставлять вещи и книги, придите сегодня часов в семь. У меня была куча несчастий (уже прошла), расскажу при встрече.

Преданный Вам навек Н. Гумилев.

176. К.И. ЧУКОВСКОМУ

<Петроград. До 16 февраля 1920 г.>

Напишите статью о переводах и переводчиках для Альманаха Проф.<ессионального> Союза.

Н.Г.

177. К.И. ЧУКОВСКОМУ

<Петроград. Весна (?) 1920 г.>

Корней Иванович,

вчера я предентировал всю Абидосскую Невесту пер.<евод> И. Козлова и когда утром проснулся, было половина второго. Я решил, что идти к Вам поздно. Если простите меня, посвящу Вам второе издание Мика.

Н.Г.

178. О.Н. АРБЕНИНОЙ

<Петроград. 15 марта 1920 г.>

Олечка моя,

как досадно вышло с субботой! А я и в воскресенье в час ждал Вас, а вечером пошел на Тантриса, но Вас не было. Буду ждать Вас в среду и в четверг в час дня перед Вашим домом. Я выучил наизусть все афиши по соседству. Стихи из Бежецка я послал, но знаю по личному опыту, что письма оттуда редко доходят, и потому не удивляюсь, что они пропали. Посылаю Вам их опять. Ужасно хочется Вас увидеть, все время только об этом и думаю. Приходите же в среду.

Целую Ваши милые ручки.

Ваш Н. Гумилев.

Приглашение в путешествие.

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно и скучно,
И даже страшно иногда.

Нежней цветы и звезды ярче,
В стране, где светит Южный Крест,
В стране богатой словно ларчик
Для очарованных невест.

Мы дом построим выше ели,
Мы камнем выложим углы
И красным деревом панели,
А палисандровым полы.

И средь разбросанных тропинок
В огромном розовом саду
Мерцанье будет пестрых спинок
Жуков, похожих на звезду.

Уедем, разве Вам не надо
В тот час, как солнце поднялось,
Услышать странные баллады,
Рассказы абиссинских роз!

О древних сказочных царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Что гнезда вьют средь облаков.

Найдем мы старого араба,
Читающего нараспев
Стих про Рустема и Зораба
Или про занзибарских дев.

Когда же нам наскучат сказки,
Двенадцать стройных негритят
Закружатся пред нами в пляске
И отдохнуть не захотят.

И будут приезжать к нам в гости,
Когда весной пойдут дожди,
В уборах из слоновой кости
Великолепные вожди.

В горах, где весело, где ветры
Кричат, рубить я буду лес,
Смолою пахнущие кедры,
Платан, встающий до небес.

Я буду изменять движенье
Рек, льющихся по крутизне,
Указывая на служенье,
Угодное отныне мне.

А Вы, Вы будете с цветами
И я Вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что кажется, поет свирель;

Иль птицу райскую, что краше
И огненных зарниц и роз,
Порхать над темно-русой Вашей
Чудесной шапочкой волос.

Когда же Смерть, грустя немного,
Скользя по роковой меже,
Войдет и станет у порога,
Мы скажем Смерти: «Как, уже?»

И не тоскуя, не мечтая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.
Н. Гумилев

179. В.Я. БРЮСОВУ

<Петроград. Октябрь 1920 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич,
я крайне рад случаю опять (как встарь) написать Вам и очень сожалею, что письмо выйдет такое короткое и пустое. Но, впрочем, Вы теперь так заняты, что у Вас, наверное, не хватило бы ни времени, ни охоты читать иное. Помня Вашу всегдашнюю доброту ко мне, я осмеливаюсь рекомендовать Вам двух моих приятелей — Николая Авдеевича Оцупа и Михаила Леонидовича Слонимского, молодых писателей, которые принадлежат к петербургской группе, затеявшей новое идейное издательство на основе миролюбивого и развивающегося акмеизма. Вы ведь как мой литературный восприемник являетесь дедом этого теченья. Насколько мог, я следил за Вашими работами, радовался многим стихам из «Опытов», штудировал «Науку о стихе».

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

180. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ»

<Петроград. Середина февраля 1921 г.>

В зарубежной прессе не раз появлялись выпады против издательства «Всемирная литература» и лиц, работающих в нем. Определенных обвинений не приводилось, говорилось только о невежестве сотрудников и неблаговидной политической роли, которую они играют. Относительно первого, конечно, и говорить не приходится. Люди, которые огулом называют невежественными несколько десятков профессоров, академиков и писателей, насчитывающих ряд томов, не заслуживают,

чтобы с ними говорили. Второй выпад мог бы считаться серьезнее, если бы не был основан на недоразумении.

«Всемирная литература» — издательство не политическое. Его ответственный перед властью руководитель, Максим Горький — добился в этом отношении полной свободы для своих сотрудников. Разумеется, в коллегии экспертов, ведающей идейной стороной издательства, есть люди самых разнообразных убеждений, и чистой случайностью надо признать факт, что в числе шестнадцати человек, составляющих ее нет ни одного члена Российской Коммунистической партии. Однако все они сходятся на убеждении, что в наше трудное и страшное время спасенье духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде. Не по вине издательства эта работа его сотрудников протекает в условиях, которые трудно и представить себе нашим зарубежным товарищам. Мимо нее можно пройти в молчании, но гикать и улюлюкать над ней могут только люди, не сознающие, что они делают, или не уважающие самих себя.

(Н. Гумилев, по поручению «Всем. <ирной> литературы»).

181. К.И. ЧУКОВСКОМУ

<Петроград.> 27 марта 1921 <г.>

Дорогой Корней Иванович,

Вы как-то были так добры, что интересовались моими мыслями по поводу поэтического отдела Журнала Дома Искусств.

Поэтому я позволяю себе обратить Ваше внимание на статью Георгия Иванова о современных поэтах. Мне кажется, что и подходы и выводы в ней серьезны и правильны и она является выражением взглядов как самих поэтов, так и наиболее культурной части публики. Конечно она не блещет ни глубиной, ни новизной взглядов, но ведь этого и не требуется от обзора, и благодаря этому в ней нет той партийности, которой Вы справедливо боитесь. Я был бы очень рад, если бы это письмо оказалось излишним, и Вы уже решили поместить статью эту во 2-ом номере.

Завтра еду в Бежецк, вернусь через неделю.

Жму Вашу руку.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

182. В.А. СУТУГИНОЙ

<Петроград. 16 июля 1921 г.>

Вера Александровна,
выдайте, пожалуйста, печать, штамп и все дела Союза моему брату.

16 июля 1921.

Н. Гумилев.

183. Н.А. ОЦУПУ

<Петроград. До 3 августа 1921 г.>

Дорогой Оцуп!

Пришел вчерашний скандалист, который скандалит еще больше, показывает мандат грядущего и ругается. Сходи за кем-нибудь из пролеткульта, и приведи его сюда, и скорее, пока он не произвел <фрагмент листа оторван — Ред.>

184. ХОЗЯЙСТВЕННОМУ КОМИТЕТУ ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

< Петроград.> 9 августа 1921 <г.>

Я арестован и нахожусь на Шпалерной. Прошу Вас послать мне следующее: 1) постельное и носильное белье 2) миску, кружку и ложку 3) папирос и спичек, чаю 4) мыло, зубную щетку и порошок 5) ЕДУ. Я здоров. Прошу сообщить об этом жене.

Первая передача принимается когда угодно. Следующие по понедельникам и пятницам с 10—3.

С нетерпением жду передачи. Привет всем.

Н. Гумилев.

6 отд.<еление> камера 77

ПИСЬМА
К
Н.С. ГУМИЛЕВУ

1. ОТ В.Я.БРЮСОВА

Петербург. 2/15 ноября <1906 г.>

Дорогой Николай Степанович!

Простите мне мое молчание. Я поехал дня на три в Петербург и загостился здесь на две недели. Напишу Вам подробно тотчас, как вернусь в Москву. Пока прошу Вашего деятельного сотрудничества в «Весах». Помните только, что это журнал *литературы* и *искусства* и небольшой. Вот почему статья о дуэли в «Весах» неуместна. О любви — очень желанна. Не пришлете ли Вы мне все Ваши новые стихи, написанные Вами после «Пути». Я бы выбрал несколько пьес для «Весов». Кроме того, хотелось бы ближе узнать Вашу поэзию. О рифмах и размерах, в ответ на Ваши соображения, напишу Вам маленький трактат.

Не забывайте меня.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

2. ОТ В.Я. БРЮСОВА

<Москва. 3/ 16 сентября 1907 г.>

Дорогой Николай Степанович!

Вы просите указать на газеты и журналы, где могли бы печатать свои стихи. Предлагаю Вам московскую газету «Столичное утро». Ее литературным отделом (до некоторой степени, конечно) заведуем мы, деятели «Весов», передавая туда стихи и рассказы, печатать которые у себя не можем по недостатку места. Если позволите, я передам туда два последних присланных мне Вами стихотворения: «Что ты видишь» и «С корабля». «Утро» обещает сделаться газетой в литературном отношении приличной, и гонорары платит аккуратно. Правда, Вы по политическим убеждениям — правый, а она — левая, но ведь и «Русь» — левая, а Вы свои стихи в нее послали. Кстати, Вы, кажется, не знаете, что стихи Ваши в «Руси» напечатаны были: не знаю точно, одно стихотворение или два. Лично просил бы Вас только не предлагать стихов «Золотому Руну», так как вся группа «Весов» решительно отказалась иметь какое-либо дело с этим журналом.

О Ваших стихах, присланных мне, постараюсь сказать подробнее в следующем письме. Простите мою краткость, объясняемую крайней стесненностью во времени.

Ваш Валерий Брюсов.

3/ 16 сент. <ября> 1907

3. ОТ Р. ГИЛЯ

Paris, 16-bis rue Lauriston 6 Oct<obre> 1907 <г.>

Monsieur et cher Poète,

Notre grand et excellent ami, Valère Brussov, m'avait déjà annoncé votre visite, et j'en suis heureux.

Mais, ce mardi, voici que j'ai une sortie à faire, que je ne puis remettre. Voulez-vous m'excuser, et venir le lendemain mercredi, où je vous attendrai à partir de deux heures.

Si oui, ne vous donnez pas la peine de me répondre, je vous prie. — En vous remerciant des sentiments précieux que vous voulez bien m'exprimer, je vous envoie toutes sympathies.

Bien vôtre, Rene Ghil.*

4. ОТ Н.П. РЯБУШИНСКОГО

<Москва. До 26 сентября / 9 октября 1907 г.>

М.<илостивый> Г.<осударь>

Простите, что не знаю Вашего имени, отчества, но с благодарностью пишу Вам. Ваша поэзия уже знакома мне из «Весов» и вызывает общее

---

*Париж, улица Лористон, 16-бис. 6 октября 1907 <г.>.

Дорогой Поэт,
наш большой и замечательный друг Валерий Брюсов сообщил мне о Вашем визите, чему я очень рад. Однако в этот вторник меня не будет дома — не уйти я уже не могу. Приношу Вам свои извинения и прошу Вас прийти на следующий день, в среду. Жду Вас после двух.
Если это время Вас устраивает, не трудитесь мне отвечать. Благодарю Вас за бесценные чувства, которые Вы соизволили мне высказать.

С искренней симпатией, Ваш Рене Гиль (*франц.*)

внимание. Хотел писать Вам, но Вы предупредили меня любезной присылкой стихотворений. Надо быть искренним и честным: в Вашем стихотворении прелестные образы, в нем есть нечто родственное нашим стремлениям. Поэтому я с радостью помещаю Ваше имя в числе сотрудников «Золотого Руна». Стихотворения Ваши будут напечатаны в следующем номере журнала и уже набраны к печати.

На днях буду в Париже, очень интересно было бы повидаться с Вами лично и поговорить о Вашем дальнейшем сотрудничестве. Может быть, Вы пришлете нам еще другие беллетристические произведения.

В ожидании Вашего ответа остаюсь

Вас искренне уважающий Николай Рябушинский.

5. ОТ В.Я. БРЮСОВА

Москва. 20 дек<абря> 1907 г.</ 2 января 1908 г.>

Дорогой Николай Степанович!

Мне очень нравится Ваша «Волшебная скрипка». Свободна ли она? Я бы охотно ее взял для «Весов».

В «Раннем Утре» я напечатал еще Вашего «Синдбада» и хочу отдать туда «Улыбнулась и вздохнула». За все Ваше, напечатанное там, Вы имеете получить гонорар, хотя довольно скромный.

Посылаю Вам № «Утра» с Вашими стихами и другой — со статьей А.Белого обо мне.

В «Руне» еще Ваших стихов не было. Альманаха, куда бы Вам предложить Ваши «африканские» стихи, сейчас не предвидится. «Образование» № 11 недавно говорило о Ваших стихах в «Весах» очень «похвально».

Родился я 1 декабря 1873 г.

Ваш Валерий Брюсов.

Приветствую Вас с 8 годом века.

Вот список Ваших стихов, находящихся у меня (остальные, увы, затерялись).

V Каракалле
V Баронессе О<рвиц>-З.<анетти>
Загадка
VV Мне было грустно

Он воздвигнул
Сегодня у берега нашего
Неоромантическая сказка
Сады моей души
Любовникам
Неслышный мелкий п. <адал> дождь...
Видишь, мчатся обезьяны...
Чад
V Гиена
VV Улыбнулась и вздохнула...
В темных покрывалах
V Следом за Синдбадом
VV От кормы
VV В красном фраке
Приближается к Каиру
Как труп, б.<ессилен> небосклон...
VV Волшебная скрипка
Нас было пять...

Отмеченные V — напечатаны; отмеченные VV — мне хотелось бы оставить в своем распоряжении: я отдам их в то или иное издание. — Кроме того, у меня Ваша драма и новелла. О новелле окончательный ответ дам вскоре.

В.Б.

6. ОТ В.Я. БРЮСОВА

<Москва.> 20 янв. <аря/> 2 февр.<аля> 1908 г.

Дорогой Николай Степанович!

Простите, что давно не писал Вам. Умер мой отец, — с которым Вы встречались в Париже. Это надолго расстроило все мои занятия.

Благодарю Вас за книгу. Издание очень мило, особенно на лучшей бумаге. Жаль, что Вы не сделали всех экземпляров «лучшими». Напрасно также Вы были слишком строги к своим стихам. «Маскарад» (ба<роне>ссе О<р-виц>-З<анетти>), «Сегодня у берега», «Неоромантическая сказка» и др.<у-

гие> имели бы право занять свое место в книге. Общее впечатление, какое произвела на меня Ваша книга, — положительное. После «Пути» Вы сделали успехи громадные. Может быть, конквистадоры Вашей души еще не завоевали стран и городов, но теперь они вооружены для завоевания. В «Весах» о Вашей книге буду писать непременно я. Лучшими пьесами в «Цветах» кажутся мне: «Юный маг», «Над тростником», «Что ты видишь», «Там, где похоронен» (добавления очень удачны), «Мой старый друг», «Каракалла», «Помпей», «Улыбнулась и вздохнула», «Царица иль может быть», «Сады моей души», «Озеро Чад» (кое-что в I, все И, конец III), «Сада Якко» (конец); кроме того, нравятся мне отдельные места в стихотв.<орениях> «Измена», «Под землей», «Я долго шел», «Приближается к Каиру», «На руке моей перчатка». Если бы Вы прислали мне еще один экземпляр, я бы вернул его Вам с подробными означениями, что мне кажется удачным, что нет.

«Раннее утро» для нас закрылось, ибо в нем изменилась редакция. Ваш гонорар, надеюсь, все же доставят Вам. Можно ли дать Ваши стихи в «Русский артист»?

Всегда Ваш Валерий Брюсов.

P.S. «Радости земной любви» могут быть напечатаны в «Весах» в одном из весенних №№.

7. ОТ В.Я. БРЮСОВА

<Москва. После 12 мая 1908 г.>

Дорогой Николай Степанович!

Посылаю Вам корректуру Вашей статьи, которую очень прошу просмотреть и вернуть как можно скорее. Особенно следует проверить транскрипцию собственных имен. Мы кое-что смягчили в Ваших словах о Сезанне. М.<ожет> б.<ыть>, придется вообще сделать к этой заметке «редакционное примечание», но все же она интересует нас.

В принципе «Скорпион» принимает на себя издание Ваших «Жемчугов». О сроках и подробностях сообщу отдельно.

Вы не указали Вашего петербургского адреса в последнем письме, и это письмо я посылаю наудачу по Вашему старому адресу.

Ваш Валерий Брюсов.
<1>908

P.S. Статья Ваша такого рода, что я советую Вам подписать ее лишь инициалами.

8. ОТ Н.К. РЕРИХА

<С-Петербург.> 23 янв.<аря> 1909 <г.>

Многоуважаемый Николай Степанович,
не заглянете ли ко мне по поводу альманаха. У меня есть некоторые тактические соображения о порядке и времени издания.

Сам я еще не выхожу.

Искренне Ваш Н. Р е р и х.

9. ОТ А.М. РЕМИЗОВА

<С.-Петербург. 25 января 1909 г.>

Многоуважаемый Николай Степанович!

Я очень жалел, что не видел Вас сегодня. А мне необходимо было Вас видеть и переговорить об одном литературном деле. Нет ли у Вас пьесы? Если нет, то не напишите ли коротенькую пьесу? Серафима Павловна шлет Вам поклон, хочет договорить начатый разговор. Жду.

А. Р е м и з о в.

25 января 1909

10. ОТ А.М. РЕМИЗОВА

<С.-Петербург.> 8 февраля 1909 <г.>

Дорогой Николай Степанович!

Никто ко мне не приходил, никто мне никаких денег не дал. А Каменский обманул, впрочем прислал письмо, что 20 р.<ублей> не может дать, так как журнал отлагается до марта месяца.

О Вас есть несколько строчек и очень хороших в № 1 Весов.

Николай Степанович, очень прошу Вас перепишите какое-нибудь Ваше стихотворение (2 экземпл.<яра>) и пошлите по следующему адресу:

СПб. В.<асильевский> О.<стров> 15 л.<иния> 88 кв.<артира>34

Аркадию Анатольевичу Кощееву.

Это для *вятского* вечера. Ко мне приходил Кощеев, я сказал, что будем участвовать я и Вы, и Волошин, и Толстой, и Верховский.

О вечере он известит: вечер будет или 7 или 25 марта. 2 экзем. <пляра> Ваших стихов надобны для цензуры. Пошлите поскорее.

А. Р е м и з о в.

Кощеев едва поместился в моей комнате. Он мне сказал: - Дайте мне почитать в книжку.

P.S. Прочитал 1- <ый> акт Шута короля Б. <атиньоля> и Ваш рассказ «Лесной дьявол». И то и другое мне очень понравилось. Пьесу я думаю устроить у Комиссаржев.<ской> в сезоне 1910—11 г.

11. ОТ М.А. ВОЛОШИНА

<С-Петербург. 10 марта 1909 г.>

Николай Степанович и Алексей Николаевич!

Я прошу у вас дружеской услуги: отправиться от моего имени к г-ну Лукьянчикову (Константину Ивановичу) и под угрозой поединка потребовать у него трех действий:

1). Немедленно поехать извиниться перед моей матерью за неподобающую грубость, котороую он позволил себе по отношению к ней в прилагаемом открытом письме.

2). Не вмешиваться в личные отношения Александры Иосифовны Орловой с ее старыми друзьями — моей матерью и мною.

3). Уничтожить на ваших глазах мое письмо, адресованное мною Александре Иосифовне, которое он имел нескромность прочесть.

<В> переговорах с г-ном Лукьянчиковым прошу вас иметь в виду, что самое важное для меня — это исполнение этих требований, а вовсе не поединок, т.е. личных отношений к нему к меня нет и крови его я вовсе не жажду. Дуэль является для меня здесь лишь прискорбной неизбежностью.

В случае же его отказа от дуэли прошу Вас прибегнуть к угрозе оскорбления действием с моей стороны только в крайнем случае, т<ак> к<ак> должен заранее предупредить вас, что исполнять ее я вовсе не собираюсь.

С доверием вручаю вас защиту моих интересов.

Максимилиан В о л о ш и н.

Вторник, 10 марта.

2 часа дня.

12. ОТ М.А. ВОЛОШИНА

<С-Петербург. 11 марта 1909 г.>

Николай Степанович и Алексей Николаевич!

За этот день случились новые обстоятельства, изменяющие мои требования к К.И.Лукьянчикову.

Моя мать получила от Александры Иосифовны Орловой, которой г-н Лукьянчиков сообщил о предполагаемой дуэли, письмо, в котором она просит нас — меня и мать мою — пощадить ее и не вмешиваться в ее жизнь.

Поэтому требование мое о невмешательстве г-на Лукьянчикова в отношения моей матери и мои к А.И. Орловой теряет смысл.

Мать же моя, со своей стороны, заявляет, что оскорбленной г-ном Лукьянчиковым она себя не считает и извинений его ей не надо.

Письмо же мое к А.И. Орловой, перехваченное г-ном Лукьянчиковым, как сообщает А.И. Орлова, уже уничтожено.

Таким образом, все три мною поставленные требования падают сами собой, и так как никаких личных отношений у меня к г-ну Лукьянчикову нет, то я считаю это дело для себя поконченным.

В том же случае, если сам г-н Лукьянчиков считает себя оскорбленным мною, то прошу Вас передать его секундантам, что я всегда к его услугам, а также прочесть им данное письмо.

Максимилиан Волошин.

13. ОТ В.Я. БРЮСОВА

<Москва.> 26 мая 1909 <г.>

Дорогой Николай Степанович!

Очень жалею, что Вы меня не застали. Мой день расположен таким образом, что при всем желании для меня невозможно заехать к Вам в 7, час, который Вы указали. Но я могу быть дома между 9 и 12 вечера. Если это для Вас возможно, приезжайте в эти часы ко мне «пить чай». Буду очень рад.

Всегда Ваш Валерий Брюсов.

26 мая 1909 года

14. ОТ А.М.РЕМИЗОВА

<С.-Петербург.> 23 сент. <ября> 1909 <г.>

Дорогой Николай Степанович!

Появился в Петербурге студент первокурсник, брат тех Бурлюков, которые картины квадратиками пишут; я хотел бы его познакомить с Вами. Он пишет стихи и нуждается в руководителе.

Назначьте день и час на той неделе у нас, я его извещу и он явится. Он очень скромный, внимательный и будет послушен, и будет примерным учеником.

В объявлениях журнала «Аполлон» в числе сотрудников я не нахожу своего имени. Вы бываете в «Аполлоне», наведите справку у секретаря, отсутствие моего имени произошло по невнимательности корректора или я просто не считаюсь сотрудником «Аполлона».

Жизнь свою понемногу налаживаю: по часам распределил занятия и прогулку. Так с Божьей помощью примусь и за писание.

Всего Вам хорошего, Николай Степанович. Кланяюсь Вашему дому.

А. Р е м и з о в.

15. ОТ Д.Н. КАРДОВСКОГО

<Царское Село. 2 ноября 1909 г.>

Многоуважаемый Николай Степанович!

Я заполнил просветы на рисунке «Жемчугов», текст стал вполне отчетлив и завтра отсылаю рисунок в «Скорпион», вместе с письмом. В этом письме я, с Вашего позволения, написал, что Вы нашли рисунок подходящим, о чем сообщите лично. Думаю, что Вы не пожалеете, что еще раз не посмотрели рисунка. — Впрочем, я лучше вот что сделаю. Лучше я отправлю его послезавтра — один день разницы не сделает, а если Вам угодно, зайдите завтра к нам, я оставлю рисунок дома и Вы можете его посмотреть. Я сам завтра уеду с утра в Петерб<ург> и возвращусь вероятно часам к 6 вечера.

Посылаю Вам билет на открытие нашей отчетной выставки. Хотя она для Вас и мало любопытна, но по крайней мере Вы узнаете, где находится Академия Художеств в Петербурге.

Жму Вашу руку и прошу передать мой привет всем Вашим.

Д. К а р д о в с к и й.

2 ноябр.<я. 19>09 <г.>

Ц<арское> С<ело>

16. ОТ Э.Ф.ГОЛЛЕРБАХА

<Царское Село. Начало 1910-х гг. (?)>

Уважаемый г. Гумилев.

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Мне, усердному поклоннику Вашего изящного дарования, было бы большим удовольствием иметь Ваш автограф.

17. ОТ В.Я. БРЮСОВА

<Москва.> 28 марта 1910 г.

Дорогой Николай Степанович!

К сожалению, я не могу взять на себя приятный труд написать о Вашей книге в «Аполлоне». Я обещался «Рус.<ской> Мысли» давать ей рецензии о всех, стóящих внимания сборниках стихов. Писать же об одной книге в двух изданиях я считаю решительно неуместным (хотя Н. Лернер и писал иногда по 18 рецензий об одном и том же).

Благодарю Вас за вести из Абиссинии.

Ваш всегда В а л е р и й Б р ю с о в.

18. ОТ Ж. ШЮЗЕВИЛЯ

Villa Mirandola-Brunate. Como (Italie). <Лето 1910 г.>

Cher Monsieur,

je me permets de me rappeler à votre souvenir, car je désirerais savoir où en sont demeurés nos projets. Si vous aviez aperçu quelque obstacle à leur réalisation, je vous serais reconnaissant de vouloir bien simplement m'en avertir.

Comme je vous l'ai dit, je passerai selon toute probabilité l'année 1910—1911 à Rome. Pour l'instant je suis aux environs de Cyme où je séjournerai encore un mois.

Il serait bon que l'on m'expédie ici quelques uns au moins des ouvrages à traduire. Ma santé s'est bien améliorée et je crois que je pourrai travailler avec succès.

Agréez Monsieur l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoirés.

J. C h u z e v i l l e.

Tous mes compliments à Madame Goumileff.*

19. ОТ В.Я. БРЮСОВА

Москва. 29 авг<уста> 1910 г.

Дорогой Николай Степанович!

Я не писал Вам давно, - частью по причине Ваших летних разъездов, частью по причине разных событий моей жизни, пересказывать которые не было бы интересно. И мне как-то стыдно начинать это письмо с деловых предложений и рассуждений, - но к тому принуждают обстоятельства. Дело в том, что с этой осени (как Вы, может быть, уже знаете) я буду «принимать ближайшее участие» (официальный термин) в редактировании «Русской Мысли». Кроме того, мне же приходится взять на себя (за отъездом из Москвы С.А.Полякова) и редактирование «Северных Цветов», запоздавших, но имеющих выйти в течение этого сезона. Вы понимаете и вы не сомневаетесь в том, что мне в том и в другом издании хочется иметь Вас в числе сотрудников. Зная, что в искусстве Вы, своим путем, постоянно продвигаетесь вперед, я уверен, что у Вас есть и стихи и рассказы (может быть, и статьи?), которые могут пригодиться и для журнала и для альманаха. К сожалению, ближайшие книжки «Русской Мысли» уже предопределены тем материалом (весьма плачевным),

---

* Вилла Мирандола-Брюнате. Комо (Италия).

Сударь, позволю напомнить о себе ввиду того, что очень желал бы знать, на какой стадии находятся наши проекты. Если на пути к их осуществлению Вам встретились какие-либо препятствия, был бы Вам очень признателен за сообщение мне о таковых.

Как я говорил Вам, вероятнее всего я проведу 1910—11 годы в Риме. В настоящую минуту я нахожусь в окрестностях <озера> Комо, где пробуду еще месяц.

Было бы хорошо, если бы мне прислали сюда по крайней мере некоторые произведения, подлежащие переводу. Здоровье мое значительно лучше, и я надеюсь, что смогу успешно работать.

Примите, сударь, выражение моей симпатии и преданности.

Ж. Ш ю з е в и л ь.

Передайте мои приветствия г-же Гумилевой.

который достался мне в наследие от моих предшественников. Но уже теперь я должен собирать рукописи для 1911 г. и, кроме того, все же надеюсь, что мне удастся вставить несколько мелких вещей в последние книжки этого года. Что же касается «Северных Цветов», то теперь уже самая пора организовывать их и даже сдавать материал в типографию. Вы бы меня потому очень обрадовали, если бы нашли возможность прислать мне что-либо из Ваших новых произведений в самом близком будущем. Мне казалось бы, что для «Русск. <ой> Мысли» скорее всего подошла бы одна из маленьких новелл, в том роде, как Вы их печатали там, а для «Сев.<ерных> Цветов» — стихи. Впрочем, это лишь предложение, на котором я нисколько не настаиваю, и совершенно возможно печатать в журнале стихи, а в альманахе прозу или тут и там и то и другое.

К большому моему сожалению, у меня сейчас совсем нет времени, чтобы поговорить с Вами, хотя бы в письме, о многом другом, о чем поговорить и хотелось бы и было бы надо, - в том числе и об «Аполлоне». Позвольте отложить это до следующего письма или до встречи. Ибо в этом году мне придется в Петербурге бывать неоднократно.

Благодарю Вас за Ваши письма.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Мой новый адрес: 1-я Мещанская, 32 (Москва).

20. ОТ В.Я. БРЮСОВА

Опалиха. 20 июня <1911 г.>

Дорогой Николай Степанович!

Спасибо, что меня вспомнили. Первое Ваше стихотворение «Из логова змиева» думаю напечатать в одной из ближайших книжек «Р. <усской> М. <ысли>» В нем в одном месте дактилические рифмы заменены женскими, — так и должно? Два других по разным причинам мне нельзя будет пристроить.

Читал Ваше письмо о поэзии и в большинстве с Вашими отзывами согласен. Игорь Северянин, действительно, интересен. В Эренбурга я поверил по его первым стихам. Продолжаю еще верить. Что у него много слабого — меня не смущает: у кого нет слабого в дебютах? Более меня тревожит, что он пишет и в «Сатириконе» и (кажется) в «Синем Журнале». Это — путь опасный.

Стихи Вашей жены, г-жи Ахматовой, — которой, не будучи пока ей представлен, позволю себе послать мое приветствие, — сколько помню, мне понравились. Они написаны хорошо. Но во-первых, я читал их уже давно, осенью, во-вторых, двух стихотворений, которые мне были присланы, слишком мало, чтобы составить определенное суждение.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

21. ОТ В.Я. БРЮСОВА

Москва. 18-ое ноября 1911 г.

Дорогой Николай Степанович!

Спасибо за присланные стихи. Но Вашими условиями Вы ставите меня в очень трудное положение. Дело в том, что стихи на январь-февраль у меня уже намечены. Я постараюсь однако уместить в январе Ваше стихотворение «Я верил, я думал...». Не знаю еще, удастся ли мне воспользоваться и «Туркестанскими генералами», которые мне тоже очень нравятся. Сообщу Вам об этом на днях. Что касается альманаха Аполлона, то по-прежнему думаю, что его редакция поступила не окончательно корректно.

Ваш Валерий Брюсов.

22. ОТ А.М.РЕМИЗОВА

<С.-Петербург.> 19 / 1 1912 <г.>

Таврическая 3[В], кв. 23.

Дорогой Николай Степанович!

Сколько лет я Вас не видал — с холерного года. Очень досадно было, что так вышло: я был по соседству через квартиру, относил корректуру. Узнал от прислуги, когда уже и след Ваш простыл.

Извиняюсь за нечаянный грех.

Мы будем очень рады, если Вы пожалуете к нам. Лучше, если бы Вы известили нас.

Серафима Павловна шлет Анне Андреевне и Вам поклоны. Серафима Павловна все еще не на ногах по-настоящему, все еще больно ей.

Я кланяюсь Анне Андреевне. Кончится у меня корректурная страда, выйдут VI и VII т.<ома>, избавляюсь я от своей простуды, потеплеет на воле, — у Вас буду на новоселье с хлебом и солью.

А. Ремизов.

23. ОТ К.И. ЧУКОВСКОГО

<Куоккала. Конец марта-начало апреля 1912 г.>

Дорогой Николай Степанович,
только теперь я мог вполне оценить, как великолепны Ваши переводы. Не говоря уже о «Сфинксе», который есть литературное чудо, — «Шелли», «Федра» и «Theoretikos» поразили меня точностью и красотой пересказа. Я целый день сегодня твержу это пушкинское:

«на празднике усопших страж суровый..»

Посылаю Вам снова Вашу корректуру — и покорнейше прошу сделать к «Сфинксу» кое какие примечания, вроде так, что «Бык» — это минотавр, сын царя Миноса и т.д. Иначе значительная доля этих стихов будет невнятна для малосведущих читателей «Нивы». Я сейчас в деревне без всяких книг, а Вам это нетрудно.

Я познакомился с композитором Гартевельтом; у него много романсов на Ваши стихи.

Ваш Чуковский.

24. ОТ А.А.БЛОКА

<Петербург.>14 апреля 1912 <г.>

Многоуважаемый Николай Степанович.

Спасибо Вам за книгу; «Я верил, я думал» и «Туркестанских генералов» я успел давно полюбить по-настоящему; перелистываю книгу и думаю, что полюблю и еще многое.

Душевно преданный Вам Ал.<ександр> Блок.

25. ОТ К.И. ЧУКОВСКОГО

<Куоккала. До 28 августа 1912 г.>

Дорогой Николай Степанович,
я в восторге от Вашего «Сфинкса» — есть отличные строфы — но меня, признаюсь, покоробило одно (только одно!) место — 65-ое четверостишие:

В веках один лишь умер *Бог*,
Один лишь свой позволил *бок*
Пронзить в ночи копью солдата.

Бог и бок — это вульгарность, Вашей поэзии несвойственная. Надеюсь, Вы ее устраните.

Не слишком ли много ассонансов в Вашем переводе? а ведь «Сфинкс» — вещь строгая, средневековая.

В сонетах — я бы оспаривал только одну строчку — шестую строчку в сонете «Могила Шелли» («В безмолвии вон той, из пирамид...». *Вон той* - это фривольный жест, сонету неподобающий.)

Переводом «Сфинкса» *мы начнем* том сочинений Оскара Уайльда.

Я все лето был болен, но теперь поправился и, знаете, чем занялся — книгой о Уоте Уитмэне. Я давно готовлю этот толстейший том. В нем будут: большая историко-литературная статья, новые переводы избранных стихотворений, отзывы европейской критики о Уоте Уитмэне и тысячи примечаний. Мне хотелось услышать ваше мнение о переводах стихов. Давайте условимся осенью, где и как встретимся. Ах, если бы мне получать Аполлон! Я совсем ото всего отстал за время недуга.

Ваш Ч у к о в с к и й.

Зимою и осенью мой адрес тот же - Куокалла, К.И.Чуковскому.

26. ОТ А.И. ТИНЯКОВА

Петербург. 1-го октября 1912 г.

Глубокоуважаемый Николай Степанович,
позвольте мне предложить Вашему вниманию первую книгу моих стихов и сказать несколько слов о том, с какими мыслями и чувствами я предлагаю ее Вам.

Уже давно, — познакомившись с Вашими отдельными стихотворениями в журналах, — я начал думать о Вас, как о поэте, дающем огромные обещания.

Теперь же, — после «Чужого неба», — я непоколебимо исповедую, что в области поэзии Вы самый крупный и серьезный поэт из всех русских поэтов, рожденных в 80-е гг., что для нашего поколения Вы — то же, что В. Брюсов для поколения предыдущего. Нечего и говорить, что, читая Ваши произведения, я могу только горячо радоваться за свое поколение, а к Вам, как к нашему «патенту на благородство», относиться с величайшим уважением и благодарностью...

Я буду очень счастлив, если Вы напишете мне что-нибудь о моей книге. Особенно ценны будут для меня Ваши указания на мои промахи. Я очень многим обязан беспощадной критике В.Я. Брюсова, а его искреннее одобрение значило для меня больше, чем шумная похвала других.

Я очень желал бы встретиться с Вами и был бы горячо благодарен Вам, если бы Вы соблаговолили дать мне Ваши произведения с Вашим автографом.

Глубоко уважающий Вас Александр Т и н я к о в.

Мой адрес: СПб. Васильевский остров, 14 линия, д. <ом> 35, кв. <артира> 32, Александру Ивановичу Тинякову.

27. ОТ С.К.МАКОВСКОГО

<С.-Петербург.> 8 октября 1912 г.

Многоуважаемый Николай Степанович,
мне бы хотелось закрепить Ваши отношения к «Аполлону», которыми — Вы знаете — я очень дорожу, более определенно, чем это было до сих пор. А именно, позвольте предложить Вам заведование всем *литературным отделом* журнала, что могло бы выразиться в объявлениях «Аполлона» следующей формулой: «Литературный отдел — при непосредственном участии Н. Гумилева». Разумеется, и при этой новой постановке дела, за мной остается обязанность и право редактора-издателя, ответственного *за весь материал*, помещаемый в «Аполлоне», но я уверен, что, будучи автономным в Вашей области, Вы найдете и время и желание привлечь к изданию нужных сотрудников и поможете ярко выразить то направление журнала, которое соединяется для меня, так же, как и для Вас, с именем *нашего* «Аполлона».

Очень прошу Вас не замедлить с ответом.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам Сергей М а к о в с к и й.

28. ОТ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

<С.-Петербург.> 20. XI. 1912.<г.>

Дорогой Николай Степанович!

Только третьего дня я встал с постели, перенеся в ней инфлюэнцу, осложнившуюся в ветроспу. Недели две я буду безвыходно дома.

Я очень сожалею, что не мог принять Вас, когда Вы, — это так любезно с Вашей стороны, — меня посетили: болезнь из передающихся, и полу сознание.

Буду сердечно рад, если Вы соберетесь ко мне на днях. Вообще, мне всегда радостно Вас видеть.

Уважающий Вас Игорь.

P. S.. Мой привет Анне Андреевне.

29. ОТ Г.В. ИВАНОВА

<Петербург. Осень 1912 — весна 1913 г.>

Многоуважаемый Николай Степанович,

Прошу Вас, поместите, если найдете возможным, в Аполлон мое письмо. Посредством него я хочу отделить свое имя от ряда новых выступлений футуристов, которые, как мне сообщили, готовятся в ближайшем будущем. Манифест «Ego» рассылается до сих пор, и так как я ничем не подчеркнул своего выхода из «редакториата», многие, вероятно, сочтут меня участником вышеупомянутых скандальных выступлений.

Преданный Вам Георгий Иванов.

30. ОТ А.К. ЛОЗИНЫ-ЛОЗИНСКОГО

<С.-Петербург. Первая половина 1914 г. (?)>

Я слышал от брата моего, Вл. <адимира> Кон. <стантиновича>, имевшего с Вами разговор (простите, не знаю Вашего имени и отчества), что Вы написали рецензию о моих стихах. М. <ожет> б. <ыть> Вы согласитесь избавить меня от труда доставать и просматривать Аполлон за целый год и будете исключительно любезны черкнуть мне, когда она напечатана?

Мой адрес: СПб., Крестовский остр. <ов>, Александровский пр. <оспект> 66. Т.<елефон> 138—30.

С полным уважением А. <лексей> Л. <озина-Лозинский>

31. ОТ И.М. ШАПИРО

Житомир. 5 января 1914 г.

Дорогой Николай Степанович,
собрался написать Вам. Я был все время очень занят и книгами, и разговорами, и лишь на прошлой неделе добрался до Вашего дивного «Чужого Неба». Много читал хороших книг, многим приходилось мне восхищаться — литература этой эпохи, которую я специально изучаю, слишком много хорошего заключает в себе и слишком избаловала она мой вкус, — но впечатление, произведенное Вашей книгой, и удовольствие, полученное от нее, не уступают самым сильным переживаниям, вызванным различными произведениями. Очень Вам благодарен. Я только не понимаю, почему это не символизм, а акмеизм. О «Жемчугах» и говорить не приходится. И «Волшебная Скрипка», и «Одиночество», и «Озеро Чад» — вся книга от начала до конца — ветвь одного и того же дерева, на котором росли и Бальмонт, и Брюсов, и Блок, и если Вы теперь всё это отрицаете и направляете по другому пути, то я могу Вам только с сожалением сказать Вашими же словами:

Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледном мерцающем взоре?
Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Цитирую я без книги и извиняюсь за возможные ошибки. Я не знаком с Вашими последними произведениями, но, судя по Вашим «Жемчугам», с которыми я познакомился еще 3 года тому назад, и по Вашему «Чужому Небу», я ничего, что можно было бы назвать «акмеизмом», не вижу. И вот, теперь, меня пригласили в Житомир прочесть conférence* на тему «Что такое символизм?», и я, несомненно, с полным правом включу Вас в группу символистов. Повторяю, я с последними Вашими произведениями совершенно не знаком и, может быть, они совершенно другого характера. Воз-

* доклад (*франц.*)

можно также и то, что я не понял сущность акмеизма, и мне очень жаль. — Во-первых, я мог бы расширить свой conférence, указать детальнее эволюцию символизма и подробнее поговорить о Вас, во-вторых, я могу впасть в ошибку, и, кроме того, меня акмеизм очень интересует в связи с моей докторской диссертацией.

Поэтому, дорогой Николай Степанович, я Вас очень прошу не отказать мне прислать подробное разъяснение — что такое акмеизм? Если Вы разрешите и если, познакомившись ближе, можно будет назвать акмеизм течением, я помещу Ваше письмо в начале главы, посвященной акмеизму. Ведь, вообще, работа моя содержит очень много анкетного, если можно так выразиться, а я, разговаривая с Вами, все-таки плохо воспринял сущность акмеизма — не в силах я написать что-нибудь об акмеизме.

Не откажите мне также в дружеском совете, с кого начать? Чье произведение было первым в этом направлении? Когда именно появилось оно? И, вообще, укажите мне для этого литературу. Буду Вам за это очень благодарен.

В России пробуду я до 20 января, а затем поеду в Берлин, Брюссель и Лондон. Что с Италией будет, не знаю. Итальянский язык я знаю слабо, а в переводах познакомиться с литературой — неприятно. Все-таки надеюсь через месяцев 6 изучить основательно итальянский язык и сделать туда маленький voyage*.

Всего Вам хорошего, Николай Степанович.

Ис.<аак> Ш а п и р о.

P. S. Анне Андреевне жму руку. Сегодня или же завтра напишу ей письмо. Я имел удовольствие прочесть несколько ее стихотворений. Вас же я прошу не медлить с ответом. Адрес мой: Киев, Совская 16, кв.<артира> 25. Ис.<ааку> Михаил.<ович> Шапиро.

Отвечайте, пожалуйста, заказным письмом.

32. ОТ С.А.АУСЛЕНДЕРА

<С.-Петербург. Март 1914 г.>

Милый Гуми,

большая к тебе просьба. Мне необходимо достать несколько стихотворных строк для перевода тома Мопассана, который выпускает издательство «Польза». Будь другом, возьмись или попроси Анну Андреевну

---

*путешествие (*франц.*)

взять эту работу, которая займет времени около 2-х часов не более. Заплатит «Польза» немного, вероятно, но все же заплатит, а главное ты сделаешь огромное одолжение мне. Ради Бога не отказывайся от этого и позвони мне по телефону 419-11. Может быть, ты в пятницу днем зайдешь ко мне.

Не откажи милый Гуми в моей огромной просьбе. Привет Анне Андреевне.

Твой Сергей Ауслендер.

Я решил сам захать к тебе и оставить книги где отмечены строки. Может быть, ты сделаешь перевод, не откладывая в долгий ящик.

33. ОТ М.Л.ЛОЗИНСКОГО

<С.-Петербург.> 5.Ш.1914 (6.40 веч.)

Ясный хочет, по словам А.Н.Лаврова, чтобы на первой странице обложки был обозначен склад издания. По-моему, это выйдет в высшей степени безобразно!! «Склад издания» надо напечатать на задней обложке, как и цену. Ни за что не уступайте, иначе лицо книги, сейчас такое милое, будет обезображено.

М. Лозинский.

34. ОТ С.М.ГОРОДЕЦКОГО

<Петербург. 16 апреля 1914 г.>

Дорогой Николай,
я приду сегодня к Кинши, но сначала ты должен выслушать возражения на «тона» твоего письма, действительно неверные.

1. Союз для меня равняется дружбе, и потому то, что тебе кажется передержкой, есть только идеализация наших отношений.

2. «Твои» никого и ничем не оскорбляют, смею тебя уверить. Мы с тобой не раз делили Цех на твоих и моих — вспомни.

3. От акмеизма ты сам уходишь, заявляя, что он не школа; также и из Цеха, говоря, что он погиб. Я только требую соответствия между образом мыслей и поступками. Слово «предательство» ты не имел право употреблять даже с глаголом в сослагательном наклонении.

4. Объяснений я требовал не раз насчет «Гиперборея». Ты совершенно напрасно отделываешься шутками. Ответственным считаю я тебя, потому что дело было решено твоим, без моего ведома, попустительством.

Никаких других оснований, кроме затронутых вчерашним разговором, у меня не было. О моем личном к тебе чувстве распространяться не считаю уместным даже в ответ на обвинение в неприязни. А выставлять меня политиканом (твое P.S.) значит или не знать меня, или шутить неуместно.

Надеюсь, ты теперь согласишься, что «тон» моих писем вполне приемлем и акмеистичен.

С. <ергей> Г. <ородецкий>

35. ОТ Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОГО

Янов Ков.<енской> губ.<ернии>, им. <ение> Сантоки 1 июля 1914 <г.>

Дорогой Коля,
пишу тебе совершенно наугад, т.к. знаю, что тебя нет в Царском. Но все же надеюсь — авось да каким-нибудь чудом и дойдет до тебя мое письмо, очень краткое, разумеется. У меня две цели, когда я его пишу. Одна вполне платоническая: просто хочется узнать, где ты, что ты делаешь, как ты живешь, другая же — корыстная: мне очень хочется прочитать «Пипу» Твою — Броунинга, и я хочу тебя попросить, если у тебя имеются оттиски ее, прислать мне один из них.

Я надеюсь, что ты меня настолько знаешь, что не пустишь и мысли, будто чувства корыстолюбивые во мне сильнее платонических, а потому уверен, что кроме Пипы ты пришлешь мне и письмо, если и не столь как она длинное, то почти столь, как она, интересное.

Всего лучшего. Шлю в мировое пространство мой привет.

Твой Евгений Зноско-Боровский.

P.S. Здесь, где я живу, отлично. Я много работаю и чувствую себя превосходно, чего и тебе желаю.

36. ОТ М.Л.ЛОЗИНСКОГО

Vammelsuu. 10/23. VII. <19>14 <г.>

С изумлением беспримерным, дорогой Николай Степанович, получил я сейчас твое письмо из Териок. Приди оно хоть несколькими днями раньше,

это изумление было бы и приятнейшим. И я, конечно, немедленно на коне или на корабле отправился бы в Териоки, чтобы похитить тебя из этого скверного посада в очаровательное Vammelsuu. Но увы!.. теперь уже поздно... Сегодня Таня и я переселяемся в Петербург — она до конца месяца, а я совсем: только в августе буду наезжать сюда по субботам.

Ну не стыдно ли тебе. Ведь ты, по-видимому, живешь в Териоках с 24-го, 25-го июня, и не мог мне раньше написать. Правда, ты не мог знать, что я так скоро покину Финляндию. А все-таки стыдно.

В Петербурге я ловил тебя по телефону, как и ты меня, но безрезультатно. В Слепнево я отправил тебе пространное послание, которое ты, вероятно, уже не успел получить. Писал в нем и о всяких делах. Между прочим о том, что я выписал через Вольфа (угол Морской) Georgiques Chretiennes по указанному тобой адресу — Почт<овое>, отд<еление>. Голосково, Тверской губ.<ернии>, а потом, пытаясь выслать туда же Логику, узнал, что такого почт<ового>, отделения в Тверской губ. нет, что есть только Голосково Подольской губ.<ернии> Значит, книга или лежит у Вольфа, или заслана неведомо куда. Писал также, что Платонова и Кареева у меня нет, равно как и твоего Rossetti.

Первые дни в СПб. я буду жить — В.<асильевский> О.<стров>, Средний просп.<ект> 1, кв.<артира> О.В. Пашутиной; потом у себя — Пет.<роградская> Ст.<орона>, Малый пр.<оспект> 26, кв. 27. Может быть, увидимся хоть в городе.

Со мною чуть припадок не сделался, когда я узнал, что ты все это время жил у нас под боком, одержимый своей злосчастной аграфией. Несчастный ты человек, губитель услад дружества!

Соберись с силами, напиши мне в Петербург, каковы твои планы, до осени ли ты будешь в Териоках, когда думаешь попасть в город.

Твой М. Л о з. <и н с к и й>

37. ОТ А.А. АХМАТОВОЙ

Слепнево. 13 июля 1914 <г.>

Милый Коля,

10-ого я приехала в Слепнево. Нашла Левушку здоровым, веселым и очень ласковым. О погоде и делах тебе верно напишет мама. В июньской книге

«Нового Слова» меня очень мило похвалил Ясинский. Соседей стараюсь не видеть, очень они пресные. Я написала несколько стихотворений, кот<орые> не слышал еще ни один человек, но меня это, слава Богу, пока мало огорчает.

Теперь ты au courant* всех петербургских и литературных дел. Напиши, что слышно? Сюда пришел Жамм. Только получу, с почты же отошлю тебе. Прости, что я распечатала письмо Зноски, чтобы большой конверт весил меньше. Я получила от Чулкова несколько слов, написанных карандашом. Ему очень плохо и мне кажется, что мы его больше не увидим.

Вернешься ли ты в Слепнево? или с начала августа будешь в Петербурге. Напиши мне обо всем поскорее. Посылаю тебе черновики моих новых стихов и очень жду вестей.

Целую.

Твоя Аня.

Завещание

Моей наследницею полноправной будь,
Живи в моем дому, пой песнь, что я сложила.
Как медленно еще скудеет сила,
Как хочет воздуха замученная грудь.

Моих друзей любовь, врагов моих вражду,
И розы желтые в моем густом саду,
И нежность жгучую любовника — все это
Я отдаю тебе — предвестница рассвета.

И славу, то, зачем я родилась,
Зачем моя звезда, как некий вихрь, взвилась
И падает теперь. Смотри, ее паденье
Пророчит власть твою, любовь и вдохновенье.

Мое наследство щедрое храня,
Ты проживешь и долго, и достойно.
Все это будет так. Ты видишь, я спокойна.
Счастливой будь, но помни про меня.

1914. Ник.<олаевская> ж.д.

---

* в курсе (*франц.*)

* * *

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн,—

Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука...

Верно, мало для счастия надо
Тем, кто нежен и любит светло,
Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.

Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

Июль. 1914. Слепнево.

38. ОТ А.А. АХМАТОВОЙ

Слепнево. 17 июля 1914 <г.>

Милый Коля,
мама переслала мне сюда твое письмо. Сегодня уже неделя, как я в Слепневе.

Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебе одно сегодня, оно кажется имеет право существовать. Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С «Аполлона» получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с «Четок» что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать.

Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С недобрым чувством жду июльскую «Русскую мысль». Вероятнее всего, там свершит надо мною страшную казнь Valère. Но думаю о горчайшем, уже перенесенном, и смиряюсь.

Пиши, Коля, и стихи присылай. Будь здоров, милый!

Целую.

Твоя А н н а.

Лёвушка здоров и все умеет говорить.

39. ОТ А.К.ЛОЗИНЫ-ЛОЗИНСКОГО

<Петроград. 21 марта 1915 г.>

Многоуважаемый Ник. <олай> Степ. <анович>,
если звуки военной трубы не заглушили в Вас мелодий лиры и Вы по-прежнему с интересом относитесь к молодым порослям литературы, то могу Вам прислать (напишите мне: В <асильевский>О.<стров>, Тучкова наб. <ережная>10-1, кв. 41) несколько стихот. <ворений> молодого поэта Злобина, пишущего весьма грамотно. Моментами он напоминает как-то Вас, хотя en petit, конечно. Он был бы рад быть знакомым с Вами, причем не надо предполагать в данном случае расчетов на какую бы то ни было протекцию. Мы познакомились недавно в редакции довольно мизерного нового журнала «Богема», в который отдали свои поэзы по предложению нашего общего знакомого — Ларисы Рейснер Мне кажется, что к творчеству Злобина Вы не останетесь совершенно безучастным.

Жму руку. Кстати поздравляю с Георг. <иевским> крестом. Поклон Анне Андреевне.

А. Л о з и н а - Л о з и н с к и й.

40. ОТ М.Л.ЛОЗИНСКОГО

<Петроград.> 21.X. 1915 <г.>

Дорогой друг Николай Степанович,
видно, ты овладел тайной философского камня, ибо твои опыты превращения серебра в золото протекают в высшей степени успешно,

клянусь Египетским Сержантом! Еще немного, и твоя походная печь озарится вожделенным блеском. Поздравляю же тебя с достигнутыми успехами в священном искусстве и заранее рукоплещу близкому торжеству!

А раз адепты Великого Трансхопса занялись разоблачением сокровеннейших тайн, то и мне ничего не остается, как открыть для общего пользования Окаменелыя Дороги. Итак, да будет!

Но предварительно я хочу просить у тебя позволения украсить посвящением тебе мои пятистопные ямбы, трактующие о каменьях, растущих, как лилии, о бездонной тьме, о племенах беспечных, о башнях Эдема и об эдемском луче. Их поток родился на той же вершине, что и твои «Пятистопные Ямбы» (помнишь нашу беседу об автобиографических ямбах), но злосчастные свойства почвы направили его по другому склону, и к устью дотекла дидактическая кантилена. Эти «Каменья» всегда предназначались тебе в дружеское подношенье, но автора смущало сознание их очевидной неравноценности «Пятистопным Ямбам». Но что же делать, других нет... не обессудь, чем богат...

Жалко очень, что ты теперь так недостижим, и я лишен твоих советов при составлении книги. А вдруг ты объявишься в Петрограде? Вот был бы рад, и бескорыстно.

Таня шлет тебе привет. Филипка питается легендарными сведениями о тебе, М.А.Струве... мечтает, Соловьев всегда готов, а я крепко жму твою руку и целую в золотыя уста.

Твой М. Лозинский

41. ОТ Т.В. ЧУРИЛИНА

<Симферополь. 11 мая 1916 г.>

Дорогой Николай Степанович!

Теперь, когда я особенно одинок, лучше всего и нужнее сказать Вам как близко мне Ваше слово о моих стихах (в 10 № Аполлона), как оно дорого. Много было рецензий, почти все доброкачественные, иногда дифирамбические, но слово сказали Вы один. По правде, я не ожидал его от Вас, хоть любил и ценил Вас, поэта. Но разве о Поэзии только сказали Вы? О летописи Тайны, т.е. то, что главное в моем творчестве.

Я желал бы встретиться с Вами, желал бы чтоб Вы написали мне, если есть, что сказать еще.

Спасибо.

Тихон Чурилин.

11.V. 1916 ночью.

Симферополь, Госпитальная, Фельдшерский п.<ереулок>, д.<ом> Маркова, кв.<артира> 8. Т.В. Чурилину.

P.S. Я хотел бы иметь от Вас Вашу книгу, где «Открытие Америки», любимое мне и «Колчан».

42. ОТ Л.М.РЕЙСНЕР

<Петроград. Сентябрь (?) 1916 г.>

Милый мой Гафиз, это совсем не сентиментальность, но мне сегодня так больно. Так бесконечно больно. Я никогда не видела летучих мышей, но знаю, что если даже у них выколоты глаза, они летают, и ни на что не натыкаются. Я сегодня как раз такая бедная летучая мышь, и всюду кругом меня эти нитки, протянутые из угла в угол, которых надо бояться. Милый Гафиз, я много одна, каждый день тону в стихах, в чужом творчестве, чужом опьянении. И никогда еще не хотелось мне, так как теперь, найти, наконец, свое собственное. Говорят, что Бог дает каждому в жизни крест такой длины, какой равняется длина нитки, обмотанной вокруг человеческого сердца. Если бы мое сердце померили вот сейчас, сию минуту, то Господу пришлось бы разориться на крест вроде Гаргантюа, величественный, тяжелейший. Но, очевидно, Ангелы в свое время поторопились, чего-то не досчитали, или сатана их соблазнил, или неистовые птицы осаждали не вовремя райские преддверия — но только счет вышел с изъяном. Ах, привезите с собой в следующий раз поэму, сонет, что хотите, о янычарах, о семиголовом цербере, о чем угодно, милый друг, но пусть опять ложь и фантазия украсится всеми оттенками павлиньего пера, и станут моим Мадагаскаром, экватором, эвкалиптовыми и бамбуковыми чащами, в которых человеки якобы обретают простоту души и счастие бытия. О если бы мне сейчас стиль и слог убежденного Меланхолика, как был Лозинский, и романтический чердак, и действительного верного и до́ смерти влюбленного друга. Человеку надо так немного, чтобы обмануть себя. Ну, будьте здоровы, моя тоска прошла, жду Вас.

Ваша Лери.

Л.М. Рейснер

43. ОТ Л.М.РЕЙСНЕР

<Петроград. Начало декабря 1916 г.>

Милый Гафиз, Вы меня разоряете. Если по Каменному дойти до самого моста, до барок и большого городового, который там зевает, то слева будет удивительная игрушечная часовня. И даже не часовня, а две каменных ладони, сложенных вместе со стеклянными, чудесными просветами. И там не один св. Николай, а целых три. Один складной, и два сами по себе. И монах сам не знает, который влиятельней. Поэтому свечки ставятся всем уж заодно. Милый Гафиз, если у Вас повар, то это уже очень хорошо, но мне трудно Вас забывать. Закопаешь всё, по порядку, так что станет ровное место, и вдруг какой-нибудь пустяк, ну, мои старые духи, или что-нибудь Ваше и вдруг начинается все сначала, и в историческом порядке.

Завтра вечер поэтов в Университете, будут все Юркуны, которые меня не любят, много глупых студентов и профессора, вышедшие из линии обстрела. Вас не будет.

Милый Гафиз. Сейчас часов семь, через полчаса я могу быть на Литейном, в такой сырой, трудный, долгий день. Ну вот и довольно...

С горя <на этом письмо обрывается, следующая страница отсутствует — *Ред.*>

44. ОТ Л.М.РЕЙСНЕР

<Петроград. Начало декабря 1916 г.>

Я не знаю, поэт, почему лунные и холодные ночи так бездонно глубоки над нашим городом. Откуда это все более бледнеющее небо и ясный торжественный профиль старых подъездов, на тихих улицах, где не ходит трамвай и нет кинематографов. Кто сказал, что луна одна, и ходит по каким-то орбитам. Очевидные враки. За просвечивающей дымкой их может быть сколько угодно, и они любопытны и подвижны со своими ослепительными, но занавешенными лицами. Кочуют, кочуют целую ночь над нелепыми постройками, опускают бледные ресницы, и тогда на ночных темных и высоких лестницах — следы целомудренных взоров, блестящих, с примесью синевы и дымчатого тумана. Милые ночи, такие долгие, такие бессонные. Кстати, о снах. Помните, Гафиз, Ваши нападки на бабушкин сон с «щепкой», которым чрезвычайно было уязвлено мое самолюбие. Оказывается, бывает хуже. Представьте себе мечтателя самого настоящего и убежденного. Он засыпает,

побежденный своей возвышенной меланхолией, так же скучным сочинением какого-нибудь славного, давно усопшего любомудра. И ему снится: райская музыка, да, смейтесь сколько угодно. Он наслаждается неистово, может быть плачет, вообще возносится душой. Счастлив, как во сне. Отлично. Утром мечтатель первым делом восстанавливает в своей памяти райские мелодии, только что оставившие его, вспоминает долго, озлобленно, с болью и отчаяньем. И оказывается — что это было нечто более чем тривиальное, чижик-пыжик, какой-нибудь дурной и навязчивый мотивчик, я это называю — кларнет-о-пистон. О посрамление! Ангелы в раю, очень музыкальные от природы, смеются, как галки на заборе, и не могут успокоиться. Гафиз, это очень печальное происшествие. Пожалейте обо мне, надо мной посмеялись.

Л е р и.

P. S. Ваш угодник очень разорителен: всегда в нескольких видах и еще складной с цветами и большим полотенцем.

45. ОТ Л.М. РЕЙСНЕР

<Петроград. Между 15 и 22 января 1917 г.>

Мой Гафиз — смотрите, как все глупо вышло. Вы не писали целую вечность, я рассердилась — и не приготовила Вашу книгу. Солдат уезжает завтра утром, а мне М.<ихаил> Л. <еонидович> позвонил только сегодня вечером, часов в восемь; значит и завтра я ничего не успею сделать. Но все равно этого Прескота я так или иначе разыщу и Вам отправлю. Теперь — лыжи. Таких, как Вы хотите — нигде нет. Их можно, пожалуй, выписать из Финляндии, и недели через две они бы пришли. Но не знаю, насколько это Вас устраивает?

Миниатюра еще не готова — но, наверное, будет в первых числах. Что сказать Вам еще? Да, о Вашей работе. Помните, мы как-то говорили, что в России должно начаться возрождение? Я в последнее время много думала об этих странных людях, которые после утонченного, прозрачного, мудрого кватроченто, — вдруг, просто, одним движением сделались родоначальниками совсем нового века. Ведь подумайте, Микель Анджело жил почти рядом с Содомой, после Леонардо, после женщин, неспоспособных держать даже Лебедя. И вдруг — эти тела, эти тяжести и сновидения. Смотрите, Гафиз, у нас было и прошло кватроченто. Брюсов, учившийся искусству, как Мазаччио перспективе. Ведь его женщины даже похожи на этих боевых, тяжелых коней, которые занимали всю середину фрески своими нелепо поднятыми ногами, крупами, необычайными телодвижениями. Потом Белый, полный му-

зыки и аллегорий, наполовину Ботичелли, Иванов — чудесный график, ученый, как болонец, точный и образованный, как правоверный римлянин.

А простые и тонкие Бальмонт и его школа — это наша отошедшая готика, наши цветные стекла, бледные святые, больше пение, чем поэзия.

Я очень жду Вашей пьесы. Вы как ее скажете? Вероятно форма будет чудесна, Вы это сами знаете. Но помните, милый Гафиз, сикстинская капелла еще не кончена — там нет Бога, нет пророков, нет Сивилл, нет Адама и Евы. А главное — нет сна и пробуждения, нет героев; ни одного жеста победы, ни одного полного обладания, ни одной совершенной красоты, холодной, каменной, отвлеченной — красоты, которой не боялись люди того века и которую смогли чтить как равную. Ну, прощайте. Пишите Вашу драму и возвращайтесь ради Бога.

Гафиз, милый, я вас жду к первому.

Пожалуйста, постарайтесь быть. А?

46. ОТ Л.М. РЕЙСНЕР

<Петроград. Конец января 1917 г.>

Застанет ли Вас это письмо, мой Гафиз? Надеюсь, что нет: смотрите, не сегодня, завтра начнется февраль, по Неве разгуливает теплый ветер с моря — значит кончен год. (Я всегда год считаю от зимы до зимы) — мой первый год, не похожий на все прежние: какой он большой, глупый, длинный — как-то слишком сильно и сразу выросший. Я даже вижу на носу масса веснушек и невообразимо длинные руки. Милый Гафиз, как хорошо жить. Это, собственно, главное, что я хотела Вам написать.

Что я делаю? Во-первых, обрела тихую пристань. Как пьяница, который долго ищет «свой» любимейший кабачок, я все искала место строгое, уединенное и теплое для своих занятий. В Публичной Библ.<иотеке> мне разонравилось. Много знакомых. Из окна не видно набережной, книги выдаются с видом глубокого недоумения. Вам Блока? А-а...

47. ОТ Л.М. РЕЙСНЕР

<Петроград. Февраль-июнь (?) 1917 г.>

В случае моей смерти, все письма вернутся к Вам. И с ними то странное чувство, которое нас связывало, и такое похожее на любовь.

И моя нежность — к людям, к уму, поэзии и некоторым вещам, которая благодаря Вам — окрепла, отбросила свою собственную тень среди других людей — стала творчеством. Мне часто казалось, что Вы когда-то должны еще раз со мной встретиться, еще раз говорить, еще раз всё взять и оставить. Этого не может быть, не могло быть. Но будьте благословенны, Вы, Ваши стихи и поступки. Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный. И будьте чище и лучше, чем прежде, потому что действительно есть Бог.

Ваша Л е р и.

48. ОТ А.Н. ЭНГЕЛЬГАРДТ

<Лигово. 30 ноября 1917 г.>

Коля милый, я написала тебе несколько писем, телеграмму, но возможно, что ты ничего не получил. Знаешь, я перепутала адрес (вернее, он был напутан в твоей последней телеграмме) и, только получив твое письмо от 14 сен.<тября;> узнала, что он совсем другой! Досадно, ведь письма к тебе идут безбожно долго, чуть ли не 2—3 месяца.

Грустно писать, зная, что письмо придет чуть ли не через год. Я прямо в отчаянье от такой задержки! Милый, уже 1/2 года, что мы в разлуке. Мне иногда кажется, что это навсегда! Звать тебя сюда, Коля, настаивать, чтоб ты приехал, я не могу и не хочу. Это было бы слишком эгоистично. Ты знаешь, здесь в Петербурге сейчас гадко, скучно, все куда-то убегают... А там в Париже, вероятно, жизнь иная — у тебя интересное дело, милые друзья, твоя коллекция картин, нет той грубости и разрухи, кот.<-орая> царит сейчас. Мне бесконечно хочется тебя видеть, я по-прежнему люблю только тебя, но лучше тебе быть там, где приятно и где к тебе хорошо относятся. Может быть, война скоро окончательно кончится и тогда ты и так приедешь или, может быть, сможешь приехать сюда ненадолго. Я боюсь, и мне больно будет видеть твое раскаянье, если ты приедешь сейчас сюда и ради меня, потому что здесь, действительно, тяжело жить! Ты зовешь меня, ты милый! Но я боюсь ехать одна в такой дальний путь и в настоящее время, м. <ожет> б.<ыть>, раньше и поехала <бы>, теперь же так трудно ездить вообще, а тем более так далеко. Потом вдруг тебя могут отослать куда-нибудь, и я останусь одна, нет, у меня тысячи причин! Ах, Коля, Коля, я люблю тебя, часто думаю о тебе, и мне не верится, что мы когда-нибудь будем опять вместе! Я

люблю только тебя одного и тоже никого больше полюбить не в силах, я не знаю как ты! Правда, Коля, мы были друзьями, я стараюсь не слишком часто огорчать тебя, т<ак> ч<то> враждебного чувства ты не должен иметь ко мне? Я знаю твою ветреность, возможно, что ты иногда и забываешь меня! Сплетней я не слушаю и к тому же никого из мальчишек не вижу, кроме Володи Ч., а он очень тактичен и ни звука о тебе! Как жаль, что я не могу посмотреть на твои иконы и экзотическую живопись. Счастливый, как приятно собирать такие пленительные вещи. Есть ли у тебя старые книги? Я стащила у отца все самые старые, редкие книги, какие были у него в шкафах... Я думаю, он будет недоволен; пока я тщательно храню свои сокровища! Пришли мне что-нибудь из последних твоих стихов. Все наши общие знакомые уехали. Мальчишек не видно вовсе. Что твой маленький Лева? И твоя матушка? Здоровы ли они? Как твое здоровье? Я чувствую себя сносно. Меня принялись лечить. Я терпеть не могу лечиться и выбросила все лекарства за окно. Доктор сказал, что у меня слабые легкие и что всякая простуда для меня оч.<ень> опасна. Я же не хочу пить разную гадость и вести лечебную жизнь. Это так скучно. Ненавижу леченье — оставляю это каким-нибудь ревматическим старухам и старикам. Я работаю как сестра в санатории, вне города, и мне это нравится. Полудеревенская жизнь мне очень по душе, а кроме того я самостоятельна и моя холостая жизнь мне тоже приятна. Прости, что пишу на таких лоскутках, нет бумаги под рукой. Пиши мне!

Будь счастлив и помни меня.

Анна.

Целую тебя.

30 XI.1917 г.

Не смейся над разбросанностью моего письма, мне немного трудно писать

49. ОТ К.Н. ЛЬДОВА

3 февр.<аля> н.<ового> ст.<иля> 1918 <г.>
4 rue Francisque Sarcey (XVI) Paris.

Дорогой Николай Степанович, мы обрадовались, узнав, что Вам удалось пристроиться в Лондоне. Жаль, что не удалось уехать на Восток; хорошо, что распростились с Парижем. Если условия ока-

жутся неблагоприятными для возвращения в Россию, консульство даст Вам возможность продержаться до неизбежного переворота. Мы тоже приблизились к перелому, но, по-видимому, направимся не к северу, а на юг: в Испанию; если не пустят, в Ниццу. Коллекция отправлена в отель Друо; туда же, вероятно, последует и обстановка. Хуже всего обстоит с Рембрандтом: г. А-в и другие торговцы жадничают, проявляя всю низменность своих «бесконечно малых». Опротивели до тошноты. А.Н. с нетерпением ожидает минуты, когда пространство отделит нас навсегда от этих представителей торгующего человечества. Во всяком случае придется еще потерпеть две-три недели.

Единственным приятным воспоминанием остается знакомство с Вашей Музой. У нее привлекательный облик и музыкальный голос. Легко запоминается своенравное обаяние. Для истинного поэта всегда выгодно ознакомление с его творчеством во всей полноте. Будем ожидать Вашего присыла, в надежде на лондонскую урожайность.

Последняя встреча наша прервала мою «оду» Державину. Посылаю для самого «придирчивого» рассмотрения — чтобы исправить, если возможно.

А.Н. шлет привет, жалеет, что застряли в Лондоне, ждет стихов.

Сердечно жму руку.

К. Л ь д о в.

50. ОТ Ю.Л. СЛЕЗКИНА

<Петроград.> 4 февраля <1919 г.>

Многоуважаемый Николай Степанович!

Ввиду того, что М. Горький тяжело заболел, заседание редакционной коллегии Издат. <ельства> пр.<офессионального> С <оюза> Д <еятелей> Х <удожественной> Л <итературы>, назначенное на 5 февр. <аля> 1919 г. в кв. <артире> М. Горького не состоится.

Собрание литературной секции состоится того же 5 февраля (среда) в 3 часа дня в помещении редакции (В.<асильевский> О.<стров> 11 линия, д. <ом> 18).

Секретарь ред. <акционной> коллегии С л е з к и н.

51. От И.А. ГРИНЕВСКОЙ

<Петроград. От марта 1919 г. до мая 1920 г.>.

Глубокоуважаемый Григорий (так! — *Ред.*) Степанович,
я прочла рекомендованный мне Вами труд: «Принципы художественного перевода». Судя потому, что Вы мне говорили при свидании, и как, я с некоторой тревогой взялась за эту книгу, полагая, что найду в ней неведомую мне область науки, к моему успокоению, нашла в ней давно мне знакомое (что Вы могли видеть отчасти из моих ответов Вам и из моего письма к Акиму Львовичу, в котором излагаю мои приемы при переводах с целью проникнуться духом и стилем автора, как я смотрю на созвучия и т.д.)

Разве я могу не согласиться с положением, «что переводчик — художник прозы (и стихов, конечно) не фотографирует подлинник, а творчески воссоздает его». (Я когда-то писала: «переводчик — не граммофон»). Разве я могу спорить против того, что «текст перевода служит переводчику материалом для сложного и часто вдохновенного творчества» (Чуковский). Скажу: как например, «Горныя вершины», «На севере диком» и многие другие стихотворения первостепенных переводчиков. Разве я могла бы не согласиться с тем, что «чутье стиля главное условие художественной работы» (Чуковский). Разве можно не согласиться с эпиграфом Драйдена, приведенного Чуковским, что «не слова надо переводить, а силу и дух». Разве история не говорит нам то же, что сказал Чуковский, что «хороший перевод понятие относительное» (как и все понятия, скажу, между прочим). Разве можно протестовать против остроумного эпиграфа, приведенного Чуковским: «Перевод — что женщина: если она красива, она не верна; если верна, некрасива». Хотя лучше было бы сказать: «если она красива, она не очень верна, если чересчур верна — она некрасива». Разве я могу спорить против того, что «сохраненный дух должен оправдать все» (Гумилев). Разве можно не согласиться с тем, что «переводчик поэта должен быть сам поэтом и кроме того внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе , в случае необходимости, жертвовать остальным» (Гумилев).

Вот главные положения книги, в которой для меня всё близко, всё знакомо, начиная с «ведей» и «ужей», о которых говорил Пушкин. Правда, не знала, что о звуковых рифмах, которых я держусь, говорил Вольтер. Верно и то, что «английский язык состоит большей частью из односложных слов» (Чуковский). Прибавлю, что русские слова многосложнее большей частью слов других языков, что созвучия его иные и самый дух иной (что всем известно). Поговорка, что русскому здорово, то немцу смерть — подходит и для области переводной литературы. Что иностранцу, например, кажется трогательным, то для русского часто смешно. Вот потому Вы, верно, сказали, что для сохранения духа можно принести в жертву все.

Из Ваших же положений напрашивается вывод, что держаться точно оригинала не следует, так как точность (скажу всякая точность, не только формы) может быть ущербом для оригинала, что всегда приходиться чем-нибудь жертвовать. А чем, подсказывает чутье всякого переводчика, у которого тоже есть своя душа. Иное стихотворение не укладывается, например, в 5-стопный ямб по причине многосложности русских слов. Можно, конечно, уложить и в эту форму, урезав мысль, образы и укоротив полет автора, но что из этого выйдет? А потому требовать непременно сохранение размера подлинника, да еще чередование рифм, да еще и сохранение характера их и т.д. (смотри 9 заповедей Гумилева), как Вы требовали от меня, вероятно, и от всех, — это значит противоречить тому, что Вы сами сказали о чутье, о том, что переводчик волен выбирать то, что он считает более важным.

Нельзя сонет, например, переводить октавами или триолетами и обратно, но можно придать сонету тот или иной размер, или так или иначе чередовать рифмы, как это чувствуется переводчиком, если он поэт, а не стихоплет, чтобы получилось стихотворение, в котором трепетала бы живая душа, а не лежало бы искусно составленное мертвое тело.

Из главных положений Вашей книги, которые явно противоречат 2, 3, 4, 5, даже 6 и 7 заповеди (Гумилев), я вынесла вывод, которого держалась и ранее с тех пор, как я стала писать, что поэт-переводчик, как и переводимый поэт — не раб, а свободный творец. Влачиться прикованным к колеснице даже величайшего поэта не подобает и малому

[9] Гумилев. ПСС в 10 т. Т. 8

поэту. Да это было бы не в пользу славы переводимого поэта. Искусственные цветы ковра, расстилаемого на пути следования поэта, ничего не прибавляют к его торжеству. И ради переводимого поэта и ради сохранения своей души, как я ее хранила всю жизнь, поступаясь всякими выгодами, рабом вряд ли буду. Этим я, собственно, более всего показываю мое уважение к краеугольным принципам, изложенным в Вашем почтенном труде.

По поводу Вашего суждения, что Кардуччи исключительно романтик и потому я должна была переводить стихотворение на 18-й стр. не так, а иначе, — скажу: «несогласна». У него есть даже стихотворение вроде филиппики против романтиков. Правда, душа Кардуччи, как душа всякого большого поэта, многогранна и про него можно сказать: «несмотря не его выпады против романтиков, он и романтик тоже», но присвоить ему исключительно мундир романтика — нельзя, и вообще никакие мундиры не подходят к его своеобразной фигуре.

Душу Кардуччи, в ее многообразных фазах, изучила, думается мне, достаточно и поняла ее настолько, насколько мне судьбой отпущена способность то или иное понимать.

По поводу моего перевода Сема Бенелли, если позволите, скажу в другой раз, а пока прошу Вас принять уверение в моем совершенном почтении к Вам.

И. Гриневская.

P.S. Не прошу аудиенции у Вас, а пишу, потому, что в личных объяснениях для убедительности важно не только что сказано, а как, т.е. тон и сила его, а я не обладаю нужным авторитетным тоном, ни необходимой силой тона, какими владеете Вы, и которым пользуетесь по праву. К тому же, при личном объяснении боюсь отнять у Вас невольно больше времени, чем Вы можете пожертвовать литературному работнику (вероятно, за некоторыми исключениями). Хотя от объяснений этих может подчас зависеть и жизнь труженика, все же время, которое, по Вашим словам, Вы можете уделить ему, чересчур малое.

Прошу извинить меня за слишком длинное письмо, в котором и для Вас ведь всё, конечно, известно.

52. ОТ Ф. СОЛОГУБА

Петроград. 23 июня 1919 г. В<асильевский>.О<стров>. 10 линия, 5, кв. 1

Многоуважаемый Николай Степанович,

Вы обратили мое внимание на неверное по отношению к Вам утверждение в моей статье, напечатанной в Вестнике Союза писателей, будто Вы сами себя избрали в члены редакционной коллегии. Действительно, припоминаю, что в том заседании СДХЛ, о котором идет речь, я застал на председательском месте г-на. Муйжеля, из чего видно, что Вы или вовсе не были на этом заседании, или пришли позже меня, стало быть, в этих выборах не участвовали. Сожалею, что мною допущена эта ошибка по отношению к Вам.

Эта оговорка личного свойства не изменяет моего мнения о выборах, которые я считаю неправильными и по форме, и по существу. Принимаясь за издательство русских писателей в такое совершенно исключительное время, СДХЛ брал на себя весьма большую ответственность. Все относящиеся к этому делу вопросы, в том числе и вопрос о составе редакции, следовало решать гораздо осмотрительнее, не лишая и меня возможности высказать свое мнение и подать мой голос.

Повторяю еще и то, что для меня непонятно, почему Ваша подпись была под одним или несколькими документами, исходившими от совета СДХЛ, в котором я не могу не видеть тенденцию к устранению меня и Анас.<тасии> Н.<иколаевны> Чеботаревской от участия в делах того самого союза, в учреждении которого мы с нею принимали наиболее деятельное участие. Думаю, что эта странная тенденция не принесла никакой пользы союзу, как учреждению общественному.

С истинным уважением Федор С о л о г у б

53. ОТ Г. СЫРОМЯТНИКОВА

6 окт. <ября> (23 сент. <ября>) 1919 г.

Хутор Ореховно, ст. Окуловка Никол. <аевской> ж. д.

Многоуважаемый Николай Степанович,

недавно, читая дочери моей «Северное Сияние», я наткнулся на Ваше стихотворение «Экваториальный лес» и, хотя не очень восхитился им, мне захотелось написать Вам, так как Ваша энергия меня очень инте-

ресует. А Ваши ошибки совсем не радуют, как это принято в литературном мире. Как могли черные люди унести кумпасы (ничего не компа́сы) французских путешественников, не случайных пешеходов, а «членов большой экспедиции к Верхнему Конго»? Компас каждый несет в кармане, и кроме того маленький — на часовой цепочке, и потеря компаса не так ужасна, ибо по коре деревьев можно определить, где север. Черные люди унесли, вероятно, хронометры, как у меня в Корее, на Картеровском круге, на пружинах, чтоб они не бились. Но кража хронометров, очень печальная для научной работы, на судьбу экспедиции повлиять не может, ибо у каждого путешественника есть часы, которые он никогда не переводит. Все это, разумеется, мелочи, но Вы видите, что я внимательно читаю Ваши стихи с тех пор, как в Аполлоне (кажется) прочитал Ваше описание средневекового капитана с брабантскими кружевами на манжетах.

Вот о чем хотел я написать Вам. Я теперь вероятно долго не приеду в Петроград, а мне бы хотелось прочитать Ваши последние стихи, скажем, года за три. Не могли бы Вы прислать мне их сюда? Разумеется все расходы Вы позволите принять на мой счет, но теперь из книжного магазина выписать ничего нельзя, а мои знакомые в Петрограде так заняты поиском за хлебом, что едва ли в состоянии подыскать нужные мне книжки. Сюда заказные письма и бандероли доходят хорошо. Если бы Вы могли прислать мне Ваши книжки только на прочтение, то и это удовлетворило бы меня, так как я мог бы возвратить их тоже заказной бандеролью. Вы оказали бы мне этим услугу и дали возможность познакомиться с Вами поближе. Как жаль, что Вы не можете жить в деревне, где теперь поразительно красиво. Несмотря на всю тяжесть жизни, я наслаждаюсь закатами и румянцем осин и рябин. «In woods men feel, in towns they think»*, но на голодное брюхо не много надумаешь в городе, а здесь хоть в огороде есть кое-что.

Итак, если у Вас будет время и желание. Пришлите мне несколько Ваших книжек на прочтение, если нет, я на Вас не обижусь. D'ici-là** передайте мое почтение Анне Николаевне и примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Г. Сыромятников.

---

* В лесах люди чувствуют, в городах они думают. (*франц.*)

** Тем временем (*франц.*)

54. ОТ Г.В. АДАМОВИЧА

<Новоржев. 1919-1920 гг.>

Дорогой Николай Степанович!

У меня нет никакого дела к Вам, но хочется поговорить с Вами. Вы в одном очень правы, когда восстаете против провинциальных уединений, — здесь можно говорить обо всем, но о стихах нигде и ни с кем. В Петербурге — не намечая, при встречах, мимоходом, каждый день все говорят. Я вообще здесь, в своих одиноких «рассуждениях о русской поэзии» часто думаю о Вас. Это совсем не признание и для меня совсем не неожиданно, — у меня только привычка вести с Вами полуоппозиционные разговоры, а в сущности я с Вами, Вами только, и стойкостью <Вашей> среди напора всякой «дряни» — давно и с завистью восхищаюсь. Вы настоящий «бедный рыцарь» и Вас нельзя не любить, если любишь поэзию. Меня чуть отпугивает только Ваше желание всех подравнять и всех сгладить, Ваш поэтический социализм к младшим современникам, — но даже и тут я головой понимаю, что так и надо; и что нечего носиться с «индивидуальностью», и никому, в сущности, она не нужна. Хорошая общая школа и общий для всех «большой стиль» много нужнее. Писать трудно, и всего не напишешь. Положим, говорить иногда еще трудней. Вы, наверное, усмехнетесь и подумаете, что это «от Розанова». Но правда, это так.

Знаете, я здесь первый раз хорошо и всего прочел Пушкина, поблизости к его Михайловскому и его могиле. Это хорошая школа, — для «вкуса», совершенно непогрешимая. Все-таки не Онегин и не Борис, и ничто другое из больших вещей не есть лучшее из Пушкина. Онегин писан прямо трухлявыми стихами и очарователен только в частностях и подробностях. Не знаю, кто это создал мнение, что это «венец» Пушкина. Я хожу и повторяю «Безумных лет угасшее веселье...». Тут, вероятно, дело в законах теории поэзии или творчества, отчего 12 строчек лучше всего Онегина — но «Безумных лет...» нельзя забыть, и смешно после таких стихов читать монологи Алеко. Вероятно, нельзя в таком напряжении выдержать поэму. Если бы мы были настоящими людьми, то надо бы праздновать, как день Парижской Коммуны, день, когда в Болдине написаны эти стихи, и распускать <на выходной> всякие школы и т.д. Простите, если я пишу какой-то реферат о Пушкине, это тоже желание «поговорить» и грусть об ответе, невозможном за 400 верст.

Пушкин написал: «Что за чудо Дон-Гуан!». А Дон-Гуан — совсем как Онегин, едва ли лучше, вернее хуже. У меня, вероятно, неверное отношение к поэзии, но я Ч. <айльд> - Гарольда могу повторять, ходя от стены к стене, а Дон-Гуана почти не помню. Переводить его — очень приятно, но как болтовню. Главное — мы стали более всего требовательны, придирчивы и чутки ко всякому стиху и иронии, а Дон-Гуан — это совсем не Гоголь, а здоровый «детина», какой-то обаятельный, но грубоватый.

Пушкин в Михайловском, в деревенской церкви служил панихиду о Байроне, «о рабе Божием Георгии». Это очень хорошо. Байрон все-таки <одно слово неразборчиво — *Ред.*> всякого, но был мучеником, и за все Пушкин помолился.

Мне все стыдно писать Вам в повествовательном тоне. Это правда, только разговор невозможен. Очень мне хотелось бы знать всякие петербургские дела. Мне здесь все это стало очень дорого. Вы, кажется, никому не пишете и нельзя. Очень мне жаль, если так. Было бы мне очень большой радостью получить от Вас письмо, и о стихах, и о делах. Я опять буду повторяться, но Вам я больше, чем кому бы то ни было, верю. Вы мне всегда будто внушаете, что я пишу плохие стихи, и если <я> иногда стараюсь писать хорошие, то в этом есть доля желания переубедить Вас.

Разучился писать с «ъ», - теперь пишу совсем безграмотно.

Искренне Ваш Г. Адамович.

Новоржев, Псковской губ. <ернии>

Дом Е.С. Карандашовой.

55. ОТ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ЛИЦА

<Петроград. 1 августа 1920 г.>

Милый поэт!

Неужели я осуждена вечно быть для Вас Прекрасной Незнакомкой? Неужели мой лик никогда не явится Вашему взору? Я так нежно люблю Вас и мы никогда не можем встретиться. Я просила Вас позвонить по телефону к моим знакомым. Но внезапная болезнь моего жениха, которого я люблю иною любовью, помешала мне быть у моих знакомых. То же самое помешало мне пойти на вечер Блока. Но теперь я свободна в среду, прошу Вас позвонить по № 601-62 ровно в одиннадцать часов вечера и попросить к телефону Nelli. Даю Вам

слово, что на этот раз не обману Вас. А если какое-нибудь ужасное событие опять помешает мне, будьте в четверг в Доме Литераторов на чтении пьесы «Грешная Покойница» (какое странное название, напоминающее о Шерлоке Холмсе!). Я буду там обязательно. И на вашем вечере в понедельник я буду.

Прощайте, мой нежно любимый поэт.

П р е к р а с н а я Д а м а.

P.S. Как это ужасно, что Прекрасная Дама принуждена писать любимому поэту — Лаура Петрарке — на отвратительно-грубой бумаге вместо легких кружевных секреток.

Но еще ужаснее, что знаменитый поэт Гумилев с наслаждением уписывает противную пшенную кашицу в Институте Живого Слова. Но до свидания.

Если будешь ты на горном пике
Перед пастью пропасти великой,
Пусть мне ноги закуют в железо,
Я на пик твой все-таки долезу.

Это мой девиз в отношении к Вам, знайте.

56. ОТ Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХА

<Петроград. 26 февраля 1921 г.>

Открытое письмо Ник. <олаю> Степ. <ановичу> Гумилеву

Благородное сердце твое
Словно герб отошедших времен.

* * *

Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Н. Гумилев

В № 40 «Известий Петросовета» (23/ II) я имел дерзость недостаточно почтительно отозваться о Ваших последних произведениях.

Наряду с этим я процитировал описание кос и глаз г-жи Ир. Одоевцевой («Лес»). Вы усмотрели в этом «оскорбление дамской чести» и «оглашение

непроверенных слухов», и, встретившись со мной 25. II. в «Д.<оме> л.<итераторов>», «заявили» буквально следующее: 1) что статья моя «гнусная, неприличная и развязная», 2) что я поступил «не по-джентльменски», бросив тень (?) на Ваше отношение к Одоевцевой, которая для Вас «не больше, как ученица», 3) что посему Вы «отказываете мне отныне в чести «подавать руку»», 4) что моя «литературная карьера» отныне «окончательно и бесповоротно» погибла, т. <ак> к. <ак> по Вашему требованию меня «не станет печатать ни один «приличный орган» и поэтому мне останется возможность перейти из «гнусных» «Известий» в еще более гнусную «Красную газету» или «Маховик», 5) что отныне Вы твердо намерены «всячески «вредить» моей репутации, всем рассказывать о моей «возмутительной» статье и добиться того, чтобы меня «никуда не принимали» («в тех органах, где я увижу ваше имя, я буду заявлять, что рядом с вами сотрудничать не могу — или я или он»).

Все это было сказано Вами во всеуслышание, в столовой «Д.<ома> л.<итераторов>», в намеренно повышенном тоне.

Считаю нужным повторить свои возражения и дополнить их еще некоторыми мыслями.

1) Изображение в стихотворении «Лес», посвященном Ир.<ине> Одоевцевой, именно ее, а не кого другой, настолько явно и несомненно, что едва ли моя цитата является «нескромным разоблачением».

2) «Разоблачениями» я вообще не занимаюсь, а в данном случае мне и в голову не приходил какой-либо «намек» разоблачительного свойства, т.<ак> к.<ак> я не имею удовольствия знать лично Ир. <ину> Одоевцеву, а Ваши с нею отношения интересуют меня не более, чем прошлогодний снег или количество извозчиков в Буэнос-Айресе. Клянусь костями Роберта Пентегью и Молли Грей, что никакого злого умысла в моей статье нет.

3) Для всякого литературного человека ясно, что вся моя статья умышленно написана в форме шаржа eo ipso* — отпадает обвинение в «пасквиле»; шарж такая же «законная» форма литер. <атурного> произведения, как и сонет, рондель или канцона — в стихах.

4) Я не считаю предосудительным участие в газете, где печатаются С.Ф.Ольденбург, Державин, Лемке, Носков, Стрельников, проф.<ессор> Пресс, проф.<ессор> Курбатов и мн.<огие> другие, заслуживающие (в той или иной мере) уважение литераторы. Что же касается «Красн.<ой> газ.<еты>» и «Маховика», то едва ли нужно пояснять, что в них я не печатался и печататься не собираюсь. Вообще же мне неясно, почему можно сотрудничать в желтой Биржевке и нельзя в красных Известиях, почему можно состоять на советской службе и нельзя участвовать в советской прессе, почему печатно

выступать перед «толпой» нельзя, а с эстрады Дома отдыха — можно. Помимо всего этого советую Вам подумать над тем, умно ли требовать от критика хронического благоговейного каждения фимиама, благородно ли намерение «всячески вредить» человеку, которому и в голову не приходило подсыпать в чужую, заваренную Вами кашу «Толченого стекла» и, наконец, как ужасно огорчительно для меня Ваше нежелание подавать мне свою драгоценную длань. Ради уяснения того, что такое подлинная «гнусность, развязность и неприличие», я советую Вам вспомнить наш разговор о том, как совсем не по-Вашему реагировал в свое время Блок на критику Розанова. Так как было бы преступно лишать потомство памяти о том, что «жил на свете рыцарь бедный», хотя не «молчаливый и простой», но «мудрый и смелый», и так как «в биографии славной твоей не должно оставаться пробелов», то разрешите мне считать это письмо открытым. Надеюсь, Вы поймете когда-нибудь, что Ваши слова об «оглашении непроверенных слухов» основаны на явном недоразумении. И прошу верить, что плохо понятая Вами идея рыцарства, одушевляющая Вас, не может, как и всякая другая идея, изменить моего доброго к Вам отношения. Если же г-жа Одоевцева чувствует себя лично оскорбленной (?), то я охотно извиняюсь перед ней в том, что так неосторожно популяризировал сведения о ея миловидной внешности.

Э. Голлербах
26. II. 1921.

57. ОТ Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХА

<Петроград.> 27. IV.<19>21<г.>

Четверг Страстной недели
Николай Степанович.

Пространственно-временные причины помешают мне прийти в ближайшее воскресенье к Вам и сказать, что Христос все-таки воскрес, несмотря на все козни, из коих опаснейший — бес вражды и самости.

Позвольте же мне в день Воскресенья сделать это мысленно и поцеловать Вас трижды. Если можете, убейте в себе враждебное чувство ко мне.

В дни Радости нечаянной теряют всякое значение нечаянные глупости, вроде, напр. <имер>, рецензии на «Дракона».

К тому же, повторяю, она не злонамеренна.

Э. Г. <оллербах>

58. ОТ О.М. ЗИФ

Москва. 4. 07. <19>21<г.>

Уважаемый Николай Степанович!

Случайно узнала, что Вы в Москве и собираетесь завтра домой. Во-первых хотела предложить поехать вместе т.<ак> к.<ак> тоже завтра уезжаю в Питер. Ждала Вас здесь до 9 ч. вечера, но дальше мне ждать совершенно нет времени. Будьте милым, если успеете позвоните мне по тел.<ефону> сегодня до 1 ч. <аса> ночи, № 44884. Вызовите меня.

Если Вы завтра по чему-либо не уедете, я позвоню в среду сразу по приезде Анне Николаевне и передам, что Вы живы, здоровы и собираетесь обратно домой.

Желаю всего лучшего.

Ваша верная ученица и почитательница Ольга З и ф.

59. ОТ Г.В.ИВАНОВА

<Петроград. До 3 августа 1921 г.>
Почтамтская, 20, кв.<артира> 7. Т.<елефон> 28-81.

Милый Николай!

Пожалуйста, приходите сегодня с Анной Николаевной к нам; и приводи с собой Михаила Леонидовича, если он будет у тебя. Приходите непременно. Мне самому нельзя уйти из дому, потому что у меня будет один корпусной товарищ.

Г. И в а н о в.

60. ОТ А.Н. ГУМИЛЕВОЙ

<Петроград. До 3 августа 1921 г.>

Дорогой Котик, конфет, ветчины не купила, ешь колбасу не сердись. Кушай больше, в кухне хлеб, каша, пей все молоко, ешь булки. Ты не ешь и все приходится бросать, это ужасно.

Целую.

Твоя А н я.

Анна Николаевна Гумилева

КОММЕНТАРИИ
(ПИСЬМА Н.С. ГУМИЛЕВА)

Эпистолярное наследие Н.С. Гумилева широко представлено всеми жанрами этого своеобразного рода изящной словесности. Мы находим здесь и завершенные эпистолярные циклы (переписка с В.Я. Брюсовым), и хронологически «локальные» циклические версии (переписка с Е.А. Зноско-Боровским и М.Л. Лозинским), и окказиональные тексты, некоторые из которых имеют высокую содержательно-эстетическую ценность (см., например, письма к В.Е. Аренс и Е.Р. Малкиной (№№ 44 и 172 наст. тома)). Личная переписка Гумилева органично дополняется деловой, причем многие из образцов последней делают границы между этими «автономными» областями эпистолярного творчества почти неразличимыми (см., например, письма к С.К. Маковскому и С.М. Городецкому (№№ 119 и 132 наст. тома). По открытому письму «В редакцию газеты «Последние Новости»» (№ 180 наст. тома) мы можем судить о мастерстве поэта в области эпистолярно-публицистических жанров, а по запискам, сохранившимся в «Чукоккале» (см., например, № 177 наст. тома) — в области эпистолярных «миниатюр». Дошедшая до нас переписка Гумилева располагает, помимо прочего, и своими «трансцедентными» сферами: как известно, *второй* из гумилевских эпистолярных циклов, который мы без малейшего сомнения можем назвать одним из самых значимых не только по отношению к истории отечественной, но и к истории мировой литературы, — переписка с Анной Ахматовой 1906-1910 гг. — был сожжен сразу после венчания в апреле 1910 г. Уже после смерти поэта, по всей вероятности, погибла его переписка с родителями. Помимо того, в ряде мемуарных источников упоминаются неизвестные нам ныне письма поэта (см., напр. в воспоминаниях Н.С. Войтинской: «Было два письма из Африки и «Жемчуга» с надписью. Я ведь ни малейшего значения не придавала знакомству с Николаем Степановичем...» (Жизнь поэта. С. 102); см. также восстановленное по памяти И.В. Одоевцевой «стихотворное письмо» Гумилева (№ 104 (IV)). Все подобные зияющие «пустоты» в «целом» эпистолярного наследия Гумилева уподобляют общее впечатление от созерцания этого «целого» — впечатлению от созерцания вознесенных над современным Акрополем руин Парфенона: фантазия, заполняя по своему произволению недостающие объемы, рисует нам образ великолепного сооружения, быть может, даже превосходящий своим блеском то, что в действительности было воздвигнуто волей Перикла и его друзей.

Продолжая начатую параллель с греческой античной классикой, можно отметить — если говорить о специфике гумилевского эпистолярного *стиля*, — что и в качестве корреспондента основатель акмеизма продолжал следовать завету любимого им С-Т. Кольриджа: «Определение хорошей прозы — нужные слова на нужном месте, хорошей поэзии — самые нужные слова на самом

нужном месте» (см. с. 535 т. VII нас. изд.). Даже самое беглое знакомство с текстами, приведенными в настоящем томе не оставляет сомнений, что эпистолярную словесность Гумилев полагал продуктом художественной работы, подобной той, которая осуществляется творцом эпоса, лирики, драматургии. Очевидно, что над текстом некоторых из своих писем поэт вообще сознательно работал, добиваясь не только максимальной информативности, но и максимальной стилистической выразительности (так, например, ирония шутливого упоминания в письме к В.К. Ивановой-Шварсалон о *трех* версиях текста — «Простите за такое глупое письмо, но я не мог лучше. Это третье, которое я пишу Вам из Каира. Первые два я изорвал» (см. стр. 31-33 № 77 наст. тома), — вдруг «снимается» его действительным художественным великолепием:

> Каждый вечер мне кажется, что я или вижу сон, или наоборот проснулся в своей родине. В Каире, вблизи моего отеля, есть сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев. Вечером там почти никого нет, и светит большая бледно-голубая луна. Там дивно-хорошо. Но каждый день мне приходит в голову ужасная мысль, которую я, конечно, не приведу в исполнение, — это отправиться в Александрию и там, не утопиться подобно Антиною, а просто сесть на корабль, идущий в Одессу.

Даже в тех письмах, условия создания которых в принципе исключали возможность «кабинетной» стилистической работы, — в письмах, создаваемых в походных условиях в буквальном смысле, — естественная для эпистолярного творчества спонтанность и окказиональность не являются для корреспондента-Гумилева «стилистической индульгенцией» и не отменяют «высоких» требований к письменному слову. Удивительно, но практически ни одно из ста восьмидесяти четырех дошедших до нас писем Гумилева не выпадает из общего «контекста» как написанное «впопыхах», небрежно, несвязно и т.д., ни одно из них — даже включая деловые, «сиюминутные» записки — не «грешит» против самых изысканных норм русской «художественной» письменной речи. Язык Гумилева-корреспондента продолжает сохранять художественно-эстетический «монологизм» даже и там, где «диалогический» характер эпистолярной коммуникации как бы неизбежно предполагается спецификой взаимоотношений корреспондента с адресатом. В результате при чтении этих писем создается редкое в эпистолярной практике ощущение «включенности» современного читателя в коммуникативный акт: читатель становится таким же «адресатом» поэта, как и то лицо, к которому письмо обращено. «Приватный герметизм» письма, объективно стилистически ориентированного не на «язык» а на «речь» (на 'parole' а не на 'langue' по терминологии Ф. де Соссюра) и потому комфортно пребывающего в коммуникативном обиходе «двух» (корреспондента и адресата), но «стилистически отчужденного» от восприятия «третьего» (стороннего читателя), в письмах Гумилева отсутствует.

С подобным эффектом мы обычно сталкиваемся в письмах, авторы которых изначально мыслят свою переписку «вне границ приватности». Самым ярким примером этого рода в отечественном эпистолярном наследии является, конечно, переписка Гоголя, специально предуведомлявшего своих адресатов о грядущей публикации получаемых ими текстов и потому призывавшего тщательно их сберегать (см., напр.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. XIII. С. 62). Та же стилистическая установка свойственна и позднему Толстому, понимавшему «неизбежность» публикации всего, написанного им в качестве «пророка» «нового христианства», и учитывающего это в том числе и в частной переписке. Вообще, если речь идет о писателе «с именем» (и русский «серебряный век», разумеется тут не исключение), такая стилистическая «коррекция» собственной корреспонденции психологически понятна. Но Гумилев — по крайней мере в 1906-1910 гг. (на которые приходится половина (94 письма) всей его переписки), — «писателем с именем» не был. Объяснить художественное совершенство его эпистолярного стиля сознательным расчетом на грядущую «в веках» читательскую аудиторию невозможно хотя бы потому, что, как явственно свидетельствовала Ахматова, сам он не заботился даже о сохранности той части своих писем, которые возвращались непосредственно в царскосельский дом Гумилевых (и где они, в конце концов, вероятно, погибли). Если он и «мечтал о посмертной славе» («и, может быть, больше всех» — см.: Одоевцева I. С. 149), то эти мечты очевидно не были ассоциированы им с его перепиской.

Таким образом, приходится признать, что стилистическое совершенство гумилевского эпистолярного наследия обусловлено, во-первых, невероятной «лингвистической» одаренностью, превращающей любой фрагмент его спонтанной речи (а именно таковая, только зафиксированная письменным способом, и является традиционная эпистолярная манера) в своего рода «произведение искусства» («говорил, как писал», по известной поговорке), и, во-вторых, крайне ответственным отношением к любой читательской аудитории, даже и состоящей из одного-единственного читателя — адресата письма. Именно *для одного читателя, фактически спонтанно* Гумилевым были созданы даже такие безупречные *художественные* шедевры, как письмо к Л.М. Рейснер от 8 ноября 1916 г.(№ 153).

Здесь тихо и хорошо. По-осеннему пустые поля и кое-где уже покрасневшие от мороза прутья. Знаете ли Вы эти красные зимние прутья? Для меня они олицетворенье всего самого сокровенного в природе. Трава, листья, снег — это только одежды, за которыми природа скрывает себя от нас. И только в такие дни поздней осени, когда ветер, и дождь, и грязь, когда она верит, что никто не заметит ее, она чуть приоткрывает концы своих пальцев, вот эти прекрасные прутья. И я, новый Актеон, смотрю на них с ненасытным томленьем. Лера, правда же, этот путь естественной истории бесконечно более правилен, чем путь естественной психоневрологии. У Вас красивые ясные честные глаза, но Вы слепая; прекрасные, юные, резвые ноги и нет крыльев; сильный и изящный ум, но с каким-то странным прорывом посередине. Вы — Дафна, превращенная в Лавр, принцесса, превращенная в статую. Но ничего!

Я знаю, что на Мадагаскаре все изменится. И я уже чувствую, как в какой-нибудь теплый вечер, вечер гудящих жуков и загорающихся звезд, где-нибудь у источника в чаще красных и палисандровых деревьев, Вы мне расскажете такие чудесные вещи, о которых я только смутно догадывался в мои лучшие минуты.

Эффект «живой речи» в эпистолярии Гумилева создает ее стилистическая «полифония», передающая ситуативные коннотации каждого «коммуникативного акта» и отражающая отношение корреспондента к автору письма. Подобный эффект традиционно затруднен в тех, известных нам «писательских письмах», приватность которых автором не предусматривается. Так, например, известная стилистическая «однотонность» свойственна не только «Выбранным местам из переписки с друзьями», но и самим их гоголевским «первоисточникам». В письмах этого периода речь Гоголя качественно практически не меняется, обращается ли тот к Вяземскому, Плетневу, Жуковскому и проч. (формальная дифференция обращений — от «ты» до «вы» — является здесь едва ли ни единственным стилистическим индикатором «степени дружественности» автора «Выбранных мест...» к данному «другу»).

Эпистолярная матера Гумилева может служить наглядным пособием по изучению возможностей стилистической иерархии русского языка, воспетой еще ломоносовской теорией «трех штилей». Ярким доказательством тому могут служить, например, три письма из Джибути, написанные в один и тот же день — 24 декабря 1909 г. / 6 января 1910 г., — трем разным адресатам — В.Я. Брюсову, Вяч. И. Иванову, Е.А. Зноско-Боровскому (№№ 80, 81, 82 наст. тома). Письма эти, содержательно идентичные с точки зрения «внешней», «биографической» информативности, разительно отличаются стилистически, давая современному читателю исчерпывающее представление о специфике взаимоотношений Гумилева с каждым из трех его адресатов в момент их создания.

Письмо Брюсову — «учителю» Гумилева и — в конце 1909 г. — почти незыблемому еще литературному авторитету, редкие личные встречи с которым являлись событиями и «вехами» в творческом развитии «ученика» — оказывается выдержано в строгом «тоне», легкие «лирические» иронические отклонения от которого лишь подчеркивают общую почтительность корреспондента, признающего личное и «общественное» превосходство адресата:

Дорогой Валерий Яковлевич,
как видите, пишу Вам уже из Джибути. Завтра еду в глубь страны, по направленью к Адис-Абебе, столице Мёнелика. По дороге буду охотиться. Здесь уже есть всё, до львов и слонов включительно. Солнце палит немилосердно, негры голые. Настоящая Африка. Пишу стихи, но мало. Глупею по мере того, как чернею, а чернею я с каждым часом. Но впечатлений масса. Хватит на две книги стихов.

Если меня не съедят, я вернусь в конце января. Кланяюсь Вашей супруге.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

В отличие от влияния Брюсова, влияние Вяч. И. Иванова на Гумилева (также полагавшего старшего поэта своим «учителем») было менее длительным и более «дискуссионным». Помимо того, если Брюсов исповедовал «средневековую» личную отчужденность «мастера» от «подмастерья», то Иванов придерживался «античного» «академического демократизма», сближающего частную жизнь учителя и ученика в общий процесс «творческого общения» (собственно ивановская «башня» в год подготовки «Аполлона» и занятий в «Прото-Академии стиха» как раз и была неким аналогом «общежития» аристотелевской «академии»). Отсюда и «стилистическая переходность» гумилевского письма к Иванову — не столько к «учителю», но скорее к «старшему другу», «первому» в ряду прочих новых знакомцев Гумилева в круге петербургской модернисткой богемы, и к тому же — потенциальному спутнику в предполагающемся путешествии (см. комментарии к №№ 77, 80 наст. тома):

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,
до последней минуты я надеялся получить Вашу телеграмму или хоть письмо, но, увы, нет ни того, ни другого. Я прекрасно доехал до Джибути и завтра еду дальше. Постараюсь попасть в Адис-Абебу, устраивая по дороге эскапады. Здесь уже настоящая Африка. Жара, голые негры, ручные обезьяны. Я совсем утешен и чувствую себя прекрасно. Приветствую отсюда Академию Стиха. Сейчас пойду купаться, благо акулы здесь редки.

Марье Михайловне эта открытка должна быть знакома. Мы видели, такую же у докторши. Передайте, пожалуйста, Вере Константиновне, что я все время помню о геософии, и Михаилу Алексеевичу, что я: тщетно ищу для него галстух. Здесь их не носят Мой поклон всем на Башне.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

И, наконец, отношения поэта с будущим секретарем «Аполлона» Е.А. Зноско-Боровским — в полной мере «равные» (быть может даже с неким, сознаваемым Гумилевым, «творческим превосходством») и дружественные (в момент написания письма, если учесть, что месяцем ранее Е.А. Зноско-Боровский был гумилевским секундантом, возможно — дружественные до интимной откровенности), — предопределяют стиль третьего письма:

Дорогой Женя,
приветствую тебя и всех моих друзей «аполлоновцев» из Джибути. Завтра еду в Харрар и потом в Адис-Абебу, так что когда ты будешь читать эту открытку, я буду уже в положеньи, изображенном на другой стороне. Там, как ты можешь видеть, изображено, как я застиг врасплох льва и готовлюсь везти его живьем в Петербург. Я даже бросил ружье, чтобы нечаянно его не поранить. Здесь очень жарко, негры голые, обезьяны, попугаи.

Вернусь в конце января, привезу статью об экзотизме и негритянок для всех сотрудников «Аполлона». Ты напрасно ждешь, что я прибавлю «и негров для сотрудниц», я никогда не осмелюсь даже подумать об этом.

Надеюсь, мне удастся уговорить Менелика выписать «Аполлон» для всех народных училищ Абиссиний.

Всегда искренно любящий тебя Н. Гумилев.

Упоминание о «негритянках для сотрудников и негров для сотрудниц» — пример мыслимо допустимой для гумилевского эпистолярного наследия «фривольности». Этот забавный пассаж, помимо прочего, напоминает гумилевскому читателю и о том, что во всем наследии поэта — в том числе и в эпистолярной его части — *практически отсутствует не только инвективная лексика, но даже и сомнительные просторечия, могучие быть трактованными в подобном ключе*. Если говорить об эпистоляриях, то это, пожалуй, уникальный случай в истории отечественной словесности. Дело здесь, конечно, не в какой-то особенной грубости русских писательских нравов, но, прежде всего, в стремлении использовать «низкие речения» как для передачи эмоционального состояния корреспондента («Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»), так и для обозначения «камерного» статуса коммуникации, предполагающего особую доверительную близость корреспондента к адресату («Софья начертана не ясно: не то ..... , не то московская кузина»). В эпоху «серебряного века» «потаенные» стилистические пласты великорусского языка широко использовались в модернистских писательских кругах и для всевозможных «жизнетворческих» экспериментов, связанных с трансформацией интимного чувственно-эмоционального мира личности в сферу особой сакральной рецепции (религия «пола», «святой плоти» и т.д.), что требовало тематическое и стилистическое «детабуирование» по крайней мере, в среде общения «посвященных» (ярким примером подобного рода в интересующей нас сфере явилась «тайная» переписка В.В. Розанова с Л. Н. Вилькиной и З.Н. Гиппиус (о природе и физиологии женского оргазма и т.п.)).

Речь Гумилева-корреспондента «нормативна» во всех стилистических «смыслах», — но отнюдь не «холодна». Строгое соблюдение «этики» общения даже в «камерной» переписке не стесняет его речевой органики, что опять-таки заставляет предположить полное соответствие зафиксированных в письмах «речевых фрагментов» — практике его повседневного общения. Характерно, что некоторые из мемуаристов упоминают об особой «важности» в манере общения Гумилева. Думается, что здесь имеется в виду не столько «важность», сколько непривычная даже в писательской среде «правильность» гумилевской устной разговорной речи (помноженная на его всегдашнюю искреннюю *повседневную* заинтересованность поэзией, «высоким»). Характерно, что через очень короткое время все собеседники поэта «усваивали» этот «нормативный стиль» как естественную коммуникативную манеру собеседника и не обращали более на эти стилистические коннотации внимания (намеренная «стилизация» речи с целью «подавить» ее адресата — то, что собственно и называется

«важностью» — ведет к совершенно другой реакции объекта коммуникации). «Сначала с ним было очень трудно, — вспоминает о своем знакомстве с поэтом С.А. Ауслендер. — Я был еще очень молодым студентом, хотя уже печатавшимся тогда. Но вот явился человек, которого я не знал, сразу взявший тон ментора и начавший давать мне советы, как писать. <...> Просидели мы долго, впечатление сглаживалось, но Гумилев все еще был накрахмаленным. Я сказал, что буду вечером на среде Вячеслава Иванова, и он выразил тоже желание поехать со мной, но с таким видом, точно он делает это из уважения к Вяч. Иванову. <...> Близился вечер. Впечатление все более сглаживалось. Гумилев говорил о своей поездке в Африку, рассказывал, что живет в Царском Селе и изъявил желание, чтобы я приехал к нему. <...> И вот мы поехали к Вяч. Иванову. Выйдя на улицу, я начал торговаться с извозчиком. Гумилев по-французски заметил, что он этим шокирован, и просил меня садиться. Но тут же сказал, что у него нет с собой денег, и что он просит меня довезти его. Связь этой светскости с богемностью, то, что он так просто признался, что у него нет денег — мне понравилась. Тем более, когда он добавил, что ему негде сегодня ночевать в Петербурге и что он вынужден остаться у меня. <...> После вечера мы вместе вернулись ко мне. Когда он снял свой сюртук и манишку, на нем осталась полосатая рубашка (почему-то она мне ясно запомнилась). Я нашел в шкафу черствую булку и много вина. Мы сидели на диване, и тут я увидел другой лик Гумилева» (Жизнь Николая Гумилева. С. 41-42).

Этот «другой лик Гумилева» столь же быстро как и цитируемый мемуарист (напомним, что С.А. Ауследнер в 1909-1910 гг. стал одним из ближайших друзей и конфидентов поэта), улавливает любой читатель его писем, — недаром, по словам И.В. Одоевцевой, Гумилев «несмотря на свою чопорность и церемонность, удивительно легко переходил на «ты»» (Одоевцева I. С. 48). В целом можно сказать, что переписка Гумилева создает редкий по красоте и обаянию образ личности корреспондента. Читая гумилевскую эпистолярию, особенно ясно понимаешь, что благоговейное отношение к слову было не только декларацией в его акмеистической «доктрине», но и повседневным жизненным принципом.

Несмотря на весьма значительные утраты (о чем говорилось выше) эпистолярное наследие Гумилева дошло до нас в таком объеме и составе, что том его переписки представляет связный и целостный «метатекст», рассказывающий обо всей жизни поэта с момента его творческого дебюта (первое из дошедших до нас гумилевских писем — письмо В.Я. Брюсову от 11 февраля 1906 г. (№ 1 наст. тома) — инспирировано как раз этим событием, вызвавшим брюсовскую рецензию на ПК в «Весах» и приглашение участвовать в журнале на правах постоянного автора) до последних трагических дней в камере № 77 шестого отделения петроградского Дома предварительного заключения на Шпалерной улице (откуда была послана записка Хозяйственному комитету Дома Литераторов (№ 184 наст. тома), — последний из дошедших до нас текстов, написанных рукой Гумилева). Связность этого «эпистолярного повествования», являющегося неоценимым материалом как для биографов поэта, так и для историков «серебряного века», лишь дважды «нарушает-

ся» африканскими путешествиями 1910-1911 гг. и 1913 г. — теми месяцами, когда поэт находился вне тогдашней «зоны досягаемости» цивилизованного мира, — и единожды — периодом российской «смуты» осени 1917 — весны 1918 гг., во время которой гумилевская корреспонденция из Парижа и Лондона либо не доходила до России, либо уничтожалась адресатами (либо исчезла впоследствии, как исчезли письма поэта к родственникам). По крайней мере, никаких писем Гумилева, помеченных этим месяцами мы в настоящее время не знаем.

Характер гумилевской переписки менялся вместе с изменением обстоятельств жизни его и его круга общения. В общем, с известной долей приблизительности, мы можем выделить здесь три этапа, соответствующих хронологическим отрезкам с февраля 1906 по апрель 1908 гг.; с мая 1908 по октябрь 1917 г.; с лета 1918 по август 1921 г.

Первый из этих этапов, обнимающий годы «литературного ученичества» поэта, которые он провел в Париже (иногда наезжая на несколько недель в Россию), представлены в дошедшей до нас гумилевской эпистолярии почти исключительно письмами к В.Я. Брюсову (38 писем). Этот эпистолярный цикл (продолженный и после окончательного возвращения Гумилева в Россию вплоть до весны 1913 г.) представляет собой своеобразный «творческий дневник» юного поэта, сообщающего «мэтру» о своих достижениях и неудачах на избранном литературном поприще. Как уже неоднократно отмечалось многими исследователями, Брюсов не требовал от своих «учеников» излишней «приватной» откровенности, сознательно сужая тематику подобного общения (непосредственного или эпистолярного) до достаточно узкого круга «специальных» тем, связанных исключительно с проблемами литературной жизни. Гумилев не был исключением. Однако, читая сохранившиеся письма этого периода, необходимо помнить, что «творческий дневник» «брюсовского цикла» 1906-1908 гг. создавался на фоне «интимного дневника» утраченного «ахматовского цикла», призрачная, «ночная» аура которого сохраняется вокруг подчеркнуто-корректных, деловых, «дневных» гумилевских посланий Брюсову, порождаемая вдруг прорывающимся то тут, то там намеками на необычайно интенсивную и трагическую личную жизнь юного «ученика символистов». Одним из самых ярких примеров подобных фрагментов, перекликающихся с утраченным «ахматовским циклом» и неизменно интригующих всех исследователей и поклонников поэта как «вершины» некоего «смыслового айсберга», является знаменитый отрывок из «покаянного» письма Гумилева, отправленного из Парижа 21 июля / 3 августа 1907 г. (№ 14 наст. тома) после двухмесячной паузы в переписке с «учителем»:

> «...Все это время я был по выражению Гофмана (не гоголевского ремесленника и не русского поэта, а настоящего, немецкого) игралищем слепой судьбы. Я думаю, что будет достаточно сказать, что после нашей встречи я был в Рязанской губернии, в Петербурге, две недели прожил в Крыму, неделю в Константинополе, в Смирне имел мимолетный роман с какой-то гречанкой, воевал с апашами в Марселе и

только вчера, не знаю как, не знаю зачем, очутился в Париже. В жизни бывают периоды, когда утрачивается сознанье последовательности и цели, когда невозможно представить своего «завтра» и когда все кажется странным, пожалуй, даже утомительным сном».

Несколько разнообразит облик юного Гумилева и единственное (!) дошедшее до нас «небрюсовское» письмо этих лет — к В.И. Анненскому-Кривичу (№ 5 наст. тома). Помимо того, несомненно, было очень много писем к родителям, причем, возможно, носящих иногда характер целых «мистификационных циклов» — так из одной «беллетризованной» биографии в другую кочует пущенная со слов Ахматовой легенда о нескольких письмах к отцу, якобы загодя написанных поэтом, которые регулярно отсылали в Россию его парижские знакомые, дабы скрыть некую самовольную поездку Гумилева (в Киев, Севастополь или даже... в Африку, на озеро Чад, хотя последний «маршрут» в настоящее время уже относится к области курьезов гумилевоведенья). Можно лишь сожалеть, что от *всего* этого «семейного» круга гумилевской переписки сохранилось лишь два поздних (1915 и 1917 гг.) письма к матери.

Во время «второго периода» (май 1908 — октябрь 1917 гг.) Гумилев-корреспондент резко увеличивает число адресатов, что связано, прежде всего, с активным вхождением поэта в это время в литературную жизнь. Петербурга и Москвы. Соответственно и дошедшие до нас письма охватывают большой круг петербургских (и, отчасти, московских) литературных «имен» 1910-х годов. Многие из этих писем перекликаются с деятельностью Гумилева-критика, ведущего в журнале «Аполлон» раздел «Письма о русской поэзии». С другой стороны на этот период приходятся и дошедшие до нас образцы гумилевской «лирической» эпистолярии (письма к Ахматовой, два сохранившихся небольших письма к О.Н. Высотской, великолепный эпистолярный цикл, обращенный к Л.М. Рейснер, любопытные «путевые» послания, некоторые из которых содержат небольшие «очерки» увиденного в путешествиях 1909, 1910, 1911 и 1913 гг., и особняком стоящие в эпистолярном наследии поэта письма к М.Л. Лозинскому, являвшемуся в эти годы, по свидетельству Ахматовой, ближайшим из друзей и литературных сподвижников Гумилева.

Последний период переписки Гумилева, начинающийся после упомянутой «лакуны» второй половины 1917 — начала 1918 гг., приходится преимущественно на годы «военного коммунизма», когда прежняя эпистолярная культура была утрачена. С одной стороны традиционное «почтовое» эпистолярное обращение было и дорого, и небезопасно — излишняя откровенность со стороны представителей «буржуазной интеллигенции», изложенная на бумаге, могла стать убийственной уликой в ЧК. С другой стороны, окружение поэта, вернувшегося из Англии в «красный Петроград», было «территориально локализовано» несколькими сохраняющимися в опустевшем, голодном и холодном городе «очагами культуры» — Домом Литераторов, Домом Искусств, Домом Ученых и т.д., в которых творческая интеллигенция тех лет проводила целые дни и создавала «жилищные коммуны», необходимые для совместного «выживания» в условиях революционного кризиса. Связь с другими городами (и, тем

более, с «заграницей») в стране, охваченной гражданской войной, была крайне затруднена. В связи со всеми этими обстоятельствами, характер дошедшей до нас — очень немногочисленной — эпистолярии Гумилева этой поры резко меняется: это преимущественно тексты, предназначенные для передачи «из рук в руки» — деловые записки и два великолепных лирических «послания» — к Е.Р. Малкиной и О.Н. Арбениной (№№ 172 и 178 наст. тома). Впрочем, как и в случае с ранними письмами Гумилева, очевидно, что на это же время должен был приходиться, возможно, достаточно обширный эпистолярный цикл, обращенный ко второй жене поэта, — Анне Николаевне Энгельгардт, жившей с ноября 1919 по май 1921 гг. с малолетней дочерью в Бежецке, но никаких следов этих писем (если они были) сейчас нет.

Публикация и изучение гумилевского эпистолярного наследия началось в 1970-е годы в контексте зарубежного «ахматоведенья», «душой» которого в это время была выдающаяся исследовательница и пропагандистка русской культуры XX века на Западе Аманда Хейт, работавшая некоторое время в СССР. В 1972 г. А. Хейт опубликовала в № 50 журнала «Slavonic and East European Review» перевод ряда писем Гумилева к Ахматовой, снабдив эту публикацию собственными комментариями.

Собственно «гумилевоведческое» освоение эпистолярного наследие поэта началось также на Западе с публикации в 1980 году Г.П. Струве отдельным изданием («вдогонку» Собранию сочинений 1962-68 гг., в котором переписка поэта почти никак не отражена) большого количества писем к Гумилева к Брюсову 1907-1913 гг., а также переписки с Л.М. Рейснер и ряда писем разным лицам (Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. Paris: YMCA-PRESS, 1980 [На обложке — Н.С. Гумилев. Неизданное]). Там же, как приложения, были опубликованы несколько писем Брюсова к Гумилеву (помимо ответов Рейснер, помещенных в основной текст), и создан достаточно подробный (по тому времени) справочный аппарат. Однако работа над этим сборником была осложнена тем, что Г.П. Струве не имел непосредственного доступа к архивам СССР, в которых находились автографы писем, и пользовался материалами, поставляемых ему «третьими лицами» от советских энтузиастов-гумилевоведов, находящихся тогда фактически на «нелегальном положении» и контактирующих с «зарубежьем» (с риском для себя), что называется «от случая к случаю». Ни о какой сколь-нибудь методологически корректной научной систематике материалов в подобных условиях речи, конечно, идти не могло, равно как не могла быть осуществлена и самостоятельная текстологическая версия публикации: Г.П. Струве приходилось «верить на слово» своим «информаторам».

В отличие от Г.П Струве, английские филологи-слависты Ш. Греем и М. Баскер смогли получить доступ к архивным материалам. Результатом их работы явился сборник «Николай Гумилев. Неизданное и несобранное», вышедший в том же парижском издательстве YMCA-PRESS шестью годами позже сборника Г.П. Струве и дополняющий его. Содержание сборника Ш. Греем и М. Баскера не ограничивалось только гумилевской эпистолярией, но письма были его основной частью.

В пространных комментариях впервые были приведены ссылки на архивные данные и привлечен богатый дополнительный историко-литературный материал, воссоздающий бытовой и исторический контекст, присущий деятельности Гумилева — корреспондента. Следует упомянуть, что выходу «Неизданного и несобранного» предшествовала публикация Ш. Греем переводов некоторых, вошедших в сборник писем Гумилева к Брюсову в английском переводе в журнале «Slavonic and East European Review» (1983. № 61).

В том же юбилейном для поэта 1986 году, в котором увидел свет сборник Ш. Греем и М. Баскера, в СССР, где полным ходом разворачивалась борьба за «гласность», ставшая началом собственно «перестройки», наследие Гумилева было, наконец, торжественным актом властей «легализировано». Среди многочисленных «гумилевских» публикаций «реформаторского десятилетия» (1985-1995) были и две «эпистолярные», существенно дополняющие «западные» — Эммы Герштейн, опубликовавшей в № 9 журнала «Новый мир» за 1986 г. письма Гумилева к Ахматовой, и Р.Д. Тименчика, выступившего в «Известиях АН СССР» (Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1) с текстами гумилевских писем, не вошедшими в Неизд 1980 и Неизд 1986. Эта последняя публикация, дополненная двумя письмами к Ахматовой, проигнорированных в публикациях Хейт и Герштейн, и «тюремной» запиской, опубликованными Р.Д. Тименчиком в сборнике «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана» (М., 1989), снабженная академическими комментариями стала своего рода завершающим моментом формирования в широком научном обиходе основного «массива» гумилевской эпистолярии. Несколько публикаций отдельных писем указаны в библиографической части комментариев к наст. тому. В это же время появились и работы, посвященные эпистолярному наследию поэта, среди которых нужно отметить статьи М.В. Толмачева ««Всему, что у меня есть лучшего, я научился у вас...». По страницам писем Н.С. Гумилева к В.Я. Брюсову» (Литературная учеба. 1987. № 2. С. 156-169) и С.Б. Шоломовой «Судьбы связующая нить (Л. Рейснер и Николай Гумилев)» (Исследования и материалы. С. 470-489).

В 1991 году В.Л. Полушин предпринял попытку издать эпистолярное наследие поэта отдельным томом (Гумилев Н.С. В огненном столпе. М., 1991), — попытку, к сожалению, неудачную, ибо метод механической компиляции всех зарубежных и русских источников заменил здесь научную работу с доступными к этому времени архивами, а приложенные к книге комментарии носили скорее популярный характер. Зато подлинной удачей, поднимающей изучение эпистолярного наследия Гумилева на новый уровень следует признать публикацию Р.Д. Тименчиком и Р.Л. Щербаковым «полной» переписки Гумилева с Брюсовым во второй книге 98 тома «Литературного Наследства» «Валерий Брюсов и его корреспонденты» (М., 1994). Принципы публикации, избранные авторами данной работы (в частности — признание стихов, прилагаемых к гумилевским письмам, неотъемлемой частью основного текста) во многом предопределили специфику публикации и подачи материалов в настоящем томе.

«Эпистолярный» том в Полном собрании сочинений Н.С. Гумилева представляет собой первый полный свод известных на настоящий момент писем поэта, опубликованных в принятом данным изданием хронологическом порядке. В процессе подготовки тома были заново сверены с оригиналами тексты писем и ст-ний Гумилева, приложенных к письмам, и выявлен ряд ошибок, допущенных при публикации этих текстов в тт. I — IV наст. издания (особо существенные из них специально оговариваются в комментариях). Тексты ст-ний, приложенных к письмам воспроизводятся в основном тексте за исключением нескольких случаев, оговоренных в комментариях. Многие из писем публикуются впервые или существенно корректируются по отношению к предыдущей публикации. Особо следует отметить как новаторские материалы из архива М.Л. Лозинской, подготовленные специально для данного издания И.В. Платоновой-Лозинской. В специальном разделе собраны все, известные и доступные для публикации на настоящий момент письма разных лиц к Н.С. Гумилеву. Комментарии к каждому тексту, обозначенные соответствующим номером, начинаются с библиографической справки, в которой перечислены в хронологической последовательности публикации в следующем порядке: отдельные издания; альманахи и сборники; журналы; газеты. Шрифтовое выделение обозначает источник, по которому текст печатается в настоящем издании. Далее указывается наличие автографа (с приведением вариантов первоначального слоя), обосновывается датировка. Далее освещается история создания текста, дается историко-литературный комментарий, а также пояснение (применительно к тексту) основных реалий. При ссылке на произведения, помещенные в настоящем собрании, арабской цифрой указывается номер произведения, римской (в скобках) — номер тома.

1. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Graham 1983 -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без ст-ний); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 18.

Дат.: 11 февраля 1906 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь, 23. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 12.02.06. Штемпель московской экспедиции городской почты — 13.02.06.

Первый стихотворный сборник Гумилева «ПК» был опубликован в октябре 1905 г. (подробно см.: Т. I наст. изд. С. 326). По-видимому, дебютант тогда же написал Брюсову, послав ему экземпляр своей книги для рецензии в «Весах». Брюсов немедленно откликнулся: его рецензия на ПК появилась в ноябрьской книжке журнала за 1905 г. (Весы. 1905. № 11. С. 68; о пристальном интересе Гумилева к другим страницам этого номера «Весов» см. комментарии к № 2 (VI)). Как следует из настоящего письма, уже после появления «ноябрьских» «Весов» (с обычным «запаздыванием» на несколько недель) Брюсов послал Гумилеву ободряющее

письмо, положившее начало их длительной переписке и во многом предопределившее творческую судьбу юного поэта.

Стр. 3-4. — В самом начале своей короткой рецензии Брюсов констатировал: «По выбору тем, по приемам творчества автор явно примыкает к «новой школе» в поэзии. Но пока его стихи только перепевы и подражания, далеко не всегда удачные» (Весы. 1905. № 11. С. 68). Лишь указав на конкретные примеры «перепевов и подражаний» и отметив слабости автора во владении формой стиха, рецензент допускал, что «в книге есть и несколько прекрасных стихов...» и выразил предположение, что «победы и завоевания» «нового конквистадора» еще впереди. Стр. 4-5. — Возможно, что Гумилев цитирует это предложение в начале письма от 24 ноября / 7 декабря 1907 г. (стр. 4-6 № 25 наст. тома). На рубеже 1905 — 1906 гг. редакция «Весов» стала «еще внимательней приглядываться к петербургской молодежи, желая привлечь к участию в журнале наиболее даровитых литераторов» (Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. М., 1976. С. 280, 282 (Лит. наследство. Т. 85)). Это было связано с возникновением «конкурентов» по модернистской периодике — таких, например, как выходивший с начала 1906 г. журнал «Золотое руно», — «переманивавших» из «Весов» и без того немногочисленных писателей-модернистов «первого призыва». 19 января 1906 г. Брюсов писал из Петербурга С.А. Полякову: «...Поиски «молодых» и «новых» идут очень успешно. Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта *Городецкого*; во-вторых, нашел весь состав Зеленого Сборника <...>; в-третьих, видел очень много еще более молодых, которых просил присылать на просмотр стихи, статьи, рассказы etc. — может, что и выберется: это *В.Пяст, Н.Хомяков* и др.» (Переписка с С.А.Поляковым (1899 -1921) / Вст. статья и комментарии Н.В.Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.В. Кувановой и И.П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 108-109 (Лит. наследство. Т.98)). Но возможно, приглашение участвовать в «Весах» в случае с Гумилевым (с которым Брюсов в эти дни не встречался) было продиктовано не только «общей политикой» редакции и неопределенной «верой в будущее» (см. стр. 23-24 № 25 наст. тома) еще одного неофита «новой школы». По собственному признанию Брюсова, он почувствовал в стихах молодого автора близкие себе интонации: 17 февраля 1906 г. он писал П.П. Перцову, редактору литературного приложения газеты «Слово»: «Хорошо и то, что у Вас Конквистадор «в панцире железном»: в нем есть что-то похожее на меня» (Десять писем В. Брюсова к П.П.Перцову // Печать и революция. 1926. № 7. С. 44; отмечено Р.Д. Тименчиком и Р.Л. Щербаковым — см.: ЛН. С. 412). К этой же теме Брюсов вернулся и оценивая свою первую личную встречу с Гумилевым: «Напомнил мне меня 1895 г.» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 157 [запись от 15 мая 1917 г.]). Стр. 6-7. — Приложенные к письму ст-ния в архивной раскладке отсутствуют. По всей видимости, в их числе были произведения, взятые Брюсовым для «Весов», — в шестой, летний номер которых вошли (в ранних вариантах, без заглавий) №№ 39, 45 и 40 (I); других ст-ний Гумилева в

«Весах» за 1906 г. не появилось. Второе из перечисленных ст-ний («Там, где похоронен старый маг...») было приложено три месяца спустя к следующему письму, в котором Гумилев жалуется, что почти ничего нового не писал (и из которого явствует, что никаких «промежуточных» писем он не посылал). Это приводит к заключению, что именно от настоящего, первого письма Гумилева к Брюсову «откололись» находящиеся в конце единицы хранения (РГБ. Ф. 386. к. 84. ед.хр. 20. лл. 37—38) листы с двумя другими вышеуказанными «весовскими» ст-ниями («Я зажег на горах красный факел войны...», «Мой старый друг, мой верный дьявол...»). Еще два ст-ния («Мне надо мучиться и мучить...» и «Солнце бросило для нас...») и отрывок третьего («Но не будем таиться рыданья...»), находящиеся на этих же листах, зачеркнуты редакторской рукой (скорее всего, самим Брюсовым, который также провел мелкие редакторские правки (см. ниже)). Стр. 10. — «Северная речь» (СПб., 1906) — сборник царскосельских писателей, в состав которого вошли: драма П. Загуляева «Волки»; очерк В. Кривича «Ночь»; рассказ Д. Полознева «Счастливый брак»; трагедия И. Анненского «Лаодамия»; ст-ния В. Кривича, Н. Гумилева, Д. Коковцева и Ник.Т-о (И. Ф.. Анненского). В сборнике было опубликовано два ст-ния Гумилева: «Смерти» (№ 38 (I)) и «Огонь» (№ 37 (I)). О П.М. Загуляеве и Д.И. Коковцеве см. комментарий к стр. 13-14 № 2 наст. тома. Д. Полознев — псевдонимом Константина Михайловича Дешевова, преподавателя Царскосельского реального училища. Гумилев был в приятельских отношениях с его братом, будущим композитором Владимиром Михайловичем Дешевовым (1889-1955) (см. Тименчик Р.Д. Николай Гумилев // Родник. 1988. № 10. С. 20). Другой брат К.М. Дешевова, Сергей Михайлович Дешевов был одноклассником Гумилева в 1903-1904 учебном году. Об участии в сборнике В.И.Анненского-Кривича и И.Ф.Анненского см: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 67). Стр. 16. — «Слово» — ежедневная петербургская газета. В ней изредка печатался сам Брюсов (ст-ния «К согражданам», «Монах»; 29 января 1906 г. — за несколько дней до настоящего письма — появилось его ст-ние «К медному всаднику»), а также другие представители «новой школы» — А.А. Блок, Ф. Сологуб и (под псевдонимом) И.Ф. Анненский. Гумилева скорее всего ввел в редакцию «Слова» Сергей Владимирович фон Штейн (1882-1955), тогдашний помощник П. П. Перцова по «литературному приложению» к газете. Впоследствии, вспоминая свою работу в газете, С.В. фон Штейн отметил: «У нас же дебютировал мой давнишний царскосельский знакомец Н.С. Гумилев» (Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 190). Штейн поддерживал начинающего поэта и как литературный критик: за три недели до данного письма Гумилева, он поместил в «Слове» свою рецензию на ПК — сходную по заключениям, но более снисходительную, чем брюсовская. Рецензент осуждал поэмы ПК за «отсутствие твердой и возмужалой мысли» (и будущий провозвестник «мужественно твердого» взгляда на жизнь надолго откажется от этого жанра) и советовал «г-ну Гумилеву» «стремиться к большей простоте и непосредственности,

исправляя допущенные дефекты в технике стиха». Однако в итоге он все-таки обнаружил у молодого автора «задатки серьезного поэтического дарования» (Слово. 21 января 1906 (№ 360). С. 7; см. также: Русский путь. С. 344). Подробнее о С.В. фон Штейне см. также комментарии к № 5 наст. тома. Следует отметить, что Гумилев уже отдал в «Слово» ст-ние «Я откинул докучную маску...» (№ 44 (I)), отрывок (!?) которого — возможно, по какому-нибудь недосмотру — был приложен к данному письму (ст-ние было на момент отправки письма опубликовано в «Литературном приложении к газете «Слово»» от 6 февраля 1906 г.). Еще два стихотворения Гумилева — «Крест» и «Лето» (№№ 48 и 49 (I)) — были напечатаны лишь несколько месяцев спустя, в «Понедельниках» газеты «Слово» от 26 июня и 3 июля 1906 г. (последних перед закрытием газеты в начале июля 1906 г.). Стр. 20-27. — См. предыдущее примечание: последние 8 строк № 44 (I), с неотмеченными в т I наст. изд. разночтениями: в печатном тексте вместо ст. 3 этого отрывка: «Только чистым даны созерцанья»; вместо ст. 6: «Обручавшие мне красоту; — ». К тому же, Брюсов исправил карандашом первую строку: «Но таить мы не будем рыданья...» (исправление сохранилось в печати), и поставил знак вопроса в последней фразе (то же). В письме ст-ние зачеркнуто чернилами. Стр. 28-43. — № 39 (I), автограф 1. Стр. 44-51. — № 41 (I). Стихотворение зачеркнуто (Брюсовым?) крест-накрест карандашом. Стр. 52. — Гумилев допускал частые пунктуационные и порой даже орфографические ошибки. Стр. 53. — 64 — № 40 (I), автограф 1 (см. с. 289 т. 1 наст. издания). Стр. 65-80. — № 180 (I). Ст-издание перечеркнуто (Брюсовым?) одной карандашной линией. Текст (на обороте листа со ст-нием «Мой старый друг, мой верный дьявол») написан рукой неустановленного лица; в Т. I наст. изд. ст-ние отнесено соответственно к разделу «Стихотворений, приписываемых Гумилеву».

2. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Graham 1983 (без ст-ния) -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без ст-ния); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 18.

Дат.: 8 мая 1906 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 08. 05. 06. Штемпель московской экспедиции городской почты — 09.05.06.

Стр. 3-5. — Имеется в виду сборник «Северная речь» (см. комментарий к стр. 10 № 1 наст. тома). Брюсов (под псевдонимом «Аврелий») рецензировал его в том же июньском номере «Весов» (Весы. 1906. № 6. С. 64), где были помещены ст-ния Гумилева (см. комментарий к предыдущему письму). В рецензии дается лишь краткий отрицательный отзыв на лирическую трагедию И.Ф. Анненского «Лаодамия»; о других произведениях сборника (в том числе и о ст-ниях Гумилева) не

упоминается. В 1910 г. Гумилев в ретроспективном обзоре «поэзии в «Весах»» упрекнет редакцию журнала (т.е., прежде всего — Брюсова) в «замалчивании И.Ф. Анненского» (см. стр. 86 № 28 (VII)), а Брюсов — вероятно, не без «оглядки» на этот упрек, — вспомнит свою негативную оценку «Лаодамии». в неопубликованной при жизни заметке о его собственном подходе к начинающим поэтам (1913). «Вряд ли критик может быть непогрешимым, — писал Брюсов. — Совершал ошибки и я. Могу покаяться в том, что, отметив первое выступление И. Анненского, я не сделал достаточно энергичных попыток привлечь его к участию в «Весах»; позднее отнесся строго к его драме «Лаодамия» (она и теперь мне кажется самым слабым из его произведений)» (Валерий Брюсов. М., 1976. С. 207 (Литературное наследство. Т. 85)). «Лирическая трагедия» из «Северной речи» была упомянута Гумилевым в дарственной надписи Анненскому на ПК: «Тому, кто был влюблен, как Иксион, / Не в наши радости земные, а в другие, / Кто создал тихих песен нежный сон / Творцу Лаодамии. От автора» (см.: СП (Тб). С. 28; «ответ» И.Ф. Анненского («Меж нами сумрак жизни длинной...») датирован 17.02. 06). Стр. 6-11. — Об истории этой публикации см. комментарий к стр. 6-7 № 1 наст. тома. Стр. 13-14. — В письме, в котором Гумилев выступает представителем «группы царскосельских писателей», такое «объяснение» может с первого взгляда показаться странным. Тем не менее, даже учитывая скрытый здесь комплимент «ученика» — «учителю», мы вполне можем видеть в этих строках и реальное биографическое свидетельство. Весьма показательны в этом смысле отношения Гумилева с одним из участников «Северной речи» — Дмитрием Ивановичем Коковцевым (Коковцов, 1887-1918). Одноклассник Гумилева с осени 1904 г. Д.И. Коковцев стал также литератором, автором трех сборников стихов («Сны на севере». СПб.,1909; «Вечный поток». СПб., 1911; «Скрипка ведьмы». СПб., 1913). В гимназические годы Гумилева с Коковцевым связывала едва ли не личная дружба: они «постоянно встречались», бывали друг у друга, вместе посещали местные литературные собрания и развлечения (см.: Труды и дни. С. 162-163). Но по своим литературным взглядам и вкусам Д.И. Коковцев был антиподом Гумилева. С осени 1904 г. родители Коковцева «стали устраивать литературные «воскресенья» в своем доме на Магазейной улице. На вечерах бывали И.Ф. Анненский, поскольку хозяин дома <И.Н.>Коковцев был учителем в гимназии гимназические учителя — Е.М. и А.А. Мухины, В.Е. Максимов-Евгеньев (литературовед, специалист по Некрасову), М.О. Меньшиков (публицист-нововременец), М.И. Туган-Барановский (историк-экономист, представитель «легального марксизма»), В.В. Ковалева (дочь Буренина), К. Случевский (поэт), Л.И. Микулич (псевдоним писательницы Веселитской), Д. Савицкий (поэт), В.И. Кривич (сын И.Ф.Анненского) и другие писатели, поэты, литературоведы. Гумилев бывал на этих «воскресеньях», несколько раз выступал с чтением своих стихов и выдерживал яростные нападки, даже издевательства некоторых из присутствующих. Особенно его критиковал молодой хозяин дома (т.е. — Д.И.Коковцев — *Ред.*), вместе со своим другом М. Загуляевым не принимавший декадентства» (Лукницкая В. Материалы к биографии Н.Гумилева // СП (Тб). С. 26). Упомянутый здесь

П.М. Загуляев — также участник «Северной речи». Откровенный «противник декадентства», он был редактором литературного раздела газеты «Царскосельское дело», публиковавшей на своих страницах язвительные отзывы о Гумилеве и И.Ф. Анненском (см.: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 62, 117). В 1909 г. в «Царскосельском деле» появился и знаменитый пасквиль ««Остов» или Академия поэтов на Глазовской улице» (см.: Неизд 1986. С. 183-193, 291), написанный П.М. Загуляевым и Д.И. Коковцевым (см.: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф.Ф.Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 177-178; впрочем, А.Г. Терехов считает авторами пасквиля отца и сына Коковцевых, см.: Исследования и материалы. С. 325). О враждебности Гумилеву царскосельской «литературной среде» см.: С. 81-82. Стр. 15-16.— Процитировав это признание Гумилева, В. Шубинский пишет: «Год — как раз столько прошло с момента разлада с Анной Горенко. Поэтому юноша так дорожит обретенным диалогом с учителем, старшим товарищем» (Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 103). «Момент разлада», действительно, лаконично зафиксирован поздней записью самой Ахматовой: «На Пасху 1905 — первая угроза самоубийства. Тревога Инны Эразмовны. (Андрей). Разрыв» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 528). Через несколько месяцев, в начале августа 1905 г. И.Э. Горенко с детьми уехала из Царского Села в Евпаторию (см.: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 23). О содержании «царскосельских» бесед Гумилева с Ахматовой см. записку П.Н.Лукницкого (Жизнь поэта. С. 28). Стр. 18-19. — По наблюдению В. Шубинского, «в этой фразе удивительнее всего даже не то значение, которое Гумилев придавал брюсовскому «участию», а определение своего литературного ученичества как «борьбы». Борьба с собой, накачка мускулов, суровая школа. Гумилев уже усвоил: он — не из тех, кому что бы то ни было дается даром» (Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 103). Стр. 22-41. — № 45 (I), автограф 1.

3. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Graham 1983 -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386. 84.18.
Дат.: 15 мая 1906 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь, 23. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 15.05.06. Штемпель московской экспедиции городской почты — 16. 05.06.

Стр. 5. — Гумилев родился 3/15 апреля 1886 г. в Кронштадте («в доме Григорьевой по Екатерининской улице» — Труды и дни. С. 147). По словам его метрического свидетельства: «...в хранящейся при Кронштадтской Морской Военной

Госпитальной Александро-Невской церкви метрической книге, части первой о родившихся за 1886 год под № 41 значится следующая запись: Тысяча восемьсот восемьдесят шестого года апреля третьего дня, у старшего экипажного врача 6-го флотского экипажа коллежского советника Стефана Яковлевича Гумилева и законной его жены Анны Ивановной, обоих православного исповедания, родился сын Николай. Таинство крещения совершал того же года апреля пятнадцатого дня протоиерей Владимир Краснопольский...» (РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522. Л. 11; текст опубликован И.Ф. Мартыновым (Гумилевские чтения. Ежегодник 1980 // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Band 9. P. 382) и, почти одновременно, Е.Вагиным (Материалы для биографии Н.С.Гумилева. Публикация и комментарий Е. Вагина // Russica-81. Литературный сборник. Нью-Йорк. 1982. С. 370)). Стр. 5-6. — Аттестат зрелости по окончании Николаевской Императорской Царскосельской гимназии Гумилев получил 30 мая 1906 г. (РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522. Л. 9; документ впервые опубликован: Материалы для биографии Н.С.Гумилева. Публикация и комментарий Е. Вагина // Russica-81. Литературный сборник. Нью-Йорк. 1982. С. 371). Стр. 6. — Степан Яковлевич Гумилев (1836-1910), отец поэта, окончил медицинский факультет Московского университета и 30 августа 1861 прибыл в Кронштадт. Плавал на различных судах — «Император Николай I», «Пересвет», «Князь Пожарский» и др. (РГА ВМФ. Ф.870. Оп.1. №№ 8570, 9068, 10281 и др.). Самое продолжительное заграничное плавание (17 месяцев и 10 дней) совершил на фрегате «Пересвет» — с 6.05.1865 по 17.10.1866 (вахтенный журнал №9068а). Большая часть плавания на «Пересвете», после того, как он через Северное море и Атлантику обогнул Европу, проходила по Средиземному морю с заходами в Гибралтар, на Мальту, Санторин, много раз в Пирей, Порт-Саид, Александрию, Ниццу, Неаполь и др. В 1873-1874 гг. Степан Яковлевич отправился в двухгодичное заграничное плавание на фрегате «Князь Пожарский» (с аналогичным маршрутом), однако через два месяца был списан на берег по болезни. На начало 1886 года (перед рождением Николая) (РГА ВМФ. Ф.406. Оп.3. Т. 39. № 996а) он записан так: «Коллежский советник Степан Яковлевич Гумилев, старший экипажный врач (из духовного сословия). Родился 28 июля 1836 г. Православного вероисповедания. Кавалер орденов Св. Станислава 2 и 3 ст. и Св. Анны 3 ст. Получает в год 975 р. 50 к. Столовых — 600 р. Добавочные за 4 пятилетия — 432 р. На воспитание дочери Александры — 250 р». Стр. 6-7. — В «Послужном списке» С.Я. Гумилева указывается, что 9 февраля 1887 г. он был «произведен в Статские Советники с увольнением по болезни от службы с мундиром и пенсионом из Государственного казначейства в размере 864 руб. и из Эмеритальной кассы морского ведомства по 684 руб. 30 коп. в год...». Эти суммы были достаточно скромные (см.: Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 26), однако, как отмечала двоюродная племянница Н.С. Гумилева Е.Б. Чернова: «Семья Гумилевых всегда жила в достатке. Глава семьи Степан Яковлевич был человеком деятельным» (Русский путь. С. 245). Показательно, что при замужестве дочери С.Я. Гумилев «обещал дать за ней 10 тысяч» (см.: Жизнь

Николая Гумилева. С. 15); а мать поэта была в состоянии регулярно посылать сыну в Париж по 100 рублей в месяц (см.Труды и дни. С. 169; Жизнь поэта. С. 37). Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков отмечают, что уже спустя много лет после выхода в отставку, в 1900-1903 гг., в Тифлисе С.Я. Гумилев некоторое время служил агентом Северного страхового общества (ЛН. С. 414); есть косвенное свидетельство о том, что он и раньше получал доход от этого общества (см. справочник «Весь Петербург» за 1897 г.). Стр. 7. — «Семейные» сведения были несколько иные: «На шестом году Коля выучился читать. Первые попытки литературного творчества относятся к этому времени. Мальчик сочинял басни, хотя и не умел еще их записывать. Вскоре стал сочинять и стихи. П.Н. Лукницкий записал, со слов Ахматовой, отрывок из стихотворения шестилетнего Коли Гумилева» (Жизнь поэта. С.16). Стр. 10. — «... Языки ему давались в детстве с трудом. В ведомости за 1899/1900 учебный год стоят двойки по греческому, латинскому, немецкому и французскому языкам. (Постановление Педагогического совета: «Оставляется на второй год».) В гимназическом деле Н.С.Гумилева хранится также заявление его отца от 20 апреля 1900 года с просьбой освободить ученика 4-ого класса Николая Гумилева «по малоуспешности во французском языке <...> совсем от уроков оного» (РГИА. Ф. 171, Оп.2. Ед. хр. 972. Л. 9 и 5). Однако в последующие годы Гумилев изучал французский язык и по окончании Царскосельской гимназии имел по этому предмету четверку» (Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф.Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 173. Прим. 13). Как видно по аттестату зрелости, в Царскосельской Николаевской гимназии Гумилев не занимался немецким (этот предмет он бросил после гимназии Гуревича); по греческому и латинскому (которыми он впоследствии занимался всерьез в Санкт-Петербургском университете) он получил тройки. Стр. 11. — Бельгийский символист Морис Метерлинк (Maeterlinck, 1862-1949) начинал как поэт (сборники «Serres chaudes» («Теплицы», 1889); «Douze chansons» («Двенадцать песен», 1896)), но прославился как драматург, автор целого ряда таких пьес, как «La Princesse Maleine» («Принцесса Мален», 1889) «L'Intruse» («Непрошенная», 1890), «Les Aveugles» («Слепые»,1890), «Pelléas et Méllisande» («Пеллеас и Мелизанда»,1892 (пер. Брюсова: М., 1907)), «Ariane et Barbe-bleue» («Ариана и Синяя борода» 1901). Премьера его знаменитой «Синей птицы» в Московском Художественном театре стала одной из сенсаций русской культурной жизни тех лет, однако она состоялась позднее данного письма — 30 сентября 1908 г. Метерлинк создвал туманно-символистские драмы-аллегории — театр молчания, мистических намеков и недомолвок, томительного ожидания, в котором преобладали мотивы безволия, подчинения какой-то страшной неведомой силе или Року, неспособности понять себя и свою судьбу, обреченности на страдание и т.п. С.К. Маковский увидел в позднем ст-нии Гумилева «Дева-птица» аллегорическое описание «в стиле Метерлинка» (см. комментарии к № 54 (IV)). Стр. 12-13.— Пятитомное «Собрание сочинений» Э. По в переводах К.Д. Бальмонта выпускалось издательством «Скорпион» в 1901—1912 гг. В первый том («Поэмы. Сказки». М., 1901) вошли переводы 24 ст-ний.

О влиянии «любимого автора» на стихи и прозу Гумилева см.: Кравцова И.Г. Н. Гумилев и Эдгар По: Сопоставительная заметка Анны Ахматовой // Н. Гумилев и Русский Парнас. СПб., 1992. С. 51-57. Стр. 15. — Гумилев уехал в Париж в июле 1906 г. и прожил там, с небольшими перерывами, меньше двух лет, вернувшись в Царское Село в самом конце апреля или начале мая 1908 г. (см. комментарий к № 41 наст. тома). Стр. 15-18. — Встреча в то время не состоялась; Гумилев впервые встретился с Брюсовым в мае 1907 г.

4. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 19.
Дат.: 15 июня 1906 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель Вышгородского почтового отделения — 15.06.06. Штемпель московской экспедиции городской почты — 16. 06. 06.

Стр. 3-5. — Брюсов отбыл из Москвы в Швецию как раз 19-го или 20-го июня 1906 г. (см. Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. С. 207-208, прим. 2). Эта поездка длилась около полутора месяцев, так что летом 1906 г. поэты буквально «разминулись во времени»: по возвращенин в Россию Брюсова здесь не было уже Гумилева, — в июле он уехал в Париж, где пробыл вплоть до весны 1907 г. Стр. 9. — До весны 1901 г. семья Гумилевых проводила летние месяцы в поселке Поповка, где С.Я. Гумилеву, по-видимому, принадлежал дачный участок. По воспоминаниям Е.Б. Черновой (см.: Русский путь. С. 245), С.Я. Гумилев, выйдя в отставку, занимался мелиорацией этих земель, которые на рубеже веков были превращены в дачную зону для летнего отдыха петербуржцев (в Центральном историческом архиве Санкт-Петербургка сохранился подробный план «План дачного поселка «Поповка» Николаевской ж/д, находящегося в 2, 3, 4 и 8 кварталах Виндавской лесной дачи С.-Петербургской губернии Царскосельского имения Царскосельской государственной вотчины.» (Ф.256. Оп.27. Д..504); любопытные воспоминания о летней жизни в Поповке оставил знакомый Гумилевых, писатель Александр Кондратьев, см.: «Последние известия». 1927. 20 февраля). После переезда семьи в Тифлис, С.Я. Гумилев продал участок в Поповке и в летние сезоны 1901-1906 гг. арендовал в качестве дачи небольшую усадьбу в Рязанской губернии (отец поэта был родом из этих мест). Усадьба находилась в километре от Оки на ровном безлюдиом месте, среди заливиых лугов окского левобережья, почти напротив древнего большого села Вышгород. Ближайшее «сухопутное» селенье (2-3 км) — село Казарь. Вокруг много небольших озер — это старица, остатки старого русла Оки и в сильиое половодье, эти места могут затопляться. В настоящее время от дома сохранились лишь остатки фундамента. Среди жителей близлежащих сел эта местность называлась «Березки». Название (локаль-

ный топоним, на картах и документах он не употреблялся) было связано с тем, что непосредственно перед домом была небольшая березовая рощица, а может даже отдельные старые березы. Сам лес, недалеко от которого располагалась усадьба — лиственный, преимущественно осиновый, берез в нем было мало. О жизни будущего поэта в этих местах упоминает его сводная сестра А.С. Сверчкова: «Живя в «Березках», он (Коля) стал вести себя совершенно непонятно: пропадал по суткам, потом оказывалось, что он вырыл себе пещеру на берегу реки и проводил там время в посте и раздумье. Он пробовал даже совершать чудеса!.. Разочаровавшись в одном, он тотчас же хватался за другое, занимался астрономией, для чего проводил ночи на крыше, делал какие-то таинственные вычисления и опыты, не посвящая никого в свои занятия. Но были у него и другие дела, не менее важные. Так, например, будучи учеником 8 класса, Коля обратился к сестре Шуре, с которой был очень дружен, и просил ее помочь его товарищу похитить девицу, ученицу 7 класса в Рязани, дочь инспектора. Сестра должна была приютить беглецов и в течение хотя бы двух недель продержать тайно в своей комнате. Много надо было употребить хитрости и тактичности, чтобы отговорить друзей от рискованного дела и настоять на том, что прежде надо всем троим выдержать переэкзаменовки. Страсть к путешествиям тоже рано начала волновать душу Коли. Ему хотелось ехать в неизведанные страны, где еще не ступала нога европейца. Для этой цели он начал тренироваться: много плавал, нырял, стрелял без промаха, но охотиться не любил: ему жаль было убивать беззащитных птиц и животных. Ходить пешком много он не мог: у него были, как он говорил, мягкие ноги, но ездить верхом мог сколько угодно, даже спал в седле...» (Жизнь Николая Гумилева. С. 17). К этому рассказу можно добавить, что эпизод с «похищением невесты» приходится, вероятно, как раз на 1906 год: по сведеньям П.Н. Лукницкого «сразу после экзаменов по окончанию гимназии в мае 1906 г.» Гумилев поехал в «Березки» вместе со своим товарищем по гимназии Алексеем Ягубовым (Труды и дни. С. 168). Тогда же и было написано это письмо.

5. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); НП.
Автограф — РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2.
Дат.: 19 сентября / 2 октября 1906 г. — авторская датировка.

Валентин Иннокентиевич Анненский (литературный псевдоним В. Кривич, 1880—1936) — сын И.Ф. Анненского; поэт, прозаик, литературный критик. Выпускник Николаевской царскосельской гимназии (1899) и юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1903) В.И. Анненский-Кривич служил в управлении Министерства путей сообщения и в управлении сберегательных касс. Как поэт он дебютировал в студенческие годы, участвовал в «Литературно-художественном сборнике» Петербургского университета (1903), в котором его стихи соседствовали со стихами молодого А.А. Блока, затем печатался в ряде журналов и газет. Его единственная книга стихов «Цветотравы» увидела свет в 1912 г. (см. также ком-

ментарии к № 48 наст. тома), вторая книга «Старые стены», составленная из стихов 1910-х гг., опубликована не была (см.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 320). В историю русской литературы В.И. Анненский-Кривич вошел, прежде всего, как автор ценных воспоминаний об отце — «Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам» (Литературная мысль (Л). № 3. 1925. С. 208-225; черновые материалы к его неосуществленной книге мемуаров см.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 85-116).

Кривич и Гумилев познакомились, по всей вероятности, в 1904 г. на царскосельских литературных собраниях у Коковцевых (см. комментарии к № 2 наст. тома) или фон Штейнов (см. комментарии к настоящему письму). В следующем году Гумилев, несомненно, посещал и «понедельники» самого Кривича. «В 1904-1905 годах, — вспоминала Ахматова, — собирались по четвергам у Инны Андреевны и Сергея Владимировича [С.В. фон Штейна и его жены, старшей сестры Ахматовой; см. ниже — *Ред.*], называлось это «журфиксы». На самом деле это были очень скромные студенческие вечеринки. Читали стихи, пили чай с пряниками, болтали. А в январе 1905 года Кривич женился на Наташе Штейн, и они жили в гимназии на Малой, там же, где жил Иннокентий Федорович [Анненский — *Ред.*], только у них была отдельная квартира. У них собирались по понедельникам. Приблизительно то же самое было, только параднее, потому что там лакей в белых перчатках подавал. Папа меня не пускал ни туда, ни сюда, так что мама меня по секрету отпускала до 12 часов к Инне и к Анненским, когда папы не было дома» (Жизнь поэта. С. 34). В 1906 г. Кривич и Гумилев участвовали в сборнике «Северная речь» (см. комментарии к №№ 1 и 2 наст. тома), вместе ездили в Павловск к его издателю П.М. Загуляеву (см.: Труды и дни. С. 166). После этого они стали «обмениваться» новыми стихами, однако просьбу Гумилева о «подробном отзыве» о ст-ниях, присланных в данном письме, Кривич, по всей вероятности, проигнорировал, отчего и их переписка «заглохла» сама собой.

После возвращения из Парижа Гумилев часто встречался с Кривичем на всевозможных литературных мероприятиях 1908-1909 гг., в том числе — на заседаниях поэтического кружка «Вечера Случевского», куда Гумилев был избран как раз на собрании, проходившем у Кривича 24 мая 1908 г. Кривич принимал участие в подготовке первых номеров журнала «Аполлон» (см.: И.Ф. Анненский. Письма к С.К. Маковскому. Публикация А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 г. Л., 1978. С. 232). Однако к этому времени уже достаточно четко выявилось расхождение «модерниста» Гумилева даже и с таким благосклонно расположенным к нему «традиционалистом», каким был Кривич (подробнее см.: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С. Гумилева (Вокруг дневников и альбомов Ф.Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 171-186, а также — комментарий к № 53 наст. тома). После смерти И.Ф. Анненского сотрудничество его сына с «Аполлоном» прервалось.

Личные отношения поэтов всегда оставались неизменно дружелюбными. «Как и Гумилев, Кривич иногда посещал заседания «Общества ревнителей художественного слова», — отмечает М. Баскер — но он не разделял энтузиазма Гумилева <...>, и характерно, что он не входил в Цех поэтов. После революции <...> они оба выступили на вечере Союза деятелей художественной литературы 24 марта 1919 г.; <...> и летом 1920 г. Кривич оказался одним из немногих приглашенных в Петроградский филиал Союза поэтов, приемную комиссию которого составляли тогда Блок, Гумилев, Лозинский и Кузмин» (Неизд 1986. С. 240-241).

В 1908 г. Гумилев посвятил Кривичу ст-ние «Северный Раджа» (№ 130 (I)), а в частном собрании сохранился экземпляр РЦ 1908 с авторской дарственной надписью в виде акростиха «Ва.<лентину> Кривичу» (см. Соч I. С. 439). Кривичу принадлежит разбор рассказа Гумилева «Скрипка Стадивариуса» (Аполлон. № 1. 1909. С. 24-25 (2-ая пагинация); см. также комментарии к № 10 (VI)) и несколько эпиграмм на поэта (на одну из них («И сразу в две редакции глядят его глаза...») ссылается Э. Ф. Голлербах в своем литературно-краеведческом очерке «Город муз» (2-ое изд. Л., 1930. С. 124); другая — на возвращение Гумилева из Африки в 1911 г.— упоминается, по сообщению Р.Д. Тименчика, в письме А.А. Кондратьева к Кривичу от 5 сентября 1913 г. (см.: НП. С. 53)). В воспоминаниях Кривича Гумилев упомянут мимоходом; более существенную характеристику своего давнишнего знакомого Кривич дал в заметке «Несколько слов о чтении стихов»: «Всем памятен, конечно, покойный поэт Г.<умилев>, один из примечательных поэтов последнего десятилетия. Человек крупного таланта и огромной эрудиции в области поэтического слова, очень любивший говорить стихи, страдал вместе с тем очень значительными недостатками произношения. Я помню покойного еще с самых первых шагов его дороги поэта и помню, как создавалась им его манера читки. Читал он стихи глухим, напряженным распевом, направляя звук голоса в голову. Такой монотонной заунывной читкой произносил он стихи всегда и все, простого и сложного построения, музыкальные и зрительные, свои и чужие. Едва ли я ошибусь, если скажу,— в этом способе читки поэт нашел, м<ожет> б<ыть>, единственный путь для своих произносительных возможностей. А между тем, со временем многие стали говорить об этой читке как об особой манере декламации, чуть ли не особой голосовой трактовке стиха, стали ссылаться на нее чуть ли не как на особую школу» (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 7—8; цит. по:НП. С. 53).

Стр. 3-4. — В материалах к биографии И.Ф. Анненского Кривич отметил: «Сестра отца Л.<юбовь> Ф.<едоровна> была в замужестве за известным французским ученым натуралистом Жозефом Деникер. Со времени своего замужества (еще задолго до брака отца) она безвыездно жила в Париже, потеряв вскоре связи с Россией, а дети ее являлись уже полными французами, не знали даже ни одного русского слова. Лично я никого из семьи Деникеров не знал, отношения же между ними и моими родителями на моей памяти выражались в более чем редком, даже скорей случайном обмене письмами, да в двух или трех посещениях отцом Парижа (одно из них совместно с матерью)» (Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий

Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 106). Жозеф (Иосиф Егорович) Деникер (Deniker, 1852 — 1918) родился в Астрахани от родителей-купцов французского происхождения (по семейным преданиям, один из его предков был попавшим в плен офицером Наполеоновской армии). Окончив в 1873 г. химическое отделение Санкт-Петербургского технологического института, он с 1879 г. продолжал свою научную карьеру в Париже, где занимался химией, затем ботаникой, антропологией и другими естественными науками. В 1886 г. он стал доктором зоологии, а в 1888 г. был назначен на должность главного библиотекаря в Национальном Музее Естественной Истории, в помещении которого (maison de Buffon), в парижском Ботаническом саду (Jardin des Plantes), он долгие годы проживал с своим семейством (см. также комментарии к № 26 наст. тома). Монография Ж. Деникера «Les races et les peuples de la terre: Eliments d'anthropologie et d'ethnographie» (Paris, 1900) принесла ему широкое признание в научных кругах как Старого, так и Нового Света; она была издана в русском переводе (Деникер И. Человеческие расы. СПб., 1902). В этой работе, на основе обширной систематизации данных антропологии, этнографии, эмбриологии и сравнительной анатомии, Ж. Деникер впервые сформулировал современные, строго-научные антропологические принципы оценки различий между человеческими расами. Созданная нм «расовая типология» (классификация рас) просуществовала без существенных изменений до наших дней. Ж. Деникер также положил конец спорам антропологов вокруг расплывчатого понятия «арийцев», введя в научный оборот термин «нордической расы» для четкого определения «длинноголовой, очень рослой, светловолосой расы», представители которой сгруппировались преимущественно на севере Европы. Среди его многочисленных публикаций была и маленькая книга о «дольменах и суевериях» (Dolmen et superstitions. Paris, 1900; об увлеченин Гумилева дольменами в его парижский период см.: Т. VI наст. изд. С. 351). Подробнее о научной деятельности Деникера-отца см.: Авдеев В.Б. Создатель расовой терминологии И.Е. Деникер // Атеней. № 6. 2004. Сын ученого Nicolas Deniker, ставший достаточно близким знакомым Гумилева (см. ниже), был полностью посвящен в научные изыскания отца (см. Salmon A. Souvenirs sans fin. Première époque (1903-1908). Paris,1955. Pp. 66-67). Стр. 5.— старший сын Ж. Деникера и Л. Ф. Анненской-Деникер Nicolas Deniker (1881-1942) в то время активно занимался поэтической деятельностью. В отличие от многих других, это «парижское знакомство» Гумилева, вероятно, перешло в дружбу (ср.:Труды и дни. 174, 176, 179), но конкретных сведений о взаимоотношениях поэтов очень немного. П.Н. Лукницкий говорит об их «частых встречах», прежде всего — в Jardin des Plantes (см. Неизд 1986. С. 154 и комментарий к № 26 наст. тома). Н. Деникер начал свой недолгий литературный путь в 1903 г., когда он успешно выступил со чтением стихов в знаменитом кафе-подвале «Золотого Солнца» (Caveau du Soleil d'Or) на площади Сен-Мишель. Там же он сблизнлся с двумя другими начинающими поэтами — Гийомом Аполлинером (Apollinaire, 1880-1918) и его сподвижником Андре Сальмоном (Salmon, 1881-1969). В ноябре 1903 г. в офнциальном качестве

«заведующего» (gérant), Деникер издавал вместе с ними «беллетристический журнал» «Le Festin d'Ésope» («Празднество Эзопа»: 9 выпусков, ноябрь 1903 по август 1904). Деникер поместил здесь три своих стихотворения, однако затем внезапио вышел из редакции (в июне 1904 г. его место занял Жан Моллэ) и, по витиеватому объяснению Аполлинера, пребывал с тех пор «в добровольном отшельничестве» (см.: Mercure de France. 16 Novembre 1911). Как можно предположить,для Деникера (со школьных лет страстного поклонника Малларме) были неприемлемы радикальный авангардизм Аполлинера и его экстравагантные выпады против символистов из общества «La Plume», собиравшихся в том же «Золотом Солнце». В 1905 г. стихи Деникера появились в стартовом номере «Vers et Prose», ставшего самым авторитетным журналом позднего французского символизма (среди подписчиков журнала был и И.Ф. Анненский, и, возможно, именно его комплект «Vers et Prose» находился впоследствии в библиотеке Гумилева: см.: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С.107-108; Rusinko Elaine. Acmeism, Post-symbolism, and Henri Bergson // Slavic Review. 1982. Vol. 41. № 3. P. 502; Исследования и материалы. С. 389). Последний раз в этом журнале Деникер публиковался в 1912 году, когда был объявлен его следующий сборник стихов «La Rive infinie» («Берег бесконечный»). Но книга так и не вышла в свет. По сообщению его брата, художника-кубиста Жоржа Деникера, поэт «три раза претерпел глубокий нервный срыв», вел жалкий, бродяжий образ жизни (ср. также: Salmon A. Souvenirs sans fin... Pp. 68-69) н в конце концов умер в совершенной нищете в приюте сестер милосердия. В Пушкинском Доме хранится экземпляр единственной книги стихов Н. Деникера «Poèmes: le décor,la lumineuse tempête,la venelle dolente,l'ultime clairière» (Paris,1907) с дарственной надписю: «Au роиte Nicolas Goumileff. En témoignage de sympathie littéraire, Nicolas Deniker. Novembre <19>07» («Поэту Николаю Гумилеву. В знак литературной симпатии, Никола Деникер. Ноябрь <10>07»). То, что эта книга была выпущена издательством «L'Abbaye», позволяет предположить участие ее автора в весьма значимой в истории «первого Парижа» Гумилева биографической коллизии, связанной с взаимоотношениями русского поэта с литературно-художественной группировкой «Аббатство». Поскольку никаких прямых указаний на эти события в наследии самого Гумилева не сохранилось (о своем «приятеле» Деникере Гумилев еще упоминает лишь в письме к В.Я. Брюсову от 16 декабря 1907 г. — см. № 26 наст. тома и комментарий к нему), здесь необходим небольшой историко-литературный экскурс.

Литературно-художественная группировка «Аббатство» («L'Abbaye») была названа так в честь аббатства де Кретей (Abbaye de Créteil), чье запущенное здание посередине парка на берегу реки Марны к юго-востоку от Парижа осенью 1906 г. арендовали поэты Шарль Вильдрак (Vildrac: 1882-1971) и Рене Аркос (Arcos; 1881-1959), решившие осуществить свой утопический план созидания литературно-художественной «общины». В этом их поддерживал (в том числе и финансово) третий основатель «Аббатства» — поэт и художник Анри-Мартен Барзун (Barzun; 1881-1973)). Впрочем, название группы также ассоциировалось и с «Телемским аббатством» —

«анти-монастырем» Ф. Рабле, устав которого состоял из единственного правила «Делай, что хочешь» (см.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Кн. 1. Гл. 52-58; ср. ст-ние Вильдрака 1906 г. «Je rêve l'Abbaye — oh, sans abbé!»). «Аббатство» должно было являть собою «творческий приют», в котором братская коммуна одаренных людей будет жить и работать в непринужденной гармонии, свободной от материализма и технологических устремлений современного потребительского общества, чередуя умственный труд с физическим (земледельческим) трудом (один из «братства» — Александр Мерсеро (Mercereau, 1884-1945) — увлекался толстовством и ездил в Ясноую Поляну в 1907 г.). Помимо того участники «Аббатства» работали в типографии, созданной ими для издания молодых авторов, не способных оплачивать большие авансы, обычно требуемые коммерческими издательствами. В первоначальный состав «Аббатства» вошли, — помимо Аркоса, Барзуна Вильдрака (вместе с женой Розой) и Мерсеро, — музыкант Альбер Дуайен (Doyen, 1882—1935), художник Альбер Глез (Gleizes, 1881-1953), типограф Лусиен Линар (Linard), поэт и писатель Жорж Дюамель (Duhamel, 1884—1966, родной брат Розы Вильдрак). Частыми гостями «коммуны» стали поэты Жюль Ромен (Romains; 1885-1972) и Жорж Шеневьер (Chennevière; 1884-1927); многие писатели, художники, люди искусства (Анатоль Франс, Поль Фор, Франсис Веле-Гриффен и др.) посещали «воскресенья» «Аббатства». На большой летней выставке «Аббатства» 1907-го года побывало более 300 посетителей, и среди них — Ф.Т. Маринетти. Но к февралю 1908 г. «Аббатство» все же распалось, — отчасти в результате идейных разногласий, но главным образом по простой причине финансовой несостоятельности (неспособности платить аренду). Значение этой кратковременной литературной группировки в последующем творчестве ее приверженцев было достаточно велико. В частности, непосредственным порождением эстетики «Аббатства» считается «унанизм» Ж. Ромена (чей стихотворный сборник «La vie unanime: Poèmes 1904-1907» вышел в издании «Аббатства» в начале 1908 г.), имеющий любопытные параллели с акмеизмом (см.: Rusinko Elaine. Acmeism, Post-symbolism, and Henri Bergson // Slavic Review. 1982. Vol. 41. № 3. Pp. 498-501; Шиндин С.Г. Мандельштам и творчество французских унанимистов (Из комментария к «культурологическому словарю») // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2005. Т. 64. № 6. С. 38-39). В соответствии с основными установками содружества, поэты «Аббатства» не думали создать определенной литературной школы и не имели единой творческой программы. Однако их объединяли отказ от излишеств и «искусственности» символизма, стремление к большей простоте и вещественности, до некоторой степени и социальная тематика. По наблюдению И. Анисимова, «творчество крупнейших поэтов, связанных с «Аббатством» <...> имеет много общих черт: всех их сближает необычайно легкая ранимость их сознаний; это очень хрупкие, не умеющие сопротивляться индивидуальности. Очень нежная, тончайшая лирика поэтов «Аббатства», беспочвенных людей (название одного из сборников Вильдрака «Песни разочарованного» представляется очень типичным), окрашена смутной неудовлетворенностью, которую нельзя даже назвать пессимизмом; она для этого слишком расплывчата» (Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1930. Стлб. 8).

Безусловно созвучна с этими настроениями и книга стихов Н. Деникера, имевшего деловые контакты со своими издателями начиная со второй половины 1907 г. (в пространном списке 47-и «членов-посетителей» «Аббатства» в архиве А.Мерсеро, доведенном до июля 1907 г., имя Деникера не значится (см.: Petronio A. Vérités sur et autor de la Libre Abbaye de Créteil. Paris, 1973); предположение Г.П.Струве (Неизд 1980. С. 170) о том, что Деникер формально принадлежал к «Аббатству» нужно признать ошибочным). Заманчиво предположить, что именно Деникер тогда же познакомил с участниками «Аббатства» и Гумилева, однако документально это не подтверждено. Тем не менее, он присутствовал при встрече Гумилева с А. Мерсеро (по всей вероятности — на Soirées у художницы Е.С. Кругликовой в организованном ею «Русском Артистическом Кружке» (см.: Труды и дни. С. 179). Мерсеро некоторое время жил в Москве и имел многочисленные «русские» литературные и личные связи: помимо уже упомянутых «толстовских» увлечений, он являлся поклонником и знакомым Брюсова, под псевдонимом Eshmer-Valdor сотрудничал как критик в «Весах» (1906. №№ 5, 9; 1907. № 1; под псевдонимом) и как штатный переводчик — в «Золотом Руне»; в 1907 г. он вернулся в Париж с русской женой, не знавшей по-французски. В библиотеке Гумилева имелась его книга «Gens de la et d'ailleurs» («Люди оттуда и из других мест»: Paris: L'Abbaye, 1907) с автографом: «M. Goumileff. Hommage cordial. Al. Mercereau, 1908. 88 B.-de Port Royal» («М-сье Гумилеву. Сердечный поклон. Ал. Мерсеро, 1908. 88 Бул. де Пор Ройаль»). Вместе с Деникером Гумилев бывал и у Р. Гиля (см. № 26 наст. тома), которого поэты «Аббатства» считали своим учителем и были завсегдатаями на его «пятницах». Помимо того, как сообщает П.Н. Лукницкий (Жизнь поэта. С. 56) Гумилев тогда же «охотно посещал дорогие кафе Closerie des Lilas и Café d'Opéra», а первое из них было излюбленным местом встреч этой группы поэтов; там же по вторникам «принимала» редакция «Vers et Prose» (см. выше). Деникер, Аркос и Мерсеро наносили визиты супругам Гумилевым во время их свадебного путешествия в Париж в 1910 г. (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 175). Следы парижских встреч 1907-1908 гг. наблюдаются и в дальнейшей биографии поэта: с Вильдраком Гумилев как будто дружил в 1917 г. (см.: СС IV. С. 542), а в последний год жизни, в статье «Анатомия стихотворения», говоря о акмеистическом «равновесии» в подходе ко всем аспектам поэтического творчества, Гумилев одобрительно упомянул о «распавшейся ныне группе Abbaye» (см. с. 242 т. VII наст. издания). Однако Деникер в биографии Гумилева больше не фигурирует. Стр. 10-11. — Ср. впечатления А. Сальмона о «белых излияниях» этого «поэта Луны», переданных «в соответствии с классическими правилами» (Salmon A. Souvenirs sans fin... С. 65). Гораздо более сдержанный отзыв о ранней поэзии Деникера принадлежит Р. Гилю, рецензировавшему его «Poèmes» для «Весов»: «В коротеньких поэмках, собранных в его первой книге, еще слишком много случайного, чтобы можно было выяснить общие тенденции его поэзии. Направление его мысли еще не определялось, и его ритмика еще не выработалась. Но мы полагаем, что Деникер должен быть осведом-

лен о великом поэтическом движении недавнего прошлого, так как он дебютировал в журнале «Vers et Prose»... <...> Ему предстоит, прежде всего, овладеть техникой своих предшественников и выяснить самому себе свою индивидуальность, чтобы перейти к широким синтетическим обобщениям поэзии завтрашнего дня» (Ghil Renй. Новые сборники стихов. Письмо из Парижа // Весы. 1908. № 3. С. 117). Стр. 13. — Переводы Гумилева из Н. Деникера неизвестны. Стр. 14. — О публикациях Гумилева в «Слове» см. комментарии к № 1 наст. тома. Издание литературных приложений («Понедельников») газеты прекратилось на номере от 3 июля 1906 г. В «Слове» также печатались стихи и критические заметки В. Кривича. Стр. 22. — Имеется в виду поэт и переводчик С.В. фон Штейн (см. комментарии к № 1 наст. тома и выше в настоящем комментарии). Возможно, в отличие от Кривича, Штейн оказался более аккуратным корреспондентом-критиком Гумилева, и между ними завязалась регулярная переписка. По крайней мере, Ахматова (как это можно понять из ее письма от 2 февраля 1907 г.) считала Штейна осведомленным в том, «что и как теперь пишет» Гумилев (Новый мир. 1986. № 9. С. С. 202-203). Однако, как вспоминал С.В. фон Штейн, после первых лет литературной деятельности Гумилева «стало все более чувствоваться для меня до сих пор причинно непонятное расхождение между нами — и с течением времени оно росло, а не уменьшалось. Интимно приязненны друг к другу мы не были никогда» (Последние известия (Таллинн). 16 сентября 1922). В 1921 г. Штейн эмигрировал; жил в Тарту, был приват-доцентом Тартуского университета, участвовал в редакции газеты «Последние известия», в 1931 г. выпустил в Риге книгу «Пушкин-мистик». Умер в Германии. Стр. 24. — Инна Андреевна фон Штейн (урожденная Горенко, 1885-1906) — первая жена С.В. фон Штейна, старшая сестра Ахматовой, — умерла в Сухуми от туберкулеза легких, 15 июля 1906 г. (см.: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 22, 24). Стр. 31. — О «гимназической лени» свидетельствуют ежегодные своды отметок, подробно приводимые П.Н. Лукницким в «Трудах и днях» (С. 153-168). Ср. также отзывы о Гумилеве его бывшего учителя Ф.Ф. Фидлера (Азадовский К.М. Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева (Вокруг дневников и альбомов Ф.Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 172-173, 178-179). Стр. 32. — Наталья Владимировна Анненская (урожденная фон Штейн, во втором замужестве — Хмара-Борщевская, 1885-1975), жена В.И. Анненского-Кривича, сестра С.В. фон Штейна; после разрыва с Кривичем (1915) вышла вторично замуж за его племянника В.П. Хмара-Борщевского. Известны два ст-ния Гумилева, вписанные в ее альбом 21 января 1906 г.: «Искатели жемчуга» и «В этом альбоме писать надо длинные, длинные строки, как нити» (№№ 42, 43 (I)); второе из них носит посвящение «Наталье Владимировне Анненской». Ей же посвящено ст-ние «Заводи» (1908) (№ 118 (I)). Стр. 37. — «Шутка Гумилева, не принадлежавшего ни к каким политическим партиям, обыгрывает и популярность партии октябристов в Царском Селе. С этим кругом царскоселов Гумилева были частые стычки. Орган октябристов, газета «Царскосельское дело», в 1908-1910 гг. постоянно травила поэта» (НП. С. 54).

Стр. 39-40. — Дина (Надежда) Валентиновна Анненская (урожденная Славицкая, в первом замужестве Хмара-Барщевская, 1841—1917) — жена И.Ф. Анненского, мать Кривича. По воспоминаниям О.А. Федотовой, «она с большим уважением относилась к мужу, говорила, что «Кеня» гениальный человек, что много пишет, но его литературные труды нельзя печатать, так как они нашей эпохе непонятны, что он, «Кеня», живет «целым веком» вперед» (цит. по: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 78). Кривич жил в это время вместе с родителями в доме Эбермана у Московских ворот (см.: Бунатян Г.Г. Город муз. СПб., 2001. С. 242-243). Стр. 44-83. — № 50 (I). В слегка исправленном виде это ст-ние было также послано Брюсову в письме от 12/25 ноября 1906 (№ 8 наст. тома; в комментарии к ст-нию в т. 1 наст. изд. (С. 377) допущена ошибка в датировке письма Брюсову). Стр. 84 -107. — № 51 (I), автограф 1.

6. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Graham 1983 -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386.84.18. В стр. 41 после «должны» стоят слова «производить должны» (неудаленная описка)

.Дат.: 17/ 30 октября 1906 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 28. R. DE PONTOIS 30.10.06. Штемпель московской экспедиции городской почты — 20.10.06.

Стр. 4 — 5. — Ср. запись П.Н. Лукницкого, относящуюся к гумилевскому пребыванию в Париже в 1910 г.: «... самым любимым занятием Гумилева была покупка книг. <...> И в Париже он не изменил себе: пропадал у букинистов на берегу Сены, в крошечных магазинчиках Латинского квартала и громадных книжных магазинах на Больших бульварах, на Монпарнасе <...> Целый ящик книг он отправил в Россию — там были все новые французские поэты, был и Маринетти <...> и другие» (Жизнь поэта. С. 107-108). Упомянутое «изящество» издания может быть воспринято как уайльдианская реминисценция: в начале четвертой главы «Портрета Дориана Грея» О. Уайльда герой в ожидании лорда Генри «томными пальцами перелистывает роскошно иллюстрированное издание «Манон Леско»». (об увлечении Гумилева «эстетством» О. Уайльда см. №№ 44 и 57 наст. тома и комментарии к ним). Образность романа аббата Прево (Prévost; 1697-1763) упоминается в «Надписи на книге» М.А. Кузмина (1909), обращенной к Гумилеву, и «Надписи на книге» самого Гумилева (1912), обращенной к Г.В. Иванову (см. Соч III. С. 458, 572). Стр. 9-10. — «К сожалению, до нас не дошли именно те брюсовские письма, которые Гумилев оценил особенно высоко и перечитывал много раз. Но все же определенное представление о советах, даваемых мэтром, можно

получить по ответам его адресата. Поэтическая выучка у Брюсова начиналась с технического усовершенствования стихотворной формы. <...> Упреки Брюсова в однообразии размеров и неточности рифм <...> заставили Гумилева не только искать путей расширения метрического репертуара, но и вырабатывать собственную трактовку размеров. Так, он связывал хорей с половым началом, в ямбе он видел «волевой характер»...» (ЛН. С. 402). Стр. 13. — Имеется в виду брюсовский перевод стихотворения Э. Верхарна «К северу» («Два моряка возвращались на север...»), вошедший в кн.: Верхарн Э. Стихи о современности. М.: «Скорпион», 1906. В РНБ хранится том «Стихов о современности» с дарственной надписью Брюсова Гумилеву 1907 г. (см.: Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 9. 1982. P. 401). О Верхарне в этом контексте см. № 11 (VII) и комментарий к нему. Стр. 14 -15. — См. комментарии к стр. 16 № 1 наст. тома. Литературное приложение к газете «Слово» прекратилось 3 июля 1906 г. на № 19. Стр. 24. — Имеется в виду вторая книга стихов Вяч. И. Иванова «Прозрачность» (М.: «Скорпион», 1904). В 1912 г. Гумилев следующим образом подытожит свое отношение к «загадке» ивановской поэзии: «Конечно, крупная, самобытная индивидуальность дороже всего. Но идти за ним другим, не обладающим его данными, значило бы пускаться в рискованную, пожалуй, даже гибельную авантюру» (стр. 56-59 № 43 (VII); см. также №№ 32, 43, 57, 60 (VII) и комментарии к ним). Стр. 26-28. — Неточно приведенная первая строфа из ст-ния «Beethoveniana»: в ст. 2 вместо «землею» у Иванова — «землей»; четвертая строка Иванова: «И прозрачный грустит Зевес». Стр. 28-29. — о значении дольника в последующих исканиях Гумилева см.: Зобнин. С. 72-77. Ср. в «манифесте» Гумилева: «...Акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более, чем когда-либо, свободной перестановкой ударений...» (№ 56 (VII)). Стр. 29-30. — Начальные строки ст-ния Вяч. И. Иванова «Пан и Психея», тоже неточно процитированные Гумилевым: у Иванова: «Я видел: лилею в глубоких лесах / Взлелеял Пан». Стр. 30-31. — Это ст-ние в «Прозрачность» не входило. Оно было впервые опубликовано в статье Вяч. И. Иванова «Копье Афины» (Весы, 1904. № 10); под заглавием «Subtile virus Caelitum» вошло затем в «Северные Цветы ассирийские» (М.: «Скорпион», 1905) и в раздел «Arcana» кн. 2 «Cor Ardens» (М.: «Скорпион», 1911). Стр. 36. — Строфа из приложенного к настоящему письму стихотворения «Император» (первый вариант ст-ния «Каракалла»(№ 53 (I)). Стр. 42-43. — Р.Д. Тименчик приводит следующую любопытную цитату в качестве комментария-параллели к данному месту: «Это старое положение Мориса Граммона, к нашему удивлению, встречается и у новейших исследователей стиха: «Носовые гласные преобладают у французов главным образом в эротической поэзии. Пронос здесь передает гнусавость, которая возникает при слюноотделении, вызванном любовным томлением (I. Fynagy)» (Иржи Левый. Искусство перевода. М., 1974.)» (цит. по: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. II // Russian Literature. 1977. № V (3). С. 297-298). Стр. 44-46. — Фра Джованни да Фьезоле (Между 1395 и 1400—1455) — знаменитый итальянский живописец Раннего Возрождения монах-доминиканец, настоятель монастыря Сан Марко во Флоренции,

прозванный за добродетельную жизнь ангелоподобным (Беато Анжелико). Возможно, что интерес к красочной гамме великого итальянца возник у юного Гумилева под влиянием ст-ния Бальмонта «Фра Анджелико»:

Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном...

(см.: Бальмонт К.Д. Будем как солнце. М., 1903. С. 223). Р.Д. Тименчик указывает и на бальмонтовский перевод книги Р. Муттера «История живописи» (СПб., 1901. Часть первая) как на возможный источник подобной «цветописи»: «Для изображения мира ангелов, для выражения своего настоящего внутреннего мира [Фра Анджелико] нашел и вполне подходящую красочную гамму, нежную и радостную, состоящую из светло-синей краски, ликующе-красной, белокурой, светящейся, как медь, и наконец, золотой, обдающей небожителей сияющим блеском» (Цит. по: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме (II) // Russian Literature. 1977. № V (3). С. 297; см. также с. 287). Творчество Беато Анджелико вообще было «знаковым» для русских писателей «серебряного века»: в печати этого времени даже возникла полемика по вопросу о близости его живописи «здоровому русскому вкусу» (см.: ЛН. С. 419). Ст-ние Гумилева «Фра Беато Анджелико» (1912) стало одним из «стихотворных манифестов» акмеизма и вызвало полемику с С.М. Городецким (см. № 84 (II) и комментарии к нему). Стр. 52-53. — Брюсов в своем подходе к технике стиха привык отождествлять понятие «хорошо» с понятиями «много и разнообразно» (см.: Гаспаров М.Л. Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (1910—1920-е годы) // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 15). Тема «освоения новых размеров» как особой формы «послушания» является одним из лейтмотивов переписки «учителя» с «учеником» (см. № № 13, 59 наст. тома). Стр. 54-55. — Ср. в «стиховедческом» контексте настоящего письма восторженную оценку заслуг Брюсова перед русской поэзией А. Белого в пространной статье-отзыве на сборник «Στέφανος» (М., 1906): «Валерий Брюсов — первый из современных русских поэтов. Его имя можно поставить наряду только с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом, Некрасовым и Баратынским. Он дал нам образцы вечной поэзии. Он научил нас по-новому ощущать стих. <...> Во взглядах на поэзию Брюсов произвел глубокий переворот. Этот переворот обусловлен рядом положительных завоеваний в области формы. Не только словом, но и делом показал Брюсов, что форма неотделима от содержания... <...> Брюсов первый поднял интерес к стиху. Он показал нам опять, что такое работа над формой. И многое, скрытое для нас в творчестве любимых отечественных поэтов, засияло как день. Брюсов не только явил нам красоту своей музы, но и вернул нам поэзию отечественную.

В последнем сборнике Брюсова с особенной яркостью определились детали его творчества. Любовь к слову самому по себе достигает здесь красот неописуемых. Брюсов первый из русских поэтов проанализировал бесконечно малые элементы, слагающие картину творчества. При помощи ничтожных средств достигает он наи-

более тонких эффектов. <...> Брюсов — первый из современных поэтов воскресил у нас любовь к рифме. Не он ли в «Urbi et orbi» щедрой рукой разбросал новые рифмы, тотчас подхваченные его учениками и подражателями. <...> Воскресив в нас любовь к рифме, Брюсов первый воскрешает перед нами понимание интимной жизни строчки. Своеобразный ритм его размеров углубляется гениальным подбором не только самих слов, но и звуков в словах...» (Белый А. Венец лавровый // Золотое Руно. 1906. № 5. С. 43-48). Стр. 56-60. — Гумилев и в последующей переписке неоднократно задавал Брюсову подобные вопросы о «содержании» своих стихов (см. №№ 45, 47 наст. тома) но, как справедливо замечают Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков (см.: ЛН. С. 404) вряд ли получал сколько-нибудь удовлетворявшие его ответы «мэтра». Демонстративное игнорирование «содержания» стихотворного текста и не менее демонстративный акцент на «технике» стиха — яркая черта «брюсовской школы». «Брюсов тщательно разбирал то, что ему читали. Разбор его был чисто формальный. Смысла стихов он отнюдь не касался и даже как бы подчеркивал, что смотрит на них, как на ученическое упражнение, не более. Это учительское отношение <...> сохранилось у Брюсова навсегда» (Ходасевич В.Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1997. С. 23). Подобную «формалистическую браваду» Ходасевич отмечает и в педагогической деятельности брюсовского «ученика», приводя в качестве доказательства рассуждения (полемически утрированные?) Гумилева о стихах С. Нельдихена: «Не мое дело <...> разбирать, кто из поэтов что думает. Я только сужу, как они излагают свои мысли или свои глупости. Сам я не хотел бы быть дураком, но я не вправе требовать ума от Нельдихена. Свою глупость он выражает с таким умением, какое не дается и многим умным. А ведь поэзия и есть умение» (Ходасевич В.Ф. Гумилев и Блок // Ходасевич В.Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1997. С. 88). Стр. 59. — Гумилев цитирует брюсовскую рецензию на ПК: «...в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов» (Весы. 1905. № 11. С. 68). Стр. 62-63. — Ср. со стр. 13-18 № 5 наст. тома. Стр. 64-66. — Возможно, что молчание Бальмонта отчасти объясняется возникшим у него к этому времени «озлоблением» против Брюсова и «Весов» (см.: Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 688, 690). Стр. 66-67. — Исходя из последующей переписки (см. № 10 наст. тома) можно предположить, что Брюсов рекомендовал Гумилева И.И. Щукину и Р. Гилю. Р.Д.Тименчик и Р.Л.Щербаков высказывают предположение, что Брюсов также предложил Гумилеву адреса представителей «Аббатства» (см. ЛН. С. 419 а также коментарии к № 5 наст. тома), которых он в это же время упоминал в письме к проживающему тогда в Париже А. Белому: «Не верьте <...> что Париж — город старомодный. Он старомоден в целом, но в нем есть круги, есть люди, которые *впереди* всей современности. Их надо найти. Таково, например, общество «Abbaye» и его поэты: Arcos, Duhamel и др. Хотите, пришлю адреса» (Переписка <В.Брюсова> с Андреем Белым (1902-1912) / Вст. статья и публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Валерий Брюсов. М. 1976. (Литературное наследство. Т.85). С. 402). В этом письме, написанном осенью 1906 г., Брюсов рекомендует А. Белому и Гумилева:

«Если Вам можно, познакомьтесь; <...> кажется, талантлив, и во всяком случае молод». Стр. 68-70. — О рекомендательном письме к З.Н. Гиппиус и визите к Мережковским см. № 10 наст. тома. Стр. 70-71. — Ни Вяч. И. Иванова, ни М.А. Волошина в это время в Париже не было и личное знакомство Гумилева с обоими поэтами произошло только после возвращения из-за границы, уже в Петербурге: с Ивановым в ноябре 1908 года, а с Волошиным — в феврале 1909-го. Отмеченный во многих жизнеописаниях Гумилева факт общения его с Волошиным во время «первого Парижа» следует, вероятно, рассматривать как «мемориальный фантом» (см. Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877-1916. СПб., 2002. С. 217). Стр. 71-73. — К.Д. Бальмонт в это время, действительно, жил в Париже — в квартире, которую ему передал покинувший Францию в июне 1906 г. М.А. Волошин (см. Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина... С. 159), и, по сведеньям П.Н. Лукницкого это парижское «поэтическое свидание» Гумилева как раз состоялось у художницы Е. С. Кругликовой в первые месяцы 1908 г., продемонстрировав лишний раз истину о том, что человек предполагает, а Бог располагает (см.: Труды и дни. С. 179). Впрочем, в творческой судьбе юного поэта эта встреча не сыграла сколь-нибудь значительной роли (см. комментарии к № 10 (VII)). Стр. 74-79. — Из трех упомянутых Гумилевым тем «дуэльная» тематика была сразу «забракована» Брюсовым в ответном письме (см. № 1 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). «Культура любви» была, по-видимому, написана (или, по крайней мере, написана вчерне — см. № 8 наст. тома), однако текст ее не сохранился. Что же касается «Костюма будущего», то этот замысел Гумилева соответствовал направлению тогдашнего «эстетизма» (см.: Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 321). Однако замысел «Костюма будущего» остался неосуществленным. Стр. 80-82. — О встрече Гумилева с французским поэтом-парнасцем Леоном Дьерксом (Dierx; 1838-1912) см. № 8 наст. тома. Стр. 82-83. — М.Ф. Ликиардопуло — секретарь редакции «Весов» (см. комментарий к № 46 наст. тома). По всей вероятности, Гумилев обратился к нему с просьбой о высылке гонорара за «летние» стихи (см. комментарий к № 1 наст. тома). Стр. 89-109. — № 52 (I), автограф 1. Стр. 110-162. — № 53 (I), автограф 1. Стр. 163-188. — № 47 (I), автограф. В четвертой строфе Брюсов отметил как неудачные первые два стиха (стр. 179-180). Гумилев переделал эту строфу при публикации в журнале «Перевал» (1907. № 11). Уже после выхода в свет первого тома наст. изд. Н.А. Богомолов указал на несомненную связь этого ст-ния с «Тайной Доктриной» Е.П. Блаватской (Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 124. См. также: с. 286 т. VI наст. исздания. Стр. 189-213. — № 51 (I), автограф 2. Брюсов отметил как неудачные рифмы первой строфы «перестаньте» и «Данте» (стр. 190-192), однако Гумилев, обычно учитывающий его критику, на этот раз сохранил первоначальный текст.

7. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Graham 1983 -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без ст-ния); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 20.

Дат.: 29 октября / 11 ноября 1906 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл.. д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 28. R. DE PONTOIS 11.11.06. Штемпель московской экспедиции городской почты — 10.11.06.

Стр. 4-6. — Вопрос Брюсова «о влиянии Парижа на внутренний мир» молодого поэта неожиданно перекликается с главным мотивом будущей рецензии Анненского на РЦ 1908 (см. № 57 наст. тома и комментарии к нему). Любопытно, что двумя неделями спустя свое мнение о подобном «влиянии» Брюсову высказывал в письме и Андрей Белый: «Мне ужасно спокойно и тихо в Париже. Париж-Вавилон мелькает передо мной иногда и как панорама только. Вообще же Париж прост, здоров и вовсе не соблазнителен, но хорош и располагает к тишине» (Переписка [В. Брюсова] с Андреем Белым (1902-1912) / Вст. статья и публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Валерий Брюсов. М. 1976. (Литературное наследство. Т.85). С. 402). Стр. 6-12. — Гумилевское упоминание о «парижских мелочах», как о панацее от излишнего «оккультного энтузиазма» весьма знаменательно в плане изучения духовных исканий юного поэта в важнейший для него период творческого самоопределения. Оккультные мотивы играют важную роль в юношеском «неоромантизме» Гумилева, во многом определяя его позицию «ученика символистов». Ср. известную дневниковую запись Брюсова от 15 мая 1907 г.: «Приезжал в Москву Н. Гумилев. <... > Сидел у меня в «Скорпионе», потом я был у него в какой-то скверной гостинице <...> Говорили о поэзии и оккультизме. Сведений у него мало. Видимо, он находится в своем декадентском периоде. Напомнил мне меня 1895 г.» (Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 157). Брюсовское упоминание о «неосведомленности» Гумилева в оккультных науках здесь следует скорректировать: разумеется, на фоне огромной эрудиции Брюсова в этой области (см., напр.: Богомолов Н.А. Спиритизм Валерия Брюсова. Материалы и наблюдения // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М. 1999. С. 279-310) «ученик» мог казаться «профаном». Однако о значительной «начитанности» юного поэта в этой сфере ярче всего свидетельствуют его стихотворения «первого парижского периода» (см.: Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. Гл. 1; Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм... С. 121-126), большинство из которых вошло в переписку с Брюсовым, а также — и, как кажется, прежде всего, — его «парижская» художественная проза (№№ 1-3 (VI); см. пространные комментарии к ним в т. VI наст. изд.). Но конечно, как справедливо констатирует Н.А. Богомолов: «...современный Гумилеву оккультизм <делился> на

громадное число школ и частных «наук», среди которых были как вполне традиционные, типа магии (как белой, так и черной), алхимии, истории тайных обществ и пр., так и достаточно новые, как вегетерианство <...> гомеопатия, йога и т.д. Вряд ли можно полагать, что многие современники, в том числе и Гумилев, владели системой оккультных знаний во всем его объеме, если такая система вообше существовала» (Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм... С. 114). С другой стороны, элемент ироничного скептицизма, который намечается в данном письме («оригинально задуманный галстух или удачно написанное стихотворение может дать душе тот же трепет...»), уже допускает двоякую трактовку: и как осторожное, глубоко серьезное утаивание потаенного, того, что требует принципиальной скрытости (см. ниже); и как предвосхищение достаточно скорого разочарования в «тайной доктрине» (ср.: «о котором так некрасноречиво трактует...»). Стр. 9-10. — Как отметил Н.А.Богомолов, в этих строках присутствуют прямые «оккультные» реминисценции: «...Автоирония становится не очень понятной, если не учесть один из пассажей «Эзотерических бесед» Папюса: «...каким путем должен человек развивать в себе те чудесные способности, которыми желал бы обладать каждый? Прежде всего — это Магия! Человеческое существо всегда старается чем-либо отличиться от себе подобных. Один надевает красивый галстух и воротнички удивительной белизны, если это в его силах; другой — заставляет о себе говорить выдающимися поступками или какимнибудь другим способом; третий, наконец, старается достигнуть обладания магической силой, и эта мечта действовать на невидимое соблазняет очень многих». Иронизируя над оккультными опытами, Гумилев в то же время в своей биографии пытается соединить все три названных Папюсом пути к отличию от других, прибавляя сюда еще и поэзию, о которой эзотерик не говорит ничего» (Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм... С. 125-126). Стр. 11. — В связи с упоминанием о «вызывании мертвецов» уместно привести воспоминания О.Л. Делла-Вос-Кардовской, относящиеся ко времени возвращения Гумилева из Парижа в 1908 г.: «Помню, как он однажды очень серьезно рассказывал о своей попытке вместе с несколькими сорбоннскими студентами увидеть дьявола. Для этого нужно было пройти через ряд испытаний — читать каббалистические книги, ничего не есть в продолжение нескольких дней, а затем в назначенный срок выпить какой-то напиток. После этого должен был появиться дьявол, с которым можно было вступить в беседу. Все товарищи очень быстро бросили эту затею. Лишь один Н.С. проделал все до конца и действительно видел в полутемной комнате какую-то смутную фигуру» (Жизнь Николая Гумилева. С. 31-32. Ср. также № 2 (VI), ст. 1-7). Как отметил М. Баскер, «классическим» объектом некромантических стараний оккультистов являлась царица Клеопатра (Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. С. 20). Стр. 12. — Элифас Леви (Lévi; настоящее имя Альфонс Луи Костан (Constant; 1810-1875)) — расстриженный католический священник, оккультист и писатель, популяризатор оккультизма, центральная фигура т.н. французского «оккультного возрождения» XIX в. Его главные труды: Histoire de la Magie, avec une exposition claire et précise de ses procédés, de ses rites et de ses mystères. Paris, 1860;

Dogme et rituel de la Haute Magie. Paris, 1861. О его широком влиянии как на оккультное движение XIX века, так и на творчество многих западно-европейских писателей,см.:Carlson Maria. Fashionable Occultism. Spiritualism,Theosophy,Free masonry, and Hermeticism in Fin-de-Siècle Russia // The Occult in Russian and Soviet Culture. Ithaca and London. 1997. Pp. 150-151. Подробный разбор некоторых точек соприкосновения с работами Леви в творчестве Гумилева см. в комментариях к № 4 (V), и главах 1 и 4 упомянутой выше монографии М. Баскера «Ранний Гумилев: путь к акмеизму». Гумилев был лично знаком с учеником Э. Леви Папюсом (см. с. 283-284 т. VI наст. издания). Можно даже предполагать, что непосредственно связанное с Леви и его последователями представление о французской столице, как центре оккультных наук в значительной степени предопределило выбор Гумилевым его «места учебы». (см.: Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм... С. 116). Стр. 14. — «В неподписанной заметке «Весы» сообщали: «При Парижском Осеннем Салоне, в Grand Palais, С.П.Дягилевым устраивается особый отдел — выставка русского искусства, где, по мере возможности, будут представлены все течения и школы, начиная со времен императрицы Екатерины II и кончая нашими днями» (1906. № 7. С. 80). О выставке, открывшейся 6 октября 1906 г., довольно резко отозвался в двух первых номерах гумнлевского журнала «Сириус» М. В. Фармаковский. В заключеиие своего обзора он утверждал, что «русская выставка в Париже никого не удовлетворила: ни иностранцев, которые не знают русской живописи и получили франко-итальяиско-назарейско-петергофский букет с несколькими чуждыми и непонятными расстениями, ни русских художников и любителей русского искусства, живущих в Париже, которые увидели всю нелепую претенциозность господ устроителей» (Сириус. 1907. № 2. С. 10). Оценка эта не отличалась объективностью (см. заметку «Парижские газеты о русской выставке»: Золотое Руно. 1906. № 11-12. С, 133-134)» (ЛН. С. 422). Стр. 17-18. — Как отмечают Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков, Федор Сологуб на самом деле откликался «чрезвычайно редко на события в мире изобразительных искусств, причем его выступления, как правнло, были весьма далеки от мистицизма» (ЛН. С. 422). Стр. 18-19. — Профессиональный художник и художественный критик М.А. Волошин помещал в это время в модернистской периодике регулярные отчеты о выставках, салонах и вернисажах (см., напр., его статьи — Первая выставка Интернационального Общества акварелистов // Золотое Руно. 1906. № 3. С. 95-98; Весенние Салоны 1906 г. // Двадцатый век. 5 (18) июня 1906. № 67; Письмо из Парижа. Национальный салон 1906 г. // Весы. 1906. № 9. С. 37-42). Стр. 19-21. — По сообщению Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова: «М.А. Врубель на выставке был представлен 29 работами — портретами Н.И. Забелы-Врубель и В.Я. Брюсова, триптихом «Воскресение» («Ангел смерти»), эскизом «Поверженному Демону» и другими; А.Н.Бенуа — 23 картинами; Н.П. Феофилактов в списке экспонентов не значится» (ЛН. С. 422). Стр. 26-29. — Возможно, что в этом определении слышится отзвук впечатлений от стихов Деникера («при красивой простоте стиля много красивых и интересных сопоставлений и образов и полное

отсутствие тех картонажных эффектов, от которых так страдает новая русская поэзия») или разговоров с ним по поводу новой группировки «Аббатства» (см. № 5 наст. тома и комментарии к нему). Статья Гумилева на такую тему неизвестна. Стр. 31. — Упоминание о неких «уже намеченных» «статьях об искусстве» есть образец «благих намерений» брюсовского «ученика». На самом деле гумилевские статьи об искусстве явились только через год — см. №№ 2-4 (VII) и комментарии к ним, а также №№ 25, 26, 37, 40 наст. тома. Стр. 32-33. — Естественно предположить, что здесь подразумевается ранняя несохранившаяся драма Гумилева «Шут короля Батиньоля» (см. вступительную статью к т. V наст. изд., с. 399-400); однако не исключено, что этот замысел возник чуть позже, в связи с визитом к Л. Дьерксу (см. № 8 наст. тома и комментарии к нему). Стр. 41-60. — № 54 (I), автограф 1 (см. т. I наст. изд., с. 293-294; пометы Брюсова на рукописи см. с. 382). Стр. 61-84.— № 55 (I).

8. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Graham 1983 -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ.386.84.18

Дат.: 12/ 25 ноября 1906 г. — авторская датировка.

Ответ Гумилева на письмо Брюсова от 2 / 15 ноября 1906 г. (№ 1 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома). Письмо вложено в конверт, адресованный: «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. указано место отправления: Paris. 28 R. de Pontoise. Штемпель почтового отделения Парижа — срезан с маркой, штемпель московской городской почты — 17.11.06.

Стр. 13-14. — О первых стадиях работы Гумилева над художественной прозой см. т. VI наст. изд., с. 247. Менее, чем через три месяца спустя, — под псевдонимом А. Грант, — он опубликует в журнале «Сириус» ряд прозаических вещей (№№ 1-3 (VI)); см. также №№ 11, 12 наст. тома). Стр. 16-18. — Так же, как его учитель и друг Леконт де Лиль, поэт-парнасец, музыкант и художник Леон Дьеркс (1838-1912) родился и провел юность на острове Реюньон, но затем обосновался в Париже, где после смерти С. Малларме в 1898 г. был избран «принцем поэтов». Искусствовед А. Сальмон, посетивший Дьеркса в 1906 или 1907 г., оставил любопытные воспоминания об этом визите: «Очень старенький, маленький человечек в старой, маленькой квартире, в Батиньолях, на улице Дам (aux Batignolles, rue des Dames). Старенький маленький парижанин, — и своего рода великий человек. Великий дед поэзии, с еще достаточно длинными белыми волосами и печальными усами. <...> Более того, скажу с оттенком «драматического», что в момент нашего свидания его, меня едва рассмотревшего, уже почти ничего не отличало от короля Лира поэзии. Леон Дьеркс принял меня с большой добротой. Он рассказал мне какие-то истории. Он захотел показать мне несколько курьезов своей библиотеки —

букинистические книжки в плачевном состоянии, обогащенные блистательными надписями. Оттого, что он был почти слеп, оттого, что не было почти ничего мрачнее этого обиталища старого поэта, <...> он взял с маленького столика керосиновую лампу, зажженную в два часа дня, — и ухитрился лишь — зажечь штору на окне. <...> Но старый, бедный, почти слепой Леон Дьеркс, который, дрожа, зажег свою штору, пытаясь показать мне свои ободранные сокровища, был весьма далек от старческого маразма. <...> Я сохранил память бесконечного благородства, достоинства человека, жившего для поэзии, никогда не спросившего себя, есть ли у него читатели или нет, и нисколько об этом не беспокоившегося...» (Salmon A. Souvenirs sens fin. Première époque (1903-1908). Paris,1955). Заманчиво думать, что посещение Гумилевым в Батиньолях престарелого «принца поэтов» — «короля Лира поэзии» — было связано с замыслом той драмы, о которой идет речь в настоящем письме. Стр. 18-19. — «Надежда», высказанная автором «Шута короля Батиньоля», не оправдалась: Брюсов, ознакомившись с текстом посоветовал «предать его забвению» (см. № 23 наст. тома). Летом 1907 г., после неудачной «читки» пьесы у Ахматовой на даче Шмидта под Севастополем Гумилев сжег рукопись (см.: Жизнь поэта. С. 48). Впрочем, в начале 1909 г. Гумилев передал восстановленный (или сохранившийся черновой) вариант «Шута...» А. М. Ремизову (см. № 10 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), однако помимо того, что Ремизову пьеса понравилась, сказать о ней более нечего — и этот вариант исчез. Стр. 19-20. — Интерес Гумилева — автора «Шута короля Батиньоля», — к театральным экспериментам Николая Николаевича Вашкевича примечателен. Созданный Вашкевичем в апреле 1905 г. «Театр трагедии» соперничал в известной мере со внешне сходным по эстетической программе «Театром-студии» В.Э. Мейерхольда и К.С. Станиславского (во главе литературного бюро этого последнего театра, как известно, стоял сам Брюсов). Вашкевич открыто признавал прямую зависимость своих сценических взглядов от современных ему символистских исканий и даже обратился к Вяч. И. Иванову за разрешением переименовать свой театр в «Дионисово действо» («название <...> которое выразит лучше всех сочетаний наши искания») (см.: Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 484). «...Н. Н. Вашкевич хотел противопоставить традиционному театру «театр внутренней душевной красоты», пантеистический «театр эмоций», обратить спектакль в некую «символическую условность», в «молитвенный акт, в котором все жизненное — житейское — отвергнуто как несущественное» ради того, чтобы на сцене возникали «отвлеченные теневые отражения форм жизни». В репертуарных планах фигурировали пьесы Д'Аннунцио <...>, Уайльда («Саломея»), Метерлинка («Смерть Тинтажиля»), Ведекинда, Гюисманса, а также «Три рассвета» К.Д.Бальмонта, которым открылся Театр трагедии, переименованный в «Дионисово действо». <...>. Афиша обещала, что зрелище соединит декламацию, музыку, пластику, живопись, световые эффекты, запах живых цветов (их раздавали зрителям — режиссер хотел воздействовать на зрение, слух и обоняние)» (История русского драматического театра. Т. 7. 1898—1917. М., 1987. С. 317-318). Однако начинание Вашкевича преследовали неудачи с самого начала.

Намеченное на декабрь 1905 г. открытие театра пришлось перенести, ибо обстановка уличных баррикадных боев в разгар Московского вооруженного восстания мало споспешествовала интересу к «дионисову действу». Не исключено что этот же исторический «контекст» повлиял и на печальный исход премьеры, состоявшейся 4 января 1906 г.: критики констатировали «сокрушительный провал» как этого, так и последующих представлений (см.: Театр и искусство. 1906. № 3. С. 42; Правда. 1906. № 2. С. 109), после чего театр прекратил свое недолгое существование. Гумилев, вероятно, судил о театре Вашкевича в основном по публикациям «Весов», которые первоначально отнеслись к этому начинанию благосклонно (см. анонимные заметки «Театр эмоций» (Весы. 1905. № 4. С. 75-76) и «Дионисово действо современности» (Весы. 1905. № 8. С. 72)). Однако сам Брюсов написал резко отрицательную рецензию на эстетический манифест Вашкевича (Весы. 1905. № 9-10. С. 92-95), а затем отрицательно оценил как постановку «Трех рассветов» (отметив, между прочим, что «настроение в зале было насмешливое») так и деятельность театра в целом (Аврелий [Брюсов В.Я.] Вехи. II. Искания новой сцены // Весы. 1905. № 12. С. 72-75). Стр. 24-26. — ср. пассаж о «новых рифмах» в стр. 10-21 № 6 наст. тома; подобные заявления —один из «сквозных мотивов» гумилевских писем к Брюсову. Стр. 26-27. — После приезда в Париж Гумилев отправил Брюсову четыре стихотворения в № 6 и два в № 7. Стр. 28-30. — Выражение «рыцари «Весов», по предположению Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова, «может быть, принадлежало И.И. Щукину, сотруднику журнала, проживавшему в то время в Париже» (ЛН. С. 424). Но настоящее письмо было написано, по всей видимости, еще до знакомства Гумилева с Щукиным, о «радушном приеме» у которого он упомянет только шесть недель спустя (см. № 10 наст. тома). Стр. 33-72. — № 50 (I), автограф 2 — с карандашными пометами Брюсова, отмеченными: т. I наст. изд., с. 377 (там же — неправильно указана дата настоящего письма вместо 12/25 ноября — 15 ноября).

9. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Graham 1983 (с неверной датировкой) -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84.20.

Дат.: 24 ноября / 7 декабря 1906 г. — авторская датировка.

Стр. 4. — К письму приложено ст-ние «Неоромантическая сказка»; что Гумилев подразумевал под «вторым стихотворением» — неизвестно. Стр. 7-9. — Об истории журнала «Золотое руно» см.: Лавров А.В. «Золотое Руно» // Русская литература и журналистика XX века. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 137-173). Просьбу Гумилева Брюсов по всей видимости проигнорировал. Брюсов регулярно печатался в «Золотом Руне» в течение всего 1906 г. (стихи, статьи, рассказ «Сестры»), но уже летом 1906 г. вспыхнул конфликт «весовцев» с издателем «Золотого Руна» Н. К. Рябушинским (см.: Богомолов

Н.А. К истории «Золотого руна» // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 41-57) и отношения Брюсова с журналом до конца года оставались достаточно напряженными (см. Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 293). Вопрос о публикации стихов Гумилева в «Золотом Руне» снова возникает в переписке с Брюсовым осенью следующего 1907 года, но к тому времени «весовцы» уже формально прекратили свое участие в журнале Рябушинского и перешли к открытой «конфронтации» (см. №№ 19, 20, 26, 30 наст. тома, и № 2 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву». Стр. 14-106. — № 56 (I), автограф 1 (см.: т. I наст. изд., с. 294-296).

10. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ.Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ.386.84.18.
Дат.: 26 декабря 1906 г. / 8 января 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа срезан с маркой. Штемпель московской экспедиции городской почты — 13.01.07.

Стр. 3-4. — Очевидно, имеется в виду обещанный Брюсовым «трактат о рифмах и размерах» (см. № 1 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Стр. 8-9. — Не исключено, что Брюсов собирался поехать в Париж вместе с родителями (см. комментарий к стр. 3-4 № 11 наст. тома). Однако, других упоминаний о таком намерении в его тогдашней переписке — в том числе и с проживающими в Париже А. Белым и З. Гиппиус — как будто не имеется. Вероятнее же всего, что слухи, дошедшие до Гумилева возникли как эффект «испорченного телефона»: 27 декабря 1906 / 9 января 1907 г. Брюсов писал Гиппиус о возможном визите к ней «по пути в Америку» его брата Александра (см.: Валерий Брюсов. Литературное наследство. Т.85. М., 1976. С. 689). Стр. 9-10. — См. комментарий к стр. 66-67 № 6 наст. тома. Стр. 12-13. — Лидия Микулич — псевдоним Лидии Ивановны Веселитской (1857-1936), автора популярной трилогии «Мимочка» (1883-1893), трактовавшей вопросы любви и семьи. Л.И. Веселитская проживала в Царском Селе и была знакома с семьей Гумилевых (ЛН. С. 428). Гумилев встречался с Микулич на царскосельских литературных собраниях (см. комментарий к №№ 2, 5 наст. тома) и в конце 1905 г. или в первые месяцы 1906 вписал ей в альбом ст-ние, помеченное «1905, 17 октября» («Захотелось жабе черной...» (№ 46 (I)). Стр. 13-41. — О визите Гумилева к Мережковским писалось очень много, начиная с развернутого комментария Г.П.Струве к настоящему письму (Неизд 1980. С. 155-162) — и кончая многочисленными «беллетризованными» гумилевскими биографиями последних лет. Помимо письма Гумилева, об этой трагикомической истории в брюсовской корреспонденции имеются свидетельства З.Н. Гиппиус в письме от 8/

21 января 1907 г (см. комментарий к стр. 59-61 № 11 наст. тома) и Андрея Белого в письме от 14/27 февраля 1907 г. («Познакомился с Гумилевым. Может быть, письма его интересны, но общий облик его — «панычи — ось *сосулька!*» (Гоголь. «Вий»), и *сосулька* глупая» (Переписка <В. Брюсова> с Андреем Белым (1902-1912) / Вст. статья и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов. М. 1976. (Литературное наследство. Т.85). С. 402)). Следует добавить, что Брюсов впоследствии ставил себе в заслугу, что он все же не поддался этому всплеску негативных эмоций. «Я взял под свое «покровительство» в редакции «Весов» Н. Гумилева — писал он в заметке 1913 г. — и решительно защитил его от столь же решительно отрицательных его оценок (которые высказывала, например, З.Гиппиус)» (<Об отношении к молодым поэтам> // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 206). Поведение Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869-1945) при этой первой встрече определило дальнейшее отношение к ней Гумилева. Лично они фактически не общались, хотя Гумилев анонимно послал «для отзыва З.Н. Гиппиус» свое стихотворение «Андрогин» незадолго до отъезда из Парижа в 1908 г. (см. № 38 наст. тома и комментарий к нему) — и получил на этот раз самые лестные оценки. Очень вероятно, что аноним был известен Гиппиус и она делала таким образом примирительный «жест», который Гумилев «мстительно» проигнорировал. Что касается отношения Гумилева-критика к творчеству З.Н. Гиппиус, то он отзывался о нем весьма редко и сдержанно (см. № 28 (VII) и комментарий к нему). Гиппиус, по-видимому, также надолго запомнилась нелепость первой встречи (см. комментарий к стр. 59-61 № 11 наст. тома), и она также в более поздние годы почти не отзывалась о Гумилеве; но, конечно, не могла не признать его литературное значение. П.Н. Лукницкий приводит рассказ об одном литературном собрании (?): «на Бассейной ул. (очевидно, имеется в виду в Доме литераторов, существовавшего с конца 1918 г. — *Ред.*), где З. Гиппиус оказалась рядом с ним, она очень кокетливо и игриво просила у него беспрестанно огня. Николай Степанович зажигал спичку, но не показывал вида, что узнает З. Гиппиус» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 193-194). Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940) — публицист и критик; о его совместной жизни с Мережковскими в эти годы см.: Зобнин Ю.В. Жизнь и деяния Дмитрия Мережковского. СПб., 2004. С. 143-145). В отличие от З.Н. Гиппиус Философов и в дальнейшем продолжал язвительно отзываться о «декаденте» Гумилеве (см.: Философов Д. Новая критика // Русское слово. 22 апреля 1911) и об акмеистах как «врагах символизма и художества вообще» (см.: Философов Д. Акмеисты и Н.П.Неведомский // Речь. 17 февраля 1913). Что же касается Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865-1841), то взаимная антипатия между ним и Гумилевым с этого момента сохранялась до конца жизни поэта, тем более что несколькими месяцами позже Мережковский наотрез отказался печатать произведения Гумилева (см. № 54 наст. тома и комментарий к нему). В критическом наследии Гумилева, включающем едва ли все «поэтические имена» эпохи, в том числе — не только «второго», но даже и «третьего» рядов — имя Мережковс-

кого не упомянуто ни разу (!), а уже перед самым трагическим концом, Гумилев (опять-таки не называя имени) упомянет о выступлениях Мережковского в эмигрантской прессе, как о действиях человека «не сознающего, что он делает или не уважающего самого себя» (см. № 171 наст. тома и комментарии к нему). Если учесть, что как раз в 1906-1907 гг. Мережковский в Париже лихорадочно ищет «учеников»-«неофитов», не гнушаясь заводить самые «невероятные» знакомства, то его откровенно-хамское поведение во время визита юного поэта кажется необъяснимым «затеменением разума». «Гумилев был едва ли не единственным из молодых писателей 1900-х годов, который мог бы действительно, без оговорок и серьезно принять «проклятые вопросы» Мережковского, как «свое». Вопрос о духовной состоятельности человека и человечества в нарождающейся апокалипсической цивилизации постиндустриальной эпохи для него с ранней юности был не темой для модных «декадентских» рассуждений, а действительно «самым нужным, хлебным, чревяным, плотяным, кровным...». Вступая в литературу, он сравнит себя с рыцарем, ищущим Божью правду, — «конквистадором в панцире железном», променявшим золото Эльдорадо на «звезду долин, лилею голубую», — и если он, по свидетельству Ахматовой, «мальчиком поверил в символизм, как люди верят в Бога», то, конечно, потому что думал: в символизме — Бог (здесь уж, наверное, не обошлось без чтения книг Мережковского) <...> Гумилев в 1907 году — tabula rasa, на нем можно было «написать» что угодно, тем более что он и сам того желал, целиком предоставляя себя в распоряжение maître'a. Мережковский, который мог возиться с десятками потенциальных «последователей» — вплоть до беглых «потемкинцев», — иметь дело с Гумилевым не захотел. Что произошло бы в противном случае — представить сложно (сослагательного наклонения история не имеет), но ясно, что русская культура XX века пошла бы по иному пути, нежели то получилось» (Зобнин Ю.В. Жизнь и деяния Дмитрия Мережковского... С. 163-165).». Об отношениях Гумилева с Андреем Белым см. комментарии к № 14 (VII) и комментарий к № 93 наст. тома. Стр. 26-27, 30-31. — Французское словосочетание bête noire означает «пугало», «жупел», «предмет ненависти»; фраза c'est ma bête noire — «как бельмо на глазу». Гумилев, как кажется, не до конца улавливал значения этой идиомы. Стр. 42. — Визит Гумилева к французскому поэту Р. Гилю состоялся лишь 9 октября 1907 г. (см. № 20 наст. тома и комментарий к нему; о «предыстории» этого первого визита см. также №№ 16, 19 наст. тома и № 3 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Стр. 43-44. — «Иван Иванович Щукин (1869-1908) — искусствовед, профессор филологии, живший постоянно в Париже с 1893 г. В «Весах» опубликовал 17 рецензий, автор книги «Парижские акварели» (СПб.: тип. А. С. Суворина, 1901). А. Белый описал его так: «...Иван Иванович Щукин, брат капиталиста московского; тот был брюнет; этот — бледный блондин; тот живой; этот — вялый;<...> в «Весах» появился ряд корреспонденций о Лувре за подписью «Щукин», написанных остро, со знанием дела; Иван Иванович служил в Лувре; он был награжден красной ленточкой (знак «легиона» почетного); он, давно переехав в Париж, у себя собирал образованных снобов, ученых, артистов, писателей» (Белый А.

Между двух революций. М., 1990. С. 155). Страстный коллекционер картин, Щукин истратил все состояние на покупку произведений искусства. Накануне банкротства он покончил с собой» (ЛН. С. 428; добавим, что все рецензии Щукина в «Весах» появились в №№ 1-7 за 1905 г. О его кончине см. комментарий к стр. 12-13 № 31 наст. тома). Стр. 44-45. — Поэт, драматург и философ Николай Максимович Минский (настоящая фамилия — Виленкин, 1855-1937), активный участник революции 1905-1907 гг., находился в то время в Париже в эмиграции. Встреча, должно быть, была мимолетной и Минскому не запомнилась. В воспоминаниях о Гумилеве Минский относит свое знакомство с поэтом лишь к 1914 г. (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 169-172). Непосредственных свидетельств о встречах Гумилева с Бальмонтом в годы «первого Парижа» нет, хотя возможно, что таковые — на уровне «салонного общения» и были. См. № 6 наст. тома а также комментарии к № 10 (VII). Стр. 46-53. — Имеется в виду журнал «Сириус». «Речь идет о Мстиславе Владимировиче Фармаковском (1873-1946) и А. И. Божерянове, отвечавших за критический и художественный отделы двухнедельного журнала искусства и литературы «Сириус». Кроме них, в оформлении журнала принимали участие художники Семен Исаакович Данишевский (1870-1944; № 1), Яков Иванович Николадзе (1876-1951; № 1) и А. Финкельштейн (№ 3). Вышло всего три номера, причем в последнем составе редакции Божерянов не значился» (ЛН. С. 428). Подробнее о журнале — «первом примере издательской деятельности поэта» — см: Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 г.) // Исследования и материалы. С. 310-316, а также комментарий к № 1 (VII). «На обложке указано, что «Сириус» — двухнедельный журнал. Но, вопреки распространенному мнению, появление трех номеров растянулось на три месяца. Первый номер вышел во второй половине января 1907 г.; второй, скорее всего, в феврале; третий — в конце марта — начале апреля» (Николаев Н.И. Журнал «Сириус»... С. 314). Стр. 54-55. — Брюсов на эту просьбу не откликнулся. Стр. 66-67. — В течение 1907 г. художественная проза Гумилева печаталась только в «Сириусе»; лишь в конце года в «Весах» появилась его заметка «Выставка нового русского искусства в Париже» (№ 3 (VII); Весы. 1907. № 11).

11. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386.84.18.
Дат.: 1/ 14 февраля 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». На конверте имеется надпись: «Paris De part» Штемпель почтового отделения Парижа — 18.02.07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 05. 02. 07. В подлиннике письма у Гумилева ошибка в дате — «14 *января*» (стр. 1). Датировка от 14 февраля соответствует почтовому штемпелю приложенного конверта и подтверждается содержанием (по сравнению с упоминанием журнала «Сириус» в № 10 наст. тома).

Стр. 3. — Имеются в виду сборник Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены (1901-1906)» (М.: «Скорпион», 1907) и очевидно открытка или фотокарточка портрета Брюсова, исполненного М. Врубелем по заказу Н.П. Рябушинского для «Золотого руна». Портрет был выставлен в Париже, на выставке Дягилева (см. комментарий к № 7 наст. тома; подробнее об этом портрете см. очерк Брюсова 1912 г.: «Последняя работа Врубеля» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 242-249)). Стр. 3-4. — Родители Брюсова — Яков Кузьмич Брюсов (1848-1907) и Матрена Александровна Брюсова (урожденная Бакулина, 1846-1920). Я. К. Брюсов продолжал родовое торговое дело, однако его «купечество» сочеталось с «интеллигентскими» наклонностями типичного «шестидесятника», над рабочим столом которого, по воспоминаниям сына, постоянно висели портреты Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева. Мать будущего «вождя символизма» также не была чужда словесности: ее отец Александр Яковлевич Бакулин активно занимался «сочинительством», писал романы, стихи и басни (страсть к писательству Брюсов унаследовал от деда). О родителях Брюсова см.: Брюсов В.Я. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М., 1927. С. 10-12; Брюсова И.М. Материалы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В.Я. Избранные стихи. М-Л., 1933. С. 119. «Я. К. Брюсов в январе-июле 1907 г. лечился во Франции. В феврале 1907 г. В. Брюсов писал отцу в Париж:

Парижанин новоявленный,
Вспомни град, тобой оставленный,
Здесь все то же до сих пор!
Все мы ждем, теряя веру,
Конституцию, холеру,
Патриарха и собор.

(ГБЛ. Ф. 386, 69.16. Л. 9).

До начала февраля 1907 г. вместе с Я.К.Брюсовым в Париже была и Матрена Александровна. 10 февраля она вернулась в Москву, но в мае снова выехала во Францию, чтобы сопровождать тяжело больного Якова Кузьмича при возвращении на родину» (ЛН. С. 430). Стр. 7-9. — Фотографическая часть гумилевской иконографии, действительно, поразительно скудна. Тем не менее «отвращение к фотографии» Гумилев переборол летом того же года, когда, по свидетельству Ахматовой, подарил ей в Севастополе свою фотокарточку — с надписью из «Жалобы Икара» Бодлера («Mais brulй par l'amour du beau / Je n'aurai pas l'honneur sublime / De donner mon nom a l'abome / Qui me servira de tombeau») (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 68). См. также рассказ О.А. Мочаловой о «фотографическом послании» Гумилева летом 1916 г. (№ 142 наст. тома и комментарии к нему). Стр. 9-11. — Скорее всего, под «знакомым художником» подразумевается «издатель» «Сириуса» М.В. Фармаковский (см. о нем № 2 (VII) и комментарии к нему). Однако его стилизо-

ванный портрет Гумилева «во фраке» (воспроизведенный на фронтисписе наст. тома), находящийся ныне в музее ИРЛИ, был написан лишь год спустя, в первые месяцы 1908 г. Стр. 11-13. — Хотя на титульном листе обозначен 1907 г., «Земная Ось» вышла в свет в декабре 1906 г.. Брюсов высылал экземпляры близким себе литераторам в первую декаду января 1907 г. Стр. 14. — Рассказ «Республика Южного Креста» был ранее опубликован в «Весах» (1905. № 12. С. 25-46; этот номер «Весов» вышел одновременно и как № 1 за 1906 г.). Стр. 14-15. — Рассказ «Теперь, когда я проснулся» был опубликован в альманахе: Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.,1902. С. 61-69. Стр. 15-18. — «Последние мученики» — единственный рассказ «Земной оси», ранее не издававшийся. Вопроса о «стильной прозе» касался сам Брюсов, отметив в «Предисловии» к своему сборнику, что рассказ «В подземной тюрьме»: «более напоминает стильные подделки Анатоля Франса, чем подлинные итальянские новеллы...». Статья Гумилева по-видимому не была написана (возможно — из-за скорого прекращения «Сириуса»). Стр. 18-21. — Возможно, что это первое критическое замечание Гумилева в адрес его учителя также было в какой-то мере подсказано «Предисловием» к «Земной оси». Ср.: «Никто не знает лучше меня и острее меня не чувствует недостатков этой книги. <...> Я чувствую, что на многих страницах мне не удалось выдержать единого стиля и что там, где мне приходилось говорить от своего лица, проза часто лишена той крылатости и той уверенности движения, которая необходима ей в не меньшей степени, чем стиху...». Короткий рассказ «Мраморная головка» (впервые — Русский листок. 6 января 1902. (№ 5) (в сущности, представляет собой монолог осужденного за кражу старика, представленный от первого лица «обрамляющим» его «адвокатом-повествователем». Стр. 21-23. — Эта просьба была проигнорирована Брюсовым. Стр. 30-31. — Ср. заметку «От редакции» в № 1 «Сириуса»: «Издавая первый русский художественный журнал в Париже, этой второй Александрии утонченности и просвещения, мы считаем долгом познакомить читателей с нашими планами и взглядами на искусство...» (см. стр. 1-3 № 1 (VII)). Не исключено, что уподобление «философам Александрии» было навеяно чтением эстетического манифеста О. Уайльда «Критик как художник» (см. комментарий к №№ 6 и 44 наст. тома; ср., к примеру: «...нет ни одной формы искусства, употребляемой в наши дни, которая не дошла бы к нам от критического духа Александрии, где эти формы либо стали шаблонными, либо были изобретены, либо усовершенствованы. Я говорю «Александрия» не только потому, что именно в ней греческий дух приобрел самосознательность, <...> но потому, что именно к этому городу, а не к Афинам, обратился Рим за своими прообразами, а благодаря выживанию латинского языка <...> уцелела и вся наша культура»). Стр. 43. — Новообразование «интерность» произведено Гумилевым от франц. «interne» — «внутренний» и означает, очевидно, «скованность», косность (см.: ЛН. С. 429). Впрочем, возможно это описка Гумилева и данное слово следует читать как «инертность» Стр. 44-47. — Возможно, что из этого первоначального замысла возникли впоследствии стилизо-

ванные скорее под романы В. Скотта рассказы «Золотой рыцарь» и «Дочери Каина» (см. №№ 5 и 6 (VI) и комментарии к ним; см. также с. 309-310 т. V наст. изд.). Стр. 48-50. — По поводу этих строк П.Н. Лукницкий писал: «Гумилев не умел отступать перед неудачами — они распаляли его. Все горести, провалы, отчаянья он пытается обратить себе на благо, все обогащает душу, и поэтому неудач — нет, они — лишь барьер перед новой высотой» (Жизнь поэта. С. 45). И, действительно, менее чем через год он пишет Брюсову, что чувствует себя в состоянии «исполнить Вашу просьбу и в неограниченном количестве присылать статьи, рассказы и пр.» (см. стр. 17-19 № 25 наст. тома). Стр. 56-58. — Следующая публикация стихов Гумилева в «Весах» состоялась в седьмом (июльском) номере за 1907 г., в который вошли ст-ния: «Императору» (№ 52 (I)), под заглавием «Императору Каракалле»), «Каракалла» (№ 53 (I)), под заглавием «Император») и «Маскарад» (№ 62 (I)) (Весы. 1907. № 7. С. 9-14). Стр. 59-61. — З.Н. Гиппиус изложила свои впечатления от визита Гумилева в письме к Брюсову от 8 / 21 декабря 1907 г.: «О Валерий Яковлевич! Какая ведьма «сопряла» вас с ним? Да видели ли уже Вы его? Мы прямо пали. Боря имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличем. Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сентенции — старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. «До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные». После того как он надел цилиндр и удалился, я нашла № «Весов» с его стихами, желая хоть гениальностью его строк оправдать ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, — выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?» (Валерий Брюсов. М. 1976. (Литературное наследство. Т.85). С. 691). Как отметили Р.Д.Тименчик и Р.Л.Щербаков: «с таким же пренебрежением упоминает Гумилева Д.В. Философов в статье «Дела домашние»: «Г-да декаденты страшно боятся, как бы их не перепутали. Мы не только должны твердо знать, что Балтрушайтис с Ликиардопуло не похожи на Гумилева (есть и такой), но помнить, в дружбе ли они между собой или в ссоре» (Товарищ. 23 сентября 1907.(№ 379)» (ЛН. С. 431). Впечатление от злополучного визита Гумилева также нашло отражение в коллективной драме З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского и Д.В. Философова «Маков цвет» (впервые опубликована: Русская мысль. 1907. № 11). Гумилев выведен здесь в виде эпизодического персонажа четвертого действия (Париж. «Октябрь 1906 года») Ивана Ивановича Гущина (в списке действующих лиц — «Очень юный поэт, высокий, лицо мертвенное. Голос подкошенный, шеей не ворочает от подпирающих его воротничков»). Наиболее «значительная» реплика Гущина сводится к следующему: «Я к вам, профессор, за указаниями. Я изучаю античную мифологию. Особенно культ Митры и Астарты. Услыхав, что вы тут, я и взял на себя смелость обратиться к вам за некоторыми литературными указаниями...» (Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 4. М., 2001. С. 430, 440)). Стр. 61-64. — Приезд Гумилева в Россию, был, прежде всего, связан с тем, что в начале 1907 г. А.А. Горенко дала согласие выйти за него замуж.

2 февраля 1907 г. она писала С.В. фон Штейну: «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Помните, у В. Брюсова:

Сораспятая на муку.
Враг мой давний и сестра!
Дай мне руку! Дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!

И я дала ему руку, а что было в моей душе, знает Бог и Вы ...» (Новый мир. С. 202). Через несколько дней она вновь написала Штейну: «Мой Коля собирается, кажется, приехать ко мне — я так безумно счастлива» (Там же. С. 203). А 11 февраля: «...жду каждую минуту приезда Nicolas. Ведь Вы знаете, какой он безумный, вроде меня» (Там же. С. 204). Но Гумилев смог отправился в Россию только в конце апреля (см. № 13 наст. тома). Встреча с Брюсовым состоялась 15 мая 1907 г., о чем сохранилась запись в брюсовском дневнике: «Приезжал в Москву Н. Гумилев. Одет довольно изящно, но неприятное впечатление производят гнилые зубы» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 157). Стр. 64-66. — Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков усматривают в этих словах «намек на Бальмонта» (ЛН. С. 431), но в контексте данного письма под несостоявшимися «учителями» гораздо явственнее разумеются, конечно, Мережковские.

12. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф.386.84.18.
Дат.: 11/ 24 марта 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь, 23. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». На конверте надпись: «Paris De part». Штемпель почтового отделения Парижа — 25. 03. 07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 13. 03. 07.

Стр. 4-6. — Ср. образность мышления в предыдущем письме: «я уже накануне просветления, <...> вот-вот рухнет стена» (стр. 48-49 № 11 наст. тома). При встрече с Гумилевым в мае, Брюсов отметил о нем: «Часто упоминает о «свете»» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 157). Стр. 16-17. — Ст-ния «Ахиллес у алтаря» и «Маргерит» вошли в сборник Брюсова «Στέφαυοζ» («Венок»). М., 1906. Оба ст-ния были ранее опубликованы в журнале «Вопросы жизни» (1905, № 3; 1905, № 7). Стр. 17-18. — Имеется в виду ст-ние А.А. Блока «Песня Офелии» («Он вчера нашептал мне много...»),

которое было опубликовано в 1904 г. в журнале «Новый путь» (№ 11) и впоследствии вошло в сборник «Нечаянная радость» (М.: Скорпион, 1907) (другое стихотворение Блока под тем же названием («Разлучаясь с девой милой...») было впервые опубликовано лишь в 1908 г.). Можно считать, что в ст-нии «Влюбленная в Дьявола» (№ 58 (I)), приложенном к следующему письму к Брюсову, Гумилев умышленно создал свой собственный сюжетно-метрический аналог «Песни Офелии». Оба произведения, подчеркнуто «средневековые», представляют собой недоуменно-вопрошающий лирический монолог одинокой девушки, потерявшей временно-пространственную ориентацию, очарованной загадочным, «отсутствующим» мужчиной. Блок использует 3-х иктный дольник, Гумилев — тактовик. На своем экземпляре первого издания «Романтических цветов» Брюсов сделал к последней строфе «Влюбленной в Дьявола» помету: «Неплохо. Блок» (Пуришева К. Библиотека Брюсова // Литературное наследство. Т. 27-28. М., 1937. С. 674). Стр. 25-28. — См. попытку анализа на основе этих слов «функции искусства» в стихотворении «Жираф» (Баскер, С. 14-18. Об оккультном понятии «астрального тела» см. там же. С. 18-19. М. Баскер также отмечает сходство с определением воздействия искусства — «в терминах, не столь явно отзывающихся оккультизмом» — в статье Гумилева «Жизнь стиха»: «... прекрасные стихотворения, как живые существа, входят в круг нашей жизни; они то учат, то зовут, то благословляют... Под их влиянием люди любят, враждуют и умирают» (см. стр. 160-163 № 24 (VII)). Стр. 29-30. — Цитируется ст-ние «Последний пир» из сборника Брюсова «Στέφανος» («Венок»). Стр. 32-35. — Цитируется ст-ние «Антоний» из сборника Брюсова «Στέφανος» («Венок»). Как и «Последний пир», оно ранее было опубликовано в «Вопросах Жизни» (1905, № 7), в составе того же цикла («Озими»), что и «Маргерит». О возможном отзвуке «Антония» в «Корабле» Гумилева см. комментарии к ст. 25-28 № 71 (I). Ср. также следующие за процитированными Гумилевым строки брюсовского ст-ния («О, дай мне жребий тот же вынуть / И в час, когда не кончен бой...») с гумилевским «Одиссем у Лаэрта»: «Но в час, как Зевсовой рукой / Мой темный жребий будет вынут...» (ст. 29-30 № 146 (I)). Стр. 37-39. — См. комментарии к стр. 61-64 № 11 наст. тома а также №№ 13 и 14 наст. тома. Стр. 40. — Как позволяет уточнить письмо А. Ахматовой С.В. фон Штейну от 13 марта 1907 г., речь идет о втором номере журнала: «Мое стихотворение «На руке его много блестящих колец» напечатано во 2-м номере «Сириуса», может быть, в 3-м появится маленькое стихотворение, написанное мною уже в Евпатории. Но я послала его слишком поздно и сомневаюсь, чтобы оно было напечатано» (Новый мир. С. 205. В третий номер журнала ст-ние Ахматовой не вошло). Стр. 43-44. — Под псевдонимом Анатолий Грант было напечатано эссе «Карты» (№ 2 (VI)) в № 2 «Сириуса», и рассказ «Вверх по Нилу. (Листы из дневника)» (№ 3 (VI)) в № 3. Стр. 44-45. — «Помимо заботы об общем направлении журнала, Гумилев взялся обеспечивать его литературный отдел. Но в поисках сотрудников для журнала он не добился успехов ни в России, ни в литературных кругах русской колонии в Париже.

Брюсов не откликнулся на его просьбу «дать нам что-нибудь свое ...» <...> Скорее всего, случайно оказался привлеченным к участию в журнале поэт и переводчик Александр Акимович Биск. <...> И только А. Ахматова не отказывалась от постоянного сотрудничества. <...> Чтобы поправить дело, Гумилев в этих обстоятельствах прибегает к помощи вымышленных сотрудников» (Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 г.) // Исследования и материалы. С. 312). Ср. также известное замечание Ахматовой в уже процитированном письме С.В. фон Штейну от 13 марта 1907 г.: «Зачем Гумилев взялся за «Сириус». <...> Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает!» (Новый мир. С. 205-206). Но не следует забывать, что сам Брюсов также нередко прибегал к псевдонимам (всего их насчитывается около 20) — и не только в начале пути, в сборнике «Русские символисты», который по праву можно считать брюсовской «псевдонимной мистификацией», но и в «Весах», где он (так же, как и другие сотрудники) часто печатался под псевдонимами. «Объяснить эту игру в псевдонимы нетрудно. Круг основных сотрудников журнала был очень узок, некоторые из них порой выступали в одном лишь номере свыше десяти раз» (Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 266-267, 268). Положение Гумилева в «Сириусе», таким образом, было далеко не уникально в историческом контексте отечественной модернистской издательской деятельности 1890-х — 1900-х гг.
Стр. 47-49. — «Насколько это суждение в письме Брюсову соответствует действительному отношению Гумилева к статьям критического отдела, сказать трудно. Если предположить, что статьи критического отдела во всех трех номерах <...> принадлежат редактору отдела М.В. Фармаковскому, то с ним Гумилева связывали не только денежные счеты» (Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 г.) // Исследования и материалы. С. 313). О близости эстетических взглядов М.В. Фармаковского к художественной позиции Гумилева в конце 1908 г. см. № 56 наст. тома и комментарий к нему.) Следует также учесть, что именно взгляды Гумилева на искусство привели к разногласию с Брюсовым в следующем, 1908 г. (см. №№ 40, 42 наст. тома и комментарии к ним). По сведениям А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика, журнал издавался на средства Фармаковского (см.: Литературное обозрение. 1987. № 7. С. 104), однако этих «средств» было явно недостаточно. ««Сириус», к сожалению, вскоре лопнул — рассказал Гумилев И. Одоевцевой много лет спустя. — И как это тогда было горько и обидно <...> и как забавно теперь. Ведь я плакал, плакал, как девчонка. Мне казалось, что я навеки опозорен, что я не переживу гибель своей мечты» (см.: Одоевцева I . С.382).
Стр. 51. — В письме от 29 октября / 11 ноября 1906 г. было неразборчиво написано слово «лживый» в ст-нии «Мне было грустно, думы обступили...» (стр. 58 № 7 наст. тома). Приписка Гумилева позволяет считать, что в упомянутом в стр. 3 «большом н милом письме» Брюсова тщательно разбирались все посланные «мэтру» до сих пор «парижские» стихи.

13. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф.386.84.18. В стр. 48 вместо «скрывался» ранее было «смеялся».

Дат.: 1 мая 1907 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 01. 05. 07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 02. 05. 07.

Стр. 3-5. — «В конце апреля <1907 г.> Гумилев должен был отправиться в Россию для отбывания воинской повинности» (Соч III. С. 353).Согласно законам о призыве в российскую армию он должен был «тянуть жребий», решающий, зачисляется ли призывник в запас, или должен отбывать трехгодичную воинскую повинность. Гумилев «вытянул жребий» и должен был поэтому явиться для прохождения медицинской комиссии на военный призыв, проходивший тогда в России раз в год, осенью (об этом см. комментарий к стр 4-7 № 23 наст. тома). Однако под «обстоятельствами личной жизни», которые «не давали времени» ни для переписки, ни даже для «литературы» Гумилев подразумевает, конечно, не призывные формальности, а наметившийся, вероятно, уже в феврале-марте конфликт с невестой. Настроения Ахматовой в эти месяцы передает ее письмо С.В. фон Штейну от 11 февраля 1907 г.: «Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенный любви! <...> Но Гумилев — моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. <...> Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной» (Новый мир. С. 204). «Неразделенной любовью» юной Ахматовой в этот момент являлся В.В. Голенищев-Кутузов, фотография которого, присланная Штейном, вызвала у корреспондентки взрыв эмоций («Я слишком счастлива, чтобы молчать. <...> Я не могу оторвать от него душу мою»). Очевидно, что все это не могло так или иначе не отразиться на письмах Ахматовой к «официальному жениху» в Париж, и Гумилев, мучимый неизвестностью, ехал в Россию и «для решительного объяснения» (см.: ЛН. С. 433). Поэтому, следуя в Петербург, он делает «крюк» через Киев, где задерживается на два дня (см.: Соч III. С. 353), в течение которых, однако, «решительного объяснения» не происходит. Возможно, это связано с тем, что Ахматова еще не получила аттестат зрелости (это произойдет 28 мая — см.: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 27) и потому «окончательная помолвка» откладывается на начало июня. Гумилев, безусловно, тяжело переживал продолжающуюся неопределенность. Именно в мае он, как кажется, и послал Ахматовой «Цветы зла» Ш. Бодлера с многозначительной надписью «Лебедю из лебедей — путь к его озеру» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 68). Стр. 6-7. — «В Царском Селе семья Гумилевых в 1907 г. опять меняет адрес: она переезжает на Конюшенную улицу, в каменный дом, выстроенный незадолго до этого купчихой М.Ф. Белозеровой.

Это единственный дом в Царском Селе, связанный с именем Н.С. Гумилева, который сохранился до наших дней» (Козырева М.Г. Н.С. Гумилев в Царском Селе // Гумилевы и Бежецкий край. Бежецк, 1996. С. 16). См. также комментарии к № 42 наст. тома. Стр. 8-11. — В мае 1907 г. Гумилев все-таки побывал в Москве, причем дважды — сначала 15-го числа, проездом в Рязанскую губернию (с визитом к кому-то из родственников отца), а затем, опять-таки проездом, в 20-х числах, возвращаясь в Царское Село. 15 мая он дважды встречался с Брюсовым, а на обратном пути — разминулся с ним (см. комментарии к № 14 наст. тома). Стр. 12-14. — «Указания» содержались, очевидно, в «большом письме» Брюсова, упомянутом в стр. 3 № 12 (см. также комментарий к стр. 51 данного письма). Ни одно из трех приложенных к данному письму ст-ний в «Весах» не появилось. Стр. 17-19. — Знакомство Гумилева с Блоком в то время не состоялось. По всей вероятности, впервые они встретились на «среде» у Вяч. И. Иванова 26 ноября 1908 г. (см. № 54 наст. тома и комментарии к нему), а первое упоминание имени Гумилева появляется в «Записных книжках» Блока и того позже — 26 марта 1910 г. (Записные книжки. М., 1965. С. 170). Упоминаемый Гумилевым второй сборник стихов Блока «Нечаянная радость» (М.: «Скорпион», 1907) вышел в свет в конце декабря 1906 г. Брюсов принимал достаточно активное участие в технических вопросах его печатания (см. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. М., 1997. С. 522-523). Влияние Блока на стихи Гумилева было уже отмечено Брюсовым в рецензии на «Путь конквистадоров». См. также комментарий к стр. 17-18 № 12 наст. тома. Стр. 21-45. — № 58 (I), автограф 1. Стр. 46-61. — № 59 (I). В стр.48 вместо скрывался» ранее было «смеялся». Стр. 62-85. — № 60 (I).

14. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) — - Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. 386.84.18.
Дат.: 21 июля / 3 августа 1907 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — 03. 08 07. Claude Bernar. Штемпель московской экспедиции городской почты — 24. 07. 07.

Стр. 4. — «Ученик» впервые встретился с «учителем» 15 мая 1907 г., о чем сохранилась дневниковая запись Брюсова (см. комментарии к №№ 7 и 11 наст. тома), причем в этот день они виделись дважды. Первый визит нанес Гумилев — в офис издательства «Скорпион» в гостинице «Метрополь», столь живо описанный в мемуарах Б.А. Садовского: «Письменный стол завален бумагами и книгами. Типографические счета, пачки корректур, письма Рене Гиля и Реми де Гурмона, роскошно переплетенные экземпляры «Весов», рукописи, конверты. В глубине комнаты, справа от входа, стол с книгами, присланными для отзыва; на краю стола, свесив ноги, сидит гипсовая нимфа; <...> Над шифоньеркой между столами портреты Метерлинка,

Пшибышевского с женой, Достоевского, Верлена, Верхарна» (см.: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 264). Затем Брюсов «отдал визит», заехав во второй половине дня в гостиницу на Доминиканской улице, где остановился юный поэт (см. Труды и дни. С. 172). Стр. 6-8. — Как указывают Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков, «имеются в виду: 1) персонаж повести «Невский проспект» Гофман — «довольно хороший сапожник с Офицерской улицы»; 2) поэт Виктор Викторович Гофман; 3) немецкий писатель и композитор Эрнест-Теодор-Амадей Гофман (1776-1822). В переводе Н.А. Славятинского цитируемая фраза звучит так: «Мое собственное «я», игралище жестоких и прихотливых случайностей, распавшись на два чуждых друг другу образа, безудержно неслось по морю событий, коего бушующие волны грозили меня поглотить» (Гофман Э.Т.А. Элексиры сатаны. Л.: Наука, 1984. Ч. 1, гл. 2. С. 46)» (ЛН. С. 435). Стр. 8-13. — События второй половины мая — начала июля 1907 г. (периода важнейшего и трагического в личной и творческой биографии Гумилева) в простом хронологическом изложении выглядят так. После встречи с Брюсовым Гумилев некоторое (непродолжительное) время прогостил в Рязанской губернии, затем — вновь через Москву — вернулся в Царское Село, где «тянул жеребий» в призывной комиссии и был призван в армию (см. комментарий к стр. 3-5 № 13 наст. тома). В начале июия он, как, очевидно, и было договорено, приезжает в Севастополь и «две недели» проводит в общении с Ахматовой, которая жила с матерью и братом на «даче Шмидта». Итогом этого «общения» стал полный разрыв с невестой и крах надежд на будущую свадьбу и совместную жизнь с любимой женщиной (см. ниже комментарий к стр. 10). Потрясенный, Гумилев уезжает из Севастополя на пароходе «Орел», который следует по маршруту — Константинополь — Смирна — Марсель. Однако в Париж, как явствует из письма, он прибывает только 20-го июля, тогда как подобное путешествие в то время длилось не более недели. Т.е. около полутора месяцев Гумилев «блуждает» по Средиземноморью, по всей вероятности, отстав от парохода во время захода в Смирну, где произошла упомянутая им встреча с некоей «гречанкой» (хотя Ахматова стремилась впоследствие всячески «дезавуировать» это гумилевское «приключение» — см. ниже комментарии к стр. 11-12). Очень вероятно, что именно в этот же период бесцельных «средиземноморских странствий» потрясенного Гумилева случился и эпизод, описанный в его знаменитом ст-нии «Эзбекие» (1917; № 96 (III)):

Как странно — **ровно десять лет прошло**
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,

Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам его приблизить был готов.

В письме Брюсову нет никаких упоминаний о том, что помимо Константинополя и Смирны Гумилев побывал еще и в Каире. Однако это было вполне возможно и хронологически и «физически», поскольку средиземноморские морские трассы позволяли тогда совершить подобную поездку даже «безденежному» поэту, отставшему от парохода и пробиравшемуся во Францию «на перекладных». Тогда становится понятно свидетельство А.А. Гумилевой-Фрейганг о рассказе Гумилева о некоем «африканском путешествии» 1907 г.: «как он ночевал в трюме парохода вместе с пилигримами, как разделял с ними их скудную трапезу, как был арестован в Трувилле за попытку пробраться на пароход и проехать «зайцем». От родителей это путешествие скрывалось, и они узнали о нем лишь постфактум» (Гумилева А.А. Николай Степанович Гумилев // Жизнь Николая Гумилева. С. 66). От порта Александрии до Каира тогда уже можно было легко добраться по железной дороге. По крайней мере указанная самим Гумилевым «хронология» — «*ровно десять лет*», т.е. — 1907 — 1917 — психологически исключает как какое-нибудь иное толкование, так и возможность ошибки — слишком уж важным для духовной жизни поэта было посещение «большого каирского сада»:

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие взносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещие друиды
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Не выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие»»

Если принять версию о посещении Гумилевым Каира в июле 1907 г., то окажется, что поэт побывал в саду Эзбекие *трижды*, причем второе посещение (октябрь 1908 г.) также связано с «мыслями о самоубийстве» (см. комментарии к письму № 52 наст. тома), а третье (декабрь 1909) вызвало ироническое «травестирование» «суицидального мотива» в письме к В.К. Ивановой-Шварсалон: «В Каире, вблизи моего отеля, есть сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев. Вечером там почти никого нет, и светит большая бледно-голубая луна. Там дивно-хорошо. Но каждый день мне приходит в голову ужасная мысль, которую я, конечно, не приведу в исполнение, — это отправиться в Александрию и там, не утопиться подобно Антиною, а просто сесть на корабль, идущий в Одессу» (см. № 75 наст. тома и комментарии к нему). Данная гипотеза позволяет объяснить возникновение «египетских» мотивов как в ст-нии, приложенном к настоящему письму («А когда на изумрудах Нила / Месяц закачался и поблек...»), так и в ст-ниях, приложенных к последующим письмам 1907 г. — «Над тростником медлительного Нила...» (№ 17 наст. тома) и «Приближается к Каиру судно...» (№ 22 наст. тома), — а также пафос заключительных стихов ст-ния «Эзбекие» о возможном *четвертом* посещении каирского сада:

...Я снова должен ехать, должен видеть
Моря и тучи, и чужие лица,
Все, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

Стр. 10. — По пересказу А. Хейт (со слов Ахматовой), Гумилев: «поспешил в Севастополь, где жили тогда Анна с Инной Эразмовной, и поселился в соседнем доме, чтобы быть ближе к ней. Он звал ее с собой, но ее, только что закончившую гимназию, мысль о замужестве не привлекала» (Хэйт С. 30). Возможно, что на печальные события этих «двух недель» повлияло плохое самочувствие Ахматовой — она была больна свинкой и, по-видимому, тяжело переживала временное «безобразие»: «лицо ее было до глаз закрыто — чтоб не видно было страшной опухоли. Николай Степанович просил ее открыть лицо, говоря «Тогда я Вас разлюблю!»» (см. Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 28). Так или иначе, но, по признанию Ахматовой, у нее с приехавшим «женихом» «были разговоры, из которых Николай Степанович узнал, что АА не невинна. Боль от этого довела Николая Степановича до попытки самоубийства в Париже» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris: YMCA-Press, 1991. С. 143). Стр. 11-12. — «О мимолетном романе «с какой-то гречанкой»... АА смеется: «с какой-то!... Во всяком случае, Николай Степанович на том же пароходе уехал из Смирны, потому что на письмах был знак того же парохода» (Жизнь поэта. С. 48). «Психоаналитические» истолкования этого «ми-

молетного романа» см. в кн.: Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886-1913. М., 1995. С. 60; Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 135-136. Смирна упоминается (в соответствующем контексте) в приложенном к следующему письму ст-нии Гумилева «Царь, упившийся кипрским вином» (см. стр. 70 № 15 наст. тома, а также комментарии к № 65 (I)). Стр. 12. — О «войне с апашами в Марселе» никаких сведений в биографических источниках нет, но знаменательно, что этот французский порт мимоходом упоминается как мучительно будничный «конец пути» в ст-нии «Озеро Чад» («Словно вещь, я брошена в Марселе...»), написанном в декабре того же 1907 г. (см. № 95 (I) и комментарии к нему). Возможно, речь идет о волнениях прлетариата и «городских низов» (т.е. собственно «апашей» — хулиганов бродяг) в приморских городах Франции (в т.ч. — в Марселе) летом 1907 г. На «чьей стороне» был поэт — из его слов непонятно. Стр. 13-16. — О преобладании «сновидческих» мотивов в поэзии Гумилева этого времени см. Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. Гл. 1 (««Стихи из снов»: искусство, магия и сновидения в «Романтических цветах»»). Стр. 26-31. — По наблюдению В. Шубинского: «Если в 1905 году Гумилеву достаточно было самого факта выхода книги и благожелательных отзывов о ней двух-трех авторитетных людей, то два года спустя он уже подходит к делу как подобает литератору-профессионалу» (Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 140). Упомянутое Гумилевым издательство «Оры» было основано Вяч. И. Ивановым в 1906 г.. «Первый этап деятельности <...> начался выпуском «Эроса» самого Иванова в начале января 1907 г. Дальнейший репертуар издательства составили «Тридцать три урода» Л.Д.Зиновьевой-Аннибал (февраль), «Снежная маска» А.Блока (март или самое начало апреля), «Тайга» Г.Чулкова и «Лимонарь» А.Ремизова (апрель), «Трагический зверинец» Зиновьевой-Аннибал и сборник «Цветник Ор» (май)...» (Богомолов Н.А. Глава из истории русского символистской печати: Альманах «Цветник Ор» // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Потреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 326-327). Брюсов в начале положительно относился к издательской деятельности Иванова. Петербургские «Оры» пользовалось услугами конторы «Скорпион» для продажи своих книг в Москве. По просьбе Иванова, объявления «Ор» помещались в «Весах» (см.: Весы. 1906. № 12. С. 100). Однако, как отмечают публикаторы переписки Брюсова с Ивановым, «шестой номер «Весов» за 1907 г. содержал ряд полемических выступлений против «литературных начинаний», связанных с именем Иванова: Белый резко осуждал «Цветник Ор»; Эллис — вторую книгу «Факелов» (ст. «Пантеон современной пошлости»); З.Н. Гиппиус выступила против петербургских литераторов — «Мы и они». Особенно беспощадной была рецензия Белого ...» (Переписка [Брюсова] с Вячеславом Ивановым (1903 —1923) / Предисловие и публикация С.С. Гречишкина, Н.В .Котрелева и А.В.Лаврова // Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 500). Настоящее письмо Гумилева как раз совпало по времени (июль-начало августа) с разгаром пространной, напряженно-личной переписки по этому пово-

ду двух «метров». Стр. 31-32. — В архиве владельца издательства «Скорпион» Сергея Александровича Полякова (1874-1942) письмо Гумилева не обнаружено (см. ЛН. С. 435). Стр. 39-62. — № 63 (I), автограф 1. Уже после выхода в свет т. I наст. изд. Н.А. Богомолов писал: ««Романтические цветы» в редакции 1908 года открываются стихотворением о маге, заклинающем «царицу беззаконий», а заканчиваются странной фантазией на космогонические темы (имеется в виду ст-ние «Одиноко-незрячее солнце»: (№ 98 (I)) — *Ред.*). На наш взгляд, это безоговорочно указывает на стремление Гумилева выстроить весь сборник как своего рода магическое заклинание, опыт практической магии, направленный на привлечение к себе любви той женщины, имя которой названо в посвящении книги» (Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 122-123). Стр. 63-64. — По-видимому, Гумилев познакомился с М.Ф. Ликиардопуло, секретарем редакции «Весов» и одним из ближайших сотрудников журнала, при посещении Брюсова в мае. О нем см. комментарий к № 46 наст. тома.

15. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. 386. 84. 18.
Дат.: 2 / 15 августа 1907 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». На конверте надпись: Paris 38, Claude Bernard. Штемпель почтового отделения Парижа — 15. 08. 07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 05. 08. 07.

Стр. 4-6. — «Перевал» — московский ежемесячный журнал, выходивший с ноября 1906 по октябрь 1907 гг. Его создателем и редактором являлся Сергей Алексеевич Соколов (1879-1936) владелец конкурировавшего со «Скорпионом» модернистского издательства «Гриф». Под псевдонимом «Сергей Кречетов» С.А. Соколов издал несколько сборников стихов, а также писал публицистические статьи, выступая и как поэт, и как публицист с «левых» позиций (см. о нем комментарии к № 20 (VII)). «Перевал» был создан С.А. Соколовым после его ухода из журнала «Золотое Руно» из-за ссоры с владельцем журнала, «наглым капиталистом» Н.П. Рябушинским. В предисловии-манифесте к первому номеру «Перевала» С.А. Соколов объявил бесперспективным «буржуазный» аполитичный эстетизм «Руна» и поставил своей задачей «объединение свободного искусства и свободной общественности», провозглашая девизом журнала «радикализм философский, эстетический и социальный». «Весы» вели острую полемику с «Перевалом», критикуя его авторов именно за «радикализм», который виделся «весовцам» оборотной стороной поверхностного дилетантизма «переваловских» авторов и в философии, и в эстетике, и в «общественности» (см.: Б.п. [Брюсов В.Я.] Сапожник, пекущий пироги. О г. Минском» // Весы. 1906. № 12. С. 73-74; Товарищ Герман [Гиппиус З.Н. Трихина // Весы. 1907. № 5. С. 68-72).

Подробнее о «Перевале» см.: Лавров А.В. «Перевал» // Русская литература и журналистики начала XX века. 1905-1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 174-190. Стр. 6. — В «плагиате-компиляции» книги Э. Наумана «История музыки» Брюсов обвинил И.А. Саца, поместившего в № 1 «Золотого Руна» за 1907 г. статью «Сатана в музыке» (см.: Брюсов В.Я. Писать или списывать? // Весы. 1907. № 3. С. 76-80). В том же номере «Весов» Брюсов (под псевдонимом «Пентаур») опубликовал и свою «общую» рецензию на первые две книжки «Золотого Руна» за 1907 г.: «Два первых №№ «Золотого руна» за этот год возбуждают недоумение. В них так много противоречий и забавных промахов, что невольно возникает вопрос — редактировались ли они кем-нибудь? <...> Остается только жалеть, что «Золотое руно», давшее в конце 1906 г. несколько прекрасных №№, опять превращается в какой-то амбар для случайных материалов» (см.: Весы. 1907. № 3. С.74-76). Стр. 25-26. — В РЦ 1908 было включено 32 ст-ния, большая часть которых, действительно, написана после настоящего письма. Их «отбор» был строгим — так, например, из 22 наименований составленного Брюсовым в конце 1907 г. «списка» стихов, посланных «учеником» (см. № 5 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), в РЦ 1908 г. вошло 12. О скромных размерах РЦ 1908 Гумилев потом сожалел (см. № 42 наст. тома). Стр. 28-29. — Ни одно из ст-ний, приложенных к данному письму, в «Весах» опубликовано не было. Стр. 32-60. — № 64 (I), автограф 1 (в РЦ 1918 под заглавием «Ягуар»). Стр. 61-80. — № 65 (I). Стр. 97-120. — № 66 (I) автограф (см. с. 299 т. I наст. издания). В брюсовском экземпляре РЦ 1908 сделаны пометки к этому ст-ию: в ст. 10 подчеркнуто «лилеет» и на поле написано — «опечатка»; в ст. 11 подчеркнуто «дебри»; на полях вопрос — «Где там были дебри?» На полях заключительной строфы помета — «Плохо и неясно» (Пуришева К. Библиотека Брюсова // Литературное наследство. Т. 27-28. М., 1937. С. 673-674). Стр. 121-132. — № 67 (I).

16. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — Ф.386. 84. 18 В стр.1 после «6» ранее было «августа».
Дат.: 24 августа / 6 сентября 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». На конверте надпись: «Claude Bernard». Штемпель почтового отделения Парижа — 06. 09. 07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 28. 08. 07. Ответом на это письмо является письмо Брюсова от 3/16 сентября 1907 г. (№ 2 в разделе «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 8-12. — Имеется в виду ст-ние «Маскарад» (№ 62 (I)), опубликованное в № 7 «Весов» за 1907. В письмах Гумилева к Брюсову этого ст-ния нет, — по всей вероятности оно было приложено к письмам №№ 14 или 15 и отдано Брюсовым в типографию прямо в гумилевской рукописи. Ст-ние Брюсова «Встре-

ча», в «подражании» которому сознается здесь Гумилев, было впервые опубликовано в майском № «Весов», вышедшем в начале июня 1907 г. (М.А. Кузмин, например, получил свой экземпляр 10-ого июня (см.: Кузмин М.А. Дневник 1905-1907. СПб., 2000. С. 370)). Гумилев, таким образом, мог ознакомиться с ним либо в авторском чтении при встрече с Брюсовым в Москве (что вероятнее всего, если учесть оговорку о «цитировании по памяти», либо — сразу по возвращении в Париж (если предположить, что свежий № «Весов» уже «ждал» там Гумилева, блуждавшего в июне — июле по средиземноморским портовым городам в статусе «игралища слепой судьбы»). Вошедшее затем во все поэтические хрестоматии «серебряного века» ст-ние «Встреча» было «знаковым текстом» в брюсовском творчестве 1900-х гг., демонстрируя как возможности формальных «эффектов» от нетрадиционного использования классических размеров (сочетание двенадцатистопного и восьмистопного хорея, внутренняя рифма, оригинальная строфика и т.п.), так и возможности содержательной экзотики при разрешении вполне традиционной «любовной темы»:

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Осириса Изида, друг, царица и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера.

Вспомни тайну первой встречи, день, когда во храме пляски увлекли нас в темный круг,
Час, когда погасли свечи, и когда, как в странной сказке, каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдруг!
<...>

«Маскарад» может действительно служить примером того, как, по более позднему выражению Вяч. И. Иванова, Гумилев «порой полусознательно передумывает <...> любимые думы» своего «учителя» (Аполлон. 1910. № 7. С. 38). «Маскарад» разделяет со «Встречей» основную тему перевоплощения душ. В обоих стихотворениях тема выявлена воспоминанием о прежнем, «древнем» существовании и страстном влечении к «клеопатроподобной» царице, вызванным новой «роковой» встречей при гипнотическом воздействии музыки, света и тени, движения тел в вихре бала. Сохраняя формальную независимость — по-своему воссоздавая страстные ритмы бала для передачи лирического порыва (и добавив при этом свою собственную тему «чуждости» женщины) — Гумилев явно перерабатывает и словесный материал Брюсова: помимо повторений таких значимых лексем, как «царица», «ласка», «счастье», «странная» («древняя») «сказка», сравнимы и кульминационные моменты узнавания в обоих стихотворениях. У Брюсова:

Наше *счастье* — прежде было, наша *страсть* — *воспоминанье*, наша *жизнь* — не в первый раз,
И, за временной могилой, неугасшие *желанья* с прежней силой дышат в нас;

у Гумилева (в «весовском» варианте ст-ния):

Я вспомнил, я вспомнил... Такие же тени,
Такую же дикую *дрожь сладострастья*
И ласковый, вкрадчивый шепот: «Воскресни,
Умри и воскресни для неги и *счастья*.

Подчеркнутую дань поразившей его (как, впрочем, и большинство его современников) брюсовской «Встрече» — при явной осознанности собственной самостоятельности — Гумилев отдал и в приложенном к следующему письму ст-нии: «Над тростником медлительного Нила...» (подробнее см. с. 396, т. I наст. изд.). Стр. 12-13. — Скорее всего, выбор этого ст-ния Брюсовым был продиктован ощущением того особенного «сходства с собой», которое в данном случае смущало Гумилева: ср. комментарии к стр. 4-5 № 1 наст. тома. На фоне острых конфликтов «старших» и «младших» символистов Брюсов, разумеется, увидел в «Маскараде» не «неловкое подражание», а достойное — и достойное провозглашения — продолжение своего дела талантливым «учеником». Стр. 16-18. — Ст-ние «Влюбленная в Дьявола» было послано Брюсову в письме от 1 мая (№ 13 наст. тома). Безусловно, Гумилев в числе «прочих» имел в виду, прежде всего, оценку И.Ф. Анненского, которому он наверняка нанес визит в Царском Селе в течение мая. Рецензируя РЦ 1908 в конце следующего года, Анненский писал об этом ст-нии: «Тема ясна и хорошо развивается: это придушенное семейное несчастье — истеричка-дочь, «влюбленная в дьявола». Каданс выдержан: в нем чувствуются большие, но стертые ступени спиральной башенной лестницы, идут к теме и глухие ассонансы в чередовании с рифмами» (Речь. 15 декабря 1908. (№ 308)). В черновике данной рецензии Анненский сопоставлял гумилевское ст-ние с «Огненным ангелом» Брюсова (выходившим в «Весах» с начала 1907 г.): «Да, но ведь это только четыре звучных, четыре скользящих по голубому льду равнодушия и, может быть, даже иронии <...> строфы. Не роман, для которого надо рыться в процессах колдуний и в сочинениях алхимиков. Оцените же хоть это» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 201. Л. 3; цит. по: ЛН. С. 439). Стр. 23-24. — Как раз «через неделю» в большом письме от 14 сентября 1907 г. Гиль ответил Брюсову: «Je vous prie, dites a M. Nicolas Goumileff, combien je serais heureux de le voir — non pas une fois, mais plusieurs fois, — pour lui-même et parce qu'il m'est envoyé par vous. Je serais très heureux de causer avec lui de tant de choses des amis Russes. Vous lui direz de m'écrire, quand il sera ici, et de m'avertir du jour où il voudra me faire sa première visite» (в переводе Р. Дубровкина: «Прошу Вас, скажите г-ну Николаю Гумилеву, что я буду счастлив видеть его, — и не один раз, а несколько раз, — из-за него самого и из-за того, что ко мне его направляете Вы. Я был бы очень рад поболтать с ним — нам надо столько сказать друг другу о наших русских друзьях. Скажите ему, чтобы он мне написал, когда будет здесь, и уведомил о дне, когда захочет сделать мне первый визит» — Неопубликованное письмо Н. Гумилева // Revue des Etudes Slaves. LXXI/1. 1999. P. 161). Но Гумилев снова откладывал встречу, намеченную уже в самом начале года (см. № 18 наст. тома;

ср. с № 10 наст. тома); его «первый визит» к французскому поэту состоялся только 9 октября 1907 г. (см. № 20 наст. тома). Стр. 25-27. — Никаких ст-ний Гумилева в «Русской мысли» в 1907 г. не появилось; о его публикациях в этом журнале в следующем, 1908 г. см. комментарий к № 54 наст. тома. О «Перевале» см. комментарий к № 15 наст. тома. Ст-ние «Крокодил» («Мореплаватель Павзаний...» — № 47 (I)) было напечатано без заглавия в № 11 «Перевала» за 1907 г. (ст-ние «Измена» (№ 64 (I)) было редакцией журнала проигнорировано). В еженедельных иллюстрированных литературно-художественных приложениях к газете «Русь» (одной из суворинских газет, выходившей в Петербурге в 1903-1908 гг.) были напечатаны приложенное к наст. письму ст-ние «С корабля замечал я не раз...» (21 августа 1907. (№ 32)); и ст-ние «За покинутым, бедным жилищем...» (27 августа 1907. № 33) (см. № № 68 и 69 (I) и комментарии к ним). Стр. 30-31. — См. ответное письмо Брюсова (№ 2 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Стр. 36-63. — № 71 (I), автограф 1. Стр. 64-79. — № 68 (I), автограф 1. По сообщению П.Н. Лукницкого (как можно предположить, на основе несохранившегося письма Гумилева к Ахматовой), стихотворение было написано «по дороге из Севастополя во Францию» (Труды и дни. С.173).

17. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. 386. 84. 18. В стр. 36 после «меня» ранее было «когда».
Дат.: 10/23 сентября 1907 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — 23. 09. 07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 13. 09. 07. Ответ Гумилева на письмо Брюсова от 3 / 16 сентября 1907 г. (№ 2 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома).

Стр. 4-6. — Общественно-литературная газета «Столичное утро», издаваемая С.Л. Кугульским, выходила в Москве с 30 мая по 19 октября 1907 г. (№№ 1-118). В августе Брюсов начал сотрудничать с Н.Ф. Эфросом, который заведовал ее литературным отделом (см. его письмо к Ф. Сологубу от 31 августа 1907 г., с просьбой о сотрудничестве: «В сентябре «Столичное утро», в литературной своей части, реформируется и обещает быть пристойным» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 г. Л., 1976. С. 111)). Однако, уже неделю спустя, всего через три дня после письма, в котором Брюсов предлагал Гумилеву участие в газете (№ 2 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), Брюсов и М.Ф. Ликиардопуло подписали коллективное письмо группы 10 литераторов о выходе из редакции «Столичного утра» (см.: Русское слово. 7 сентября 1907. (№ 206)). Причины конфликта в письме не указаны. По-видимому, Брюсов сообщил Гумилеву о бойкоте (ср. №№ 18 и 19 наст. изд.). В течение сентября 1907 г.

конфликт уладился. 4 октября в «Столичном утре» появилось стихотворение Брюсова «Жигули», а 5 октября он пишет письмо Блоку с приглашением о сотрудничестве в этом издании. Но газета вскоре была приостановлена «в административном порядке», и стихи Гумилева в ней не появлялись. См. также комментарий к № 21 наст. тома. Стр. 6-8. — Ст-ние «Воспоминание» (№ 68 (I)) на самом деле было напечатано в «Руси» недели за три до настоящего письма (21 августа 1907 г.). См. комментарий к № 16 наст. тома. Стр. 9-12. — В отличие от других перечисленных здесь ст-ний (приложенных к №№ 14, 15, 13 наст. тома), ст-ние «Перчатка» (№ 72 (I)) в архиве Брюсова не сохранилось. Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков предполагают, что Гумилев мог ошибиться, «забыв, что это стихотворение он послал не Брюсову, а в редакцию «Золотого руна»» (ЛН. С. 441). Ср. комментарий к № 20 наст. тома. Стр. 16-18. — Т.е. за три стихотворения, напечатанные в № 7 «Весов». О гонорарах «Весов», которые «выплачивались не слишком аккуратно и по достаточно низким расценкам», см.: Гречишкин С.С. Архив С.А.Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л., 1980. С. 18. Стр. 18-19. — Возможно, что за этими словами скрывается попытка самоубийства. Ср. описание П.Н. Лукницким духовного состояния Гумилева по возвращении из Севастополя в Париж: «От отчаяния не спасали ни новые знакомства, ни легкие увлечения. Боль унижения не отступала, не отпускала. Гумилев метался, не находил себе места. Отправился в Нормандию, в Трувиль, к морю — топиться. Но, на счастье, на пустынном берегу его задержали проницательные блюстители порядка. Очевидно, вид его внушал опасения. Ахматова выразилась: «en état de vagabondage» (как бродяга). Словом, в конце концов, он вернулся в Париж» (Жизнь поэта. С. 49). Ср.: «...от обиды и ревности ездил топиться в Трувилль и в ответ на мою испуганную телеграмму ответил: «Viverai toujours» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 362). В приведенной Ахматовой французской фразе — ошибка: правильно: «Vivrai toujours» («Буду жить всегда»). Ср. также в следующем письме к Брюсову: «Я все хвораю и настроение духа самое мрачное» (стр. 10 № 18 наст. тома — к которому два из приложенных стихотворений — на тему о самоубийстве). Стр. 20-21. — Свидетельство о непрекращающемся (несмотря ни на что!) внимательном чтении Гумилевым «Весов» см. в № 19 наст тома. Стр. 21-25. — От своей просьбы Гумилев вскоре отказался: см. № 19 наст. тома. Упомянутыми им «крупными новинками» были альманах «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб.: Оры, 1907) и повесть М.А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» (СПб., 1907). Альманах вышел в мае 1907 г., причем его создатель Вяч.И. Иванов стремился «дать образец реализации того мифотворчества, которое именно в те годы рассматривалось <им> как едва ли не основная задача символистского искусства» (см.: Богомолов Н.А. Глава из истории русского символистской печати: Альманах «Цветник Ор» // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 323-342). Брюсов поместил в альманахе свое «Одиночество» (это ст-ние вошло потом в книгу «Все напевы»).

Об издательстве «Ор» и полемике вокруг данного издания см. комментарии к № 14 наст. тома. Гумилев, по-видимому, рано или поздно сумел получить экземпляр «Цветника Ор», чтение которого оставило существенный след в его творчестве: как указывает Н.А.Богомолов, помещенный в нем цикл из трех сонетов Юрия Верховского «Дева-Птица» нашел несомненную параллель в позднем, одноименном ст-нии Гумилева (№ 54 (IV)) (см. Богомолов Н.А. Указ соч. С. 341-342). Что же касается «Эме Лебефа», то интерес Гумилева к этому творению Кузмина, несомненно, был вызван, прежде всего брюсовской рецензией, помещенной в том же № 7 «Весов» за 1907 г. (С. 80-81), в котором были опубликованы и гумилевские ст-ния. Противопоставив «Приключения Эме Лебефа» модной «лирике в прозе» Б. Зайцева и других, Брюсов писал, в частности: «... конечно, «лирика в прозе» никогда не может заменить и заместить настоящего рассказа, в котором сила впечатления зависит от логики развивающихся событий и от яркости изображаемых характеров, — рассказа, образцы которого нам дали все великие романисты, начиная от Апулея, через автора «Манон Леско» (см. № 6 наст. тома — *Ред.*), до Диккенса, Флобера (см. № 36 наст. тома — *Ред.*), Достоевского, Л. Толстого... К таким истинным рассказчикам принадлежит и М. Кузмин. Сила и прелесть его рассказов не в лирических отступлениях, не в отдельных образах и эпитетах, но в самом замысле повествования <...> Никто среди современных русских писателей не обладает такой властью над стилем, как М.Кузмин. <...>. Он строго выдержал стиль того времени во всех написанных частях повести...». Не исключено, что эта рецензия и стала тем стимулом, которой заставил Гумилева «опять с вожделением подумывать о прозе». По крайней мере в ней легко угадать те эстетические принципы, которые спустя несколько месяцев будут реализованы в гумилевских «парижских рассказах» (ср. вступительную статью к прозе Гумилева: с. 245-246 т. VI наст. изд.). Стр. 38-65. — № 73 (I), автограф 1. Другая копия этого стихотворения приложена к № 22 наст. тома.

18. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. 386. 84. 18. В стр. 1 вместо «октября» ранее было «сентября». В стр. 97 вместо «грезы» ранее было «думы». В стр. 106 вместо «всегдашний» ранее было «вчерашний»

Дат.: 19 сентября / 2 октября 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — 02. 10. 07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 22.09.07.

Стр. 14-15. — «Фамилия Гумилева указывалась в числе ближайших сотрудников «Весов» начиная с № 12 за 1906 г. и кончая № 9 за 1909 г. Однако в тех случаях, когда фамилии сотрудников публиковались в конце журнала, а не в поме-

щенном в нем каталоге книгоиздательства «Скорпион», иногда фамилия Гумилева отсутствовала, так было в номерах: 2, 6 и 7 за 1907 г., 2 и 7 за 1908 г. и 5 за 1909 г.» (ЛН. С. 444). Стр. 15-16. — Георгий Иванович Чулков (1879-1939) — поэт, прозаик и критик, близкий сотрудник «Нового пути» Мережковских и сменивших этот журнал «Вопросов жизни»; активно сотрудничал затем также в «Золотом Руне» и в «Перевале». Имя Чулкова с 1906 г. было тесно связано с «мистическим анархизмом», — весьма «расплывчатым» художественным «течением», которое он «создал» и пропагандировал совместно с Вяч. И. Ивановым, при менее последовательной поддержке нескольких других петербургских литераторов. Организованный им альманах «Факелы» (1906-1908) должен был стать неким «идейным центром» мистических анархистов. «Весы» вели резкую полемику, направленную против Чулкова, началом которой послужили две статьи Брюсова, подписанные псевдонимом Аврелий — ««Вехи», IV. «Факелы»» (Весы. 1906. № 5. С. 54-58) и ««Вехи». V. «Мистические анархисты»» (Весы. 1906. № 8. С. 43-47). Взаимоотношения Брюсова с Чулковым еще более обострились при появлении чулковской рецензии на книгу брюсовских рассказов «Земная ось» («...«Земная ось» художественной ценности не представляет никакой. <...> Но <...> представляет <...> любопытный психологический документ. Подобно тому, как кассовая книга разорившегося банкирского дома своими мертвыми цифрами говорит сердцу о тайной драме, о крушении какой-то большой, нелепой постройки, созидавшейся годами, так и «Земная ось» напоминает нам о крушении некоторого миросозерцания. Банкротство уединенной души — вот итог десятилетней работы. <...> «Земная ось» — книга механическая по преимуществу» (Перевал. 1907. № 4. С. 64-65)). 7 апреля 1907 г. Чулков обратился к Брюсову с просьбой «вычеркнуть <его> фамилию из списка сотрудников «Весов»» (Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 285; фамилия Чулкова регулярно появлялась в списке участников с № 2 за 1904 г. по № 1 за 1907 г). Ответное письмо Брюсова от 30 апреля 1907 г., на долгое время прекратившее их личное общение, было опубликовано после смерти Брюсова в литературных воспоминаниях Чулкова (см.: Чулков Г.И. Годы странствий. М., 1999. С. 352). О степени обиды Брюсова можно судить по письму последнего Вяч.И. Иванову от конца июля 1907 г.: «это не только бездарность (как я всегда утверждал), но еще шарлатан, рекламист и аферист» (Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 500)). После этого «Весы» с еще большей интенсивностью развивали свое наступление на Чулкова: полемические выпады Андрея Белого, З.Н. Гиппиус, Эллиса против «мистического анархизма», «петербургского модернизма», во многом определяли основное содержание критического отдела №№5, 6 и последующих книжек журнала за 1907 г.. Об отношениях самого Гумилева с Г.И. Чулковым см. комментарии к № 98 наст. тома. Стр. 18- 53. — № 75 (I), автограф 1. Стр. 54-73. — № 76 (I), автограф 1. Другая копия этого ст-ния приложена к № 22 наст. тома. Стр. 75-94. — № 77 (I). Стр. 95-114. — № 78 (I), автограф 1. Вторая копия этого стихотворения приложена к № 29 наст. тома.

19. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Graham 1983 (без даты) -- Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 18. В стр. 40 вместо «"заимствований"» ранее было «воровства».

Дат.: 23 сентября / 6 октября 1907 г. — по дате упоминаемого в письме ответа Р. Гиля (см. № 3 в разделе «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома).

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель парижского почтового отделения почти полностью вырезан вместе с маркой. На штемпеле московской экспедиции городской почты отчетливо видны только первые цифры (без года) — 26-IX-<07>.

Стр. 3-4. — Ответное письмо Р. Гиля, от 6 октября 1907 г. — № 3 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома. О визите к нему Гумилева, состоявшему 9 октября, см. № 20 наст. тома и комментарии к нему. Стр. 5-10. — О «Столичном утре» см. комментарий к стр. 4-6 № 17 наст. тома; о бойкоте «Золотого Руна» см. № 20 наст. тома и комментарий к нему, а также №№ 2 и 4 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома. Стр. 10-11. — «Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26. 52). Стр. 11-13. — См. №№ 16 и 17 наст. тома. Стр. 17-22. — Роман Брюсова «Огненный Ангел» печатался в «Весах» с начала 1907 г. (1907. №№ 1-3, 5-12; 1908. №№ 2, 3, 5-8). В №№ 7-8 за 1907 г., о которых идет речь в настоящем письме, были опубликованы глава V («Как мы изучали магию и чем кончился наш магический опыт») и VI («О моей поездке в Бонн к Агриппе Неттесгеймскому»). Не менее восторженно относились к роману Брюсова и другие «весовцы»: для С. М. Соловьева, например, это «плод соединения исключительно сильного таланта с исключительно сильной эрудицией»; «самый совершенный русский роман»; для Эллиса — «гениальный психологический роман» (см. Чудецкая Е. «Огненный ангел». История создания и печати // Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 тт. Т.4. М., 1974. С. 348; Гречишкин С. Лавров А. Брюсов-новеллист // Брюсов В.Я. Повести и расказы. М., 1983. С. 4-5). Сравнение романа Брюсова с «Данаидой» О. Родена следует рассматривать в контексте гумилевского отзыва о Родене в следующем году, как о «творце по мощи близком к Микель-Аиджело» (стр. 73-76 № 4 (VII)). В момент написания письма «Данаида» (1885) находилась в Музее новейшей французской живописи и ваяния, располагавшемся с 1818 г. в Люксембургском дворце; позже она вошла в экспозицию парижского Музея Родена. Гумилевское увлечение Роденом возникает в этот период не без влияния общения с учеником великого скульптора Яковом Николадзе (1876-1951) в ходе работы над «Сириусом» (Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 г.) // Исследования и материалы. С. 310). Стр. 22-24. — Гумилев, разумеется, не мог знать о настоящем, сугубо биографическом подтексте «Огненного Ангела», запечатлевшего личные отношения Брюсова с

Н.И. Петровской и Андреем Белым (фундаментальный анализ см.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Band 1. Pp. 79-107; Band 2. Pp. 73-96. Исследование начинается следующим утверждением: ««Огненный Ангел» В.Я. Брюсова — своеобразное явление в русской литературе: личная, биографическая основа мастерски скрыта в нем под тщательно выписанными аксессуарами средневековой Германии...»). Стр. 27-28. — Наряду со ст-ниями Гумилева в № 7 «Весов» (№№ 52, 53 62 (I): см. комментарий к № 11 наст. тома) были опубликованы: «Песня к лугу» В. Гофмана (С. 7-8); «Июньский закат преисполнен блаженным покоем...» и «После полдня золотого...» Б. Садовского (С. 15-16). О Викторе Викторовиче Гофмане (1884-1911) см. стр. 63, 74-80 № 28 (VII) и комментарий к ним и № 35 (VII) и комментарий к нему. О Борисе Александровиче Садовском (1881-1952) см. № 19 (VII) и комментарий к нему. Стр. 28-29. — В августовском номере «Весов» за 1907 г. появились цикл ст-ний С. Соловьева («Ты взманила к вешним трелям...», «Я блуждал в лесу родимом...», «Тают тайные печали...» (Весы. 1907. № 8. С. 9-14)) и ст-ние Е. Тарасова «Азия» (С. 15-16). О С. М. Соловьеве и Е.М. Тарасове см. ниже комментарии к стр. 30-37 и 38-41. Стр. 29. — В том же августовском номере журнала были опубликованы: «Чортовы качели» Ф. Сологуба. Цикл включал два ст-ния. «В тени косматой ели...» и «Что было, будет вновь...» (Весы. 1907. № 8. С. 5-8). О Сологубе Гумилев «позволил себе» писать год спустя — в газете «Речь» от 18 сентября 1908 г. (см. № 9 (VII)). Стр. 30-37. — Речь идет о рецензии Брюсова на первый сборник стихов С.М. Соловьева «Цветы и ладан» (М., 1907), — рецензии, далеко не такой «безоблачной», как то представляется по изложению Гумилева. Брюсов, действительно, отмечает, что «рифмы С. Соловьева большею частью очень интересны, и немало созвучий он первый ввел в обиход русской поэзии», но тут же оговаривается: «эпитеты производят впечатление такой надуманности и книжности, что и «ученическим опытам» этого простить нельзя», «к целому ряду недоразумений подает повод у С. Соловьева насильственное расположение слов» (Весы. 1907. № 5. С. 62-64). Однако кажется психологически несомненным, что Гумилевым двигала и «ревность» к похвале «учителя», благо общий «тон» и стилистика этой брюсовской рецензии (особенно ее «военная метафорика») весьма напоминали рецензию на ПК: «Мастерство и обдуманность стиха и серьезное отношение к задачам поэта — вот особенности, выделяющие С. Соловьева из ряда его сверстников. <...> Однако до сих пор творчество С. Соловьева еще не вышло за пределы перепевов и подражаний, и он очень прав, называя свой сборник «ученическим опытом». В лучшем случае, С. Соловьев дает новые комбинации уже знакомых элементов <...> «Цветы и ладан» — книга попыток, но автор не пытается в ней выразить свою душу, а только пробует разные способы выражения, не мечет, хотя бы и слабой рукой, первые копья боя, но старательно кует себе оружие для будущих поединков...» Впоследствии сам Гумилев положительно отзывался о поэзии Соловьева, отметив, между прочим, что он «печатал в «Весах» лучшие свои стихотворения, в которых, под руководством поэзии

Брюсова, он продолжал работу А. Майкова, иногда даже превосходя последнего чеканкой стиха и силой изобразительности» (стр. 64-67 № 28 (VII)). Подробнее о С.М. Соловьеве и отношении к нему и его творчеству Гумилева см. №№ 27, 60 (VII) и комментарии к ним. Стр. 35-36. — Гумилев имеет в виду начальные строки с-ния С.М. Соловьева «Я блуждал в лесу родимом / где звенела тишина...» (Весы. 1907. № 8. С. 11). Стр. 36-37. — В № 5 «Весов» за 1905 г. появились переводы С. М. Соловьева трех баллад Ф. Шиллера: «Кассандра» «Геро и Леандр» и «Рыцарь Тоггенбург» (Весы. 1905. № 5. С. 4 — 17). Стр. 38-39. — Евгений Михайлович Тарасов (1882-1943) — пролетарский поэт и активный участник революционного движения, автор двух стихотворных сборников: «Стихи, 1904-1905» (СПб., 1906) и «Земные дали» (СПб.: Шиповник, 1908). В первом из них Брюсов нашел «много плохих стихотворений <...> но <...> и прекрасные строки, за которые все прощаешь»; «значительное мастерство поэта в своем ремесле», и «даже в плохих песнях о тюрьме и ссылке <...> молнийные вспышки поэзии» (Весы. 1906. № 9. С. 56). «Грядущие гунны» Брюсова были впервые опубликованы в «Вопросах Жизни» (1905. № 9), и вошли в сб. «Στέφανος» («Венок». 1906). Ср. в № 16 наст. тома рассуждения Гумилева о его собственном подражании Брюсову в ст-нии «Маскарад». Стр. 39-41. — «Гумилев вспоминает слова Гека: «Папаша всегда говорил, что не грех брать взаймы, если собираешься отдать когда-нибудь; а от вдовы я слышал, что это то же воровство, только по-другому называется, и ни один порядочный человек так не станет делать» (Твен М. Приключения Гекльберри Фина // Собр. соч. М.: Правда, 1980. Т. 5. С. 259)» (ЛН. С. 446). Стр. 43-44. — Изречение Сальери из 1-й сцены «Моцарта и Сальери» Пушкина. Стр. 50-73. — № 79 (I), с ошибкой в ст. 8— «Над» вместо «Под» (см. стр. 57 наст. письма).

20. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 18. В стр.47 после «Чтоб» ранее было «плыть из».

Дат.: 26 сентября / 9 октября 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Копия письма Н.П. Рябушинскому написана на половинке листа той же почтовой бумаги (кремовой, «под материал»), что и само письмо. На конверте надпись: «Paris R. Danto». Штемпель почтового отделения Парижа — 10. 10. 07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 30. 09. 07.

Стр. 6-7. — По мнению Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова (ЛН. С. 448, 463), Гумилев послал в «Золотое Руно» вошедшие в РЦ 1908 ст-ния «Мне снилось, мы умерли оба...», «На руке моей перчатка...» (впоследствии «Перчатка»), и «Японской артистке Садо-Якко, которую я видел в Париже» (впоследствии озаг-

лавлено «Сада-Якко») (№№70, 72, 100 (I)).Стр. 7-9. — Имеется в виду письмо Брюсова от 3 / 16 сентября 1907 г. (№ 2 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома). Уход из «Золотого Руна» «всей группы «Весов»», в связи с чем Брюсов просит Гумилева не предлагать в этот журнал стихов, состоялся в августе 1907 г. (см. комментарии к №№ 15, 18 наст. тома). Поводом к формальному разрыву послужил эпизод, сложившийся вокруг статьи Андрея Белого «Против музыки» (На Перевале. VI. Против музыки // Весы. 1907. № 3. С. 57-60). На последовавшее возражение Белому его друга Э.К. Метнера, помещенное в «Золотом Руне» («Борис Бугаев против музыки».(1907. № 5)), Белый хотел ответить «письмом в редакцию», которое владелец журнала Н.П. Рябушинский (см. ниже) отказался печатать без возвращения Белого в состав сотрудников «Руна». Это вызвало возмущенный протест Белого в газете «Столичное утро» (5 августа 1907 г.). (Подробно о полемике «Весов» с «Золотым Руном» в 1907 г. см.: Лавров А.В. «Золотое Руно» // Русская литература и журналистики начала XX века. 1905-1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 157-163; Богомолов Н.А. К истории «Золотого руна» // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 61-83.). Отказ ведущих сотрудников «Весов» от сотрудничества в «Золотом Руне» был объявлен в двух коллективных письмах, помещенных в газете «Столичное утро»: 21 августа — Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и В.Я. Брюсова; 22 августа — Ю.К. Балтрушайтиса, М.А. Кузмина и М.Ф. Ликиардопуло (перепечат.: Весы. 1907. № 8. С. 78-79). Гумилеву, безусловно, также была знакома статья Брюсова «Золотому Руну» (Весы. 1907. № 6. С. 75-76 (подп. Р.)), являющаяся ответом на «антибрюсовскую» статью Н.П. Рябушинского и Г.Э. Тастевена «Причины одной литературной метаморфозы» (Золотое Руно. 1907. № 4. С. 79-80; подп. Эмпирик). Стр. 11-20, 84-100. — О Н.П. Рябушинском и его письме см. № 4 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома и комментарии к нему. Предположение Гумилева по поводу «тактики» поведения Рябушинского представляется весьма правдоподобным: ср., к примеру, документальное сообщение Н.А. Богомолова о попытке Рябушинского снова привлечь к сотрудничеству в «Золотом Руне» М.А. Кузмина — письмом от 22 августа 1907 г. (т.е. дня появления в печати подписанного Кузминым письма об уходе из журнала (см. выше)) и личной встречей с ним 2 сентября (Богомолов Н.А. Указ. соч. С. 57-61). Стр. 22. — По-видимому, Гумилев счел возможным посоветоваться с Рене Гилем (Ghil, псевд., наст. фамилия Ghilbert, 1862-1925 (см. о нем ниже комментарий к стр. 29-34)) не только как со старшим поэтом и авторитетным литератором, но и как с деятельным сотрудником «Весов»: только за предыдущие месяцы 1907 г. им были опубликованы в русском журнале восемь материалов (Письма о французской поэзии. V. Несостоятельность реакции. — Новые поэты, исходящие из принципов «Научной поэзии» (№ 1. С. 81-89); Новые сборники стихов (№ 3. С. 88-93); Ad. von Bever. Oeuvre poètique du sieur de Dalibray [рецензия] (№ 3. С. 94-95); Новые сборники стихов (№ 6. С. 83-86); По поводу одного недоразумения (№ 6. С. 86-87);

Новые книги о Ш. Бодлере (№ 6. С. 88-91); Новая книга Верлена (№ 8. С.83-88); По поводу новой книги Верхарна (№8. С. 89-95)). Как поясняют К.М. Азадовский и Д.Е. Максимов: «Р. Гиль оставался во Франции 1900-х годов хорошо известным, но одиноким и мало популярным автором. Его эстетические взгляды не встречали сочувствия даже у его соратников по символизму. Отсюда — вполне понятная надежда Гиля на поддержку за пределами Франции. Отсюда же — его заитересованность в «Весах» и готовность писать для них. <...> Р. Гиль, действительно, опубликовал в «Весах» в 1904-1909 гг. серию литературных обзоров и статей под общим названием «Письма о французской поэзии», а также ряд рецензий. По обилию корреспонденций (более ста) и по их согласованности с главным направлением журнала, Р. Гиль может считаться наиболее близким и активным среди иностранных сотрудников «Весов»» (Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 270.) Кроме того, Гумилеву был хорошо известен личный пиетет Брюсова к французскому поэту (см., прежде всего, статью Брюсова «Рене Гиль // Весы. 1904. № 12. С. 12-31). Полгода спустя Гумилев не преминул отметить общность художественных стремлений Брюсова с «мечтой» Рене Гиля (см. № 6 (VII)). О поэтическом творчестве автора «Писем о французской поэзии» см. также комментарий к стр. 16 № 17 (VII). Стр. 29-34. — О давно намеченном визите см. №№ 10, 16, 19 наст. тома и № 3 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. У Гиля тоже сложилось положительное впечатление о своем молодом собеседнике. Через несколько дней, в письме от 15 октября, он сообщил Брюсову: «J'ai eu la visite de M. Goumileff *qui m'a ététrès sympathique*, — et par lui-même et les qualités graves de son esprit, et par l'admiration bien simple et fervente qu'il vous porte. Il va demeurer cette année a Paris,aussi l'ai-je prié de me faire le plaisir de revenir causer,et en Novembre a mes vendredis soirs d'amis...» («Меня посетил г-н Гумилев, который мне очень понравился — сам по себе, из-за серьезных качеств его духа, а также из-за его откровенного и страстного восхищения по отношению к Вам. Он в этом году собирается остаться жить в Париже, поэтому я попросил его доставить мне удовольствие — снова придти ко мне побеседовать, а в ноябре посещать по пятницам мои дружеские вечера..»)(Неопубликованное письмо Н. Гумилева. Publ., comment. et notes R.Doubrovkine // Revue des Etudes Slaves. LXXI/1. 1999. P. 162). В 1907-1908 гг. Гумилев, действительно, несколько раз был у Гиля на его «пятницах»; см. комментарии к № 5 наст. тома, а также №№ 26, 36, и комментарии к №№ 37, 42 наст. тома). Стр. 34-36. — Гумилев намекает на З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского; возможно, что он также подразумевает К.Д. Бальмонта (см № 10 наст. тома). Стр. 37-38. — Виктор Гюго (1802-1885) — самый плодовитый из французских романтиков, автор 45-ти томного Полного Собрания Сочинений (Oeuvres complètes. Paris: «Hetzel», 1880-1885), с добавочными 16-ю томами (Oeuvres inédites. Paris: «Hetzel», 1886-1902). Вероятно, уместно отметить и то, что Брюсов в течение 1907 г. перевел ст-ние В. Гюго «О, родина, когда без сил» (Утро свободы. 4 мая 1907), и в начале ноября думал о нереализованном проекте перевода отдельного

тома его стихов (Переписка <Блока> с В.Я. Брюсовым (1903 -1919) / Вст. статья З.Г. Минц и Ю.П. Благоволиной. Публ. и комментарии Ю.П. Благоволиной // Александр Блок. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство. Т.92). Кн. 1. М., 1980. С. 509). Возможно, что упоминание Гюго присутствует здесь как отклик на реплику Брюсова из несохранившегося письма этого времени. Стр. 41-52. — № 80 (I), автограф 1. По сведениям П.Н. Лукницкого (Труды и дни. С.173), ст-ние было написано «по дороге из Севастополя во Францию» — т.е. в июле месяце (см. № 14 наст. тома, и комментарий к стихотворению «С корабля замечал я не раз», приложенному к № 16). Об автобиографическом подтексте ст-ния см. с. 399. т. I наст. изд. Другой вариант того же рассказа — в «Записных книжках» Анны Ахматовой: «Мы сидели у моря, дача Шмидта, летом 1907 г., и волны выбросили на берег дельфина. Н<иколай> С<тепанович> уговаривал меня уехать с ним в Париж — я не хотела. От этого возникло это стихотворение и еще один мой портрет в ряду других» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 359). Стр. 53-72. — № 81 (I), автограф 1. П.Н. Лукницкий утверждает, что ст-ние было написано «не позднее первой половины августа <1907 г.>» (Труды и дни. С.174). В экземпляре РЦ 1908 в библиотеке Брюсова, в 12 стихе были подчеркнуты слова «мраморный грот», а на полях сделана пометка: «На озере Чад???». В 5-й строфе Брюсов подчеркнул рифмы «вождя» и «дождя» и на полях отметил: «Произносится дожжя» (Пуришева К. Библиотека Брюсова // Литературное наследство. Т. 27-28. М., 1937. С. 674).

21. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф.386. 84. 18. В стр. 135 вместо «дымящаяся» ранее было «алеющая».

Дат.: Середина октября (н. ст.) 1907 г. — по датировке писем №№ 20 и 22.

С. 3. — Письмо с «мнением» Брюсова неизвестно. Некоторое представление о принципиальном для Брюсова значении вопроса о сотрудничестве его авторов в «Золотом Руне» дает письмо М.Ф. Ликиардопуло к М.А. Кузмину от 7 августа 1907 г., написанное очевидно с ведома Брюсова: «Ваше письмо (с согласием выйти из числа сотрудников «Золотого Руна» — *Ред.*) меня бесконечно обрадовало <...> Мы никогда не сомневались в том, что Вы наш, но за последнее время нам пришлось не раз ошибиться, вдруг открыв, что люди, которых мы привыкли считать своими, — становились нашими противниками» (Письма М.Ф. Ликиардопуло к М.А. Кузмину // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 197). Стр. 3-8. — Несмотря на письменное извещение Рябушинского о том, что ст-ния Гумилева «будут напечатаны в следующем номере журнала и уже набраны к печати» (см. № 4 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), ни одно из них в «Золотом Руне» не опубликовалось; обещание поместить имя Гумилев в числе

сотрудников журнала также не было исполнено. В течение следующих двух месяцев Гумилев неоднократно спрашивал Брюсова, не появились ли его стихи в «Золотом Руне» (см. №№ 23, 26 наст. тома), и только в январе 1908 г. заключил, что «вопрос <...> можно считать совсем исчерпанным» (стр. 14-15 № 30 наст. тома). Стр. 9-11. — Как следует из № 23 наст. тома, Гумилев послал в журнал «Нива» ст-ние «Сады души» (№ 85 (I)), однако, ни этого, ни каких-либо иных ст-ний Гумилева в «Ниве» в 1907-1908 гг. не появилось. Под «Правдой» очевидно имеется в виду петербургская газета «Голос правды» или московская газета «Правда живая» В.Т. Клименкова (см.: ЛН. С. 450). В первом издании печатались многие сотрудники «Слова» (см. комментарии к стр. 16 № 1 наст. тома и стр. 14 № 5 наст. тома), второе же представляло собой попытку продолжения-возобновления под другим именем «Столичного утра» (см. комментарии к № 17 наст. тома); по-видимому, вначале также предполагалось название «Правда». В трех единственных выпусках газеты (26-28 октября) появились произведения Брюсова, Белого, Балтрушайтиса; 29 октября 1907 г. газета была приостановлена (см. Переписка <Блока> с В.Я.Брюсовым (1903 -1919) / Вступ. статья З.Г.Минц и Ю.П.Благоволиной. Публ. и комментарии Ю.П.Благоволиной // Александр Блок. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство. Т.92). Кн. 1. М., 1980. С. 505). О судьбе ст-ний, посланных в «Русь», см. комментарий к стр. 25-27 № 16 наст. тома. См. также №№ 17, 19 наст. тома. Стр. 11. — О ст-ниях Гумилева, напечатанных в «Перевале», см. комментарий к стр. 25-27 № 16 наст. тома. Гумилев, по-видимому, продолжал недооценивать непримиримо отрицательное восприятие Брюсовым этого издания (ср. в письме Брюсова к К.И. Чуковскому от 12 / 25 октября 1906 г.: ««Провал», как у нас называют сие создание «Грифа» ...»(Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 289)). Стр. 13-14. — Участие «весовцев» в «Столичном утре» возобновилось к началу октября, после бойкота, о котором Брюсов ранее сообщил Гумилеву (см. № 19 наст. тома, и комментарий к стр. 4-6 № 17). Но Гумилев уже поблагодарил Брюсова за обещание устраивать его произведения в этом издании (№ 17 наст. тома), и безусловно правы Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков, предполагая, что в данном случае Гумилев ошибочно написал «*Столичное* утро» вместо «*Раннего* утра» (ЛН. С. 451). Газета «Раннее утро» стала выходить в Москве с ноября 1907 г., в ней сотрудничали А. Белый и М.А. Волошин, а Брюсов некоторое время заведовал ее стихотворным отделом (см. ЛН. С. 457). В этой газете были помещены ст-ния Гумилева «Над тростником медлительного Нила...» (29 ноября 1907. № 10), «Самоубийство» (22 декабря 1907. № 30) и приложенное к настоящему письму «Следом за Синдбадом-мореходом» (16 декабря 1907. № 25) (№№ 73, 76 и 91 (I)). См. также комментарий к стр. 3-6 № 26 наст. тома. «Голос Москвы» (1906-1915) — ежедневная московская газета, выпускаемая братом издателя «Золотого руна» московским предпринимателем Владимиром Павловичем Рябушинским (1873-1955) — совладельцем банкирского дома братьев Рябушинских, членом ЦК «Союза 17 октября» («Голос

Москвы» являлся главным органом «Союза 17 октября»). В письме от 5 октября 1907 г. Брюсов уведомлял Блока о перспективах сотрудничества в этой газете: «В политическом отношении — «октябризм». Сотрудничают, из Вам знакомых, А. Кондратьев, Б. Садовской, Нина Петровская. «Голос Москвы» хочет еженедельно издавать особое вполне самостоятельное литературное приложение, как прежде делало «Слово». Заведование этим делом предлагает мне. Я колеблюсь. Соглашусь только в том случае, если участие примет вся наша группа, напр. Вы, Бо<-рис> Ник<олаевич>, Ф. Сологуб...» (Переписка <Блока> с В.Я.Брюсовым (1903-1919) ... С. 501). 16 октября Брюсов в двух аналогичных письмах к Блоку и Сологубу оговорил основные условия издания «Приложений» (Там же. С. 503; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 г. Л., 1976. С. 112-113). Однако Белый и Сологуб отказались от сотрудничества с кадетами и, как Брюсов сообщил Блоку 28 октября 1907 г., «вся комбинация с этой газетой расстроилась» (Переписка <Блока> с В.Я.Брюсовым (1903 -1919). С. 505; ср. также комментарий на с. 506). Стр. 22-27. — «Гиена» и «Святой Георгий» (№№ 73 и 74 (I)) были приложены к № 17 наст. тома; «Улыбнулась и вздохнула...», «Безумье» и «Под землей есть тайная пещера...» (№№ 76-78 (I)) — к № 18; «Царица или ребенок» (№ 80 (I)) — к № 20. Что касается стихотворения «Я смотрю на закат и снега...», то очевидно имеется в виду «На горах розовеют снега...» (№ 79 (I); ср. в последней строфе: «И на миг, забывая покой, / Ты припомнишь закат и снега...»), приложенное к № 19 наст. тома. Стр. 30-49. — № 91 (I), автограф 1. На рукописи две пометы Брюсова: сверху — «Раннее Утро» (о публикации см. выше); внизу «Н. Г-в.». В т. I наст. изд. (с. 411) это письмо было датировано на основе приложенного к нему в архиве Брюсова конверта с почтовым штемпелем от 7 декабря 1907 г.; такая датировка не соответствует содержанию письма. Это и следующие три ст-ния следовало бы поместить в хронологической последовательности ст-ний Гумилева непосредственно за № 81 (I). Стр. 50-73. — № 92 (I), автограф 1. Стр. 74-101. — № 93 (I), автограф 1. Стр. 102-143. — № 94 (I). Гумилев сам внес несколько поправок в текст рукописи: см.: с. 413 т. 1 наст. изд.

22. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М.Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 20. В стр. 108 после «деревням» ранее было «тростник».

Дат.: 14/ 27 октября 1907 г. — по датировке Р.Д.Тименчике (см.: ЛН. С. 452).

Стр. 5-8. — К письму приложены новые копии (стр. 84-131) уже приложенных к №№ 17 и 18 наст. тома ст-ний: «Над тростником медлительного Нила...» (№ 73 (I)) и «Улыбнулась и вздохнула...» (№ 76 (I)). Мелкие разночтения в первом из них — см.: с. 300 т. I наст. изд. (датировка обоих ст-ний в т. I неточна). Стр. 8-9. — В октябре 1907 г. вышло два номера петербургского

общественно-политического и литературно-художественного журнала «Луч» (редактор — Н.П. Боровская; издатель — С.С. Зусман (псевдоним: Гарт)). Первый номер был конфискован, на втором издание прекратилось. Кроме Блока и Сологуба, среди участников журнала были М.А. Кузмин и А.Н. Толстой. Стр. 11-12. — Подразумевается майская встреча Гумилева с Брюсовым в Москве (см. комментарии к №№ 7, 11, 14 наст. тома); о «парнассизме» Гумилева см. № 45 наст. тома и комментарий к нему. Стр. 16-35. — № 82 (I), автограф. Стр. 36-59. -№ 83 (I), автограф 2. Как отмечают Р.Д.Тименчик и Р.Л.Щербаков: «Согласно Плутарху, Помпей воевал с пиратами, но в плен к ним попал не он, а Юлий Цезарь, захваченный у острова Фармакуссы близ Милета. 38 дней провел он среди пиратов, дожидаясь, пока прибудет назначенный за его жизнь выкуп, и «вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. 2. С. 451)» (ЛН. С. 452). Стр. 60-83. — № 84 (I), автограф 1. Копия ст-ния (автограф 2) приложена также к № 26. «В более позднем тексте автор заменил ошибочный эпитет «красные» во втором стихе на «длинные» (т.к. знамена пророка зеленого цвета), а также в 10-м стихе — «смуглые» на «тонкие», чтобы избежать повтора одного и того же эпитета в соседних строфах» (ЛН. С. 452). Стр. 84-111. — № 73 (I), автограф 2 (датировка письма в т. I наст. издания ошибочна). Первоначальный автограф этого ст-ния приложен к № 17 наст. тома. На полях рукой Брюсова, написано «Недурн.<о>» (карандашом) и «Отдано в Р<аннее> Утро» (чернилами)). Ст-ние было опубликовано в газете «Раннее утро». 29 ноября 1907. В экземпляре РЦ 1908 в библиотеке Брюсова были перечеркнуты в ст. 6 слова «грешная сирена» и на полях записан вопрос: «Что это такое?» (Пуришева К. Библиотека Брюсова // Литературное наследство. Т. 27-28. М., 1937. С. 673).). Стр. 112-131. — № 76 (I), автограф 2 (датировка письма в т. I наст. издания ошибочна). Первоначальный автограф этого ст-ния приложен к № 18 наст. тома. Ст-ние было опубликовано в в газете «Раннее утро» 22 декабря 1907.

23. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1986 (публ. М.Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); ЛН
Автограф — РГБ. Ф.386.84.18.
Дат.: 17/30 ноября 1907 г. — авторская датировка.

Стр. 4-7. — «Хлопоты» были связаны с окончательным разрешением для Гумилева «призывной проблемы», тянувшейся с мая 1907 г. (см. комментарии № 13 наст. тома). Для понимания этого «биографического сюжета», связанного с двумя — весенней и осенней — поездками Гумилева в Россию в 1907 г., необходим краткий экскурс в историю российского военного строительства (см.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1877 гг. в России, М., 1952; Военная реформа. Сб. ст., СПб, 1906; Устав о воинской повинности, сост. П.С. Цыпкин, СПб, 1915; Редигер А.Ф.

Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. 1, СПб, 1913). В России в конце XIX— начале XX веков военные реформы проводились дважды. Первая — в 1860-70-х годах, вторая — в 1905-1912 годах. По первой реформе в 1874 году рекрутский набор заменила *всесословная* воинская повинность. По закону 1 января 1874 призыву на военную службу *подлежали лица всех классов и сословий с 21 года*. Было много льгот. От воинской службы освобождались священники, врачи, не призывались также единственные кормильцы семьи и единственные сыновья. На братьев Гумилевых — Дмитрия и Николая — эти льготы не распространялись. Однако отсрочка от призыва давалась *и студентам*, и, потому, возникает вопрос о статусе Гумилева в Сорбонне, обучение в которой и было «официальной» причиной его отъезда в Париж. Более чем вероятно, что студентом парижского университета он весной 1907 г. уже не являлся, — в противном случае он мог бы просто представить в призывную комиссию соответствующие документы. Однако таковых документов у поэта, очевидно, не было, и потому ему пришлось проходить призыв на общих основаниях.

Итак, по существующему на тот момент положению, призыву на военную службу подлежали те, кому исполнилось 21 год. Николаю Гумилеву 3(15) апреля 1907 года как раз и исполнилось 21 год. Он был обязан, не мог не явиться в воинское присутствие именно в конце апреля — начале мая 1907 г. Поскольку число военнообязанных в мирное время значительно превышало потребность вооруженных сил, призывники «тянули жеребий». По некоторым сведениям, жребий вытягивал один человек из пяти. Помимо того, существовало положение, согласно которому можно было отказаться от жребия. В этом случае «новобранец» считался «вольноопределяющимися», и мог служить всего один год, пользуясь рядом льгот. Не вытянувшие жребий и имеющие освобождения или отсрочки зачислялись в запас, и их призывали лишь в случае войны. Те же, кто вытянул жребий с заранее определенным номером, уже в обязательном порядке подлежали призыву. Срок воинской службы на 1907 год составлял от трех до пяти лет, в зависимости от рода войск. Непосредственно при призыве они проходили медицинскую комиссию. В отличие от нынешних времен, с весенним и осенним призывом, тогда непосредственно призыв проводился только раз в год, а именно — в ноябре. Тогда же, собирались и медицинские комиссии. Требования к состоянию здоровья были довольно жесткие. Таким образом, Николай Гумилев был обязан явиться в воинское присутствие до начала ноября 1907 года. Он должен был пройти медицинскую комиссию, и в результате 30 октября 1907 года получил следующее «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности (Бессрочное)» (РГИА Спб Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522, л.13; факсимильное воспроизведение подлинника: Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 139): «Сын Статского Советника Николай Степанович Гумилев (вписано от руки, далее напечатано) явился к исполнению воинской повинности при призыве 1907 года и, по вынутому им № 65 (номер вписан от руки) жеребья, подлежал поступлению на службу в войска; но, по освидетельствованию, признан совершенно неспособным к военной службе, а потому осво-

божден навсегда от службы. Выдано Царскосельским уездным по воинской повинности Присутствием 30 октября 1907 года за № 34-м (дата и № — от руки)» Далее — подписи и печати.

Осенний визит в Россию «по казенной надобности» Гумилев использовал и «в личных целях» — «по дорогое побывал в Севастополе у А. Горенко. Она жила в доме Мартино на Малой Морской, № 43, кв. 1. Полученный отказ мог быть связан с тем, что ей грозил туберкулез, от которого год назад умерла ее сестра, Инна» (Соч III. С. 355). Следует заметить, что Ахматова была уверена, что эта поездка была «романтической эскападой» влюбленного Гумилева, совершенной исключительно для свидания с ней: «В октябре, одолжив денег и ничего не сообщив родителям, он поехал в Киев, но его попытки уговорить Анну выйти за него замуж оказались не более успешными, чем прежде» (Хэйт С. 30)). Упоминание Киева вместо Севастополя — аберрация памяти Ахматовой, объяснимая тем, что в Киеве, — проездом из Севастополя в Петербург, — в эту поездку Гумилев останавливался, и, по-видимому, познакомился с сотрудниками киевского «декадентского» журнала «В мире искусств», печатавшего в 1907 г. произведения Брюсова, А. Белого, А. Блока, М. Кузмина и др. Ст-ние Гумилева «Я долго шел по коридорам...» (№ 88 (I)) было опубликовано в № 20-21 журнала (1 декабря 1907); в следующем номере (№ 22-23) была помещена статья Гумилева о М.В. Фармаковском (№ 2 (VII)). Стр. 7-8. — Во введении к «Критике чистого разума» немецкий философ И. Кант (1724-1804) заявляет, что каждый может усомниться в возможности метафизики, которая не существует в качестве «науки»: сверхчувственная (транцендентальная) область бытия недоступна познанию. Стр. 8-19. — Имеются в виду «три новеллы» «Радостей земной любви» (№ 4 (VI)). О понятии «новелла» в ранней прозе Гумилева, взаимосвязи «трех новелл» и роли «посвященья к ним» см. с. 292-296. т. VI наст. изд. «Радости земной любви» были посланы Брюсову через несколько дней после настоящего письма, в письме № 24 наст. тома, но опубликованы в «Весах» лишь следующей весной (Весы. 1908. № 4. С. 31-37), — с посвящением «Анне Андреевне Горенко». Подробнее об автобиографическом подтексте этого произведения см. С. 301 т. VI наст. изд. Упоминание Гумилева о «романических причинах» явно позволяет заключить, что, если он и получил очередной «отказ» Ахматовой во время октябрьской поездки в Россию, то, по крайней мере, не «окончательный». Стр. 22-23. — Об истории с «Шутом короля Батиньоля» см. №№ 8, 14 наст. тома и комментарии к ним. Стр. 34-35. — См. комментарий к стр. 9-11 № 21 наст. тома. Стр. 38-61. — № 85 (I), автограф 1. См. также № 44 наст. изд. и комментарий к нему. Об оккультном соответствии этому стихотворению в произведениях Папюса см. с. 280-281. т. VI наст. изд. Стр. 62-86. — № 86 (I), автограф 1. Стр. 88-90. — Как указано выше (комментарий к стр. 3-8 № 21 наст. тома), «Золотое Руно» произведений Гумилева не публиковало; из упомянутых в том же письме московских газет, только в «Раннем утре» было напечатано три стихотворения Гумилева — но уже после отправления настоящего письма.

24. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М.Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф – РГБ. Ф.386.84.18.

Дат.: Между 2 и 6 декабря (н. ст.) 1907 г. — по датировке Р.Д. Тименчика (ЛН. С. 454-455).

Стр. 3-8. — Отметив, что конверт от этого письма не сохранился, Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков добавляют, что в нем «были отправлены новеллы, которые 17/30 ноября 1907 г. Гумилев обещал отправить на следующий день заказным письмом» (ЛН. С. 455). Рукопись «Радостей земной любви» в архиве Брюсова не сохранилась. Стр. 9-10.— Названные ст-ния были приложены к №№ 20 и 21 наст. тома. Стр. 10-11. — Все три ст-ния были впервые опубликованы в РЦ 1908, в новой редакцией, под общим заглавием «Озеро Чад». Стр. 14-15. — В РЦ 1908 это ст-ние имело подзаголовок «Барабанный бой племени Бурну». Стр. 21-79. — № 95 (I), автограф 1.

25. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М.Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; ЛН.

Автограф — РГБ. Ф.386.84.19. В стр. 21 после «и» ранее было «тогда».

Дат.: 24 ноября / 7 декабря 1907 г. — по датировке Р.Д.Тименчика (ЛН. С. 455-456).

Стр. 7-8. — См. № 7 наст. тома и комментарий к нему. Стр. 8. — Подразумевается Блудный сын (Лук. 15. 11-32). Как Брюсову, так и Гумилеву принадлежит стихотворное произведение на тему этой притчи (см.: Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7 т. М. 1973. Т. 1. С. 276; № 15 (II)). О «типологическом сходстве» брюсовского ст-ния с «поэмой» Гумилева, не учтенном в комментариях т. II наст. изд., см.: Устинов А.Б. Поэтические прогулки Василия Комаровского или частный случай «Антиномичности поэтики русского модернизма» // В.Я.Брюсов и русский модернизм. Москва, 2004. С. 114-115. Стр. 11. — Имеется в виду заключительная часть «Радостей земной любви» (стр. 149-185 № 4 (VI)). О герое «трех новелл», итальянском поэте Гвидо Кавальканти (между 1250-1260-1300) см. комментарий к стр. 9-10 № 4 (VI). Стр. 16-17. — Новеллы были посланы с № 24 наст. тома (см. комментарии). Заметка Гумилева (№ 3 (VII) о парижской «Выставке нового русского искусства» («Exposition d'Art russe moderne») была опубликована в ноябрьском номере «Весов» (Весы. 1907. № 11. С. 87-88). Вероятно поэт был на открытии выставки 22 ноября / 5 декабря 1907 г. См. об этом также комментарии к № 26 наст. тома. Стр. 28-29. — О секретаре «Весов» М.Ф.Ликиардопуло и взаимоотношениях с ним Гумилева см. комментарий к № 46 наст. тома.

26. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф.386.84.18.
Дат.: 3 / 16 декабря 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — 16.12.07. Штемпель московской экспедиции городской почты — 06.12.07.

Стр. 3-4. — Ст-ние «Гиена» («Над тростником медлительного Нила» (№ 73 (I)) было опубликовано Брюсовым в номере газеты от 29 ноября 1907 г. См. комментарий к стр. 13-14 № 21 наст. тома. Стр. 4-6. — Как уже говорилось (комментарии к стр. 13-14 № 21 наст. тома) «Раннее утро» было газетой кадетского направления. Ср. в этой связи шуточный отзыв Гумилева о Союзе 17 октября в стр. 34-35 № 5 наст. тома. Стр. 7-8. — Николай Константинович Рерих (1874-1947) являлся, по мнению Гумилева, «бесспорным королем» выставки нового русского искусства в Париже. В печатном отзыве об этой выставке, где Рерих «выставил 89 вещей», Гумилев отметил его «духовное родство с крупным новатором французской живописи Полем Гогеном» (см. стр. 9-35 № 3 (VII)). Полтора года спустя, в заметке «По поводу «салона» Маковского» (1909), Гумилев еще более высоко оценивал творчество Рериха, назвав его «высшей степенью современного русского искусства» и заявив, что «Рерих открыл непочатые области духа, которые суждено разрабатывать нашему поколенью» (см. стр. 40-49 № 13 (VII)). Такая оценка, безусловно, говорит о глубоком сходстве между Гумилевым и Рерихом, которое выявляется в особенностях их трактовки «русской» и, шире, «национальной» темы, — с точки зрения «великой сказки истории, смены двух рас» (стр. 24 № 3 (VII)), раскрытия «влияний скандинавских, византийских и индийских, <...> преображенных в русской душе» (стр. 43-44 № 13 (VII)). Однако, тема «Гумилев и Рерих» все еще ждет своего исследователя. После возвращения в Петербург Гумилев поддерживал отношения с Рерихом, встречался с ним, состоял с ним в переписке. См. также комментарий к письму Рериха (№ 8 раздела «Писем к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Мария Клавдиевна Тенишева (1858-1928; год рождения обычно дается как 1867: более ранняя дата была недавно уточнена по соответствии с метрической книгой церкви Сятого Равноапостольского князя Владимира в Санкт-Петербурге) — известная художница, коллекционер и меценат, одна из основателей журнала «Мир искусства», устроительница парижской выставки нового русского искусства. Более всего она была известна «своей деятельностью по поощрению народного искусства и кустарных ремесел, основавшая для этой цели в своем имении Талашкино в Смоленской губернии художественные мастерские» (Неизд 1980. С, 170-171; см. также об этом книгу со статьями Н. К. Рериха и С. К. Маковского: «Талашкино. Изделия мастерских кн. М. Кл. Тенишевой» (Пг., 1905)). На выставке нового русского искусства, как сообщает Гумилев: «Княгиня Тенишева выставила свои эмали

и керамику и, кроме того, работы крестьянок Смоленской губернии, сделанные под ее наблюдением. Она и проповедуемое ею крестьянское искусство имеют большой успех в Париже, так что многие вещи уже проданы, даже французскому правительству» (стр. 49-53 № 3 (VII)). Рерих, впервые посетивший Талашкино в 1903 г. и немедленно включившийся в работу как учитель и художник-декоратор, впоследствии более подробно писал о ее «парижских» эмалях: «Работа в Талашкине затронула керамику, резьбу, вышивки; но разные условия не довели дело до еще одного старейшего производства — до эмали. Давней мечте княгини М. К. Тенишевой — вызвать к жизни заглохшее благородное эмальерное дело — удается осуществиться только теперь. В Париже идет работа над русскими эмалями. В Париже княгиня Тенишева устроила муфеля, обставила лучшими средствами мастерскую, нашла специалистов для совещаний о многих теперь утерянных красивых тонах. В библиотеках и архивах отыскиваются рецепты красок, самыми неожиданными поисками добываются разные материалы — камни и металлы — для соединения с эмалью. Уже целым рядом выступлений на выставках (Салон «Марсова поля», Осенний Салон, Международная выставка в Лондоне) эмали княгини Тенишевой были очень оценены и получили известность. Блюдо было приобретено Люксембургским музеем. Очень удачны были ларцы (эмаль с амарантовым деревом; белая с зеленым), подсвечники, шкатулочки. Но, вспоминая о далекой колыбели эмали, о Востоке, хотелось идти дальше, сделать что-то более фантастичное, более связующее русское производство с его глубокими началами...» («Заклятое зверье» (1909)). Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков (ЛН. С.457) указывают также на статью М. В. Фармаковского о выставке Тенишевой в газете «Одесский листок» (1907. 30 ноября). Стр. 8-9. — «Пятницы» Р.Гиля начались в ноябре; о намерении Гиля пригласить на них Гумилева см. комментарии к стр. 29-34 № 20 наст. тома. В числе регулярных участников этих «дружеских вечеров» были поэты «Аббатства» (см. комментарий к стр. 5 № 5 наст. тома). Следует добавить, что известная заметка Ахматовой о том, что «Рене Гиль проповедовал «научную поэзию», и его так называемые ученики с превеликой неохотой посещали мэтра», относится к более позднему периоду — 1911 г. (Ахматова А. Амедео Модильяни // Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 13; первый манифест «научной поэзии» составило предисловие к книге Гиля «Легенда души и крови» (1885)). Стр. 9-10. — О французском поэте Nikolas Deniker (гумилевское написание фамилии — Denicer — орфографически ошибочно) см. комментарий к стр. 5 № 5 наст. тома. Стр. 11. — Деникер надписал гумилевский экземпляр своего единственного сборника стихов в ноябре 1907 г. (см. комментарий к стр. 5 № 5 наст. тома); рецензия Р. Гиля (процитированная нами в том же комментарии) была помещена только в № 3 «Весов» за 1908 г. Стр. 12-14. — Jardin des Plantes — парижский Ботанический сад, в котором, по восходящей к XVIII в. традиции, также помещался зверинец с редкими животными. В контексте приложенных к предыдущим письмам стихов Гумилева об «озере Чад», «садах души» и т.д. (см. №№ 20, 21, 24, 23 наст. тома), небезынтересны яркие впечатления от Jardin des Plantes, которыми

открывается раздел «Письма из Парижа (1911 г.)» книги воспоминаний Г.И. Чулкова: «Я часто хожу в *Jardin de Plantes*, в этот прелестный уголок Парижа, сохранивший очарование прошлых дней. Мимо [вольера] «*Martin*» (мартышки — *Ред.*), вокруг которого всегда стоит толпа зевак, мимо невероятных павлинов, мимо гиппопотамов с мордой, похожею на чемодан, я спешу пройти к помещению, где дремлют змеи. Меня влекут к себе почему-то эти странные существа, с таким сильным и гибким телом, с таким изысканным рисунком на коже и с такими непонятными глазами, влюбленными в какую-то нам неведомую тишину...» (Чулков Георгий. Годы странствий. М., 1999. С. 255). Как уже было указано (см. комментарий к стр. 3-4 № 5 наст. тома), этот «прелестный уголок Парижа» был связан с семейством Деникеров, проживавшим в роскошном казенном доме в самом Jardin des Plantes. По воспоминаниям А. Сальмона, младшие брат и сестра Н. Деникера с большой охотой принимались его дразнить, обзывая его «единственным поэтом, родившимся в зверинце» (Salmon A. Souvenirs sans fin. Premiіre époque (1903-1908). Paris,1955. P. 66). Согласно тому же источнику, ночные посещения зверинца стали любимым времяпрепровождением парижской богемной молодежи: «...проживая в Доме Буффона, <Н. Деникер> держал в своем кармане ключ от Jardin des Plantes. Ключ от Jardin des Plantes! Можете ли вы себе представить, какие это предоставляло нам возможности, — нам, поэтам общества «La Plume», завседатаям кафе Closerie des Lilas, баров Taverne du Panthéon и Taverne Pascal <...> ресторанчика Lorraine, переделанного теперь в кинотеатр. Задолго до настоящего кино, для нас кино означало — проходить в два часа ночи на вершину лабиринта, под ветви ливанского кедра ...» (Там же. С. 69; лабиринт был создан в Ботаническом саду графом Буффоном в 1739 г.). Как раз в 1907 г. одним из частых ночных посетителей Ботанического Сада был художник Анри Руссо (Rousseau, 1844-1910; «Таможенник»; см. № 4 (VII) и комментарий к нему), написавший под впечатлением этих прогулок картину «Мандрилл в девственном лесу» (выставлена на Осеннем Салоне 1907 г.). На этой картине изображена содержащаяся в зверинце Jardin des Plantes огромная обезьяна Бу-бу, очевидно пользовавшаяся особой популярностью у «декадентствующих» гостей Деникера из-за мрачных «зоофилических» легенд, связанных с этим видом («Мандрилл — крайне опасен, и часто нападает на одиноких женщин», — сообщала «Энциклопедия Лярус» (Larousse de XXème siècle. Paris, 1904)). Возможно, именно этот «сюжет» послужил и «толчком» к созданию гумилевского рассказа «Лесной дьявол» (см. № 11 (VI) и комментарии к нему), который появился в печати несколькими месяцами спустя. По сообщению М.В. Фармаковского Гумилев в 1907 г. «постоянно посещает Jardin des Plantes, подолгу (иногда по ночам) наблюдает крокодилов, гиен, тибетских медведей, птиц и др. животных» (Труды и дни. С. 177). «Об этих медведях рассказывала <...> и Анна Андреевна Ахматова. По ее словам, Гумилев проводил с ними много часов и мечтал увидеть тех же животных на воле» (Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886-1913. М., 1995. С. 80). Стр. 15-16. — «В первом действии пьесы Г. Ибсена «Привидения» Фру Альвинг рассказывает пастору Мандерсу, что ее покойный муж, бездельник

и пьяница, «день-деньской валялся на диване и читал старый адрес-календарь» (Ибсен Г. Собр. соч. М.: Искусство, 1957. Т. 3. С. 485)» (ЛН. С. 458). Стр. 17-19. — К письму приложены (стр. 34-81) ст-ние «Приближается к Каиру судно» (№ 84 (I), автограф 2), ранее приложенное к № 22 наст. тома, и ст-ние «Как труп, бессилен небосклон...» (№ 96 (I)). Неизвестно, было ли второе из них уже знакомо Брюсову. Стр. 29-31. — В «Раннем утре» заметок Гумилева о парижских выставках и театрах не появлялось; кроме публикаций в «Весах» и киевском «В мире искусств» (№ № 2-4 (VII)), никакие корреспонденции Гумилева того времени не известны.

27. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. Ф.386.84.18.
Дат.: 13/26 декабря 1907 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа неразборчив. Штемпель московской экспедиции городской почты — 17. 12. 07. Ответом на это письмо является письмо В.Я. Брюсова от 20 декабря 1907 / 2 января 1908 г. (№ 5 в разделе «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). «В письме поставлена дата 26.11.07. Но, во-первых, 30 ноября Гумилев извиняется за долгое молчание (см. № 23 наст. тома — *Ред.*), во-вторых, на конверте настоящего письма стоит штемпель московской почты 17-ХП-1907, а в-третьих, 1-й том «Путей и перепутий», за который Гумилев благодарит Брюсова, выпущен издательством «Скорпион» в первых числах декабря 1907 г. (см.: Раннее утро. 1907. № 3, 20 ноября). Таким образом, можно считать, что в дате Гумилева описка» (ЛН. С. 459).

Стр. 3-5. — Имеется в виду книга Валерия Брюсова: Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. 1. Юношеские стихотворения. Это — я. Третья стража. 1892-1901. М.: Скорпион, 1908. Как указано выше, книга вышла в начале декабря 1907 г. Сборник «Tertia Vigilia» (Третья стража) вошел в нее в измененном составе (который автор назвал «вторым изданием»). Стр. 8. — Ответ Брюсова последовал в письме от 20 декабря 1907 г.: «Родился я 1 декабря 1873 г.» (№ 5 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома). Стр. 8-10. — Ср. тенденцию Брюсова находить в Гумилеве сходство с собой в молодости (см. комментарии к стр. 4-5 № 1 и стр. 12-13 № 16 наст. тома). Стр. 10-11. — Ср. в «Предисловии» Брюсова к его раннему сборнику «Chefs d'oeuvre» (М., 1895): «Chefs d'oeuvre — последняя книга моей юности; название ее имеет свою историю, но никогда оно не означало «шедевры моей поэзии», потому что в будущем я напишу гораздо более значительные вещи (в 21 год позволительно давать обещания!)...». Стр. 12. — Ср. в предыдущем письме: «я все это время сильно нервничаю» (стр. 12 № 26 наст. тома). Согласно данным А. Хэйт, к декабрю 1907 г. относится новая попытка самоубийства Гумилева: «В декабре он попробовал отравиться и был найден спустя сутки в

бессознательном состоянии в Булонском лесу» (Хэйт. С. 30-31). Об этом же эпизоде Гумилев рассказывал А.Н. Толстому, который передает его чуть иначе (Гумилев сам очнулся, долго пролежав без сознания). Толстой также добавляет объяснение Гумилева своему поступку: «Вы спрашиваете, — зачем я хотел умереть? Я жил один, в гостинице, — привязалась мысль о смерти. Страх смерти мне был неприятен... Кроме того, здесь была одна девушка...» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 38). Стр. 15-39. — № 89 (I), автограф 1. В Т. I наст. изд. (с. 409) была принята предложенная М.Баскером и Ш.Греем датировка письма от 2 декабря (и. ст.) 1907; такую датировку следует признать ошибочной. Приложенные к настоящему письму два ст-ния соответственно следовало бы разместить в хронологической последовательности ст-ний в т. I за №№ 96 и (более предположительно) 97. Стр. 40-53. — № 90 (I). В ст. 9 — разночтение по сравнению с РЦ 1908 («Наш взор являл туманное ненастье...»).

28. При жизни ие публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — Автограф —РГБ. Ф.386.84.18.

Дат.:19 декабря 1907 г. / 1 января 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — 01.01.08 Штемпель московской экспедиции городской почты — 22. 12. 07.

Стр. 4-5. — См. комментарий к № 25 наст. тома. Заметка Гумилева (№ 3 (VII)) была опубликована: Весы. 1907. № 11. С. 87-88. Стр. 18-32. — № 98 (I), автограф.

29. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980, без стихов и рассказа (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов и рассказа); ЛН (без стихов и рассказа).

Автограф. — РГБ. Ф.386.84.19. В стр.120 после «горло» ранее было: «и давить грудь». В стр. 133 вместо «пришел» ранее было «приехал». В стр.146 после «нежным», раиее было «чарующим, как лютня менестреля». В стр.157-158 вместо «и блестя серебром» ранее было «как бронзовые запястья любимейшей дочери арабского шейха». В стр. 161 после «теии» ранее было «похожие на огромных сонных бабочек».

Дат.: 25 декабря / 7 января 1908 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в коиверт с пометой «ЗАКАЗНОЕ. Отправитель: Н. Гумилев, Франция, Париж», адресоваииый «Russie. Moscou, monsieur Valer Brussov Москва. Театральиая пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию

Яковлевичу Брюсову». На конверте следующие пометки: «recommandèe 316», «Заказное», Expediè par N.Goumileff, Paris, rue Bara, 1. Отправитель: Н.Гумилев, Франция, Париж». Штемпель почтового отделения Парижа –. 07.01.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 29.12.07. Ответ Гумилева — наряду с письмом № 30 — на письмо Брюсова от 20 декабря 1907/ 2 января 1908 г. (№ 5 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-4. — См. комментарий к стр. 13-14 № 21 наст. тома. Стр. 4-6 — Речь идет о статье А. Белого «Поэт мрамора и бронзы» (Раннее утро. 19 декабря 1907 (№ 27)), которую Брюсов послал Гумилеву в письме от 20 декабря 1907 г. Ее «первая часть» представляет собой выпад против эпигонов модернизма («Куда деваться от модернизма? Все стали декадентами»), модным претензиям которых Белый во «второй части» противопоставляет одинокий образ автора «Путей и перепутий», целеустремленно идущего, как все истинные поэты, «к вечным ценностям»: «Брюсов действительно нов: но как он несовременен! До какой степени стоит одиноко в толпе современных модернистов! Они заимствовали у него все, что могли заимствовать: он проанализировал стих, разложил его на составные части, вдохнул жизнь в слова, даже в знаки препинания, а они воспользовались его работой, оделись в его одеяние и все-таки ни на иоту не приблизились к Брюсову, потому что своеобразные законы брюсовского стиха только у Брюсова живут: последователи Брюсова часто слишком рахитичны, чтобы облечься в доспехи его формы. Они проваливаются в форму, как провалился бы неврастеник XX века в железном панцыре средневекового рыцаря. <...> рыцарский меч, может быть, не по рукам современникам; оттого-то они поскорей стараются его прибрать в музей. Этим мечом высекает Валерий Брюсов свои образы на мраморе и на бронзе». В заключении своей статьи А. Белый с пророческим пафосом коснулся проблемы отсутствия на настоящий момент «действительных учеников» Брюсова: «Валерий Брюсов, поэт хаоса и бесформенности, закрыл свою проповедь железным щитом формы, и об этот щит бессильно разобьются модернистические волны поэтов, пока не придут к Брюсову его действительные ученики. Их еще нет, но они будут». Мотивы этой статьи Белого Гумилев использовал в своей рецензии на книгу А. Тинякова «Navis nigra»: «Александр Тиняков — ученик Брюсова, но как прав был Андрей Белый, говоря, что брюсовские доспехи раздавят хилых интеллигентов, пожелавших их надеть. Тиняков — один из раздавленных» (стр. 29-32 № 50 (VII)). Стр. 6-9. — Это заявление Гумилева не соответствует действительности. «Зависимость» его от «мэтра» ощущалась «современниками» так отчетливо, что молодого царскосельского поэта прямо числили «литературным детищем Брюсова, который руководит им» (В.И. Анненский-Кривич). Рецензируя РЦ 1908 А. Левинсон отметил «огромное влияние В.Брюсова» (см.: Современный мир. 1909. № 7. С. 38-41), а С.М. Городецкий язвительно объяснил преобладание тематики «блуда» в стихах этого сборника «литературным преемством от одного из главных наших декадентов» (Утро. 29 сентября 1908. (№ 18)). С тех пор указания на влияние Брюсова (как положительные, так и отрицательные) стали на долгое время «общим местом»

критической рецепции Гумилева. Тем не менее гумилевское посвящение «моему учителю Валерию Яковлевичу Брюсову» лишь «образцовых» Ж 1910 должно быть воспринимаемо с учетом настоящего письма. Только в момент выхода третьей книги Гумилев почувствовал себя вправе публично заявить о своем «ученичестве» у «мэтра». Стр. 9-10. — Отзыв Гумилева о «молодых поэтах» «Весов» см. в № 19 наст. тома. Стр. 13 — 17. — К письму приложен (стр. 74-171) рассказ «Золотой рыцарь» (№ 5 (VI), автограф). Брюсов не взял этот рассказ ни для «Весов» ни для «Раннего утра», и летом 1908 г, еще раз переработав его, Гумилев отдал его в «Русскую мысль», где он был напечатан в 8-ой, августовской книжке (подробнее см. т. VI наст. изд., с. 310; а также № 43 наст. тома и комментарий к нему). Стр. 18-22. — В № 31 наст. тома Гумилев сообщает, что «обещанный рассказ для «Раннего Утра»» он «бросил в печь» самостоятельно (стр. 11-12). О каком замысле идет здесь речь — неизвестно. Стр. 22-23. — Имеется в виду РЦ 1908. Стр. 23-25. — Ко времени написания настоящего письма в «Раннем утре» уже было напечатано и ст-ние «Самоубийство» («Улыбнулась и вздохнула», № 76 (I); см. комментарий к № 21 наст. тома). К письму были снова приложены стихотворения «От кормы, изукрашенной красным...» (№ 83 (I), автограф 1), ранее посланное в № 22 наст. тома), и «Под землей есть тайная пещера...» (№ 78 (I), автограф 2), ранее посланное в № 18 наст. тома (первое было отмечено в письме Брюсова от 20 декабря 1907 г. в числе тех ст-ний ученика, которые он намеревался «отдать в то или иное издание» (№ 5 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома); второе в письме Брюсова не упоминалось и могло поэтому считаться «затерянным»). Впрочем, никакого продолжения гумилевских публикаций в «Раннем утре» не последовало, и оба стихотворения впервые увидели свет в составе РЦ 1908.

30. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф.386.84.19.
Дат.: 9 января 1908 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris CLAUD BERNAR 09.01.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 30.12.07. Ответ Гумилева — наряду с письмом № 29 — на письмо Брюсова от 20 декабря 1907/ 2 января 1908 г. (№ 5 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-5. — «Это стихотворение, несколько раз упоминаемое в письмах Гумилева за этот год, было напечатано в «Весах» (1908. № 6), а потом вошло в «Жемчуга», как первое стихотворение в разделе «Жемчуг черный». И там и тут без посвящения Брюсову, которое появилось только в издании «Жемчугов» 1918 г.» (Неизд 1980. С. 172). Стр. 5-8. — О судьбе этих двух ст-ний см. комментарий к стр. 23-25 № 29 наст. тома). Стр. 8-9. — Названные ст-ния (№№ 54, 82 (I)) были

впервые опубликованы, соответственно, в журналах «Весна» (1908. № 2) и «Образование» (1908. № 7), причем скорее всего без посредничества Брюсова. Стр. 11 — Имеется в виду статья «Выставка нового русского искусства в Париже» (№ 3 (VII)). Стр. 13-16. — Об истории с несостоявшейся публикацией в журнале «Золотое Руно» см. №№ 19, 20 наст. тома и комментарии к ним. «В письме <№ 20 наст. тома> Гумилев сообщает, что в «Золотое руно» в начале сентября 1907 г. было отправлено три стихотворения. Если указание настоящего письма верно, т.е. все они включены в парижские «Романтические цветы», то легко установить их названия. В первое издание сборника вошло 32 стихотворения. 12 из них, как видно из примечаний, были до выхода книги опубликованы в разных периодических изданиях, 16 стихотворений были посланы Брюсову для возможной передачи в «Столичное утро», «Весы», «Раннее утро» и другие редакции, а из четырех оставшихся — стихотворение «Одиноко-незрячее солнце...», посланное в <№ 28>, написано было значительно позднее момента отсылки Гумилевым своих стихов в «Золотое руно». Таким образом, получается, что три стихотворения, о которых шла речь, это: 1) «На руке моей перчатка...», 2) «Мне снилось, мы умерли оба...», 3) «Японской артистке Садо-Якко, которую я видел в Париже»» (ЛН. С. 463). Стр. 17-18. — Как уже было указано, новеллы «Радости земной любви» на самом деле, хотя и с опозданием, «прошли», и были напечатаны в «Весах» (1908. № 4). Стр. 19-20. — См. об этом комментарии к стр. 26-31 № 14 наст. тома и комментарий к нему. Стр. 31-32. — См. стр. 18-22 № 29 и стр. 11-12 № 31 наст. тома и комментарии к ним. Стр. 32-33. — Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков связывают это признание Гумилева с денежными расходами при печатании РЦ 1908 (ЛН. С. 463; ср. № 33 наст. тома).

31. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. Ф.386.84.19.
Дат.: 9/ 22 января 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа —Paris XIV AV D'ORLEANS 22.01.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 12. 01.08.

Стр. 4-9. — О «Путях и Перепутьях» см. № 28 наст. тома и комментарии к нему. В сознании современников, имя Брюсова часто ассоциировалось с именем Пушкина, — в настоящем контексте особенно примечательны слова А. Белого в статье-рецензии на сборник «Στέφαυοζ»: «Валерий Брюсов — первый из современных русских поэтов. Его имя можно поставить наряду только с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом, Некрасовым и Баратынским. <...> Изучение поэзии Брюсова, помимо художественного наслаждения, которое сопровождает это изучение, еще и полезно: оно открывает нам верную тропу к лучезарным высотам пушкинской цельности. И в то же время тайна Пушкина, о которой говорил нам Достоевский,

разгадана Брюсовым. <...> Открывается новый ряд борений и противоречий в Пушкине, доселе неведомых нам. Пушкин оказывается не только поэтом, но и священным трагическим героем, укрывшим священство свое под ризою поэзии. Все это узнаем мы о Пушкине потому, что видим в поэзии Брюсова несомненную цельность; но от нас не укрыто в Брюсове и то, откуда получается эта цельность или, вернее, эта видимость цельности. То, что укрыл Пушкин, выдал Брюсов. Брюсов и Пушкин дополняют друг друга. И если в Брюсове мы подчас угадываем Пушкина, то в Пушкине с равным правом мы начинаем видеть ряд новых брюсовских черт» (Белый А. Венец лавровый // Золотое Руно. 1906. № 5. С. 43-44). Ср. в рецензии Б. Кремнева (Г.И.Чулкова) Ж 1910: «Валерий Брюсов <...> сумел научить своих последователей изящной точности стиля и крепкому и тугому ямбическому стиху, которому он сам учился у Пушкина и у Баратынского. Среди учеников Брюсова выделяется даровитый Н. Гумилев. Он не хуже мэтра умеет пользоваться сокровищами пушкинской речи...» (Новый журнал для всех. 1910. С. 191—192). Сходные заявления о «переломном» изменении «приемов творчества» в №№ 8, 11, 45 наст. тома. Что же касается «карамзиновского» построения фразы, то ее иронично-пародийную природу следует сопоставить с упоминанием о «стилистической патоке» «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина в рецензии на альманах «Северные цветы» за 1911 г. (см. стр. 25-27 № 36 (VII) и комментарии к ним). Стр. 11-12. — См. стр. 18-22 № 29 и стр. 31-32. № 30 наст. тома и комментарии к ним. Стр. 12-13. — О И.И. Щукине см. комментарии к стр. 28-30 № 8 и стр. 44-46 № 10 наст. тома. По сообщению Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова: «Щукин покончил с собой 4/17 января 1908 г., т.к. купленные им картины старых испанских мастеров оказались фальшивыми, что потрясло его морально и привело к разорению (см.: Белов Е. Самоубийство И.И. Щукина // Русское слово. 1908. № 6. 8 января)» (ЛН. С. 464). Ср. также воспоминания З. Н. Гиппиус: «В самом начале этого года (1908) Д.С. <Мережковский> несколько раз читал отрывки из своего «Павла» у молодого мецената Щукина, который часто бывал у нас. Д.Ф<илософов> говорил иногда, что завидует ему: «простая жизнь простого человека», без запросов, довольного немногим. И нас, — от неожиданности, вероятно, — очень поразило, что он вдруг отравился цианистым калием. Да и гражданские похороны, на автомобиле, мы видели в первый раз. Д.Ф. был, кажется, и в крематории, что произвело на него особенно угнетающее впечатление» (Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Живые Лица. Воспоминания. Кн. 2. Тбилиси, 1991. С. 274). Стр. 14. — Поездка Гумилева в Италию в 1908 г. не состоялась. Стр. 16-28. — № 101 (I), автограф 2 (в комментариях к данному ст-нию в т. I наст. изд. перепутана нумерация автографов 1 и 2 на С. 308). О реминисцентной перекличке стр. 19-20 с мыслями пушкинского Петра во «Вступлении» к «Медному всаднику» см. С. 417 т. I наст. изд., ср. также вышеприведенные слова А. Белого о трагизме Пушкина. Однако, «пушкинский» элемент приложенных к данному письму ст-ний, вероятно, следует прежде всего искать в новой лаконичности поэтических и словесных средств. Стр. 29-52. — № 102 (I), автограф 1. Стр. 53-68. — № 103 (I).

32. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.

Автограф — РГБ. Ф.386.84.19. В стр. 7 после «печатаньем и» ранее было «облож».

Дат.: 13/ 26 января 1908 г.— по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 115 SOPERES 26.01.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 16.01.08. Ответом на это письмо является письмо В.Я. Брюсова от 20 января / 2 февраля 1908 г. (№ 6 в разделе «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-4. — В составе библиотеки Брюсова сохранился один экземпляр РЦ 1908 с его пометами, приведенными в комментариях ко многим из предыдущих писем (см.: Пуришева К. Библиотека Брюсова. Сообщение // Литературное наследство. Т. 27-28. М., 1937. С. 661-674 (673-674)). Стр. 11-12. — Ср. мотив «освобождения от старых приемов» в стр. 7-8 № 31 наст. тома; ср. также сходное отношение Гумилева к своей прозе в № 45 наст. тома. Стр. 12-15. — См. заявление Брюсова в ответном письме: «В «Весах» о Вашей книге буду писать непременно я» (№ 6 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Его рецензия на РЦ 1908 появилась в № 3 «Весов» за 1908 г. (в статье под общим названием «Дебютанты», где также разбирались «Смешная любовь» П. Потемкина, «Молодость» Вл. Ходасевича, «Зажженные бездны» Г. Новицкого и — более коротко — сборники Л. Зарянского и Alexander'а [А.Я. Брюсова, брата рецензента]). Рецензия на РЦ 1908 позднее вошла в сборник критических статей Брюсова «Далекие и близкие» (М.: Скорпион, 1912). Отвечая на просьбу «ученика», Брюсов, в частности, писал: «Лучше удается Н. Гумилеву лирика «объективная», где сам поэт исчезает за нарисованными им образами, где больше дано глазу, чем слуху. В стихах же, где надо передать внутренние переживания музыкой стиха и очарованием слов, Н. Гумилеву часто не достает силы непосредственного внушения» (Весы. 1908. № 3. С. 77-78). Стр. 18-20. — В письме от 20 декабря 1907 г. Брюсов послал Гумилеву номер «Раннего Утра» с рецензией А. Белого на «Пути и перепутья»; однако через неделю после настоящего письма, в письме от 20 января 1908 г, он сообщит, что ««Раннее утро» для нас закрылось, ибо в нем изменилась редакция» (см. №№ 5 и 6 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома, и также № 29 наст. тома).

33. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф — РГБ. Ф.386.84.19.

Дат.: 24 января / 6 февраля 1908 г. — по датировке письма № 34, в котором данное письмо упоминается как «вчерашнее».

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris DEPART 07.02.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 28. 01.08. По всей вероятности, письмо было отправлено утром 7 января (н. ст.), до получения ответа В.Я.Брюсова на письмо № 32 (см. № 6 в разделе «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома и комментарии к нему). Это подтверждает и время получения на московском штемпеле — 2 часа. Письмо № 34 пришло в Москву в тот же день, но в 9 часов.

Стр. 4. — Возможно, Гумилев имеет в виду ожидание «внешнего толчка», стимулирующего его поэтическое вдохновение (см. №№ 32 и 34 наст. тома) (см.: ЛН. С. 467). Стр. 5-6. — Согласно сообщению П.Н. Лукницкого (основанному, по-видимому, на данном письме, а также на личных свидетельствах А. Ахматовой и М.В. Фармаковского): «В декабре <1907 года> Андрей Андреевич Горенко уехал в Россию. Уехал в Россию Мст.<иславъ> Фармаковский. С их отъездом в Париже у Гумилева не осталось русских знакомых, интересующихся поэзией» (Труды и дни. С.176). К своей заметке Лукницкий также сделал следующее примечание: «Н.Г. в Севастополе (подразумевается — летом 1907 г.: см. № 14 наст. тома — *Ред.*) уговаривал Андрея Андреевича Горенко приехать учиться в Париж, утверждал, что тех денег, какими Андрей Андреевич Горенко может располагать, будет достаточно для жизни и учения в Париже. Андрей Андреевич Горенко, следуя совету Н.Г., переехал в Париж. Здесь выяснилось, однако, что средств для жизни в Париже у него недостаточно, и в декабре 1907 г. он вернулся в Россию» (Там же). Ср. письмо А. Ахматовой С.В. фон Штейну (сентябрь 1907 г.): «Андрей с 5 сентября в Париже, в Сорбонне» (Новый мир. С. 206)). Однако, следует также иметь в виду, что известный портрет Гумилева М.В. Фармаковского датирован «Paris 1908» (см. комментарий к № 11 наст. тома), так что отъезд Фармаковского, очевидно, пришелся на канун написания данного письма. Мотив «отсутствия компетентных слушателей» присутствует в №№ 2, 3, 17 наст. тома. Стр. 10-12. — Гумилев должен был получить гонорар за три стихотворения (см. комментарий к № 21 наст. тома); ср. письмо № 30, в котором Гумилев просит пересылать гонорары «только начиная с 20 р. (50 fr.)», и №17 (письмо от 10/23 сентября 1907 г.), в котором он еще мог попросить присылки книг вместо гонорара. По сведениям П.Н. Лукницкого: «Во время жизни в Париже у Н.Г. неоднократно бывали периоды острого безденежья и полуголодного существования. Были случаи, когда в течение нескольких дней Н.Г. питался только каштанами» (Труды и дни. С. 180). Стр. 12-15. — В то время в распоряжении Брюсова было только два гумилевских рассказа: «Радости земной любви» и «Золотой рыцарь» (см. №№ 23 и 29 наст. тома). Стр. 20-60. — № 104 (I), автограф. Ср. в «пушкинском контексте» № 31 наст. тома слова Алеко о кровавой мести в «Цыганах»: «И долго мне его паденья / Смешон и сладок был бы гул» со стр. 51-52.

34. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф —РГБ. Ф.386.84.19. В стр. 23 после «писать и» ранее было «как».

Дат.: 25 января / 7 февраля 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Moscou Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 25 R. DANTON 07. 02. 08 Штемпель московской экспедиции городской почты — 28.01.08. Ответ на письмо Брюсова от 20 января / 2 февраля 1908 г. (№ 6 в разделе «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-4. — Под «печальным» известием разумеется сообщение Брюсова о кончине отца (см. № 6 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Яков Кузьмич Брюсов скончался 7 января 1908 г. Стр. 5-6. — Присылка РЦ 1908 с «указаниями» «мэтра», по-видимому, не состоялась: в июне 1908 г. Гумилев все еще ждал присылки искомого «тома» (см. № 43 наст. тома). О рецензии Брюсова на РЦ 1908 см. комментарии к стр. 12-15 № 32 и стр. 8-10, 10-11 № 39 наст. тома. Стр. 6-8. — См. стр. 6-9 № 29 наст. тома и комментарий к ним. Стр. 9-13. — Гюстав Моро (Moreau, 1826-1898) — французский живописец-символист. В своих записных книжках Моро охарактеризовал свое стремление к «бесконечному в искусстве»: «Одно для меня берет верх над всем остальным — пылкое влечение и величайшее рвение к абстракции. Выражение человеческих чувств, людских страстей, меня, безусловно, живо интересует, но я менее склонен выражать эти движения души и духа, чем делать зримыми, так сказать, те вспышки внутреннего прозрения, которые мы не умеем к чему-либо отнести, но в кажущейся незначительности которых содержится нечто божественное, которые, передаваемые чудесными эффектами чистой пластики, раскрывают горизонты магические, я бы даже сказал — неизреченно-величественные» (цит. по: Lacambre G. Gustave Moreau: Between Epic and Dream. Chicago, 1999. Pp. 2-3). Значительная коллекция произведений Моро, включающая знаменитую акварель «Видение», входила тогда в постоянную экспозицию Люксембургского музея (Там же. С. 167, 297; об этом парижском музее см. комментарий к стр. 17-22 № 19 наст. тома). Гумилев посещал и «Музей Гюстава Моро», учрежденный по воле художника в его парижском доме (Rue de la Rochefoucauld, 14, близ Монмартра) в начале 1903 г. Можно предполагать, что Гумилев не только «насмотрелся» картин Моро, но и «начитался» о них в романе Г.-К. Гюисманса «Наоборот» (A Rebours (1884); о значении, которое Гумилев придавал этой вещи, см. комментарий к 39-40 № 20 (VII)). Герой романа Дез Эссент выделял Гюстава Моро «среди всех остальных» художников, ибо его талант приводил Дез Эссента в «особенное, восторженное» состояние. Первая часть пятой главы романа представляет собой замечательный словесный эскиз о двух «Саломеях» Моро (как будто бы приобретенных Дэз Эссентом), и о воздействии их на зрителя (ср. рассуждения Гумилева о желаемых эффектах при воздействии произведений искусства в стр. 19-21 № 12 наст. тома;

уместно добавить, что вторая часть этой главы «A Rebours» посвящена другому художнику, упомянутому в парижской переписке Гумилева — Огюсту Родену). Моро, по-видимому, оказал существенное влияние на творческое воображение ценимого Гумилевым поэта-парнасца Ж-М. де Эредиа и, возможно, на баллады Брюсова. Некоторые точки соприкосновения с произведениями Моро в творчестве Гумилева предварительно отмечены в т. VI наст. изд. (С. 376-377, 462).

Второй «источник влияния» на «теоретика»-Гумилева — Стефан Малларме (Mallarmé, 1842-1898) упомянут в первом печатном отзыве Гумилева о творчестве Брюсова, появившемся через четыре месяца после этого письма (см. № 6 (VII) и комментарий к нему). Гумилев указывал на прямую, преемственную связь брюсовского творчества с «мечтой» идеолога французского символизма. В данном контексте уместно привести заметку о Малларме самого Брюсова: «Малларме порвал с традициями «Парнаса» и создал свою теорию искусства. В поэзии он отказался от описания и повествования и сознательно поставил на первое место — символ. Стремясь дать читателю «радость угадывания», Малларме стал почти исключительно пользоваться сравнениями, аналогиями и намеками. В речи он старался отбрасывать все несущественное: второстепенные мысли, второстепенные слова, не считаясь с правилами обычного синтаксиса. Благодаря этому, последние произведения Малларме крайне трудны для понимания» (Брюсов В.Я. Полное собрание сочинений и переводов. СПб., 1913-1914. Т. XXI. С. 258; цит. по: ЛН. С. 468). Так же, как и Моро, Малларме на протяжении всего творческого пути неоднократно возвращался к теме Саломеи (о значении этого мотива для Гумилева как раз в те месяцы см. с. 376-377, 404 т. VI наст. изд.): однако, несмотря на настоящее письмо, прямое влияние Малларме на творчество Гумилева еле заметно (об одной возможной реминисцентной перекличке см. С. 255 т. II наст. изд.). Страстным поклонником Малларме был друживший с Гумилевым Н. Деникер (см. комментарий к стр. 5 № 5 наст. тома), а Р. Гиль работал над статьей о Малларме для «Весов» как раз в то время, когда Гумилев бывал на его журфиксах (см. Гиль Р. Стефан Малларме как человек // Весы. 1908. № 4. С. 65-73).

О «парнасцах» и «оккультистах» см., соответственно, №№ 22, 45 и №№ 7, 12 наст. тома и комментарии к ним. Стр. 14-16. — Бумага ingres — декоративная бумага, содержащая хлопчатобумажные волокна, с ребристым тиснением; иногда используется для изящных книжных изданий, но чаще применяется художниками — для рисования, акварели. В выборе Гумилевым такой бумаги (несмотря на очевидную ограниченность средств) можно, пожалуй, усмотреть специфическую черту «декадентского эстетства» (ср., опять-таки, Дез Эссента Гюисманса, который заказывает у типографов-специалистов уникальные издания своих излюбленных книг, которые набираются редкими, старинными шрифтами на разного рода специально изготавливаемой для него роскошной бумаге (верже и т.п.) (Гюсманс Г.-К. «Наоборот». Гл. 12). Стр. 21-22. — ст-ние «Маскарад» (№ 62 (I)) было опубликовано в «Весах» (1907. № 7) с посвящением «Баронессе де Орвиц-Занетги», а РЦ 1908 «в общем» посвящались «Анне Андреевне Горенко» (см. также недатированную надпись —

«частное посвящение» Гумилева на личном экземпляре Ахматовой: «Моей прелестной царице и невесте как предсвадебный подарок предлагаю эту книгу. Н. Гумилев» («Моей прелестной царице...». Пометы А.А. Ахматовой на книгах Н.С. Гумилева / Публ. И.П. Сиротинской // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 310)). О посвящении «Маскарада» («Царицы Содома») см. запись А. Ахматовой: «Книга «Ром.<антические> цветы» 1908 <г.> целиком обращена ко мне. Когда Брюсов спросил, почему там нет «Маскарада», Г<умилев> ответил: «Потому что посвящ<ение> противоречит общему посвящению книги». Об этот ужас, «больной кошмар», разбиваются все надежды» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 360). О баронессе де Орвиц-Занетти см. запись П.Н. Лукницкого: «Когда Н.С. получил в Париже в 6 году от АА письмо, он в ответе своем написал, что он «так обрадовался, что сразу 2 романа бросил...». АА смеется. «А третий?» — с Орвиц-Занетти. Роман, кажется, как раз на это время приходится» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 182). Судя по дате стихотворения (см. № 16 наст. тома), «роман» был немножко позже, чем предполагала Ахматова. По всей видимости, она была права, считая, что роман был недолговечным; но о баронессе де Орвиц-Занетти нам ничего неизвестно. Стр. 26-29. — Гумилев переиначивает слова из письма Брюсова (№ 6 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома): «Может быть, конквистадоры Вашей души еще не завоевали стран и городов, но теперь они вооружены для завоевания». Стр. 36-38. — В № 11 «Весов» за 1907 г. вошла глава IX «Огненного Ангела» («Как мы прожили декабрь и праздник Рождества Христова»). Стр. 40-68. — № 105 (I). Стр. 69-88. — № 106 (I), автограф 1.

35. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. Ф.386.84.19.
Дат.: 10/23 февраля 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — 23.02.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 13.02.08.

Стр. 3-5. — Первое из приложенных к данному письму ст-ние (стр. 33-53) «Андрогин» — № 107 (I), автограф (см.С. 310, 420 т. I наст. изд.). О своем «интересе» к «Андрогину» — и желании увидеть его напечатанным в «Весах» — Гумилев снова напишет в №№ 36, 37, 38 наст. тома. Новая копия ст-ния была приложена к № 41 (в архиве эта копия отсутствует). По мнению Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова, речь в письме идет не о прямом заимствовании темы стихотворения «Андрогин», а о том, что Брюсов охотно использовал в своих произведениях мифологические сюжеты» (ЛН. С. 470). Однако, возможно, что Гумилев подразумевал не обще-мифологический сюжет, а гораздо более специфичное «использование» (в своей собственной трактовке) основной для всего творчества Брюсова темы «страсти».

Ср. в первую очередь, «програмную» теоретическую статью Брюсова в «Весах» («Наше время <...> научилось чтить телесное, прозрев в нем те же глубины, как в духовном. <...> Как же было нашему времени, освятившему самую сущность тела, не освятить то, в чем полнее всего выражается его мощь — страсть! <...> Что для эллинов было только наслажденьем, став для нас тайной, стало и святыней» и т.д. (Брюсов В.Я. Вехи I. Страсть // Весы. 1904. № 8. С. 21-28). Ср. также прямые метрические (4 Амф.ЖмЖм) и содержательные переклички данного ст-ния Гумилева со ст-нием «Из ада изведенные...», вошедшего в книгу Брюсова «УфЭцбхпж» («Венок»): «Тебе, необорный, мы детски послушны: / И ложе, как храм, и любовь — как обет! // <...> Я — жрец темноглазый, с сестрой темнокудрой / И ночью и днем воспеваю псалом». Стр. 5-7. — Вторым ст-нием, приложенным к письму (стр. 54-70), является ст-ние «Поэту» — № 108 (I). Примечательно, что это «рассуждение для себя» было написано за несколько недель до получения Гумилевым номера «Весов» (1908, № 1) со ст-нием Брюсова «Поэту» («Ты должен быть гордым, как знамя...» — см. следующее письмо, № 36 наст. тома). Как указал Г.М. Фридлендер, ст-ние Гумилева «носит характер подражания стихотворным манифестам Брюсова», однако Гумилев на самом деле разрабатывает в нем свою собственную эстетику (см. С. 421-422 т. I наст. изд.). Стр. 8-9. — Третьим ст-нием (стр. 71-82) является ст-ние «Под рукой уверенной поэта...» — № 109 (I). По-видимому, Гумилев также «воспользовался» здесь «темой Брюсова»: Н.А. Богомолов усматривает в нем развитие темы баллады Брюсова «Раб» (см. С. 422 т. I наст. изд.). Стр. 9-11. — Ст-ние Брюсова «Жизнь» («Безликая, она забыла счет обличий...») было опубликовано в № 4 журнала «Образование» за 1907 г., а затем вошло в сборник «Все напевы» (см. ниже). Стр. 11-16. — Гумилев уже явно применял к себе модель творческого пути, согласно которой изданные книги являются «пройденными этапами» в процессе постоянного развития: см. № 32 наст. тома; ср. также №№ 39, 45, 109 наст. изд. В этом — еще одно значительное сходство с Брюсовым, который писал в предисловии к своему, столь желаемому Гумилевым, следующему сборнику «Все напевы», вышедшему в начале 1909 г.: «... во многом этот сборник завершает мои прежние начинания <...> Эти «пути» пройдены мною до конца, и менее всего склонен я повторять самого себя. Я уверен, что в поэзии, и не только в русской поэзии, есть еще бесконечное число задач, никем не решенных...». Но размышления Гумилева могут восприниматься и как свидетельство его растущей «автономии» от «учителя» — после выхода в свет РЦ 1908. По крайней мере, именно с этого времени в его переписке со старшим поэтом начинается период «подспудного напряжения» (особенно заметного с № 41 наст. тома). Стр. 17-19. — После «Стихов о Прекрасной Даме» (М.: «Гриф», 1905; книга вышла в октябре 1904 г.) появились еще два издания стихов А. Блока: «Нечаянная Радость. Вторая книга стихов» (М.: «Скорпион», 1907; книга вышла в конце 1906 г.: см. комментарий к № 13 наст. тома); и «Снежная маска» (СПб.: «Оры», 1907 (книга вышла в апреле)). В феврале 1908 г. также вышли в свет «Лирические драмы» Блока (СПб.: «Шиповник»). В этой последней книге был уже объявлен следующий сборник — «Земля в

снегу», изданный «Золотым Руном» в июле 1908. Первая книга стихов С.М. Городецкого «Ярь» (СПб.: «Кружок молодых», 1907) тоже вышла в декабре 1906 г.; затем последовали: «Перун» (СПб.: «Оры», 1907) и «Дикая воля» (СПб.: «Факелы», 1908 (вышла в декабре 1907)). Брюсов в это время переиздавал свои старые сборники в виде «Собрания Стихов» под названием «Пути и перепутья», тт. 1 и 2 (см. №№ 27, 40 наст. тома и комментарии к ним), выпускал книги переводов (Верхарна, Метерлинка) и сборник рассказов («Земная ось»; см. № 11 наст. тома и комментарий к нему). Его «последними» сборниками стихов на момент написания данного письма являлись «Tertia Vigilia. Книга новых стихов 1897-1900» (М.: «Скорпион», 1900); «Urbi et orbi. Стихи 1900-1903 гг.» (М.: «Скорпион», 1903); и «Στέφαυοζ». Венок. Стихи 1903-5 гг.» (М.: «Скорпион», 1906). Как отмечено выше, следующий сборник тоже последовал с промежутком в три года: «Все напевы. Стихи 1906-9 гг.» (Пути и перепутья. Т. III)» (М.: «Скорпион», 1909). Стр. 22-26. — О неприятии «весовцами» фигуры Г. Чулкова см. № 18 наст. тома и комментарий к нему. Во второй половине 1907 г. А. Белый чаще и резче всех выступал против Чулкова на страницах «Весов»: «в рецензии на альманах «Цветник Ор» <Белый> писал: «Грязен и непричесан, как всегда, в стихах г. Чулков» (Весы. 1907. № 6. С. 68); в следующем номере журнала, критикуя альманах «Проталина», Белый утверждал: «... на этом бледном фоне грязной кляксой усаживается Чулков (ну, прямо из юрты!)» (№ 7. С. 74)» (ЛН. С. 470). Впоследствии Белый каялся в таких выпадах: « ...«личные» переживания, неправильно перенесенные на арену борьбы, путали, превращая даже справедливые нападки на враждебные нам течения в недопустимые резкости <...>; таковы безобразные мои выходки против Г.И. Чулкова, на которого я проецировал и то, в чем я с ним был не согласен, и то, в чем он не был повинен: нисколько; так стал для меня «Чулков» — символом; полемизировал я не с интересным и безукоризненно честным писателем, а с «мифом», возникшим в моем воображении...» (Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 424-425; говоря о «личных переживаниях», Белый намекает здесь, прежде всего, на отношения между Чулковым и Л.Д. Блок). Что касается С.М. Городецкого, то Брюсов, как и другие рецензенты-модернисты, горячо приветствовал появление его первого сборника «Ярь» (Весы. 1907. № 2), но достаточно резко осуждал второй, отметив, между прочим, «небрежность и грубость» его стиха (Весы. 1907. № 10. С. 52). Подробнее см. комментарий к № 47 наст. тома.

36. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 19.
Дат.:— 23 февраля / 7 марта 1908 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Москва. Moscou. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа вырезан вместе с маркой. Штемпель московской экспедиции городской почты — 25.02.08.

Стр. 8-10. — В № 1 «Весов» за 1908 был помещен цикл из девяти сти-ний Брюсова под названием «Обреченный» (1. Поэту; 2. Голос; 3. Ответ; 4. На медленном огне; 5. Заклинание; 6. Осень;. 7. Лунный дьявол; 8. Видение; 9. La Belle Dame Sans Merci) (Весы. 1908. № 1. С. 7-16). Гумилев цитирует ст-ние «Поэту» («Ты должен быть гордым, как знамя»), вошедшее потом как первое стихотворение (вне циклов) в сборник «Все напевы» (М., 1909). Стр. 16-17. — Гумилев имеет в виду начальные (и заключительные) строки стихотворения «Лунный дьявол», также вошедшего в сборник «Все напевы» (цикл «Обреченный»):

Лунный дьявол, бледно-матовые,
Наклонил к земле рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрят с неба на снега...

Стр. 19-20. — Ежемесячный петербургский журнал «Образование» (1892-1909), открывший беллетристический отдел в 1902 г, ориентировался первоначально на писателей-реалистов, но с 1907 г. стал привечать и модернистов (см. Ермаков А.Ф. «Образование» // Русская литература и журналистики начала XX века. 1905-1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 111-117). Брюсов несколько раз печатался в нем во второй половине 1907 г. и первой половине 1908 г. Однако, ст-ние «Камень» в журнале не было принято (см. № 38 наст. тома), и после возвращения в Россию, Гумилев отдал его в новый журнал «Весна», где оно и было опубликовано (1908. № 7). Стр. 24-26. — Об этом замысле подробно см. С. 318-319, 324 т. VI наст. изд. Стр. 27-30. — Алексей Николаевич Толстой (1882—1945), начинал свою литературную карьеру как поэт-«народник» (сборник «Лирика». СПб., 1907, изд. автора; о «народности» его поэзии см. комментарий к стр. 29-30 № 38 наст. тома). Некоторое представление об отмеченной Гумилевым «мнстической» настроенности Толстого дает его письмо А.А. Бострому: «Ты натуралист, я — все сильнее укореняюсь в мистике, в тайне слова, как создателя не только символа, но истинного бытия предметов, видимых и простым и астральным видением. Много хотелось рассказать тебе о современной литературе, главное, русской, об искусстве, живописи французской, о скульптуре; все это время мы жили в среде художников и поэтов, в той среде, которая в Петербурге только в зачатке в избранных кружках» (А.Н.Толстой о литературе и искусстве. М., 1984. С. 430-431). А.Н. Толстой приехал в Париж в сопровождении Софьи Исааковны Дымшиц (вскоре ставшей его женой) в январе 1908 г, и пробыл в французской столице до поздней осени. Об их жизни в Париже, и круге знакомств среди литераторов и художников — см. воспоминания С.И. Дымшиц-Толстой в кн.: Воспоминания об А.Н. Толстом. Сборник. Изд. 2-ое, дополненное. М., 1982. С. 51-56. Судя по настоящему письму, Гумилев познакомился с ним в конце января или в начале февраля 1908 г. (Толстой пишет о встрече с поэтом в парижском кафе: «В этом кафе под каштанами мы познакомились и часто сходились и разговаривали —

о стихах, о будущей нашей славе, о путешествиях в тропические страны, об обезьянках, о розысках остатков Атлантиды на островах близ южного полюса, о том, как было бы хорошо достать парусный корабль и плавать на нем под черным флагом» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 39)). Следует отметить, что первые отрицательные впечатления новых знакомцев скоро сгладились: 12 марта 1908 г. Толстой писал К.И. Чуковскому из Парижа: «... я пользуюсь случаем обратить Ваше внимание на нового поэта Гумилева. Пишет он только в «Весах», потому что живет всегда в Париже; очень много работает, и ему важна в начале правильная критика» (цит. по: ЛН. С. 472), а Гумилев через месяц сообщит Брюсову, что «сошелся» с гр. Толстым (см. № 38 наст. тома). Оба поэта посещали салон художницы Е.С. Кругликовой и — хотя бы однажды ночью — зверинец в Ботаническом саду (см. комментарий к № 26 наст. тома). В России они также поддерживали дружеские отношения, вместе участвовали в организации журнала «Остров» и заседаний «Про-Академии» (см. № 63 наст. тома), вместе участвовали в подготовительной работе к изданию «Аполлона», одновременно гостили в Коктебеле у М.А. Волошина весной 1909 г. (см. № 66 наст. тома). Однако в ноябре 1909 г. Толстой выступил секундантом Волошина на дуэли последнего с Гумилевым. Толстой сделал все возможное, чтобы предотвратить кровавый исход (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 58, 237, 238), но этот эпизод прерывает его близкие отношения с Гумилевым, которого он в дальнейшем «мало встречал» (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 43).

К Брюсову Толстой впервые обратился, на самом деле, через три дня после данного письма Гумилева, — в письме от 26 февраля / 10 марта 1908 г, в котором он вежливо просил: «Могут ли пойти в «Весах» стихи мои, который я прилагаю к письму». Приложенными были ст-ния «В изумрудные, вечерние поля...» и «В мансарде» (см.: Переписка А.Н. Толстого. В 2 т. М., 1989. Т. I. С. 125-127), вполне подтверждающие определенный «весовцем»-Гумилевым статус Толстого как «петербургского поэта». «Андрей Белый неоднократно выступал против петербургских поэтов; например, в рецензии на альманах «Цветник Ор» он возмущался, что «с соизволения почтенного, но как-то растерявшегося В. Иванова, сверхиндивидуалисты чулкистскими молоточками откалывают камушки от трудносдвигаемых твердынь Ницше, Ибсена, толкут в ступке и этой пылью опрыскивают фланеров Невского проспекта» (Весы. 1907. № 6. С. 66)» (ЛН. С. 473). См. также комментарий к №№ 18, 29 наст. тома. Стр. 30-31. — На самом деле Толстой начал публиковать стихи — «революционные (какие писал тогда Тан-Богораз и даже молодой Бальмонт), и лирические опыты», — еще в 1905 г. (см.: Смола О.П. Лирика А.Н.Толстого // А.Н.Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 79-80). По свидетельству К.И. Чуковского, при их знакомстве в 1907 г. Толстой показывал ему тетради с своими стихами, на наиболее ранней из которых была указана дата 1900 г. (Воспоминания об А.Н. Толстом. Сборник. Изд. 2-ое, дополненное. М., 1982. С. 19). Стр. 33-37. — Гумилев имеет в виду статью А. Белого «Штемпелеванная калоша», в которой петербургские «мистики»

язвительно изображались, гуляющими в калошах «над бездной» («В Петербурге привыкли модернисты ходить над бездной. Бездна — необходимое условие комфорта для петербургского литератора. Там ходят влюбляться над бездной, сидят в гостьях над бездной, устраивают свою карьеру над бездной, ставят над бездной самовар ... » и т.д.) (Весы. 1907. № 5. С. 49-52). Как впоследствии отметил А.Белый, статья отражала его разрыв с «распустившимся «мистагогом»» Вяч.И. Ивановым, который «бесконечно обиделся на сочетание слов: «штемпелеванная калоша», увидев намек на издательство «Оры»: его марка «Ор» — треугольник; и марка калош — треугольник» (Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 349-350). Стр. 39-41. — Брюсов не изменил название этого зверя в опубликованном тексте «Радостей земной любви»: комментарий к этим названиям см.С. 305 т. VI наст. изд. Стр. 43-63. — № 110 (I).

37. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ.Ф. 386.84.19.
Дат.: 12/25 марта 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 25 DANTON 25.03.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 15.03.08.

Стр. 3-12. — О традициях и характере выставок Indépendants (Независимых) и Весеннего Салона см. комментарий к № 4 (VII). Посетив через месяц Весенний Салон, Гумилев нашел возможным написать совместный отзыв об обеих выставках (см. № 4 (VII) и комментарии к нему, а также — №№ 40, 42 наст. тома). Ранее Брюсов уже опубликовал в «Весах» статью Гумилева о парижской выставке нового русского искусства (№ 3 (VII)) и, по-видимому, снова попросил Гумилева присылать «статьи, заметки» на такие темы (ср. №№ 7, 25, 28 наст. тома). По мнению Р. Дубровкина, появлению данной статьи мог способствовать и Р. Гиль: «Не исключено, что определенную роль в появлении статьи сыграл <...> Гиль, отрицательно настроенный против современной живописи вообще и против постимпрессионизма в частности. «Vous avez un correspondant ici, pour le Salon des Indépendants?» («Есть ли у вас здесь корреспондент на Салоне Независимых?») — интересовался он у Брюсова в письме от 28 марта 1908 года. За две недели до этого (23 февраля / 7 марта) Гумилев был «на приеме» у Гиля, а 12/25 марта каялся перед Брюсовым в нежелании писать о первой выставке <...>. Вторая выставка, отведенная под полотна более традиционных художников, Гумилеву, напротив, понравилась, что также нашло отражение в рецензии» (Неопубликованное письмо Н. Гумилева. Publ., comment. et notes R.Doubrovkine // Revue des Etudes Slaves. LXXI/1. 1999. Pp.165). По своим взглядам на современное искусство

Гумилев оказался ближе к Гилю, чем к Брюсову (см. комментарий к № 42 наст. тома). Стр. 16-17. — Брюсов поместил три ст-ния Гумилева в июньском номере «Весов» за 1908 г.: «Волшебная скрипка» (№ 89 (I)), «Одержимый» (№ 111 (I)), и «Рыцарь с цепью» (№ 113 (I)) (Весы. 1908. № 6. С. 7-10). Стр. 18-19. — автограф ст-ния «Одержимый» (№ 111 (I)) в данном письме отсутствует. Можно предполагать, что Брюсов передал его в «Весы» (ср. комментарий к стр. 8-12 № 16 наст. тома об отсутствующем автографе ст-ния «Маскарад»). Стр. 22-23. — Помимо упомянутой в письме № 39 наст. тома статьи А. Белого «Вольноотпущенники», в № 2 «Весов» за 1908 г. вошла XI глава «Огненного Ангела» («Как я жил без Ренаты и как я встретился с доктором Фаустом»), и обзорная статья представителя группы «Аббатства» (см. комментарий к стр. 5 № 5 наст. тома) Р. Аркоса «Взгляд на французскую литературу 1907 г.» (Весы. 1908. № 2. С. 19-39, 90-95).

38. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. Ф.386. 84. 19 (ст-ние отсутствует).
Дат.: 24 марта / 6 апреля 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscou. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция журнала «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 25 DANTON 06.04.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 27.03.08.

Стр. 3-5. — Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927) — популярный в то время беллетрист; публикация его наиболее известного произведения, романа «Санин», завершилось в сентябрьской книжке журнала «Современный мир» за 1907 г. С того же 1907 г. Арцыбашев был одним из редакторов журнала «Образование» (до этого, в 1905 г, опубликовавшего его нашумевший рассказ «Ужас»). Стр. 7-8. — К письму было приложено только ст-ние «Анна Комнена» (№ 112 (I)) (возможно, с этим письмом был послан и «Рыцарь с цепью» (№ 113 (I)), о котором упоминает Гумилев в следующем письме (№ 39 наст. тома)). С текста ст-ния было сделано несколько копий, а сам автограф впоследствии исчез. Текст данной редакции публикуется в Неизд 1980 и ЛН (в последнем издании в стр. 51 вместо «стон» опубликовано «стол», что является очевидной опечаткой). В настоящем издании текст воспроизводится по копии, сделанной Н.М.Иванниковой (Москва). Следует отметить, что данный вариант ст-ния «Анна Комнена» (стр. 40-72) не был учтен в разделе «Другие редакции и варианты» т. I наст. издания. Стр. 9-18. — «Мальчишеская шутка» Гумилева («застенчивого таланта-метеора») была вызвана обидой на Бальмонта и Мережковских (см. №№ 6, 10 наст. тома). Как указывают Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щераков, Гумилев имел в виду суждение о нем П. Дмитриева: «В стихах г-на Гумилева «Маскарад» («Весы», № 7) вовсе нет выдумки; и, однако, это

стихотворение поражает вас, как всегда поразит падучая звезда: вы знаете, что метеор сам по себе — камень; но никогда не будете думать об этом камне, когда по безоблачному темному небу вспыхнет огненная полоска и на несколько мгновений засветится призрачным блеском» (Образование. 1907. № 11. С. 115—116)» (см.: ЛН. С. 475, 462). На «журнальное обозрение» П. Дмитриева обратил внимание Брюсов (№ 5 раздела «Письма к Н.С.Гумилеву» наст. тома). О m-lle Богдановой никаких сведений не имеется. Сама З.Н. Гиппиус спустя восемнадцать лет вспоминала этот эпизод несколько иначе: «Одно-единственное стихотворение <Гумилева> мне принесла без подписи какая-то барышня в Париже. Гумилева тогда не знали; имя лишь напомнило бы мне каменную фигуру молодого монархиста в подпирающих щеки воротничках; но подписанное или неподписанное, нельзя же и тут было не увидеть, что это стихотворение, при его еще несовершенстве, принадлежит — поэту?» (Звено (Париж). 14 февраля 1926). Ст-ние «Андрогин», к которому Гумилев безуспешно пытался привлечь внимание Брюсова (см. №№ 35, 36 наст. тома) было в конце концов опубликован Гумилевым в «Альманахе 17» (об этом издании см. комментарий к № 54 наст. тома). Стр. 20-22. — Вероятно, речь идет об ухудшающемся финансовом положении Гумилева, вызванного изданием за свой счет РЦ 1908. Родители поэта были недовольны его «заграничным» образом жизни. «Судьба сына, видимо, крайне волновала родителей, так как между ними на этот счет очень часто происходили длительные споры. Отец хотел, чтобы сын прежде всего закончил университет и затем избрал себе какую-либо научную деятельность. Литературное поприще казалось ему недостаточно серьезным и малообеспеченным. Ему не нравилось также, что сын, не получив необходимого русского образования, уехал учиться в Сорбонну и хочет стать поэтом» (Делла-Вос-Кардовская О.Л. Воспоминания о Н.С.Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева. С. 30). По возвращении в Россию, соответственно с прошением от 10 июля 1908 г., Гумилев 18 августа 1908 г. был зачислен студентом юридического факультета Санкт-Петербугского университета («Прошение» опубликовано: Материалы для биографии Н.С.Гумилева. Публикация и комментарий Е. Вагина // Russica-81. Литературный сборник. Нью-Йорк. 1982. С. 372). Стр. 23-25. — «Возможно, что Гумилев имел в виду Попльтона, героя рассказа Д. Джерома «Человек, который заботится обо всех», или же одного из персонажей рассказа «О вреде чужих советов»» (ЛН. С. 475). Стр. 26-28. — На самом деле, Гумилев через три недели отправился через Севастополь и Москву (где он увиделся с Брюсовым) прямо в Царское Село (см. комментарии к № 41 наст. тома). Его «кочевье» возобновилось только в сентябре 1908 г. (см. № 48 наст. тома и комментарии к нему). Стр. 28-29. — По сообщению С.И. Дымшиц-Толстой, «в течение почти целого года, которого мы провели в Париже, <...> была <одна> кратковременная поездка в Петербург, которую <А.Н-.Толстой> совершил без меня (я была связана посещениями художественной школы и не могла ему сопутствовать)» (Воспоминания об А.Н. Толстом. Сборник. Изд. 2-ое, дополненное. М., 1982. С. 56). Стр. 29-32. — Брюсов положительно оценил стихотворные опыты поэта, которого рекомендовал ему Гумилев, и через некоторое

время, в письме к Вяч. Иванову от 18 января 1910 г. не без гордости отмечал: «Ты знаешь, что я никогда не был врагом молодости, молодежи. Не я ли первый приветствовал Белого? и Блока? позднее Городецкого? и Гумилева? и совсем недавно графа А.Толстого?» (Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 524). Уже отправленные Брюсову стихи Толстого (см. № 36 наст. тома) в «Весах», правда, не появились, но почти сразу же по возвращении из Парижа, в декабре 1908 г., Толстой по приглашению Брюсова читал стихи в московском «Обществе Свободной эстетики». На этот раз три стихотворения были приняты Брюсовым для немедленной публикации («Самакан», «Семик», «Косари»: Весы. 1909. № 1. С. 15-18). Два года спустя, Брюсов откликнулся с явным энтузиазмом на выход в свет второго сборника стихов А.Н. Толстого «За синими реками» (М.: Гриф, 1911): «... Не столько знание народного быта, всего того, что мы называем безобразным словом «фольклор», но скорее какое-то бессознательное проникновение в стихию русского духа составляет своеобразие и очарование поэзии гр. Толстого. Умело пользуясь выражениями и оборотами народного языка, присказками, прибаутками, гр. Толстой выработал склад речи и стиха совершенно свой, удачно разрешающий задачу — дать не подделку народной песни, но ее пересоздание в условиях нашей «искусственной» поэзии. Все предыдущие попытки в этом роде — Вяч. Иванова, К. Бальмонта, С. Городецкого — совершенно побледнели после стихов гр. Толстого» (Брюсов В.Я. Новые сборники стихов // Русская мысль 1911. № 2). Подробнее см.: Хайлов А.И. А.Н. Толстой и В.Я. Брюсов. К истории литературных отношений // А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 204-210). Стр. 34-38. — Об Анне Комнене и Боемонте см. С. 424 т. I наст. изд. см. также более поздние упоминания о них Гумилева: №№ 25, 74 (VII). «Вольно» изображенная поэтом византийская императрица имеет явное «портретное сходство» с А. Ахматовой (см. С. 424 т. I наст. изд.). Как отмечают Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков (ЛН. С. 475), с историческим эпосом «Алексиада» Анны Комнены Гумилев, по-видимому, был знаком «по какой-либо исторической хрестоматии или по его переводу на русский язык — «Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина» (ч. 1. СПб., 1859)». Эпизод с «помилованным разбойником» заключается в следующем: «Однажды самодержец на площади большого дворца занимался игрою в шары, скача верхом на коне. В это время один варвар <...> подходит к самодержцу и, преклонив колена, прикидывается просителем. Самодержец тотчас остановил коня и, обратившись, спросил: о чем он просит? Тогда этот убийца больше, чем проситель, протянув руку и схватившись за меч, стал обнажать его. Но меч не повиновался руке, хотя раз и два пытался он вынуть оружие. <...> Тут преданнейшие самодержцу хотели было растерзать того варвара, но самодержец и знаками, и рукою, и разными угрозами удержал их от такого намерения. Что же далее? Тот убийца-воин тут же получает совершенное прощение <...> и величайшие дары» (Византийские историки. Т. 3. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина. Труды Анны Комнины. Ч. I. Пер. под ред. проф. В.Н. Карпова. СПб., 1859. С. 424-425).

39. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386.84.19.
Дат.: 9/22 апреля 1908 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Russie. Moscau. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 50 R. St. DENIS 23.04.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 14.04.08.

Стр. 4-7. — Имеется в виду статья А. Белого «На перевале. Вольноотпущенники» (Весы. 1908. № 2. С. 69-72). Статья направлена против эпигонов символизма, на которых, язвительно повторяя знаменитое «Как же иначе?» из книги Г.И. Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., 1906), Белый обрушивался с точки зрения истинного, по его выражению, «воина движения»: «Нынче талант окружен ореолом из рабов. Раб знает, что любезнейшего из друзей патрон выпускает на волю. А вольноотпущенник в наши дни — это первый претендент на литературный трон патрона. Об этом постарается и патрон, и его критика. Об этом позаботится сам вольноотпущенник. Потому что, как же иначе? У вольноотпущенников будут свои вольноотпущенники.

И так далее, и так далее.

Отсюда мораль: не отпускай на волю рабов <...> Посмотрите на молодую русскую литературу: каждый месяц восходит в ней новая звезда; и в следующий месяц она закатывается. Легко восходит и легко ниспадает: это все потому, что в новейшей литературе русской уже нет почти воинов: есть вольноотпущенные рабы и вольноотпущенники вольноотпущенников. <...> На авансцене литературы русской теперь всякий спорт. Литератор-спортсмен, поэт-клоун заслонили действительные высоты современного творчества. А там, на высотах, стоят по прежнему воины движения, победоносно поднявшие знамя символизма. Фаланга бойцов прошла вперед и скрылась. А вот за ней потянулся обоз войска...». Статья Белого, по-видимому, действительно «затронула» Гумилева: именно она, как кажется, явилась впоследствии непосредственным источником знаменитой «шпильки» в начале акмеистического манифеста в адрес «футуристов, эго-футуристов и прочих гиен, всегда следующих за львом» (стр. 6-7 № 56 (VII)). Ср. у Белого: «Впереди идут львы движения, нападающие на врагов, сзади проходят жадные шакалы и гиены, терзающие трупы павших воинов» (И далее: «... это все не львы движения, а трусливые гиены, упражняющие свою храбрость над трупами. Вчера эти гиены <...> жалко прятались в кустах, когда тут проходили львы; теперь они празднуют не ими совершенную победу, эти вольноотпущенные рабы, скаля зубы уходящим от них вдаль воинам движения» и т. д.). Стр. 8-10. — О рецензии Брюсова на РЦ 1908 см. № 32 наст. тома и комментарий к нему. «Сравнивая «Романтические цветы» с «Путем конквистадоров», — писал Брюсов, — видишь, что автор много и упорно работал над своим стихом. Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливо-

сти рифм, неточности образов. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны и, большей частью, *интересны* по форме; теперь он резко и определенно вычерчивает свои образы и с большой обдуманностью и изысканностью выбирает эпитеты» (Весы. 1908. № 3. С. 77). Стр.10-12. — В заключении своего отзыва, Брюсов писал: «Конечно, несмотря на отдельные удачные пьесы, и «Романтические Цветы» — только ученическая книга. Но хочется верить, что Н.Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно, и по тому самому встающих высоко. <...> На наших глазах за последние годы прошла печальная судьба нескольких скороспелок, отцветших едва ли не прежде издания своей первой книги. Не окажется ли более счастливым путь от слабого и подражательного к совершенству, чем обычный путь наших однодневок...» (Там же. С. 78). Эти слова, безусловно, могли еще раз убедить Гумилева «в неизменности расположения» к нему Брюсова, о которой он писал в начале настоящего письма в контексте статьи Белого о «вольноотпущенниках» (см. выше). О понятии «ученичества» — тоже, отчасти, в связи с полемическими утверждениями А. Белого, см. комментарий к № 29 наст. тома, а также №№ 34, 41, 58, 59 наст. тома. Стр. 13-16. — По-видимому, Брюсов посоветовал Гумилеву не вовлекаться в бурную литературную жизнь столицы; не исключено, что он также предостерегал его от общения с определенными лицами или литературными кругами (см., например, № 61 наст. тома и комментарии к №№ 6 и 61 наст. тома). Следует добавить, что именно «петербургские» литераторы являлись постоянной мишенью полемических выпадов «Весов», многократно упоминаемых в предыдущих комментариях; ср., прежде всего, суждения самого Гумилева о типично «петербургском» поэте А.Н. Толстом в письме № 36 наст. тома. Стр. 16-18. — О встрече с Брюсовым в начале мая (по *новому* стилю) см. комментарий к № 41 наст. тома. Стр. 18-19. — В первой половине 1908 г. Гумилев написал большинство своих рассказов: «Дочерей Каина», «Черного Дика» «Последнего придворного поэта», «Принцессу Зару», «Скрипку Страдивариуса» и «Лесного Дьявола» (№№ 6-11 (VI)). За исключением «Скрипки Страдивариуса» (см. №№ 41, 55 наст. тома) они не поддаются точной датировке; по содержанию естественно предположить только, что «Последний придворный поэт» был написан вскоре после возвращения в Царское Село (см. комментарий к № 8 (VI)). Стр. 19-22. — О подборке трех стихотворений Гумилева для «Весов» — о которой, по всей видимости, Брюсов только что сообщил Гумилеву — см. комментарий к стр. 16-17 № 37 наст. тома. Брюсов все-таки остался при своем выборе, и напечатал «Рыцаря с цепью». Об «Одержимом» Гумилев снова вспомнит в письме к Ахматовой в начале 1913 г. (№ 118 наст. тома). Стр. 23-24. — См. следующее письмо (№ 40 наст. тома), а также комментарий к стр. 3-12 № 37 наст. тома. Стр. 25. — Несмотря на условное наклонение предыдущих рассуждений Гумилева («если я перееду в Россию...»), вопрос об отъезде по-видимому был уже решен. Гумилев уехал через 10 дней (см. комментарий к № 41 наст. тома). Стр. 27-43. — № 114 (I), автограф 1. Стр. 44-68. — № 115 (I), автограф. Стр. 69-97. — № 116 (I), автограф.

40. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф.386.84.19.
Дат.:15/28 апреля 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт с пометой Recommandée — «ЗАКАЗНОЕ», адресованный «Russie. Monsieur Valer Brussow. Россия. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Парижа — Paris 25. BEST. MICHEL 28.04.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 19.04.08.

Стр. 3-6. — Судя по предыдущему письму, Гумилев посетил Весенний Салон 10/ 23 апреля 1908г. Результатом этого посещения стала статья «Два Салона. (Sociêté des Artistes Indèpendants — Sociêté Nationale des Beaux Arts)» (№ 4 (VII)), которая была опубликована в майском номере «Весов» (1908. № 5. С. 103-105). Приложенная (вероятно) к письму рукопись статьи не сохранилась. См. об истории создания этой статьи также №№ 37 и 42 наст. тома и комментарии к ним. В дальнейшем Гумилев опубликовал еще только одну статью об искусстве в начале 1909 г. — о петербургском «Салоне» С.К. Маковского (№ 13 (VII)). Стр. 7-8. — «За время пребывания в Париже Гумилев познакомился с Н. Рерихом, Е. Кругликовой, К. Петровым-Водкиным, М. Фармаковскнм, М. Тенишевой, А. Божеряновым, С. Гуревичем и др. художниками. Л.В. Шапорина вспоминает о парижской мастерской Е.С. Кругликовой: «Приезжал в 1907 году еще совсем молодой Н.С. Гумилев, читал свои стихи. Мало кто знал его тогда, но говорили шопотом друг другу: «Он «весит», его печатают в «Весах»!» (Кругликова Е.С. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 68)» (ЛН. С. 477-478; подробнее о знакомстве Гумилева с Рерихом см. комментарий к письму Рериха в наст. томе; о знакомстве с Фармаковским и Божеряновым см. комментарий к №№ 2, 13 (VII) и к № № 10, 12, 56 наст. тома). По сведениям П.Н. Лукницкого, на «четвергах», организованных Е.С. Кругликовой в «Русском Артистическом Кружке», Гумилев также встретился «с художниками В.П. Белкиным, Кирзили, Тарховым, Матвеевым, Досекиным, И.И. Меньшиковым, Диксом» (Труды и дни. С.179). Там же он познакомился и с французским писателем А. Мерсеро (см. комментарий к № 5 наст. тома), который писал критические обзоры современной французской живописи для «Золотого Руна» (Эсмер-Вальдор [Мерсеро А.]. Salon d'Automne: письмо из Парижа // Золотое Руно. 1907. № 11-12; Эсмер-Вальдор [Мерсеро А.]. По поводу осеннего салона // Золотое Руно. 1908. № 10; Мерсеро А. Анри Матисс и современная живопись» // Золотое Руно 1909. № 6; Мерсеро А. Монтичелли // Золотое Руно. 1909. № 11—12). Кроме того, во время работы над «Сириусом» Гумилев общался с художником С.И. Данишевским (1870-1944) и скульптором Яковым Николадзе (1876-1951) (см.: Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 г.) // Исследования и материалы. С. 312). Стр. 8-10. — Имеется в виду книга Валерия Брюсова: Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. 2. Риму и миру (Urbi et orbi). Венок (Stephanos). 1901-1905. М.: Скорпион, 1908.

Книга вышла в свет только в середине апреля. Спустя шесть недель, перейдя по возвращении из Парижа с художественной критики на литературную, Гумилев напишет рецензию на нее для газеты «Речь» (№ 6 (VII); см. № 42 наст. тома). Как пояснил Брюсов в предисловии к тому, при перепечатке своих наиболее значительных «старых» сборников он сохранил их общую структуру и композицию, но все же — как и Гумилев десять дет спустя — счел желательным и принципиально оправданным внести ряд изменений как в первоначальный состав, так и в отдельные тексты: «... я счел нужным присоединить к этим циклам стихотворений те, которые в свое время не вошли в них или случайно, или по причинам, от меня не зависевшим <...> Также решился я опустить из обоих сборников несколько стихотворений <...> Особенно внимательный читатель, может быть, заметит еще, что некоторые отдельные стихи <...> изменены сравнительно с их первоначальной редакцией. Мне кажется, что я не лишен права совершенствовать свои произведения, если в них вижу промахи и недочеты...».

41. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.

Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 19. В стр. 12 вместо «предложить» ранее было «напечатать».

Дат.: 12 мая 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 12.05.08. Штемпель московской экспедиции городской почты —13.05.08. Ответом на это письмо является письмо В.Я. Брюсова № 7 (см. раздел «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

20 апреля Гумилев покинул Париж и отправился (поездом) в Россию. «Первую остановку он делает в Севастополе, в Гранд-Отеле. Посещение дома Мартино на Малой Морской, где жила А. Горенко, завершилось полным разрывом и возвращением друг другу всех писем... Из Севастополя Гумилев заехал в Москву к Брюсову. <...> Домой, в Царское, вернулся в конце апреля или в начале мая» (Степанов Е.Е. Н. Гумилев. Хроника // Соч III. С. 357; ср. также Жизнь поэта. С. 61). Данное письмо явно возвращается к некоторым темам «второй» московской встречи с Брюсовым (во время которой Гумилев надписал ему «Романтические цветы» (Жизнь поэта. С. 61)). Об этой встрече сохранилось воспоминание свояченицы Брюсова Б.М. Погореловой: «... Из своего кабинета вышел Валерий Яковлевич, и не один. <...> Появившийся в этот день гость был необыкновенным. «Гумилев», — представился он сам как-то слишком самоуверенно. Все в нем изумляло. <...> Разговор его <...> не был похож на то, что обычно интересовало писателей, по-будничному беседовавших между собой: технические ухищрения писательского ремесла, вопросы гонораров, печатание, стычки авторов с издателями. Гумилев, еще не получив своего стакана чаю, неожиданно и сразу заговорил о той буре, которая поднялась, когда он плыл в последнее воскресенье на заокеанском пароходе, об острове Таити, о совершенстве

телосложения негритянок, о парижском балете. Брюсову, видимо, не нравилась вся эта «экзотика», но, не считая, вероятно, возможным перевести сразу разговор на профессионально-бытовые темы, не покидая чужих краев, он стал говорить о заграничных музеях и выставках... И тут нас всех поразила огромная эрудиция Гумилева. О всемирно известных музеях он принялся говорить, как ученый специалист по истории искусств. О знаменитых манускриптах — как изощренный палеограф» (Погорелова Б.М. Валерий Брюсов и его окружение // Русский путь. С. 251). Несмотря на то, что за давностью лет (воспоминания были впервые опубликованы в № 33 «Нового Журнала» (Нью-Йорк) в 1953 году) некоторые детали разговора исказились в памяти мемуаристки, легко догадаться, что речь шла о статье «Два салона» (№ 4 (VII)).

Стр. 3-5. — Приложенные к письму ст-ния отсутствуют. Скорее всего, это были ст-ния «Волшебная скрипка», «Одержимый» и «Рыцарь с цепью» (№№ 89, 111, 113 (I)), вошедшие в «летний» номер «Весов» (1908, № 6), а также «Андрогин» (№ 107 (I)). Стр. 6-10. — Вопрос о публикации новой книги Гумилева в издательстве «Скорпион» (будущих ЖК 1910), вероятно, поднимался во время московской беседы, и Брюсов ответил на него уклончиво. В ответном письме (№ 7 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома) Брюсов выразил свое согласие «в принципе». Но сама книга появилась, действительно, лишь (без малого) два года спустя — 16 апреля 1910 г. Впрочем, Гумилев сам очень долго колебался в выборе сроков публикации, состава и даже названия новой книги (см.: №№ 54, 58, 65 наст. тома). Стр. 10-12. — По-видимому, рукопись рассказа «Скрипка Страдивариуса» была передана Брюсову во время московской встречи, но появилась в «Весах» лишь через год с небольшим (1909. № 7). Об истории публикации рассказа см. С. 378-379 т. VI наст. изд., а также — №№ 43, 44, 45, 47, 54, 56, 59, 61 наст. тома. Стр. 14-20. — Весь этот абзац можно, вероятно, трактовать как своего рода осторожную «проверку отношений» с Брюсовым после «апрельской» встречи в Москве, которая, судя по всему, была не совсем «гладкой». «Поводом для напряженности» безусловно послужила статья Гумилева о французской живописи «Два салона» (№ 4 (VII); см. комментарий к № 4 (VII), и к №№ 37, 40, 42 наст. тома), отзвук разговора о которой улавливается в вышеприведенных воспоминаниях Б.М. Погореловой. Стр. 21-23. — Ст-ние «Андрогин» было ранее приложено к письму № 35 наст. тома. Несмотря на неоднократные «напоминания» Гумилева (№№ 36, 37, 38 наст. тома), в «Весах» это ст-ние так и не появилось.

42. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Revue des Études slaves. LXXI/1. 1999.**

Revue des Études slaves. LXXI/1. 1999. Pp. 159-168 (публ. Р. Дубровкина).
Автограф. — Архив Р.Гиля в Национальной библиотеке (Париж).
Дат.: Между 23 и 28 мая 1908 г.. — по датировке Р. Дубровкина.

Ответ на письмо Брюсова В.Я. Брюсова № 7 (см. раздел «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Письмо было обнаружено Р. Дубровкиным «среди сотен неразобранных рукописей, черновиков и пожелтевших газетных вырезок» в бумагах

Рене Гиля в парижской Национальной библиотеке. По мнению Р. Дубровкина, данное письмо было либо оставлено у Гиля самим Брюсовым во время встречи поэтов в Париже осенью 1908 г., либо (что более вероятно) передано вдове Гиля Алисе вместе с другой брюсовской корреспонденцией в 1931-1935 годах (это было связано с планами «Литературного наследства» опубликовать переписку поэтов — см. Revue des Etudes Slaves. LXXI/1. 1999. Pp. 164-165).

Стр. 3-4. — Имеется в виду принятие Брюсовым к публикации в «Весах» статьи Гумилева «Два Салона (Société des Artistes Indépendants — Société Nationale des Beaux Arts)» (№ 4 (VII) и согласие на издание Ж 1910 в «Скорпионе» (см. №№ 40, 41 наст. тома и № 7 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Стр. 6-8. — В первое издание «Жемчугов», вышедшее в апреле 1910 г., вошло 88 ст-ний (в том числе 22 — в раздел «Романтические цветы» и 11 в состав циклов «Возвращение Одиссея», «Беатриче», Капитаны»). Даже с учетом «старых» ст-ний раздела «Романтические цветы», немногим больше половины ст-ний сборника было написано только после настоящего письма. Стр. 9-20. — Речь идет о корректуре статьи «Два Салона», высланной Брюсовым вместе с письмом (№ 7 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). За отсутствием самой корректуры невозможно судить о степени правок, внесенных как Брюсовым, так и Гумилевым. При публикации в майском номере «Весов» (1908. № 5. С. 103-105) статья была подписана инициалами «Н.Г.» и сопровождалась «редакционным примечанием» («Редакция помещает это письмо, как любопытное свидетельство о взглядах, разделяемых некоторыми кружками молодежи, но не присоединяется к суждениям автора статьи»). Брюсову даже в «смягченном» виде не нравились резкие суждения Гумилева по поводу «Независимых» — (символистских) последователей Гогена и Сезанна. Гумилеву, безусловно, это было хорошо известно по беседе с Брюсовым во время его визита в Москву в конце апреля (см. комментарии к стр. 14-20 № 41 наст. тома); и в этом контексте, подчеркнуто «боевая» настроенность его письма может быть воспринята и как выпад против самого Брюсова. Более подробное изложение основ этого первого «негласного» конфликта «ученика» с «учителем» — в комментарии к № 4 (VII). Стр.21-22. — Евгений Александрович Ляцкий (1868-1942) — критик, историк русской литературы, постоянный сотрудник и заведующий литературным отделом «Вестника Европы». Весной 1907 г. Ляцкий перешел в журнал «Современный мир», и играл в нем руководящую роль в 1907-1908 гг. (подробнее см.: Русская литература и журналистика начала XX века (1905-1917). Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 127-131). Е. Ляцкий резко раскритиковал сборник Брюсова «Urbi et Orbi» (Вестник Европы. 1904. № 3. С. 380), но потом положительно отозвался о «Венке» (Там же. 1906. № 4) и незадолго до настоящего письма выступил с обстоятельной статьей «Пути и перепутья в поэзии Валерия Брюсова» (Современный мир. 1908. № 3). Он состоял в переписке с Брюсовым (13 писем Брюсова 1906-1909 гг. опубликованы Е. Малкиной: Новый мир. 1932. № 2). Ляцкий покинул «Современный мир» летом 1908 г., и никаких стихотворений Гумилева он не печатал. Его «ответ» Гумилеву (если

таковой был) не сохранился. Стр. 22-25. — Леонид Евгеньевич Галич (1878-1953; настоящая фамилия Габрилович) — критик, публицист, сотрудник «Русской мысли», «Столичного утра», «Руля», «Речи» и других изданий; см. также № 56 наст. тома. О первом посещении Гумилевым редакции газеты «Речь» сохранились воспоминания ее сотрудника В.Я. Ирецкого: «1908-й год. В редакции появляется очень странный — для редакции русской газеты — человек. Он в цилиндре, в белых лайковых перчатках. Он весь напружиненный, накрахмаленный, надменный. Это бросается в глаза еще и потому, что он очень некрасив. Даже уродлив. С безжизненно спокойным лицом, растягивая слова, он произносит первую же фразу с дикцией и отчетливостью декламатора. Речь идет о том, что он принес библиографическую заметку о чьих-то стихах. Небольшую заметку в 60 строк. Но он произносит это так торжественно, так важно, точно принес с собой нечто самое нужное, самое ценное для газеты. А между тем молодая газета на 80% серьезно политическая. Литературно-критический отдел только терпится, как вынужденная необходимость. Редактор принял тощую рукопись, наклоняет голову — вероятно для того, чтобы скрыть свою улыбку. Это новый сотрудник — Николай Степанович Гумилев. Он появляется затем в газете несколько раз, приносит не только критические статьи, но и рассказы. И даже стихи. Но торжественная манера разговаривать с редактором неизменно та же» (РГАЛИ. Ф.2227. Оп.1. Ед.хр. 86; опубликовано полностью: Российский Архив. М.,1994. С.205-211). Впрочем, как явствует из письма Гумилева, молодой автор не был совсем «неведом»: роль «рекомендательного письма» сыграла брюсовская рецензия на РЦ 1908 «в № 3 «Весов»». О сотрудничестве Гумилева в «Речи» см. также комментарии к № 43 наст. тома и к № 5 (VII). Стр. 25-28. — Имеются в виду № 5 (VII) (опубл.: Речь. 22 мая 1908. № 121.) и № 6 (VII) (опубл.: Речь. 29 мая 1908. № 127). Стр. 33. — См. комментарии к стр. 6-7 № 13 наст. тома и комментарий к нему. Гумилевы жили в семикомнатной квартире на втором этаже этого дома, соседями их были Делла-Вос-Кардовские, занимавшие первый этаж (см. воспоминания О.Л. и Е.Д.Делла-Вос-Кардовских — Жизнь Николая Гумилева. С. 30-31, 35-36). Поселившись в доме Белозеровой по возвращении из Парижа весной 1908 г., Гумилев прожил там только до отъезда в Египет. Ко времени его возвращения в ноябре 1908 г., семья снова переехала в другой дом (см. № 53 и комментарий к нему).

43. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) --с. 378-379 Полушин; ЛН.

Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 19. В стр. 15 после «воспринял» ранее было «еще». В стр. 16 вместо «творческую» ранее было «поэтическую».

Дат.: 15 июня 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 15. 06. 08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 16. 06. 08.

Стр. 4-5. — 25 июля 1908 г. Брюсов с женой уехал на три месяца за границу (см. Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. С. 317). Поездка, как он отметил в своей «Автобиографии», «охватила всю Италию, южную Францию, часть Испании и закончилась в Париже, где я сблизился с кружком молодых французских поэтов. Из Парижа я совершил паломничество в Бельгию, чтобы лично познакомиться с Э. Верхарном» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 180;. более подробный перечень посещаемых мест и лиц см. на с. 158-160). Упомянутые Брюсовым «молодые поэты», с которыми он «сблизился» в Париже, были представителями «Аббатства» (см. комментарии к стр. 5 № 5 наст. тома). Общение Брюсова с ними частично освещено его перепиской того времени с М. Волошиным, Р. Гилем (Валерий Брюсов и его корреспонденты. М. 1994. (Литературное наследство. Т.98). Кн. 2. С. 380-382; Дубровкнин Р. Рене Гиль и Валерий Брюсов. // Toronto Slavic Quarterly. № 13; ср. также очерк Брюсова «В гостях у Верхарна»: (Автобиографическая проза... С. 252). После месяца в Италии, Брюсовым «захотелось тишиıы и уединения». Они решили провести «остаток лета <...> в маленьком городке Сен-Жан де Люсе, около Биаррица» (Там же. С. 258), откуда Брюсов также совершил поездку в Бретань; его продолжавшееся увлечение «океаном» в обоих этих местах отражается в его письмах к Н.П. Петровской и З.Н. Гиппиус (Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка... С. 318; Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 701). Стр. 5-6. — В сентябре 1908 г. Гумилев, действительно, «уехал» — но в сторону, противоположную маршруту четы Брюсовых — через Киев и Одессу, Турцию и Грецию в Египет. Стр. 6-7. — Гумилев имеет в виду, конечно, последнюю встречу с «мэтром» в мае 1908 г. — см. комментарий к № 41 наст. тома. Стр. 8-9. — В рукописи письма читается слово «деятельности»; чтение данного слова как «десятичности» (см.: Неизд 1980. С. 48) ошибочно. Стр. 10-20. — Ср. рассуждения Гумилева по поводу первого письма Брюсова о «рифмах и размерах», написанного в октябре 1906 г., в котором тот посоветовал ему учиться разнообразию размеров как раз у Вяч. И. Иванова (см. стр. 22-23 № 6 наст. тома). Стр. 21-22. — «Затишье», по-видимому, продолжалось до отъезда в Египет в начале сентября, после чего за очень небольшой срок было написано, по подсчету самого Гумилева, «около пятнадцати» ст-ний (см. №№ 45, 47, 54 наст. тома). Стр. 22-25. — До 15 июня 1908 г. в газете «Речь» были опубликованы ст-ние Гумилева «Завещание» (№ 116 (I); Речь. 8 июня 1908) и его рецензии на «Сети» М.А. Кузмина и второй том «Путей и перепутий» Брюсова (22 и 29 мая). Четыре дня спустя, 19 июня, была напечатана его рецензия на «Славянские поэты» С. Штейна (№ 7(VII)); в течение следующих 15 месяцев — до выхода первого номера «Аполлона» в октябре 1909 г. — в «Речи» были помещены еще девять рецензий Гумилева (№№ 8-9, 11-12, 14-18 (VII)), его ст-ние «Вечер» (№ 123 (I)) и рассказы «Черный Дик» и «Последний придворный поэт» (№№ 7 и 8 (VI)). «Черный Дик» появился в тот день, в который было отправлено настоящее письмо (Речь. 15 июня 1908. № 142).

Сотрудничество Гумилева в «Речи» было расценено петербургской «общественностью» как «сдача позиций» почтенного кадетского органа под напором «хулиганов-декадентов». Основания для этого были, ибо, по воспоминаниям С.А. Ауслендера Гумилев сумел «протащить» в «Речь» и своих молодых коллег, «ставил какие-то условия, чтобы только мы писали в литературном отделе. Он умел говорить с этими кадетами, ничего не понимавшими в литературе, и им импонировал» (Жизнь Николая Гумилева. С. 43). Ответом «честной русской мысли» была анонимная статья в вечерней петербургской газете «Последние новости», издаваемой Б.А. Котловкером (она выходила с января по июнь, а затем в октябре-ноябре 1908 г.). «Анонимный автор заметки, озаглавленной «Пылающий», полностью перепечатав стихотворение «Завещание» <...>, иронизирует: «Считаем необходимым указать, что это не пародия и что г-н Гумилев намерен «отпылать» всурьёз. Но если бы это случилось поскорее!» (Последние новости. 9 июня 1908. № 119)» (ЛН. С. 480). Особое неудовольствие анонима вызвала рецензия на кузминский сборник «Сети» в ст-ниях которого присутствовали гомоэротические мотивы. Гумилев, впрочем, обращал внимание читателя не на них, а на то, что «... глубина <Кузмина> чисто языческая, и он идет по пути, намеченному Платоном, — от Афродиты Простонародной к Афродите Урании» (см. стр. 3-4 № 5 (VII). Однако, не разобравшись в «философических тонкостях», обозреватель «Последних новостей» обвинил в пропаганде гомосексуализма как рецензента, так и все издание: «Решительно непонятно, как могла мерзкая пропаганда Афродиты-Урании под видом рецензии о мерзких виршах Кузмина так цинично и откровенно располагаться на столбцах солидной «Речи» <...> ?». Подробнее см. № 5 (VII) и комментарий к нему. Стр. 25-27. — В августовской книжке журнала за 1908 (Русская мысль.1908. № 8) под общим заглавием «Новеллы» были опубликованы рассказы Гумилева «Золотой рыцарь» и «Принцесса Зара» (№№ 5 и 9 (VI)). Об истории этой публикации см. С. 309-310, 363-364 т. VI наст. изд. Стр. 28-29. — Гумилев напоминает о давнем обещании «учителя» (см. письмо Брюсова от 20 января/2 февраля 1908 г. (№ 6 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву»)). Экземпляр РЦ 1908 с пометами Брюсова сохранился в его библиотеке (см. Пуришева К. Библиотека Брюсова. Литературное наследство. Т. 27—28. М., 1937. С. 673-674), но в руки Гумилева, по-видимому, он так и не попал.

44. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 1216. Оп.1. Ед. хр. 7.
Дат.: 1 июля 1908 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Ее высокоблагородию Вере Евг. Аренс, Приморская Санатория». Штемпель почтового отделения Царского Села — 03. 07.08. Штемпель почтового отделения Евпатории — 07.07.08. Сбоку на конверте зачеркнутый адрес: «Russie. Россия. Царское Село».

Вера Евгеньевна Аренс (1883-1962) — поэт, переводчица (главным образом с немецкого). Печатала стихи в «Вестнике Европы», «Неделе современного слова», «Современнике», «Вершинах», «Аргусе», «Новом журнале для всех», «Летописи», «Русской мысли», «Знамени труда», «Красном огоньке», и других изданиях (см.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 27-28). Вышла замуж в 1912 г. за В.А. Гаккеля. У нее были две младшие сестры — Зоя (1886-1969), вышедшая замуж за А. Н. Пунина; Анна (1892-1943), первая жена Н.Н. Пунина, — и брат Лев (1890-1967), биолог, поэт, литератор, оставивший воспоминания о Гумилеве.

Отец семейства, Евгений Иванович Аренс (1856—1931), служил с 1903 г. начальником Петергофской пристани и Царскосельского Адмиралтейства (с 1909 г. — генерал-лейтенантом флота). Он был знаком по службе с С.Я. Гумилевым. По свидетельству Л.Е. Аренса, Евгений Иванович и его жена, Евдокия Семеновна, были связаны и личной дружбой с родителями Гумилева (Жизнь Николая Гумилева. С. 28). Аренсы жили в казенной квартире в царскосельском Адмиралтействе — уединенном павильоне в Екатерининском парке у Большого озера, сохранившемся до наших дней. По словам Л. Зыкова: «Романтический облик дома и, главное, присутствие здесь трех милых девушек и молодого человека, образованных, интересующихся литературой, музыкой, театром, почти неизбежно должны были сделать Адмиралтейство местом юношеских встреч, бесед, развлечений. <...> Встречи в Адмиралтействе приобрели регулярный характер, их одухотворял общий интерес к искусству, он придавал смысл этим собраниям и давал для них повод. Исполненные молодого пафоса, участники кружка назвали его: «Салон наук и искусств»» (Зыков Л. Предисловие // Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 17). К тому времени, как молодой Л.Е. Аренс познакомился с Гумилевым в последний гимназический год поэта — Гумилев уже «встречался с <... > сестрами Зоей и Верой» (Жизнь Николая Гумилева. С. 28-29, 224). Но, видимо, самое интенсивное общение поэта с семьей Аренсов — «сестрами и их матерью» (Жизнь поэта. С. 62) — приходится на короткий «царскосельский» период времени между его возвращением из Парижа в начале мая 1908 г. и поездкой в Египет в сентябре-октябре. По позднейшему утверждению Ахматовой, в эти месяцы «Вера Аренс, тихая и прелестная, «как ангел», пользовалась большими симпатиями Николая Степановича» (Жизнь поэта. С. 64). Впрочем для самого Гумилева, как можно заключить на основе этого и последующих двух коротких писем к В.Е. Аренс, отношения с ней оставались весьма «неопределенными». Возможно, что здесь сказалось «параллельное» увлечение поэта двоюродной сестрой Веры — Лидией Аполлоновной Аренс (1889-1976; в популярных биографиях и даже в специальной литературе о Гумилеве Лидия Аренс чаще всего ошибочно названа родной сестрой Веры Евгеньевны). Об этом эпизоде скупо упоминает (со слов Н.Н. Пунина) Ахматова в беседах с П.Н. Лукницким: «Лида Аренс увлеклась Николаем Степановичем и был роман; дело кончилось скандалом в семье Аренсов, так что Лида даже оставила дом и поселилась отдельно. Кажется, ее отец так и умер, не примирившись с ней, а мать

примирилась чуть ли не в восемнадцатом году только. АА не знает точно времени романа, но это — 1908 год, во всяком случае, Николай Степанович никогда не говорил ей о Лиде Аренс» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 264-265).

Из двух последующих писем к В.Е. Аренс ясно, что осенью 1908 г. Гумилев планировал совершить с Верой Евгеньевной путешествие по Европе, но эти планы остались неосуществленными (см. №№ 48 и 49 наст. тома и комментарии к ним). Известно также, что после свадьбы, в 1910 г., Гумилев нанес визит в царскосельское Адмиралтейство, чтобы представить Ахматову Аренсам (Жизнь Николая Гумилева. С 29). Возможно, что он также присутствовал на масленичном маскарде в Адмиралтействе в феврале 1912 г. (см. Попова Н.И. Рубинчик О.Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб., 2000. С. 48; фотография вечера, о которой идет речь, см. в кн.: Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. Между с. 144 и 145). С Верой Аренс Гумилев встречался и после революции: она слушала лекции в студии при издательстве «Всемирная литература», работала переводчицей во «Всемирной литературе», и была принята затем в члены Петроградского филиала Союза поэтов.

Стр. 9-11. — Приложенный рассказ с письмом не сохранился. По всей вероятности, речь идет о рассказе «Черный Дик», напечатанном в газете «Речь» за две недели до настоящего письма (Речь. 15 июня 1908. № 142). Гумилев, видимо, ждал скорого появления «Скрипки Страдивариуса» в «Весах»; в «Русской мысли» за август 1908 были опубликованы рассказы «Золотой рыцарь» и «Принцесса Зара» (под общим заглавием «Новеллы»). Стр. 11-13. —Ахматова уточняет эти строки, обращая внимание на то, что глаза героини ст-ния «Сады души» — «как отблеск чистой серой стали» (см. ст. 9 № 85 (I)): «У Веры Аренс были ярко-голубые глаза. Ей он написал, что стихи ей, во время нашей длительной ссоры, а мне прислал его гораздо раньше, записанным на Обри Бердслее (В Севастополь)» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 359). Стр. 13-16. — Гумилев испытывал сильный и достаточно продолжительный интерес к эстетическим взглядам О. Уайльда: ср., в частности, его рецензию 1910 г. на «Первую книгу рассказов» М.А. Кузмина (№ 22 (VII) и комментарий к нему) и цитату из Уайльда в статье 1910 г. «Жизнь искуства» (стр. 63-70 № 24 (VII)). См. также комментарии к стр. 4-5 № 6 и стр. 30-31 № 11 наст. тома. П.Н. Лукницкий относит истоки гумилевского «уайльдианства» к публикации в «Весах» в переводе Е. Андреевой эссе Уайльда «De Profundis. Отрывки из тюремных записок» (Весы 1905. № 5. С. 1-42): Лукницкий выделяет из этого текста несколько особо поразивших воображение юного поэта цитат, в том числе: «Мне не нужно напоминать вам, что только выражение своей жизни — для художника высший и единственный способ жить. Мы живем — поскольку воплощаем жизнь в слове» (Жизнь поэта. С. 32). Следует добавить, что переводы из Уайльда, обсуждение его жизни и творчества, занимали постоянное место в «Весах», где одним из наиболее активных его пропагандистов был секретарь редакции М.Ф. Ликиардопуло (см. комментарий к № 46 наст. тома).

Однако «De Profundis» относится к «позднему», «христианскому» периоду творчества Уайльда и не может быть ассоциировано с его ранним «эстетством». В контексте данного письма идея доминирования «искусства» над «жизнью» более напоминает критические эссе из раннего сборника «Замыслы» («Intentions») — «Упадок лжи» и «Критик, как художник», прямые реминисценции которых проглядываются в уже упомянутых критических статьях Гумилева (об отзвуках Уайльда в гумилевской художественной прозе этого периода см. С. 377-378, 404 т. VI наст. изд.). «Жизнетворческий» элемент гумилевского «уайльдианства» вполне созвучен с русским «уайльдианством» эпохи (ср. хотя бы утверждение А. Белого в том же 1908 г., что «... в драме заключено начало бесконечного расширения искусства до области, где художественное творчество становится творчеством жизни. Такая роль за искусством признавалась Уайльдом» (Белый А. Символизм и современное русское искусство // Белый А. Луг зеленый. Книга статей. М., 1910. С. 43)). Об особенностях восприятия эстетики Уайльда в России см., к примеру: Moeller-Sally B.F. Oscar Wilde and the Culture of Russian Modernism // Slavic and East European Journal. Vo. 34. № 4. Pp. 459-472). Стр. 17-20. — В этих словах, по всей видимости, развивается тема, затронутая Гумилевым в стихотворной надписи Вере Аренс на ПК:

Микель Анджело, великий скульптор,
Чистые линии лба изваял.
Светлый, ласкающий, пламенный взор
Сам Рафаэль, восторгаясь, писал.
Даже улыбку, что нету нежнее,
Перл между перлов и чудо чудес,
Создал веселый властитель Кипреи,
Феб златокудрый, возничий небес.

(см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 224-225). Стр. 21-22. — Ср., к примеру, характерное для Уайльда эстетическое возвышение искусства над жизнью по отношению к художнику-«обманщику» в эссе «Упадок лжи»: «Искусство, вырвавшееся из тюрьмы реализма, ринется ему навстречу и осыпет поцелуями его лживые, прекрасные губы, зная, что он единственный обладатель великого секрета ее побед <...> а в это время Жизнь — бедная, вероятная, безынтересная человеческая жизнь, — устав бесконечно повторяться <...> покорно последует по его стопам, стараясь воспроизвести на свой простой и неотесаный лад чудеса, про которые он говорит.». Стр. 22-23. — По словам Ахматовой: «Зоя была неудачно влюблена в Николая Степановича, приходила даже со своей матерью в дом Гумилевых. Николай Степанович был к ней безразличен до того, что раз, во время ее посещения, вышел в соседнюю комнату, сел в кресло и заснул» (Жизнь поэта. С. 64). По-видимому, Гумилев вел переписку не только с Верой Аренс, но и с ее сестрой: ср.: «Зоя Аренс призналась, что в страшные времена сожгла два письма Н<иколая> С<тепановича>» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 366).

45. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.

Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84.19. В стр. 54 вместо «мчался» ранее было «лился».

Дат.: 14 июля 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 14.07.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 15.07.08.

Стр. 3-4. — К данному письму приложено (стр. 41-77) ст-ние «Царица» — № 119 (I), автограф 1 Карандашные пометы Брюсова к тексту автографа перечислены в т. I наст. изд., с. 430. Стр. 5-9. — О значении французского поэта-парнассца Шарля Леконта де Лиля (1818-1894) для творчества Гумилева см.: Николаева Т.М. Смерть властелина на охоте («Охота» Н.Гумилева и «Сероглазый король» А.Ахматовой) // Russian Literature. 1991. XXX. Pp. 343-356; Scherr Barry. Gumilev and Parnassianism // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Columbus, Ohio, 1993. Pp. 249-254; Eshelman Raoul. Nikolaj Gumilev and Neoclassical Modernism: The Metaphysics of Style. Frankfurt-am-Main, 1993. Pp. 102-111; Баскер, С. 96. «Леконт-де-лилевский элемент» данного ст-ния, должен быть воспринят в строгом соответствии с брюсовским определенем в рецензии на РЦ 1908 : «Н. Гумилеву часто не достает силы непосредственного внушения. Он немного парнасец в своей поэзии, поэт типа Леконта де Лиль. Стыдливый в своих личных чувствованиях, он избегает говорить от первого лица, почти не выступает с интимными признаниями и предпочитает прикрываться маской того или иного героя. Сближает его с парнасцами и любовь к экзотическим образам: он любит выбирать для своих баллад и маленьких поэм, как декорацию, — юг с его пышной пестротой, или причудливость тропических стран, или прошлые века, еще не знавшие монотонности современных дней. Но Н. Гумилев менее сдержан, чем то было большинство парнасцев, и его фантазия чертит перед нами несколько угловатые, но смелые и неожиданные линии» (Весы. 1908. № 3. С. 78). Стр. 9-10. — Об особом отношении Гумилева к творчеству Блока см. №№ 39, 44 (VII) и комментарии к ним. Стр. 10-16. — Ср. наблюдение П.Н. Лукницкого по поводу гумилевской переписки 1908 г.: «Гумилев просит советов у Брюсова, но сам уже констатирует довольно точную схему и манеру нового ученичества, постижения ремесла. В каждом письме — его помощь самому себе: он просит советов — он сам их дает» (Жизнь поэта. С. 65-66). Фраза об «угловатости образов» является цитатой из брюсовской рецензии на РЦ 1908: «... его фантазия чертит перед нами несколько угловатые, но смелые и неожиданные линии». Стр. 21-23. — Планы Гумилева в течение лета 1908 г. постоянно менялись (неизменным оставалось только одно — желание осенью уехать из России). Вначале, видимо не без воздействия разговоров с Верой Аренс и обсуждения планов «совместной поездки», он думал ехать в Европу (чтобы, возможно, встретиться там с Брюсовым

(см. стр. 4-5 № 43 наст. тома). Затем, очевидно, «совместная поездка» ставится под сомнение — и возникает «африканское» направление, о чем и говориться в данном письме, а после, безусловно опять под воздействием Веры (вернувшейся из евпаторийской «Приморской санатории»), целью Гумилева вновь становится Европа, куда он, как думал при отъезде из Царского Села 7 сентября 1908 г., и отправился. Но и эти планы в процессе самой поездки кардинально изменились (см. комментарии к № 48 наст. тома).Стр. 25-27. — О публикации рассказов Гумилева в «Русской мысли» см. комментарий к стр. 25-27 № 43 наст. тома. В «Речи» было опубликовано только два рассказа Гумилева: «Черный Дик» (15 июня 1908. № 142) и «Последний придворный поэт» (27 июля 1908. № 178). Два другие рассказа того времени — «Дочери Каина» и «Лесной дьявол» (№№ 6 и 11 (VI)) вошли в журнал «Весна». Стр. 27-30. — 19 августа 1908 г. газета «Новая Русь» сообщала: «Выходит в начале зимы первый том «Рассказов» Н. Гумилева, первоначально печатавшихся в «Образовании», «Русской мысли», «Весах», «Речи» и «Слове»» (цит. по: ЛН. С. 482). Это издание не состоялось (см. № 47 наст. тома). Стр. 30-37. — Как можно понять по письму Гумилева к В.Е. Аренс (№ 44 наст. тома), в начале июля он все еще предполагал, что рассказ в скором времени появится в «Весах» («предыстория» этого — в письма №№ 41 и 43 наст. тома). Однако, Брюсов не принял условий Гумилева, и в ответ на настоящее письмо вернул ему рукопись. В своем следующем письме, от 20 августа 1908 г. (№ 47), Гумилев, в свою очередь, вернул рукопись Брюсову с просьбой о печатании в «Весах», когда это будет угодно. Упоминаемые Гумилевым «три новеллы» — «Радости земной любви» (№ 4 (VI)), появившиеся в «Весах» в апреле (1908. №4).

46. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин.
Автограф. — ИРЛИ. Ф. 240. Оп.2. № 290
Дат.: 17 июля 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Михаилу Федоровичу Ликиардопуло». Штемпель почтового отделения Царского Села — 17.07.08. Штемпель московской экспедиции городской почты стерт.

Михаил Федорович Ликиардопуло (1883-1925) — секретарь редакции «Весов» и «Скорпиона». «Еще в 1904 г. в «Весах» появился молодой человек по фамилии Ликиардопуло. Владея новогреческим языком, он предложил «Весам» свои услуги в качестве рецензента и обозревателя литературы современной Греции. Брюсов, стремившийся к тому, чтобы в «Весах» отражалась культурная жизнь самых разных стран, принял это предложение Ликиардопуло и время от времени публиковал его заметки. Впоследствии М.Ф. Ликиардопуло стал секретарем «Весов» и, начиная приблизительно с 1907 г., приобретал в редакции «Весов» все более ощутимое влияние.

Облик Ликиардопуло выразительно обрисован в воспоминаниях Садовского. «...Смуглый, высокий юноша <...> темноглазый, красивый, с южным профилем. В синей куртке и студенческих «диагоналевых» брюках, он мягко и вкрадчиво становился у книжного стола. Передаст Брюсову какие-нибудь листочки, поговорит с ним вполголоса и опять к столу. Юноша был скромен до того, что даже сесть не решался. Никто в «Весах» не слыхал его голоса <...> кто он и откуда неизвестно. Сам Ликиардопуло рассказывал, что предок его Рикардо, родом итальянец, переселился в Грецию из Генуи и стал называться Рикардопуло, а дети его Ликиардопуло. В нашем «греке» выгодно соединились положительные черты обеих культур. Меркантильную практичность эллина сдерживал артистический темперамент потомка Тасса».

Как и многие весовцы, Ликиардопуло был переводчиком. Он особенно увлекался Уайльдом, переводил его сочинения на русский язык и регулярно рецензировал в «Весах» новые издания английского писателя, а также исследования о нем. <...> Позже — когда «Весы» уже прекратились — Ликиардопуло не раз бывал в Англии, встречался там с Г. Уэллсом и сыновьями Уайльда и писал корреспонденции для русских периодических изданий. После Октябрьской революции Ликиардопуло окончательно переселился за границу» (Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 282). Как отметил Г.П. Струве, после 1917 г. «Ликиардопуло стал сотрудничать в английской печати, в частности в консервативной газете «Morning Post» (Неизд 1980. С. 164)).

Гумилев лично познакомился с Ликиардопуло в мае 1907 г., когда он нанес визит Брюсову в издательстве «Скорпиона». Два месяца спустя, он «с удовольствием» вспоминал об этой встрече (см. № 14 наст. тома). С 1906 по 1910 г. Гумилев и Ликиардопуло время от времени вели чисто деловую переписку (несохранившуюся). Гумилев также иногда предлагал Брюсову ответить по деловым вопросам и решениям через посредничество Ликиардопуло (см. №№ 6, 17, 25, 34, 84 наст. тома).

Стр. 3-4. — В № 6 «Весов» за 1908 г. (С. 7—10) были опубликованы стихотворения Гумилева «Волшебная скрипка», «Одержимый» и «Рыцарь с цепью» (№№ 89, 111, 113 (I)). Напоминание о гонораре, безусловно, связано с его планами осеннего путешествия, средств на которое, как видно из дальнейшего, было явно недостаточно. Стр. 4. — Гумилев уехал из Царского Села за границу, приблизительно, через 7 недель после настоящего письма (см. комментарий к № 48 наст. тома). По записанным П.Н. Лукницким рассказам Ахматовой, летом 1908 г. он «впервые заехал в родовое имение Слепнево» (Степанов Е.Е. Н. Гумилев. Хроника // Соч III. С. 357). Месячная пауза в переписке с Брюсовым (следующее за этим письмо было отправлено 20 августа, причем не из Царского Села, а с Витебского вокзала) помогает реконструировать сроки этого очень важного для духовного становления поэта визита. По всей вероятности, именно между 17 июля и 20 августа Гумилев впервые посетил родовое имение своей матери (см. также комментарий к № 47 наст. тома). Его «августовское» письмо Брюсову (№47 наст. тома) скорее всего было написано в Слепнево и сразу же по возвращении, прямо с вокзала — отправлено. Стр. 4-5. — Брюсов уехал из Москвы в заграничную поездку 25 июля 1908 г. (см. комментарий к стр. 4-5 № 43 наст. тома).

47. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.

Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 19.

Дат.: До 20 августа 1908 г. — по почтовому штемпелю и биографической реконструкции времени написания.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Франция. Basses Pyrénées, Saint-Jean de Luz, monsieur Valere Brussow». Штемпель С-Петербургского почтового отделения Витебского вокзала — 20.08.08. Штемпель почтового отделения Сен-Жан де Люс — 07.09.08 (н. ст.). На конверте надпись (не рукой Гумилева): «Ley mm. Barri Ruidopite».

Письмо предположительно написано во время первого посещения Гумилевым родового имения матери Слепнево (см. комментарии к стр. 4 № 46 наст. тома). О настроениях Гумилева во время этой поездки можно судить по написанному тогда же ст-нию «Старина»:

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

Позднее, описывая «слепневское настроение» Гумилева, Ахматова, для которой Слепнево стало символом «народного» и «национального» начал («Слепнево для меня, как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом все больше и больше и наконец — полная свобода...»), отмечала, что «Николай Степанович не выносил Слепнева. Зевал, скучал, уезжал в невыясненном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» <...> Но, однако, что-то понял н чему-то научился» («Слепнево»). Ярко проявляющаяся в слепневском укладе жизни патриархальная «русская стихия», одновременно и увлекающая, и раздражающая Гумилева (см.: Оцуп. С. 139; Сенин С.И. «В долинах старинных поместий...». Тверь, 2002-2003. С. 15-24), очевидно, усилила общую «неопределенность» в его настроениях этих дней. Все вместе это обусловило неожиданно «исповедальный» характер письма, резко выделяющего его из общего тона переписки «ученика» с «мэтром». С известной осторожностью можно говорить о «знаковом» характере данного документа в гумилевском биографическом контексте, манифестирующем момент кризисного «перелома» как в личностном, так и в творческом плане.

Стр. 14-17. — Как отметили Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков, «цитируется высказывание Заратустры из главы «О незапятнанном познании»: «Быть счастливым в одном лишь созерцании с умершею волею, без приступов гнева и жажды себялюбия, — быть холодным и серым во всем теле, но с пьяными глазами месяца!» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Пер. Ю.М. Антоновского. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1900. Ч. 2. С. 230)» (ЛН. С. 483). То же выражение Ницше было использовано Гумилевым в применении к И.Ф. Анненскому в рецензии на второй номер журнала «Остров» (см. стр. 30-33 № 21 (VII)). Стр. 17-19. — Возможно, что в этих строках присутствуют реминисценции двух рецензий на РЦ 1908 — «его образы наделены случайными чертами» (Л. Ф.<ортунатов> [П.М. Пильский] Н. Гумилев. «Романтические цветы». // Образование. 1908. № 7. С. 78. 3-я пагинация) и «...нет в этих стихах настоящей лирики, настоящей музыки стиха, которую образуют и в которую сливаются не только слова, размеры и ритмы, но и самые мысли, образы, и настроения» (Гофман В.В. Н. Гумилев. Романтические цветы. // Русская мысль. 1908. № 7. С. 144. 3-я пагинация). Стр. 19-20. — Имеется в виду статья-рецензия Брюсова «Новые сборники стихов. (К. Бальмонт. Жар-птица. С. Городецкий. Перун. В. Башкин. Стихотворения. В.Стражев. О печали светлой)» (Весы. 1907. № 10. С.45-53), в которой о второй книге стихов С.М. Городецкого, в частности, было сказано: «В области форм, во власти над своим стихом, С. Городецкий, сравнительно со своей первой книгой, не сделал никаких успехов, а скорее даже пошел назад. <...> Серьезный труд, серьезное отношение к великому делу искусства он, кажется, заменил легким наездничеством в области стихотворчества. Путь, которым он идет, — путь худшей гибели. Только остановившись, только глубоко обдумавши свое положение, может он вновь выйти на верную дорогу». Справедливости ради надо сказать, что исключительная суровость критики Брюсова объясняется и тем, что данная рецензия создавалась в момент скандального выхода Городецкого их «Весов» после публикации им в «Золотом руне» статьи «Глухое время» (1908. № 6). Посвященные этому конфликту «Письма в редакцию» Городецкого и М.Ф. Ликиардопуло были опубликованы, соответственно, в газете «Новая Русь» (25 августа 1908. (№ 10)) и в «Золотом Руне» (1908. № 7-9. С. 124-125). Подробнее об этом эпизоде см. переписку Брюсова и Вяч. Иванова (Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 512-515) и письмо Городецкого Блоку (Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 34). Стр. 20-21. — Цитируется ст-ние Брюсова «Годы молчанья», вошедшее в первый том «Путей и перепутий». Стр. 23-24. — Приводится неточная цитата из ст-ния Брюсова «Искатель» («Быть может, на тропах звериных, / В зеленых тайнах одичав, / Навек останусь я в лощинах / Впивать дыханье жгучих трав», вошедшее в «Urbi et orbi» и второй том «Путей и перепутий»). О возможном наличии в этой цитате «суицидального» подтекста см. с. 248-249 т. VI наст. изд. Стр. 32-34. — Петр Моисеевич Пильский (1879—1941) — литератор, публицист, критик, сотрудничавший в эти годы во многих газетах и журналах (в том числе — в «Весне», «Журнале для всех», «Обра-

зовании», «Перевале»); впоследствии — один из наиболее популярных критиков «русского зарубежья». Пильский некоторое время возглавлял литературный отдел «Новой Руси», которая выходила с 16 августа 1908 г. вместо газеты «Русь» (газета прекратила свое существование в 1910 г.; в иллюстрированном приложении к газете «Русь» Гумилев уже публиковался в августе 1907 г. (см. комментарий к № 16 наст. изд.)). П.М. Пильскому принадлежала рецензия на РЦ 1908, опубликованная в журнале «Образование» за подписью «Л.Ф.» (анаграмма его псевдонима «Л. Фортунатов»). В рецензии отмечалось наличие в ст-ниях сборника несомненных признаков истинного таланта («хороший художественный вкус и серьезную эстетическую воспитанность») и многообещающего будущего, но в то же время высказывался и ряд достаточно резких критических замечаний (см. выше комментарий к стр. 17-19 наст. письма). Упомянутое Гумилевым «приглашение» обусловило появление в четвертом номере «Новой Руси» (за 19 августа 1908 г.) информационной заметки, в которой отмечалось: «Только что вышедшая небольшая книжка стихов Гумилева «Романтические цветы», изданная в Париже, заслужила поощрительные отзывы критики: в лестных словах о ней написали «Весы», «Образование» и «Русская Мысль»» (цит. по: ЛН. С. 483), а также — перепечатку в том же номере рецензии Пильского (за подписью «П.П.»). О сотрудничестве Гумилева в «Речи» см. комментарий к стр. 22-25 № 43 наст. тома. Стр. 35-37. — Редакция «Весов» обычно публиковала в начале каждого номера подборку из стихотворений только одного или (в 6-и номерах за 1907-1908 гг.) двух поэтов. Но одиннадцатый номер за 1907 г. был сборным, с произведениями пяти поэтов (Рукавишникова, Балтрушайтиса, В. Гофмана, «Одинокого», А. Курсинского); таким же, как раз, был и № 11 за 1908 г. (стихотворения Балтрушайтиса, Садовского, Рукавишникова и Сергея Пинуса). Стнхи Гумилева снова появились только в шестом, «летнем» номере 1909 г. — но в большем объеме, чем раньше (№№ 125, 133, 134, 144-146 (I)), и на этот раз вся подборка была посвящена ему (в 1906 (№ 6) его стихи были напечатаны наряду со стихотвореннями Городецкого, «Одинокого», и Б. Садовского, а в 1907 (№ 7) и 1908 (№ 6) гг.— вместе со стихами В. Гофмана). В следующем за «стихотворной» публикацией номере журнала (1909. № 7) вышла, наконец, «Скрипка Страдивариуса». Стр. 40. — См. № 48 наст. тома и комментарии к нему.

48. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2.
Дат.: 5 сентября (?) 1908 г. — по содержанию письма.

Стр. 4-7. — Реальный маршрут осеннего путешествия 1908 г. получился иным. В «Трудах и днях» П.Н. Лукницкий дает конспективное описание этой поездки Гумилева, очевидно, составленное со слов Ахматовой: «5 сентября уехал из Петербурга в Египет, имея при себе очень небольшую сумму денег. Останавливался на два дня в Киеве, чтобы повидаться с Анной Андреевной Горенко. 10 сентября

утром приехал в Одессу, днем на пароходе <...> «Россия» отправился дальше. Дальнейший маршрут: Синоп (в карантине 3-4 дня) <...>, Константинополь, Пирей. Афины (27 сент.), осматривал Акрополь. 1 октября — прибытие в Александрию; 3 окт. — в Каире; 6 окт. опять в Александрии. До 10-х чисел октября в Египте осматривает достопримечательности. Посещение Эзбекие. Купание в Ниле. В Александрии иссякли взятые с собою деньги. Критическое положение. Голодает. Заняв денег у ростовщика и оставив мысль о путешествии в Рим, в Палестину и Малую Азию, тем же маршрутом возвращается обратно. Опять остановка дня на 2-3 в Киеве, где жила Анна Андреевна Горенко. В конце октября или в начале ноября — вернулся в Петербург и Царское Село.» (Труды и дни. С. 184-185). Анализируя рассказ Ахматовой, необходимо помнить о том, что Гумилев, разумеется, рассказал ей отнюдь не все подробности, в частности, очевидно, что он промолчал о своей предполагаемой «компаньонке» — Вере Аренс (см. комментарии к № 44 наст. тома). Из Одессы в Константинополь пассажирские суда шли двумя маршрутами: либо вдоль черноморского побережья через Варну (на такой пароход Гумилев попал в следующем году, когда отправился в декабре в Абиссинию), либо, пересекая Черное море, через турецкий порт Синоп. В любом случае, рейс продолжался не более 2-3 дней. Отплыв из Одессы 10/ 23 сентября, Гумилев мог быть в Константинополе (с учетом двухдневного карантина в Синопе) меньше чем через неделю. Таким образом Гумилев высадился в Константинополе не позже 16/29 сентября, и находился там, по крайней мере, до 23 сентября/ 6 октября, когда, устав ждать прибытия «спутницы», отправил ей открытку (см. № 49 наст. тома и комментарии к нему). В ожидании ответа Гумилев посещает Пирей и Афины (по данным Лукницкого — 27 сентября / 10 октября — как раз около двух-трех дней пути от Константинополя), затем, очевидно, получает ответ Веры Аренс с отказом от «спутничества», — и резко меняет планы. Вместо предполагаемой «Сицилии, Италии, Швейцарии» Гумилев вдруг устремляется в Африку, в Александрию. На африканский берег он высадился 1/ 14 октября. В это время столица Египта Каир уже в 1857 году была связана железными дорогами со всеми морскими портами — Александрией, Порт-Саидом, Суэцем, (к 1875 году их протяженность превышала 1500 км). Очевидно, уже через сутки Гумилев был в Каире. После этого он более десяти дней (срок немалый по современным туристическим меркам) путешествует по Египту. Возможно, строки из позднейшего ст-ния «Египет» в какой-то мере очерчивают границы его тогдашнего «маршрута»:

Но Египта властитель единый,
Уж колышется нильский разлив
Над чертогами Елефантины,
Над садами Мемфиса и Фив.

Елефантина — это остров напротив Асуана, почти напротив железнодорожной станции Асуан (куда тогда уже доходили поезда), Фивы — это Карнак и Луксор

(одна ночь езды на поезде от Каира), а о Мемфисе он писал Брюсову в самом начале своего путешествия. В разъездах деньги быстро закончились, и он был вынужден вернуться домой, «заняв денег у ростовщика». Последнее письмо из Египта (также адресованное Кривичу) послано из Каира 13/26 октября, непосредственно перед отъездом в Россию (см. № 52 наст. тома и комментарии к нему). Стр. 8-9. — Очевидно имеется в виду стихотворный сборник Кривича «Цветотравы». В 1909 г. эта книга была упомянута в статье его отца «О современном лиризме» как «находящаяся в печати» (см.: Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 369), но скоропостижная кончина Иннокентия Федоровича в ноябре того же года помешала Кривичу завершить работу над изданием. В 1910 году Кривич был занят публикацией посмертного сборника И.Ф. Анненского «Кипарисовый ларец» и разбором архива покойного поэта, так что его собственная книга — с посвящением «светлой памяти ушедшего отца моего», — вышла только в 1912 г. (Москва. Издательство Португалова). Гумилев не рецензировал собрание стихов «страстного, исключительного поклонника» Бунина (Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 36), но может показаться, что в «анапестических» дольниках «царскосельских» строк гумилевского «Детства» («Каждый пыльный куст придорожный / Мне кричал: "Я шучу с тобой..."» — см.: № 44 (III) и комментарии к нему) слышен отдаленный отзвук описания Кривичем царскосельского пейзажа в ст-нии «Оттуда» (тоже посвященном «Памяти отца»): «...Потянулись поля и облоги, / Скрип обозов и встречных телег... / Каждый кустик знакомой дороги / Я ловлю из-за каменных век». Стр. 9-10. — Ср. сходное замечание Гумилева об усиленных занятий, которые «ослабляют творческие способности», в его письме Кривичу от 19 сентября 1906 (стр. 25-28 № 5 наст. тома). Кривич служил юрисконсультом в Министерстве путей сообщения.

49. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 1216. Оп.1. Ед.хр.7.
Дат.: 23 сентября / 6 октября 1908 г. — авторская датировка.

Открытка с видом Константинополя и девизом «Salut de Constantinople» («Привет из Константинополя») Адрес тщательно стерт. Штемпель почтового отделения Константинополя — 06.10.08. Штемпель почтового отделения Царского Села — 30.09.08.

Стр. 3-4. — открытка послана Гумилевым из Константинополя после недели ожидания здесь В.Е. Аренс, которая, как предполагалась, должна была сопровождать поэта в путешествии по Европе по маршруту Константинополь — Афины — Сицилия — Италия — Швейцария (см. комментарии к №№ 44, 45, 48 наст. тома). По-видимому, в ответ на эту открытку он получил известие о решении Веры Аренс отказаться от путешествия в его компании. Несомненно, это было очередным личным потрясением и вызвало необходимость изменения маршрута: как и полтора года назад, после катастрофы с неудачным «сватовством» к Анне Горенко, Гумилев

«бежит в Африку», в Каир, в ставший для него мистически значимым сад Эзбекие. Незадолго до гибели, в июле 1921 года, разговаривая с Н.Н. Берберовой Гумилев вспоминал свою «египетскую эскападу»: «Я жил под Петербургом, <...> было лето, но я не мог согреться. Уехал на юг — опять холодно. Уехал в Грецию — то же самое. Тогда я поехал в Африку, и сразу душе стало тепло и легко. Если бы вы знали, какая там тишина!» (Сегодня. (Рига), 27 августа 1926. Цит. по: ЛН. С. 484). Стр. 6. — Патрас (Патры) на северном Пелопоннесе — удобная точка отплытия в западные Греческие острова и в Италию. По всей видимости, доехать туда Гумилев не успел, возможно — потому что к нему пришло письмо от В.Е. Аренс, сообщавшее, что совместное путешествие не состоится.

50. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 1216. Оп.1. Ед.хр.7.
Дат.: 2/15 октября 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с видом Храма Гатор (Хатхор) в Дендере («Denderah Temple of Athor Egypt»). Адрес тщательно стерт. Штемпель почтового отделения Египта (Каира?) — 15.10.08. Штемпель почтового отделения Константинополя — 19.10.08. Штемпель почтового отделения Царского Села — 15. 10. 08.

Выбирая открытку, Гумилев мог иметь в виду, что богиня-покровительница хорошо сохранившегося Храма Гатор отождествлялась греками с Афродитей, богиней любви и красоты; этот храм был реставрирован поздними Птолемеями и первыми римскими императорами (117 до н.э. — 98 н.э.). Последней из Птолемеев была Клеопатра; на стене храма сохранился редкий рельеф — Клеопатра с сыном Цезарионом перед лицом богов. Можно предположить, что Гумилев имел в виду Дендеру в качестве одной из целей египетской поездки и добрался (поездом или на пароходе), по крайней мере, до Луксора. Дендера расположена недалеко от города Кена, в 60 км севернее Луксора. Храм малоизвестен, и вряд ли бы Гумилев стал посылать открытку с его видом — «просто так»: в качестве «египетского сувенира» гораздо более подошли бы «хрестоматийные» пирамиды, сфинксы и т.п. В упоминавшемся уже в комментариях к письму №48 наст. тома ст-нии «Египет» (вариант) читаем:

И, томясь по Антонии милом,
Поднимая большие глаза,
Клеопатра считала над Нилом
Пробегающие паруса

Рельеф Клеопатры с сыном размещен на крыше храма, с видом на Нил.

Стр.4. — Поездка в Палестину не состоялась (см. стр. 6-7 № 51 наст. тома и комментарии к ним). Стр. 5-6. — Очевидно имеется в виду инженер Владимир Андреевич Гаккель (ум. в 1942), за которого В.Е. Аренс в 1912 г. вышла замуж.

51. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.

Автограф. — ИМЛИ. Ф.13. Оп.3. № 85.

Дат.: 2/15 октября 1908 г. — по почтовым штемпелям и аналогии с датой отправления письма № 50.

Открытка с фотографией (крупным планом) четырех арабов, поднимающихся по пирамиде, с подписью: «Egypt. The Pyramids. Arabs showing how easy it is to ascend» («Египет. Пирамиды. Арабы показывают, как легко подняться»); на обратной стороне по-французски: «EGYPTE. Une Ascenscion difficile (Pyramides)» (Египет. Трудный подъем. (Пирамиды)), адресованная «Russia. Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». На открытке отсутствует почтовая марка, на которой была поставлена дата египетского почтового штемпеля. Штемпель почтового отделения Константинополя — 19.10.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 14.10.08. Текст открытки факсимильно воспроизведен в кн.: Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 157; фотография на лицевой стороне воспоизведена: ЛН. С. 485 (с ошибочным указанием местонахождения).

Стр. 3-4. — Первая строка знаменитого ст-ния Брюсова «Встреча» (Весы. 1907. № 5; тот же ст. процитирован Гумилевым в письме к Брюсову от 24 августа/ 6 сентября 1907 г. (№ 16 наст. тома)). Стр. 5-6. — Упоминаются достопримечательности в окрестностях Каира. Сфинкс находится в Гизе (название большого каирского некрополя) — в то время маленьком поселке в 4-5 километрах к западу от города (теперь — на западной окраине современного Каира). Рядом со Сфинксом расположены Большие Пирамиды: Хеопса, Хефрена и Микерина; последняя имеет еще три малых пирамиды-спутницы. Мемфис — столица Египта в эпоху Древнего царства (28—23 вв. до н. э.) — находится километрах в 20-и к югу от Каира. В его центре, как считается, стояла крепость «Белые стены», строительство которой началось при Имхотепе. От этого крупного религиозного, политического и культурного центра Древнего Египта, потерявшего свое прежнее значение с возникновением Александрии, остались лишь руины, погруженные в глубокий ил. Во время раскопок, начатых в XIX веке, в Мемфисе были обнаружены остатки храма Птаха, где короновались фараоны, две колоссальные статуи Рамсеса II, и небольшая молельня, построенная Сети I. Недалеко от Мемфиса, к югу, находилось и озеро Мерида — о котором можно было читать у древнегреческого историка, географа и путешественника Страбона (63 до н.э. — 21 (?) н.э.): «удивительное озеро < ...> по величине с открытое море и цвета морской воды», полное крокодилов, которых в этой местности «считают священными и щадят их» (Страбон. География. Кн 17, гл. 1. § 35, 37). Подчеркнуто-резкий отказ от поездки в Рим, вероятно, связан с крушением надежд на путешествие по Европе в обществе В.Е. Аренс (см. №№ 49 и 50 наст. тома и комментарии к ним). Стр. 6-7. — Поездка в «Палестину или Малую Азию» не состоялась, согласно данным П.Н. Лукницкого — из-за нехватки денег.

52. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2.
Дат.: 13/26 октября 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с видом пирамид и надписью «Egypte», адресованная: «Russie. Россия. Царское Село (Петербург. <ская> губ. <ерния>. Фридентальская, дача Эбермана. Его Высокородию Валентину Иннокентьевичу Анненскому». Штемпель почтового отделения Каира — 26.10.08. Штемпель почтового отделения Царского Села — 25.10.08.

Разные биографы поэта по-разному представляют события прошедшие с момента прибытия Гумилева в Египет до времени написания данной «каирской» открытки, завершающей «египетскую» часть гумилевской эпистолярии 1908 г. В. Бронгулеев высказывает предположение, будто Гумилеву: «удалось все-таки совершить поездку по Нилу. Он мог посетить тогда Фаюмский оазис, побывать на руинах древних Фив и осмотреть, конечно, Луксор. Не исключено, наконец, что в ту же поездку он мог достичь и границ Судана» (Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886-1913. М., 1995. С.111). Фивы (современный Луксор) находятся на расстоянии приблизительно 700 км. от Каира, Дендера (см. комментарии к № 50) — 60 км. к северу от Луксора; Карнак — между ними; теоретически такой маршрут был вполне осуществим и Гумилев мог ознакомиться с жизнью страны достаточно подробно. В пользу этого предположения говорит и ретроспективное ст-ние «Египет» (№ 6 (IV), содержащее большое количество географических и бытовых реалий, и, главное, демонстрирующее понимание автором «души» страны (см. ст. 31-32). Однако, нельзя забывать, что помимо посещения туристических мест (см.: Жизнь поэта. С. 67) пребывание Гумилева в Египте было ознаменовано и «духовным преображением» поэта, оказавшим радикальное влияние на его жизнь и творчество последующих лет. Именно тогда, по словам Ахматовой, для него была «снята опасность самоубийства» (Жизнь поэта. С. 67). П.Н. Лукницкий особо отмечал, что все лето 1908 г. Гумилев находился «в подавленном душевном состоянии», его «преследовали мысли о самоубийстве», и внезапная поездка в Египет — в нарушении первоначально намеченного маршрута — была как-то с этими «мыслями» связана: «По-видимому, в Египте была попытка самоубийства, последняя в его жизни» (Труды и дни. С. 185). Очевидно, что весь этот «суицидальный подтекст» египетского путешествия 1908 г. непосредственно связан с образом «сада Эзбекие» в личной гумилевской «биографической мифологии» (см. комментарии к стр. 8-13 № 14 наст. тома); нельзя также исключать, что и все путешествие было затеяно лишь для «второго» посещения каирского сада — во исполнение данного год назад «обета»:

Какие бы печали, униженья
Не выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие.

(«Эзбекие» (№ 96 (III)). Если также учесть отмеченные Н. А. Богомоловым «оккультные коннотации» Каира в восприятии раннего Гумилева-символиста («масонская мифология предполагала в качестве отмеченных для посвященных (особенно посвященных высших степеней) Смирну и Каир, который Гумилев посетил <...> М.Н. Лонгинов в своей известной книге писал: «Все Розенкрейцерство делилось на 9 округов. Четырем высшим степеням назначены были места для конвенций: <...> Каир и Париж; <...> Смирна»» (Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 116)), — то можно также предположить, что «переоценка ценностей» в каирском парке было как-то сопряжено не только с «любовным кризисом», но и с исходом «путешествия к оккультным тайнам символизма».

53. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Полушин; НП (публ. Р.Д.Тименчика).
Автограф. — РНБ.Ф.248. № 139.
Дат.: 14 ноября 1908 г. — по помете получателя.

На письме помета получателя — «14.11.08».

Поэт, прозаик и переводчик Владимир Васильевич Уманов-Каплуновский (1865-1939; настоящая фамилия Каплуновский) был в то время секретарем Кружка поэтов «Вечера Случевского». В его архиве сохранились его очерк ««Пятницы» и «Вечера» Случевского» (РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2, Ед. хр. 1), список членов «Кружка Случевского» 1910-гг» (РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 1, Ед. хр. 50; 75 имен) и обширная корреспонденция. История и порядки Кружка подробно освещены К.М. Азадовским и Р.Д. Тименчиком: «Кружок поэтов и поэтесс «Вечера Случевского», объединявший до конца 1917 года многих петербургских стихотворцев, играл заметную роль в жизни столицы. Традиция «вечеров» зародилась еще в 90-е годы XIX века, когда столичные поэты собирались по пятницам у Я.П. Полонского <...> После его смерти эстафету принял К.К. Случевский; на его квартире были в конце 1898 года «утверждены» и стали регулярно (обычно — два раза в месяц) проводиться поэтические «пятницы». Эти собрания поэты рассматривали как своего рода «академию»: они читали друг другу свои новые произведения, тут же обсуждали их, сочиняли произведения на определенную заданную тему. «Пятницы» Случевского не прервались с его смертью осенью 1904 года; <...> решено было <...> создать кружок его имени и собираться попеременно на квартирах постоянных участников «Вечеров». <...> С годами в Кружке сложился определенный устав. Посетители «Вечеров» строго разделялись на постоянных участников и «гостей». Доступ для посторонних был весьма затруднен. Вступить в Кружок было тоже не просто: требовалось иметь, во-первых, изданную книгу стихов и, во-вторых, согласие большинства его членов. Желающий попасть в Кружок сначала вводился в него кем-либо из постоянных участников в качестве «гостя». После чтения им своих стихотворений решился вопрос о допуске его к баллотировке (она проводилась закрыто) на

следующем собрании. Претендент обязан был иметь не менее троих рекомендателей (также из числа «кружковцев»). Собрания, проводившиеся ежемесячно (с октября по май), носили интимный характер. Одни читали, <...> другие обменивались впечатлениями. Затем собравшимся предлагался ужин, который нередко затягивался до раннего утра.» (Азадовский К.М. Тименчик Р.Д. К биографии Н.С. Гумилева (Вокруг дневников и альбомов Ф.Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 173-174.) В апреле 1908 г. собрания получили официальный статус литературного общества, насчитывавшего более 50-и членов; его председателем стал поэт Ф.В. Чернигов-Вишневский (1838-1916), которого сменил через год Н.Н. Вентцель (1855-1920); в президиум также вошли Уманов-Каплуновский, И.И. Соколов (р.1868), бывший учитель Гумилева в гимназии Гуревича Ф.Ф. Фидлер (1859-1917), и М.Г. Веселкова-Кильштет (1861-1931). Кружок в то время объединял по преимуществу поэтов-традиционалистов, и появление в нем Гумилева и других молодых представителей модернистских течений вызывало известное напряжение. О принятии Гумилева в его члены рассказал хозяин того вечера В.И. Кривич в письме М.Г. Веселковой-Кильштет от 29 мая 1908 г.: «На собрании был выбран новый член — Н. С. Гумилев. Это близкий товарищ и по гимназии, и так, в жизни, Д.И. Коковцева, и мой хороший знакомый, — молодой поэт, вернувшийся недавно из Парижа, куда уехал по окончании гимназии слушать лекции в Парижском университете. Человек он очень талантливый, литературное детище Брюсова, который руководит им, имеет два сборника стихов, пишет много -одним словом, быть в кружке имеет право. Декадент он т<ак> с<казать> строгого рисунка и стихов «сологубовских настроений» не пишет. Сидели мы до первого поезда, как и предполагалось, и досидели совсем легко, без всяких натяжек» (цит. по: Азадовский К.М. Тименчик Р.Д. Указ. соч. С. 175).

Стр. 5-6. — О несохранившемся «деревянном двухэтажном доме с службами и садом» куда переехали Гумилевы осенью 1908 г. см.: Козырева М.Г. Н.С.Гумилев в Царском Селе // Гумилевы и Бежецкий край. Бежецк, 1996. С. 17. Стр. 6-7. — В подробном комментарии к первой публикации этого письма, Р.Д. Тименчик писал: «Следующие <...> вечера кружка состоялись 20 ноября 1908 г. у В.П. Авенариуса, 20 декабря — у В.М. Грибовского и 10 января 1909 г. у В.В. Уманова-Каплуновского. По воспоминаниям поэта А.А. Кондратьева, Гумилев читал у В.М. Грибовского стихотворение «<Северный> Раджа» (Последние известия, Таллин, 1927, 20 февраля). 13 февраля 1909 г. М.Г. Веселкова-Кильштет крайне неодобрительно писала А.Е. Зарину о чтении Гумилевым в кружке стихотворения «Варвары» и о его критике в адрес других читавших (РГАЛИ. Ф. 208 Оп. 1. Ед. хр. 133. л. 4-об). 18 апреля 1909 г. Гумилев рекомендовал в члены кружка П.П. Потемкина. На протяжении последующих семи сезонов Гумилев много раз появлялся на вечерах кружка (одно собрание было проведено у Гумилевых в Царском селе — 19 ноября 1911 г.). 28 января 1912 г. он был у М.Г. Веселковой-Кильштет, 10 марта 1912 г. — у Н.Н. Вентцеля (на этом вечере он рекомендовал Е.А. Зноско-Боровского), 26 января 1913 г.— у Н.Н. Вентцеля, 30 марта 1913 г. и 18 января 1914 г. — у

Д.И. Коковцева, 22 марта 1914 г. — у Н.Н. Вентцеля, 21 ноября 1915 г. — у В.П. Лебедева, 19 декабря 1915 г. — у В.П. Авенариуса. Посещение вечеров часто сопровождалось стихотворными экспромтами Гумилева в альбомы присутствовавших, например, 10 марта 1912 г.:

На Дуксе ли, на Бенце ль я,
Верхом на какаду,
На вечер в доме Венцеля
Всегда я попаду

26 января 1913 г. им написан акростих «Поэт Случевский» (РГАЛИ. Ф. 512. Оп.2. Ед. хр. 12) и экспромт в альбом жены хозяина дома М.И. Вентцель (коллекция М.С. Лесмана). З.И. Ясинская в очерке «Мои встречи с Сергеем Есениным» (Книжное обозрение. 3 октября 1986) вспоминает об участии Гумилева в вечере у И.И. Ясинского (1 октября 1915 г. или 8 мая 1916 г.)» (НП. С. 57). В указ. соч. К.М. Азадовского и Р.Д. Тименчика также упоминается «гоголевский вечер» начала 1909 г, с которого рано ушел Гумилев, вызвав обиженную реакцию В.В. Уманова-Каплуновского и других присутствовавших (С. 177); там же детально цитируется показательный для «противостояния «модернистов» и «традиционалистов»» внутри Кружка письменный отзыв Веселковой-Кильштет о гумилевских «Варварах» и общем, отрицательном влиянии Гумилева (С. 176); даются дополнительные сведения о «скандальной истории» с «забаллотированием» П.П. Потемкина (С. 177), о вечере у И.И. Ясинского с участием Есенина (Там же. С. 186). Присутствие Гумилева еще на нескольких «Вечерах Случевского», не упомянутых в двух указанных работах, зафиксировано Е.Е. Степановым (см.: Соч III. С. 369-370, 371).

54. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 19.
Дат.: 27 ноября 1908 г. — по датировке (реконструкции) Р.Д. Тименчика Р.Л. Щербакова (ЛН. С. 486).

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 30.11.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 01.12.08.

Стр. 3-5. — «Газета «Новая Русь» (1908, 7 окт., № 53) в рубрике «Книги и писатели» сообщала о том, что Брюсов находится в Лондоне» (ЛН. С. 486). Ср. также в письме Вяч. И. Иванова к Брюсову от 7 ноября 1908 г.: «Мне все хотелось тебе писать, но все пропускал я какие-то сроки и уже не знал где ты — на B^{d} Vaugirard, или в Лондоне, или по дороге в Москву» (Валерий Брюсов.

(Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 513). Брюсов в том году в Лондоне не был (см. комментарий к стр. 4-5 № 43 наст. тома); к 3 ноября он был уже в Москве, откуда он написал письмо Вяч. И. Иванову (Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 512). Стр. 5-6. — Как поясняют Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков: «Речь идет о «среде» Вяч. Иванова <26 ноября 1908 г.>. Из записки В.К. Шварсалон известно, что на этой второй «среде» 1908 г. присутствовали: С.М. Городецкий, А.М. Ремизов, Ф.К. Сологуб, А.А. Блок, С.А. Ауслендер, Ю.Н. Верховский, Г.И. Чулков, П.П. Потемкин, К.А. Сюннерберг, Г. Вильямс, В.Э. Мейерхольд, К.А. Сомов, Л.С. Бакст, М.В. Добужинский, В.Ф. Нувель, Н.А. Котляревский, М.И. Ростовцев, А.А. Смирнов, А.В. Тыркова, С.П. Ремизова, С.М. Ростовцева, Ан.Н. Чеботаревская, В.В. Пушкарева-Котляревская, Н.Г. Чулкова, Н.И. Манасеина, М.П. Манасеин, Катя Манасеина, Е.П. Безобразова, Е.К. Герцык. «Читалось: «Сны» Ремизова, стихи Блока («Степи»), стихи Городецкого» (РГБ..Ф. 109, 47.19. Л. 52 об., 53). 30 ноября 1908 г. Блок писал матери: «26-го <...> был я на среде у Вяч. Иванова. Долго разговаривал с Лизой Безобразовой <...> Среды стали уже не те — серо и скучновато»». (ЛН. С. 486). Гумилева привел на эту «среду» С.А. Ауслендер, с которым поэт познакомился, придя к с визитом, в тот же день. Как вспоминал в 1924 г. Ауслендер: «Я был еще очень молодым студентом, хотя уже печатался тогда. <...>. Я сказал, что вечером буду на среде Вячеслава Иванова, и он выразил тоже желание поехать со мной, но с таким видом, точно он делает это из уважения к Вяч. Иванову. Вяч. Иванов в это время был общепризнанным поэтом, и мы все его очень ценили. Тогда, после смерти Зиновьевой-Аннибал, он жил уединенно, среды бывали более интимные, чем прежде, и он просил, чтобы к нему не приводили новых участников, не предупредив его. Поэтому я сказал Гумилеву, что надо позвонить по телефону и спросить разрешения приехать. Он это принял обиженно, сказав, что он поэт, и кому же, как не ему, быть на средах. Я вызвал Веру Константиновну (жену Вяч. Иванова), и хотя она говорила, что неудобно приезжать без предупреждения, но я все-таки упросил ее, сказав, что Гумилев сидит сейчас у меня, такой чопорный, и что трудно отказать ему. <...> И вот мы поехали к Вяч. Иванову» (Жизнь Николая Гумилева. С. 41; В.К. Шварсалон, на самом деле, стала третьей женой Иванова только в 1913 г.; см. комментарий к № 75 наст. тома). Стр. 6-10. — Достоверно можно отнести к периоду лета — осени 1908 г. только 7 ст-ний Гумилева (№№ 122-128 (I)). П.Н. Лукницкий называет несохранившееся ст-ние «Заревела сирена, отчалил корабль...», написанное в это время (Труды и дни. С. 185). Не исключено, что вместе с упомянутым здесь «большим письмом» к Брюсову пропали и другие ст-ния. Стр. 15-16. — В альманахе С.К. Маковского «Акрополь» — согласно анонсу 24 ноября в газете «Речь» — предполагалось участие Л.Н. Андреева, Ф.К. Сологуба, К.А. Сомова, А.Н. Бенуа (см.: ЛН. С. 486). Замысел издания, по-видимому, непосредственно предварял замысел журнала «Аполлон»: в тот же день, С.К. Маковский писал А.Н.Бенуа: «Ведь речь идет действительно о «нашем» будущем журнале. Между прочим — нравится ли Вам название сборника «Акрополь»? В прошлый вечер, после Вашего ухода, почему-то все

решили, что лучше не придумаешь — звучит гордо и всю Грецию обнимает, без подчеркивания «Аполлона», современный лик которого в достаточно мере смутен, как оказалось, даже для создателей его» (Анненский И.Ф. Письма к С.К.Маковскому (публ. А.В. Лаврова и Р.Д.Тименчика) // Ежегодник рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР на 1976. Л., 1978. С. 223). Альманах комплектовался еще в конце февраля 1909 г. (см. № 61 наст. тома), однако в свет так и не вышел.

Об «Альманахе 17», вышедшем в 1909 г., подробно рассказывается в комментариях Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова: «В «Альманахе 17» был опубликован цикл «Жизнь веков», куда вошли три стихотворения Гумилева: «Варвары», «Андрогин» и «В пути» <...>. В рецензии В. Гофмана на альманах отмечаются как интересные произведения Гумилева вообще, а стихотворение «Андрогин» в особенности (Речь. 5 апреля 1909. № 80). Гумилев называет это издание «альманахом кошкодавов», так как его составителями были А.И. Котылев и П.П. Потемкин, чьи имена фигурировали в процессе «писателей-кошкодавов» в 1908 г. Андрей Белый вспоминает: «В петербургских газетах разоблачали писателей-хулиганов: где-то стали пропадать кошки; что же оказалось? Компания литераторов (назывались небезызвестные имена модернистов, как-то Потемкина), собираясь пьянствовать у какого-то фрукта, истязала-де кошек <...> говорили потом: инцидент — газетная утка; но повод к уткам подавала вся атмосфера...» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 176). В неподписанной заметке «Забавы молодых литераторов» сообщалось: «Обвиняемые кошкодавы-литераторы, свидетели — литераторы и защитники – также литераторы. Все эти литераторы так называемой «венской школы» из завсегдатаев ресторана «Вена». Дело возникло по жалобе члена общества покровительства животным Сергиевского. Привлечены к суду хозяин квартиры книгопродавец Попов, редактор газеты «Межа» Ялгубцев, поэт Потемкин, господа: Юдин, Баранов, Лаппа, Дмитриев, Котылев. Свидетели: Анат. Каменский, Свирский, Трозинер, Соломин, Жуков, Булацель» (Русское слово. 29 октября 1908. № 251). По делу «кошкодавов» см. также письма в редакцию А. Котылева (Новая Русь. 27 августа 1908. № 12) и А. Каменского (Новая Русь. 10 октября 1908. № 56), а также: Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 51» (ЛН. С. 486-487).

«Кружок Молодых» был создан в 1906 г. при Историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета по инициативе С.М. Городецкого. В заседаниях кружка, преобразованного в 1907 г. в «Литературно-художественное общество», принимали участие Блок, Кузмин, Вяч. Иванов и другие петербургские модернисты и в их числе — Гумилев (см.: Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г.Терехова // Исследования и материалы. С. 321; см. также Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 691; Пяст В. Встречи. М., 1997. Гл. 8). Одноименный альманах организовывался Городецким как раз в эти дни. 25 ноября он писал В. Пясту: «Уже лежит у меня Блок, Кузмин, жду Вячеслава Иванова...», а 28 ноября сообщал Ю.Л.Слезкину: «Теперь уже окончательно выясня-

ется состав сборника, а вслед за этим придут деньги» (Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 340). Однако в феврале 1909 г. окончательно выяснилось то, что издание по финансовым причинам не осуществится. Стр. 17-18. — До ноября 1908 г. на РЦ 1908 появились рецензии: 1) В. Брюсова (в статье «Дебютанты»: Весы. 1908. № 3); 2) В. Гофмана (Русская мысль. 1908. № 7); 3) Л.Ф<ортунатова> (Образование. 1908. № 7); 4) Н. Шебуева (Весна. 1908. № 1; подписано N.N.); 5) П.П<ильского> (Новая Русь. 19 августа 1908. № 4); 6) С. Городецкого (в статье «Молодняк»: Утро. Понедельник. 29 сентября 1908. № 18). Об идентичности авторства «Л.Ф.» и «П.П.» см. комментарий к стр. 32-34 № 47 наст. тома. В скором времени после написания письма появились еще лишь две рецензии на «Романтические цветы»: А. Левинсона (Современный мир. 1909. № 7) и И.Анненского (Речь. 15 декабря 1908. № 308). Стр. 20-22. — см. комментарий к стр. 35-37 № 47 наст. тома. Стр. 26-28. — Ср. в воспоминаниях С.А. Ауслендера: «Я не помню всего вечера на башне. Помню, что Гумилев читал стихи и имел успех. Стихи действительно были хорошие. Вяч. Иванов по своему обычаю превозносил их. Гумилев держался так, что иначе и быть не может» (Жизнь Николая Гумилева. С. 42). Стр. 29-30. — В апреле 1908 г., после двухлетнего добровольного изгнания, Мережковские покинули Париж и летом вернулись в Петербург (см.: Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Живые Лица. Воспоминания. Кн. 2. Тбилиси, 1991. С. 276). С осени у них началась интенсивная литературная деятельность: «в руки Мережковских <...> переходят журнал «Образование» (правда, ненадолго) и газета «Утро»» (Зобнин Ю.В. Жизнь и деяния Дмитрия Мережковского. СПб., 2004. С. 175). Тогда же Мережковский был приглашен П.Б. Струве заведовать отделом беллетристики «толстого журнала» «Русская мысль», где ранее в № 8 за 1908 г. были опубликованы рассказы Гумилева «Золотой рыцарь» и «Принцесса Зара» (см. № 43 наст. тома и комментарий к нему). В одиннадцатой, ноябрьской книжке было опубликовано гумилевское ст-ние «Я счастье разбил с торжеством святотатства...» (№ 122 (I)), — и на этом его сотрудничество с «Русской мыслью» прервалось вплоть до августа 1910 г., когда литературно-критический отдел возглавил Брюсов (см. Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 304-305, 323). О дальнейшем сотрудничестве Гумилева в «Русской мысли» см. в наст. томе письмо к нему Брюсова от 29 августа 1910 (№ 17 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву»), ответное письмо от 2 сентября (№ 87), и комментарии к ним. Стр. 33-60. — № 125 (I), автограф. Ст-ние было опубликовано Брюсовым в «Весах» (1909. № 6), под заглавием «Месть». Стр. 61-72. — № 126 (I), автограф. На особую духовно-психическую значимость этого стихотворения, безусловно возникшего в связи с «египетскими» впечатлениями Гумилева, впоследствии неоднократно указывала.Ахматова (см., к примеру: Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 362, 444).

55. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
ЛН (публ. Р.Д.Тименчика).
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84.19.
Дат.: 9 декабря 1908 г.- по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт с пометой «ЗАКАЗНОЕ. От Н.С. Гумилева, Царское Село», адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель С.-Петербургского почтового отделения Витебского вокзала — 09.12.08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 11.12.08.

Два листа бумаги с этими двумя ст-ниями, без сопроводительного письма, сохранились в архивной раскладке непосредственно после письма Гумилева от 27 ноября 1908 г. (РГБ. Ф. 386. 84.19. Лл. 35-36). Отдельно сохранился и пустой заказной конверт, с почтовым штемпелем: С. Петербург. Витеб<ский>. Вокз<ал>.09.12.1908. В нем, как следует из писем Гумилева к Брюсову от 10 и 19 декабря 1908 г. (№№ 56 и 58 наст. тома), были посланы «исправленный» текст «Скрипки Страдивариуса» и два неназванных ст-ния; письмо Гумилева от 26 февраля 1909 г. (№ 61 наст. тома) позволяет уточнить, что это были именно ст-ния «Давно вода в мехах иссякла...» и «В муках и пытках рождается слово...» (третье, упомянутое в письме от 26 февраля 1908 г. («Князь вынул бич и кинул клич...»), было послано Брюсову в письме 19 декабря 1908 г.). В отличие от «Скрипки Страдивариуса», которая была в конце концов принята Брюсовым для «Весов», данные ст-ния были впервые опубликованы только в «Жемчугах» (1910). Стр. 2-17. — № 128 (I), автограф. Стр. 18 — 33. — № 127 (I), автограф.

56. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. 386. 84. 19.
Дат.: 10 декабря 1908 г. — по датировке (реконструкции) Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова (см.: ЛН. С. 488).

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 11. 12. 08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 12. 12. 08.

Стр. 3-4. — В начале ноября, по возвращении из-за границы, Брюсов написал Н.И. Петровской: «Здесь, в Москве, нашел я страшный разгром всего того дела, которое я привык считать своим. «Весы» медленно погибали и должны были прекратиться к январю. <...> Я много раз говорил Тебе, что «Весы» мне надоели, что я хотел бы отказаться от заботы о них. Но видя такое неожиданное и стремительное крушение всего, что я делал в течение пятнадцати лет; видя, как внезапно все значение, вся руководящая роль переходит в литературные течения, мне и моим

идеалам враждебные <...>, — я не мог не изменить решения. <...> Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 г. так или иначе, но издавать «Весы» или другой журнал и удержать за своими идеалами в литературе то место, какое им надлежит» (Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. С. 333). Кризис в редакции «Весов», назревавший с начала 1908 г., был непосредственно связан с заявлением С.А. Полякова о том, что он не хочет продолжать издание; переговоры по этому поводу длились еще несколько месяцев (см.: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 302-305; Переписка <Брюсова> с С.А. Поляковым (1899 -1921) / Вст. статья и комментарии Н.В. Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.В. Кувановой и И.П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. (Литературное наследство. Т.98). Кн. 2. М., 1994. С. 113-122). Настоящее письмо относится к непродолжительному периоду времени (конец ноября — конец декабря), когда Брюсов полагал взять издание журнала полностью под свой контроль. Уже 16 ноября он отметил в письме к Полякову необходимость «без всякого замедления» пригласить сотрудников на следующий год (Переписка <Брюсова> с С.А. Поляковым... С. 115). 3 декабря 1908 г. он отправил письмо-приглашение А.М. Ремизову (Переписка <Брюсова> с А.М. Ремизовым (1902 -1912) / Вст. статья и комментарии А.В. Лаврова. Публ. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова и И.П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. (Литературное наследство. Т.98). Кн. 2. М., 1994. С. 204). Стр. 4-5. — Ср. итоговое печатное суждение Гумилева о «Весах»: «...История «Весов» может быть признана историей русского символизма в его главном русле» (Аполлон. № 9. 1910; № 28 (VII)). Стр. 6. — Ср. письмо Гумилева от 19 декабря 1908 (№ 59 наст. тома). Судя по этим двум письмам, исправления, скорее всего, были сделаны по просьбе Брюсова, с более или менее определенным обещанием публикации в «Весах». Однако на дальнейшее развитие этой и так уже затянувшейся истории повлияет вышеупомянутый «кризис» «Весов» (см. № 61 наст. тома и комментарий к нему). Стр. 7-8. — О Л.Е. Галиче см. комментарий к стр. 22-25 № 42 наст. тома; об альманахе «Акрополь» см. комментарий к стр. 15-16 № 54 наст. тома. Какие стихотворения отдал Гумилев — неизвестно. Стр. 12-13. — Статья не была послана: см. стр. 3-4 № 58 наст. тома. Стр. 15. — О М.В. Фармаковском см. № 2 (VII) и комментарий к нему, а также комментарии к №№ 10 и 12 наст. тома. Ср. запись П.Н. Лукницкого: «Конец 1908. Ездил к М.В. Фармаковскому в Петергоф. <...> Эта встреча с М.В. Фармаковским была, как помнит М.В. Фармаковский, последней» (Труды и дни. С.186). Статья Фармаковского в «Образовании» не появилась. Стр. 21-22. — Брюсов уклонился от этой встречи, и Гумилев в Москву не поехал (см. №№ 58 и 59 наст. тома). Их следующая встреча состоялась в начале марта 1909 г. в Санкт-Петербурге, куда Брюсов приехал 28 февраля (см.: Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: ... С. 464). Р.Д. Тименчик и Р.Л .Щербаков отмечают в этой связи: «1 марта Брюсов писал жене из Петербурга: «Несколько дней буду жить уединенно — посещу только «Пантеон», Вяч. Иванова и увижу Гумилева —

никого больше», а через неделю сообщал ей же: «Сейчас был у С. Маковского — обедал у него. Были: М. Волошин, Гумилев и наш московский Игорь Грабарь» (РГБ. Ф. 386. К.142. Ед.хр.12. Л. 2, 7)» (ЛН. С. 488). Ср. также дневниковую запись Брюсова: «Две недели в Петербурге. Посещение Бенуа. У Маковского переговоры об «Аполлоне». Гр.<аф> А. Толстой. «Салон» и лекция Макса Волошина. Вечера с Вяч. Ивановым. Его лекция. Не был у Сологуба, который обиделся» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 161).

57. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 316.
Дат.: Около 15 декабря 1908 г. — по дате выхода статьи Анненского (15.12.08).

Гумилев, по всей вероятности, впервые увидел (и услышал) Иннокентия Федоровича Анненского (1855-1909) за несколько лет до личного знакомства, на пушкинских юбилейных торжествах 1899 г.: «Когда устанавливали памятник Пушкину в Царском Селе, Гумилеву было тринадцать лет. <...> Он жил тогда в Петербурге, учился в начальной гимназии и упорно занимался поэзией. В середине мая, как обычно, семья уезжала в Поповку. В этот раз, Гумилев уговорил родителей отложить отъезд, чтобы 29 мая 1899 г. поехать на торжественное открытие памятника. Повез его отец. Мальчик слушал благоговейно блистательную речь директора Классической гимназии И.Ф.Анненского, своего будущего учителя, наставника и друга» (Лукницкая В. Материалы к биографии Н. Гумилева // Гумилев Николай. Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1988. С. 26-27; текст выступления Анненского «Пушкин и Царское Село» см.: Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 304-321). Через четыре года после этой знаменательной «пушкинской прелюдии», весной 1903 г. «С.Я. Гумилев послал прошение директору царскосельской гимназии И.Ф. Анненскому, и 11 июля Николай Гумилев был определен интерном с разрешением ему, в виде исключения, жить дома...» (Соч III. С. 348; письмо С.Я. Гумилева частично процитировано: Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 69). В Николаевской гимназии Гумилев учился с 1903 по май 1906 г., причем «вокруг его имени смутно гудела молва; говорили об его дурном поведении, об его странных стихах и странных вкусах» (Н. Н. Пунин — см.: Тименчик Р. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 271-273). Однако Гумилев-гимназист привлекал внимание директора гимназии не только своими мальчишескими проказами: Анненский приветствовал выход ПК (см.: Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 208, 583) и всячески поощрял поэтические занятия юного Гумилева:

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня.

Общие литературные увлечения гимназиста Гумилева, возможно, сводили его с директором гимназии и вне гимназических стен: с осени 1904 г. Гумилев мог встречаться с Анненским на литературных «воскресеньях» у Коковцевых или фон Штейнов, а на следующий год они наверняка виделись во время литературных «вечеров» у В.И. Анненского-Кривича (см. комментарии к №№ 2, 5 наст. тома). В начале 1906 г. Гумилев печатается рядом с Анненским в сборнике «Северная речь» (см. №№ 1 и 2 наст. тома и комментарии к ним) и, вероятно, становится «вхож» к «поэту Ник. Т-о», отстраненному в это время от директорства из-за «революционных волнений» учащихся (с января 1906 г. директором Николаевской гимназии стал Яков Георгиевич Мор). Перед отъездом Гумилева в Париж Анненский снабдил Гумилева рекомендательным письмом к Деникерам и, можно полагать, — сопутствующими советами. И все же ясно, что общение двух писателей на этом начальном этапе было достаточно ограниченным «из-за разницы лет и из-за разницы положений» (см.: Труды и дни. С. 166).

Возможно, что еще в Париже, в начале 1907 г., Гумилев положил начало своей переписки со старшим поэтом. П.Н. Лукницкий приводит рассказ Ахматовой о попытке Гумилева привлечь Анненского к изданию журнала «Сириус»: «АА сказала <...>, что одно письмо Анненского к Николаю Степановичу он ей показывал, но что было в этом письме — она совершенно не может вспомнить. Сегодня АА сказала, что вспомнила: Николай Степанович просил у Анненского «Фамиру Кифаред», то ли для «Sirius'a», то ли для «Острова» (это АА еще не установила). Анненский в письме отвечал, что он видел журнал и понял, что «Фамира Кифаред» велик по объему для него. Было и еще что-то в письме — но это АА уже не вспомнила...» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 309). После возвращения в Россию в мае 1908 г., Гумилев возобновил личные контакты со своим бывшим школьным учителем, теперь уже в качестве профессионального литератора (см. скромную недатированную надпись на экземпляре «Романтических цветов»: «Многоуважаемому Иннокентию Федоровичу Анненскому. Н.Гумилев» (факсимильное воспроизведение: Шубинский В. В. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 146)). Рецензия Анненского последовала, однако, лишь несколько месяцев спустя, в декабре 1908 г.; реакцией на нее и стало настоящее письмо. Как можно по нему судить, к концу 1908 г. «разница положений» продолжала сохраняться, однако вскоре в отношениях двух поэтов начинается новый этап. С.К. Маковскому, познакомившемуся с Анненским в марте 1909 г., показалось, что «Гумилев был своим человеком у Анненских и запросто приводил к ним своих друзей и знакомых» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 77). Гумилев стал приглашать стар-

шего поэта на литературные вечера, которые он теперь достаточно регулярно устраивал у себя. Его «друзьями и знакомыми» были, прежде всего, будущие сотрудники нарождавшегося журнала «Аполлон» (см. № 62 наст. тома и комментарий к нему). В мае он впервые отозвался об Анненском в печати, рецензией на вторую «Книгу отражений», предваряя положительную оценку книги размышлениями о пессимизме и «вечных гимназистах мысли» (№ 15 (VII)). Анненский, в свою очередь, к концу года, незадолго до смерти, дал благожелательный отзыв о стихах бывшего ученика в статье «О современном лиризме» (Аполлон. 1909. № 2), но как наглядно показывают черновики этой статьи, степень признания Анненским гумилевского поэтического дарования все же не стоит переоценивать (см.: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. III // Russian Literature. T. IX. 1981. С. 183), равно как не стоит преувеличивать дружеской близости Гумилева к Аненнскому в последний год жизни старшего поэта. По переписке Анненского и других «старших» писателей-«аполлоновцев», «создается впечатление, что все они смотрели на молодого Гумилева слегка свысока, как на полезную, энергичную, но второстепенную фигуру» (Неизд 1986. С. 249).

После скоропостижной кончины старшего поэта (30 ноября 1909 г.), Гумилев становится деятельным пропагандистом его наследия, трактуя фигуру Анненского как непосредственного предтечи акмеизма (прежде всего нужно назвать в этой связи гумилевскую рецензию на «Кипарисовый ларец» (№ 26 (VII)) и ст-ние 1911 г. «Памяти Анненского» (№ 66 (II)). Следует отметить, что процесс «мифологизации» Анненского в гумилевских произведениях был начат еще при его жизни, в рассказе «Последний придворный поэт» (см. № 8 (VI) и комментарии к нему)). «Анненская» тема звучит в целом ряде литературно-критических статей Гумилева (№№ 15, 21, 24, 28 63 (VII)), а его реминисценции присутствуют в целом ряде гумилевских произведений разных лет (из так или иначе уже отмеченных в научной литературе см.: №№ 168 (I), 18, 21, 28, 35, 108, 114 (II); 63 (III); 39 (IV); 4, 6 (V)). Из основных работ об отношениях Гумнлева и Анненского см., прежде всего: Струве Г.П. Иннокентий Анненский и Гумилев. «Неизвестная» статья Анненского // Новый Журнал (Нью-Йорк). Кн. 78. 1965. С. 279-285; Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 271-278; Баскер М. (гл. «О Царском Селе, Иннокентии Анненском и «царскосельском круге идей» Гумилева»; Приложение к гл. об «Актеоне»); Лекманов О. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 106-113). Легенда Анненского, созданная акмеистами, сама по себе порождала множество легенд вокруг взаимоотношений поэтов, широко отображавшихся в мемуарных и биографических источниках.

Стр. 3-5. — Имеется в виду рецензия Анненского на РЦ 1908 (Речь. 15 декабря 1908 (№ 308)). Об истории возникновения этой статьи сообщает Р.Д. Тименчик: «7 декабря 1908 года вступивший в заведование критико-библиографическим отделом газеты «Речь» публицист Л. Галич направил Анненскому предложение участвовать в этом отделе. Анненский быстро откликнулся статьей о гуми-

левской книжке, подписав ее инициалами «И.А.». 13 декабря он получил телеграмму: «Если разрешите поставить имя полностью, буду крайне благодарен. Очень важно для газеты. Галич». Однако Анненский настоял на криптониме. Возможно, что об этой публикации он писал год спустя в автобиографии: «<...> анонимно напечатал за всю мою жизнь одну только, и то хвалебную заметку»» (Тименчик Р. Иннокентий Анненский и Гумилев // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 274). Стр. 6-9. — В РЦ 1908 №№ 81, 93, 95 (I) были объединены в цикл под названием «Озеро Чад». Об этом цикле Анненский писал: «Хорошо и «Озеро Чад», история какой-то африканки, увеселяющей Марсель. Тут целый ряд тропических эффектов, и все, конечно, бутафорские: и змеи-лианы, и разъяренные звери, и «изысканный жираф», жираф-то особенно, — но все чары африканки пропитаны трагедией. Н. Гумилев не прочь был бы сохранить за песнями об этой даме — их, т.е. песен, у него три — всю силу экзотической иронии, но голос на этот раз немножко изменил Анахарсису XX века, ему просто жаль дикарки, ему хочется плакать». Ср. также следующее место из черновиков этой рецензии: «Нравится мне еще, что у молодого автора в его маскарадном экзотизме чувствуется иногда не только чисто-славянская мрачность, но и стихийно-русское «искание муки», это обаятельно-некрасовское «мерещится мне всюду драма», наша, специально наша «трагическая мораль». Не то чтобы я всем этим очень уж гордился, но комбинация интересна: Буль-Миш и Некрасов, и даже посерьезнее Некрасова. Помните, в «Романцеро» Гейне, уже умирающего, его Помаре. Завтра повезут ее анатомировать. Но поэту вспомнилась сегодня ее пляска, и фантазия его жадно ищет упоения, танца, ноющей скрипки, блеска... о... расплата завтра, потом, когда-нибудь... Теперь блеск, хмель, красота quand-même. Не то у Гумилева. (цит. по: Р. Тименчик. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 276-277). Стр. 9-11. — «Если вспомнить, что ирония как художественный прием <...> выражается обозначением чего-либо в смысле, обратом буквальному <...> то слова Гумилева об «иронии» как сущности «романтизма» значат то, что романтическая проблематика — сильные, необыкновенные герои, экзотический мир, окружающий их, удивительные события — должны, по замыслу автора, быть объектами осмеяния. Другими словами, «Романтические цветы» оказываются — исходя из оценки самого автора — сборником пародий на «неоромантические» произведения символистов» (Зобнин Ю.В. Воля к балладе (Лиро-эпос в акмеистичекой эстетике Гумилева) // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 113). По мнению Н.А. Богомолова: «...третья редакция сборника (т.е. РЦ 1918 — *Ред.*) была скорее всего ориентирована на то понимание смысла книги, которое было подсказано Анненским, видевшим в нем ироническое начало. Именно в свете этого обретает особое значение и перенесение в начало книги юношески наивных стихотворений из ПК, и завершение книги «Неоромантической сказкой», где ирония выражена с особой силой» (Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 125). Сходную мысль высказал и Ю.В. Зобнин, трактовавший «Неоромантическую сказку» как «своеобразную

«самопародию» — в духе соответствующих опусов Андрея Белого, — где под «юным принцем» выведен сам Гумилев, «мудрый дворецкий» обозначает «учителя и наставника» Брюсова, «людоедом» оказывается Бальмонт, обидевший Гумилева в Париже...» (Зобнин Ю.В. Указ. соч. С. 114). Иную трактовку «Неоромантической сказки» — и «романтизма» гумилевского сборника — см.: Баскер С. 40, 16). О «названии книги» Анненский отозвался в самом начале своей рецензии: «В последнее время не принято допытываться о соответствии стихотворного сборника с его названием. В самом деле, почему одну сестру назвали Ольгой, а другую Ариадной? *Романтические* цветы — это имя мне нравится, хотя я не знаю, что собственно оно значит. Но несколько тусклое как символ, оно красиво как звучность, — и с меня довольно». Ср., по контрасту, мнение современного исследователя: «... в самом названии книги скрыта оценочная двойственность, порождаемая двойной аллюзией — на «Цветы зла» Ш. Бодлера с одной стороны, и на «Цветочки» Франциска Ассизского, с другой» (Зобнин Ю.В. Указ. соч. С. 113). Стр. 11-14. — На самом деле, «вопрос о влиянии Парижа на <свой> внутренний мир» был для Гумилева совсем не новым: см. его письмо к Брюсову от 29 октября / 11 ноября 1906 г. (№ 7 наст. тома) и комментарий к нему. В любом случае его хоть и осторожное «несогласие» с тем, что он называет «главной мыслью» статьи Анненского, достаточно «иронически» контрастирует с выражениями в этом письме «бесконечной» благодарности. Действительно, в определение Анненским «парижского» входят такие понятия, как «бутафорское», «маскарадно-неподлинное», «искусственно-нежизненное», красота, которая «боится солнечных лучей». Ср. по поводу стихотворения «Заклинание» (№ 63 (I)): «...Днем черты экзотической царицы кажутся у спящей точно смятыми, да и у мага по лицу бродят синеватые тени. Но вчера в café-concert они оба были положительно красивы, размалеванные. Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячелетнего тумана: бульвар, Бec-Auer, кусок еще влажного от дождя асфальта перед кафе — вот и вся декорация «ассирийского романа»...». Нет сомнения, что оценка Анненского сильно задела Гумилева. Как указывет Р. Д. Тименчик, слова о «куске еще влажного от дождя асфальта» обыгрывались Гумилевым в его рецензии на вторую книжку журнала «Остров», в которой он «возвращал Анненскому упреку в «парижанстве»» (см. стр. 36-40 № 21 (VII) и комментарий к нему). К теме «декораций» (ср. также в статье Анненского «О современном лиризме»: «<Гумилев> любит все изысканное и странное, но верный вкус делает его строгим в подборе декораций» (Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 378)) Гумилев вернулся в его отзыве об Анненском в «Жизни стиха»: «Он любит исключительно «сегодня» и исключительно «здесь» и эта любовь приводит его к преследованию не только декораций, но и декоративности...» (стр. 223-225 № 24 (VII); анализ этого места см.: Баскер С. 16-17). Даже в рецензии на «Кипарисовый ларец» содержится полемический отклик на заключительные мысли рецензии Анненского: «... я рад, что романтические цветы — деланные, потому что поэзия живых <...> умерла давно. И возродится ли?»; ср. у Гумилева: «... теперь, когда поэзия завоевала право быть живой и развиваться...» (стр. 20-21 № 26 (VII)).

58. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — Ф.386.84.19.
Дат.: 15 декабря 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 15. 12. 08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 16. 12. 08.

Стр. 3-4. — О неосуществленном замысле «параллельной» публикации статей Гумилева и М.В. Фармаковского см. стр. 12-13 № 56 наст. тома и комментарии к ним. Что же касается «готовящегося цикла», то вслед за партией стихов, вошедшей в «Альманах 17» под заглавием «Из цикла «Жизни веков»» (см. комментарий к стр. 15-16 № 54 наст. тома), Гумилевым в скором времени были созданы циклы «Беатриче» (Италии. Сборник. СПб., 1909) и «Возвращение Одиссея» (Весы. 1909. № 6). Летом 1909 г. последовал цикл «Капитаны». Стр. 4-6. — В 1909 г. в «Весах» не появилось ни одной статьи Гумилева Стр. 6-9. — Повесть Гумилева с таким названием неизвестна. П.Н. Лукницкий считал, что повесть была закончена, а рукопись утеряна (Жизнь поэта. С. 72) — Ахматова говорила ему о романе «с которым <Гумилев> носился всю жизнь, сначала он назывался «Девушка с единорогом», потом — «Ира»» (подробнее см. с. 255-256 т. VI наст. изд., а также № 135 наст. тома и комментарии к нему). Об увлечении Гумилевым автором «Портрета Дориана Грея» Оскаром Уайльдом см. комментарии к стр. 13-16 № 44 наст. тома. Стр. 9-12. — Гумилев впоследствии отказался от перемены названия сборника (которое, как отметил Н.А. Богомолов, имело явные оккультные ассоциации (Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 126)). Объявление о том, что «весной 1910 г. выходит сборник «Жемчуга». Вторая книга стихов. Обложка Д.Н. Кардовского» появилось в «Весах» лишь в конце следующего 1909 года (1909. № 12. С. 200). О сроках публикации Брюсов спрашивал у владельца «Скорпиона» С.А. Полякова в марте 1909 г. «... От обещанного я не отказываюсь никогда — ответил Поляков в письме к Брюсову от 13 марта 1909 г. — и книжку Гумилева «Скорпион» издаст, но назначить срок я могу лишь по выяснении точном ближайших предполагаемых изданий «Скорпиона», что надеюсь сделать к лету» (Переписка <Брюсова> с С.А. Поляковым (1899-1921) / Вст. статья и комментарии Н.В. Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.В. Кувановой и И.П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. (Литературное наследство. Т.98). Кн. 2. М., 1994. С. 123). Стр. 13-14. — О рецензии И.Ф. Анненского на РЦ 1908 см. комментарии к № 57 наст. тома. Стр. 15-16. — О несостоявшемся визите Гумилева в Москву см. №№ 56 и 59 наст. тома.

59. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин (без стихов); ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84.19.
Дат.: 19 декабря 1908 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 19. 12. 08. Штемпель московской экспедиции городской почты — 20. 12. 08.

Стр. 3-4. — Ср. письмо Брюсова к Н.И. Петровской, написанное между 6 и 9 декабря 1908 г.: «...Во внешнем, жизнь моя — одно сплошное «дело», «работа». Я совершенно уклонился от всех ненужных занятий: в Кружке на разных заседаиниях бываю не чаще двух раз в месяц; во всяких других обществах не бываю вовсе. Даже эти последние дни, когда везде читали Мережковские и Белый, не слушал ни одной из их лекций. Но над «Весами», над несколькими печатаемыми книгами (одновременно), над обещаниыми в разные издания статьями — провожу опять 15—16 часов в сутки. Устаю смертельно, и опять вернулись ко мне мои прошлогодние головные боли» (Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. С. 362). В «Дневниках» Брюсова — лаконичная запись: «Три тягостных месяца в Москве» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 161). Стр.4-6. — О посылке данного варианта рассказа см. комментарии к № 55 наст. тома и стр. 6-7 № 56 наст. тома. Стр. 11-12. — Имеются в виду ст-ния, посланные в № 55 наст. тома; они не были приняты Брюсовым для публикации. Стр. 13-15. — Углубленный интерес Брюсов к анализу разных аллитераций («анафора, эпифора, зевгма, цикл; по составным элементам; по месту в слове; по расположению; по числу; по месту в звукоряде» и т.д.) наглядно проявляется в его лекциях по теории стихосложения (см. Гаспаров М.Л. Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (1910—1920-е годы) // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 27-28). Однако, на поиски «новых размеров» Гумилева мог подтолкнуть и В.В. Гофман, отметивший в своей рецензии на «Романтические цветы» «однообразность» ст-ний сборника (Гофман В.В. Н.Гумилев. Романтические цветы. // Русская мысль. 1908. № 7. С. 144. 3-я пагинация). Стр. 15-16. — Гумилев цитирует слова брюсовской рецензии на РЦ 1908 (Весы. 1908. № 3): «...«Романтические цветы» — только ученическая книга. Но хочется верить, что Н. Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно и по тому самому встающих высоко. Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти дальше, чем мы то наметили, откроет в себе новые возможности, нами на подозреваемые ...» Стр. 17-18. — К письму было приложено (стр. 22-44) ст-ние «Охота» — № 129 (I), автограф 1. Ст-ние было впервые опубликовано в Ж 1910, где было разбито на двустишия. Стр. 19. — Замысел «Учебника поэзии» вынашивался Брюсовым очень долго, но к работе над ним поэт приступил только в 1914 г. В 1919 г. был опубликован «Краткий курс науки о стихе. Ч. 1», а затем — окончательный вариант

«Основы стиховедения. Общее введение. Метрика и ритмика. Ч. 1-я и 2-я» (М., 1924). В качестве «практического пособия» к этому «курсу стиховеденья» была издана также брюсовская книга «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии, созвучиям и формам. Стихи 1912-19 гг. Со вступ. ст. «Ремесло поэта»» (М., 1918). Подробнее об этой стороне литературной деятельности Брюсова (имевшей явные и весьма существенные параллели у Гумилева) — см.: Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 12-19.
Стр. 21. — К сожалению, замечания Брюсова по поводу этой рецензии неизвестны.

60. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Полушин; НП (публ. Р.Д. Тименчика).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед.хр. 27.

Дат.: 9 февраля (?) 1909 г. — по содержанию и дате письма А.М. Ремизова от 8 февраля 1909 г. (№ 10 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Ответ на письмо А.М. Ремизова от 8 февраля 1909 г. (№ 10 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

С писателем Алексеем Михайловичем Ремизовым (1877 —1957) Гумилев познакомился, вероятно, 26 ноября 1908 г. на «среде» В.И. Иванова (см. комментарии к № 54 наст. тома); до этого он уже отозвался в печати о романе Ремизова «Часы» (№ 8 (VII)). К моменту их знакомства у Ремизова был позади тяжелый «революционный» опыт тюрьмы и ссылки в Пензенской и Вологодской губерниях: разрешение на жительство в Петербурге он получил только в 1905 г. Писать он начал с 1896 г., печататься с 1902-го, но популярность к нему пришла после публикации цикла сказок «Посолонь» в «Золотом Руне» в течение 1906 г. (отдельное издание — 1907 г.). В пору острой полемики «петербургских» и «московских» символистов Ремизов, наряду с Кузминым, был, по формулировке В.Ф. Нувеля, «единственный петербуржец, пользовавшийся московскою благосклонностью» (Письмо к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 11 июля 1907 г. // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин. Статьи и материалы. М., 1995. С. 303). С Гумилевым Ремизов сходится быстро: на святках, 26 декабря 1908 г., он уже гостил вместе с А.Н. Толстым и В.И. Кривичем у Гумилева в Царском Селе (см.: Соч III. С. 358). В первые месяцы 1909 г. поэт часто бывал у Ремизовых в Петербурге. Ремизов охотно содействовал гумилевским начинаниям и, признавая организационные и «наставнические» способности Гумилева, направлял к нему «неофитов» — М.А. Зенкевича (в мае 1909 г., см. Труды и дни. С. 191) и Н.Д. Бурлюка (в сентябре 1909 г., см. № 14 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Что же касается «внутреннего» характера общения Гумилева с Ремизовым, то, как отмечает Р.Д. Тименчик, «хотя и без всяких конфликтов и взаимных разочарований» их жизненные и творческие пути скоро начали расходиться (см.: НП. С. 51). Ремизову был чужд «кларизм», провозглашенный М.А. Кузминым и подхваченный сотрудниками новорожденного журнала «Аполлон» («Мне читать было жутко <...>. Прекрасная ясность по Гроту и Анри де Ренье»). «...А как меня слушал Кузмин?, —

вспоминал позже Ремизов, — <...> Да так же слушал, как и все петербургские «аполлоны» — снисходительно. Природа моего <...> «вербализма» была им враждебна: все мое не только не подходило к «прекрасной ясности», а нагло перло, разрушая до основания чуждую русскому ладу «легкость» и «бабочность» для них незыблемого «пушкинизма». <...> Так было оттолкновение «формально», но и изнутри я был чужой. Вся моя жизнь была непохожей» (Ремизов А.М. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 181-182). Именно в это время черты Гумилева получили достаточно нелестное отображение в художественной прозе Ремизова — в образе учителя-словесника Лещева, персонажа одного из его наиболее значительных произведений — повести «Крестовые сестры» (1910) (см.: Данилевский А.А. Велимир Хлебников в «Крестовых Сестрах» А.М. Ремизова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911-1998). М., 2000. С. 390). Однако личные отношения двух художников оставались все время уважительно-приязненными. В «Цехе поэтов» Ремизова неизменно «чтили» (см. комментарий к № 8 (VII) наст. изд.), ремизовские реминисценции возникают в произведениях Гумилева на «русские темы» (см. с. 510 т. VI наст. изд., а также: Михайлов А.И. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С. 68). Отношение же Ремизова к Гумилеву демонстрирует сцена «инаугурации» Гумилева в «графы» ремизовской «Великой и вольной обезьяньей палаты» зимой 1919 г.: «Поздно вечером шел я по трамвайным рельсам по Невскому — Невский раскатистый с ухабами большой дороги. <...> В необыкновенной шубе выше, чем в действительности, держась чересчур прямо, навстречу мне по рельсам же и не шел, а *выступал* Гумилев.

Я очень ему обрадовался: с ним у меня связана большая память о моей литературной «бедовой доле» и о его строгой оценке «слова»: он понимал такое, чего другим надо было растолковывать.

Гумилеву в противоположную сторону, но он пошел меня проводить.

Он говорил необыкновенно вежливо и в тоже время важно, а дело его было просительное и совсем не литературное, а «обезьянье»:

— Нельзя ли произвести меня в обезьяньи графы: я имею честь состоять в «кавалерах», мне хотелось бы быть возведенным в графы.

— Да нету такого, — ответил я, — чего вам, вы и так, как Блок и Андрей Белый — «старейшие кавалеры» и имеете право на обезьяню службу.

— Нет, я хочу быть обезьяним графом.

«А и в самом деле, — подумал я, — графов не полагается, но если заводить, то только одного, и таким может быть только Гумилев»» (Ремизов А.М. Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 338-339). Ремизов навсегда покинул Россию через несколько дней после ареста Гумилева, в начале августа 1921 г. В эмиграции он много раз оплакивал его гибель: «Гумилева — расстреляли! —Николай Степанович — покойник теперь — и Горький не всегда может, стало быть» (Там же. С. 505. См. также: Ремизов А.М. Крюк (память петербургская) // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 8; Ахру. Повесть петербургская. Берлин, 1922. С. 13, 40, 43; Встречи. С. 187;

о выставке его портрета Гумилева в 30-е гг. см.: Письма А.М. Ремизова к В.В. Перемиловскому / Подгот. текста Т.С. Царьковой. Вст. статья и примеч. А.М. Грачевой // Русская литература. 1990. № 2. С. 199).

Стр. 5-6.— Борис Сергеевич Глаголин (настоящая фамилия Гусев, 1879-1948) — актер, драматург, театральный критик, с 1906 г. режиссер петербургского Малого (Суворинского) театра. В 1909 г. Б.С. Глаголин издавал «Журнал Театра Литературно-Художественного общества», в котором сотрудничали Ю. Беляев, М. Волошин, Б. Глаголин, Н. Гумилев, М. Кузмин, В. Протопопов, В. Розанов, А. Ремизов, Б. Садовской, А. Толстой (см.: Новое время. № 11852. 11 марта 1909). Гумилев, по-видимому, в какой-то момент пытался определить политику его литературного отдела, и вошел в конфликт с Глаголиным. По детальному изложению Р.Д. Тименчика: «О <...> конфликте с Гумилевым Глаголин сообщал в одном из писем 1909 г. к Мейерхольду: «... пишу, возмущенный поведением Гумилева, который пришел ко мне сейчас и устроил мне представление со своим цилиндром. Прочел целое поучение о традициях русской журналистики, говорил о Вашем обещании поместить его стихи в этом № в таком тоне, обидном для меня, что я, наконец, потеряв терпение, сказал ему несколько горьких истин. Но главное, что возмутило меня, это его требование денег авансом, которое сопровождалось даже констатированием «значит, и впредь гонорар будет задерживаться?» Это черт знает что такое. И с этими людьми я носился, как с писаной торбой. <...> И это за то, что я так терпеливо выносил его горделивый тон и самомнение. Он талантливый человек, но он не ставит меня ни в грош, не считая даже нужным быть вежливым со мной, (понимаю вежливость без цилиндра и внешнего ее вида) <...> И все из-за того, что я не мог дать ему 12 р. за стихи, которые еще и не напечатаны» (РГАЛИ, Ф. 998, Оп. 1, Ед. хр. 1376. Лл. 5-6). Гумилев и его друзья широко печатались в этом издании, которое фактически было программкой («афишкой») театра. В номерах, обозначенных «1908/09. Вторая половина сезона», было напечатано: № 5 — «Любил тебя в грозе под вечер» и «Темнеет степь, и нет прохлады» Толстого, «Колокол» и «На льдах тоскующего полюса» Гумилева, № 6 — «Спорыш» Ремизова, пьеса «Дочь колдуна» Толстого, «Поединок» Гумилева и его же статья «По поводу «Салона» Маковского», № 7— «О тихий край» и «Не могу я вспомнить без волненья» Кузмина, «Разбойник» Толстого, № 8—«Когда и как приду к тебе я» Кузмина, № 9—10 — «Мальчик верхом едет в куртке зеленой» Кузмина и «Ведьма-птица» Толстого. В номерах за 1909/10: № 1: — «Что сердце? Огород неполотый...» Кузмина, № 2 — «Выбор» Гумилева, № 5 — «Лель» Толстого и «Воспоминание» Гумилева, № 9 — «Свидание» Гумилева» (НП. С. 58). В конце января 1910 г. Глаголин по личным причинам уезжал на время в заграничный отпуск, и окончательно покинул Суворинский театр в октябре следующего, 1911 г.

По всей видимости, речь в письме идет о выплате гонорара от глаголинского журнала («Никто ко мне не приходил, никто мне никаких денег не дал» — см. № 10 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Через два дня после настоящего письма, 11 февраля 1909 г., М.А. Кузмин отметил в своем дневнике: «Денег нет.

Божерянов принес 3 р., занятые на кальку <...> Тот же Ал<ександр> Ив<анович> принес от Глаголина 12 р. Поехали к Ремизовым, где Сер<афима> Павл<овна> в первый раз выходит» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 108). Александр Иванович Божерянов (1882-1961(?)) — художник-график, театральный художник и иллюстратор; сотрудник Гумилева по первым двум номерам журнала «Сириус» (см. комментарии к стр. 46-53 № 10 наст. тома). Гумилев был дружен с А.И. Божеряновым в «парижские» годы, некоторое время они вместе снимали квартиру на rue de la Gaité, 25 (см.:Труды и дни. С.171), однако затем их отношения испортились. В Петербурге Гумилев и Божерянов сотрудничали в «Журнале Театра Литературно-Художественного общества». В 1910-е годы Божерянов входил в «круг Кузмина», иллюстрировал его книги «Глиняные голубки» (СПб., 1914), «Покойница в доме. Сказки» (СПб., 1914), «Лесок» (Пг., 1922). В 1925 году А.И. Божерянов уехал из СССР. Умер в эмиграции. Стр. 7-8. — Гумилев рецензировал сборник Кузмина «Сети» в мае 1908 г. (№ 5 (VII); см. также №№ 42, 43 наст. тома). Следующая гумилевская статья о Кузмине — рецензия на «Первую книгу рассказов» (№ 22 (VII)) — появилась в печати только через год после настоящего письма, в № 5 «Аполлона» (февраль 1910 г.). Стр. 9-10. — См. письмо Ремизова от 8 февраля 1909 г. (№ 10 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).Стр. 13. — Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876—1943) — жена Ремизова. Стр. 15-17. — Речь идет о замысле поэтического журнала «Остров». Об этом издании см. № 21 (VII) и комментарий к нему, а также №№ 63, 64, 65, 69 наст. тома. Не будучи поэтом, Ремизов в «Острове» не печатался, но оказывал «редакции» — Гумилеву, А.Н. Толстому, П.П. Потемкину — активную поддержку: «Я очень одобряю их план — и то, что строгость будет, и то, что учиться будут» (см.: Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г.Терехова // Исследования и материалы. С. 324). В № 1 журнала был опубликован цикл ст-ний М.А. Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы», — очевидно, это и была «рукопись», о которой упоминает Гумилев.

61. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: 26 февраля 1909 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. Редакция «Весы». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. От Н.С. Гумилева». Штемпель почтового отделения Царского Села — 01.03.09. Штемпель московской экспедиции городской почты — 02.03.09.

Стр. 4-5.— Пауза в переписке возникла, прежде всего, из-за исключительной загруженности Брюсова работой. Некоторое представление об интенсивности его занятий в этот период дает переписка с Ниной Петровской: см., напр.: Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. С. 412, 421, 437, 443, 457-458. Стр. 5-7. — По несколько категоричному утверждению П.Н. Лукницкого, Брюсов

«не мог принять сближения Гумилева с Вячеславом Ивановым. Предупреждал его об этой «опасности» задолго» (Жизнь поэта. С. 73). Судя по данному письму, источником грозящей «ученику» опасности «учитель» считал ивановскую «дионисианскую ересь». Вяч. И. Иванов, действительно, был очень увлечен идеями Ф. Ницше о «вакхической природе» творчества, которые являются смысловым средоточием книги «Рождение трагедии из духа музыки». Вслед за Ницше, Иванов утверждал, что любой подлинно творческий акт исходит из эмоционального импульса, который преодолевает в человеческом существе сдерживающие «доводы разума». Рациональное начало виделось Ницше и Иванову творчески «бесплодным», замыкающим волю человека в порочный круг запретов «здравого смысла», разорвать который и призвано «созидающее безумие» гения. Отсюда и миссия подлинного искусства, эталоном которого является греческая трагедия, оказывалась в пробуждении экстатических эмоций, сметающих разумную мотивацию в поведении человека и провоцирующих его на безрассудные «дерзновения». Время Сократа и Еврипида, когда искусство перестало «опьянять» и стало «учить», Ницше считал началом «упадка» античности (и началом деградации вида homo sapiens). «Дионисийская проповедь» Иванова заключалась в пропаганде необходимости реанимации «творческих потенций» современного европейской цивилизации путем «возрождения античности» прежде всего, в сфере новейшего искусства. В 1903 г. Иванов прочел в Париже цикл лекций о Дионисе. Брюсов присутствовал на парижских лекциях Иванова и внимательно следил за его публикациями, однако сочувствия «проповеднику священного безумия» не высказывал, а, напротив, ратовал за строгий, «классический» подход к эстетическим ценностям, в большой степени связанный как раз с «рациональным» началом в художественном мировосприятии. Об ивановском «дионисианстве» писали в связи с настоящим письмом Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков: «Валерий Брюсов, познакомившийся с Вяч. Ивановым 29 апреля 1903 г. в Париже, отметил эту встречу среди других парижских впечатлений: «Но самое интересное было, конечно, Вяч. Иванов. Он читал в русской Школе общественных наук о Дионисе. Это настоящий человек, немного слишком увлечен своим Дионисом. Мы говорили с ним, увлекаясь, о технике стиха...» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 151). В журнале «Новый путь» (1904, № 1—4, 8, 9) Вяч. Иванов опубликовал в переработанном виде курс своих парижских лекций под заглавием «Эллинская религия страдающего бога». Заключительная часть курса под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» напечатана в «Вопросах жизни» (1905, № 6, 7). В этот же период появилась статья Вяч. Иванова «Ницше и Дионис» (Весы. 1904. № 5)» (ЛН. С. 491. См. также комментарий к № 8 наст. тома). Следует отметить, что отказ от «дионисианства», хоть в несколько уклончиво-вежливой форме, содержался несколько месяцев спустя в редакционном вступлении к первой книжке журнала «Аполлон» («Мы <...> пережили эпоху увлечения Дионисом <...> Слишком уж привыкли мы верить в «наитие свыше», забывая, что искусство прежде всего — вдохновенное и веселое ремесло»), а сам Гумилев впоследствии непосредственно полемизировал с «дионисианской ересью» Иванова в

своей пьесе «Актеон» (1913 г.; № 4 (V); см. Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. Гл. 4). Но до этого, по словам П.Н. Лукницкого: «общительный, жаждущий знаний Гумилев погрузился в атмосферу «башни», сблизился со многими ее обитателями» (Жизнь поэта. С. 73; см. также преамбулу к № 72 наст. тома). О Царице Савской, пытавшейся соблазнить Соломона коварными загадками, отвращающими от истинного Бога см.: 3 Царств 10. 1-13. Полемика с «дионисианской ересью» Иванова стала содержанием гумилевской пьесы «Актеон» (№ 4 (V); см. Баскер М. Гл. 4) и во многом определила гумилевскую критику символизма в годы «акмеистического бунта». Стр. 7-8. — По всей вероятности, речь здесь не идет о каких-либо конкретных «собраниях», а о необходимости уклоняться от того, что Брюсов называл «редакционными дрязгами» (см.: Переписка <Брюсова> с К.Д.Бальмонтом (1894-1918) / Вст. статья и подгот. текстов А.А.Нинова. Комментарии А.А.Нинова и Р.Л.Щербакова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991. С. 207. (Литературное наследство. Т.98)). Столь мудрая забота Брюсова (далеко не чуждого литературных интриг) о нравственно-духовном комфорте «ученика» была вызвана, по всей вероятности, целым рядом крайне неудачных для редактора «Весов» столкновений и конфликтов, завершившихся, в конце концов, крахом журнала. Стр. 12-13. — Ср. в письме к А.М. Ремизову от 9 февраля 1909 г.: «Я в периоде полного уныньия. Ничего не пишу и не собираюсь» (стр. 7-8 № 60 наст. тома). Е.Е. Степанов пишет по этому поводу: «Эти слова — не игра. Осознав недостаток знаний в области теории поэзии, Гумилев с поддержавшим его П.П. Потемкиным и А. Толстым обратился к Вяч. Иванову с просьбой прочитать цикл лекций о поэзии. Иванов согласился, и у него на «башне» начались регулярные занятия т.н. «Про-Академии»». Как раз эти занятия, по мнению исследователя, и подразумевал Гумилев, написав в данном письме о «трех встречах» с Ивановым (Соч III. С. 359-360). Стр. 17-20. — «В объявлении «От редакции и конторы» (Весы. 1908. № 3) сообщалось: «Лица, не получившие в течение 3 месяцев извещения о принятии их рукописи к печати, могут располагать ею по своему усмотрению»» (ЛН. С. 491). Следует отметить, что к этому времени ситуация в редакции «Весов» изменилась, и окончательное редакторское решение уже принадлежало не Брюсову. «...Положение определилось такое, — писал Брюсов Н.И. Петровской 25 января 1909 г. — «Весы» издаваться будут, но я не буду их редактировать. Остаюсь лишь одним из «ближайших сотрудников». Редактировать официально будет сам С.А. <Поляков>, но сведется это, конечно, к тому, что «Весы» будут выходить под редакцией М.Ф. Ликиардопуло. <...> Более я не могу приносить себя, свою душу, свою деятельность и свою гордость в жертву «Весам»» (Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: ... С. 430; ср. также брюсовское «Письмо в редакцию»: Весы. 1909. № 2. С. 89). Стр. 20-22. — О судьбе рассказа Гумилева Брюсов справлялся у С.А. Полякова. «Относительно <...> рассказа Гумилева, — отвечал Поляков в письме от 13 марта 1909 г., — я ничего не знаю и передал жалобы по назначению. Гумилев, между прочим, уже после Вашего письма, писал М.Ф.[Ликиардопуло], что рассказ его был Вами принят в свое время, и тем самым,

мне кажется, вопрос решается, так как на наших с Вами последних совещаниях было постановлено, что материал, принятый для предполагавшихся «новых» «Весов», останется принятым и для старых» (Переписка В. Брюсова с С.А. Поляковым (1899-1921) / Вст. статья и комментарии Н.В.Котрелева. Публ. Н.В.Котрелева, Л.В.Кувановой и И.П.Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. (Лит. наследство. Т.98). Кн. 2. М., 1994. С. 123). «Скрипка Страдивариуса» была помещена в № 7 «Весов» за 1909 г. О встрече Брюсова с А.Н. Толстым см.: Брюсов В. Дневники... С. 161). Стр. 22-23. — В этот — последний — период существования «Весов» произошел целый ряд конфликтов старых сотрудников с обновленной, «безбрюсовской» редакцией. 19 апреля 1909 г. Брюсов писал Бальмонту: «...Все, что ты сообщаешь об отношении к тебе конторы «Весов» ужасно, даже чудовищно. Но должен сознаться, что удивить — меня Твое письмо не удивило. Почти то же писали мне раньше З. Гиппиус, Н. Лернер, А. Элиасберг и другие. Наконец, я сам испытал нечто подобное, когда я жил в Петербурге. <...> я написал в «Весы» пять писем (два — Сергею Александровичу, три — Ликиардопуло) и получил в ответ одно <...> Отношение к сотрудникам в «Весах» и «Скорпионе» похоже на отношение к пиратам или, точнее, (ибо с пиратами ведется открытая и порой красивая борьба) на отношение какой-то высокой особы к надоедливым просителям» (Переписка <Брюсова> с К.Д. Бальмонтом С. 204)). Стр. 24-25. — После «Скрипки Страдивариуса» никаких рассказов Гумилева в «Весах» не появилось. Стр. 25-27. — Альманах «Акрополь» в свет не вышел (см. № 54, 56 наст. тома и комментарии к ним). Об издательских начинаниях С.К Маковского в «доаполлоновский» период см. также Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 140 (прим. 250)).

62. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем), ошибочная датировка -- Полушин.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 316.
Дат.: 4 марта 1909 г. — по содержанию письма.

Это недатированное приглашение относится к знаменательному вечеру 4 марта 1909 г., когда «состоялось важное собрание у Гумилева в Царском Селе, он познакомил И.Ф. Анненского с будущими сотрудниками «Аполлона»: С. Маковским, М. Волошиным и др. После этого все пошли в дом Анненского, о чем свидетельствуют многочисленные записи в альбоме В. Кривича» (Соч III. С. 360; в альбом Кривича сделали записи в этот день С.К. Маковский, М.А. Волошин, С.А. Ауслендер и П.П. Потемкин — см.: Анненский И.Ф. Письма к С.К. Маковскому. Публ. А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 223). Об этом вечере, который можно считать «датой рождения» журнала «Аполлон, рассказал в своих воспоминаниях В.И. Анненский-Кривич: «Познакомил Маковского с отцом покойный Н. Гумилев, устроив для встречи маленькое собрание у себя в доме. И Маковский, и приехавший вместе с ним Макс. Волошин имели до

того времени об И.Ф.Анненском довольно поверхностное представление, и поэтому, конечно, встреча с таким Иннок<ентием> Анненским явилась для них полным сюрпризом. А отец, как нарочно, в этот вечер был необыкновенно интересен и блестящ. Он так и рассыпал драгоценные блестки и самоцветные камни своего ума, исключительной эрудиции и высокого остроумия. Оба писателя были буквально ошеломлены... <...> Эта встреча сразу же определила отношение отца к зарождающему<ся> журналу и, в частности, связала его с Маковским ...» (цит. по: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 97). Сам Маковский впоследствии подчеркивал особое значение своего знакомства с Анненским: «Вряд ли возник бы «Аполлон», — писал он много лет спустя — не случись моей встречи с Иннокентием Федоровичем...» (Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1952. С. 252). Маковский неоднократно упоминал и о посредничестве Гумилева, который «...помнил наизусть строфы из «трилистников» «Кипарисного ларца», с особой почтительностью отзывался о всеискушенности немолодого уже, но любившего юношески-пламенно новую поэзию лирика-эллиниста Анненского, и предложил повезти меня к нему в Царское Село» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 47; см. также с. 78). «Маковский, по его собственному признанию, — писали А.В. Лавров и Р.Д.Тименчик, — после первой же встречи почувствовал, как самоотверженно готов был Анненский включиться в общее дело, как сочувственно отнесся он к «талантливой молодости»» (Анненский И.Ф. Письма к С.К.Маковскому. Публ. А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 223). Сохранилась и запись более сдержанных устных воспоминаний Волошина (1924 г.) об устроенной Гумилевым «первой встрече»: «Ни я, ни С.К. Маковский не имели об Анненском ясного представления. О нем тогда часто говорили Н.С. Гумилев и А.А. Кондратьев — его ученики по царскосельской гимназии. Но Гумилев был в то время начинающим поэтом, и его слова не могли иметь того авторитета, какой они имели впоследствии» (Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях... С. 69-70). Ср. также свидетельство присутствовавшего на вечере 4 марта С.А. Ауслендера: «<Гумилев> собрал у себя Кузмина (неточность, Кузмина на этом вечере не было — *Ред.*), меня, Волошина, Маковского и других и показал нам Анненского, которого, к стыду своему, тогда совершенно не знали» (Жизнь Николая Гумилева. С. 43).

63. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве, ошибочная датировка) -- Полушин (без стихов, ошибочная датировка); ЛН (ошибочная датировка).

Автограф — РГБ Ф.386.84.20.

Дат.: 21 апреля 1909 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову, Цветной бульвар, собств.<енный» дом>. От Н.С. Гумилева».

Штемпель почтового отделения Царского Села — 21.04.09. Штемпель московской экспедиции городской почты — 21.04.09. В архивной раскладке письмо было ошибочно вложено в конверт письма № 65, что предопределило ошибочные датировки в предшествующих изданиях.

Стр. 3-8. — «Настойчивость» Гумилева, очевидно, объяснялась сроками работы над первым из названных им изданий, журналом «Остров». Журнал был задуман Гумилевым и А.Н. Толстым в январе 1909 г. В марте были привлечены к сотрудничеству П.П. Потемкин и (чисто формально) М.А. Кузмин (см. №№ 60, 64 наст. тома и комментарии к ним). 14 апреля 1909 г. — за неделю до данного письма — первый издатель и ответственный редактор «Острова», журналист Александр Иванович Котылев (1855-1917) получил официальное разрешение на выпуск журнала. Состав сотрудников в эти дни объявлялся по-разному в разных местах — в предварительной переписке издателя, в газетном анонсе 24 апреля, в рекламном листе и в «редакционной наклейке» первого номера (см.: Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г.Терехова // Исследования и материалы. С. 321-323; см. также комментарий к № 64 наст. тома). Первый номер вышел в начале мая 1909 г. со стихами шести авторов: Волошина, Гумилева, Вяч. Иванова, Кузмина, Потемкина и Толстого. Второй (и последний) номер вышел в конце августа; в нем были помещены стихи Анненского, Белого, Блока, Гумилева, Е. Дмитриевой, Б. Лившица, С. Соловьева, Л. Столицы, А.Н. Толстого и Ю. Эльснера. Подробнее об истории «Острова» — «первого в истории русской журналистики «посвященного исключительно стихам современных поэтов» издания, лишенного какой-либо «идеологической» окраски» — см.: Исследования и материалы. С.317-326.

Подготовительная работа над вторым из упомянутых журналов — «Аполлоном» — никакого повода к «настойчивости» еще не давала (см. комментарий к № 62 наст. тома): первое организационное собрание участников будущего журнала состоялось 9 мая 1909 г. (см.: Анненский И.Ф. Письма к С.К. Маковскому / Публ. А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 224, 231-232); первый номер вышел только в октябре.Стр. 5-6. — В распоряжении Брюсова в это время было по крайней мере восемь стихотворных произведений Гумилева: «Орел» (№ 133 (I)), «Одиночество» (№134 (I)), «Месть» (№ 125 (I) и цикл «Возвращение Одиссея» (№№ 144-146 (I)), составившие затем подборку в № 6 «Весов» за 1909 г., — и четыре ст-ния, впервые появившиеся в печати только в Ж 1910: «Рощи пальм и дикого алоэ...» (№ 126 (I), было приложено к № 54 наст. тома), «Давно вода в мехах иссякла» и «В муках и пытках рождается слово» (№№ 127 и 128 (I)), были приложены к № 55 наст. тома), и «Охота» (№ 129 (I)), было приложено к № 58 наст. тома). Из ст-ний, опубликованных в «Весах», послана по почте была только «Месть (в письме № 54 наст. тома), остальные, по всей видимости (см. № 65 наст. тома), были переданы Брюсову при встрече в марте. Это в свою очередь уточняет предположительную датировку цикла «Возвращение Одиссея» в I томе наст. издания. Судя по следующему письму к нему Гумилева (№ 65), Брюсов на его

«настойчивую просьбу» не отреагировал. Стр. 9-10. — См. комментарий к стр. 9-12 № 58 наст. тома. Стр. 10-11. — Гумилев и Е.И. Дмитриева уехали в Крым 25 мая 1909 г. (см. №№ 66 и 68 наст. тома и комментарии к ним). Стр. 11-13. — Об этой встрече см. комментарии к № 13 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. Стр. 14-15. — Приложенный к этому письму «новый сонет» «Судный день» (№ 138 (I)) был создан незадолго до детального обсуждения этой стихотворной формы на занятиях «Академии Стиха» (о ней см. комментарий к № 65 наст. тома): о рифмах сонета подробно говорилось 23 апреля; обсуждение сонета, как такового, было одним из главных предметов заседания 29 апреля (см.: Гаспаров М.Л. Лекции Вяч.Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 95-96, 99-100). По-видимому, в результате этих заседаний среди участников «Академии Стиха» возник особый культ сонета и усложненных сонетных форм — сонета-буриме, сонета-акростиха, «сонета без рифм» (затеи Ю.Н. Верховского), венка сонетов (см. комментарии к №№ 64-66 наст. тома). Гумилев, не писавший сонетов со времен «Пути конквистадоров», написал до конца 1909 года, помимо «Судного дня», еще пять (№№ 137, 139, 151, 156160 (I)). «Судный день» породил ответный сонет Вяч.И. Иванова («Не верь, поэт, что гимнам учит книга»), датированный в рукописи 17 августа 1909 и опубликованный под заглавием «Sonetto di Risposta», с эпиграфом из гумилевского сонета, в разделе «Пристрастия» Ч.2 «Cor Ardens» (М., 1911). На своем экземпляре «Cor Ardens» Иванов карандашом написал «Буриме» (см.: Иванов В. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель, 1974. С. 336, 736-737). Буриме (фр. bouts rimés) — стихотворение на заданных рифмах, и следует отметить, что «учитель» Иванов заменил сложную рифму «ученика»- Гумилева «трудный / Судный» еще более сложной «многотрудней / правосудней». Примечательно и то, что Иванов в своем изящно-глубокомысленном ответе делает Гумилеву мягкий упрек в (нехарактерной) тяжести его умонастроений и чрезмерности его «мистико-пророческих» чаяний («... Оставим, друг, задумчивость слоновью / Мыслителям и львиный гнев — пророку: / Песнь согласим с биением сладким сердца!...»). Брюсов же, не только по посвящению и выбору формы, но и по затрудненной лексике и квази-теургическому содержанию не мог не усмотреть в «новом сонете» Гумилева явный уклон в сторону его нового «учителя». Это, безусловно, его задело, и он это стихотворение проигнорировал.

64. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; НП.
Автограф. — РНБ Ф. 124. № 1400.
Дат.: 7 мая 1909 г. — по датировке (реконструкции) Р.Д. Тименчика (НП. С. 59).

Об истории взаимоотношений Михаила Алексеевича Кузмина (1872-1936) и Гумилева в первые годы их знакомства см. комментарии к № 5 (VII).

Стр. 3. — По-видимому, первый номер журнала вышел из типографии как раз в день написания данного письма — 7 мая 1909 г. (в 1909 г. — праздник Вознесениz).

В тот день А.Н. Толстой и Гумилев надписали экземпляр «Острова» К.А. Сомову: «Милому и глубокоуважаемому Константину Андреевичу от первого островитянина. Граф А. Толстой. 7 мая 1909» — «Многоуважаемому Константину Андреевичу Сомову от его искреннего поклонника Н. Гумилева» (см.: Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г. Терехова // Исследования и материалы. С. 321). Стр. 4-5. — Имеется в виду племянник и друг М.А. Кузмина Сергей Абрамович Ауслендер, в то время входивший в ближайшее окружение Гумилева (о нем см. комментарии к № 76 наст. тома). Предыдущие письма Гумилева и Кузмина неизвестны, но за два дня до настоящего письма, 5 мая 1909 г., Ауслендер писал Кузмину: «...«Аполлон» открыл редакцию и контору и дал мне денег, так что это не одно мифотворчество. На днях будет торжественное собрание сотрудников. «Остров», кажется, кончился» (цит. по: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005...). Фраза о «конце «Острова»» объясняет специфику корреспонденции Гумилева и Кузмина этих дней (в том числе и «подтекст» настоящего письма): речь идет о резком конфликте с издателем журнала А.И. Котылевым. «Котылев с жаром, как он всегда это делает, взялся за Остров, — писал об этом конфликте В.Ф. Нувелю П.П. Потемкин. — И чувствуя вначале почтение и трепет к Гумилеву, напутал, как Вы уже знаете. Но, напутав из-за желания Гумилева как можно скорее выпустить номер, он действовал все время совершенно себе в ущерб, бегая за разрешением по цинкографиям и пр. Даже вложил своих денег, чего по договоренности не был обязан, что-то 30 рублей. Теперь, когда номер был готов, но лежал в типографии невыкупленный, никто денег ему на выкуп не давал. Он неоднократно возмущался этим и, конечно, без денег в типографию не шел и разрешения, на получение которого получил повестку, не брал. Вдруг однажды к нему является Гумилев и оставляет предерзкое письмо, в котором упрекает его в ничегонеделаньи. Вы должны были, писал он, найти издателя, продать ему номер, взяв из типографии несколько штук, меня мои товарищи уполномочили поставить Вам на вид (никто его не уполномочил), что Вы — заведующий хозяйственной частью, это так дальше идти не может — и, одним словом, третировал его как мальчишку на посылках. Конечно, Котылев, на другой день увидав Гумилева, выругал его, передал ему разрешения и сказал, что отказывается от дел Острова, потребовав свои деньги. <...> Гумилев заявил, что он будет вести дело один» (НП. С. 59). Как следует из настоящего письма, Кузмин, должно быть, был уже в курсе этого дела; не исключено, что он именно поэтому раздумал помещать в «Острове» свои стихи (см. ниже). Стр. 5-6. — Имеется в виду стихотворный цикл Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы», напечатанный в первом номере «Острова». Рукопись этого цикла, по всей видимости, имелась у Гумилева еще с начала февраля (см. № 60 наст. тома и № 8 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву»); судя по настоящему письму, Кузмин в последний момент собирался его изъять из журнала. Экземпляр первого номера он получил 14 мая, лаконично отметив в дневнике «есть опечатки» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 131). Стр. 6-7. — Официальное разрешение на выпуск журнала «Остров» получил А.И.Котылев (см. комментарий к № 63 наст. тома) — и его

имя, в качестве издателя и ответственного редактора, обозначено в обоих вышедших номерах (см.: Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г. Терехова // Исследования и материалы. С. 321-322). Однако после ссоры с Гумилевым Котылев от дела отошел, и фактическим издателем второго номера был «меценат» «островитян» Николай Сергеевич Кругликов (1861-1920) — инженер-путеец и действительный статский советник, брат художницы Е.С. Кругликовой. К участию в журнале его привлек А.Н. Толстой, познакомившийся с ним в Москве в конце 1908 г. по рекомендации Е.С. Кругликовой, салон которой он, как и юный Гумилев, регулярно посещал в Париже (см.: Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Т. I. М., 1989. С. 144, 146). По воспоминаниям Толстого, Кругликов пожертвовал на издание «Острова» 200 рублей (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 39). Н.С. Кругликов к этому времени устраивал свой собственный литературно-художественный салон в Петербурге и также выступал в качестве самодеятельного поэта: в 1910 г. у него вышел сборник стихов «Праздник о Халифе», посвященный «Всем любезным посетителям сред <у Кругликовых>» (экземпляр сборника с инскриптом «Многоуважаемому Николаю Степановичу Гумилеву от почитателя поэзии Н.Кругликова» хранится в ИРЛИ — см.: Исследования и материалы. С. 322). Стр. 9. — «О разделении поэтов «Острова» на «участников» и «сотрудников» сообщалось в анонсе (Речь. 1909. 24 апреля (7 мая). № 110. С. 5): «Возникает новый ежемесячник «Остров», специально посвященный поэзии. Во главе журнала стоят Н. Гумилев, К. Бальмонт, М. Кузмин, П. Потемкин, Ал. Толстой: сотрудничество обещали также И. Анненский, А. Белый, А. Блок, М. Волошин, В. Пяст, С. Соловьев и Н. Тэффи». На рекламном листе первого номера журнала имя Бальмонта было перенесено в число «сотрудников», в их же составе назывались Вяч. Иванов, А. Кондратьев, И. Рукавишников, В.Ходасевич и др.» (Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г.Терехова // Исследования и материалы. С. 323). На обложке первого номера было объявлено четыре «участника» (Гумилев, Кузмин, Потемкин, Толстой) и двенадцать «сотрудников». Таким образом Кузмин являлся единственным поэтом «с именем» среди постоянных авторов-«участников» нового журнала. «Сотрудничество», как легко понять, обозначало лишь гипотетическую возможность появления «мэтров» среди «литературной молодежи». Естественно, что для представителей последней (собственно инициативной группы журнала) внимание «старших» и, тем более, «участие» Кузмина, было особенно ценным. «Приношу Вам наше общее спасибо за согласие участвовать в «Острове» и «Богородицу», — писал в марте 1909 г. Кузмину П.П. Потемкин. — <...> Первый номер будет боевой: Вы и Иванов, а потом и мы трое» (Исследования и материалы. С. 323). Впрочем, как настоящий «свадебный генерал», и Кузмин «участвовал» в деятельности «Острова» чисто номинально: с 15 февраля и до 8 июля 1909 г. он безвыездно проживал в имении С.А. Ауслендера близ Окуловки Новгородской губернии. Однако уже после фактического завершения журнала Кузмин вместе с Гумилевым, Потемкиным и Толстым принял участие в «посмертном» творческом вечере «островитян» в Киеве 29 ноября 1909 г. (см. комментарии к № 73 наст тома). Стр. 13-14 —

«Была в жизни В.<ячеслава> И.<вановича> душевно страшная пора, когда он писал свой первый «Венок сонетов». А «ключом» к этой «круговой песне» послужил старый сонет из «Кормчих звезд», напевшийся в счастливейшие, дионисийские часы. Сонеты «Венка», как и все циклы сонетов и канцон, предназначавшихся для книжки «Любовь и Смерть» были закончены к весне 1909 г. В.<ячеслав> И.<ванович> читал их друзьям» (Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель, 1974. С. 769). Стихотворения «Венка» обращены к покойной жене поэта Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (упомянутым «ключом» является ст-ние «Любовь» («Мы — два грозой зажженные ствола...»). Как отмечал сам Иванов в своем дневнике, 15 июня 1908 г., именно Кузмин, растроганный до слез одной из предполагавшихся «12 канцон и 42 сонетов» его «будущей книжки» «sub specie mortis», посоветовал ему написать соединительный текст в прозе по образцу "Vita nuova"» (Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель, 1974. С. 772). «Венок сонетов» Вячеслава Иванова был впервые напечатан в «Аполлоне» (1910, № 5), с подзаголовком «Из книги «Любовь и Смерть»» и посвящением Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, а затем вошел во вторую часть книги стихов «Cor Ardens». Стр. 14-15. — Имеется в виду повесть «Неуемный бубен» (другое первоначальное название — «Неугомонное сердце»). О чтении Ремизовым законченного текста этой повести см. комментарии к № 14 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. Стр. 15-17. — Ср. в уже цитированном выше письме к Кузмину С.А Ауслендера от 5 мая 1909 г.: «Ремизовы какие-то злобные и притворные, очень неприятные. Дела их плохи. Чаще видаюсь с Толстыми, которые простоваты, но милые. Они тебе кланяются. Особенные приветы просили передать В.<ячелав> И.<ванович Иванов>, А.<нна> Р.<удольфовна Минцлова>, Ремизова, Толстая и О.<льга> М.<ихайловна> Мейерхольд». 8 мая Мейерхольды уехали из Петербурга в Саратовскую губернию А.Н. и С.И. Толстые отправлялись к Волошину в Коктебель; Гумилев выезжал туда же 25 мая (см. комментарии к № 66 наст. тома). Стр. 18. — 14 мая 1909 г. С.А. Ауслендер писал Кузмину: «Вчера был у Гумилева. При мне пришло твое письмо. Гумилев очень искренно тебя любит и ценит. Ждут твоих стихов для № 2». Тем не менее во втором номере «Острова» стихов Кузмнна не было. Ауслендер же опубликовал сочувственную рецензию на № 1 в газете «Речь», в которой он уделял главное внимание «прелестному циклу» Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы». Ауслендер обобщал: «Может быть, <журнал «Остров»> не заинтересует большую публику, но занимающихся поэзией и любящих ее не может не трогать единодушное стремление учиться и делиться своими достижениями с еще не достигшими, соединяющее разных, быть может, по существу поэтов, имена которых стоят на обложке» (Речь. 29 июня 1909. № 175).

65. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве, ошибочная датировка) -- Полушин, ошибочная датировка; ЛН, ошибочная датировка.

Автограф. — РГБ Ф.386.84.20.

Дат.: 11 мая 1909 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову, Цветной бульвар, собствен.<ый> дом». Штемпель почтового отделения Царского Села — 11.05.09. Штемпель московской экспедиции городской почты — 12.05.09. В архивной раскладке письмо было ошибочно вложено в конверт письма № 63, что предопределило ошибочные датировки в предшествующих изданиях.

Стр. 3. — Первый номер «Острова» вышел 7 мая 1909 г. (см. комментарий к стр. 3 № 64 наст. тома). «Самый ранний, по-видимому, печатный отзыв о первом номере появился 18 мая в газете «Утро» (№ 30), там говорилось: «Гумилев щеголяет «сочными» рифмами, вроде «бронзы — бонзы», «былое — алоэ», «бок-о-бок» — робок»». <...> 29 июня «Речь» (№ 175) поместила сочувственную рецензию С.А. Ауслендера на «Остров» (см. комментарий к стр. 18 № 64 наст. тома — *Ред.*) <...> «Хроника» журнала «Золотое руно» в неподписанной заметке, принадлежащей, по-видимому, С. Городецкому, отмечала: «Вышедший в мае первый номер ежемесячного журнала стихов «Остров» возбуждает немало недоумений. Ввиду отсутствия какого бы то ни было редакционного заявления, свойственного первым номерам, трудно установить, с какой целью начат журнал, являются ли «островитяне» определенной группой, выставляющей известные поэтические лозунги, или же они просто стихотворцы <...> Составлен номер вяло. Волошин, Потемкин и Толстой представлены неудачно. Потемкин жеманничает в своих «газелях». Строки Толстого как-то неряшливы и по-дурному примитивны. В словообразованиях своих он не чуток к языку, рифмы не всегда связываются у него со смыслом, а миф его неубедителен. Волошин облечен по обыкновению в топазы, аметисты и смарагды. Лучше их Гумилев и его «Царица», которая, несмотря на обычные для учеников Брюсова изобилие географии и истории, и манерность рифм, идет дальше версификации» (Золотое Руно. 1909. № 6. С. 78)» (ЛН. С. 492; вопрос о сотрудничестве Городецкого в «Острове» до этого уже привел к разногласиям Гумилева с Потемкиным: см. Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г. Терехова // Исследования и материалы. С. 323). Об «Острове» см. также № 21 (VII) и комментарии к нему, а также №№ 63, 64, 69 наст. тома. Стр. 3-5. — В № 1 «Острова» вошли три стихотворения Гумилева: «Лесной пожар», «Царица» и «Воин Агамемнона» (№№135, 136, 140 (I)). Первое было написано хореем; второе — ямбом, третье — дактилем. Ритмические особенности «Лесного пожара» были отмечены Анненским (см. С. 442 т. I наст. изд.), однако не ритмика а рифмы первых двух стихотворений скорее обратили на себя внимание критики (см.: Баевский В.С. Николай Гумилев — Мастер стиха // Исследования и материалы. С. 92). Возможно, что на метрические опыты Гумилева повлияли первые лекции Вяч. И. Иванова в «Поэтической академии» (см. ниже стр. 6-9 и комментарии к ним). По свидетельству М.Л. Гофмана, «что было особенно интересно в лекциях Вячеслава Иванова, это — органическая связь формы с содержанием, на которую не раз указывал лектор, говоря о природе хорея, ямба, сонета, терцины и т.д.» (Вестник литературы. 1909. № 9. С. 186). Стр. 5-6. — При встрече с Гумилевым в марте

Брюсов, по всей видимости, первоначально «изъявил согласие» участвовать в «Острове». 15 марта 1909 г., А.М. Ремизов сообщил В.Ф. Ходасевичу о составе журнала: «На гастролях у них будут участвовать Брюсов, Блок, Вяч. Иванов, Сологуб, Волошин, Кондратьев, Верховский» (Второй номер журнала «Остров»... С. 324); см. также письмо А.И. Котылева А. Белому от 23 марта 1909 г. (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г .Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 350). Однако, имя Брюсова так и не появилось ни в газетных анонсах, ни в перечне сотрудников в самом журнале. В «Весах» об «Острове» отозвался также не Брюсов а С.М. Соловьев (Весы. 1909. № 7. С. 100-102). Он останавливал свое внимание, главным образом, на стихах Вяч. И. Иванова и Кузмина, но не обошел вниманием и Гумилеве, отметив в частности, что тот «находится под влиянием Леконта де Лиля. Его влечет античная Греция, еще больше — красочная экзотика Востока. Стих Гумилева заметно крепнет. Попадаются у него литые строфы, выдающие школу Брюсова <...> К сожалению, Гумилев злоупотребляет изысканными рифмами. Так, в трех строфах подряд у него встречаются: бронзы — бонзы, злобе — Гоби, Агры — онагры. А через несколько строф далее идут: согнут — дрогнут, былое — алоэ. Эта изысканность рифм характеризует эпоху «Urbi et Orbi»». Стр. 6-9. — Гумилев был главным инициатором лекций Вяч. Иванова в так называемой «Поэтической академии» (или «Про-Академии», или «Академии Стиха»): см. комментарий к стр. 12-13 № 61 наст. тома. Весной 1909 г. состоялось 8 заседаний, проводившихся дважды в месяц на квартире Иванова. «В списках присутствовавших — как констатирует М.Л. Гаспаров — около 30 имен. Наиболее постоянные — А.Н. Толстой (однажды с женой), Н.С. Гумилев, Е.И. Дмитриева, <...> Ю.Н. Верховский, В.Н. Ивойлов (Княжнин), О.Э. Мандельштам, <...> Б.С. Мосолов, П.П. Потемкин, И. Гюнтер, <...>; реже — Е.А. Зноско-Боровский, В.А. Пяст, С.А. Ауслендер, О. Беляевская, <...> сестры Герцык, Ремизовы, В.В. Гофман, М.Л. Гофман, К.А. Сюннерберг и неизвестные нам Шубин, Барышев, Загорский <...> и др.» (Гаспаров М.Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 90). В апреле также присутствовал М.А. Волошин. Четвертое — восьмое заседания, с 14 апреля по 16 мая 1909 г., были запротоколированы домоправительницей Иванова М.М. Замятниной (см.: Гаспаров М.Л. Ук. соч. С. 89-105; о текстах этих лекций также комментарии к №№ 71-72 наст. тома). Некоторое представление о проведении лекций дает письмо С.А. Ауслендера М.А. Кузмину от 5 мая 1909 г.: «У Ивановых был на собрании поэтической академии. Очень шикарно. В.И. пишет формулы сонетов, секстин и т.д. на доске, и поэты записывают. Читались как примеры твоя секстина и канцона» (цит. по: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 624). Ценные воспоминания о «Поэтической академии» оставил В.А. Пяст, для которого: «Из уст Вячеслава Иванова извергались светящимися потоками самоцветные мысли по вопросам поэтического мастерства» (Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 99-102); см.

также подборку материалов, приводимых Р.Д. Тименчиком и Р.Л. Щербаковым (ЛН. С. 492). О последующем преобразовании «Поэтической академии» в «Общество ревнителей художественного слова» см. комментарий к стр. 7-8 № 75 наст. тома. Стр. 8-9. — По наблюдению Е.Е. Степанова, «такое откровение привело к охлаждению со сторорны учителя к «изменившему» ученику, и интенсивность их переписки заметно снизилась» (Соч III. С. 360). Стр. 11-13. — Вероятно, ст-ния «Орел» и «Одиночество» (№№ 133 и 134 (I)) обсуждались при встрече (или встречах) Гумилева с Брюсовым в Петербурге в первой половине марта (в Москву Брюсов вернулся 19 или 20 марта; см.: Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. С. 467). О биографической основе ст-ния «Орел» см.: Будыко М.И. Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма. Л., 1990. С. 487; о литературных реминисценциях см.: Basker M. «Fear and the Muse»: An Analysis and Contextual Interpretation of Anna Achmatova's «Voronez» // Russian Literature. XLV-III. 1999. Pp. 313-314. Стр. 14-16. — Сборник «Все напевы. Стихи 1906-1909 гг.» вышел как третий том «Путей и перепутий» (М.; Скорпион, 1909), с предисловием Брюсова, датированным февралем 1909 г. Часть издания была выпущена под заглавием: Валерий Брюсов. Все Напевы. Стихи (1906-1909). Брюсов подарил книгу Гумилеву во время мартовской встречи, снабдив надписью: «Николаю Степановичу Гумилеву дружески. Валерий Брюсов. 1909» (ИРЛИ. 44.40). Гумилев, упоминает ст-ния «Дедал и Икар» и «Кому-то» (где также имеется «мотив Дедала» — «Наш век вновь в Дéдала поверил, / Его суровый лик вознес / И мертвым циркулем измерил / Возможность невозможных грез») вошедшие в циклы «Правда вечная кумиров» и «Современность». Гумилев сам увлекался в то время темой «как летают поэты». В следующем году он взял две строки из «Дедала и Икара» в качестве надписи на брюсовском экземпляре Ж 1910, и процитировал «когда-то злившие, всегда интриговавшие слова Дедала» из того же ст-ния в рецензии 1912 г. на следующий сборник стихов Брюсова «Зеркало теней» (см. № 87 наст. тома и № 40 (VII)). Стр. 17-19. — См. комментарий к стр. 5-6 № 63 наст. тома. Стр. 19-20. — Второй номер вышел не в конце мая-начале июня, как здесь предполагалось, а в конце августа. В нем было напечатано одно ст-ние Гумилева — «Попугай» (№ 151 (I)), в варианте под заглавием «Сонет» (см. С. 318 т. I наст. изд.). Стр. 20-21. — О судьбе гумилевского рассказа см. № 61 наст. тома и комментарии к нему.

66. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин (без стихов); НП.
Автограф. — ИРЛИ. Ф. 562. Оп.3..№ 474.
Дат.: Около 20 мая 1909 г. — по датировке Р.Д. Тименчика (НП. С. 61).

Гумилев с интересом следил за творчеством Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина (1877-1932), вероятно, со времени первых своих литературных шагов в качестве «ученика символистов». С Волошиным он мечтал познакомиться в

Париже, однако поэты «разминулись» (см. стр. 70-71 № 6 наст. тома и комментарий к ним), причем дважды — через несколько дней после возвращения Гумилева в Россию весной 1908 г., Волошин в свою очередь снова уехал в Париж (см.: Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877-1916. СПб., 2002. С. 204-216). Их личное знакомство, по-видимому, состоялось только по возвращении старшего поэта в Петербург в конце января 1909 г. (Волошин остановился тогда у А.Н. Толстого в той самой квартире на Глазовской ул., 15, которая в скором времени станет адресом редакции журнала «Остров» (см. комментарии к № 69 наст. тома)). До отъезда Волошина в Коктебель (около 12 апреля 1909 г.) Гумилев и Волошин встречались достаточно часто у Толстых, Ремизовых, на лекциях и литературных собраниях, но прежде всего — в связи с подготовительной работой по созданию «Аполлона» (см. комментарии к №№ 56, 62, 63 и № 10 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). По свидетельству В.А. Пяста, Волошин был одним из трех «мэтров», к которым обратились Гумилев, Толстой и П.П. Потемкин с просьбой «прочесть по циклу лекций на тему о поэзии» в задуманной тогда же «Поэтической академии» (см.: Пяст В. А. Встречи. М., 1997. С. 100). От лекционного курса Волошин отказался, но присутствовал вместе с Гумилевым, Толстым, Е.И. Дмитриевой и др. на третьем заседании «Академии» в начале апреля (см.: Купченко В.П. Указ. соч. С. 220). О завязавшихся дружеских отношениях поэтов свидетельствует и конфиденциальное обращение Волошина к Гумилеву с просьбой стать секундантом в несостоявшейся дуэли с К. Лукьяновичем (см. №№ 11, 12 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» и комментарии к нему). Покидая Петербург, Волошин пригласил своего нового друга погостить летом у него в Коктебеле.

Однако в Крыму, куда Гумилев приехал в конце мая вместе с Е.И. Дмитриевой, которую считал своей невестой, произошел конфликт, предопределивший драматический характер его дальнейших отношений с «хозяином Коктебеля». Оказалось, что Елизавета Ивановна Дмитриева (1887-1928; псевдоним — Черубина де Габриак) ведет «двойной роман» с обоими поэтами. Е.И. Дмитриева была поклонницей и постоянной корреспонденткой Волошина с апреля 1907 г. (см.: Волошин М.А. История моей души. М., 1999. С. 195), но в Коктебеле между ними возникает внезапный «роман»: «То, что девочке казалось чудом, — свершилось. Я узнала, что М.<аксимилиан> А.<лександрович> любит меня, любит уже давно — к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: «Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву, — я буду тебя презирать». <...> Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н.С. уехать, не сказав ему ничего. Он считал это за каприз, но уехал, а я до осени (сентября) жила лучшие дни моей жизни» (Черубина де Габриак. Исповедь. М., 1999. С. 273). 5 сентября Волошин и Дмитриева вернулись в Петербург, где оба они продолжали встречаться с Гумилевым, — в редакции новорожденного «Аполлона», на литературных собраниях у Толстого, Вяч. Иванова. Гумилев продолжал ухаживать за Дмитриевой: «Я вернулась совсем закрытая для Н.<иколая> С.<тепановича>, мучила его, смеялась над ним, а он терпел и все просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выйти

замуж за Максимилиана Александровича...» (Черубина де Габриак. Исповедь. М., 1999. С. 275). Несмотря на глубокую «конспирацию» в отношениях Волошина и Дмитриевой (обусловленную не только соображениями нравственности, но и затеянной ими мистификацией со стихами «Черубины де Габриак» — см.: Маковский С.К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 333-358; Волошин М.А. Рассказ о Черубине де Габриак // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 41-61; библиография по данной теме: Черубина де Габриак. Исповедь. М., 1999. С. 337), Гумилев, конечно, догадывался о причине такого странного поведения Дмитриевой и его неприязнь к Волошину росла. 29 сентября Дмитриева писала А.М. Петровой о жизни в Петербурге: «Сперва <Волошину> было очень тяжело: больной, без денег почти что, и в «Аполлоне» большая интрига против него, главным образом Гумилев, который, как сам он сказал, «ненавидит М.<акса>». Макс думал уходить из «Аполлона», но потом он очень сошелся с Маковским, который его очень ценит» (цит. по: Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877-1916. СПб., 2002. С.229). Впрочем и Волошин в качестве «счастливого соперника» (хотя и тайного) также не выказывал великодушия. Согласно записям П.Н. Лукницкого, на одном из октябрьских заседаний «аполлоновцев» он «вызвал скандал грубыми выпадами против Гумилева» (Жизнь поэта. С. 94; см. также: Исследования и материалы. С. 538-539).

Неминуемая развязка, приведшая к дуэли Гумилева с Волошиным, наступила из-за того, что Дмитриева «попутно» затеяла третий (!) «параллельный роман» с переводчиком «Аполлона» Иоганнесом фон Гюнтером (последний элегически прокомментировал этот эпизод своей петербургской молодости так: «...Красивой она не была, но весьма своеобразной, и флюид, от нее исходивший, сегодня обозначили бы словом «sexy»» (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 50)). Новый любовник «рассказал тайну Черубины Кузмину, а тот Маковскому» (Ланда М. Миф и судьба // Черубина де Габриак. Исповедь. М., 1999. С. 33). Узнав правду о тайных похождениях «невесты», Гумилев публично оскорбил Дмитриеву («Вы распространяете ложь, будто я собирался на вас жениться. Вы были моей любовницей. На таких не женятся»), — и тут же был вызван Волошиным, который во время собрания сотрудников «Аполлона» в мастерской театрального художника А.Я. Головина, нанес бывшему «другу» «оскорбление действием». Событийная «хронология» с этого момента (19 ноября 1909 г.) до дуэли (22 ноября 1909 г.) содержится в письме одного из секундантов, художника А.К. Шервашидзе: «Я поднялся в ателье Головина в момент удара. Волошин, оч. <ень> красный, подбежал ко мне <...> и сказал «прошу тебя быть моим секундантом». Тут же мы условились о встрече с Зноско-Боровским, Кузминым и Ал. Толстым. Зноско-Бор.<овский> и Кузмин — секунданты Гумилева. Я и Алеша тоже — Волошина. На другой день утром я был у Макса, взял указания. Днем того же дня в ресторане «Albert» собрались секунданты. Пишу Вам оч. <ень> откровенно: я был очень напуган, и в моем воображении один из двух обязательно должен быть убит. <...> Результатом наших заседаний было: дуэль на пистолетах, на 25 шагов, стреляют по команде сразу. Командующим был Алексей Толстой.

Рано утром выехали мы с Максом на такси — Толстой и я. Ехать нужно было в Новую Деревню. По дороге нагнали такси противников, они вдруг застряли в грязи, пришлось нам двум (не Максу) и шоферу помогать вытянуть машину и продолжить путь. Приехали на какую-то полянку в роще; полянка покрыта кочками, место болотистое.

А. Толстой начал отмеривать наибольшими шагами 25 шагов, прыгая с кочки на кочку.

Расставили противников. Алеша сдал каждому в руки оружие. Кузмин спрятался (стоя) за дерево. Я тоже перепугался и отошел подальше в сторону. Команда — раз, два, три. Выстрел — один. Волошин — «У меня осечка». Гумилев стоит недвижим, бледный, но явно спокойный. Толстой подбежал к Максу взять у него пистолет, я думаю, что он считал, что дуэль кончена... Гумилев, или его секундант предложили продолжать. Макс взвел курок и вдруг сказал, глядя на Гумилева: «Вы отказываетесь от Ваших слов?» Гумилев — «Нет». Макс поднял руку с пистолетом и стал целится, мне показалось довольно долго. Мы ясно услышали звук падения курка, выстрела не последовало. Я вскрикнул: «Алеша, хватай скорее пистолет!» Толстой бросился к Максу, выхватил <...> пистолет <...> и дал выстрел в землю.

«Кончено, кончено!», — я и еще кто-то вскрикнули и направились к нашим машинам. Мы с Толстым, довезя Макса до его дома, вернулись каждый к себе.

На следующее утро ко мне явился квартальный и спросил имена участников. Я сообщил все имена. Затем был суд <...> и мы заплатили по 10 руб. штрафа» (Жизнь Николая Гумилева. С. 57-58). Гораздо более «художественное» описание дуэли (совпадающее в основных моментах с записью Шервашидзе) мы находим у А.Н. Толстого (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 41-43). О «дуэли поэтов» было много статей в периодике, см. об этом: Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина... С. 235, 237, 255-256. Там же (С. 247-248, 255-256) рассказывается и о последующем судебном разбирательстве, проходившем, впрочем, в отсутствии Гумилева (он находился в это время в Абиссинии).

В глазах сотрудников «Аполлона» Гумилев был жертвой, как писал М.А. Кузмин (вообще далекий от пуританского морализаторства), «действительно грязной истории», главной виновницей которой являлась Е.И. Дмитриева, «любовница и Гумми, и еще кого-то, и теперь Гюнтера, креатура Макса, путающая бедного Мако (Маковского — *Ред.*), рядом Гюнтер и Макс, компания почтенная» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 186). Ее репутации и литературной карьере «Черубины де Габриак» был нанесен непоправимый удар. Сознавая это, 21 ноября 1909 г., накануне дуэли, она писала Вяч. И. Иванову: «Мне очень жаль, Вячеслав Иванович, что после всего происшедшего я не могу бывать в Вашем доме. Но думаю, что Вы не будете жалеть об этом. Елиз.<авета> Дмитриева» (цит. по: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 123) После дуэли, по ее признанию, она была «больна, почти на краю безумия. <...> Я так и не стала

поэтом: предо мной всегда стояло лицо Н.<иколая> Ст. <епановича> и мешало мне. Я не могла остаться с Максимилианом Александровичем. В начале 1910 г. мы расстались. <...> До самой смерти Н.<иколая> С. <епановича> я не могла читать его стихов, а если брала книгу — плакала целый день. <...> Я была виновата перед ним, но он забыл, отбросил и стал поэтом. Он не был виноват передо мною, даже оскорбив меня, он еще любил, но моя жизнь была смята им, — он увел от меня и стихи и любовь...» (Черубина де Габриак. Исповедь... С. 276).

Волошин также, по словам Ахматовой, настолько скомпрометировал себя, что «его здесь не хотели принимать ни Вячеслав Иванов, ни Анненский, ни другие» (Жизнь поэта. С. 97). В декабре 1909 г. он жаловался в письме феодосийской знакомой А.М. Петровой на журнал «Аполлон», который, как ему казалось, заметно к нему «охладел»: «Вся атмосфера литературная, около него скопившаяся, мне тягостна, и Гумилев был как раз одним из главных, установивших эту атмосферу литературного карьеризма...» (цит. по: Жизнь Николая Гумилева. С. 237). «Не могу больше выносить Петербурга, литераторов, литературы, журналов, поэтов, редакций, газет, интриг, честолюбий и т.д., — писал он тому же адресату 7 января 1910 г. — <...> Думаю надолго, совсем надолго уединиться в Киммерию...» (цит. по: Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. М., 1997. С. 133). 28 января 1910 г. — за неделю до возвращения Гумилева из Африки, — простившись (навсегда!) с Дмитриевой, Волошин уехал через Москву в Коктебель, и за все последующие годы провел в Петербурге лишь 10 дней (в апреле 1916 г, когда Гумилев был в действующей армии). В обширном же критическом наследии Гумилева, включающем в себя отклики на творчество множества поэтов-современников, в том числе «второго», а то и «третьего ряда», — поэт Максимилиан Волошин демонстративно проигнорирован (см. стр 24-25 № 33 (VII) и комментарий к ним).

Бывшие противники встретились совершенно случайно только в июне 1921 г. в Феодосии, во время последнего, предсмертного «крымского путешествия» Гумилева в свите адмирала А.В. Немитца (см.: Соч III. С. 424). «Я давно думал о том, что мне нужно будет сказать ему, если мы с ним встретимся, — вспоминал Волошин. — Поэтому я сказал: «Николай Степанович, со времени нашей дуэли прошло слишком много разных событий такой важности, что теперь мы можем, не вспоминая о прошлом, подать друг другу руки». Он нечленораздельно пробормотал мне что-то в ответ, и мы пожали друг другу руки. Я почувствовал совершенно неуместную потребность договорить то, что не было сказано в момент оскорбления:

— Если я счел тогда нужным прибегнуть к такой крайней мере, как оскорбление личности, то не потому, что сомневался в правде Ваших слов, но потому, что Вы об этом сочли возможным говорить вообще.

— Но я не говорил. Вы поверили словам той сумасшедшей женщины... Впрочем... если Вы не удовлетвореиы, то я могу отвечать за свои слова, как тогда...

Это были последние слова, сказанные между нами. В это время кто-то ворвался в комнату и крикнул ему: «Адмирал Вас ждет, миноносец сейчас отваливает»» (Жизнь Николая Гумилева. С. 207).

Известие о гибели Гумилева (дошедшее до Коктебеля практически одновременно с известием о смерти Блока) потрясло Максимилиана Александровича и вдохновило на стихи, ставшие одним из самых ярких символов духовного сопротивления для нескольких поколений русской интеллигенции XX века:

НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

Памяти А. Блока и Н. Гумилева

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветр, как свечи, жизни тушит.
Ни позвать, ни крикнуть, но помочь.
Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба, -
Но судьбы не выберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

Стр. 3-5. — 1 мая 1909 г. Е.И. Дмитриева писала Волошину о занятиях в «Поэтической академии»: «Вяч. Ив<ванович> рассказал, что можно написать сонет и другой должен ответить, повторяя рифмы, но но возможности избегая в одной и той же катр<ене> одинаковых слов. <...> Гумилев прислал мне сонет, и я ответила: посылаю на Ваш суд. Пришлите и Вы мне сонет» (цит. по: Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. I. Стихотворения и поэмы: 1899-1926. М., 2003. С. 467). К письму Дмитриева приложила обращенный к ней сонет Гумилева «Тебе бродить по солнечным лугам» (№ 137 (I)) и свой собственный стихотворный «ответ» («Закрыли путь к некошенным лугам / Темничные, незыблемые стены; / Не видеть мне морских опалов пены, / Не мять полей моим больным ногам...» — см.: Черубина де Габриак. Исповедь... С. 60-61). Волошин, немедленно откликнулся сонетом «Сехмет» («Влачился день по выжженным лугам...»), вошедшим затем в цикл «Киммерийские сумерки» (см.: Волошин М. Стихотворения: 1900-1910. М.: Гриф, 1910). 13 мая Дмитриева писала ему опять: «Ваше письмо пришло сегодня,

<...>. Ваш сонет «о гиене» лучший из трех; на Ваш я попробую ответить. Когда я приеду, буду рассказывать об образцах к лекциям Вяч. Иванова, а то записать все очень много». Вместе с стихотворением «Сехмет», Волошин, по-видимому, приложил к своему письму стихотворение «Дэлос» и «свой» сонет «Облака» (вошедший затем в тот же цикл «Киммерийские сумерки»):

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (все выше, все тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тусклей.
А по степям несется бег коней,
Как темный лет разгневанных Эринний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на долы расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака — Ассуры.

Гумилеву, должно быть, как полагалось по «правилам» буриме, Волошин также послал свой ответный «*сонет*» («Сехмет») и новый «*вызов*» («Облака») более или менее одновременно с письмом к Дмитриевой. Гумилев ответил на «вызов» «через два часа после его полученья», приложенным к настоящему письму ст-нием; Дмитриева, как кажется, удовлетворилась тем, что в письме от 22 мая обещала Волошину: «О Вашем сонете я буду говорить с Вами; он—чудесен. Теперь уже через неделю; так хорошо». Стр. 5-9. — См. об этом № 65 наст. тома и комментарий к нему. Волошин, как кажется, в новое состязание не вступил, однако в Коктебеле этот «поэтический конкурс» продолжился, о чем свидетельствовал П.П. Потемкин, пересказывая в письме к В.Ф. Нувелю «коктебельское» послание Гумилева (несохранившееся): «Пишет, что он и Толстой и Волошин в Коктебеле занимаются искусством поэзии, сажают Софью Исааковну в фантастическом костюме на берегу моря и описывают в стихах, «соблюдая возможную точность красок и линий, что очень трудно»» (цит. по: НП. С. 62). Об этом же впоследствии рассказывала и сама С.И. Дымшиц-Толстая: «Однажды поэты устроили творческое соревнование. Они заставили меня облачиться в синее платье, надеть на голову серебристую повязку и «позировать» им, полулежа на фоне моря и голубых гор. Пять поэтов «соревновались» в написании моего «поэтического портрета». Лучшим из этих портретов

оказалось стихотворение Алексея Николаевича, которое под названием «Портрет гр. С.И. Толстой» вошло в посвященную мне <...> книгу стихов «За синими реками», выпущенную в 1911 году издательством «Гриф»» (Воспоминания об А.Н. Толстом. Сборник. Изд. 2-ое, дополненное. М., 1982. С. 62-63). Помимо упомянутого ст-ния А.Н. Толстого («Твое лицо над водами ясней...») результатом этого «конкурса» было ст-ние Волошина «Концом иглы на мягком воске...» (опубликовано в его книге «Стихотворения» (М., 1910)) и ст-ние Дмитриевой «Портрет графини С. Толстой» («Она задумалась. За парусом фелуки...» (см.: Черубина де Габриак. Исповедь... С. 61-62). Ст-ние Гумилева, к сожалению, осталось неизвестным. «Пятым» поэтом, по всей видимости, была Поликсена Сергеевна Соловьева (1867-1924, псевдоним Allegro), тоже отдыхавшая в Коктебеле. Любопытно, что вернувшись в Петербург, Гумилев еще раз предпринял попытку «стихотворного портрета», попросив Н.С. Войтинскую «позировать» ему (см. с. 456 т. I наст. изд.). Стр. 10-11. — Неточность гумилевских рифм состоит в чередовании: полудней — будней — трудный — судный: в строгой форме сонета требуется построение обоих катренов на одинаковых рифмах. К маю 1909 г. Волошин в разных изданиях опубликовал 8 сонетов, как правило, с изысканным использованием редких рифм. «Развращающая» неточность наблюдается прежде всего лишь в несовпадениях опорного согласного в открытых мужских рифмах (каймой — стеной — волной — глубиной («Равнина вод колышется широко»); водой — мглой — бедой — вой («Запал багровый день. Над тусклою водой»)). В сонете «Здесь был священный лес. Божественный гонец...» встречается малозаметная замена безударного гласного в чередовании женских рифм (прогалин — развалин — печален — ужален). Своего рода исключение составляет стихотворение «Как Млечный Путь, любовь твоя...», в котором, при соблюдении фонетической точности рифм, разительно меняется последовательность охватной рифмовки двух катренов (абба бааб). Стр. 12-13. — Гумилев выехал 25 мая. В письме Дмитриевой к Волошину от 13 мая она сообщила: «Если достану билеты, то выеду 24-го в воскресенье; в первый день, когда могу. <...> В Москве ко мне, м<ожет> б<ыть>, присоединится Гумилев, если ему не очень дешево в III кл.<ассе> Но я бы лучше хотела ехать одна. Хочется видеть Вас, милый Макс». 22 мая она уточняла: «уже взяты билеты и вот как все будет: 25 мая, в понедельник, мы с Гумилевым едем, с нами Майя и ее отец. В Москве мы останемся до 27-го вечера, а потом уже с Марго едем дальше, по моим расчетам мы приедем в субботу в 7 ч. утра в Феодосию, п<отому> ч<то> едем в III кл. <...> Гум<илев> напросился, я не звала его, но т<ак> к<ак> мне нездоровится, то пусть. Уже больше писем не будет, а будет Коктебель. Я Вас оч<ень> хочу видеть и оч<ень> люблю». С небрежным отзывом о Гумилеве в письмах к Волошину ср. «исповедальные» воспоминания Дмитриевой: «Все путешествие туда я помню, как дымно-розовый закат, и мы вместе у окна вагона. Я звала его «Гумми», не любила имени «Николай», — а он меня, как зовут дома, «Лиля» — «имя, похожее на серебристый колокольчик», как говорил он» (Черубина де Габриак. Исповедь. М., 1999. С. 274)). Сохранилось и майское письмо к Волошину спутницы Дмитриевой «Марго» — М.К. Грюнвальд:

«...Ревную Вас и Нелли (Дмитриеву — *Ред.*), но кого к кому не понимаю <...> Я еду 26-ого или 27-ого с Нелли и вероятно с изысканным жирафом. Вы уже слышали, что Артамоша (А.Н. Толстой — *Ред.*) про него рассказал:

Косясь на дуло пистолета
Считает медленно шаги,
Ах, ямбы вечные враги
Для долговязого поэта»

(цит. по: Неизд 1986. С. 288). 14 июня, через две недели после приезда Гумилева, Волошин записал в своем дневнике: «Дни глубокого напряжения. Первые дни после приезда Толстых, а неделю спустя — Лили с Гумилевым — было радостно и беззаботно. Мы с Лилей, встретясь, целовались» (Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 293). Согласно записям П.Н. Лукницкого: «Николай Степанович большую часть времени проводил один или с Дмитриевой. Месяц отдыха — купания, прогулки в горы, в болгарскую деревню, где пили турецкий кофе, катание на лодках, литературные беседы. Гумилев с Дмитриевой много говорили о Виньи, которого Гумилев читал в это время (влияние Виньи сказалось на «Капитанах»). Вместе с Дмитриевой читал Бодлера. Говорил с ней о Вячеславе Иванове, о Брюсове... Вечерами все собирались в мастерской Волошина...» (Жизнь поэта. С. 88). О забавах этих первых коктебельских дней — «игре большой китоврасья» и других «дерзких ухищрениях», — шутливо написал А.Н. Толстой:

...Как Макс-кентавр, я змея,
Катались в облаке камений.
Как сдернул Гумилев носки
И бегал журавльем уныло,
Как женщин в хладные пески
Мы зарывали... Было мило...

(см.: Неизд. 1986. С. 194-195). О «последующих днях», когда Гумилев по поведению Дмитриевой понял, что «приехал напрасно», Толстой лаконично рассказал уже в своей мемуарной прозе: «Гумилев с иронией встретил любовную неудачу: в продолжении недели он занимался ловлей тарантулов. Его карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Он устраивал бои тарантулов. К нему было страшно подойти. Затем он заперся у себя в чердачной комнате дачи и написал замечательную, столь прославленную впоследствии поэму «Капитаны». После этого он выпустил пауков и уехал» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 40). Стр. 14-15. — Сергей Сергеевич Позняков (1889-1945?) — литератор-дилетант и интимный друг М.А. Кузмина в 1908 — начале 1909 г. Кузмин посвятил ему повесть «Нежный Иосиф», цикл «Венок весен» и три сонета-акростиха (см. Кузмин М. Стихотворения. СПб, 1996. С. 140, 707). В письме из

Окуловки от 8 мая 1909 г. Кузмин сообщил Вяч. И. Иванову: «Вернулся к благочестию и опять влюбился в старину. Скучаю только тем, что ни от кого не получаю писем, но это вовсе не значит, что человека забыли. Но в малодушные минуты несколько горьковато, от молитвы получишь силы. Теперь я могу Вам сказать, что с С<ергеем> С<ергеевичем> у меня все кончено. Я не буду винить его; я сам виноват, меря его не его меркой. На его мерку я не мог и не хотел соглашаться, моя же мерка ему показалась тяжела и неудобоносима» (цит. по: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. ... С. 624). Стр. 15. — Во второй половине мая П.П. Потемкин уехал в Ригу к отцу (НП. С. 62), куда Гумилев писал к нему в начале июня. Об издании № 1 «Острова» см. №№ 60, 63 наст. тома и комментарии к ним. В этом номере были опубликованы ст-ния Волошина «Вещий крик осеннего ветра в поле...» и «Священных стран...». Стр. 16-17. — Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (1850-1923) — мать М. А. Волошина. Стр. 22-35. — № 139 (I). Стр. 35. — Ассуры — демоны индийской мифологии, противостоящие богам (см. с. 445 т. I наст. изд.); однако в сонете Волошина, возможно имелись в виду и «Азуры теософии — духи тьмы...» (см.: Волошин М. Собрание сочинений. Т. I. ... С. 467).

67. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.

Автограф. — РГАЛИ. Ф. 5. Оп.2..Ед. хр. 2.

Дат.: 23 мая 1909 г. — по датировке Р.Д. Тименчика (НП. С. 55).

По указанию Р.Д. Тименчика: «Период наибольшего общения Гумилева и С. А. Ауслендера относится к весне 1909 г. 17 мая 1909 г. был написан рассказ Ауслендера «Филимонов день». Ближайшая суббота приходилась на 23 мая, а на следующей неделе Гумилев уезжал из Петербурга в Крым» (НП. С. 55). О восприятии Гумилевым прозы Ауслендера (и в том числе — данного рассказа) см. № 53 (VII) и комментарии к нему.

68. При жизни не публиковалось. **Печ. по: De visu. 1 / 2 (14). 1994.**

De visu. 1 / 2 (14). 1994 (публ. О.В.Червинской).

Автограф — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Киева. Фонд А.Н.Игнатьева.

Дат.: Июнь 1909 г. — по времени пребывания Гумилева в Коктебеле (см.: Соч III. С. 361).

Андрей Андреевич Горенко (1887-1920) второй из шести детей семьи Горенко (Инна, Андрей, Анна, Ирина, Ия, Виктор). Как неоднократно говорила впоследствии Ахматова, с братом Андреем она всегда была особенно близка: они «горячо любили» друг друга, их связывала «самая интимная дружба» (Лукницкий П.Н. Acumiana.

Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 293). По утверждению школьной подруги Ахматовой В.С. Срезневской влюбленный Гумилев в 1904 г. «специально познакомился с Аниным старшим братом Андреем, чтобы проникнуть в их довольно замкнутый дом» (Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 7)). Отношения Гумилева с Андреем Горенко были, действительно, всегда неминуемо сопряжены со сложными перипетиями взаимоотношений поэта с Анной Андреевной. Тем не менее, с самим Андреем у Гумилева завязалась настоящая дружба. Ахматова рассказывала П.Н. Лукницкому, что Гумилев считал ее брата «единственным чутким, культурным, превосходно классически образованным человеком на фоне царскосельской молодежи — грубой, невежественной и снобистской. Андрей Андреевич Горенко превосходно знал античную поэзию, латинский язык. Он понимал стихи модернистов и был одним из немногих слушателей стихов Н.Г.» (Жизнь поэта. С. 33). Помимо личного общения в Царском Селе, а затем в Крыму, Киеве и Париже Гумнлев и Андрей Горенко вели достаточно регулярную (хотя, как свидетельствует данное письмо, не непрерывную) переписку, длившуюся, вероятно, с лета 1905 г по меньшей мере до ноября 1909 г. или до женитьбы Гумилева в апреле 1910 г. Были отдельные письма и впоследствии: так, например, в письме Ахматовой от 1 октября 1916 г. (см. № 152 наст. тома) Гумилев попросил поблагодарить Андрея за его письмо. К сожалению, эту переписку, по всей вероятности, нужно считать утраченной.

С Анной Горенко Гумилев познакомился, как известно, 24 декабря 1903 г., и сразу же увлекся ей. Однако в первые месяцы знакомства они встречались редко — вплоть до пасхального бала у Гумилевых 28 марта 1904 г. (первое появление будущей невестки в семье поэта), после которого их общение стало более интенсивным. Тем не менее Гумилев не был «вхож» в дом Горенко вплоть до осени 1904 г., когда «в Павловске на концерте в присутствии Полякова» (см. Труды и дни. С. 160) состоялось его знакомство с Андреем, быстро перешедшее в дружбу. С этого времени, они постоянно и часто бывали друг у друга; Гумилев познакомил Андрея и Анну с Д.И. Коковцевым (см. комментарии к № 2 наст. тома), в доме которого они иногда собирались вместе. По-видимому, Гумилев виделся с Андреем (а иногда и с Анной) и у фон Штейнов и Кривичей (см. комментарии к № 5 наст. тома). Андрей, ставший одним из первых слушателей поэта («слышал из уст автора стихотворения «Смерти», «Огонь», стихи «Пути конквистадоров», относящиеся к Анне Горенко, «Русалку» и поэмы»), «обсуждал с Гумилевым не только его произведения, ио и современную поэзию, публиковавшуюся в журнале «Весы» и издательстве «Скорпион» (Жизнь поэта. С. 33-34). Впрочем, их сближали ие только литературные интересы. Андрей Горенко был «конфидентом» юного Гумилева; о степени их дружеской близости в это время говорит хотя бы то, что именио Андрея Гумилев приглашает секундантом на дуэль на рапирах с Куртом Вульфиусом (эта «гимназическая» дуэль поэта не состоялась из-за вмешательства старшего брата поэта и, по всей вероятности, администрации Николаевской гимназии). Эпизод с дуэлью, произошедший в первый день Пасхи 1905 года, совпал с

куда более драматическим для друзей испытанием — во время тех же пасхальных праздников произошла ссора между Гумилевым и Анной Горенко, повлекшая за собой длительный (годовой) разрыв отношений. Но Андрей продолжал видится с Гумилевым, а после отъезда семейства Горенко из Царского Села в августе 1905 г. между друзьями завязалась переписка. Андрею (но не Анне!) Гумилев поздней осенью 1905 г. послал в Евпаторию экземпляр только что вышедшей книги ПК. В июне следующего года Андрей приезжал в Царское Село и виделся с поэтом перед отъездом того в Париж — Гумилев прочитал ему «новое стихотворение» — «Крест» (см.: Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 265). Гумилев продолжал писать Андрею из Парижа, и, вероятно, из его ответов получал какую-то информацию и о жизни Анны. Можно также предположить, что знаменитое «совершенно случайное» письмо Ахматовой в Париж осенью 1906 года, которое стало отправной точкой для нового этапа их длительного и сложного «романа» было, по крайней мере, косвенно инспирировано постоянным эпистолярным общением с поэтом старшего брата. Во время «рокового» визита Гумилева к Горенко на севастопольскую дачу летом 1907 г., он, помимо прочего, уговорил Андрея поступить в Сорбонну. То, что сестра вторично отвергла Гумилева и севастопольская встреча, обещавшая изначально стать «окончательной помолвкой», завершилась еще более скандальным разрывом, чем в 1905 г., Андрея не смутило — с 5 сентября 1907 года, как писала Ахматова фон Штейну, он числился сорбоннским студентом (см.: Новый мир. С. 206) и жил в Париже в одной комнате с Гумилевым на rue Bara. Приезд Андрея Горенко «способствовал перемене настроений» Гумилева, рассеяв его «мрачное отчаянье» предыдущих двух месяцев: поэт «занялся устройством своих литературных дел в России», стал расширять круг парижских знакомств (см.: Степанов Е.Е. Хроника // Соч III. С. 354). Но «перемена» была недолговечной: после октябрьской поездки в Россию и новой неудачной встречи с Ахматовой (см. комментарии к № 23 наст. тома) Гумилев, несмотря на дружескую поддержку Андрея, вновь переживает душевный кризис и, по-видимому, совершает попытку самоубийства, о которой он впоследствии рассказывал А.Н. Толстому (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 38). А в декабре 1907 года Андрей Горенко возвращается в России — обучение в Париже оказалось ему не по средствам.

Хотя настоящее письмо свидетельствует о временной размолвке Гумилева с Андреем Горенко, их письменное общение безусловно продолжались всю первую половину 1910-х гг. В это время, перед мировой войной, Андрей Андреевич Горенко был, по словам Ахматовой, «очень болезненным», но и «очень много ездил — был в Греции и в других местах за границей» (Луницкий П.Н. Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926-1927. Париж-Москва, 1997). В начале 1915 г. он неделю гостил у Гумилевых в Царском Селе, а последний раз Гумилев виделся с ним 8 июля 1916 г., снова на даче Шмидта под Севастополем, куда поэт, прошедший курс лечения в военном санатории в Массандре, заехал по пути в Иваново-Вознесенск (там Гумилев должен был встретиться с

Ахматовой, но разминулся — об этом эпизоде см.: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч.1. М., 1996. С. 91). Конец А.А. Горенко неправдоподобно трагичен: в 1920 г. его и его жену, Марию Андреевну, урожденную Змунчилло (она была двоюродной сестрой Андрея по матери) постигло несчастье — смерть единственной маленькой дочери. Родители не перенесли этот удар: Андрей Андреевич и Мария Андреевна отравились морфием. Андрей Андреевич умер, а его жену удалось спасти, причем оказалось, что она была беременна: она родила сына, которого назвала Андреем (в двадцатые годы вместе с сыном она эмигрировала в Грецию, жила в Афинах, а в 1965 г. племянник Ахматовой, которого как и отца звали Андреем Андреевичем Горенко, специально приезжал из Швейцарии в Лондон повидать тетку, которой вручили оксфордскую мантию honoris causa — см.: Хэйт

О смерти Андрея Горенко Гумилев узнал во время своей последней поездки в Крым в июне 1921 г., за несколько недель до собственной трагической гибели: «В Севастополе, в 10-х числах июня, случайная встреча с Ией Андреевной Горенко, и на следующий день — визит к семье И.Э.Горенко. Сообщил им о своей женитьбе на А.Н. Энгельгардт, о том, что А.А. Ахматова вышла замуж за В.К. Шилейко, узнал от них о смерти Андрея Андреевича Горенко» (Труды и дни. С. 322). Вернувшись в Петроград, Гумилев пришел с печальным известием к бывшей жене. Это было их последнее свидание: именно тогда она, как многократно потом вспоминала, вывела его по темной, винтовой лестнице и сказала на прощание: «По такой лестнице только на казнь ходить...» (см.: Acumiana... Т.1. С. 161-162, 165-166, 269). Шесть лет спустя Ахматова получила письмо от матери с копией предсмертного письма брата Андрея: «о тяжестях жизни, об имении Литки (имение М.А. Змунчиллы-Горенко — *Ред.*) — отдает свое Инне Эразмовне, незамужней сестре АА и «Ане, если она в этом будет нуждаться»» (Acumiana... Т.2. С. 268).

Стр. 3-5. — Какой «план» имеет в виду Гумилев, и в чем была причина его размолвки с Андреем Горенко неизвестно. О.В. Червинская связывает их временное расхождение с разрывом Гумилева с Ахматовой в апреле 1908 г., когда те вернули друг другу все подарки и письма, и «решили больше не переписываться и не встречаться» (De Visu... С. 66). Однако, следует учесть, что и после этого эпизода Гумилев в 1908 г. виделся с Ахматовой: в августе в Петербурге, и в сентябре-ноябре в Киеве, по пути в Египет и обратно, осенью 1908 г. (см. комментарий к № 47, 48 наст. тома). В ноябре же 1908 г., на обратном пути в Петербург, между ними опять произошел ««полный» разрыв и прекращение переписки», — которая снова возобновилась в январе или феврале 1909 г., с присылки Гумилевым письма, к которому он приложил ст-ние «Орел» (Степанов Е.Е. Н. Гумилев. Хроника // Соч III. С. 358). Согласно записям П.Н. Лукницкого, переписка Гумилева с Андреем Горенко продолжалась по крайней мере до возвращения Гумилева из Египта в ноябре (Труды и дни. С. 187). Стр. 6-7. — Покинув Коктебель — и Волошина с Дмитриевой (см. комментарий к № 66 наст. тома) — в первых числах июля 1909 г., Гумилев отправился морем в Одессу,

и, действительно, заехал на несколько дней в Люстдорф (у Гумилева —Лустдорф, ныне — Черноморка Одесской области) где к тому времени проводили лето Горенко. Известно, что во время этой встречи он звал Ахматову в африканское путешествие; но «ему было отказано не только в этом, но и в надеждах на руку и сердце» (Тименчик Р.Д. «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 248). К пребыванию Гумилева в Люстдорфе относится воспоминание И. Э. Горенко, о том, как «АА провожала Николая Степановича в Одессу в трамвае или в конке. [Инна Эразмовна] говорит, что в вагоне с ними ехала Мария Федоровна Вальцер — крестная мать АА, которая слышала, как Николай Степанович по-французски пикировался с АА, причем АА молчала. Николай Степанович казался очень недовольным, печальным и удрученным. АА замечает, что, вероятно, она видела М.Ф. Вальцер, и поэтому ничего не возражала Николаю Степановичу (Acumiana... Т.2.). Ахматова также рассказывала Лукницкому об этом эпизоде: «В 1909 г. АА, провожая Николая Степановича, ездила с ним из <Люстдорфа> в Одессу (на трамвае). Николай Степанович все спрашивал ее, любит ли она его? АА ответила: «Не люблю, но считаю Вас выдающимся человеком...» Николай Степанович улыбнулся и спросил: «Как Будда или как Магомет?»» (Acumiana... Т. 1. С. 189). К 9 июля 1909 г. Гумилев вернулся в Царское Село (см.: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 151), а осенью, по-видимому, написал то письмо, которое, по словам Ахматовой, «убедило» ее согласиться стать женой поэта: «Я запомнила только одну фразу: «Я понял, что в мире меня интересует только то, что имеет отношение к вам...» Это почему-то казалось мне убедительным» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 275; см. также комментарий к № 71 наст. тома). Стр. 12-14. — «108 строк» имеет поэма «Сон Адама» (№ 161 (I)), которую Гумилев читал на киевском вечер «Острова искусств» в ноябре 1909 г. (датировка в т. I наст. издания основывается на этом факте). Можно предположить, что Гумилев имел в виду как раз «Сон Адама», сообщая, вернувшись из крымской поездки в конце августа 1909 г, что он имеет «новую вещь для прочтенья» на вечере, на который он пригласил И.Ф. Анненского и Вяч. И. Иванова (см. № 70 наст. тома и комментарий к нему), однако это противоречит упоминанию об уже имевшем место «одобрении» поэмы не только двумя «петербургскими» мэтрами, но и Брюсовым (с которым Гумилев виделся в Москве по путь в Крым в конце мая 1909 г. (см. № 65 наст. тома н комментарий к нему). Так что «Сон Адама» (по крайней мере, вчерне) был написан в апреле-мае 1909 г. Впрочем, с пребыванием Гумилева в Коктебеле Е.И. Дмитриева связывает и создание «Капитанов» (если этот цикл можно назвать «поэмой») и некий безымянный, недошедший до нас текст, четыре строчки из которого она привела по памяти П.Н. Лукницкому в 1925 г. (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 60; Жизнь поэта. С. 92). Что же касается «Сна Адама», то поэма Ахматовой не понравилась: «Что-то такое Виньи... он очень увлекался Виньн... Я считала, что это очень скучно» (СП (Тб). С. 476).

69. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) — - Полушин.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед.хр. 28.
Дат.: 4 августа 1909 г. — по почтовому штемпелю.

Почтовая открытка, адресованная: «Киев. Типография «Петр Барский». Крещатик 40. Федору Михайловичу Самоненко» (адрес написан не рукой Гумилева). Штемпель почтового отделения Царского Села — 04.08.09. Второй штемпель неразличим.

Федор Михайлович Самоненко был редактором-издателем популярного киевского периодического издания «Чтец-декламатор» (1908-1914). Четвертый том, в котором появились стихи Гумилева (и который был отрецензирован им — см. № 59 (VII) и комментарии к нему), имел подзаголовок «Антология современной поэзии» и вышел в октябре 1909 г. под совместной редакцией Самоненко и киевского поэта и переводчика Владимира Юрьевича Эльснера. Именно В.Ю. Эльснер, познакомившись с П.П. Потемкиным летом 1908 г., привлек к участию в «Антологии» молодых петербургских модернистов из тогдашнего окружения Гумилева (см.: Тименчик Р.Д. «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 248-249, а также письмо Потемкина к Эльснеру в комментариях к № 8 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. С Гумилевым Эльснер встречался в Киеве в ноябре 1909 г., и был шафером на его свадьбе в апреле 1910 г.). По мнению Г.П. Струве, настоящее письмо было связано с тем, что Самоненко занимался распространением в Киеве журнала «Остров» (Неизд 1980. С. 201). Однако «Остров» распространялся через книжные магазины М.О. Вольфа (см.: Гумилевские чтения. Wien, 1984. С. 140), и можно скорее предположить, что номер журнала был затребован киевлянами для подготовки «Антологии современной поэзии». Весьма вероятно, что данное письмо было также связано с недавней присылкой Гумилевым его собственных материалов к предстоящей «Антологии»: летом 1909 г. А.Н. Толстой тоже послал Самоненко формально-деловое письмо, — очевидно, в ответ на его просьбу — в котором мотивировал решение не прислать ему уже опубликованные в книге 1907 г. произведения, и перечислял те новые стихи, которые «желал бы видеть напечатанными в <...> «Антологии»; к письму Толстой приложил краткие биографические сведения о себе, Ю.Н. Верховском и А.М. Ремизове и фотокарточки — свою и П. Потемкина (см.: Переписка А.Н. Толстого. 2 тт. Т. I. М., 1989. С. 156-158).

Стр. 3-5. — В № 1 «Острова» адресом редакции журнала был указан петербургский адрес А.Н. Толстого (Глазовская ул., 15—18), но уже на ряде экземпляров первого номера появилась наклейка, указывающая другой адрес: «РЕДАКЦИЯ: Царское Село, Бульварная ул., дом Георгиевского, Н.С. Гумилев...». Хотя предварительная работа над журналом и проводилась на квартирах Толстого и Потемкина (см.: Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г.Терехова // Исследования и материалы. С. 320), ко времени выхода первого номера Гумилев

уже взял на себя главные административно-издательские функции. Об этом свидетельствует, к примеру, история конфликта с Котылевым (см. комментарии к № 64 наст. тома); см. также письмо Ремизова В.Ф. Ходасевичу от 15 марта («тут у нас будет журнал поэтов <...> Вести его будут <...> Потемкин, Гумилев, и гр. А. Толстой») и 31 мая 1909 г.: «хочу поскорее известить Вас о «Острове». Вас очень ценят и Гумилев и Потемкин. Гумилев у них главный. Ему и стихи надо послать и <о> № 1 «Острова» написать. Гумилев сейчас же Вам ответит...» (Второй номер журнала «Остров»... С. 324). Стр. 6-7. — Второй номер «Острова» воспроизведен в публикации А.Г. Терехова (Исследования и материалы. С. 326-346). На этом номере издание прекратилось, хотя в октябре 1909 г, как отмечают Р.Д. Тименчик и Р.Л. Щербаков, «в печати <...> появлялись сообщения о том, что «основанный весною молодыми поэтами журнал «Остров» переходит в редактирование от Н. Гумилева к П. Потемкину» (ЛН. С. 493).

70. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.

Автограф. — РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 316.

Дат.: До 30 августа 1909 г. — по датировке М. Баскера и Ш. Греем (Неизд 1986. С. 250).

Стр. 3-4. — Речь идет о воскресенье 30 августа 1909 г. — когда все приглашенные Гумилевым писатели, не сговариваясь, манкировали визит. См. письмо Анненского С.К. Маковскому от 31 августа 1909 г.: «Жалею, что вы больны. Я и сам расклеился и несколько дней не буду выезжать. <...> Гумилеву мы бедному вчера все faux bond сделали (подвели — *Ред.*) — и Вы, и я, и Вяч.<еслав> Ив<анович>. Вышло уже что-то вроде бойкота. Если бы я получил Вашу телеграмму до отправки своей, то, пожалуй, и потащился бы к нему есть le veau gras (je l'execre... le veau) и больной» (Анненский И.Ф. Письма к С.К. Маковскому. Публ. А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 236). Вторая французская фраза (в буквальном переводе — <есть> «жирную телятину (я чувствую отвращение... к телятине)») восходит к Евангельской притче о Блудном сыне и имеет переносный смысл «радостной и долгожданной встречи», «пира, заданного в честь кого-либо». По мнению публикаторов письма, эта фраза «в какой-то мере отражает отношение к Гумилеву Анненского и других «старших» «аполлоновцев»» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976... С. 237); но, скорее всего, она должна быть воспринята, как выражение скромности самого Анненского, не пожелавшего «потащиться» на званый прием, устроенный в свою честь. Стр. 4-5. — О причинах «бойкота» Гумилева со стороны Кузмина и Вяч. И. Иванова см. дневниковую запись Кузмина от 29 августа 1909 г. («Всего ломает, дремлется, озноб <...> Ко мне пришли Вал<ечка> и Потемкин. <...> вышли к Вяч<еславу>, где еще пели; мне очень нездоровится <...> Легли очень поздно. Завтра в Царское не поеду. Собираемся на Островского и, может

быть, на балет» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 162-163)), — и дневниковые записи Иванова от 24 августа («...Судейкин, Гумилев, С. Маковский. Первый просит прочесть перевод жены; второй зовет в Ц.<арское> Село в воскресенье; последний — все об Аполлоне, аполлонийстве, аполлонийцах журнала») и 30 августа 1909 г. («...Вчера послал телеграфные извинения в Царское, чтобы не ждали к обеду. Читаю, как и вчера, с Кузминым перевод Принцессы Малэны Судейкиной» (Иванов В. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель, 1974. С. 795, 797)). В следующий четверг, 3 сентября, Кузмин отметил: «Никуда не выходил. Приехал Гумилев, слегка надутый и кислый...» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 163). Стр. 7-8. — В свете № 68 наст. тома следует признать маловероятным предположение, высказанное в свое время А.В. Лавровым и Р.Д. Тименчиком, что подразумевается здесь поэма «Сон Адама» (см.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976... С. 237). Возможно, что под «новую вещь» Гумилев мог иметь в виду созданный в Коктебеле цикл «Капитаны», вошедший в скором времени в № 1 «Аполлона».

71. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Автограф — РГБ. Ф. 109.17.33.
Дат.: 20-е числа октября 1909 г. — по содержанию письма.

Оригинал письма написан на бланке журнала «Аполлон» (оттиск: «Ежемесячник «Аполлон». 190... С-Петербург, Мойка, 24. Кв.6. Тел. 109-12»). Письмо вложено в фирменный конверт журнала без штемпеля и марок (вручено нарочным).

Замятнина Мария Михайловна (1865 — 1919) — подруга второй жены Вяч. И. Иванова Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, до 1901 г. — библиотекарь Высших женских курсов, потом — домоправительница и секретарь Вяч. Иванова. «Замятнина была старая девушка, вложившая все свое любовное и материнское чувство в семейство Ивановых, — писал М.А. Кузмин. — <...> Она не только вела хозяйство, следила за детьми, правила корректуры, подготовляла рукописи, репетировала с Лидочкой, но чуть ли не готовилась к лекциям, которые должен был читать Вяч.<еслав> Ив.<анович>. И самопожертвование, и требовательность, и смирение, и обидчивость, и благодарность за малейшее внимание — все соединялось в образ <...> мироносицы» (Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 106). Ей посвящено шесть стихотворений Иванова (в сборниках «Кормчие звезды» (2 ст-ния), «Cor Ardens» (3 ст-ния); ст-ние 1917 г. «Из сонного Сочи»). М.М. Замятнина оказала большую поддержку Иванову в труднейший для поэта период после смерти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и его третьей женитьбы на падчерице, В.К. Шварсалон. В мае 1912 г. Замятнина уехала с Ивановыми за границу, по возвращении в Россию (август 1913 г.) поселилась с ними в Москве, где и умерла в Москве от сыпного тифа 7 апреля 1919 г.

У Замятниной были достаточно теплые отношения с Гумилевым в течение 1909 г., когда он стал частым посетителем ивановской «башни». 10 июля 1909 г. она даже гостила в Царском Селе вместе с младшей дочерью Иванова Лидией и

Кузминым («Провели мирно время, гуляли по парку, кат<аясь> по пруду, читая стихи, болтая» — см.: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 151)). Гумилев часто виделся с М.М. Замятиной на башне (где в то время также проживал Кузмин) и на заседаниях «Общества ревнителей художественного слова», упоминал о ней в декабрьских письмах 1909 г. по дороге в Абиссинию, и послал ей тогда же по крайней мере одно (несохранившееся) письмо в первой половине декабря 1909 г. (см. упоминание об этом в стр. 26 № 77 наст. тома). В письме к В.К. Шварсалон от 16 июня 1910 г. Замятнина описала дебют Ахматовой на «башне»: «В воскр<есенье> вечером были Гумилев с Гумильвицей (острота Юрия Ник<андровича> (Верховского — *Ред.*)), они на днях вернулись из Парижа. Она пишет стихи немножко под Гумилева по неизбежности, а старается писать под Кузмина. <...> Вячеслав очень сурово прослушал ее стихи, одобрил несколько одно, об остальн.<ых> промолчал, одно раскритиковал <...> Гумилев б.<ыл> несколько менее чопорный. У него есть хорошие стихи» (см.: Суперфин Г.Г., Тименчик Р.Д. Письма А.А. Ахматовой к В.Я. Брюсову // Cahiers du Monde russe et soviétique. XV/1-2. 1974. P. 191). Впрочем, с начала 1910 г, в связи постепенным расхождением с Вяч. И. Ивановым, общение Гумилева с Замятниной стало редким.

В записке идет речь о редактировании «протоколов» Замятниной, которые она вела во время заседаний «Академии стиха» весной 1909 г., когда Вяч. И. Иванов выступал с лекциями по теории стиха (под «прошлогодними лекциями» Гумилев имеет в виду «лекции, прочитанные в прошлый — 1908/1909 гг. — сезон»). Эти «протоколы» требовали переработки, ибо записи Замяниной были «крайне неразборчивые и невразумительные», ибо «предмет она понимала плохо и, как непривычный студент, конспектирующий лекцию, сплошь и рядом записывала не то, что важнее, а то, что легче улавливается» (см.: Гаспаров М.Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 90). Между тем, уже в сентябре 1909 года участники «Академии...» активно обсуждали вопрос об ее продолжении и «расширении»: помимо Вяч. И. Иванова в качестве «лекторов» планировалось участие И.Ф. Анненского и В.Я. Брюсова (в отношении последнего эти планы остались неосуществленными). В октябре, как отмечено в дневниках М.А. Кузмина (записи от 18, 19 октября 1909 г.) Гумилев и Иванов имели продолжительные беседы о дальнейшей работе «Академии Стиха», а 21 октября 1909 г. состоялось заседание, открывшее «второй сезон» ее работы (см.: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 178). Неизвестно, когда именно возникла идея «восстановления текста прошлогодних лекций», о которой идет речь в настоящем письме (не исключено, что она предварительно обсуждалась еще летом, во время визита Замятниной к Гумилеву в Царское Село), однако собственно ее реализация приходится на это «страдное» для участников «Академии...» время. Для содействия в «восстановлении» лекций Иванова по конспектам Замятниной Гумилев предполагал привлечь троих из постоянных слушателей «Академии...»: литератора и режиссера Бориса Сергеевича Мосолова (1888 — 1941), который учился в это время на романо-германском отделении Петербургского университета и ранее

участвовал в «Кружке молодых» (см. комментарий к № 54 наст. тома) поэта и литературоведа Владимира Николаевича Ивойлова (1883-1942, псевдоним — В. Княжнин) и Е.И. Дмитриеву, вернувшуюся к этому времени вместе с Волошиным из Коктебеля (см. комментарий к № 66 наст. тома). Как и Гумилев, Ивойлов и Дмитриева присутствовали на всех «запротоколированных» лекциях 1909 г. а Мосолов пропустил только одно заседание (см.: Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 91-104). В дневнике М.А. Кузмина имеется записи, что Гумилев, Мосолов и Дмитриева, действительно, собрались на «башне» «в субботу» 24 октября 1909 г., затем они втроем «работали» во вторник 27-го и субботу 31-го октября (Ивойлов нигде не упоминается, вероятно, он «взял самоотвод»). Согласно записям Кузмина совместные «занятия» Гумилева, Мосолова и Дмитриевой, иногда вдвоем, иногда втроем, продолжались всю первую половину ноября (см. записи от 3, 6, 10, 11 ноября), но затем грянул скандал, связанный с разоблачением «Черубины де Габриак» (см. комментарий к № 66) и «триумвират», естественно, распался. 17 ноября Кузмин многозначительно отметил: «Дома еще был Гумми и Бородаевский, вскоре явился и Мосолов, но не Дмитриева, которая была крайне расстроена сообщением <Гюнтера>» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 186).

На основе воспоминаний В. Пяста, можно, однако, предположить, что работа по восстановлению лекций была все-таки доведена до конца Б.С. Мосоловым. В передаче Пяста (не упоминавшего в этой связи Гумилева или Дмитриееву), «Мария Михайловна Замятнина, интересуясь решительно всем в полной мере молодо, живо и понятливо, — несмотря на свои хозяйственные заботы, ставшие более тяжелыми после смерти хозяйки дома, помогала Б.С. Мосолову в составлении лекционных записей», и в результате «лекции «Про-Академии», *записанные целиком Б.С. Мосоловым*, составили бы превосходное введение в энциклопедию русского стиха...» (см.: Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 100-101). Эти, увы, затерянные ныне записи, возможно оставшиеся где-то в бумагах Мосолова, и явились по всей вероятности конечным плодом инициативы, о которой идет речь в письме Гумилева.

72. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Автограф — РГБ. Ф. 109.17.33.
Дат.: 14 ноября 1909 г. — по содержанию письма.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Ея Высокородию Марье Михайловне Замятниной. Таврическая, 25, кв. Иванова». Штемпеля и марок нет (вручено нарочным).

Письмо написано в самый разгар финала «черубинианы» и относится по содержанию к 10-ым числам ноября 1909 г (см. ниже). Хронология событий, сохраненная в дневниковых записях М.А. Кузмина следующая. 11 ноября Гумилев был на башне, где переводчик И. фон Гюнтер «выдал, что de Габриак — не более как Дмитриева, и еще разные разоблачения» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 184). Через четыре дня после этого, 15 ноября, Кузмин отметил в своем дневнике, что «Гумми пропал куда-то» (Там же. С. 186); но 16 и 17 ноября

Гумилев снова появился у Иванова, а 18-го, после драматического объяснения с Е.И. Дмитриевой у Брюлловых (см. комментарии к № 66 наст. тома) — «сидел сам не свой в недрах «башни»» (С. 187). 19-го произошла стычка Гумилева с Волошиным в мастерской Головина и вызов на дуэль, которая состоялась 22 ноября 1909 г. Естественно предположить, что письмо было написано во время четырехдневной «пропажи» Гумилева, т.е. между 12-15 ноября — когда он решил «не показываться» в Петербурге, — то ли в результате последнего «отказа» Дмитриевой, то ли после общения с Гюнтером, опасаясь сплетен и уже неминуемого «скандала» (см. комментарий к № 66 наст. тома). Если также учесть, что день 13 ноября был для Иванова и Кузмина «театральным», а 15 ноября М.М. Замятнина уходила с Ивановым в Литературный фонд, то письмо Гумилева, скорее всего, можно отнести к 14 ноября — субботе, уже привычному дню совместной работы по лекциям «Академии стиха» (см. комментарии к № 70 наст. тома).

Стр. 3-4. — Как и в предыдущем письме к М.М. Замятниной, речь идет о коллективной реконструкции текста весенних лекций в «Академии стиха» (именно поэтому Гумилев отправляет свой текст на поправку «комиссии» — см. комментарии к № 71 наст. тома). Возможно, к тому же, что «восстановление» лекции о рифме представляло собой особенно сложную задачу. Рифма обсуждалась на двух заседаниях «Академии стиха» — 14 и 23 апреля 1909 г., причем на первом из них выявились существенные теоретические разногласия между докладчиком — Ю.Н. Верховским и Вяч. И. Ивановым, вызванные «противоречивостью высказываний Иванова». Лекция же о рифме, прочитанная Ивановым 23 апреля, носила «технически и теоретически сложный характер» (см.: Гаспаров М.Л. Лекции Вяч.Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 91-97). Стр. 6-7 — Осенью 1909 г., готовясь к первой поездке в Абиссинию, Гумилев искал попутчиков. 9 ноября, он поговорил об этом с Ивановым в присутствии адресата настоящего письма М.М. Замятниной и М.А. Кузмина: «Гумилев уговорил Вяч.<еслава> ехать с ним, но даже убедил М.<арию> М.<ихайловну> в полезности этого. Mais il est farce (фр. — Но он же очень смешон), Вячеслав!» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 183). Намерение Иванова поехать в Абиссинию, по-видимому, получило поддержку со стороны не только Замятниной, но и падчерицы Иванова и его будущей жены В.К. Шварсалон, которая была обеспокоена состоянием поэта в «мучительное, трудное» для него время: «Ведь выход же есть один — *уехать*. Но туристами не хочу, не могу, слишком душа против этого <...> — а в Рим он сейчас не соберется — значит, он должен ехать в Абиссинию, дальше от союза и всего» (Дневниковые записи В.К. Шварсалон // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 331). 16 ноября 1909 г., как записывал Кузмин, «Гумми без конца толковал с Вяч.<еславом> о путешествии...», причем к этому времени «абиссинский» замысел у Иванова уже несколько видоизменился: «Теперь Вяч<еслав> хочет ехать в Нубию и по Нилу...» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 186). В течение следующих двух-трех недель Иванов колебался, но в конце концов, как известно, все же не поехал. 3 января

1910 г. он сообщил Брюсову: «Чуть-чуть было не уехал с Гумилевым в Африку... но был болен, оцеплен делами и — беден, очень беден деньгами» (Переписка < Брюсова> с Вячеславом Ивановым (1903 — 1923) / Предисловие и публикация С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 523). Возможно, окончательный отказ Иванова был как-то связан и со смертью И.Ф. Анненского. 2 декабря 1909 г., вернувшись из Киева, Кузмин записал: «Вяч<еслав> болен, Анненский умер на вокзале от разрыва сердца. Как неожиданно!». В день похорон, 4 декабря: «Вяч<еслав> все болен <...> Картолинку получил от Гумилева из Одессы. Жаль все-таки, что он уехал» (Кузмин М.А. Дневник... С. 191, 192). В это время Гумилев подплывал к Константинополю, ничего не зная о смерти своего «Учителя».

73. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.
Автограф. — РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2.
Дат.: 24 ноября 1909 г. — по датировке Р.Д. Тименчика (НП. С. 56).

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Его Высокородию Валентину Иннокентиевичу Анненскому». Штемпеля и марок нет (вручено нарочным).

Стр. 3-4. — Ср. дневниковую запись М.А. Кузмина от 24 ноября 1909 г. о поездке в Царское Село: «...Ехали со Зноской; он показывал письмо к Маковскому, <...> которое его будто несколько расстроило. Были Чулков, Мейерхольд, Бородаевский и Потемкин. Женя читал свою вещь, кажется, не очень понравившуюся. Потом ужинали и дивагировали. Коля поехал нас провожать, чтобы делать мне конфиденции, но я был так расстроен Женей, что не был склонен их выслушать...» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 189). Евгений Александрович Зноско-Боровский (о нем см. комментарий к № 78 наст. тома), читал на этом вечере пьесу «Крейсер «Алмаз» (Цусима). Сцены из войны» (вышла отдельной книжкой в 1910 г.). Адресат данного письма, Анненский-Кривич, Кузминым не упоминается, и можно предположить, что он на вечере не присутствовал. «Конфиденции» Гумилева, по всей видимости, касались В.К. Шварсалон (см. о ней комментарии к № 77 наст. тома). Стр. 4-5. — 27 ноября 1909 г. Гумилев выехал из Петербурга в Киев, где вместе с Кузминым, А.Н. Толстым и П.П. Потемкиным выступал на вечере «Остров искусства» 29 ноября 1909 г. После окончания вечера Гумилев пригласил учившуюся тогда на киевских Высших женских курсах А.А. Горенко в гостиницу «Европейскую» пить кофе, и получил ее «последнее и окончательное» согласие на брак (подробнее см.: Тименчик Р.Д. «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 244-253; а также Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 190-191, 655-657; Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 32-33). В следующий день, 30 ноября (день кончины И.Ф. Анненского), Гумилев отправился из Киева в Одессу, и оттуда на два месяца в Абиссинию

74. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.
Автограф. — РГБ. Ф. 109. К. 17. № 28.
Дат.: 1 декабря 1909 г. — по почтовому штемпелю.

Почтовая открытка с видом Одессы. Штемпель почтового отделения Одессы — 01.12.09.

Стр. 1. — В Одессу Гумилев приехал из Киева 1 декабря 1909 г. На следующий день он сел на пароход через Варну в Константинополь (см. ниже); перед отъездом он еще побывал в сопровождении художницы А.А. Экстер (в мастерской которой он вместе с Кузминым остановился в Киеве — см. Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 190; Тименчик Р.Д. «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 251; добавим, что ее муж, «декадентский меценат» Н.Е. Экстер финансировал издание «Чтеца-декламатора» — см. комментарии к № 69 наст. тома) на готовившейся к открытию художественной выставке «Салон», и там же, спеша «на пароход, идущий в Африку», познакомился с Д.Д. Бурлюком (см.: ЛН. С. 494). Из Одессы Гумилев также послал открытку М.А. Кузмину (см. комментарий к стр. 6-7 № 72 наст. тома).
Стр. 3-5. — Сведения о путешествии Гумилева в Абиссинию зимой 1909-1910 гг. крайне ограничены: фактически единственный источник достоверной информации представляют собой опубликованные в наст. томе письма. Из данного письма Иванову выясняется, что первоначально, как и в прошлом году, Гумилев собирался отправиться пароходом в Константинополь через турецкий порт Синоп, где он в сентябре 1908 г. застрял на 3-4 дня в карантине (см. комментарий к № 48 наст. тома). Но в этот раз — по-видимому, уточнив пароходные рейсы уже после отправления открытки, — он поехал в Константинополь «альтернативным» маршрутом через Варну. Из Одессы он отправился, действительно, «в среду» — однако, 2-ого, а не 3-го декабря, как он ошибочно писал Иванову (после бурных событий предыдущих двух недель, Гумилев путался в датах: следующий вторник был соответственно 8-ое декабря, а не 9-ое). Днем в четверг, 3-ого декабря, он прибыл в Варну, где тоже оказался карантин, однако Гумилев на несколько часов «сбежал» на берег. В полночь он отплыл в Константинополь; туда, как он и предполагал в открытке приятелям из Варны, он приехал, скорее всего, утром, в субботу 5/18 декабря (№ 76 наст. тома). Судя по той же открытке, он в тот же день сел на «румынский пароход», делавший остановку в Пирее по пути в Александрию, куда он доехал во вторник, 8/21 декабря. Вероятно, на следующий день он поехал поездом в Каир (см. №№ 76, 77 наст. тома), и провел там 5-6 дней (12/25 декабря он ездил «в пустыню на охоту»). К 16/29 декабря он перебрался поездом в Порт Саид — отправочный пункт по Суэцкому каналу и Красному морю в Джибути (24 декабря 1909 / 6 января 1910 г. — см. №№ 80, 81, 82 наст. тома), исходную точку всякого путешествия вглубь Абиссинии. Из Джибути (25 декабря 1909 г. / 7 января 1910 г.) Гумилев добрался до Дыре-Дауа и Харэра, но дальше, в Аддис-Абебу (№№ 81, 82),

не поехал (подробнее см № 83 наст. тома). Даты его обратного маршрута из Абиссинии не зафиксированы, однако П.Н. Лукницкий сообщает, что Гумилев заехал в Киев около 2 февраля 1910 г. («Ночевал у В. Эльснера. В Киеве был у Анны Андреевны Горенко»), и прибыл в Петербург и Царское Село 5 февраля (Труды и дни. С. 199; на следующий день, 6 февраля 1910 г., неожиданно скончался его отец). Если предположить, что он вернулся в Россию прямым рейсом из Джибути (см. № 83), то, должно быть, он отплыл не позже 2/15 января, и приплыл в Одессу не позже 1 февраля 1910 г. Стр. 5. — Упоминание о Триесте, по-видимому, относится непосредственно к Вяч. Иванову, который к моменту отъезда Гумилева из Петербурга, как будто бы, все еще намеревался присоединиться к нему в Африке (см. № 72 наст. тома и комментарий к нему). Иванов, должно быть, думал поехать через Триест (по давно ему знакомой дороге в Италию), и оттуда морем в Египет: Гумилев, уточняя вопрос о карантине на Черном море, указывает ему на более удобный маршрут. На настоящее письмо Иванов, очевидно, не отреагировал.

75. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84.20 .
Дат.: 3 / 16 декабря 1909 г. — авторская датировка.

Монохромная открытка с изображением фонтана городского сада г. Варны, адресованная: «Москва. ЕВБ Вал<ерию> Як<овлевичу> Брюсову. Цветной бульвар, собств<енный> д<ом>». Штемпели стерты. Авторская датировка по ст. стилю.

Стр. 3. — Предыдущее письмо Гумилева к Брюсову было более чем шестимесячной давности (11 мая 1909 г — см. № 65 наст. тома). Безусловно, столь долгое молчание объяснялось, отчасти, сближением Гумилева с Вяч. И. Ивановым и возникшим при этом охлаждением Брюсова к «изменившему» ученику (напомним, что в упомянутом майском письме Гумилев весьма сдержанно отозвался о «Всех напевах» Брюсова и восторженно — о лекциях Вяч. Иванова в Поэтической академии, а Брюсов, со своей стороны, не отвечал Гумилеву по поводу печатания его стихов, и не участвовал в «Острове»). В это же время Гумилев сблизился и с другим «учителем», И.Ф. Анненским, а также приобрел известный самостоятельный «вес» в литературных кругах в качестве участника «молодой редакции» «Аполлона». Но следует также иметь в виду, что после встречи с Гумилевым в Москве в конце мая (см. комментарий к № 13 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), Брюсов провел три месяца за границей (с середины июля по середину октября (Рига, Берлин, Прага, Швейцария, Париж, Бельгия)), а по возвращении в Москву (18 октября 1909 г.), пережил острый кризис личных отношений с Н.И. Петровской и был вовлечен в тяжелые редакционные интриги, сопровождавшие агонию умирающих «Весов». Стр. 5-8. — Как наглядно выявляется из этих строк, Гумилев в этом году, в отличие от прошлого, имел четкий план путешествия. К тому же, он в этот раз изначально не планировал длительного путешествия, рассматривал свою поездку,

скорее, как «разведку». Возможно, что он уже имел в виду точную дату возвращения, связанную с (редкими) пароходными рейсами из Джибути. Слова «о павианах и пальмах» по-своему прокомментировал В.В. Бронгулеев: «Многие, прочтя эту открытку, могут получить о поэте совершенно превратное представление. Может сложится впечатление, что он просто праздно шатающий бездельник, не знающий, чем себя занять, и поэтому бессмысленно стреляющий все, что попадается ему на глаза. Такое мнение будет глубоко ошибочным. В поэте все еще продолжалось становление «мужского начала». Он стремился сделать из себя сильную личность... <...> Отсюда и фраза о «двух, трех павианах». Вполне возможно, что по тем же причинам он был так скуп в своих письмах на какие бы то ни было лирические отступления. Он крайне опасался проявить хотя бы малейшую сентиментальность и, может быть, как раз потому, что все время подозревал в своей душе ее присутствие» (Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886-1913. М., 1995. С. 154-155). Стр. 7-8 — В сентябре 1909 г. было решено продолжить в расширенном виде весенние лекции «Академии Стиха» (см. комментарий к № 65 наст. тома). 21 сентября 1909 г, секретарь «Аполлона» Е.А. Зноско-Боровский обратился в этой связи письмом к Брюсову: «Уже в прошлые годы молодые поэты Петербурга общались на частных квартирах в особых собраниях, во время которых читались доклады, посвященные вопросам формы стиха, затем разбирались новые, ненапечатанные стихотворения, с которыми их авторы знакомили тут же собрание. С этого года эти собрания решено поставить на более прочное основание и соединить с «Аполлоном», главный редактор которого Сергей Константинович Маковский отнесся к этой идее с большим сочувствием. План этих собраний остается прежний, только будут они происходить более регулярно (предполагается — еженедельно) и, следовательно, более серьезно. И вот для чтения лекций-докладов все будущие участники собраний очень приглашают Вас, зная, что Вы в этом году намерены жить в Петербурге. <...> Кроме вас для той же цели пока приглашены гг. Вячеслав И. Иванов и Иннокентий Ф. Анненский, в числе своих слушателей вы увидите всех молодых поэтов, живущих здесь. Главным инициатором является Н.С. Гумилев» (РГБ. Ф. 386, 86.61. Л. 1; цит. по: ЛН. С. 494). 26 октября Брюсов ответил на это предложение согласием, обещав «прочесть 5-7 лекций по теории и истории русского стиха», начиная, однако, только после Рождества (см.: Переписка <Брюсова> с Вячеславом Ивановым (1903-1923) / Предисловие и публикация С.С. Гречишкина, Н.В .Котрелева и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 524). Однако 18 января 1910 г., размышляя в мрачных тонах о разладе русской литературной жизни и своем разочаровании в молодых писателях (среди них — Гумилев), которых он «первый приветствовал», Брюсов написал Вяч. Иванову: «В Петербурге у вас я не вижу никаких радующих предзнаменований. Может быть, я ошибаюсь, судя издалека. Мне кажется, что союз «Аполлона» — вполне внешний. <...> «Академия» — учреждение очень приятное, заслуживающее всяческой поддержки, полезное, но ведь оно имеет смысл только при существовании истинной жизни. Иначе ее роль — сохранять, и

бессмысленно сохранять, традиции и формы, чтобы передать их более счастливым поколениям» (Переписка < Брюсова> с Вячеславом Ивановым... С. 524-525). Лекции Брюсова не состоялись, — хотя несколько месяцев спустя, 2 июня 1910 г., он все же сообщал в письме к П.Б. Струве: «И эту Академию я могу только от всей души приветствовать и надеюсь быть ей полезным: готовлю для нее целый курс о русском стихе и о стихе вообще...» (см.: ЛН. С. 495).

В связи с упомянутым Зноско-Боровским планом более регулярных и «серьезных» собраний, «домашняя» (башенная) «Академия Стиха» было переименована в «Общество ревнителей художественного слова» (название определилось в десятых числах октября) и официально зарегистрирована под таким названием в петербургском градоначальстве: «Учредителями Общества 20 октября 1909 г. зарегистрировались <...> И. Анненский, Вяч. Иванов и С.К. Маковский. 20 ноября Правление Общества сообщило в канцелярию градоначальника свой состав: действительный статский советник И.Ф. Анненский, потомственный дворянин А.А. Блок, потомственный почетный гражданин В.Я. Брюсов, титулярный советник Е.А. Зноско-Боровский, сын титулярного советника В.И. Иванов, потомственный дворянин М.А. Кузмин, коллежский ассесор С.К. Маковский (РГИА. Спб Ф. 287. Оп. 1. Д. 148. Л. 1,4)» (ЛН. С. 494-495; после кончины Анненского на его место был кооптирован Ф.Ф.Зелинский). Заседания проводились теперь в помещении редакции «Аполлона», и начались за месяц до отъезда Гумилева, 26 октября 1909 г.: «Первые недели — по воспоминанию Вл. Пяста — прошли, чередуясь, в повторении и развитии «Про-Академического» курса Вячеслава Иванова и связанных с ним общностью подхода, как и темы, лекций Иннокентия Федоровича Анненского» (Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 105). По изложению В.Иванова в письме к Брюсову от начала января 1910 г., в котором он также утверждал «полное» отделение «Общества ревнителей...» от «Аполлона» «в смысле организации и юридически»: «Я читал в этом семестре о метафоре и символе (три вечера) и потом о внутренних формах лирики, именно о «reine Lirik» и гимне. Анненский был прерван <...> на начале серий: «Ритмы Пушкина и их судьба в нашей позднейшей лирике». Зелинский в этом полугодии прочтет о законе клаузулы в прозаическом периоде и о элегическом ритме (дистихи) в антике и у нас» (Переписка < Брюсова> с Вячеславом Ивановым... С. 523). Ср. также анонимную газетную заметку о деятельности «Общества ревнителей...» к началу февраля 1910 г.: «В этом году были прочитаны курсы: И. Анненского (прерваны его смертью), В. Иванова (О метафоре), М. Кузмина (О прозаическом стиле), Е.Аничкова (Поэтика Веселовского), Ф. Зелинского (О элегантном стиле) <...> были прочитаны и разобраны: трагедии И. Анненского; «Венок сонетов» М. Волошина; стихи А. Блока, Н. Гумилева, В. Бородаевского и друг. Ю. Верховским были прочитаны найденные им стихи Баратынского и Дельвига» (Речь. 8 февраля 1910 (№ 38)). Краткий обзор деятельности «Общества ревнителей...» за весь период по декабрь 1916 г, с указаниями литературы, см.: Шруба М. Среды Вячеслава Иванова и связанные с ним литературные объединения // Вячеслав Иванов: творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 181-183.

76. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
ЛН (публ. Р.Д.Тименчика в комментариях (С. 494)).
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 3 / 16 декабря 1909 г. — по дате письма № 75 наст. тома.

Почтовая открытка — художественная фотография с изображением болгарского сельского хора и надписью под изображением: «Варна. Народно селеко хоро. Varna. Danse nationale bulgare», — адресованная: «Russie. Петербург. Редакция «Аполлон». Мойка, 24». Штемпели неразборчивы.

Открытка адресована самым близким друзьям Гумилева второй половины 1909 г., которые составляли ядро так называемой «молодой редакции» «Аполлона» (выражение Е.А. Зноско-Боровского: см. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 47). Помимо Е.А. Зноско-Боровского (см. о нем комментарии к № 78 наст. тома) и М.А. Кузмина в обращении упомянуты С.А. Ауслендер и П.П. Потемкин.

Прозаик, драматург и критик Сергей Абрамович Ауслендер (1886 — 1937 (?)) был племянником М.А. Кузмина: его мать Варвара Алексеевна (1857-1922; урожденная Кузмина, во втором браке Мошкова) была старшей сестрой поэта. Отец, Абрам Яковлевич Ауслендер (1859-1887) в студенческие годы был арестован за революционную деятельность и умер в ссылке («Отец и мать мои, будучи студентами, были сосланы в Сибирь по делу тайной народовольческой типографии. Я родился <...> в Петербурге, куда мать моя вернулась из ссылки. Отец умер, когда мне было несколько месяцев» (Ауслендер С.А. Собрание сочинений. Т. I. М., 1928. С. 19)). Еще гимназистом С.А. Ауслендер вошел (благодаря Кузмину) в интимное «башенное» окружение Вяч. Иванова, став участником тесно-замкнутого общества «друзей Гафиза», черты которого нашли косвенное отображение в его раннем рассказе «Записки Ганимеда» (Весы. 1906. № 9. Ганимед — «гафизитское» прозвище Ауслендера; ср.: Богомолов Н.А. Петербургские Гафизиты // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 71, 78-79). В дальнейшем он печатал рассказы как в «Весах», так и в «Золотом Руне», на страницах которой он вел иногда резкую полемику против «Весов». Подробнее о его первых литературных шагах см. С. 447-489 т. VII наст. изд.. Его первый сборник рассказов, «Золотые яблоки», вышел в Москве в 1908 г.; с весны 1909 г, он принял деятельное участие в подготовительной работе к изданию «Аполонна», где он первое время заведовал театральным отделом, вел литературную и театральную хронику. Знакомство Гумилева с Ауслендером состоялось 26 ноября 1908 г. (см. комментарий к № 54 наст. тома). По воспоминаниям Ауслендера, «весной 1909 года мы с <Гумилевым> часто встречались днем на выставках и не расставались весь день. Гуляли, заходили в кафе. Здесь он был очень хорош, как товарищ...» (Жизнь Николая Гумилева. С. 43). Ауслендер стал бывать у Гумилева в Царском Селе («...Тетушки. Обеды с пирогами. По вечерами мы с ним читали стихи, мечтали о поездках в Париж, в Африку. Заходи-

ли царскоселы, и мы садились играть в винт...» (Там же. С. 42-43)), иногда посещал заседания «Академии стиха». В мае 1909 г. Гумилев «протащил» его в газету «Речь», где Ауслендер в конце июня поместил рецензию на № 1 «Острова» (см. комментарии к №№ 64, 65 наст. тома). Далее в течение года они тесно общаются и сотрудничают. На Пасхе 1910 г. Гумилев гостил у Ауслендера в деревне, где, по словам последнего, они «подружились особенно нежно» (см. № 85 наст. тома), а в августе того же года поэт был шафером (вместе с Кузминым и Зноско-Боровским) на свадьбе Ауслендера с сестрой Е.А. Зноско-Боровского, актрисой Надиной Александровной. Гумилев к тому времени был женат и, по свидетельству Ауслендера, их «холостяцкая» тесная дружба перешла в более «отдаленные», хотя и вполне доброжелательные отношения (ср., к примеру, инскрипт Ауслендера на экземпляре его «Второй книги рассказов» («Милому Николаю Степановичу Гумилеву. Любящий его искренне Сергей Ауслендер. 22 марта 1912. С-Петербург» (Жизнь Николая Гумилева. С. 235). В последний раз они встретились в сентябре 1916 г., когда Ауслендер навестил Гумилева в «Лазарете Обществ Писателей» (см.: Степанов Е.Е. Н. Гумилев. Хроника // Соч III. С. 3597). О дальнейшей судьбе Ауслендера, репрессированного в 1937 г., см. С. 448 т. VII наст. изд.

Знакомство Гумилева с поэтом, переводчиком, критиком, драматургом, шахматистом Петром Петровичем Потемкиным (1886-1926) произошло через несколько часов после знакомства с Ауслендером: Потемкин тоже присутствовал в этот знаменательный день 26 ноября 1908 г. на «башне» Вяч. Иванова (см. комментарий к стр. 5-6 № 54 наст. тома). П.П. Потемкин входил в то время и в литературное окружение А.М. Ремизова; ранее он состоял в «Кружке молодых» и в 1907 г. был в близких отношениях с Кузминым. Период его наибольшего сближения с Гумилевым приходится на 1909 г., когда они совместно создавали «Поэтическую Академию», и были соратниками по журналу «Остров» (см. комментарии к №№ 53, 54, 63-65 наст. тома). Впрочем, в связи с последним у них возникали временные размолвки (в частности, в отношении А.И. Котылева или С.М. Городецкого — см.: Второй номер журнала «Остров» / Публикация А.Г-.Терехова // Исследования и материалы. С. 322-323). В 1911 г. Гумнлев, который высоко ценил своеобразный талант своего приятеля и активно «продвигал» его (см. комментарии к № 53 наст. тома) пригласил Потемкина в «Цех поэтов» (Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. Russian Literature. 7/8. 1974. P.35), и, по сообщению Ахматовой, на потемкинской квартире даже прошло одно из ранних заседаний «Цеха» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 193). Однако дальнейшее участие Потемкина в жизни «Цеха поэтов» было номинальным; и хотя они с Гумилевым продолжали встречаться, в «Бродячей собаке» и других «литературных» местах предвоенного Петербурга, к этому времени их пути уже отчетливо расходились. После революции Потемкин уехал в эмиграцию. На известие о расстреле Гумилева он откликнулся из Кишинева стихотворным циклом «Че-ка» (опубл.: Родник. Рига, 1989.

№ 7. С. 14). Скончался в Париже. Подробнее о Потемкине и его отношениях с Гумилевым см.: Тименчик Р.Д. «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С.245-246).

Стр. 6. — Альберт (или «Французский») — ресторан (Невский проспект, 11), излюбленное место молодых «аполлоновцев». Последний раз перед отъездом в Абиссинию Гумилев побывал там 23 ноября, на следующий день после дуэли с Волошиным. См. характерную запись в дневнике Кузмина: «...Гумми и Зиоско отправлялись со мною [в «Аполлон»] к Альберу, где опять был пьяный Скрыдлов. Болтали очень долго и откровенно...» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 189).

77. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Полушин -- НП (публ. Р.Д. Тименчика).

Автограф — РГБ. Ф. 109. К. 17. № 34.

Дат.: 12/25 декабря 1909 г. — по дате прибытия в Каир, указанной в письме № 72 наст. тома и аналогии с датой письма № 76.

Вера Константиновна Иванова-Шварсалон (1890-1920) — дочь второй жены В.И. Иванова, Л.Д. Зиновьевой (1866-1907), от ее первого брака с Константином Семеновичем Шварсалоном. После кончины матери, падчерица Иванова с короткими отлучками продолжала жить на «башне» уже на правах «хозяйки»; именно с ее разрешения Гумилев впервые появился там в ноябре 1908 г. (см. комментарий к стр. 5-6 № 54 наст. тома). Гумилев регулярно виделся с В.К. Шварсалон во время частых посещений «башни» в течение 1909 г. и между ними устанавливаются дружественные отношения. К середине октября у них возникает проект «геософического общества», куда, помимо «основателей» должен был войти и М.А. Кузмин (подробнее см. комментарий к стр. 10-11 № 80 наст. тома). Возможно, что к концу года, в период наибольшей близости поэта к обитателям «башни» (ср. известную «преддуэльную» дневниковую запись Кузмина от 21 ноября 1909 г.: «У нас сидел уже окруженный трагической нежностью «башни» Коля»), Гумилев испытал кратковременное (и, видимо, неглубокое) увлечение ивановской падчерицей. По крайней мере, в последние дни перед отъездом Гумилева в Абиссинию, 23 ноября, Кузмин отметил в своем дневнике: «...Гумми мне делал confidences насчет В<еры> К<онстантиновны>». А 25 ноября, уже накануне их совместного отъезда в Киев (для Гумилева это было началом африканского путешествия) Кузмин продолжил эту тему: «Ник<олай> Степ<анович> чем-то расстроен, объяснением с Верой, что ли?» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 189-190). На «конфиденции» Гумилева В.К. Шварсалон откликнулась «по-сестрински», подарив ему «на добрую память» полушутливое стихотворное посвященье, подписанное «Soeur en Gйosophie V.I.Ch» (Сестра по Геософии В.И.Ш.):

Н.С. Гумилеву
на добрую память

О ЧУДЕ

(Profession de foi)

В шутливом обороте без претензий на стихосложенье.

Мой друг поэт! Ты ищещь «чудо»
Чрез «пустоту».
Мое же чудо, знаю верно,
Там –– наверху.
Идти к нему мне не «скачками»
Судьба велит
В короткой юбке и с очками
Ангийской мисс*
Сжимать скалу гвоздем сапожным**
И твердо лезть —
Вот мой удел. И где же место
Здесь «пустоте»?
Ведь горы снежные исходят
Из недр земных
Не может глаз себе представить
О тех горах.
Чтоб они были на две части
Рассечены
Но на вершинах там «чудесно»
Все в высоте:
Что в долах мнилось «невозможно» —
Здесь в полноте.

(РГБ. 109.47.26. Цит. по: Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 120; см. также: Степанов Е.Е. Н. Гумилев. Хроника // Соч III. С. 364). Известно, что во второй половине 1909 г., самому Вяч. Иванову (как видно по его дневникам) все чаще приходила мысль о том, что ему суждено соединиться браком с падчерицей, которую он полагал неким «перевоплощением» покойной жены. По словам О.А.Дешарт: «Сперва он попытался отойти от нее, но внутренне он уже знал, что сближение,

---

* Всем известно, что черный костюм в высшей степени антиэстетичен.

** Горные ботинки обыкновенно очень тяжелые и снабжены толстыми гвоздями.

соединение их <...> духовно оправдано, предопределено <...> Летом 1910 г. В.И. жил в Италии <...> Вера приехала к нему из Греции. <...> Как и с ее матерью, все решилось в Риме...» (Дешарт О. Введение // Иванов В. Сочинения. Т. I. Брюссель, 1971. С. 134). В дальнейшем, как известно, обошлось не без скандала, в который поневоле был вовлечен Кузмин (см.: Богомолов Н.А. К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 166-169; ср. также публиуацию из Дневника В.К.Шварсалон в кн.: Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 310-337). В мае 1912 г. Ивановы уехали из Петербурга за границу, и обвенчались зимой 1913 г. в той же греческой православной церкви в Ливорно, где в 1899 г. венчались Вяч.И. Иванов и мать Веры Л.Д.Зиновьева-Аннибал. Их сын Дмитрий родился в Эвиане в июле 1912 г. В августе 1913 г. они вернулись в Москву, где В.К. Иванова-Шварсалон умерла от туберкулеза 8 августа 1920 г., через три дня после того своего тридцатилетия.

Стр. 6-9. — Имеется в виду сад Эзбекие (см. комментарии к №№ 14, 52 наст. тома). Стр. 11-12. — Антиной — греческий юноша, любимец римского императора Адриана, погибший в водах Нила при невыясненных обстоятельствах в октябре 130 г. н.э.. Причина смерти по-разному определялась, как самоубийство, ритуальная жертва, убийство и несчастный случай. «Антиной» был также одним из интимных «башенных» прозвищ М.А.Кузмина. Стр. 16-17. — Ср. № 79 наст. тома. Стр. 17-19. — См. № № 78, 79 наст. тома и комментарий к № 78. Стр. 19-20. — Строительство железной дороги из Джибути (в тогдашнем Французском Сомали) в Аддис-Абебу началось, после длительных переговоров, в 1897 г. К концу 1902 г. линия была доведена не до Харэра, как первоначально планировалось, а лишь до неоднократно упоминаемого в гумилевской переписке городка Дыре-Дауа (совершенно нового тогда поселения, вначале названного «Новым Харэром»). Там строительство приостановилось на несколько лет, из-за резких политико-экономических разногласий между императором Менеликом, европейскими державами и иностранными инвесторами. После подписания нового договора в октябре 1908 г., строительство возобновилось как раз к осени следующего, 1909 г. — с широким привлечением рабочей силы — сомалийцев, галласов и т.д. Железная дорога была наконец доведена до Аддис-Абебы только в 1917 г. (см.: Zewde Bahru. A History of Modern Ethiopia, 1855-1974. London, 1991. P. 101. Подробнее: The Franco-Ethiopian Railway and its History. < http://tezeta.org/37/>). Стр. 22-23. — О возможном резонансе этого жеста в интимном окружении Ивановых см. дневиковую запись В.И. Иванова от 15 августа 1909 г.: «Встретил этот день предчувствием священного мгновения, воспоминанием <...> Лидиной молитве в Афинах...» (Иванов В. Сочинения. Т. II. Брюссель, 1974. С. 789). Стр. 24-25. — Нике (Ника) — в древнегреческой мифологии дочь Титана Паллада, богиня Победы. Ее часто ассоциировали с богиней Палладой (т.е. Афиной). «Кормчие Звезды» — книга стихов Вяч. И. Иванова (1903). Стр. 26 — Имеется в виду М.М. Замятнина. По всей вероятности, несохранишееся письмо к ней Гумилева о том, что он «не попадет в

Джибути», было связано с возможностью присоединения к Гумилеву Вяч. И. Иванова, который хотел ехать не в Абисинию, а по Нилу (см. комментарии к стр. 6-7 № 72 наст. тома). Стр. 34-35. — Ср. в дневнике Кузмина от 30 ноября 1909 г.: «Отправили Колю (посадили Гумилева на поезд из Киева в Одессу — *Ред.*) Втроем пили наливку. Наконец выехали. Потемкин все ругался с [Эльснером] графом (А.Н.-Толстым — *Ред.)*» (Кузмин М.А. Дневник... С. 191). В среде «башни» Потемкину нередко делались снисходительные упреки в отсутствии воспитанности, систематического образования, «дружбе с репортерской богемой («хулиганами»)» и т.д. (см. НП. С. 69). Вяч. Иванову казалось, что Потемкина приводят «для воспитания и просвещения», и он сам принимал участие в этом благом деле («Вечером пришел ко мне на аудиенцию Потемкин Говорил открыто о себе... Я посоветовал ему воздерживаться абсолютно от пола....» (Иванов В. Сочинения. Т. II. Брюссель, 1974. С. 790, 795; см. также с. 798)). Впрочем, претензии к поэту «Сатирикона» у эстетов «башни» могли состоять и в другом: «Потемкин <...> был громадного роста, силач, борец, пьяница, — и когда напивался, дебоширoвал вроде покойного Есенина. Поэтому за ним всегда присматривали приятели и не давали ему пьянствовать» (Лукницкий П.Н.. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т.2. 1926-1927. Запись от 29.01.1926). Присмотр приятелей не всегда помогал: крайний пример его пьяного дебоша после дружеской пирушки с Гумилевым описывается в дневниковой записи Кузмина от 17 сентября 1910 г. (Дневник 1908-1915... С. 240). Стр. 39-58. — № 162 (I).

78. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
ЛН (публ. Р.Д. Тименчика в комментариях (С. 495)).
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 12/25 декабря 1909 г. — по датировке Р.Д. Тименчика (ЛН. С. 495).

Почтовая открытка — художественная фотография с изображением пальмовой рощи и надписью: «Palm trees near Cairo. Forêt de Palmiers», адресованная: «Russie. Петербург. Его Высокородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому. Мойка, 24. Ред. <акция> «Аполлон». Штемпель почтового отделения Каира неразборчив. Штемпель почтового отделения Петербурга — 25. 12. 09. Наклееная квитанция указывает на заказное отправление: «R Caire / No 473».

Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884 — 1954) — драматург, критик, шахматист и шахматный литератор; с 1909 до октября 1912 г. — секретарь «Аполлона», в котором он также вел рубрику театральных рецензий, журнальное обозрение, хронику литературной жизни. Учился в Александровском лицее, после окончания которого стал офицером, участвовал в японской войне, был ранен под Мукденом и, по словам Ахматовой, «вернулся с Георгиевским крестом». В 1909 г. он написал драму ««Алмаз». Сцены из войны» (о его чтении этой вещи, в скором времени запрещенной цензурой, см. комментарий к стр. 3-4 № 73 наст. тома). 3 декабря 1910 г. в Доме интермедий состоялась премьера его комедии «Обращен-

ный принц», в постановке Вс. Мейерхольда и оформлении С. Судейкина; в 1912 г. последовала его пародийная стилизация испанского театра «Влюбленные в Марту». В 1909-1912 гг. он близко дружил с Гумилевым и с Кузминым; последний 20 лет спустя вспоминал об этом периоде в своем дневнике: «Я познакомился в «Аполлоне», где Женя был секретарем, вероятно, через друга Маковского, П.П. Вейнера <...> Его коллегой был В. Чудовский <...> Я скоро стал ухаживать за Зноской. Он был маленького роста, страшный торопыга, нос как кнопка, розовый, веселый, волосы ежиком. <...> Вместе с Женей я был секундантами <так!> на стороне Гумилева, вместе выбирали место и пистолеты, на которых только что дрался Гучков. <...> А потом Ауслендер женился на Надине (сестре Зноско-Боровского; см. комментарий к № 76 наст. тома — *Ред.*). <...> З<носко->Б<оровский> был необыкновенно энергичный, расторопный и тактичный организатор. Это сказывалось в ред<акции> «Аполлона», и в засед<аниях> Академии (Общества ревнителей художественного слова; см. комментарий к № 75 наст. тома — *Ред.*), и в «Доме интермедий». <...> Он был влюблен сначала в Вердинскую, потом в Олет Судейкину, было года два, что нас была почти неразлучимая компания: Толстой, Соня Толстая, Судейкин, Олет, Женя, я, Надя, Ауслендер и Гумилев» (Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 54-55). Возникновение «Цеха поэтов», по известному высказыванию Ахматовой: «собой знаменовал<о> распадение этой группы (Кузмина, Зноско и т.д.). Они постепенно стали реже видеться, Зноско перестал быть секретарем «Аполлона», Потемкин в «Сатирикон» ушел, Толстой в <19>12 году, кажется, переехал в Москву жить совсем... И тут уже совсем другая ориентация... Эта компания была как бы вокруг Вячеслава Иванова, а новая — была враждебной «башне» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 128). В 1912 г. Зноско-Боровский женился на актрисе М.В. Филаретовой-Багровой; в августе у них родился сын. С началом Первой мировой войны он сразу же отправился добровольцем на германский фронт, снова получил ранение. После революций он переправился сначала на юг, где сотрудничал в отделе пропаганды Добровольческой Армии, затем в 1920 г. в Берлин, и оттуда, в скором времени, навсегда в Париж. В эмиграции он писал о поэзии (в том числе о творческом пути Ахматовой и «стихах о терроре» Волошина), чаще о театре. Ему принадлежит первая монографическая статья о Кузмине (Аполлон. 1917. № 4 -5). Он являлся автором шести книг по шахматам (перечень см.: Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 238) и многочисленных журнальных и газетных статей.

Стр. 3. — Очевидно, речь идет о рецензии на «Первую книгу рассказов» М.Кузмина (№ 22 (VII)). Скорее всего, эта рецензия первоначально предназначалась для № 4 «Аполлона», вышедшего из печати 15 января 1910 г. (ср. № 77 наст. тома: «пусть меня проклянет за опозданье Маковский»), однако она вошла только в пятый, «февральский» номер журнала. В данном случае, может быть, это произошло не столько в результате неисправностей египетской почты, сколько оттого, что большое место в № 4 «Аполлона» было неожиданно отведено некрологическим материа-

лам, посвященным И.Ф. Анненскому. Отправив данное письмо, Гумилев, конечно, о смерти «учителя» все еще не знал. Стр. 6. — № 3 «Аполлона» вышел из печати 15 декабря 1909 г. В нем появились ст-ния Гумилева «Товарищ», «Семирамида», «В библиотеке», и «Потомки Каина» (№№ 157-160 (I); №№ 157-159 — без последующих посвящений «В.Ю. Эльснеру», «Светлой памяти И.Ф. Анненского», «М. Кузмину»), и его рецензия на № 9 «Весов» за 1909 г. и № 2 «Острова» (№ 21 (VII)). Стр. 11-12. — Ср. № 79 наст. тома.

79. При жизни не публиковалось. **Печ. по по автографу.**
ЛН (публ. Р.Д.Тименчика в комментариях (С. 495)).
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 16/29 декабря 1909 г. — по почтовому штемпелю.

Цветная почтовая открытка с видом Порт-Саида и подписью: «Port-Said. Boulevard Sultan Osman», адресованная «Russie. St-Petersbourg «Apollon». Петербург. Редакция «Аполлон». Мойка, 24. Его Высокородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому». Вверху надпись: «Recommandée. Заказное» и проставлен номер: «№ 3159». Штемпель почтового отделения Порт-Саида — 29.12.09. Штемпель почтового отделения С-Петербурга — 25.12.09.

Стр. 3. — О «первой» статье см. комментарий к стр. 3 № 78. Труднее сказать, что подразумевал Гумилев под «второй» статьей. Вряд ли он работал в Африке над своим следующим «Письмом о русской поэзии», о Фофанове и др. (см. № 23 (VII)), напечатанном только в мартовской книжке «Аполлона» — тем более, что все рецензируемые в нем книги помечены 1910 г. Следующее письмо Гумилева Зноско-Боровскому (№ 82) позволяет предположить, что, отправляясь в Африку, он, возможно, обязался написать какую-то статью о своих путевых впечатлениях, очевидно, неосуществленную. Стр. 5. — Гумилев, должно быть, уже знал, что он на самом деле уедет из Джибути примерно на 10 дней позже, чем 4 января. Но в деньгах он действительно нуждался, и указанная здесь дата, вероятно — понятная предосторожность с его стороны.

80. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.
Автограф. — РГБ. Ф. 109. К. 17. № 23.
Дат.: 23 декабря 1909 / 5 января 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с изображением «Djibouti. Un Jardin a Ambouli». Штемпель почтового отделения Джибути — 05.01.10.

Стр. 3-4. — См. №№ 72, 74, 77 наст. тома и комментарии к ним. Стр. 5-6. — С конца 1902 г. поезда Абиссинской железной дороги должны были совершать 311-километровый путь из Джибути в Дыре-Дауа за 14 часов: поезда должны были

отправляться из Джибути в 6 утра, и приезжать в Дыре-Дауа в 8 вечера того же дня. Доехав таким образом до Дыре-Дауа, Гумилев мог бы, вероятно, за запланированный им трехнедельный срок добраться до столицы, Аддис-Абебы, и обратно. Однако, железная дорога работала плохо и нерегулярно, и пути часто размывало, — с чем Гумилев столкнулся во время экспедиции 1913 г., — и, в конце концов, он отказался от идеи «железнодорожного» перемещения по стране и остановил свой выбор на «безотказных» мулах (ср. № 83 наст. тома). На таком «транспортном средстве» попасть в Аддис-Абебу за три недели путешествия Гумилев никак не успевал. Стр. 10. — Имеется в виду М.М. Замятнина (см. о ней комментарии к № 71 наст. тома). Стр. 11-13. — Проект «Геософического общества», первыми членами которого должны были стать упомянутые здесь Вера Константиновна Шварсалон и Михаил Алексеевич Кузмин — был предложен Гумилевым 16 октября, в дни, когда он уже серьезно обдумывал свое африканское путешествие, и перед тем, как он стал активно убеждать Вяч. Иванова поехать с ним вместе (см. комментарии к №№ 77, 72 наст. тома). В конце октября или начале ноября, В.К. Шварсалон писала об этом своему брату: «Из таких второстепенных вещей сначала наше *геософическое* общество, затеянное Гумилевым и кот<орое> пока ни к чему действенному не привело, вследствие неименья матерьяла и не строгому отношению к нему (а не к идее самого Гумилева)» (цит. по: Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 119). «Идея» Гумилева остается до конца неясной, но представляется весьма вероятным, что «геософия» была придумана в какой-то мере в сознательной оппозиции к модному тогда увлечению *теософией*. Судя по «геософическому» стихотворению В. Шварсалон (см. комментарии к № 77 наст. тома), настроенность «общества» была не слишком серьезной. Но можно добавить, что в «башенном» окружении того времени, «теософия» была ярко и «властно» представлена А.Р. Минцловой, — по разным причинам почти одинаково сильно не нравившейся ни Шварсалон, ни Кузмину: Шварсалон, как известно, особенно опасалась пагубного влияния Минцловой на отчима, и смотрела на его возможное путешествие в Абиссинию, как на одно из средств «преодоления соблазна» теософской проповеди (см. комментарии к № 72 наст. тома; о А.Р. Минцловой и восприятии ее в окружении Иванова см. главы: Anna-Rudolf; Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений; Из оккультного быта «башни» Вяч. Иванова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999). «Геософия», по-видимому, не представляла собой отказ от мистицизма (ср., опять-таки, ст-ние «О чуде»), но исходила не из умозрительных абстракций, а от конкретных («земных»!) географических категорий и реалий. Примечательно в этом отношении, что мысль о «двух снах» в «абиссинском» письме Гумилева Кузмину («Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз...» — см. стр. 15-17 № 83 наст. тома), имеет близкий аналог в письме Шварсалон («Каждый вечер мне кажется, что я или вижу сон, или наоборот проснулся в своей родине. <...> Там дивно-хорошо. Но каждый день мне приходит в

голову ужасная мысль...» — см. стр. 4-5 № 77 наст. тома). См. также тему личного преображения в приводимых Р. Тименчиком (НП. С. 64) стихах Хлебникова, изображающих общение Гумилева с Шварсалон («ясницей») как раз в «геософические» дни октября 1909 г.:

Жирафопевцу внимая, ясница
Прислоняет к устам сладкий палец.
Ей рассказал, как красива на Нил<е> денница,
Устав быть собою, скиталец.

81. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: 24 декабря 1909 / 6 января 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с шуточным рисунком, изображающим сцену охоты на бегемота, адресованная: «Russie. Москва. Цветной бульвар, дом Брюсова. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову». Штемпель почтового отделения Джибути — 06.01.10. Штемпель московской экспедиции городской почты — 12. 01.10.

Стр. 3. — 3,5 года спустя, Гумилев дал подробное описание Джибути в своем «Африканском дневнике» (С. 78-80 т. VI наст. изд.). Стр. 4. — Об Менелике II (1844-1913), императоре Абиссинии с 1889 г., см. «Африканский дневник» Гумлева, гл. 3 и 4 (№ 12 (VI)), его очерк «Умер ли Менелик?» (№ 13 (VI)) и подробные комментарии в т. VI наст. изд.

82. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Автограф — архив Лозинского.
Дат.: 24 декабря 1909 / 6 января 1910 г. — по аналогии с датировкой письма № 82.

Открытка, адресованная: «Russie. St-Petersbourg, «Apollon». Петербург. Мойка, 24. Журнал «Аполлон». Его Высокородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому». На открытке надпись: «Recommandée Заказное». На шуточной картинке изображено на фоне пустыни одинокое сухое дерево. Под деревом сидит громадный облизывающийся лев, а на дереве — обезумевший от страха человек. Вдалеке на песке лежат ружье и шляпа. Внизу на английском языке надпись: «I wonder, how this will end!» («Любопытно, чем все это кончится!», — *англ.*). Штемпель почтового отделения Джибути неразборчив. Штемпель почтового отделения Петербурга — 14.01.10.

Стр. 4. — Из трех писем, отправленных в тот день, в этом особенно отчетливо подразумевается неосуществленное намерение Гумилева продвигаться «в глубь страны» именно поездом (см. комментарии к стр. 3-4 № 80 наст. тома.

83. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; НП.

Автограф — РНБ. Ф. 124. № 1400.

Дат.: Январь 1910 г. — по времени пребывания Гумилева в Абиссинии (см.: Соч III. С. 364).

Первое письмо Гумилева из этого путешествия, написанное в Одессе, Кузмин получил 4 декабря 1909 г. (не обнаружено, см. комментарии к № 72 наст. тома).

Стр. 3-5. — Путешествие Гумилева на мулах от Джибути, через Дыре-Дауа (у Гумилева — Дир-Абауа), до Харэра (у Гумилева — Харрара) и обратно (расстояние туда и обратно — около 700 км.; за день сложно преодолеть более 50 км.) продолжалось примерно с 25 декабря (по старому стилю, т.е. с «российского Рождества») или, в крайнем случае, с 26 или 27 декабря 1909 г. по 14 января 1910 г. всего около трех недель. Письмо Кузмину поэтому можно датировать почти точно — 5 — 6 января (по старому стилю). Гумилев спешил вернуться, потому что наверняка знал, когда будет прямой рейс из Джибути в Одессу: прямые суда ходили не часто, всего несколько рейсов в год. (Письма шли ненамного быстрее людей, поэтому он и написал Кузмину: «...Когда ты получишь это письмо, я буду, наверно, уже по дороге в Константинополь и через неделю увижу тебя...»). К сожалению, именно в этот период Кузмин временно перестал вести дневник (с 19 января по 27 апреля 1910 г., когда он записал: «Как давно, Боже, как давно я не писал в эту тетрадку повести своей жизни, так что я даже отвык делать эту ежедневную исповедь перед самим собою» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 204)). Как можно определить по судовым журналам, минимальный срок для плавания из Джибути до Одессы — около двух недель. Исходя из дат его возвращения в Россию (см. комментарий к № 74 наст. тома), он поэтому отплыл из Джибути не позже 15 / 28 января 1910 г. Стр. 5-6. — В 1913 г. Гумилев снова прошел на мулах по дороге из Дыре-Дауа в Харэр — и оставил подробное описание этого пути, а также обоих городов и недавней политической истории Харэра, в своем «Африканском дневнике»: см. гл. 2-4 № 12 (VI): о дороге из Дыре-Дауа на Харэрское плоскогорие см. в начале гл. 3 (С. 86-88 т. VI наст. изд.). Стр. 6-7. — Ср. в 1913 г.: «Мы останавливались в греческом отеле, единственном в городе, где за скверную комнату и еще более скверный стол с нас брали цену, достойную парижского Grand Hôtel'a» (стр. 67-69 главы третьей №12(VI)). Стр. 9-10. — Эта охота на леопардов описана в гл. 3 «Африканской охоты» (№ 14 (VI)).

84. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Автограф — РГАЛИ. Ф.2567. Оп.2. Ед.хр. 263.

Дат.: Начало 1910-х гг. — по архивной датировке.

На единице хранения — архивная помета: «Начало 1910-х гг.».

Нагродская Евдокия Аполлоновна (1866-1930) — беллетристка, дочь А.Я. Панаевой. На рубеже XIX-XX веков была известна, с одной стороны, как чрез-

вычайно плодовитый автор всевозможных популярных прозаических произведений, обильно публиковавшихся в «массовых» периодических изданиях, а с другой — как автор романа «Гнев Диониса», ставшего «культовым» в среде рафинированной творческой интеллигенции «серебряного века», активно дебатирующей тогда т.н. «проблему пола» (в романе была затронута «метафизическая» сторона гомоэротики). Е.А. Нагродская была близкой знакомой М.А. Кузмина и приютила его в 1912 г., после разрыва поэта с «башенным» окружением. И.В. Одоевцева, рассказывая в своих мемуарах о знакомстве с Кузминым (в 1920 г.), упомянула, в частности (вероятно — со слов Гумилева), что когда «Кузмин жил у Нагродской, прославленного автора «Гнева Диониса»», «там устраивались маскарады, о которых и сейчас говорят шепотом» (Одоевцева I. С. 121). Помимо того Е.А. Нагродская была влиятельной фигурой в кругах русского масонства, а после эмиграции возглавляла в Париже женскую ложу.

Отношения, связывавшие Гумилева с этим колоритнейшим персонажем петербургской литературной богемы «серебряного века», на настоящий момент неизвестны: данная записка является единственным документом в эпистолярном наследии поэта, указывающим на их наличие.

85. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин.
Автограф — РНБ. Ф. 124. № 1400.
Дат.: 20 марта 1910 г. — по дате письма С.А. Ауслендера.

Приписка на письме С.А. Ауслендера к Е.А. Зноско-Боровскому от 20 марта 1910 г.

Стр. 1. — Парахино — имение Мошковых (семьи матери Ауслендера по второму браку: см. комментарий к № 76 наст. тома), расположенное поблизости от станции Николаевской железной дороги Окуловки, Новгородской губернии. В своем письме к Зноско-Боровскому из Парахина от 20 марта 1910 г. С.А.Ауслендер писал, в частности: «Вчера приехал ко мне Гумилев. Сейчас сидим за столом и подгоняем друг друга, что надо работать, но только мало выходит» (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 234). Однако, по подробному позднейшему рассказу Ауслендера, короткое пребывание Гумилева — предположительно, с 19 по 23 марта 1910 г. — все-таки оказалось не только весьма приятным, но и творчески плодотворным: «Великим постом я уехал на станцию Окуловку <...> где жили мои родные. Пригласил туда и <Гумилева>.

Он приехал с пачкой папирос.

И вот Гумилев в деревенском окружении, в фабричном местечке (имеется в виду станция Окуловка, где Мошков служил на бумагоделательной фабрике — *Ред.*), среди служащих и мелкой интеллигенции. Он ходил играть с ними в винт. Всегда без калош, в цилиндре, по грязи вышагивал он журавлиным шагом, в сумерках.

Мы с ним ездили кататься по обмерзлым ухабам <...>. В первый раз в те дни он говорил о своей личной жизни, говорил, что хочет жениться, ждет писем. Мы просиживали с ним за разговорами до рассвета в моей комнатке с голубыми обоями. За окном блестела вода. Я тогда тоже хотел жениться <...> Возможно, что письмо относится кпубликации №№ 25 и 26 (III) в журнале «Петроградские вечера» (кн. 4. Пг., 1915), факьическим ихжаьедем была Нагродская.

Там было написано стихотворение «Маркиз де Карабас», посвященное мне. Оно навеяно обстановкой и весенним духом, хотя этот рабочий поселок не соответствовал ему по стилю. <...>

Тогда же, под впечатлением наших долгих разговоров о любви, какой она должна быть, и пол впечатлением обстановки, был написан и мой рассказ «Ганс Вреден», посвященный Гумилеву.

В эти весенние дни мы с Гумилевым подружились особенно нежно» (Жизнь Николая Гумилева. С. 45-46). Упомянутый в мемуарах рассказ «Ганс Вреден» вошел в кн.: Ауслендер С.А. Рассказы. Кн. II. Петербургские апокрифы. СПб.: изд. Аполлона. 1912. В рассказах Ауслендера, как и в прозе сильно повлиявшего на него М.А. Кузмина («Картонный домик», «Покойница в доме», «Плавающие-путешествующие» и др.), нередко намечается автобиографический подтекст, зашифровывающий лица и события литературной и художественной жизни Петербурга конца 1900-х годов (см. С. 448-450 т. VII наст. изд.; о влиянии Кузмина на прозу Ауслендера см. также: Богомолов Н.А., Малмстад Джон Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 93). Но несмотря на признанную автором связь с разговорами в Парахине, прямого «прототипизма» в коротком, полуфантастическом рассказе «Ганс Вреден» скорее всего нет. Стр. 5. — Об отъезде Гумилева из Окуловки вспоминал Ауслендер: «Из Окуловки Гумилев посылал запрос в Царское, есть ли письма из Киева (т.е. от Ахматовой — *Ред.*), беспокоился, как будто не был уверен в ответе, и, получив утвердительный ответ, попросил лошадей и тут же выехал на вокзал, хотя знал, что в это время нет поезда. Я провожал его, и мы ждали на станции часа два с половиной. Он не мог сидеть, нервничал, мы ходили и курили» (Жизнь Николая Гумилева. С. 46). Через три дня после этого, 26 марта, Гумилев присутствовал на знаменательном докладе Вяч. Иванова «Заветы символизма» в «Обществе ревнителей художественного слова», положившем начало полемике вокруг символизма, приведшей в конце концов к выявлению теоретической программы акмеизма. Гумилев пытался возражать Иванову во время доклада, и выступил вторым в формальном обсуждении его, состоявшемся в «Обществе ревнителей художественного слова» 1 апреля (подробно см.: Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» // Русская литература. 1990. № 1. С. 200-207). В Окуловку Гумилев вернулся еще на свадьбу Ауслендера в августе 1910 г., и, совершенно случайно, снова очутился там в военной командировке с конца января по начало марта 1917 г. (см. № 160 наст. тома и комментарии к нему).

86. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386.84.20.
Дат.: 25 марта 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову, Цветной бульвар, собственный дом». Штемпель почтового отделения С.-Петербурга — 25.03.10. Штемпель московской экспедиции городской почты — 26.03.10. Ответом на это письмо является письмо В.Я. Брюсова от 28 марта 1910 г. (№ 17 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-4. — Сборник «Жемчуга» наконец вышел в Москве 16 апреля 1910 г., в издательстве «Скорпион», с посвящением: «Посвящается моему учителю Валерию Брюсову». Помимо 7-и рецензий перечисленных в т. I наст. изд. (с. 337-338), на Ж 1910 также появились отзывы Н. Абрамовича (Студенческая жизнь. 1910. № 24), В.В. Гиппиуса (?) (Против течения. 3 декабря 1910 (№ 8), подп. «Росмер»; не исключено, что псевдоним был использован С.М. Городецким); Е. Янтарева [Е.Л. Бернштейна] (Столичная молва. 24 мая 1910 (№ 123). Посвящение «учителю» и, шире, «ученичество» Гумилева, стали неизменным лейтмотивом всех рецензий, как положительных, так и отрицательных; можно полагать, что собственно гумилевское осмысление «лозунга спокойного и взыскательного ученичества» нашло свое наиболее точное — и значительное — отображение в рецензии его близкого знакомого того времени, С.А. Ауслендера: «Посвящая свою книгу Валерию Брюсову, Гумилев называет его «учителем». И это не только поза почтительности перед величайшим из современников, нашим поэтом. С горделивой радостью несет звание «ученика» Гумилев, требуя и от других («Письма о русской поэзии», «Аполлон») отношения к мастерству строгого и серьезного. <...> Долгой, упорной работой добиться твердости и верности руки, чтобы каждый удар шпаги был не только проявлением природной смелости и ловкости, но и сложным, благородным искусством, — таковы законы рыцарства, когда она становится *великим цехом*. С сознательной настойчивостью учится Гумилев, <...> проникая в творчеству поэта, избранного им себе в учителя» (Речь. 5 июля 1910 (№ 181); подпись — С.А.). Стр. 4-5. — В ответном письме от 28 марта 1910 г. (№ 17 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), Брюсов отклонил эту просьбу: 1910, № 7 (см. № 88 наст. тома и комментарии к нему). В апрельской книжке «Аполлона» была помещена пространная рецензия на Ж 1910 Вяч. Иванова. Стр. 17. — В ответном письме Брюсов поблагодарил Гумилева «за вести из Абиссинии». Гумилев, вероятно, забыл, что его первое заграничное письмо было отправлено Брюсову не из Египта, а из Болгарии (№ 75 наст. тома); по-видимому, затерялось одно письмо (помимо № 81).

87. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: 21 апреля 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову, Цветной бул<ьвар>. Собственный дом». Штемпель почтового отделения Киева — 21.04.10. Штемпель московской экспедиции городской почты неразборчив. Ответ (?) на письмо В.Я. Брюсова от 28 марта 1910 г. (№ 17 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-4. — Гумилев, скорее всего, приехал в Киев в тот же день, 21 апреля, и остановился в «Hôtel Nationale» (см.: Труды и дни. С. 200). Свадьба состоялась в воскресенье 25 апреля 1910 г. Свидетельство о браке гласило: «Означенный в сем студент С.-Петербургского университета Николай Степанович Гумилев 1910 года апреля 25 дня причтом Николаевской церкви села Никольской Слободки, Остерского уезда, Черниговской губернии обвенчан с потомственной дворянкой Анной Андреевной Горенко, что удостоверяем подписями и приложением церковной печати...» (РГИА Спб Ф.14-3-61522. л. 12 об.). Шаферами были поэты В. Эльснер (см. комментарии к № 69 наст. тома) и И.Аксенов. По позднейшему пересказу А. Хэйт: «Родственники Ахматовой считали брак заведомо обреченным на неудачу, и никто из них не пришел на венчание...» (Хэйт С. 32). Стр. 4-5. — Теперь Гумилев «привез, когда приехал венчаться», экземпляр своей новой книги — Ж 1910, который надписал невесте: «Кесарю — Кесарево» (см.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 288; ср. также ниже, комментарий к стр. 27-28). Кроме того между 21-м и 24-м апреля 1910 г., он написал и подарил Ахматовой в день венчания свою «Балладу» (№ 1 (II); см. Труды и дни. С. 200). Возможно, что он в этот приезд в Киев подарил Ж 1910 и Н.Е. Экстер (см. комментарии к № 74 наст. тома), с надписью: «Многоуважаемому Николаю Евгеньевичу Экстер от дружески любящего его Н. Гумилева» (см.: Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М., 1989. С. 82). Стр. 6. — Гумилевы выехали из Киева в Париж 2 мая. По сообщению П.Н. Лукницкого: «на вокзале провожала их И.Э. Горенко. Ехали через Варшаву и Берлин. В Париже остановились на rue Buonaparte, 10. Весь месяц живут в Париже. Посещают музеи (Лувр, Густава Моро, Музей Гимэ — экзотических вещей и др.), средневековое аббатство Клюни, Jardin de Plantes. <...> Бывают в кафе «Pantheon», «d'Harcourt», «La Source», в ночных кабаре. Были в Булонском лесу.

Встречи с С.К. Маковским (обсуждает с им планы «Аполлона»); А.А. Экстер, М. М. Богдановой, Бакстом, Жаном Шюзвиль (планы издания антологии переводов русских поэтов (А. Мерсеро, Аркосом, Ник. Деникер); визит к Танкреду де Визан.

Одно из любимых занятий — покупка книг.

Здесь написаны стихотворения: «Я тело в кресло уроню», «Нет тебя прелестней и капризней» (так! — *Ред.*), «Все чисто для чистого взора», абиссинские песни (вошедшие в «Чужое небо»); задуман и начат цикл стихов о Наполеоне.

Острая тоска по Африке.» (Труды и дни. С. 202). Хотя Гумилев получил разрешение университетской канцелярии на «отпуск заграницу сроком по 20 августа» (РГИА Спб Ф. 14.3.61522.Л), молодожены вернулись в Царское Село даже не в июле, а в начале июня. Из Парижа они вернулись в одном вагоне с С.К. Маковским (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 59). Стр. 8-11. — В своей рецензии на Ж 1910 (части сводной рецензии, в которой также рассматривались «Стихотворения» М. Волошина и «Стихотворения» А. Герцык) Вяч. И. Иванов писал: «Поистине из стольких схваток и приключений вышел с честью юный оруженосец, которого рыцарь посылал на ответственные и самостоятельные предприятия, что кажется заслужившим принять от него ритуальный удар мечом по плечу, обязывающий к началу нового и уже независимого служения» (Аполлон. 1910. № 7. С. 41 второй пагинации). Эти слова — с которыми весьма созвучна июльская рецензия на Ж 1910 С. А. Ауслендера (см. комментарии к № 86 наст. тома) — неожиданно вызвали бурный протест московского символиста Эллиса, и стали предметом своего рода литературного скандала. В письме от 14 мая 1910 г. Эллис — страстный приверженец в эти годы концепции «мистического рыцарства» — жаловался Иванову: «То, что Вы написали о Гумилеве (о ритуальном ударе мечом), я посовестился бы написать о Р. Вагнере. <...> Нельзя, по-моему, быть литератором и рыцарем. За последнего считал я Вас, за первого считаю впредь». Иванов оправдывался в ответном письме: «Фигура уподобления о рыцаре, оруженосце и ритуальном (т.е. обрядовом) ударе по плечу в статье о Гумилеве не имеет ни малейшего отноше<ния> к чему бы то ни было, кроме зависимости <?> ученика от мастера в деле поэзии <...>, и что это — полушутливая метафора, видно из эквивалентов ее составных частей: рыцарь — Брюсов, оруженосец — Гумилев, удар по плечу — «emancipatio» начинающего поэта-ученику его учителем <...> Смысл, опять, полушутливый: я ходатайствую перед Бр<юсовым> за Г<умилева>, чтобы он, имея его in sua manu, признал его впредь независимым и потребовал от него самостоятельности. Этого Г<умилев>, по моему критич<ескому> <?> убеждению, вполне достоин. Но можно ли употреблять для полушутливой метафоры образы из цикла рыцарских обычаев? Это вообще нежелательно, но ведь <?> и не преступно...». Таким объяснением Эллис не удовлетворился, и немедленно ответил длинным письмом Иванову от 17 мая, распространяя свое возмущение, как будто от имени московского «Мусагета», на общее перераспределение литературно-идеологических сил: «...Командиром *фактически* в «А<поллоне>» являетесь Вы. <...> Вы хитро дипломатизируете между нами, «Аполлоном». «Скорпионом», Брюсовым в то время, когда все дело в великой и беспощадной борьбе за рыцарство, когда Вы термины последнего применяете к Гумилеву, к<ото>рый Венеру смешивает с Мадонной, я заявляю, что Вы — неблагородны до конца. Вычеркните меня из числа друзей и впишите в число активных и абсолютных врагов...». Неделю спустя, 24 мая 1910 г. А.Р. Минцлова писала Иванову, что о содержании своих писем Эллис уже сообщил «всем»: «о письмах Эллиса знали *все* в Москве» (см.: Богомолов Н.А. Из разысканий к истории дискуссии о символизме в 1910 года // Богомолов Н.А. От

Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 84-96). Следует добавить, что, по подробному изложению Н.А. Богомолова, над всей этой истории и витала «тень А.Р. Минцловой» (Там же. С. 530; ср. о ней в комментарии к № 80 наст. тома). Стр. 11-19. — Рецензия Иванова завершается такими словами: «...когда действительный, страданьем и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем «суша и вода», тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чистою лирикой — его скрытый лиризм, — тогда впервые будет он принадлежать жизни» (Аполлон. 1910. № 7. С. 41 второй пагинации). По наблюдению И.В. Корецкой, Гумилев мог ощутить в таком «прогнозе пути» полемический элемент, направленный против концепции «парнасства», актуальной для тогдашних, переломных дебатов вокруг символизма. В оценке Иванова: «залогом преодоления эстетской изолированности от реального» видится «страданьем и любовью купленный опыт души». Суждение, весьма характерное для приверженца этики Достоевского. <...> Иванов не мог не знать, что именно страдный опыт, созидающий подлинного художника, парнасцы решительно отвергали и старались «приглушить, загнать под спуд прямую исповедальность». Леконт де Лиль, приверженец героического стоицизма личности и «бесстрастности» искусства, обличал «плаксивость» поэта-романтика, который «несет кровь сердца напоказ»...» (Корецкая И.В. Вячеслав Иванов и «Парнас» // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 280). «Изощренную резьбу во вкусе элегантной пластики Парнаса» Иванов не только усмотрел в Ж 1910, но непосредственно связал с Брюсовым, «наставником» Гумилева «в каноне формальном и Вергилием его романтических грез» — и (имплицитно) учителем «лиро-эпического метода». Отпечаток «Парнасства», по мнению И.В. Корецкой, явно и выразительно ощутим в статье Гумилева «Жизнь стиха», опубликованной в том же номере «Аполлона», что и рецензия Иванова (Там же. С. 28—286). Стр. 22. — В важном постулате Гумилева можно увидеть некий отпор рассуждениям в ивановской рецензии о «трансцендентальной Географии и миражных «маркизатах»». Стр. 27-28. — По указанию Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова: «Экземпляр «Жемчугов» с дарственной надписью Брюсову оказался утерянным (как свидетельствует расписка, сохраненная И.М. Брюсовой, книгу взял из брюсовской библиотеки автор статьи о Гумилеве в первом издании Литературной энциклопедии О. Бескин и не вернул обратно). Возможно, что две брюсовские строки, взятые Гумилевым для посвящения, были:

Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе...

В библиотеке Брюсова хранился еще один экземпляр этого сборника (ныне он находится в частном собрании) с иной дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову кесарево кесареви. Н. Гумилев» (ЛН. С. 498). Об увлечении Гумилева ст-нием «Дедал и Икар» см. также № 65 наст. тома. Стр. 32-33. — Ср. слова

Дедала в брюсовском ст-нии: «Мой сын! Лети за мною следом, / И верь в мой зрелый, зоркий ум. / Мне одному над морем ведом / Воздушный путь до белых Кум». Кумы — греческий город в Малой Азии. Стр. 38. — Никаких поручений Гумилеву Брюсов, насколько известно, не дал.

88. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: 9 июля 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову, Цветной бул.<ьвар> Собственный дом». Штемпель почтового отделения Царского Села — 09.07.10. Штемпель московской экспедиции городской почты — 10.07.10. Ответом на это письмо является письмо В.Я. Брюсова от 29 августа 1910 г. (№ 19 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-4. — В последнем абзаце своей рецензии на Ж 1910 Брюсов подытоживал: «... в своих новых поэмах он в значительной степени освободился от крайностей своих первых созданий и научился замыкать свою мечту в более определенные очертания. Его видения с годами приобрели больше пластичности, выпуклости. Вместе с тем явно окреп и его стих. Ученик И. Анненского, Вячеслава Иванова и того поэта, которому посвящены «Жемчуга», Н. Гумилев медленно, но уверенно идет к полному мастерству в области формы. Почти все его стихотворения написаны прекрасно, обдуманными и утонченно-звучащими стихами...» (Русская мысль. 1910. № 7. С. 207-208 третьей пагинации). Стр. 6-7. — Отклик на следующее место в конце длинного вступления к брюсовской рецензии: «...Стало ясно, что начало всякого искусства -- наблюдение действительности, как вместе с тем стало виднее те опасности, к которым ведет безудержная фантастика. <...> Будущее явно принадлежит какому-то, еще не найденному, синтезу между «реализмом» и «идеализмом».

Этого синтеза Н. Гумилев еще не ищет. Он еще всецело в рядах борцов за новое, «идеалистическое» искусство. Его поэзия живет мире воображаемом и почти призрачном. Он как-то чуждается современности...» (Там же. С. 206). См. также стр. 7-9 № 96 наст. тома. Стр. 9-11. — Ср. следующее суждение Брюсова: «...он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами. В этих странах, — можно сказать в этих мирах, — явления подчиняются не обычным законам природы, но новым, которым повелел существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии, но по странным, необъяснимым капризам, подсказываемым автором-суфлером» (Там же. С. 207). Упреки в оторванности от действительности также содержались, в несколько ином контексте в рецензии Иванова на Ж 1910 — см. рассуждения Гумилева в его предыдущем письме о подходе к «общечеловеческим» темам, с ощущением «твердой почвы» под ногами. Стр. 17-18. — Ср. «уайльдианское» противопоставление искусства — обыденности в письме Гумилева к В.Е. Аренс

от 1 июля 1908 г. (№ 44 наст. тома). Стр. 26. — «Гумилев мечтал поехать с Ахматовой «не то морем во Владивосток, не то через Самарканд в Китай» (письмо М.М. Замятниной к М.А. Бородаевской от 24 июля 1910 г. — ГБЛ. Ф. 218, 1349. 12. Л. 3 об.). Этот замысел не осуществился» (ЛН. С. 499).

89. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.

Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 20. В стр. 16 перед «теоретической» ранее было «положительной».

Дат.: 2 сентября 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову, 1-я Мещанская, 32». Штемпель почтового отделения Царского Села — 02.09.10. Штемпель московской экспедиции городской почты — 03.09.10. Ответ на письмо В.Я. Брюсова от 29 августа 1910 г. (№ 19 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-10. — В августе 1910 г., П.Б. Струве стал единоличным редактором-издателем журнала «Русская мысль» (ранее он разделял свои полномочия с А.А. Кизеветтером), и предложил Брюсову с сентября заведовать литературно-критическим отделом журнала (см.: Литературный архив. Материалы и исследования. Т. 5. М.-Л., 1960. С. 259). Уже в августе Брюсов начал рассылать письма, приглашающие к сотрудничеству ряд русских и иностранных писателей и критиков (Бальмонта, Белого, Блока, Мережковского, Садовского, Сологуба, А.Н. Толстого, Чуковского — чуть позже Вяч. Иванова; а также Э. Верхарна, С. Цвейга, Р. Гиля; см., к примеру, его письмо А.М. Ремизову от 23 августа 1910 г. (ЛН. С. 207)). В письме к Гумилеву от 29 августа 1910 г., Брюсов также пригласил его к сотрудничеству в «Северных цветах» («Альманахе пятом книгоиздательства «Скорпион»». М., 1911), редакцию которых, как он объяснил, ему также пришлось взять на себя (№ 19 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). После выхода «Жемчугов», Гумилев в течение 1910 г. писал сравнительно мало новых стихов, и публиковал еще меньше (в июле его стихотворение «Маргарита» было напечатано в «Сатириконе»). 24 мая следующего 1911 г. он прислал Брюсову три ст-ния, одно из которых, «Из логова змиева» (№ 16 (II)), было опубликовано в Русской мысли» (1911. № 7). В альманахе «Северные цветы» — вышедшем, на самом деле, только осенью 1911 г. — появились ст-ния Гумилева «У камина» (написанное, по сообщению Лукницкого, по дороге в Африку осенью 1910 г., см.: Труды и дни. С. 204) и «Паломник» (№№ 10, 61 (II)). К художественной прозе Гумилев в то время не возвращался. Стр. 11-14. — По-видимому, решение Гумилева уехать в Африку было совсем недавним и достаточно неожиданным: примерно в это же время, должно быть, он написал Ахматовой в Киев, куда она поехала навестить мать: «Если хочешь меня застать, возвращайся скорее, потом что я уезжаю в Африку....» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris,

1991. С. 98). 13 сентября он устроил у себя прощальный вечер, на котором были С.К. Маковский, М.А. Кузмин, Ал. Н. Толстой с женой, С.Ю. Судейкин с женой, В. Чудовский, В.А. Комаровский.(Труды и дни. С. 203). 22 сентября он уехал, ровно на шесть месяцев: грандиозный замысел, обозначенный в настоящем письме, более или менее полностью реализовался (см. комментарии к № 91 наст. тома). Стр. 15-16. — Упоминание «Весов» — описка Гумилева: имеется в виду статья Брюсова «О «речи рабской» в защиту поэзии», опубликованная в «Аполлоне» (1910. № 9, июль-август), направленная против религиозно-мистического, «теургического» истолкования символизма в статьях Вяч. Иванова «Заветы символизма» и А. Блока «О современном состоянии русского символизма», напечатанных в предыдущем номере журнала. В «полемической части» статьи Брюсов писал: «... от поэтов я прежде всего жду, чтобы они были поэтами. Г. Вячеслав Иванов и г. Александр Блок в своих, взаимно дополняющих друг другу статьях <...> по-видимому, не разделяют этих моих (сознаюсь, довольно «банальных») мнений. Оба они стремятся доказать, что поэт должен быть не поэтом и книга поэзии — книгой не поэзии. Правда, они говорят: «книгой не поэзии, а чего-то высшего, чем поэзия», «не поэтом, а кем-то высшим, чем поэт» <...> Думаю, что после таких заявлений, весьма многие, вместе со мною, решительно встанут на защиту поэзии, хотя бы Вячеслав Иванов с А. Блоком и объявили ее «речью рабскою»...». 30 июля 1910 г. С.К. Маковский уверял Брюсова по поводу публикации его статьи: «Все симпатии молодой редакции на стороне тех взглядов на поэзию и литературу, которые Вы высказываете...» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 370). Из представителей «редакции», Е.А. Зноско-Боровский выразил свое мнение Маковскому в начале августа: «Брюсова печатать необходимо: по мне — он очень хорош и мы должны радоваться этой статье и воспользоваться ею, чтобы разорвать с религией» (Там же. С. 370). 7 августа 1910 г. Кузмин удовлетворенно отметил в дневнике: «Ура, <...> статья Брюсова печатается» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 230). 27 августа он почти так же восторженно писал самому Брюсову: «Когда Вы прислали нам свою статью, нельзя представить, какая бодрость и почти ликованье настали в «молодой» редакции» (Блок в неизданной переписке... С. 370; другие материалы — Там же. С. 369-371; см. также письмо Маковского Брюсову от 6 августа 1910 г. (Брюсов В.Я. Среди стихов. 1894-1924. М., 1990. С. 688)). Стр. 16-19. — Сам Гумилев дважды выступал с критикой доклада Вяч. Иванова в «Обществе ревнителей художественного слова», легшего в основе его статьи в «Аполлоне» — сразу после доклада, 26 марта 1910 г., и на прениях по его поводу 1 апреля. В «Заветы символизма» Иванов вставил «новый» абзац, полемически направленный против выступлений Гумилева, в котором затрагивалось соотношение лирики с «парнасизмом» (см., прежде всего: Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (Обсуждение доклада Вяч. Иванова) //

Русская литература. 1990. № 1. С. 203, 206-207; о «парнасизме» (или «парнасстве») см. также комментарии к стр. 11-19 № 87 наст. тома). Разногласия привели к заметному напряжению в личных отношениях Гумилева (и, шире, «молодой редакции») с Ивановым — что зафиксировано, отчасти, в дневнике Кузмина за летние месяцы 1910 г. (ср. в качестве «красноречивого исключения» запись от 18 июня: «...Гумми тянул было в ресторан, но ни у кого не было денег. Поехали к нам. Вячеслав его не бранил...»). Что же касается Блока, то Брюсов в своей полемичной статье фактически игнорирует различия в позициях Иванова и его «содокладчика»; однако сотрудники «Аполлона», по-видимому, первоначально считали доклад Блока «О современном состоянии русского символизма», прочитанный в «Обществе ревнителей художественного слова» 8 апреля 1910 г. , полемичным по отношению к ивановскому, и поэтому, против пожелания Блока, настояли на его публикации одновременно с докладом Иванова (см.: Блок в неизданной переписке... С. 366, 370). Разговор Гумилева с Блоком — по всей вероятности, их первая серьезная беседа — мог состояться еще 26 марта (см. Блок А. Записные книжки. М.-Л., 1965. С. 170) и, должно быть, сказывался на восприятии блоковских взглядов в окружении «Аполлона». В дальнейшем, как известно, полемика вокруг этих выступлений, ознаменовавшая начало распада символизма, имела продолжение в статьях Д. Мережковского (Русское слово. № 211. 14 сентября 1910), А. Белого (Аполлон. 1910. № 11), С. Венгерова (Русский Вестник. № 14. 19 января 1911), С. Адрианова (Вестник Европы. 1910. № 10), П. Мокиевского (Русское богатство. 1910. № 11).
Стр. 22-23. — В «Аполлоне» (1910. № 4) был напечатан цикл итальянских стихов А. Блока: «Равенна» («Все, что минутно...»), «Maria da Spoleto», «Холодный ветер от лагуны...», «Слабеет жизни гул упорный...», «Благовещенье», «Успенье». Стремление к «строгому искусству» также усмотрел в этих стихах в канун создания Цеха поэтов С. Городецкий, отметив в них «строгую четкость, которая дается только на высотах мастерства» (Речь. № 320. 19 ноября 1911). О позднейшем, отчасти полемичном восприятии этих стихов в творческом сознании Гумилева см. в комментариях к его же итальянским стихам в т. II. наст. изд. Стр. 24-27. — В письме к Гумилеву от 29 августа, Брюсов сожалел, что не имел возможности поговорить с ним об «Аполлоне» «как хотелось бы и было бы надо». Такое пожелание могло быть непосредственно связано с недавним предложением Брюсову со стороны С.К. Маковского «деятельно работать в «Аполлоне», где вся редакция тяготеет к его литературному credo» (Блок в неизданной переписке... С. 370), и его ответным выражением недовольства практикой журнала (Там же. С. 371). Следует добавить, что в то время нередко возникали сомнения насчет того, кто на самом деле заведует журналом: с заявлениями, сходными с гумилевским, тогда же обратились к Брюсову как Кузмин (письмо от 27 августа 1910 г.: там же. С. 370), так и Вяч. Иванов («я не член редакции и за ходом редакционных дел не слежу...» (письмо к Брюсову от 22 мая 1910 г.: Переписка < Брюсова> с Вячеславом Ивановым (1903 –1923) / Предисловие и публикация С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 527; ср. по контрасту, неверное предположение Эллиса о ведущей роли

Иванова (комментарии к № 87 наст. тома)). 20 сентября 1910 г. даже Маковский мог уверять Иванова, что он «познакомился со статьей Брюсова только в верстке» (Блок в неизданной переписке... С. 370).

90. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Полушин -- Соч III; НП (публ. Р.Д. Тименчика).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 3. Ед. хр. 13. В стр. 25 после «одно и тоже» другими чернилами проставлено — (?)

Дат.: 20 сентября 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо написано на двух листах бумаги — на одном листе само письмо, на другом — ст-ние А.Г. Архангельского (написанное его рукой) с пометками Гумилева и его разбором по пунктам. На листе со ст-нием пометка (не рукой Гумилева) — «1910 год. С.Петербург». Письмо вложено в конверт, адрес написан Гумилевым: «Петербург. Васильевский остров 2 л.<иния>, ?. д.41. кв. 17. Его Высокородию г. Ал. Архангельскому». Штемпель почтового отделения С-Петербурга — 20.9.10.

По сообщению первого публикатора этого письма, Р.Д. Тименчика: «Архангельский Александр Григорьевич (1889—1938) — тогда начинающий стихотворец, а впоследствии советский сатирик и пародист. О книжке его стихов «Черные облака» (Чернигов, 1919) известный филолог А. А. Смирнов писал: «Весь сборник проникнут <...> влиянием петербургской группы современных лириков. <...> По существу, эти подражания, непретенциозные и довольно умелые, не плохи. Автор сознательно идет на выучку к старшим» (Творчество (Харьков) 1919, № 5—6, с. 39). Архангельский обратился к Гумилеву, по-видимому, на адрес журнала «Аполлон»...» (НП. С. 70). Через три дня после отправки данного письма, в письме от 23 сентября 1910 года, Ахматова сообщила А.Г. Архангельскому, что «Николай Степанович Гумилев вчера уехал на 4 мес<яца> в Африку» (РГАЛИ. Ф.3. Оп.1. № 65; Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 37). Двадцать лет спустя, в письме от 10 мая 1930 года, А. Архангельский послал Никитиной в коллекцию писем писателей и поэтов это «письмо Н. Гумилева ко мне с разбором моего стихотворенья». Одновременно были посланы «письмо и открытка Ахматовой, бывшей в те годы еще Анной Гумилевой».

91. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин.

Автограф — РНБ. Ф. 124. № 1399.

Дат.: 7 / 20 октября 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с изображением «Vue de meolahane Kapou», адресованная: «Russie. Петербург. ЕВБ Евгению Александровичу Зноско-Боровскому. Мойка, 24. «Аполлон». Штемпель «Константинополь. 7 окт. 1910» — на русском языке (послана с борта парохода, датировка по ст. стилю). Второй штемпель стерт.

Первое из дошедших до нас писем, написанных во время второго, самого длительного путешествия Гумилева в Абиссинию (конец сентября 1910 — конец марта 1911 г.). Из-за крайне ограниченного круга достоверных источников (ср.: «Никому в Россию не пишет. В Петербурге и Царском Селе о нем нет никаких известий. [А.И. Гумилева, А.А. Ахматова]» (Труды и дни. С. 205) это путешествие до настоящего времени было очень скупо освещено в биографической литературе о поэте. Однако сейчас в научный обиход попали документы, позволяющие достаточно полно реконструировать маршрут Гумилева и некоторые обстоятельства его пребывания в «стране черных христиан», внеся существенные коррективы в предшествующие версии.

Долгое время практически единственным источником сведений о путешествии Гумилева 1910-1911 гг. оставалась биографическая хроника П.Н. Лукницкого, где об этих месяцах сказано буквально следующее (в квадратных скобках указываются источники информации Лукницкого):

1910. Около 25 сентября

Уехал из Петербурга в Африку.

[письма, А.А. Ахматова, М.А. Кузмин]

1910. Конец сентября — октябрь

Путь в Африку. Из Одессы морем: Константинополь (1 октября); Каир (ок. 12-13 октября). <...> Бейрут, Порт-Саид (13 октября); Джедда, Джибути (приблиз. 25 октября). <...> С дороги пишет письма жене, матери, С.К. Маковскому, Е.А. Зноско-Боровскому, М.А. Кузмину и др.

[Письма (в настоящее время из перечисленных Лукницким писем сохранились только письма к Маковскому (№ 92 наст. тома) и Зноско-Боровскому (№№ 91, 94 наст. тома), кроме того, сохранилось не учтенное Лукницким письмо к Вяч. И. Иванову (№ 93 наст. тома) — *Ред.*)].

1910. Ноябрь

Путешествие по Африке. Идет через Черчер в Аддис-Абебу.

[Б.А. Чемерзин]

1910. 19 ноября

В Аддис-Абебе был с визитом и завтраком у русского посланника в Абиссинии Б.А. Чемерзина.

[Письма жены Б.А. Чемерзина]

1910. Декабрь 1910-начало января 1911

Живет в Аддис-Абебе в «Hôtel d'Jmpedtrice», а потом в «Hôtel Berrasse». Встречается с русским посланником в Абиссинии Б.А. Чемерзиным и его семьей, русским доктором Кохановским, русским офицером Ив. Филарет. Бабичевым и европейски-

ми (главным образом французскими) инженерами, коммерсантами, служащими банка. Вместе с абиссинским поэтом собирает абиссинские песни.

В «Hôtel Berrasse» был ограблен.

[Б.А. Чемерзин]

Примечание. Б.А. Чемерзин жил в нескольких верстах от Аддис-Абебы (на территории русской миссии), и Н.Г. ездил к нему на муле.

1910. 25 декабря (ст. ст.)

Получил приглашение, и вместе с Б.А. Чемерзиным участвовал на парадном обеде в честь Лидж-Ясу, наследника абиссинского императора, происходившем в Аддис-Абебе, в Геби (дворце негуса). На обеде присутствовал весь дипломатическим корпус, доктора и служащие банка и ок. 3000 абиссинцев. Обед длился с 10 ч. утра до 1 ч. дня. Обед абиссинских войск продолжался с 5 ч. утра до 6 ч. вечера.

[Б.А. Чемерзин и письма его жены]

1910. Начало декабря (ст. ст.)

Новый год встречал в Аддис-Абебе у русского посланника в Абиссинии Б.А. Чемерзина; здесь встретился с русским доктором Кохановским.

[Письма жены Б.А. Чемерзина]

<...>

Начало 1911 (в Африке)

В конце путешествия прислал в Царское Село (А.И. Гумилевой) телеграмму.

[А.А. Ахматова]

<...>

1911 Конец января? — февраль

Путь из Аддис-Абебы через пустыню и Черчер в Джибути

[Б.А. Чемерзин]

Примечание. Б.А. Чемерзин сообщает, что в Джибути Н.Г. должен был знать Ато-Иосифа — абиссинского представителя, который мог помогать ему в собирании писем и этнографических предметов, потому что сам, кажется, был поэтом.

1911. Февраль? — март

Путь из Джибути на пароходе в Россию (Александрия — Константинополь — Одесса)

[А.А. Ахматова и др.]

1911. Март

Проездом через Москву был у В.Я. Брюсова.

[И.М. Брюсова]

1911 25 марта (или не раньше 19 марта)

Вернулся из Африки в Петербург и Царское Село. Новых стихов не привез. Приехал больным сильнейшей африканской лихорадкой; разочарованный Африкой, экзотикой, путешествиями, настроенный крайне пессимистично. (Труды и дни. С. 203-206).

В настоящее время мы располагаем, во-первых, оригиналами писем Гумилева, относящихся к этому путешествию, сохранившимися в архиве Лозинского, во-вторых, текстами писем Анны Васильевны Чемерзиной, частично опубликованными А. Давидсоном в монографии «Муза странствий Николая Гумилева» (М., 1992), и, в-третьих, материалами доклада Гумилева о своем путешествии, прочитанном в редакции «Аполлона» (Н. Гумилев и русский Парнас. СПб., 1991). Эти и некоторые косвенные свидетельства в произведениях Гумилева позволяют существенно пополнить и исправить данные П.Н. Лукницкого.

Как явствует из настоящего письма Е.А. Зноско-Боровскому, отправленного с борта парохода и имеющего, потому, «русский» константинопольский штемпель, в Константинополь поэт прибыл 7/ 20 октября 1910 года. Из этого следует, что дорога из Петербурга, откуда он выехал 22 сентября 1910 г. (см. о письме Ахматовой А.Г. Архангельскому от 23 сентября 1910 г. в комментариях к № 90 наст. тома) до Константинополя заняла у него две недели. Если учесть что обычный срок подобного путешествия — неделя (см. январское 1910 г. письмо к М.А. Кузмину из Харэра — «...я... уже по дороге в Константинополь и через неделю увижу тебя» (стр. 21-22 № 83 наст. тома), то, очевидно, на пути была длительная остановка, возможно в Одессе, в ожидании парохода, или по причине карантина (Черемзиных, отправившихся в Абиссинию тем же путем в начале августа 1910 г., несколько дней продержали в карантине перед входом в Босфор, а в Константинополе еще «пугали, что в Порт-Саиде свирепствует чума» (Давидсон С. 87). Упоминаемая в письме «поэма» (стр. 3) — «Открытие Америки», четвертую и заключительную песню которой Гумилев написал, выехав из Константинополя в Средиземное море (см. № 93 наст. тома), и отправил С.К. Маковскому ровно через неделю, в письме от 13/26 октября (см. № 92 наст. тома). Поэма была начата летом — еще 14 июля 1910 г. М.А. Кузмин отметил в своем дневнике: «Гумми читал свою «Америку», потом играли в мяч» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 224), и целиком опубликована в № 12 «Аполлоне» за 1910 г.

Из Константинополя в Египет Гумилев отправился «окружным» маршрутом, через Кипр и Бейрут в Порт-Саид, откуда была отправлена открытка С.К. Маковскому от 13/26 октября 1910 г. (см. № 92 наст. тома и комментарии к нему). Прямой рейс из Константинополя занимал около 4-х суток, но пароход Гумилева огибал все побережье, делая много остановок, и потому путь до Порт-Саида занял неделю. Десять дней спустя, Гумилев отправил открытку Вяч. И. Иванову с видом Порт-Судана и почтовым штемпелем «Шеллал — Хальфа, 5 ноября (23 октября ст. ст. — *Ред.*) 1910)» (см. № 93 наст. тома и комментарии к нему), а еще через

три дня — открытку Е.А. Зноско-Боровскому из Джедды (см. № 94 наст. тома и комментарии к нему). Из этого следует, что в Порт-Саиде Гумилев сошел на берег и далее двенадцать дней двигался сухопутным или речным путем. Скорее всего, из Порт-Саида он сразу же отправился поездом в любимый Каир (ср. «Кто испробовал воду из Нила / Будет вечно стремиться в Каир» (№ 6 (II); эту поездку он совершил в обратном направлении в 1909 г.), и там сел на речной пароход по Нилу и поплыл по маршруту Каир — Асуан — Шеллал — Хальфа. Хальфа была связана с Порт-Суданом железной дорогой, и это расстояние поезд преодолевал не более, чем за один день. Приехав в Порт-Судан 25 октября / 7 ноября 1910 г., Гумилев искупался, сходил в кафе и написал открытку Е.А. Зноско-Боровскому, которую он отправил в следующий день, 26 октября / 8 ноября 1910 г., по прибытии в Джедду. Далее — трое суток от Джедды до Джибути, где Гумилев высадился, предположительно, 29 октября / 11 ноября 1910 г., чтобы отправиться по уже отработанной «схеме» через Дыре-Дауа (см. комментарии к № 74, 83 наст. тома) и далее «вглубь страны» — в этот раз уже в столицу, в Аддис-Абебу. О его прибытии туда сообщается в письме А.В. Чемерзиной (она пишет своей матери в Россию) помеченным 19 ноября 1910 г.: «...Сегодня у нас завтракал русский корреспондент «Речи» и журнала «Аполлон» (декадентский) Н.С. Гумилев, приехал изучать абиссинские песни. <...> Он сообщил нам, что приехал одновременно с нашей горничной — женой Дмитрия и заботился о ней, служа ей переводчиком в Джибути и Дире-Дау» (Давидсон. С. 85). Неясно, датирует ли А.В. Чемерзина свои письма по «старому» (русскому) или «новому» (европейскому) стилю, поэтому срок путешествия Гумилева из Джибути в Аддис-Абебу колеблется от недели до трех недель (русская миссия размещалась в нескольких верстах от города, а поскольку он «сопровождал» горничную Чемерзиных, то, очевидно, он нанес им «визит» в первый же день по прибытии или на следующий день). Теоретически и то, и другое возможно, если вспомнить, что и в предыдущем путешествии у Гумилева был альтернатива в выборе средств передвижения (см. комментарии к стр. 17-19 № 77 наст. тома и стр. 3-4 № 80 наст. тома), а здесь он в качестве «спутника горничной» ехал «по прямой», без «туристических остановок», но реальнее кажется вторая, «трехнедельная» версия, без железнодорожного передвижения, караваном («свита Чемерзина», по письмам, которые приводит А. Давидсон, двигалась вообще более месяца (но у них были вынужденные остановки по болезни и большой караван)). Тогда получается, что Гумилев достиг Аддис-Абебы 19 ноября / 2 декабря 1910 г.

В письмах Чемерзиной есть еще два упоминания о собственно пребывании Гумилева в Аддис-Абебе. В письме, помеченном 14-м января 1911 г., она описывает минувшие рождественские праздники в русской миссии, которые отмечали здесь, естественно, по «русскому стилю», т.е. 25 декабря 1910 г. (7 января 1911 г. по «новому стилю», и это позволяет предположить, что датировка данного письма проставлена по европейскому, григорианскому календарю). «Елка у нас была также, привезли деревцо, напоминающее наши ёлки, украсили свечами громадными да цветами и лентами; в общем было недурно, — пишет Чемерзина. — Зажигали в Сочель-

ник и на Рождество в присутствии доктора <Кохановского> и русского Гумилева...» (Давидсон. С. 85-86). К этим же рождественским дням относится и приведенное выше свидетельство Б.А. Чемерзина о совместном с Гумилевым посещении парадного обеда во дворце негуса, вошедшее в «Труды и дни». Очевидно, Гумилев прибыл в миссию в «русский» сочельник 24 декабря 1910 г. / 6 января 1911 г., «зажигал елку» и праздновал появление «первой звезды», разговляясь вместе с собравшимися там гостями, затем, в рождественское утро, поехал вместе с русским посланником во дворец в Геби, а после — вернулся вместе с ним в миссию, где снова «зажгли елку» и продолжили празднование уже собственно Рождества. Второе упоминание Гумилева у Чемерзиной касается обстоятельств его отъезда из столицы Абиссинии и находится в письме, помеченном 1-м января 1911 года: «...Здесь у нас в Аддис-Абебе проживает временно декадентский поэт Гумилев, окончивший Сорбонну <...> Вероятно, он скоро уезжает через пустыню и Черчер; решил предпринять этот путь, после тысячи самых невероятных проектов. Видимо, он богатый человек, очень воспитанный и приятный в обращении...» (Дависон. С. 85). Дата письма на этот раз, очевидно, «русская», ср. приведенные выше сведенья Лукницкого, о том, что «русский Новый год», как и «русское Рождество» Гумилев праздновал в миссии у Чемерзиных, — отсюда и упоминание о поэте в «новогоднем письме» жены посланника. Таким образом, Гумилев покинул Аддис-Абебу после 1/14 января 1911 года. Других упоминаний о нем в письмах Чемерзиной уже нет.

По данным П.Н. Лукницкого (см. выше) Гумилев вернулся из этого путешествия в Петербург «25 марта 1911 г. (или не раньше 19 марта)» (в материалах А. Хэйт более категорично — «25 марта (на Благовещенье)» (см.: Хэйт С. 226)). Таким образом на обратный путь у него ушло без малого три месяца. Столь длительный срок — если вспомнить, что ранее дорога из Петербурга в Аддис-Абебу со всеми ее «египетскими» «кругами» и переменами транспорта заняла у него, даже если считать по самому «длительному» хронологическому варианту датировок менее двух месяцев (с 23 сентября по 19 ноября 1910 г. по «старому» стилю), ставит под сомнение версию Лукницкого (со слова Б.А. Чемерзина) об обратном пути Гумилева «из Аддис-Абебы через пустыню и Черчер в Джибути» (см. выше). Это — «прямой путь» в Россию, уже знакомый поэту, и в таком случае он не позже середины февраля 1911 г. был бы дома. Так что можно предположить, что Гумилев возвращался домой не по «проторенной дорожке», а действовал в соответствии с тем «самым невероятным проектом», который он определил еще в сентябрьском письме к Брюсову: «через Абиссинию <...> на озеро Родольфо, оттуда на озеро Виктория и через Момбаз в Европу» (см. № 89 наст. тома). В Момбазе (по современным нормам — Момбасе) в те годы находилось управление Имперской Британской Восточноафриканской компании; это был главный порт Восточноафриканского протектората, а затем колонии Кения. О Момбасе Гумилев писал, уже с дороги, и в письме Маковскому, в котором он попросил выслать «150 или 200 рублей на обратный путь» («Во всяком случае напишите мне туда до востребования, чтобы я знал, чего держаться...» — см. стр. 12-18 № 92 наст. тома). Такое

письмо говорит не только о том, что Гумилев не отказался от мысли добраться до Момбасы, но и о том, что он должен был добраться туда, чтобы вообще вернуться в Россию. Вероятно, это было тем более необходимо, что в «Hôtel Berrasse» в Аддис-Абебе он был обокраден (см. выше), — и все же он, по-видимому, покинул абиссинскую столицу, без того, чтобы занять деньги на обратную дорогу у Черемзиных (ср.: «он богатый человек, очень воспитанный и приятный в обращении...»). Маршрут Гумилева из Аддис-Абебы не поддается точной реконструкции, но так как он вернулся из путешествия 25 марта, то можно сказать, что на пароход в Момбасе он должен был сесть не позже 1 марта (от Момбасы до Джибути около недели плавания; от Джибути до Одессы — порядка двух недель). Следовательно его «таинственные странствия» продолжались около полутора-двух месяцев — что было вполне достаточно, чтобы добраться до конечной точки или же, по необходимости, до любой точки между Момбасой и озером Виктория. Уже в начале века от озера Виктория до Момбасы, через столицу современной Кении Найроби, англичанами была проложена железная дорога с постоянным сообщением. Эта линия железной дороги и была той «финишной ленточкой», которую Гумилев должен был пересечь где-то в конце февраля.

Уточнить «обратный» маршрут путешествия 1910-1911 гг. позволяют и упоминание поэтом в ст-нии «Пальмы, три слона и два жирафа...», написанном в июле 1911 г. (см. № 52 (II)), себя как «гостя и барда» горной страны Каффа, расположенной на юге Абиссинии и граничащей с Кенией и северной оконечностью озера Родольфо, а в «Африканском дневнике» 1913 г. — упоминание города Гинир, расположенного примерно в 300 километрах к юго-востоку от Аддис-Абебы, где, как явствует из контекста, Гумилев уже побывал прежде («на базаре в Гинире мне долго отказывались продать зонтик туземской работы...» — см. стр. 66 № 12 (VI) и комментарии к ней). Если усмотреть в этих упоминаниях указание на географические реалии 1911 г., то нетрудно себе представить, что, огибая через Гинир самые крутые, непроходимые абиссинские горы, Гумилев мог потом взять курс на Каффу и, оттуда, вдоль озеро Родольфо, на юго-запад (к экватору) в любую точку озера Виктория, или даже на юго-восток, прямо к в Момбасе. И можно добавить, что Гумилев не первым прошел бы такую дорогу: среди книг известного африканского путешественника, старшего современника поэта А.К. Булатовича имеется и такая: «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Родольфо».

Таким образом, реконструированный маршрут второго абиссиского путешествия Гумилева 1910-1911 гг. выглядит следующим образом: поездом — из Петербурга в Одессу, затем пароходом из Одессы в Константинополь, Кипр, Бейрут и Порт-Саид. Затем поездом до Каира, и потом пароходом по Нилу до Хальфы. Затем снова поездом до Порт-Судана и оттуда пароходом в Джедду и Джибути. Из Джибути через Дыре-Дауа Гумилев прибывает (караваном?) в Аддис-Абебу — цель своего путешествия. В столице Абиссинии он живет около двух месяцев и потом отправляется в обратный путь, но его возвращение превращается в отдельное путешествие в «черную Африку», к экватору: караваном из Аддис-Абебы в Гинир и через Каффу

(и Кению?) в Момбасу (сюда он прибыл с одной из станций железной дороги, соединяющей озеро Виктория с этим портом). В Момбасе он садиться на пароход, и, очевидно опять через Джибути и Константинополь возвращается в Одессу, и, по железной дороге через Москву — в Петербург.

92. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Автограф — архив Лозинского.
Дат.: 13/26 октября 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Russie (via Brindizi) St.-Petersbourg. Redaction de la revue «Apollon». Россия. Петербург. Редакция журнала «Аполлон». Мойка, 24. ЕВБ. С.К. Маковскому (рукопись). Expedié par Nicolas Goumileff, Port-Said P.R. Отправитель Н. Гумилев, Порт-Саид, до востребования». На конверте надпись: «Recommandée. Заказное». На обратной стороне конверта написано: «N. Goumileff». Штемпель почтового отделения Порт-Саида — 26.10.10. Штемпель почтового отделения Петербурга — 22.10.10.

Маковский Сергей Константинович (1877 — 1962) — историк искусства, художественный критик, поэт, мемуарист, автор трех эссе о Гумилеве. Основатель и редактор журнала «Аполлон» (1909-1917); в этом качестве упоминается в комментариях ко многим письмам наст. тома (№№ 62 и далее). Подробнее о деятельности Маковского в связи с «Аполлоном» см. публикации его переписки с И.Ф. Анненским и Вяч.И. Ивановым (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978; Новое литературное обозрение. 1994. № 10).

Стр. 2-4. — Поэма «Открытие Америки» была опубликована в последнем номере «Аполлона» за 1910 г. (№ 12). Стр. 4-6. — Имеется в виду финал четвертой (не вошедшей в окончательный вариант) части поэмы:

...Но безумцы, те уйдут туда,
Где еще не веял стяг победы.

Потому что бог их — бог измен!
Путник, он идет над звездным севом,
Он всечасно хочет перемен;
Белизна нагих его колен,
Вздох, звучайщий солнечным напевом,
Снятся только ангелам и девам.

Странный бог, не ведающий зла,
Честный, как летящая стрела,
Чуждая и круга и угла,

Стройный бог с душою, пьяной снами,
Легкими и быстрыми шагами
Вдаль и вдаль идущий над мирами!

Голос твой, о Муза, точно рог,
Он сродни тебе, веселый бог!
Эти губы алого коралла
Ты когда-то в небе целовала,
Ты уже касалась этих ног
С их отливом бледного опала.

Заповедь его нам назови,
Дай нам знак, что ты пришла оттуда!
Каждый вестник был досель Иуда.
Мы устали, мы так жаждем чуда,
Мы так жаждем истинной любви...
— Будь как бог: иди, лети, плыви!

(см. стр. 180-181 т. II наст. издания (укажем на техническую ошибку, допущенную там — заглавные буквы в слове «Бог»)). Этот «гимн Аполлону» позволяет как существенно уточнить характер «аполлонизма» Гумилева — сотрудника журнала Маковского, носящего имя «веселого бога», — так и представить себе настроение поэта в начале путешествия (ср. упомянутый Ахматовой гумилевский «биографический» мотив ««золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий» в комментариях к № 33 (III) (С. 357) и № 12 (VI) (С. 408)).В версии «Аполлона» поэма «Открытие Америки» была в четырех частях. См. также стр. 5-6 № 93 наст. тома. Стр. 11-17. — В «Антологии издательства Мусагет» (М., 1911) были помещены ст-ния Гумилева «Ослепительное» и четыре «Абиссинские песни» (№№ 4-8 (II)); об этом издании см. рецензию на нее Гумилева (№ 33 (VII)) и комментарии к ней. О связях Гумилева в то время с «Северными Цветами» и «Русской Мыслью» см. комментарий к № 89 наст. тома. О роли этих денег, по-видимому, действительно переведенных Маковским в кенийский порт Момбаса, в африканском путешествии 1910-1911 гг. см. комментарии к № 91 наст. тома.

93. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.
Автограф. — РГБ. Ф. 109. К. 17. № 28.
Дат.: 23 октября / 5 ноября 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с изображением «Port Sudan Station. Boat Express ready to Start». («Станция Порт Судан. Корабль-экспресс готовится к отплытию»). Штемпель пароходной компании — SHELLAL — HALFA T.P.O. 5 NO. 10 (05.11.10 — *Ред.*).

Штемпель почтового отделения Каира — 07.11.10 (данный штемпель промежуточной пересылки: из Каира письмо было отправлено в Петербург через Бриндизи (Италия)).

Открытка послана Гумилевым с борта корабля в нильском порту Шеллал (Египет), на стоянке перед отплытием в Хальфу (на кораблях были свои почтовые отделения). С борта открытка сразу же была передана на железную дорогу и поездом доставлена в Каир, а оттуда переправлена через итальянский порт Бриндизи в Петербург. Гумилев в это время уже плыл в Хальфу именно по тем местам, о которых он «без конца толковал» с Ивановым в ноябре 1909 г., обсуждая возможное путешествие «в Нубию и по Нилу...» (см. комментарий к № 72 наст. тома). Для того, чтобы понять специфику этого этапа путешествия поэта, нужно помнить, что в те времена (и до постройки современной Асуанской плотины) судоходство по Нилу имело свои особенности. В нижнем течении Нил был судоходен от устья (Порт-Саид, Каир) до Асуана, выше которого располагался «первый порог» и первая, построенная англичанами в 1902 г. плотина у острова Филе. Порт Шеллал находился за этой плотиной, открывая второй судоходный участок Нила — до Хальфы, за которой находился «второй порог». Сейчас это Вадю-Хальфа, находящаяся на территории Судана, в Нубии — т.е. как раз местность, которая и планировалась конечным пунктом несостоявшегося путешествия двух поэтов. Можно предположить, что Иванов упоминал Нубию не случайно: перед Хальфой располагается знаменитый, самый отдаленный от традиционных туристских маршрутов древнеегипетский ансамбль — Абу-Симбел. В наше время, после строительства современной плотины большая часть этих нильских территорий затоплена озером Насер.

Стр. 5-6. — Имеется в виду поэма «Открытие Америки». См. №№ 91, 92 наст. тома и комментарии к ним.

94. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

ЛН (в комментариях, не полностью, с неверной датировкой).

Автограф — Архив Лозинского.

Дат.: 26 октября / 8 ноября 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Почтовая открытка — фото с изображением суданского жителя рядом с ослом, запряженным в арбу и надписью «Vegetable Man, Port Sudan.» (Торговец овощами, Порт-Судан), — адресованная: «Russie (via Brindizi) Петербург. Редакция журнала «Аполлон». Мойка, 24. Его Высокородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому». Штемпель почтового отделения Джидды — 08.11.10. Остальные штемпели — неразборчивы.

Стр. 1 — Джидда (у Гумилева — Джедда) порт на восточном берегу Красного моря в нынешней Саудовской Аравии. Описание города и его окрестностей, включая «могилу Евы», оставил Ш.М. Ишаев, служащий русского консульства в Джидде за 15 лет до появления там Гумилева: «В 1895 году я служил в г. Джедде, лежащем на берегу Красного моря, в области Аравии — Геджасе <...>. Джедда — довольно

значительный город, главный торговый пункт Геджаса; на его рейде часто останавливаются пароходы и суда, ведущие сношения Европы с восточною Африкою, южною Персиею, Индиею и дальним Востоком. Через Джедду двигается также масса мусульманских паломников в Мекку, приезжающих из разных стран на судах и пароходах. Здесь они высаживаются и совершают сухопутную поездку в Мекку, до которой от Джедды не более семидесяти верст. Для охраны интересов паломников в Джедде находятся консульства от европейских государств, имеющих подданных мусульман; в числе консульств имеется и русское, в котором я и служил.

Город Джедда расположен на пустынном берегу моря, как в нем, так равно и в окрестностях почти вовсе нет растительности, исключая нескольких финиковых пальм. Джеддинский рейд не отличается благоустройством. <...> Особых достопримечательностей в городе нет, исключая могилу Евы, которая находится за городом, посреди большого кладбища. Могила праматери всех людей имеет в длину до 60 аршин (42,7 м.— *Ред.*); в головах поставлено что-то вроде мраморной плиты с арабскими надписями и растет финиковая пальма; в ногах растут какие-то кустарники. Над срединой могилы построены два помещения под одною крышею; одно из них считается мечетью, а в другом имеется гробница, к которой приходят паломники и прикладываются. У входа, снаружи, находится выдолбленный в большом камне резервуар, напоминающий собой колоду, из которой поят лошадей; в него наливают воду и его считают Зем-Земом Евы. Здесь живет много шейхов, а еще больше нищих женщин и детей; они собирают подаяние у являющихся на поклонение паломников.

Как сказано выше, могилу Евы окружает кладбище, на котором, между прочим, похоронен первый русский консул в Джедде действительный статский советник Шагимардан Мирясович Ибрагимов, умерший от холеры в первый же год своего назначения (в 1892 г.). На его могиле поставлен камень с надписью на русском и арабском языках его преемником консулом г-м Левицким» (Ишаев Ш. М. Мекка — священный город мусульман. Рассказ паломника. Гл. 1. Цит. по: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Arabien/Isaev/text.htm).

95. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 16 апреля 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Оригинал письма написан на обороте художественной открытки с изображением — «Addis Ababa. Marchants» («Аддис-Абеба. Купцы»), — адресованной: «Петербург. Его Высокородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому. Мойка, 24. «Аполлон»». Штемпель почтового отделения Царского Села — 16.04.11. Штемпель отделения городской почты С-Петербурга — 16.04.11.

С. 3. — Гумилев приехал из африканского путешествия «больным сильнейшей африканской лихорадкой» (Труды и дни. С. 206), подхваченной, очевидно, в лесах Кении, в районах озер Родольфо и Виктория (см. ст-ние «Экваториальный лес» (№ 17 (IV)), ретроспективно обращенное к этому мотиву:

Я спросил, почему он так мертвенно бледен,
Почему его руки сухие дрожат,
Как листы? — «Лихорадки великого леса». —
Он ответил и с ужасом глянул назад.

Как сообщала Лукницкому Ахматова, с середины апреля 1911 г. у него «возобновились приступы африканской лихорадки» (Труды и дни. С. 207). Однако не только болезнь помешала ему «приехать» к Е.А. Зноско-Боровскому в субботу 16 апреля 1911 г.: в этот день он впервые за два года посетил поэтический вечер «Кружка Случевского» (см. комментарии к № 53 наст. тома), который прошел на квартире И.И. Ясинского (Черная речка, Головинская улица, д. 9). На вечере присутствовали Ф. Сологуб, В.И. Кривич, С.В. фон Штейн и др. (см.: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С. Гумилева (Вокруг дневников и альбомов Ф.Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 178). На этом вечере Гумилев прочитал ст-ния «Ослепительное» и «У камина» (№№ 4, 10 (II)). Подробное описание этого эпизода — в воспоминаниях А.А. Кондратьева (Последние известия (Ревель). 20 февраля 1927 (№ 48). С. 2). На следующий день (воскресенье, 17 апреля) встреча Гумилева с его «аполлоновским» окружением снова не состоялась: у него в Царском Селе гостил один лишь В.Г. Князев — о чем свидетельствует «обиженная» запись в дневнике М.А. Кузмина (см.: Кузмин М.А. Дневник. 1908-1915. СПб., 2005. С. 276). Стр. 4-5. — О Г.И. Чулкове см. комментарии к стр. 19 № 59 (VII). В апреле 1911 г. он сближается с Гумилевым: вместе с Кузминым, Князевым и Чудовским наносит ему визит после его возвращения из Абиссинии (27 марта 1911 г.), присутствует на «африканском» докладе поэта в «Аполлоне» (см.: Тименчик Р.Д., Лавров А.В. Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома на 1974 г. Л., 1976. С. 68), а на следующий день, вместе с Гумилевым, Кузминым и Зноско-Боровским устраивает «вечер Т. Готье» — с привлечением эфира, В.Э. Мейерхольда, «4-х дам» и «для <Кузмина> кого-нибудь» (см.: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 272). Стр. 5-7. — Поэтесса Мария Людвиговна Моравская (1889-1947), будущий автор детских стихов (сб. «Апельсиновые корки» (1914), достаточно оригинальной, «разговорной» камерной лирики («Золушка думает» (1915), и затем, в эмиграции, католическая монахиня в Америке, дебютировала одновременно с Ахматовой на «башне» Вяч. И. Иванова 14 марта 1911 г. (см.: Суперфин Г.Г., Тименчик Р.Д. Письма А.А. Ахматовой к В.Я. Брюсову // Cahiers du Monde russe et soviétique. XV. № 1-2. Pp. 191-192), а затем вошла в первый «Цех поэтов». Ахматова надписала ей свою первую книгу («Вечер», 1912) — «Милой М.Л. Моравской, товарищу по Цеху. 10 марта» (КРЛ. С. 32). М.А.Зенкевич познакомился с Гумилевым в 1909 г. (см. комментарии к № 60 наст. тома); в 1910 г. Гумилев способствовал публикации его стихов в «Аполлоне», а в конце 1911 г. пригласил его в «Цех поэтов». Подробнее о нем см. комментарии к № 40 (VII). Стр. 8. — Имеется в виду очередное «Письмо о русской поэзии» — вторая часть «двойной рецензии» на «двадцать книг стихов», опубликованная в № 5 «Аполлона» (см. № 30 (VII) и комментарии к нему).

96. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.

Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 20. Стр. 21-22 приписаны в верхней части страницы «вверх ногами». В стр. 49 вместо «тогда» ранее было «с тобой». В стр. 55. Вместо «и» ранее было «что».

Дат.: 24 мая 1910 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Театральная пл., д. Метрополь. К-во «Скорпион». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову» Штемпель почтового отделения станции Подобино Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги — 24.05.11. Штемпель московской экспедиции городской почты — 24.05.11.

Стр. 3-4. — Имеются в виду выпущенная в марте книга «Поль Верлен. Собрание стихов. Перевод В. Брюсова» (М.: Скорпион, 1911), рецензию на которую Гумилев написал в начале следующего года (см. № 39 (VII); ср. также № 17 (VII)), и вышедшее еще в октябре 1910 г. второе издание книги брюсовских рассказов «Земная ось» (М.: Скорпион). Это издание было дополнено четырьмя рассказами 1901-1907 гг.; его оформление вызывало недовольство Брюсова (см.: ЛН. С. 128-129). Реакцию Гумилева на получение первого издания «Земной оси» см. в № 11 наст. тома. Стр. 4-5. — Следующая книга стихов Брюсова «Зеркало теней» вышла только в марте 1912 г., но начала печататься осенью 1911 г. Гумилев рецензировал ее дважды, пытаясь усмотреть в ней «основание новой, идущей на смену символизму, школы» (см. №№ 40, 46 (VII) и комментарии к № 40). Стр. 6-8. — Имеется в виду статья Брюсова «Новые сборники стихов», в которой говорится: «Было время, когда русская поэзия нуждалась в освобождении от давивших ее оков холодного реализма. Надо было вернуть исконные права мечте, фантазии <...> К сожалению, по этому необходимому пути пошли слишком далеко. Молодая поэзия захотела летать в стране мечты, отказавшись от крыльев наблюдения, захотела синтезировать, не имея за собой опыта, фактов. Отсюда ее безжизненность и ее подражательность <...> Когда художник не хочет наблюдать действительность, он невольно заменяет личные наблюдения подражанием другим художникам... » (Русская мысль. 1911. № 2. С. 230). Мыслями о «реализме», «мечте» и «еще не найденном синтезе» открывалась и рецензия Брюсова на Ж 1910 (см. № 88 наст. тома и комментарии к ним). Стр. 9-10. — Об Эренбурге Брюсов написал: «Среди молодых разве одному Н. Гумилеву уступает он в умении построить строфу, извлечь эффект из рифмы, из сочетания звуков. В отличие от большинства начинающих, И. Эренбург не исключительно лирик, но охотно берется за полуэпические темы, обрабатывая их в форме баллад (в этом отношении тоже напоминая Н. Гумилева) <...>» (Русская мысль. 1911. № 2. С. 232). Отрицательную оценку той же книги Эренбурга «Стихи» (Париж, 1910) Гумилев дал в это время в майской книжке «Аполлона» за 1911 г. («И. Эренбург поставил себе ряд интересных задач <Но> ни одной из этих задач не исполнил даже отдаленно, не имея к тому никаких данных» (№ 30 (VII))). Эренбург, действительно, многими воспринимался, как литературный спутник Гуми-

лева (см. с. 376 т. VII наст. изд.). О втором сборнике Эренбурга Гумилев, отозвался скорее положительно (см. № 38 (VII)). О последующих связях Эренбурга с «Гипербореем» и «Цехом поэтов» см.: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 7/8. 1974. Pp. 38-39. Стр. 12. — Очевидно, Гумилев имел в виду 4 стихотворения Ахматовой («Мне больше ног моих не надо», «Сероглазый король», «Над водой», «В лесу»), которые он по возвращении из Африки поместил апрельском номере «Аполлона» (1911. № 4) (как на историко-литературный курьез отметим, что «ахматовской» публикацией Гумилев вызвал раздражение Мандельштама, чьи «аполлоновские» стихи были в результате отложены на май: «...Мандельштам указывает на крайнюю невежливость Гумилева и имеет намерение взять стихи обратно...» (см.: Мандельштам О.Э. Камень. Л., 1990. С. 245)). Однако, Брюсов в своем ответном письме (№ 20 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома) ориентировался — причем, не совсем точно — на те стихотворения, которые Ахматова послала ему во время отсутствия Гумилева в Абиссинии, осенью 1910 г., в письме, на которое Брюсов, по-видимому, не отвечал (переписку Ахматовой с Брюсовым и анализ брюсовской оценки ахматовской поэзии см.: Суперфин Г.Г. Тименчик Р.Д. Письма А.А. Ахматовой к В.Я. Брюсову // Cahiers du Mondre russe et soviПtique. XV. №1-2. Pp. 183-200). Стр. 18. — Подразумевается жена Брюсова Иоанна Матвеевна. Стр. 22-44. — № 17 (II). Стр. 45-56. — № 18 (II), автограф. К также письму также было приложено ст-ние «Из логова змиева» (№ 16 (II)), взятое Брюсовым для «Русской мысли» (1911. № 7). Другие два ст-ния он «по разным причинам» «не пристроил» (см.: № 20 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома)

97. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.
Автограф. — РГБ. Ф. 109. К. 17. № 28.
Дат.: 3 июня 1911 г. — по авторской датировке.

У Гумилева — описка в.дате: «3 мая». Штемпель почтового отделения Бежецка — 04.06.11. Ответ Вяч. И. Иванова (письмо от 16 июня 1911 г.) находится в частном собрании; фрагмент из него процитирован Р.Д. Тименчиком в комментариях к НП: «Вяч. И. Иванов отвечал 16 июня, извиняясь, что замедлил ответом: «Ваши стихи я не решился передать в «Аполлон» — принципиально. Если бы Вы просто поручили передать, сделал бы это неукоснительно; но так как Вы обусловили передачу моею опекою, я не мог бы позволить себе такого вмешательства, — точнее, как ни благодарен Вам за доверие, все же отказываюсь от предоставляемого Вами полномочия применить к Вашим произведениям юрисдикцию и власть, Вам в редакционных делах принадлежащие. Что же касается моего мнения, то, во-первых, Вы хорошо знаете, что я горячо приветствую вообще разнообразие и «перестрой лиры», опыты в новом и неиспробованном роде; во-вторых, Ваши новые стихи я нахожу достаточно удавшимися. «Уклона» нет, неожиданной новизны — также. Много Анненского, но

это вовсе не дурно. Восхищения не испытал. Печатать советую, если Вы не ограничиваетесь стихотворениями безупречными и вполне оригинальными. <...> Благодарю Вас за милое, дружеское ко мне отношение» (хранится в частном собрании; с текстом любезно ознакомил меня В.А.Мануйлов)» (НП. С. 67).

Письмо Гумилева было написано немногим более, чем через шесть недель после знаменитого заседания Общества ревнителей художественного слова 13 апреля 1911 г, на котором Вяч. И. Иванов сообщил свою высокую оценку «образцов абиссинской народной поэзии, записанных и переведенных Н.С. Гумилевым во время его недавнего африканского путешествия», прочитал свое новое «стихотворение в форме газэлы на абиссинские мотивы, связанное с рассказами Н. С. Гумилева о вышеупомянутом путешествии» (Чудовский В. Литературная жизнь. Собрания и доклады // Русская художественная летопись. 1911. № 9. С. 142), а затем обрушился с резкой критикой на прочитанный Гумилевым стихотворный цикл «Блудный сын» (№ 15 (II)). Как известно, этот эпизод, — на фоне которого и следует воспринимать данное письмо, — оказался решающим моментом в расхождении Гумилева с Ивановым, уже намечавшимся в связи с прошлогодними спорами вокруг символизма (см. комментарии к № 89 наст. тома), и непосредственно привел несколько месяцев спустя к образованию Цеха поэтов (подробнее см.: НП С. 66; т. II наст. изд. С. 231-233; т. VII. С. 380-382).

Стр. 3. — Первый том книги Вяч. И. Иванова «Cor Ardens» вышел в мае 1911 г.; второй том издательство «Скорпион» предполагало выпустить следом. Он был объявлен на 1911 г., но выход его оттянулся до апреля 1912 г. Обращение Гумилева к Иванову связано с тем, что после его возвращения из Африки ему было поручено заведование стихотворным отделом «Аполлона». 13 июня 1911 г., к Иванову обратился и редактор журнала С.К. Маковский: «Пользуюсь случаем напомнить Вам о письме Гумилева, которое Вы, должно быть, недавно получили, и просить Вас и от себя не отказать в его просьбе относительно стихов Ваших» (цит. по: НП. С. 67). Но в письме Гумилеву от 16 июня, извинившись, что он замедлил ответом, Иванов отказал «Аполлону» в стихах по причине отсутствия не имеющих войти в его книгу (Там же). Стр. 9-17. — Р.Д. Тименчик отмечает: «Почтительный тон письма не лишен лукавства. Печатать стихи в «Аполлоне» Гумилев смел и без санкции Вяч. И. Иванова. Но вот одно из четырех посланных на пробу стихотворений могло быть истолковано как аллегория взаимоотношений преданного ученика с хозяином «Башни», и видимо, одно из целей письма — проверка внятности и возможности такой интерпретации с предоставлением адресату право вето на публикацию. Стихотворение называлось «Неизвестность»...» (Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. III // Russian Literature. IX. 1981. P. 175). Стр. 12. — По мнению Тименчика, «источник новизны «стихотворений в новом духе» и направление «уклона» вскрыл Вячеслав Иванов», отметив в своем ответном письме «много Анненского». Это «неожиданное для Гумилева 1911 года» направление, прежде всего (но не исключительно) в стниях «В саду» и «Лиловый цветок», подробно рассаматривается в указанном исследовании (Там же. С. 177-182). Ср. также наблюдение М. Баскера: ««Уклон» этих

ст-ний в сторону Анненского, как доказывает Тименчик, может быть воспринят в связи с поисками Гумилева антисимволистской программы. Этим, вероятно, и объясняется не только тон ответного письма Иванова <...> но и сам факт обращения к нему Гумилева» (Неизд 1986. С. 261). Стр. 13-14. — Приложенные к данному письму ст-ния в «Аполлоне» не появились; в августе Гумилев поместил там свои ст-ния «Константинополь» и «Жизнь» (№№ 29, 30 (II)). Стр. 19. — Ахматова приехала из Парижа в Слепнево 13 июля (см. комментарии к № 102 наст. тома). Гумилев вернулся в Царское Село только в начале сентября, Ахматова — уезжавшая в Киев — около 15 сентября. Стр. 24-36. — (№ 23 (II)). Автограф 1. Стр. 37-49. — № 21 (II)). Автограф 1. Стр. 50-66. — № 28 (II)). Автограф 1. Стр. 67-91. — № 32 (II)). Автограф 1.

98. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 4 июня 1911 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Петербург. Мойка, 24. Редакция «Аполлон». Его Высокородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому». Штемпель почтового отделения Бежецка — 04.06.11. Штемпель петербургской экспедиции городской почты — 05.06.11. В верхней части, рукой Гумилева, написан адрес отправителя: «Ст. Подобино, Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д. Усадьба Слепнево, мне».

Стр. 3-4. — Имеется в виду № 31 (VII) — критический обзор, помещенный в «Аполлоне», 1911, № 6, и близкий по жанру к «эссе» Гумилева в весенних номерах, 4 и 5 (см. С. 377 т. VII наст. изд.). Стр. 4-5. — См. № 97 наст. тома и комментарии к нему.Очевндно, письма Иванову и Зноско-Боровскому были отправлены в Бежецке одновременно. Стр. Стр. 8-9. — В сентябрьской книжке «Аполлона» (1911. № 7) Гумилев дал подробные (и весьма значительные) отзывы только о двух изданиях: первой части «Cor Ardens'а» Вяч. Иванова и (отдельно) «Антологии» к-ва «Мусагет» (№№ 32, 33 (VII)). В том же номере журнала также появились его небольшие некрологические заметки по К.М. Фофанову (ум. 17 мая 1911 г.) и покончившему с собой в Париже 31 июля (ст. ст.) В.В. Гофману (№ 33, 34 (VII)). В т. VII наст. издания допущена ошибка в датировке данных текстов, т.к. летних, июньско-июльских №№ «Аполлона» в 1911 гг. не было. Стр. 13-14. — Проводив Ахматову в Париж в середине мая 1911 г., Гумилев с небольшими отлучками проводил все лето в Слепневе, с 20-х чисел мая до начала сентября. Весьма вероятно, что это было связано отчасти с необходимостью долечиваться от тропической (африканской) лихорадки (ср. № 95 наст. тома). В «прелестных кузинах» — двоюродных племянницах Маше и Оле Кузьминых-Караваевых он нашел также заинтересованных и едва ли не единственных слушательниц его африканских рассказов (см. о бытности Гумилева в Слепневе: Сенин С.И. Н.С. Гумилев и Кузьмины-Караваевы // Сенин С.И. «В долинах старинных поместий...». Тверь, 2002-2003. С. 33-39; Его же: «Березки и Подобино. Дубровка» // Там же. С. 107-113).

99. При жизни не публиковалось. Печ. по автографу.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) — - Полушин.

Автограф — РГБ. Ф.25.К.14. № 24.

Дат.: 7-8 июня 1911 г. — по датировке, обоснованной в комментариях к письму № 100.

Об отношении Гумилева к Андрею Белому (Бугаеву Борису Николаевичу, 1880-1934) см. комментарии к № 14 (VII).

Стр. 3-6.— 7 июня 1911 г. Белый сообщил секретарю издательства «Мусагет» А.М. Кожебаткину: «Изредка пишу стихи. Послал Гумилеву для «Аполлона»» (Бугаева К., Петровский А. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27-28. М., 1937. С. 591). В.И. Иванов стихов не посылал, и в августовскую книжку «Аполлона», наряду с двумя ст-ниями Гумилева (см. комментарии к № 97 наст. тома), вошли ст-ния Белого «Барбаруса», «Близкой» (две части) и «День в Боголюбах» (Аполлон. 1911. № 6. С. 30-32). Стр. 6-7. — Имеется в виду «Антология» к-ва «Мусагет» (М., 1911), экземпляры которой рассылались участникам в эти днн (Блок откликнулся на получение ее в письме Белому от 6 июля 1911 г.). «Антология» долго готовилась: приглашения к сотрудничеству в ней рассылались, по всей видимости, начиная с августа 1910 г., и в ней появились ст-ния Гумилева 1910 г. «Ослепительное» и «Абиссинские песни» (№№ 4-8 (II)). Гумилев рецензировал ее в сентябрьском «Аполлоне» (№ 33 (VII)). Подробнее об истории публикации, составе и целях сборника, в редактировании которой Белый принимал ближайшее участие, см. в наст. изд. комментарии к № 33 (VII), а также: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 385-386. Стр. 8-10. — Вероятно, снова пнсать к Белому не пришлось, и Гумилев обсуждал с ним вопрос о сотрудничестве при встрече в Москве в начале августа (ср. комментарии к № 116 наст. тома). В альманахе «Аполлона», вышедшем в ноябре 1911 г., была напечатана «Баллада в пяти частях» Белого — «Шут». Об альманахе см. также №№ 104, 109 наст. тома и комментарии к ним. Достоин внимания и сам факт продолжающегося в это время сотрудничества «аполлоновца» Гумилева с главой московского «Мусагета». Через два с лишком года после скандального «первого знакомства» в Париже (см. № 10 наст. тома) Белый уже поместил два ст-ния в № 2 «Острова». В дальнейшем Гумилев и Белый общались мало, и к акмеизму Белый относился отрицательно (см., к примеру: А.А. Блок — Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 311-312), но они продолжали относиться друг к другу с взаимным уважением и почитанием, как в личном, так и в творческом плане. В воспоминаниях И.В. Одоевцевой приводится пространный рассказ о «смотре молодых поэтов», который устроил Гумилев в 1919 г. по случаю приезда Белого из Москвы в Петроград (Одоевцева I. Глава X). Белый же до конца своих дней высоко ценил технику гумилевского стиха и писал уже в 30-е годы: «Анализ его выявляет подлинную

скульптуру, свойственную классикам» (Новый мир. 1932. № 11. С. 231). Существует и внутренняя рецензия 1930 г. («тов. Анову, для передачи автору «Меридианов»»), в которой Белый в частности писал: «...Гумилев, стоящий во главе школы, — не идет в счет; в нем «школа» — не школа, а самостоятельный, оригинальный подход к стиху; Гумилев — крупный поэт, и «школа» в нем — оригинальность его личных достижений: но будущего, конечно, такой подход к стиху не имеет; «школа» Гумилева, т.е. ряд приемов, им внедренных в сознание «учеников», — не только не откровение, но — «ревизия» в истории новейшей поэзии...» (частное собрание).

100. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 7 или 8 июня 1911 г. — по датировке, обоснованной ниже.

Оригинал письма написан на одном листе бумаги и вложен — вероятно, получателем, — в один конверт с письмом № 98 — продолжением которого он как бы является. Возможно, что письмо было не послано, а передано с нарочным, без конверта. Как можно установить по содержанию, настоящее письмо было написано в промежуток между № 98 наст. тома и получением ответного письма Иванова от 16 июня (см. комментарии к № 97 наст. тома). Оно было отправлено из Царского Села (или Петербурга) во время короткого заезда туда — возможно, в ожидании возвращения Ахматовой из Парижа : утверждение Гумилева, что он «еще в деревне», говорит о том, что он заехал очень ненадолго, даже не зашел в редакцию, ни с кем не встречался и сразу же уехал назад, в Слепнево. Из этого также следует, что данное письмо было отправлено фактически одновременно с № 99 и № 101 наст. тома, в котором Гумилев сообщает, что он «только что вернулся из Тверской губернии и получил <...> письмо». (Тот факт, что в письме №101 наст. тома Гумилев указывает еще старый свой адрес — Бульварная, дом Георгиевского, служит добавочным свидетельством того, что это было только начало лета. Уже к середине лета был куплен дом на Малой, 63, где Гумилев с Ахматовой (и всей семьей) и жили до 1918 года.) В Царское Село, после «довольно долгого» молчания, безусловно, писал и А. Белый. При самой короткой поездке в Царское Село, Гумилев должен был отсутствовать в Слепневе по крайней мере около 4-5 дней. Первая половина июня 1911 г. очень хорошо хронологически «расписана» по датам в альбомах «прелестных кузин» (см. комментарии к № 98 наст. тома) Маши и Оли Кузминых-Караваевых (ст-ния, которые Гумилев записывал в их альбомы, датировались им). Промежуток времени без единой записи — с 5 по 9 июня. Это было как раз достаточно, чтобы съездить на 1-2 дня в Царское Село, убедиться в том, что приезд Ахматовой откладывается (возможно, в Царском Селе Гумилева ждало письмо из Парижа), и вернуться обратно. Этот временной интервал хорошо согласуется и с сообщением Гумлева в № 98, что «дня через три» он высылает Зноско-Боровскому «хронику» (см. стр. 3-4). Следовательно, все три письма (№№ 99, 100 и 101 наст. тома) были посланы одновременно из Царского Села или Петербурга примерно 7 или 8 июня 1911 г.

Стр. 3. — См. №№ 98 и 99 наст. тома. Очевидно, Гумилев переправил стихи Белого сразу же по получении. Стр. 3-5. — см. №№ 97, 99 наст. тома и комментарии к ним. Стр. 5-6. — О выходе второго тома «Cor Ardens'a», который Гумилев также уже запросил в письме Вяч. И. Иванову, см. комментарий к № 97. Гумилев рецензировал первый том в сентябре (№ 31 (VII)), и второй в августе следующего, 1912 г. (Аполлон. 1912. № 6; № 42 (VII)). Первый существенный отзыв Гумилева-критика о Блоке — рецензия на сб. «Ночные часы» (№ 39 (VII)) — был опубликован в «Аполлоне» в январе 1912 г.

101. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Исследования и материалы.**

Бахтриони (Тифлис). 17 декабря 1922 (№ 23) (в переводе на грузинский язык) -- Гумилевские чтения 1984 (публикация и перевод Т.Л. Никольской (С. 98)) -- Исследования и материалы (новый, уточненный вариант перевода Т.Л. Никольской (С. 619)).

Дат.: 7-8 июня 1911 г. — В редакционном примечании к первой публикации по-грузински Г.Т. Робакидзе датировал письмо 1911 г.; дата уточняется по связи с датировкой, обоснованной в комментариях к письму № 100.

Подлинный текст письма Гумилева на русском языке не сохранился; *курсив* фиксирует вторичность публикуемого текста.

Григорий Титович Робакидзе (1884-1962) — грузинский писатель, поэт, драматург, литературный критик. Был избран почетным «синдиком» группы грузинских символистов «Голубые роги» («Циспери канцебы»), с 1915 до начала 1930 г. игравшей заметную роль в культурной жизни Грузии. В начале 1920-х гг. имел большой успех в качестве драматурга и прозаика; в 1931 г. эмигрировал в Германию, где публиковал романы, стихи и эссе на немецком (см.: Никольская Т.Л. Гумилев и грузинские символисты // Гумилевские чтения 1984. С. 97-98). Очевидно, Гумилев познакомился с Робакидзе в Париже в 1907 или 1908 г. — возможно, через грузинского скульптора Я. Николадзе или в салоне Е.С. Кругликовой (см. комментарии к № 19, 40 наст. тома). В те годы, по сообщению Т.Л. Никольской: «... в Париж часто наезжал и Г. Робакидзе. Заинтересовавшись религиозно-эстетическими концепциями русских символистов, он стал постоянным гостем парижского салона Мережковских <...> О частых визитах молодого грузинского поэта к Мережковским свидетельствует и <...> письмо, отправленное 2 сентября 1910 г. Д.В. Философовым к В.Я. Брюсову: «Робакидзе я знаю по Парижу. Три года он ходил к нам каждую субботу... Он кончил духовную семинарию в Тифлисе и затем Лейпцигский университет. У него солидное философское образование...» (Никольская Т.Л. Гумилев и грузинские символисты // Гумилевские чтения 1984. С. 98).

Стр. 7-13. — «Состоялась ли встреча Гумилева с Робакидзе, мы не знаем. Неизвестно также, приступил ли Гумилев к работе над переводом «Змееeда» и помог ли он публикации статьи Робакидзе. Эта статья под названием «Грузинский символизм. Важа Пшавела» появилась в августе 1911 г. в журнале «Русская мысль»,

редактором литературного отдела которого был В. Брюсов» (Никольская Т.Л. Гумилев и Грузия // Исследования и материалы. С. 619). Следует добавить, что «Змееед» — поэма В. Пшавел (настоящее имя — Лука Павлович Разинашвили, 1861-1915), и что в течение этого лета, встреча поэтов могла бы состояться только во время кратковременного пребывания Гумилева в Москве в начале августа (см. комментарии к № 102). Стр. 13-17. — «Пантеон» — петербургское издательство, основанное в 1908 г. с целью «собрать шедевры русской литературы и сделать их достоянием русского читателя». Гумилевские знания грузинского языка, должно быть, восходили к его пребыванию школьником в Тифлисе в 1900—1903 гг.

102. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) --- Полушин.
Автограф — РНБ. Ф. 124. № 1399.
Дат.: 25 июня 1911 г. — по почтовому штемпелю.

Почтовая карточка, адресованная: «Петербург. Мойка, 24, Аполлон. Его Высокородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому». Штемпель полустанка Подобино Московско-Винаво-Рыбинской железной дороги — 25.06.11. Штемпель петербургской экспедиции городской почты — 26.06.11.

Стр. 3-4. — Очевидно, имеется в виду корректура статьи-рецензии Гумилева для августовской книжки «Аполлона» (№ 31 (VII); ср. №№ 98, 100 наст. тома). О стихах Белого см. № 99 наст. тома и комментарии к нему. По всей вероятности, Гумилев к тому времени уже получил письмо Вяч. И. Иванова от 16 июня, с отказом прислать стихи и совет Гумилеву не печатать его собственных стихов. (Иванову Гумилев сообщил свой слепневский адрес: см. № 97 и комментарии к нему.) Вскоре после этого, Гумилев принял решение поместить в августовском номере «Аполлона» свои ст-ния «Константинополь» и «Жизнь» (№№ 29, 30 (II); см. комментарий к № 97). Стр. 4-5. — Гумилев снова побывал в Петербурге в начале июля 1911 г.: «приезжал из Слепнева в Царское Село, чтобы встретить жену, которая должна была возвратиться <...> из Парижа. Пробыв в Царском Селе несколько дней н не дождавшись ее, уехал в Слепнево» (Труды и дни. С. 209). Данные П.Н. Лукницкого уточняются по альбомам сестер Кузьминых-Караваевых: с 28 июня по 10 июля 1911 г. (промежуток между №№ 49 и 50 (II)) Гумилев не сделал никаких записей в альбомах «слепневских» племянниц. Присутствие поэта в это время в Царском Селе фиксируется и забавной запиской В.А. Комаровского О.Л. Делла-вос-Кардовской от 6 июля 1911 г.: «Дорогая Ольга Людвиговна, приезжайте поскорее посмотреть на «птичий глаз» Гумилева. Василий Комаровский» (Комаровский Василий. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии. СПб., 2000. С. 169; по объяснению комментаторов, «имеется в виду модная мебель с декором в виде павлиньих перьев» (Там же. С. 507)). 11 июля Гумилев уже вернулся в Слепнево, где он записал ст-ние «Ты, лукавый ангел Оли» в альбом О.А. Кузьминой-Караваевой (см. № 50 (II). Ахматова (впервые) приехала в Слепнево одна, 13 июля 1911 г. (Труды и дни. С. 210).

103. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин.
Автограф — РНБ. Ф. 124. № 1399.
Дат.: 28 июля 1911 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с репродукцией картины Н. Рериха «За морями земли великие» (издание «в пользу общины св. Евгении»), адресованная: «Петербург. Его Высокоблагородию Евгению Александровичу Зноско-Боровскому. Мойка, 24. «Аполлон»». Штемпель полустанка Подобино Московско-Винаво-Рыбинской железной дороги — 28.07.11. Второй штемпель стерт.

Стр. 3-7 августа Гумилев с Ахматовой уехали в Москву: «В Москве первые два дня жили в гостинице «Метрополь», затем переехали в другую гостиницу. В Москве встречи с Поляковым, Андреем Белым. Бывал в редакции «Скорпион». Вместе с женой осматривал Третьяковскую галерею. А.А. Гумилева, пробыв в Москве 4-6 дней, уехала (в Киев — *Ред.*). Н.Г. остался еще на несколько дней, был с визитом у В.Я. Брюсова и познакомился у него с Н.А. Клюевым. Из Москвы приблизительно 16-18 августа уехал в Слепнево, где оставался до конца августа» (Труды и дни. С. 210). Стр. 4 — имеется в виду литературный альманах журнала «Аполлон», о котором Гумилев несомненно поговорил с Белым, Брюсовым и Н.А. Клюевым в августе в Москве. Об этом издании см. № 99, и комментарии к №№ 104, 109 наст. тома; см. также № 21 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву». Стр. 5. — По всей вероятности, Гумилев собирался писать В.Г. Князеву тоже в связи с альманахом «Аполлона». Поэт Всеволод Гаврилович Князев (1891 — 1913), воспетый Ахматовой в «Поэме без героя», появился в петербургском окружении Кузмина и др. весной 1910 г.; с Гумилевым он познакомился летом 1910 г. (не позже 13 августа); был у Гумилева в Царском в апреле 1911 г. (см. комментарии к № 95 наст. тома). Отношения Князева с адресатом данного письма Зноско-Боровским, по-видимому, осложнялись их взаимоотношениями с Кузминым (см.: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 217, 282).

104. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386.84.20.
Дат.: 4 сентября 1911 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову Редакция «Русской Мысли». Ваганьковский пер <еулок>. д.<ом> Куманина от Н.С. Гумилева, Царское Село, Малая 63». Штемпель почтового отделения Царского Села — 04.09.11. Штемпель московской экспедиции городской почты — 05.09.11.

Стр. 3-6. — Имеется в виду трагедия в пяти сценах «Протесилай умерший». Еще в марте 1911 г. Брюсов предлагал ее П.Б. Струве для «Русской мысли»,

отметив, что считает ее «в числе наиболее значительных своих вещей» (подробнее см.: ЛН. С. 506). Через два дня после данного письма, 6 сентября 1911 г., Е.А. Зноско-Боровский писал Брюсову: «Н.С. Гумилев передавал редакции «Аполлона» о том, что у Вас есть готовая трагедия, которую, может быть, можно было бы получить из «Русской мысли» для нашего Альманаха. Нечего и говорить, что мы все очень хотим и были бы Вам горячо благодарны, если бы Вы нам ее прислали, и очень просим Вас приложить все усилия, чтобы «Русская мысль» передала ее нам» (Там же. С. 506). Однако, с получением рукописи, по-видимому, возникли затруднения. Брюсов затем предложил действительно большую подборку своих стихов, но прислал их слишком поздно, чтобы участвовать в «Альманахе». Его трагедия вновь возникла в проекте состава второго альманаха, издание которого, однако, не было осуществлено. См. комментарии к № 109 наст. тома. Стр. 10-13 — Как можно судить по переписке с Зноско-Боровским (см. № 102 наст. тома), Гумилев только в последний момент поместил свои ст-ния «Еще близ порта орали хором...» («Константинополь») и «С тусклым взором, с мертвым сердцем...» («Жизнь») (№№ 29, 30 (II)) в августовской книжке «Аполлона». В «Литературном альманахе» появилось семь ст-ний Гумилева: 1. «Сон» («Вы сегодня так красивы...»); 2. «Мне не нравится томность...»; 3. «Вечерний медленный паук...»; 4. «Я жду, исполненный укоров...»; 6. «Какою музыкой мой слух взволнован...»; 6. «Вот я один в вечерний тихий час...»; 7. «Я в коридоре дней сомкнутых...» (№№ 32, 35, 41, 60, 59, 58, 36 (II)). По-видимому, ранее Брюсов высказал мнение о влиянии на Гумилева Вяч. И. Иванова, который и является упомянутым «новым учителем». Стр. 14-16. — Никакой художественной прозы Гумилев в этот период не печатал. Стр. 16-17. — См. № 109 наст. тома.

105. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.
Автограф — РГБ. Ф. 371. К.3. № 14.
Дат.: 15 сентября 1911 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с шуточной картинкой, изображающей купающегося охотника и глотающего его одежду крокодила (подпись — «Rather Tough» («Жестковато!» — англ.)), адресованная: «Москва. Плющиха, Грибоедовский пер.<еулок>. 8 ЕВБ Георгию Ивановичу Чулкову». Штемпель почтового отделения Царского Села — 15.09.11. Штемпель почтового отделения ОЖД Москвы — 16.09.11. Штемпель московской экспедиции городской почты — 16.09.11.

С Георгием Ивановичем Чулковым (1879-1939) Гумилев познакомился лично не ранее 26 ноября 1908 г., когда юный «ученик Брюсова» впервые появился на «башне» Вяч. Иванова (см. комментарии к № 54 наст. тома). До этого, на фоне ожесточенной полемики авторов «Весов» с Чулковым (см. комментарий к стр. 15-16 № 18 наст. тома), Гумилев не однажды пренебрежительно отзывался о нем в парижской переписке с Брюсовым (№№ 18, 35 наст. тома). Однако в 1908-1909 гг., по словам самого Г.И. Чулкова, Гумилев стал освобождаться «от кружков, направлений,

партий, редакций и стал работать более спокойно и сосредоточенно» (Чулков Г.И.. Годы странствий. М., 1999. С. 249), и в этот период старший поэт входил в достаточно близкое гумилевское окружение Чаще всего они виделись перед отъездом Гумилева в Африку в сентябре 1910 г., и после его возвращения в марте 1911 г. (см. комментарии к № 95 наст. тома). Весной 1911 г. Чулков уехал на несколько месяцев в Париж — где он с женой много общался с А. Ахматовой, с которой они подружили на долгие год — а по возвращении в Россию поселился в Москве. Весной 1915 г. Чулковы переехали на два года в Царское Село, поселившись на Малой улице (см.: Тименчик Р.Д. Лавров А. В. Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г. Л., 1976. С. 69), но оба поэта в это время были призваны в армию и находились на фронте. Чулков был автором двух работ о творчестве Гумилева. В 1910 г. он дал сочувственную рецензию на Ж 1910 (Новый журнал для всех. 1910. № 20. С. 122, псевд. — Б. Кремнев), а позже, в неопубликованной при жизни статье «Поэт-воин», — весьма высоко оценил военные стихи Гумилева (см.: Неизд 1986. С. 204-208; перепеч.: Русский путь. С. 451-454). Гумилев, со своей стороны, достаточно высоко ставил поэтическое творчество Чулкова, чтобы возмущенно возражать против его отсутствия в киевской «Антологии современной поэзии» 1912 г. (№ 59 (VII)). М.В. Михайловой недавно было высказано предположение о том, что драма Чулкова «Адония» (1910) чем-то предвосхищала «романтические пьесы» Гумилева (Чулков Георгий. Годы странствий. М., 1999. С. 758); гумилевская оценка Чулкова-романиста была сообщена Ахматовой, в письме к Чулкову из Слепнева от июля 1914 г.: ««Сатану» я прочла еще в Петербурге и нахожу, что это лучшая из Ваших вещей. Ник<олай> Степ<анович> просит меня передать, что ему «Сатана» совсем понравился.» (Ахматова А.А. Сочинения: В 2 тт. М., 1990. Т. 2. С. 189). Но наиболее ярко «поэт-воин» сам выразил свое отношение к Чулкову в надписи от 16 января 1916 г. на дарственном экземпляре «Колчана»:

У нас пока единый храм,
Мы братья в православной вере,
Хоть я лишь подошел к дверям,
Вы ж, уходя, стучитесь в двери

(Соч. I. С. 462).

Стр. 3-5. — Гумилев опубликовал свою собственную рецензию на первую часть книги Вяч. И. Иванова «Cor Ardens» в сентябре 1911 г. (Аполлон. 1911. № 7; № 32 (VII) наст. изд.) — и, по мнению Ахматовой, «снискал вечную немилость» старшего поэта (Ахматова А.А. Автобиографическая проза // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 12 (Фрагмент «В десятом году»)). Рецензия же Чулкова (под заглавием «Поэт-кормщик») была напечатана в декабре (Аполлон. 1911. № 10. С. 62-64). В ней Чулков (в 1909 г. написавший о жизни «башни» карикатурный рассказ «Полунощный свет») оценивает книгу своего «учителя» и недавнего литературного

соратника значительно выше, чем Гумилев. М. Баскер усмотрел в статье Чулкова «косвенную критику поэтики «Цеха поэтов»» (Неизд 1986. С. 263). Стр. 5-7. — Гумилев только с конца следующего, 1912 г. стал «официально» заведовать всем литературным отделом «Аполлона» (см. № 119 наст. тома и комментарии к нему), но в данном случае ему было особенно важно получить предварительное согласие редактора журнала, С.К. Маковского, ввиду литературного скандала, вызванного в апреле 1910 г. появлением на страницах «Аполлона» тенденциозной «некрологической» статьи Г.И. Чулкова о «Весах» (см. С. 330, 350 т. VII наст. изд.; о позиции Вяч. И. Иванова и его возможной причастности к «компромиссному решению» Маковским «проблемы Чулкова» см. также: Переписка < Брюсова> с Вячеславом Ивановым (1903 –1923) / Предисловие и публикация С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 526-530). Стр. 8. — «Хроникой» на сленге «молодой редакции» именовался литературно-критический раздел «Аполлона» (ср. комментарий к № 95 наст. тома).

106. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Лит. наследство. Т.92. Кн.2. (публ. В.П. Енишерлова и Р.Д. Тименчика. С. 56).
Автограф — РНБ. Ф. 248. Ед.хр. 140.
Дат.: До 20 октября 1911 г. — по времени первого заседания Цеха поэтов.

Владимир Пяст (Владимир Алесеевич Пестовский, 1886 — 1940) — поэт, переводчик, литературный критик и теоретик литературы, мемуарист. Гумилев познакомился с ним весной 1909 г., на одном из ранних заседаний «Поэтической академии» (см. комментарии к №№ 65, 61 наст. тома. Той же весной Пяст согласился сотрудничать в журнале «Остров» (однако, в нем не печатался), а летом 1909 г. Гумилев-критик одним из первых откликнулся на первую книгу стихов Пяста «Ограда» (№ 16 (VII)). И хотя этот отзыв был несколько двусмысленным, два года спустя, в рецензии 1911 г. на «Антологию «Мусагета»» Гумилев назвал ст-ние Пяста «Нет, мне песни моей не запеть...» «великолепным» (№ 33 (VII)). Все это время они продолжал встречаться в Обществе ревнителей художественного слова, у Вяч. И. Иванова и в редакции «Аполлона». Весной 1911 г. Гумилев даже обсуждал с Пястом неосуществленный замысел возобновления «Острова». Согласно дневниковой записи С.П. Каблукова от 6 апреля 1911 г., «еще недавно <Мандельштам>, Пестовский и Городецкий собирались издавать «Остров» вместе с Гумилевым. Я предсказывал, что они перессорятся. Это предсказание сбылось скорее, чем я думал» (см.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 245). На фоне столь насыщенных литературных контактов, гумилевское приглашение Пяста в Цех поэтов осенью 1911 г. был вполне закономерным, несмотря на очевидную разницу творческих установок поэтов. Впрочем, Пяст, по его собственному признанию, «посетил лишь первые два-три собрания Цеха, а потом из него «вышел», — снова войдя лишь через несколько лет» (Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 142-143). И, действительно, Пясту гораздо ближе были символисты из «Трудов и дней». Он занял полемическую позицию по отношению к акмеизму, выступив в декабре 1913 г.

с лекцией под многозначительным названием «Поэзия вне групп», где противопоставлял «предвзятые теории» — «росту русской поэзии как таковой» (см.: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 7/8. 1974. P. 31). Тем не менее, Пяст поддерживал хорошие личные отношения с поэтами-акмеистами (прежде всего с Мандельштамом; высоко почитал Ахматову) и после входил как во второй, так и в «третий» Цех (об этом и его дальнейшей судьбе см. С. 293 т. VII наст. изд.). После смерти Гумилева он напечатал в «Альманахе Цеха поэтов» (Пг., 1922) рецезнию на «Огненный столп», в которой Р.Д. Тименчик усматривает «возможный отголосок его стиховедческой полемики с Гумилевым» — восходящей, по всей видимости, к гумилевской рецензии на «Ограду» и ранним прениям в «Поэтической академии» (см.: Пяст В. Встречи... С. 308).

Стр. 3-5. — Имеется в виду первое собрание еще не получившего свое название Цеха поэтов, в четверг 20 октября 1911 г. По сообщению П.Н. Лукницкого: «У С.М. Городецкого (на Фонтанке, 143, кв. 5) состоялось первое собрание созданной Н. Гумилевым и С.М. Городецким литературной организации, немного позже получившей название «Цех поэтов». Присутствовали: Н. Гумилев, А.А. Ахматова, А.А. Блок, Ф.К. Сологуб, С.М. Городецкий, М.А. Кузмин, В.А. Пяст, Вас.В. Гиппиус, М.А. Зенкевич, Тэффи, Лебедев, П.П. Потемкин (?), директор Institut Français <...> и с ним приезжий ученый Бойэ и др. Первая часть собрания была посвящена обсуждению текущих вопросов; был утвержден, еще намеченный до собрания, состав членов. <...> Во второй половине собрания читали стихи: А.А. Ахматова (3 ст-ния «В Царском Селе»); А.А. Блок (вариант «Незнакомки» — «Там дамы щеголяют модами»); Н. Гумилев («Я верил, я думал») и др.» (Труды и дни. С.211). В течение первого, 1911-1912 гг., сезона состоялось всего семнадцать собраний Цеха, попеременно у Городецкого, у Гумилевых в Царском, у Кузьминых-Караваевых (Манежный переулок, 2, кв. 2), и у М.Л. Лозинского; последнее собрание проводилось у Гумилевых 1 апреля 1912 г. Из обширной литературы о Цехе поэтов до сих пор сохраняли свою ценность воспоминания самого Пяста: «Цех поэтов был довольно любопытным литературным объединением, в котором не ставился знак равенства между принадлежностью к нему и к акмеистической школе. В него был введен несколько чуждый литературным обществам и традициям порядок «управления». Не то, чтобы было «правление», ведающее хозяйственными и организационными вопросами; но и не то, чтобы были «учителя-академики» и безгласная масса вокруг. В Цехе были «синдики», — в задачу которых входило направление членов Цеха в области их творчества; к членам же предъявлялись требования известной «активности»; кроме того, к поэзии с самого начала взят подход, как к ремеслу...» (Пяст В. Встречи... С. 142). «Синдиками» как в дальнейшем уточняет Пяст, были Гумилев, Городецкии, и Д.В. Кузьмин-Караваев «отнюдь не поэт: юрист, историк и только муж поэтессы» (о нем см. комментарии к № 114 наст. тома; впрочем «титул» Д.В. Кузьмина-Караваева был «стряпчий»). Подробнее о Цехе поэтов см., прежде всего: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 7/8. 1974. Pp. 23-46; Лекманов О.А. Книга об акмеизме. М., 1998. Гл. 1.

107. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; НП (как приложение к письму № 101 наст. тома).

Автограф — РНБ.Ф.124. № 1400.

Дат.: Осень 1911 г. (?) — по аналогии с письмом № 101 наст. тома, к которому записка приложена в архивной единице хранения.

Записка на бланке журнала «Аполлон»; архивная датировка — «1910 (?)». Помимо этой записки, в единице хранения также находится акростих Кузмину «Мощь и нега...», предположительно датированный в первом томе наст. изд. 1909-1910 гг. (№ 163 (I)). Неизвестно, к чему относится данная записка — тем более, что хроническое отсутствие денег составляет постоянный лейтмотив дневниковых записей Кузмина. Не исключено, однако, что деньги в царскосельском казначействе Кузмин мог бы получать и в конце следующего, 1912 г., в связи с появлением двух его стихотворений («Я тихо от тебя иду» и «Послание Ю. Ракитину») в № 2 «Гиперборея». Стихи Кузмина также печатались в № 9/10 этого журнала. Несмотря на расхождение Гумилева с Кузминым весной 1912 г. (подробно см.: С. 434-435 т. VII наст. изд.: сжатое изложение событий см. также: Морев Г.А. Комментарии // Кузмин М.А. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 243-245), они продолжали время от времени встречаться.)

108. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) --- Полушин; НП.

Автограф — РНБ. Ф. 124. № 1400.

Дат: Между 9 и 11 ноября 1911 г. — на основе дневниковых записей М.А. Кузмина, в соответствии с периодом наиболее близкого общения Кузмина с братьями Иониными в октябре-ноябре 1911г.

Стр. 4. — Имеются в виду Юрий Львович Ионин (по сцене — Ракитин, 1880-1952), актер МХТ, в 1911 г. — режиссер Александринского театра, и его младший брат, Сергей Львович (1890-1971), в то время — студент Училища правоведения. Впоследствии он «был офицером, служил в белой армии, потом во французской армии, в годы мировой войны — в РОА (см.: Кузмин М.А. Стихотворения. СПб., 1996. С. 710). С Ракитиным Кузмин достаточно часто встречался по крайней мере с мая 1910 г.; по-видимому, летом 1910 г. мог с ним познакомиться и Гумилев. С С.Л. Иониным — «очаровательным мальчиком, в которого я тотчас же влюбился» — Кузмин познакомился в октябре 1911 г., и у них завязался роман. Ионину посвящен цикл «Оттепель» (Октябрь — ноябрь 1911) второго сборника стихов Кузмина «Осенние озера» (1912). Ю.Л. Ракитин, эмигрировавший в Белград, где он работал в 1920-1930 гг. режиссером Народного театра, в 1923 г. опубликовал краткие, хронологически весьма недостоверные воспоминания о Гумилеве, которые, можно полагать, все-таки передают дух их тогдашнего общения: «Николай Степанович встает в памяти моей не в последнее наше свидание, когда он

читал пред небольшим кружком у одной актрисы свою пьесу «Дитя Аллаха», а на небольших интимных обедах у Альбера, на Невском, по понедельникам. <…> Корректный, немного чопорный, скептик-петербуржец, склонный к снобизму, с лермонтовской роковой мечтой пламенного поэта.

Гумилев возникает предо мной, когда мой брат, поэт Кузмин и я после обеда «играем в стихи», переписываясь на бумажках.

Когда мы в один из понедельников посылаем запоздавшему другу на мотив его стихов <…> тедеграмму в Царское:

Далеко, далеко на озере Чад
К тебе, Гумилеша, три друга кричат,
Чтоб с ними понюхал ты кухонный чад...»

(Жизнь Николая Гумилева. С. 99). Данное письмо можно с достаточной степенью уверенности датировать интервалом между 9 и 11 ноября 1911 г. Во вторник, 8 ноября, Кузмин ждал Гумилева у себя, но тот не объявился: «...гости собрались поздно. Наумов отказался, Гумил<ев> не приехал <…> Первым пришел Сережа, был очень мил...» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 311). В пятницу, 11 ноября, Кузмин позвонил Гумилевым в Царское Село, и поговорил с Ахматовой о невозможности приезжать в следующий день: «...У Сомова был Мифик и Вал<ечка>, с А<нной> А<ндреевне> говорил по телефону <…> жаль, что завтра Сережа не может ехать! Как жаль!!» (Там же. С. 312).

109. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386.84.20.
Дат.: 15 ноября 1911 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Ваганьковский пер <еулок>. д.<ом> Куманина. Редакция «Русской Мысли». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. От Н.С. Гумилева, Царское Село, Малая 63, соб. д.». Штемпель почтового отделения Царского Села — 15.11.11. Штемпель московской экспедиции городской почты — 16.11.11. Ответом на это письмо стало письмо В.Я. Брюсова от 18 ноября 1911 г. (№ 21 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-6. — Кроме ст-ния «Освобождение» (№ 64 (II)), к письму были приложены ст-ния «Я верил, я думал...» и «Туркестанские генералы» (№№ 62, 65 (II); см. ответное письмо Брюсова). Несмотря на «затруднительные» условия, поставленные Гумилевым (там же), эти два ст-ния были напечатаны в «январской книжке» «Русской мысли» (1912. № 1); рукописи их не сохранились. Сборник Гумилева «Чужое небо» (изд. «Аполлон») был анонсирован, как только что выпущенный, в мартовском номере «Русской художественной летописи», но вышел, на самом деле, только в апреле 1912 г. Стр. 8-13. — См. предыдущее письмо

Гумилева к Брюсову, от 4 сентября (№ 104 наст. тома и комментарии к нему). По разъяснению Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова: «18 октября (?) 1911 г. Е.А. Зноско-Боровский писал Брюсову: «... мы подготовляем в скором времени выпуск 1-го Альманаха «Аполлона», для которого Вы обещали Серг<ею> Конст<антинович>у <Маковскому> цикл стихотворений. Серг<ей> Конст<антинович> не хочет приступать к печати «Альманаха», покуда он не будет иметь этих Ваших стихов. Очень прошу Вас быть так любезным и в скором времени прислать нам эти стихи. Мы ждем их с большим нетерпением» (РГБ. Ф. 386, 86.61. Л. 12). 1 ноября 1911 г. он сообщил: «... как жаль, что Ваши стихи пришли в воскресенье <30 октября>! Приди они хоть двумя днями раньше, и я еще сумел бы как-нибудь им найти место, а теперь это невозможно: уже отпечатаны 2 листа, пагинация установлена окончательно, и сделать ничего нельзя. Т<ак> к<ак> Серг<ея> Конст<антинович>а сейчас нет в Петербурге, я пересылаю ему Ваши стихи, чтоб <?> он, прочитав их, предложил Вам печатать ли <?> их в № 10 или в следующий Альманах. Однако он еще неизвестно, когда выйдет. Мне неприятно, что такое <?> случилось» (Там же. Л. 15). 9 ноября он извещал Маковского: «Брюсов прислал целую массу для Аполлона, я ему написал, что он опоздал, он ответил обидчивым письмом, прося, несмотря на мои уверения, что ты стихи используешь для журнала или для нового Альманаха, вернуть ему стихи» (РНБ. Ф. 124. № 1770. Л. 18). 2 февраля 1912 г. к Брюсову обратился Маковский: «Мне хотелось бы приложить все старания к тому, чтобы при печатании нашего следующего «Альманаха» не повторилось то досадное опоздание Вашей рукописи, о котором Вы упоминаете в Вашем письме к Зноско-Боровскому. Поэтому очень прошу Вас прислать ее, не ожидая крайнего срока! К тому же я бы хотел, — конечно, если Вы — не против, — приложить к «Протесилаю Умершему» графический рисунок, т<ак> к<ак> «Альманах» будет иллюстрированным? Для этого тоже необходимо время. Гонорар, о котором Вы пишете, мог бы быть уплачен Вам вперед, по получении рукописи... «Альманах» выйдет, во всяком случае, не позже октября 1912 г., но, м<ожет> б<ыть>, и на месяц раньше, а печатать его (в виду технических сложностей, в связи <?> с иллюстрациями) думаю летом, в месяцы отдыха от журнала. Мне чрезвычайно досадио, что Ваши стихи не начали серии аполлоновских «Альманахов»; я на это очень рассчитывал, и теперь сожалею, что поручил другим ведение переговоров с сотрудниками. Отсюда — все недоразумения и оплошности. Как редактор журнала, Вы должны понимать меня и посочувствовать мне <...> Кроме драмы я надеюсь, что Вы пришлете еще несколько лирических стихотворений: ими я бы начал книгу» (РГБ. Ф. 386, 93.28. Л. 2-3). 13 мая 1912 г. Маковский с сильным запозданием благодарил Брюсова за присылку трагедии: «... радуюсь мысли, что, наконец, в «Альманахе» Аполлона будет Ваше большое произведение» (Там же. Л. 6). 9 января 1913 г. Брюсов писал Маковскому: «С большой неохотой, но по совершенной необходимости я принужден тревожить Вас запросом о судьбе моей драмы «Протесилай умерший», находящейся в Вашем распоряжении уже свыше года. Она включена в один из томов собрания моих сочинений, издаваемого к<нигоиздательст>вом «Сирин», и потому для меня важно напеча<та>ть ее в журнале с таким расчетом, чтобы

отдельное изд<ание> драмы не появилось тотчас вслед. Между тем в объявлениях «Аполлона» нет даже указаний на подготовление к печати его 2-го альманаха, для которого, если не ошибаюсь, моя драма предназначалась...» (РМ. Ф. 97. Ед. хр. 35) Маковский ответил Брюсову 12 февраля 1913 г.: «... обстоятельства вынуждают меня согласиться на Ваше предложение и отдать Вам «Протесилая Умершего» <...> Дело в том, что я совершенно не могу сказать, когда выйдет следующий «Альманах» «Аполлона». В этот сезон (до лета) срок уже пропущен, но и насчет осени я не уверен, так как при нынешней литературной «конъюнктуре» составить интересный сборник — дело совсем не легкое...» (РНБ. Ф. 386, 93.28. Л. 7)» (ЛН. С. 507-508). «Протесилай умерший» был в конце концов опубликован в «Русской мысли» (1913. № 9). Второй альманах «Аполлона» так и не вышел в свет. Стр. 13-14. — Гумилеву, по всей вероятности, уже быдо известно предварительное мнение редакции. Сам Брюсов отказался от своего первоначального намерения поместить «Провинциальную Картинку» («По бульвару ходят девки...») в «Зеркале Теней» (1912). Ст-ние было впервые опубликовано в журнале «Летопись» (1917. № 2-4). Стр. 15. — Имеется в виду кн.: Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русской поэзии от Тютчева до наших дней (М.: Скорпион, 1912). Гумилев так и не реализовал свой замысел написать рецензию на это наиболее полное прижизненное собрание критических статей Брюсова. По-видимому, в последние годы жизни, Гумилев сам думал о составлении подобного, «цельного» сборника своих собственных критических статей (см.: С. 256 т. VII наст. изд.). Стр. 20. — Ст-ние «Освобождение», которое Брюсов не взял для «Русской мысли», Гумилев оставил неопубликованным. В ноябрьской книжке «Аполлона» появилось его ст-ние «Памяти Анненского» (№ 66 (II)); в декабрьской — никаких ст-ний Гумилева не было. Стр. 21-33. — № 64 (II). По сообщению П.Н. Лукницкого, в течение недели в первой половине ноября 1911 г. Гумилев «находился под домашним арестом — по приговору о дуэли с М.А. Волошиным в 1909 г. После освобождения из-под ареста написал стихотворение «Освобожденье» (Труды и дни. С. 212).

110. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Автограф — РНБ. Ф. 634. Оп.1. Ед.хр.98.

Дат.: Зима-весна (не позднее марта) 1912 г. — по архивной дате, письму А.М. Ремизова от 19 января 1912 г. (№ 22 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома) и времени отъезда Гумилева из России (см комментарий к № 112 наст. изд.)

Архивная датировка — «1912 г.»

111. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Автограф — РГБ. Ф. 620. 63. 45.

Дат.: Конец марта 1912 г. — по времени отъезда Гумилева и Италию (см.: Соч III. С. 374).

Ответом на это письмо явилось письмо № 23 (раздел «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Знакомство Корнея Ивановича Чуковского (настоящее имя — Корнейчуков Николай Васильевич, 1882-1969) с творчеством Гумилева произошло в 1908 г., благодаря рекомендации А.Н. Толстого. «...Я пользуюсь случаем обратить Ваше внимание, — писал Толстой Чуковскому 12 марта 1908 г., — на нового поэта Гумилева. Пишет он только в «Весах», потому что живет всегда в Париже, очень много работает, и ему важна в начале правильная критика...» (РГБ. Ф. 620. 63.45). «Вскоре в том же 1908 году, — вспоминал Чуковский, — Гумилев приехал в Питер и на первых порах я не нашел в нем ничего привлекательного. Он показался мне каким-то церемонным, высокомерным и чопорным. <...> К этому времени он успел напечатать немало стихов, но все его гимны экзотическим ягуарам, носорогам, самумам, пустыням, слонам показались мне на первый взгляд слишком экзотическими, слишком искусственными, хотя я и признавал изощренность их поэтической формы. <...> Я часто встречался с Гумилевым и в театрах, и на выставках картин, и у Сологуба, и на вечерах «Аполлона», и у Вячеслава Иванова, но отношения наши оставались холодными. В 1912 году я в качестве редактора сочинений Оскара Уайльда, выдаваемых приложением к «Ниве», обратился к Гумилеву с «заказом» перевести терцины английского автора «Сфинкс». Он перевел их умело и быстро. Мы обменялись учтивыми письмами, но сблизились лишь в 1918-1919 годах, когда Горький позвал нас обоих работать в издательстве «Всемирная литература»» (Жизнь Николая Гумилева. С. 124-125).

Стр. 3. — «Полное собрание сочинений О. Уайльда. С критико-биографическим очерком и портретом автора. Под редакцией К.И. Чуковского» вышло как «Бесплатное приложение к журналу «Нива» на 1912 г.» в 8-ми книгах (№ 1-8), составивших четыре тома. Поэма О. Уайльда «Сфинкс» в переводе Гумилева была напечатана в 7-ой книге Собрания (IV том). Это был печатный дебют Гумилева-переводчика. Стр. 5. — В 8-ой книге Собрания (IV том) были гумилевские переводы ст-ний Уайльда «Могила Шелли», «Мильтону», «Theoreticos», «Федра». Стр. 10. — В апреле 1912 г. Гумилев и Ахматова уехали в Италию (см. комментарии к № 112 наст. тома).

112. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; ЛН.
Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: Май 1912 г. — по содержанию.

Стр. 3. — 3 апреля 1912 г. Гумилев и Ахматова отправились в путешествие по Италии; на вокзале их провожали Кузмин и Зноско-Боровский (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 344). Итальянский маршрут зафиксирован П.Н. Лукницким: «Вержболово — Берлин — Лозанна — Уши — Оспедалетти (у родных Кузьминой-Караваевой жили около недели) — Сан-Ремо — на пароходе в Геную. Генуя — Пиза — Флоренция. Из Флоренции [Гумилев] один ездил в Рим и Сиену и приблизительно через неделю вернулся обратно во Флоренцию. Пребывание во Флоренции (включая поездку в Рим и Сиену), заняло дней 10. Из Флоренции вместе поехали в Болонью, Падую, Венецию. В Венеции жили дней 10. Затем Вена —

Краков — Киев. В Киеве — 17 мая» (Труды и дни. С. 218-219). Данное письмо было отправлено Брюсову к концу поездки, т.е., вероятнее всего — из Венеции. Стр. 3-4. — Приложенные к письму ст-ния в архиве не сохранились. В «Русской мысли» (1912. № 7) был напечатан цикл «Итальянские стихи», куда вошли стихотворения «Рим», «Пиза», «Генуя» (№№ 79-81 (II), с общей подписью «Италия, 1912»); по следующему письму Гумилева к Брюсову (№ 113 наст. тома), можно заключить, что в числе приложенных к данному письму были ст-ния «Рим» и «Пиза». Согласно записям П.Н.Лукницкого, в Италии так же были написаны ст-ния «Падуанский собор» (переделанное впоследствии), «Персей» (после пребывания в Риме), «Болонья» и «Венеция» (Труды и дни. С.219; №№ 105, 91, 97, 96 (II)). В 1913 г. издательство «Акмэ» анонсировало сборник итальянских стихов Гумилева. Стр. 6-7. — О Цехе поэтов см. комментарии к № 106 наст. тома. О «союзе с Городецким» — весьма неожиданном, в свете их более ранних отзывов друг о друге (см., например, №№ 35, 47 наст. тома и комментарии к ним, и комментарии к №№ 29, 76, 86) — см. комментарии к № 132 наст. изд., а также: Неизд. 1986. С. 264-267; Т. VII. наст. изд. С. 435-437. Взаимоотношения Гумилева с Вяч. И. Ивановым с весны 1910 г. постепенно становились все более напряженными в соответствии с такими ключевыми моментами, как дискуссия вокруг статьи Иванова «Заветы символизма», ивановская критика поэмы Гумилева «Блудный сын», и рецензия Гумилева на первую часть «Cor Ardens'а» (см. комментарии к №№ 89, 97, 105 наст. тома). 1 февраля 1912 г. Гумилев пригласил Иванова на собрание Цеха поэтов (см.: Неизд 1986. С. 125), но не исключено, что это было именно то собрание у Гумилевых на котором, по воспоминаниям Ахматовой, «был решен акмеизм» (Там же. С. 255). Менее чем три недели спустя, в прениях по поводу новых докладов Иванова и А. Белого о символизме в Обществе ревнителей художественного слова (см.: Труды и дни. 1912. № 1), «синдики» Цеха поэтов — Гумилев, Городецкий и Д.В. Кузьмин-Караваев — открыто объявили о своей оппозиции не только к Вяч. И. Иванову, но и к символизму в целом (см.: Недоброво Н.В. Обществе ревнителей художественного слова (в Петербурге) // Труды и дни. 1912. № 2. С. 26-27). Но вряд ли Гумилев знал, что к тому времени, как было написано настоящее письмо, Иванов уже окончательно покидал Петербург (см. комментарии к №№ 71, 77 наст. тома). Стр. 7-8. — О «реформе «Аполлона» см. № 119 наст. тома и комментарии к нему.

113. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: 22 мая 1912 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Редакция «Русской Мысли». Воздвиженка, Ваганьковский пер.<еулок> д. 3». Штемпель почтового отделения Царского Села — 22.05.12. Штемпель московской экспедиции городской почты — 23.05.12. Штемпель почтового отделения Москвы — 24.05.12.

Стр. 3. — По возвращении из Италии, Гумилев оставил Ахматову у матери в Киеве (откуда она вскоре уехала в Подольскую губернию, в имение кузины М. А. Змунчилло (см. № 116 наст. тома и комментарии к нему)) и уехал (18 мая) в Петербург, совершив по дороге короткую остановку в Москве. Через несколько дней после отправления данного письма Гумилев уехал в Слепнево, где провел большую часть лета. Стр. 13-14. — В «Русской мысли» Брюсов выбрал вариант «изогнулся»; в «Колчане» (1916 г.) Гумилев использовал другой вариант — «наклонился» (см. № 81 (II), варианты и комментарии к нему). Стр. 15-17. — Получив разъяснения Гумилева, Брюсов напечатал это ст-ние в «Русской мысли» в соответствии с первоначальным вариантом. То же текст с небольшими разночтениями был принят и в «Колчане» (см. № 80 (II), варианты и комментарии к нему). Стр. 24-27. — Гумилев имеет в виду свою и Городецкого рецензии (соответственно в № 3-4 «Аполлона», и в газете «Речь» от 2 апреля 1912 г.) на новый сборник стихов Брюсова «Зеркало теней» (М.: Скорпион. 1912). Рецензенты откровенно рассчитывали привлечь Брюсова на сторону нарождающегося акмеизма. Гумилев впервые объявил в печати о «новой, идущей на смену символизму, школе», «основанием» для которой провозглашалось «нечто», содержащееся в творчестве Брюсова (№ 40 (VII) наст. издания), а Городецкий провозгласил «наиболее трогательными» в «Зеркале теней» «признания, чисто цеховые, о своем «святом ремесле»». Подробно о «стратегическом» значении обеих рецензий см. с. 416-417 т. VII наст. издания. Стр. 27-28. — О втором альманахе «Аполлон» и предполагаемом участии в нем Брюсова см. комментарии к № 109 наст. тома. Как известно, надежды Гумилева не сбылись — прежде всего, именно из-за слишком радикального преобладания «новых веяний» в «аполлоновских» кругах. Стр. 36-68. — № 80 (II). Автограф. Очевидно, к настоящему письму были приложены тексты «Рима» и «Пизы» (№№ 80, 81 (II)). Из них сохранился только первый — скорее всего, именно как тот вариант, который Брюсов не отобрал для публикации в «Русской мысли» (ср. № 112 наст. изд.).

114. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386.84.20.
Дат.: 4 июня 1912 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Москва. Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Редакция «Русской Мысли». Ваганьковский пер.<еулок> д. Куманина». Штемпель почтового отделения полустанка Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги Подобино — 04.06.12. Штемпель московской экспедиции городской почты — 04.06.12. Штемпель почтового отделения Москвы — 04.06.12.

Стр. 5. — «Скифские черепки» (СПб, 1912; обложка работы С. Городецкого) — первый сборник стихотворений Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой (урожденной Пиленко, 1891—1945), вышедший весной 1912 г. в издании «Цеха поэтов».

Отзыв Гумилева на этот сборник см. в № 40 (VII). О судьбе Кузьминой-Караваевой — активного члена «Цеха поэтов» в «первый» сезон 1911-1912 г., в будущем «монахини Марии», героини французского движения Сопротивления — см. вступительную статью А.Н. Шустова в кн.: Кузьмина-Караваева Е.Ю. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб., 2001. С. 5-26, а также комментарии к № 40 (VII). В 1924 г. Е.Ю. Кузьмина-Караваева опубликовала в пражском журнале «Воля Россия» автобиографическое произведение «Последние римляне», посвященное предреволюционному периоду русской литературы. В частности, в нем даются развернутые, духовно-психологические портреты Вяч. Иванова и Гумилева на фоне ее общей концепции обреченности эпохи («Последние римляне, впитавшие в себя мудрость долгих веков, бессознательно все же чувствовали, как кровь холодеет в жилах...»). Гумилев, в ее представлениях, «все время пытался найти пути, пытался влить кровь в дряхлеющую культуру последних дней. И искал он этих путей везде. Отсюда и «Муза дальних странствий», — отсюда и путешествие его по Африке, отсюда мечта о Синдбаде-мореходе, о конквистадорах, наконец, отсюда ясное, героическое отношение его к войне, гордость Георгиями своими солдатскими и, может быть, отсюда и смерть от чекистских пуль...» (Воля Россия. 1924. № 18-19). Стр. 6-7. — Данное письмо Брюсова к Городецкому неизвестно. Стр. 8-9. — Имеется в виду Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев (1886-1959), дальний родственник Гумилева по материнской линии; юрист, общественный деятель, в то время третий «синдик» («стряпчий» или «казначей») «Цеха поэтов» (см. комментарий к № 106 наст. тома). В таковом качестве он и выступал вместе с Гумилевым и Городецким на заседании Общества ревнителей художественного слова 18 февраля 1912 г., где было заявлено об их оппозиции к символизму (см. комментарии к № 108 наст. тома), а 19 декабря 1912 г., на вечере в «Бродячей собаке», он приветствовал акмеизм за то, что тот возвращает искусству право быть свободным от посторонних требований (см.: Аполлон. 1913. № 1. С. 31). Д.В. Кузьмин-Караваев учился на юридическом факультете Петербугского университета в 1904-1909 гг., участвовал в «Кружке молодых» Городецкого, вошел в его правление (см.: Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 99). Он был также членом социал-демократической партии, и даже подвергся репрессиям. После работы санитаром на фронте во время Первой мировой войны, он в 1920 г. перешел в католичество и был выслан из СССР в 1923 г. В эмиграции принял священство (Там же. С. 307). Подробнее о нем см.: Сенин С.И. Гумилев и Кузьмины-Караваевы // Сенин С.И. «В долинах старинных поместий..». Тверь, 2002-2003. С. 36-38; об отношениях Д.В. и Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (которые разошлись в конце 1912 или начале 1913 гг.) см.: Сенин С.И. Указ. соч. С. 86-94. Кузминым-Караваевым принадлежало имение Борисовко, по соседству с Слепневым (о нем см.: Сенин С.И. Указ соч. С. 34-37, 215). Ровно через неделю после данного письма, 11 июля 1912 г., Гумилев записал в альбоме О.А. Кузьминой-Караваевой «местную» драматическую сценку «Обед в Бежецке» (№ 2 (V)), «героем» которого являлся Д.В. Кузьмин-Караваев. Стр. 12-14. — «В обзоре «Сегод-

няшний день русской поэзии» Брюсов отрецензировал выпущенные «Цехом поэтов» сборники стихотворений А. Ахматовой, М. Зенкевича, В. Нарбута и Е. Кузьминой-Караваевой. Отмечая, что «вообще в изданиях «Цеха поэтов» плохих стихов мы не встречаем», Брюсов сравнительно сдержанно оценил «Скифские черепки»: «Умело и красиво сделаны интересно задуманные «Скифские черепки» г-жи Кузьминой-Караваевой. Сочетание воспоминаний о «предсуществовании» в древней Скифии и впечатлений современности придает этим стихам особую остроту. Однако по немногим образцам поэзии начинающего автора еще трудно судить, предстоит ли ей широкое развитие в будущем» (Русская Мысль 1912. № 7. С. 17). Гораздо более суровыми были высказывания об этом сборнике Н. Львовой (Холод утра // Альманах «Жатва». М., 1914. Кн. 5), Г. Чулкова (Утро России. 1912, № 87. 14 апр.), А. Блока (Собрание сочинений в 8 тт. М.-Л., 1960-1963. Т. VIII. С. 430-431), С. Городецкого (Женское рукоделие // Речь. 1912. № 117. 30 апр.). Более сдержанная рецензия в «Гиперборее» принадлежала, по-видимому, также С. Городецкому <...> (Гиперборей. 1912. № 2. С. 28). Н. Бернер отметил влияние экзотики Гумилева на поэтессу (Путь. 1912. № 8. С. 71)» (ЛН. С. 511). Самая положительная оценка «Скифских черепков» принадлежала Гумилеву.

115. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386.84.20.
Дат.: 20 июня 1912 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо написано на художественной открытке, адресованной: «Москва. Ваганьковский пер.<еулок> д. Куманина. «Русская Мысль». Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову» На лицевой стороне картина с изображением старца с белой бородой с бидоном у колодца на фоне арочной ограды и надписью: «Firenze — La Certosa. Il Pozzo nel Chiostro Grande.». Штемпель почтового Подобино Московско — Виндаво — Рыбинской железной дороги — 20.6.12. Штемпель почтового отделения Москвы — 21.6.12.

Стр. 3-4. — См. №№ 113 и 114 наст. тома и комментарии к иим.

116. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Соч III (с пропусками и ошибками) -- Полушин (с пропусками и ошибками); В мире отеч. классики (с пропусками и ошибками) -- Хейт (с пропусками и ошибками); Haight (с пропусками и ошибками) Новый мир (публ. Э.Г. Герштейн) (с пропусками и ошибками)
Автограф — ИРЛИ. Ф. 20. Оп.1. Д. 10.
Дат.: Июнь 1912 г. — по содержанию.

Первое из сохранившихся писем Гумилева к Ахматовой (о судьбе их переписки см. вступительную статью к комментариям).

17 мая 1912 г. Гумилев и Ахматова завершив итальянское путешествие, приехали в Киев, где на некоторое время расстались. Гумилев поехал в Петербург, затем — в Слепнево, а Ахматова осталась погостить у матери, а в конце мая, уехала в имение кузины, М.А. Змунчилло — Литки (Подольская губерния), где жила около месяца. «Потом (в июле — *Ред.*) Н.С. выехал меня встретить в Москву <...> Пробыли несколько времени в Москве. <...> Вместе поехали в Слепнево» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Том I. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 99). Именно в Литки, где в июне гостила Ахматова, было и направлено это письмо.

Стр. 3-4. — Как было сказано выше, имение Литки находилось на Украине, в Подолии (сейчас это — Хмельницкая область; усадебный дом был разрушен в начале 1980-х годов). В это время Ахматова ждала своего первого (и единственного) ребенка. 18 сентября (1 октября по новому стилю) в родильном приюте императрицы Александры Федоровны на 18-й линии Васильевского острова у Гумилева и Ахматовой родился сын — будущий создатель теории этногенеза Лев Николаевич Гумилев (1912-1992). Стр. 5-8. — Имеется в виду ст-ние из сборника «Колчан» «Сказка» (№86 (II)). На экземпляре, подаренном П.Н. Лукницкому, (ИРЛИ) рукой Ахматовой, написано: «Сон. Слепнево. Лето, 1912 г.». Стр. 9-12 — С 1911 года Гумилев много занимается переводами, большая подборка его переводов Т. Готье появилась в «Аполлоне» № 9. «Эмали и камеи» брал с собой в Италию, а в Слепнево, в тишине и покое, видимо, решил «подтянуть» итальянский и английский. В это время он переводил с английского О. Уайльда (см. письма № 111 и № 117). Стр. 12-15. — См. написанное немного раньше, чем это письмо ст-ние «Открытие летнего сезона», вписанное в альбом О.А. Кузьминой-Караваевой 18 июня 1912 г. (№ 82 (II)) и комментарии к нему. Заметим, что Ахматова в своих «Записных книжках», вступая в полемику с упомянутой в ст-нии В.А. Неведомской, утверждавшей, что «Николай Степанович ездить верхом, собственно говоря, не умел, но у него было полное отсутствия страха» (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С.153), фактически с ней соглашается: «Конечно, в 1911-12 г. ездить верхом не умел, но в маршевом эскадроне Уланского полка...» и т.д. (С.251). Стр. 15. — Имеется в виду Ольга Александровна Кузьмина-Караваева (в замужестве — Оболенская, 1890-1986). Стр. 17. — Мока, или Молли — кличка любимого бульдога Гумилевых. См. фрагменты из дневников Кузмина февраля 1912 года («У Гумилевых электричество, бульдог... Спал в библиотеке. Печально, вольно с сладко. Очень странно... Тихо и снежно. Спят. Молли (бульдог) обрадована»). Стр. 19 — В.А. Неведомская в своих воспоминаниях упоминает некую некую «тетю Пофиньку» (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 82), которая может быть вероятной кандидатурой на роль упомянутой поэтом «Александры Алексеевны». Среди обитателей Слепнево лиц с таким именем и отчеством не было. Стр. 20. — Акинихская (у Гумилева — Акининская) дорога — дорога к соседнему, ближайшему от Слепнева, селу. В настоящее время ни от одной из окружающих Слепнево деревень, как и от самого Слепнева, не осталось ни одного дома, только холмы и поля, а на вершине слепневского холма стоит единственный свидетель, одинокий дуб, воспетый Ахматовой («...Единственного в этом парке дуба //

Листва еще бесцветна и тонка...»). Стр. 22. — Одно из первых упоминаний Гумилевым термина «акмеизм», чрезвычайно любопытное в общем контексте этого фрагмента письма. Ср.: «Мы бы не решились бы заставить атом поклониться Богу, если бы это не было в его природе» («Наследие символизма и акмеизм» — см. стр. 60-61 № 56 (VII). Стр. 26. — Упоминание о т.н. «капитолийской волчице» имеется в ст-нии Гумилева «Рим» (№ 80 (II)). Однако, в сочетании с упоминанием РЦ 1908, речь, по всей вероятности, идет о ст-ниях «Гиена» и «Каракалла» (№№ 73 и 53(I)), в которых присутствует мотив «Лунного томления». Стр. 28-30 — Следует обратить особое внимание на фразу: «Кажется, зимой наши роли переменяться...».ю Во всех публикациях она звучит в несвойственном Гумилеву высокопарном духе: «...Кажется, *земные* наши роли переменятся, ты будешь акмеисткой, и мрачным символистом...» На самом деле, у Гумилева в автографе — все проще и человечнее: «...Кажется, зимой наши роли переменятся, ты будешь акмеисткой, а я мрачным, символистом». Именно — «зимой», а не глубокомысленной (символистское, а не акмеистическое!) — «земные роли». Речь идет о грядущем материнстве Ахматовой.

117. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Автограф — РГБ. Ф. 620. 63. 45.
Дат.: 28 августа 1912 г. — по помете получателя.

На письме помета К.И. Чуковского (по н. ст.) — «10.IX.12». Ответ на письма №№ 23 и 25 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. О работе Гумилева в 1912 г. над переводами из О. Уайльда для издания «Нивы» см. № 111 наст. тома и комментарии к нему.

Стр. 3. — Имеется в виду письмо № 23 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома, которое, очевидно, было вложено в корректуру поэмы «Сфинкс». Стр. 4. — Очевидно, имеется в виду отъезд в Италию (см. комментарии к № 112 наст. тома). Стр. 6-7. — На лето 1912 г. дом Гумилевых в Царском Селе (Малая ул., 63) был сдан дачникам. До окончания дачного сезона Гумилев и Ахматова жили в Петербурге в мебелированных комнатах «Белград» на Невском проспекте (см.: Труды и дни. С. 220).

118. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин.
Автограф. — РНБ. Ф. 774. № 15.
Дат.: 3 октября 1912 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Его Высокородию Александру Ивановичу Тинякову. Петербург Васил<ьевский> остр<ов> 14 линия, д. 35, кв. 32». Штемпель городской почты С-Петербурга — 04.10.12. На конверте карандашная помета А.И. Тинякова: «Получ. 4-го окт. 1912». Ответ на письмо А.И.Тинякова от 1 октября 1912 г. (№ 26 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

О взаимоотношениях Гумилева и поэта Александра Ивановича Тинякова (псевд. Одинокий, 1886-1934) см. комментарии к № 50 (VII). Стр. 3. — Рецензия Гумилева на сборник стихов Тинякова-Одинокого «Navis nigra» («Черный корабль» (М., 1912) вышла в № 10 «Аполлона» за 1912 г.

119. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СС IV (публ. Г.П. Струве) -- Полушин.

Автограф — РМ.Ф.97. № 72.

Дат.: 8 или 9 октября 1912 г. — по содержанию и дате письма С.К. Маковского (см. № 27 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 3-4. — См. письмо С.К. Маковского от 8 октября 1912 г., а также упоминание Гумилевым «будущей реформы «Аполлона»» в майском письме Брюсову из Италии (№ 112 наст. тома). Ранее, в письме от 2 сентября 1910 г., Гумилев сообщил Брюсову, что несмотря на его «ближайшее сотрудничество» в журнале, его влияние в редакции было весьма ограничено (см. № 89 наст. тома и комментарии к нему). С весны 1911 г., по заявлению О.Э. Мандельштама, «стихотворный отдел «Аполлона» <был> отдан в безраздельное ведение недавно вернувшегося из Абиссинии Н. Гумилева» (Мандельштам О.Э. Камень. Л., 1990. С. 244-245). Это заключение оскорбленного автора (см. комментарий к стр. 13 № 96 наст. тома) находит кажущееся подтверждение в переписке Гумилева с Ивановым, А. Белым и Е.А. Зноско-Боровским летом 1911 г. (№№ 97-99, 102-103 наст. тома); однако длительные недоразумения с произведениями Брюсова, первоначально предназначавшимися для литературного альманаха «Аполлона», обнаруживают некоторую «неопределенность» (по выражению письма Маковского) гумилевских полномочий: имея в «стихотворном отделе «Аполлона»» действительно «безраздельную» власть, Гумилев, конечно, обеспечил бы беспрепятственное прохождение «брюсовских» публикаций — как в силу личных симпатий к своему бывшему «учителю», так и в силу собственной литературной стратегии в годы возникновения акмеизма (см. комментарии к стр. 24-27 № 113 наст. тома и комментарии к № 40 (VII). Стр. 9-10. — Упоминание об Анненском можно расценивать и как имплицитный «антиивановский» выпад. Как наверняка знал Гумилев, вступительная статья к первому номеру «Аполлона» была подготовлена Маковским на основе проекта редакционной декларации, предложенного Анненским (Анненский И.Ф. Письма к С.К. Маковскому. Публ. А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 225). В статье утверждалось: «Основная цель «Аполлона» — уяснять и развивать назревающие тенденции русского общества к стройному, сознательному, *«аполлоническому» началу творчества* <...> редакция «Аполлона» хотела бы <...> называть *своим* только действительно жизнеспособное, только строгое, и подлинное искание красоты, чуждое того бессильного брожения и распада, которые наблюдаются слишком часто в искусстве и литературе нашего времени. Лозунг журнала — «аполлонизм», т.е. принцип культуры, унасле-

дованный всем европейским человечеством...». Сам Маковский, в письме Зноско-Боровскому от февраля 1910 г., уже противопоставлял «молодую редакцию» «Аполлона» («деловую, а не празднобалтающую о литературе») «идейности» Иванова (см.: Грякалова Н.Ю. Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Исследования и материалы. С. 103); а Гумилев своим выступлением на вечере, посвященном памяти Анненском в декабре 1911 г., явно полемизировал прежде всего с Ивановым (см.: Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. Гл. III). Стр. 11-12. — Ср. в письме Маковского: «то направление журнала, которое соединяется для меня, так же, как и для Вас, с именем *нашего* «Аполлона»». По-видимому, понятие «наше», «свое», также употребляемое им в только что процитированной вступительной статье, было особенно дорого редактору «Аполлона». См. в комментарии к стр. 13-16 № 54 наст. тома его предварительные рассуждения «о «нашем» будущем журнале», или же его «исходное» отношение к Вяч. И. Иванову, изложенное в письме Анненскому от 20 мая 1909 г.: «Мне бы очень хотелось, чтобы Вы очаровали и его, как всех будущих «аполлоновцев». <...> Весь петербургский писательский мир с ним очень считается. Сделать его «своим» — было бы настоящим приобретением. Но *своим* в кавычках, разумеется» (Анненский И.Ф. Письма к С.К. Маковскому. Публ. А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 226). Стр. 18-19. — Как известно, в первом номере 1913 г. были опубликованы манифесты Гумилева и Городецкого, провозгласившие рождение новой поэтической школы. На значение этих публикаций для «Аполлона» указал Городецкий в письме Л.Я. Гуревич от 27 января 1913 г.: «Стихи принесу в скором времени и статью об акмеизме тоже. На днях выходит «Аполлон», и в нем моя и Гумилева статьи на эту тему. Я был бы Вам благодарен, если б Вы поручили кому-нибудь дать заметку об этом номере. Для «Аполлона» это важная грань, — что он стал органом акмеизма» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 410). Реакция литературных «оппонентов» не заставила себя долго ждать. Свое возмущение новым курсом «Аполлона» резко высказала А.Н. Чеботаревская, сообщившая Брюсову 20 января 1913 г.: «Очень неприятен в последнее время Цех поэтов, который решил очень откровенно обратить на себя внимание и отвлечь его от «старших» (Брюсова, Сологуба, Блока, Иванова). Недавно на вечере в «Бродячей собаке» вслух заявляли: «В «Аполлоне» больше не появится *их* ни строки...» (Письма <Брюсова> к петербургским и московским литераторам // Литературное наследство. Т. 86. М., 1976. С. 703). В следующий день она также писала В. Иванову: «...Мандельштам ходит и говорит: «Отныне ни одна строка Сологуба, Брюсова, Иванова или Блока не будет помещена в «Аполлоне» — он скоро (это еще оч<ень> проблематично) будет журналом акмеистов» (Блок в неизданной переписке... С. 409-410). Возможно, что превращение «Аполлона» в литературный орган акмеистов предвидел М.А. Кузмин, лаконично отметив в своем

дневнике от 9 октября 1912 г. — на следующий день после обращение Маковского к Гумилеву: «...пришел Таиров <...>, Женя Зноско. Маковский как-то странно поступает» ((Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 379; как отмечено в комментарии к № 76 наст. тома, к концу этого месяца упоминаемый здесь секретарь «Аполлона» «Женя Зноско» (т.е. Зноско-Боровский) ушел из журнала). Следует помнить, что в предыдущих литературных распрях (например, в эпизоде с «некрологом» Чулкова о «Весах», или во время прениий 1910 г. по поводу докладов Блока и Иванова в Обществе ревнителей художественного слова) редактор «Аполлона», являвшегося в эту эпоху крупнейшим органом модернистского искусства в России, стремился к «личному» нейтралитету, к компромиссным решениям — хотя и с очевидным предрасположением к позициям «молодой редакции». Об антисимволистской настроенности Гумилева осенью 1912 г. он не мог не знать. Примечательно, однако, что после появления «акмеистических» стихов в № 3 «Аполлона» за 1913 г. (см. № 124 наст. тома), Гумилев (уехавший затем на пол года в Абиссинию, а после, в 1914 году ушедший на фронт) во многом утрачивает позиции «безусловного» лидера и впоследствии играет гораздо менее активную роль в журнале (ср. его письмо к Маковскому зимой 1915-1916 гг. (№ 146 наст. тома)).

120. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин.
Автограф. — РНБ. Ф. 774. № 15.
Дат.: 16 октября 1912 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Его Высокородию Александру Ивановичу Тинякову. Петербург. Васил.<ьевский> остр.<ов> 14 лин.<ия> д. 35, кв. 32». Штемпель почтового отделения Царского Села — 17.10.12. Штемпель городской почты С-Петербурга — 18.10.12. На конверте карандашная помета А.И. Тинякова: «Получ. 18-го окт. 1912».

121. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: 17 октября 1912 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Редакция «Русская Мысль»». Штемпель почтового отделения Царского Села — 17.10.12. Штемпель почтового отделения С-Петербурга — 18.10.12. Штемпель городской почты С-Петербурга — 18.10. 12 (8 часов). Штемпель СПБ ПОЧТАМТ. УПРАВ. БЮРО — 19. 10. 12. Штемпель московской экспедиции городской почты — 20.10.12 (8 часов). Штемпель почтового отделения Москвы — 20. 10. 12 (8 часов). Адрес заклеен типографским ярлыком, на котором рукой

почтальона написано: «Справка 9 отдела 3 округа по Нюстадской ул. в доме № 6 по домовой книге (Русская Мысль) Вал. Я. Брюсов выб.<ыл> 4. X 1912 г. Москва 1-ая Мещанская д. № 23. Почтальон Бируля 18/X 1912».

Стр. 3-9. — В 1912 г. Брюсов несколько раз приезжал в Петербург по делам «Русской мысли» (см. его письмо к Блоку от 29 сентября 1912 г.: «Очень желал бы повидать Вас в Петербурге, но, к сожалению, не знаю, найду ли я для этого время: крайне занят делами редакции. Впрочем, в этом году я буду бывать в Петер<бурге> часто...» (Переписка <Блока> с В.Я. Брюсовым (1903 -1919) / Вст. статья З.Г. Минц и Ю.П. Благоволиной. Публ. и комментарии Ю.П. Благоволиной // Александр Блок. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство. Т.92). Кн. 1. М., 1980. С. 516)). К тому времени, как данное письмо было отправлено в петербургскую контору «Русской мысли», Брюсов уже вернулся в Москву (см. выше, описание письма; ср. также «московскую» телеграмму Брюсова А.М. Ремизову от 18 октября 1912 г. (Переписка <Брюсова> с А.М. Ремизовым (1902 -1912) / Вст. статья и комментарии А.В. Лаврова. Публ. С.С .Гречишкина, А.В. Лаврова и И.П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. (Лит. наследство. Т.98). Кн. 2. М., 1994. С. 217)). 26 октября 1912 г., Брюсов снова выезжал в Петербург — по делам «Русской мысли» и для переговоров издательством «Сирин» об издании своего Полного собрания сочинений (см. его письмо С.А. Полякову от 25 октября 1912 г.: Переписка <Брюсова> с С.А. Поляковым (1899 -1921) / Вст. статья и комментарии Н.В. Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.В. Кувановой и И.П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. (Литературное наследство. Т.98). Кн. 2. М., 1994. С. 131-134). Однако встреча с Гумилевым — который, в числе прочего, безусловно, собирался поговорить с «учителем» о новых установках в редакции «Аполлона» (см. № 119 наст. тома) — и на этот раз не состоялась (ср. письмо А. Ахматовой к Брюсову — датированное 22 октября 1912 г, но отправленное, судя по почтовым штемпелям, только 31 октября (Суперфин Г.Г. Тименчик Р.Д. Письма А.А. Ахматовой к В.Я. Брюсову // Cahiers du Monde russe et soviétique. XV. №1-2. P. 200)).

122. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Автограф — ИРЛИ. Р.1.Оп.4. № 200.
Дат.: 1912 — начало 1913 г. — по содержанию.

Письмо на бланке журнала «Аполлон» вложено в конверт (без марки и штемпеля), адресованный: «Ее высокородию Ольге Николаевне Высотской».

Ольга Николаевна Высотская — (1885 — 1966), актриса. Родилась 18 декабря 1885 г. в Москве, где ее отец служил в ведомстве по народному образованию. Затем он работал директором Ярославской гимназии, где училась и его дочь. Семья владела имением в Курской губернии около Суджи (село Куриловка), где Высотские жили до 1930-х годов. Ее краткая «Автобиография» (без упоминания Гумилева) опубликована в «Ежегоднике Пушкинского дома» за 1970 год (Л.,1971). О.Н. Высотская была близка к театральными кругам Москвы (где она познакомилась

с Б.К. Прониным) и Петербурга. Участвовала в спектаклях, поставленных Н.Н. Евреиновым, В.Э. Мейерхольдом, в спектаклях «Дома интермедий», «Старинного театра», студии В. Мейерхольда и др. 31 декабря 1911 г. на Михайловской площади, в доме 5, в Петербурге открылся учрежденный Б. Прониным подвал-кабаре «Бродячая собака». О.Н. Высотская была постоянной посетительницей, и именно там, 13 января 1912 г., на заочном чествовании К. Бальмонта (25 лет поэтической деятельности) она познакомилась с Гумилевым. Из неопубликованных воспоминаний О.Н. Высотской: «...Когда стали приходить посетители, Алиса Творогова (приятельница Высотской) сказала мне: «Смотри! Кто это расписывается в «Свиной книге?» Кто-то новый...» Когда этот кто-то отошел — я посмотрела: Н. Гумилев. И рядом было написано кем-то из его приятелей: «Великий Синдик Гу — поставил точку на лугу». <...> Поэты читали стихи, выходя один за другим на эстраду: Гумилев, Городецкий, Гюнтер и другие. После всех выступлений Зноско-Боровский познакомил меня и Алису с Гумилевым. Николай Степанович устроился за нашим столиком. Он рассказал нам о своей поездке в Абиссинию. Летом я получила из Константинополя от Гумилева открытку с посвященным мне сонетом...» (см. №126 наст. тома; отчет о выступлениях на этом вечере см.: Парнис А.Е. Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники Культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 180-181).

Короткий «роман» Гумилев с Высотской имел «последствия». 26 октября 1913 года у Ольги Николаевны, в Москве, родился сын Орест. Судя по всему, о его существовании сам Гумилев так и не узнал. Замуж О.Н. Высотская никогда не выходила, отчество сына — по усыновившему его ее родному брату Николаю Николаевичу Высотскому. О своем происхождении Орест узнал только в 1937 г. По его собственному признанию (в начале 1980-х годов), мать ему, практически, ничего не рассказывала о своем знакомстве с Гумилевым, а тем более, о нем самом (поэтому опубликованная недавно книга О.Н. Высотского «Николай Гумилев глазами сыны» (М., 2004) представляет собой, в большей своей части пересказ чужих воспоминаний. Что касается самой Ольги Николаевны, как она пишет в воспоминаниях, «в 1913 году я по семейным обстоятельствам уехала из Петербурга. Вся моя дальнейшая театральная жизнь проходила в провинции» (уточним — большую часть своей жизни она прожила у своего дяди в Вязниках, а после его смерти, в 1960 г. переехала в Молдавию, где скончалась в Тирасполе 18 января 1966 г.). Но с Ахматовой О.Н. Высотская была хорошо знакома. В «Записных книжках» Ахматовой: (в рассказе о «романах» НСГ), в частности, говориться, что Гумилев «от бедной милой Ольги Николаевны Высотской даже родил сына Ореста (13 г.). Все это не имело ко мне решительно никакого отношения. Делать из меня ревнивую жену в 10-х годах очень смешно и очень глупо...» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino 1996. С. 361). И многозначительная короткая запись (С.426): «Кому R<equiem> ... Фаине, Ольге Ник<олаевне> Выс<отской>, Липкину...». Упоминание «Реквиема» — не случайно: 21 июля 1939 г. Л.К. Чуковская записала: «...Пришла ожидаемая дама... Не поздоровавшись со мною и даже, видимо, не заметив меня, она сразу сообщила Анне Андреевне о Г. (о чьем-то аресте — чьем, не помню).

Анна Андреевна закрыла лицо ладонями... Нам пора было идти. — Познакомьтесь, Ольга Николаевна... — вдруг сказала Анна Андреевна на лестнице <...> Ольга Николаевна встретила знакомую и отошла. И Анна Андреевна вдруг зашептала, наклоняясь ко мне: — Ее сын — Левин брат... Он только на год моложе Левы. У него совсем Колины руки...» (Чуковская Л.К.. Записки об Анне Ахматовой. Т.1. 1938-1941. Paris, 1976. С. 30-31). И чуть позже: «... — Ем я теперь только тогда, когда меня кормит Ольга Николаевна, — сказала Анна Андреевна. — Она как-то меня заставляет...» (Там же. С. 33). В это время Ахматова с Высотской часто стояли вместе в тюремных очередях. Одно время Лев и Орест сидели в соседних камерах, но неожиданно Ореста оправдали и вскоре выпустили. Так что появление дарственной надписи на сборнике стихов Ахматовой «Из шести книг», хранившейся у О.Н. Высотского, — «Ольге Николаевне — нам есть что вспомнить...», — неслучайно. В начале 1950-х сводная сестра поэта Александра Степановна Сверчкова, жившая в Бежецке, незадолго до своей смерти, переслала многие связанные с братом документы (старые семейные фотографии, «Африканский дневник» Гумилева) и свои воспоминания (полностью опубликованы: Жизнь Николая Гумилева. С. 5-20) в семью О.Н. Высотского, где они и хранились вплоть до 1980-х гг. в строгой тайне даже от Л.Н. Гумилева (несмотря на то, что Орест Николаевич во время своей учебы в Ленинграде, подолгу жил у сводного брата). Только через «третьи» лица Л.Н. Гумилев узнал о существовании этих семейных реликвий. После этого, по его инициативе и при содействии академика Д.С. Лихачева, «Африканский дневник» поэта был опубликован в журнале «Огонек» (1987. № 14; см. Т. VI. С. 417-418). Но это уже — другая история (об обстоятельствах этой публикации см. комментарии к № 12 (VI; С. 417-419). Данная же записка была написана, очевидно, незадолго до отъезда Гумилева в Африканскую экспедицию от Академии наук (№№125-130 наст. тома и комментарии к ним), когда его «роман» с О.Н. Высотской был в самом разгаре. После возвращения из Африки они никогда не виделись, и Гумилев ничего не знал о ее дальнейшей жизни.

123. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин.

Автограф — ИРЛИ. Ф. 428. Оп.1. № 34.

Дат.: Осень 1912 — 1913 г. — по содержанию письма и времени выхода журнала «Гиперборей».

На записке отдельно адрес: «В контору книжн.<ого> склада Аверьянова. Фонтанка, 38. От Н. Гумилева. Царск. Село, Малая, 63, тел. 555. В конце записки — подпись получателя (?) — «Петров».

«В октябре (1912 г. — *Ред.*) вышел наконец созданный на базе «Цеха поэтов» первый номер журнала «Гиперборей», редакция которого сначала помещалась на квартире Лозинского, а летом переехала на Разъезжую, 3. Основное место в журнале занимали стихи и статьи, посвященные вопросам нового направления в поэзии.

«Гиперборей» был гумилевским журналом, отстаивающим его взгляды на поэзию, но он показывал также, что внутри нового течения могут быть различные направления, которые не вполне уживаются друг с другом. Общность разностей — вот принцип журнала» (Жизнь поэта. С. 137). Создание «Гиперборея» (как было объявлено в первой книжке журнала — «редактор-издатель М. Лозинский; при непосредственном участии Сергея Городецкого и Н. Гумилева») — прямое продолжение той гумилевской «линии» на создание чисто-литературного модернистского издания, в идеале — «журнала стихов», которая была начата в 1907 г. «Сириусом» и продолжена в 1909 г. «Островом». Эта — третья — попытка была более успешна: всего вышло 10 номеров, согласно данным П.Н. Лукницкого в октябре (№ 1), ноябре (№ 2), декабре (№ 3) 1912 г., январе (№ 4), феврале (№ 5), марте (№ 6), сентябре (№ 7), октябре (№ 8) и декабре (№ 9-10, сдвоенный) 1913 г. (см.: Труды и дни. С. 221-223, 228, 230, 233 — 234). Впрочем, как оговаривает П.Н. Лукницкий, соответствие очередного № журнала срокам выхода чаще всего было нарушено. При том, что для нынешнего историка литературы журнал «Цеха поэтов» является весьма «значимым» для отечественной культуры изданием, где публиковалось целое «созвездие» литераторов «позднего» «серебряного века» — Гумилев, Городецкий, Ахматова, В.В. Гиппиус, Клюев, Мандельштам, Нарбут, С. Гедройц, Вл. Бестужев, Блок, Зенкевич, Г.В. Иванов, Кузмин, Е.Ю. Кузьмина-Караваева, М.Л. Лозинский, Н. Бруни, М. Моравская, И. Эренбург, П. Радимов, Грааль Арельский, А. Горчаков, В. Эйхенбаум, В. Гарднер, С. Судейкин, В. Парнок, Н. Пунин, В. Шилейко, — для современников это было «студенческим» изданием, несопоставимым с «серьезной» петербургской «художественной периодикой». «Ядро» «гиперборейских» авторов составляли участники «университетских» мероприятий Гумилева — созданию на историко-филологическом факультете «Кружка изучения поэтов» (к руководству кружком Гумилев привлек профессора И.И. Толстого) и «Кружка романо-германистов» (под руководством профессора Петрова) (см.: Труды и дни. С. 227-228). Элемент «студенческой импровизации» — в виду молодости руководителей — присутствовал, конечно, и в издании журнала. « «Гиперборей» — «ежемесячник стихов и критики», как значилось на титульном листе, был маленький журнальчик — 32 станицы в восьмую долю. Печаталось экземпляров двести. Расходилось... хорошо, если четверть. Были, впрочем, и подписчики. Однажды редактору-издателю Лозинскому кто-то сказал: «Послушайте, как запаздывает ваш журнал: сейчас май, а январская книжка еще не вышла. Что подумают подписчики?» Лозинский сделал серьезную мину: «Вы правы. Действительно неудобно». Вдруг лицо его прояснилось: «Ну ничего — я им скажу»» (Иванов III. С. 222). Однако, тот же Г.В. Иванов, описывая «пятничные» заседания редколлегии «Гиперборея» в зиму 1912-1913 гг., подчеркивает, что элемент изящной «игры» отнюдь не отменял весьма серьезное (даже — строгое) отношение руководителей журнала к качеству помещаемого в нем материала. «Центральной фигурой гиперборейских собраний был, конечно, Гумилев. В длинном сюртуке, в желтом галстуке, с головой почти наголо обритой, он здоровался со всеми со старомодной церемонностью. Потом садился, вынимал огромный, точно

сахарница, серебряный портсигар, закуривал. Я не забуду ощущение робости (до дрожи в коленях), знакомое далеко не мне одному, когда Гумилев заговаривал со мною. <...> Когда все в сборе, коллегия, т.е. Гумилев, Городецкий и Лозинский, удаляется в соседнюю комнату на редакционное совещание. Здесь решается судьба стихов, безжалостно мараются рецензии, назначается день ближайшего цехового собрания. Сотрудники вызываются иногда в это святилище — по большей части для какого-нибудь разноса» (Там же. С. 224-225).

Возможным адресатом записки был сам Михаил Васильевич Аверьянов (1867-1941) — книгоиздатель, книгопродавец. «Если помните, — писал ему С.М. Городецкий 2 сентября 1912 г. я говорил Вам о журнале и Вы были добры отнестись к нему со вниманием. Теперь это налаживается окончательно. Я и Гумилев издаем ежемесячный журнал стихов, очень маленький: в 24 страницы номер, в количестве 500 экз., с подписной ценой в полтора, должно быть, или два рубля.» (ИРЛИ, Ф. 428.1.30 (Л.8); цит. по: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 402). Однако, принять эту версию безоговорочно мешает тон записки Гумилева, неподходящий для обращения с главой издательства, который, к тому же, как понятно из вышеприведенного письма Городецкого, был достаточно хорошо знаком с «гиперборейскими» авторами.

Вероятным получателем экземпляров «Гиперборея», указанным в этой записке был Грааль Арельский (настоящее имя — С.С. Петров, см. о нем № 38 (VII) и комментарии к нему). Если это так, то время написания записки можно (гипотетически) уточнить — стихи Грааля Арельского появились в № 5 «Гиперборея», который вышел в феврале (или марте) 1913 г.

124. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) -- Полушин; ЛН.
Автограф. — РГБ. Ф. 386. 84. 20.
Дат.: 28 марта 1913 г. — по почтовому штемпелю.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Москва. 2-ая Мещанская, 32». Штемпель почтового отделения Царского Села — 28.03.13. Штемпель московской экспедиции городской почты — 29.03.13. Штемпель почтового отделения Москвы — 29.03.13.

Стр. 3-4. — Имеется в виду большая статья Брюсова «Новые течения в русской поэзии. Футуристы» (Русская Мысль. 1913. № 3). Одним из положений Брюсова, с которыми мог «не соглашаться» Гумилев, несомненно являлся «общий закон» о «новых движениях» русской литературы: «... надо признать, что и наш футуризм не избежал общего закона, которому подчиняются все новые движения в русской литературе: они лишь повторяют, с опозданием на несколько лет, сходные движения литературы западной». Стр. 5-6. — Статью о футуризме Гумилев до

этого уже обещал в авторском примечании к той фразе в начале его манифеста «Наследие символизма и акмеизм», где упоминаются «футуристы, эго-футуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом»: «Пусть не подумает читатель, что этой фразой я ставлю крест над всеми крайними устремлениями современного искусства. В одной из ближайших книжек «Аполлона» их разбору и оценке будет посвящена особая статья» («Аполлон». 1913. № 1. С. 42; № 56 (VII)). Но в «Аполлоне» статьи Гумилева о футуризме не последовало, а его следующее «Письмо о русской поэзии», — с отзывами на брюсовскую мистификацию «Стихи Нелли» и «Громокипящий кубок» И. Северянина, — появилось не в № 4 «Аполлона» за 1913 г., а только в январской книжке следующего, 1914 г. (№ 63 (VII)). В «Гиперборее» (1913. № 5) Гумилев поместил краткую рецензию на кубо-футуристический сборник «Садок судей. II» (№ 61 (VII)), а из Джибути в конце апреля написал Ахматовой о своем «уважении» к «Гилее», возникшем в результате неудачной попытки писать в их стиле (см. № 128 наст. тома). О Гумилеве и поэтах-футуристах см. с. 370-371, 483-485 т. VII наст. изд., а также — Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. II // Russian Literature. Vol. 5. № 3 (1977). Pp. 281-301. Стр. 7-9. — Брюсов заканчивал свою статью о футуристах словами, скорее всего, обнадеживающими для Гумилева: «Новое движение в поэзии может быть сильным, здоровым и плодотворным лишь тогда, когда оно опирается на все, сделанное в литературе до него <...> придется футуристам поучиться многому у своих прямых предшественников — символистов — и неизбежно принять самую идею «символа», как отныне неустранимую ни из какой эстетики. Но об этом нам будет надо говорить подробнее, разбирая взгляды и суждения «акмеистов»» (Русская Мысль. 1913. № 3. С. 133). Вряд ли, однако, Брюсов посылал Гумилеву корректуру своей следующей статьи, «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм», вошедшей в следующий номер «Русской мысли» (1913, № 4). В ней он подверг подробному, жестоко-критическому анализу акмеистические манифесты Гумилева и Городецкого и всю концепцию акмеистической школы в целом: «...Акмеизм <...> тепличное растение, выращенное под стеклянным колпаком литературного кружка несколькими молодыми поэтами, непременно пожелавшими сказать новое слово. Акмеизм, поскольку можно понять его замыслы и притязания, ничем в прошлом не подготовлен и ни в каком отношении к современности не стоит. Акмеизм — выдумка, прихоть, столичная причуда <...> С. Городецкий и Н. Гумилев, оба, несомненно, интересные и даровитые поэты, никогда не были хорошими теоретиками, и их нападки на символизм по-детски беспомощны <...> Мы уверены, или по крайней мере надеемся, что и Н. Гумилев, и С. Городецкий, и А. Ахматова останутся и в будущем хорошие поэты <...> Но мы желали бы, чтобы они, все трое, скорее отказались от бесплодного притязания образовывать какую-то школу акмеизма. Их творчеству вряд ли могут быть полезны их сбивчивые теории, а для развития иных молодых поэтов проповедь акмеизма может быть и прямо вредна ...». На этом оборвалась интереснейшая, семилетняя переписка Гумилева с Брюсовым (с апреля 1913 г. также прекращается и переписка Брюсова с Городецким). Своей рецензией Брюсов обусловил на несколько десятилетий

вперед отрицательное восприятие акмеистического манифеста Гумилева, как статьи необдуманной, теоретически слабой или бессодержательной. Стр. 9-11. — О маршруте африканского путешествия 1913 г. см. комментарий к № 125 наст. тома. О пребывании Гумилева в стране Галла и в районах озера Родольфо в предыдущем путешествии 1910-1911 гг. см. комментарии к № 91. Стр. 15-18. — О Цехе поэтов см. комментарии к № 106 наст. тома и указанную там литературу; о «Гиперборее» см. комментарии к № 123; под маркой «Акмэ» должно было создаваться издательство (см., напр.: Гиперборей. № 1. 1912. С. 32.; № 2. 1912. С. 32). Шестью акмеистами были, конечно, Гумилев, С.М. Городецкий, О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова, М.А. Зенкевич и В.И. Нарбут. Брюсов в своей рецензии не учитывал эти сообщения Гумилева. Стр. 20-21. — В № 3 «Аполлона» были напечатаны стихи всех шести акмеистов, и в том числе «Пятистопные ямбы» самого Гумилева (№ 98 (II)). Брюсов жаловался в своей статье об акмеизме на то, что «акмеисты <...> начали именно с теории, а произведений пока что у них нет вовсе...».

125. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Соч III (с версией реконструкции приложенного ст-ния).**

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики -- Хейт; Haight -- Новый мир. (публ. Э.Г. Гейрштейн).

Дат.: 9 апреля 1913 г. — по содержанию.

Текст данного письма был скопирован П.Н. Лукницким в момент нахождения данного письма у Ахматовой (1920-е годы) и эта копия была, очевидно, «размножена» в кругу исследователей творчества Гумилева и Ахматовой. Первые публикаторы текста (А. Хейт и Э. Герштейн) источник публикации не оговаривали, местонахождение автографа на настоящий момент неизвестно. В комментариях В.К. Лукницкой к публикации ст-ния «Снова море» (СП (Тб). С. 478) указывается, что оно было приложено к данному письму. Автограф ранней редакции этого ст-ния (неатрибутированный) хранится в ИРЛИ (Ф. 625. Оп.2. № 11, воспроизведен в кн.: Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886-1913. М., 1995. С. 291). В данной публикации предпринята реконструкция текста письма, обозначенная *курсивом*.

Это первое письмо, относящееся к последнему путешествию Гумилева в Африку. На этот раз Гумилев отправился в Африку не как бродяга-одиночка. Постоянные рассказы Гумилева об африканских путешествиях в декабре 1912 г. заинтересовали университетских профессоров, и один из них, по всей вероятности, Сергей Александрович Жебелев (1867-1941), ученый-секретарь филологического факультета (на котором учился поэт) и проректор университета, рекомендовал Гумилева директору Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук академику Василию Васильевичу Радлову (1837-1918). В Академии наук Гумилева приняли доброжелательно и предложили организовать экспедицию. Первый предложенный им маршрут через Данакильскую пустыню для исследования неизвестных племен

был отклонен из-за дороговизны. Второй маршрут был принят. Предыстория и начальный этап экспедиции подробно описаны Гумилевым в «Африканском дневнике» (№12 (VI)): «Я должен был отправиться в порт Джибути <...> , оттуда по железной дороге к Харрару, потом, составив караван, на юг в область, лежащую между Сомалийским полуостровом и озерами Рудольфа, Маргариты, Звай; захватить возможно больший район исследования; делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды. Кроме того, мне предоставлялось право собирать зоологические коллекции. <...>. Приготовления к путешествию заняли месяц упорного труда. Надо было достать палатку, ружья, седла, вьюки, удостоверения, рекомендательные письма и пр. и пр. Я так измучился, что накануне отъезда весь день лежал в жару <...> 7 апреля мы выехали из Петербурга, 9-го утром были в Одессе» (стр. 61-77 главы первой № 12 (VI); см. также комментарии к гл. I). Гумилев описывал свое пребывание в Одессе (где было написано это письмо) для дневника, но исключил следующие строки из текста (см. об этом с. 427 т. VI наст. издания): «...Странное впечатление производит на северянина Одесса. Словно какой-нибудь заграничный город, русифицированный усердным администратором. Огромные кафе, наполненные подозрительно-изящными коммивояжерами. Вечернее гулянье по Дерибасовской, напоминающей в это время парижский бульвар Сен-Мишель. И говор, специфически одесский говор, с измененными удареньями, с неверным употребленьем падежей, с какими-то новыми и противными словечками. Кажется, что в этом говоре яснее всего сказывается психология Одессы, ее детски-наивная вера во всемогущество хитрости, ее экстатическая жажда успеха. В типографии, где я печатал визитные карточки, мне попался на глаза свежий номер печатающейся там же вечерней одесской газеты. Развернув его, я увидел стихотворение Сергея Городецкого с измененной лишь одной строкой и напечатанное без подписи. Заведующий типографией сказал мне, что это стихотворение принесено одним начинающим поэтом и выдано им за свое...» На следующий день Гумилев со своим племянником Н.Л. Сверчковым сели на пароход «Тамбов» и отправились в экспедицию.

Стр. 4-5. — О болезни Гумилева в момент отправления в путешествие см. стр. 75-76 главы первой № 12 (VI) и комментарии к ним. Стр. 6-7 — Вяч. Иванов находился в это время в Италии (см. комментарии к № 77 наст. тома), однако был хорошо информирован о частых выпадах в его адрес со стороны акмеистов: см., к примеру, письма к нему А.Н. Чеботаревской от 21 января и 3 марта 1913 г. (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 409-410, 413), первое из которых частично приводится в комментариях к № 119 наст. тома. Наиболее резкие, «неоднократно <...> чисто личные вылазки» принадлежали Городецкому, с выступлениями которого Гумилев, по-видимому, не всегда мог солидаризироваться (см.: Блок в неизданной переписке... С. 413). Как отмечает Р.Д. Тименчик, отношение Иванова к отступникам от символизма Гумилева «угадано верно — Городецкий, встретившийся в Риме с Вячеславом

Ивановым, писал ему после долгих споров (происходивших дней за двадцать до гумилевского сна): «Не относись к акмеизму так болезненно. Нет гнусности, которой бы ты в нем не заподозрил» (ОР ГБЛ)» (Соч. III. С.338). Стр. 7-8. — В четвертой книге московского альманаха «Жатва» напечатаны ст-ния Ахматовой: «Протертый коврик под иконой...», «...И кто-то, во мраке дерев незримый...», «Безвольно пощады просят...». Стр. 8-9 — «Бориса Садовского Гумилев ошибочно счел автором статьи «Замерзающий Парнас», посвященной журналу «Аполлон» и подписанной криптонимом «Б. С-ъ». На самом деле эту статью написал Б.А. Лавренев (Сергеев) (Лавренев Б.А.. Собр. соч. т. 6. М., С. 9-10. Эта статья вызвала отклик Городецкого: «Критик перепутал имена сотрудников, в разное время участвовавших в «Аполлоне», и не знает, что только с 1913 г. литературный отдел этого журнала является органом определенной группы, а именно акмеистов» (Гиперборей, 1913. № 6. С. 29). В письме к редактору альманаха А. А. Альвингу (Смирнову) Городецкий заметил: «О «Парнасе», по-моему, несправедливо и, главное, без достаточной осведомленности написано» (РГАЛИ). По-видимому, Гумилев полагал, что после дружелюбных встреч в кабаре «Бродячая собака» Садовской не стал выдерживать тон своей агрессивной статьи «Аполлон — сапожник». К этим же встречам, возможно, отсылает фраза из письма В. Ф. Ходасевича к Б.А. Садовскому от 23 января 1913 г.: «Я бы на месте Гумилева Вас живьем съел, а он заигрывает» (РГАЛИ)» (Соч III. С. 338-339). Упомянутая здесь статья Б. Садовского «Аполон — сапожник» была опубликована (под псевдонимом «Мимоза») в газете «Русская молва» 17 декабря 1912 («Перелистывая странички страницы «Гиперборея», искренне хочется сказать его участникам: зачем и для кого вы трудитесь, господа?....»). См. об этом с. 302-303 т. VII наст. издания. Стр. 10-12 — «Инбер Вера Михайловна (1890-1972), поэтесса и журналистка, читала лекцию «Цветы на асфальте» 19 апреля 1913 г. в зале «Унион». Леон Бакст был автором упомянутых в лекции костюмов к балету «Шахерезада»; упоминались также хитоны американской танцовщицы Айседоры Дункан (1878-1927)» (Соч III. С.339). Стр. 13-21. — Гумилев цитирует строки о «приморской девчонке» из ст-ния Ахматовой «Вижу выцветший флаг над таможней...», в котором Ахматова переносится в свое севастопольское детство и юность; все это было памятно и самому Гумилеву; слова «от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца» — концовка этого же ст-ния. Стр. 16-17. — Владимир Иванович Нарбут (1888-1938), акмеист «первого призыва» (о нем см. №№ 31 и 43 (VII) и комментарии к ним). Гумилев, безусловно, перед своим отъездом много общался с Нарбутом, так как, при содействии Гумилева, Нарбут, чтобы избежать суда за издание сборника «Аллилуйя», в октябре 1912 года принял участие в этнографической экспедиции в Сомали и Абиссинию. Вернулся он в марте 1913 года, привез много африканских стихов и опубликовал статью о Харэре «Город раса Маконен» (см.: Нарбут В. Избранные стихи. Париж, 1983. С. 248). Примерно в это же время Нарбут, рецензируя «Чужое небо», писал «о вечном, простом и ясно понятом Н. Гумилевым мнре» (Новая жизнь. 1912. № 9.С. 265-266). Стр. 23. — Строка про «алмазный щит богини воинов

Паллады» — из ст-ния Гумилева «Одиссей у Лаэрта» (№ 146 (I), стр. 23-24: «...Но что мне розовых харит / Неисчислимые услады?! / Над морем встал алмазный щит / Богини воинов, Паллады...». Стр. 27. — «Маленький» — сын единокровной сестры Гумилева А.С. Сверчковой Николай Леонидович Сверчков (1894 — 1919), имевший семейное прозвище «Коля-маленький». См. в «Африканском дневнике»: «Я просил о разрешении взять с собой помощника, и мой выбор остановился на моем родственнике Н.Л. Сверчкове» (стр. 67-69 главы первой № 12 (VI)). Вместе с Гумилевым, Сверчков вел дневник этого путешествия. Рукопись, незадолго до смерти, он подготовил к печати и отдал в издательство Гржебина, где она пропала (см.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 280). Подробно о его жизни см.: Сенин С.И. Спутник странствий Н.С.Гумилева // Сенин С.И. «В долинах старинных поместий...». Тверь, 2002-2003. С. 65-69. Стр. 29. — Львец — родившийся 18 сентября / 1 октября 1912 г. сын Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой Л.Н. Гумилев. Стр. 30-32. — Подробности о морском пути от Одессы до Джибути изложены в комментариях к письму №126; о самом маршруте путешествия по Абиссинии рассказано в комментариях к письму №130. Стр. 33-68. — №101 (II). Автограф 2.

126. При жизни не публиковалось. **Печ. по факсимиле автографа**.

СП (Феникс), факсимильное воспроизведение; Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886-1913. М., 1995. С. 287; Огонек. 1987. № 14, факсимильное воспроизведение (публ. О.Н. Высотского (С. 21))

Автограф (до 1987 г.) — Архив семьи Высотских (Кишинев).

Дат.: 12 / 25 апреля 1913 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с видом Константинополя и надписью «Pointe du Sérail. Constantinople», адресованная «Russie, Россия. Москва. ЕВ. Ольге Николаевне Высотской. Кузнецкая ул. М. Болвановский пер. 9.» Штемпель почтового отделения Константинополя — 12.04.13. Штемпель московской экспедиции городской почты — 18.04.13.

Подробно об адресате — в комментариях к письму №122 наст. тома. По всей видимости, Высотская сообщила свой московский адрес Гумилеву когда уехала в Москву — до его отъезда в Абиссинию — в конце марта или начале апреля 1913 г. 11 апреля 1913 г. в одесской газете «Южная мысль» (№487) была помещена короткая заметка «Морские вести». В ней сказано: «Вчера ушел из Одессы на Дальний Восток пароход Добровольного флота «Тамбов» под командой капитана М.И. Снежковского. На пароходе в числе пассажиров выехали в Джибути, командированные антропологическим и этнографическим музеем Императорской академии наук: Н.С. Гумилев и Н.Л. Сверчков. Последние едут в Абиссинию для производства научных исследований. Пароход «Тамбов» вышел из Одессы с полным грузом». В Петербурге, в РГИА, хранятся все дела Русского Добровольного флота, в том числе и по этому рейсу парохода «Тамбов» (Ф.98. Оп.1. Судовой журнал

парохода «Тамбов» №25 — дело №3868; Рейсовое донесение №6157 капитана парохода «Тамбов» М.И. Снежковского — Ф.98. Оп.2. №232). Помимо этого, в этом же фонде сохранилась обширная переписка между Пароходством и Академией наук, касающаяся получения разрешения на бесплатный проезд с грузом Гумилева и Сверчкова, туда и обратно (см. с. 424-426 т. VI наст. издания). Правление Добровольного флота дало такое разрешение 5 апреля 1913 года (с оплатой продовольствия за собственный счет).

Вот как, по официальным документом, проходил рейс от Одессы до Джибути. 10 апреля в 7 ч. вечера «Тамбов» вышел из Одессы. Рейс был не пассажирский, а грузовой, при отходе на пароходе находилось только: «Каютных пассажиров до Джибути — 2; до Владивостока — 1 (некто Н.А. Дьячков, сошел в Коломбо)». 12 апреля в 8 ч. утра пароход сделал первую остановку в Константинополе. От Одессы было пройдено 345 миль за 35 часов. Там — стоянка до 4 ч. вечера. Путешественники этим воспользовались, посетили св. Софию, и Гумилев отправил эту открытку. В Константинополе прибавился один каютный пассажир до Джибути. Это был турецкий консул, о котором Гумилев писал в «Африканском дневнике» (№ 12 (VI)). Помимо этого село более 30 пассажиров, в основном «палубных» — до Джедды, паломники в Мекку. Затем, от Константинополя, пройдя 808 миль за 85 часов, «Тамбов» 16 апреля в 5 утра встал на рейде Порт-Саида. Там был карантин, и никого на берег не выпускали. Только загрузили уголь. В тот же день, в 5 ч. вечера судно через Суэцкий канал направилось дальше. 17-го, в 7 ч. утра короткая, на полчаса, остановка на рейде в Суэце. Далее, пройдя 643 мили за 73 часа, 20 апреля в 9 ч. утра «Тамбов» сделал остановку на рейде в Джедде. В Джедде тоже был карантин, поэтому там сошли на берег только паломники. А Гумилев наблюдал за описанной в «Дневнике» ловлей акулы, которую организовал старший помощник капитана Э.А. Яновский. С якоря снялись в тот же день в 5 ч. вечера. Последний переход до Джибути, 690 миль, прошли за 71 час. На рейде в Джибути остановились в 4 ч. вечера 23 апреля. Как сказано в рейсовом донесении капитана Снежковского, «ввиду того, что [порт] Джибути считается неблагополучным по чуме, груз в Джибути выгружался в карантине, своей командой... Сдав груз и пассажиров, в 7 ч. вечера того же 23-го апреля я ушел из Джитбути..». Как и чем питались на пароходе путешественники — непонятно. В кассовой книге «Тамбова» за этот рейс занесена лишь одна любопытная запись: «Содержание ресторанной части и продовольствие пассажиров. Уплачено Каюткомпаниону за продовольствие пассажира I кл. от Константинополя до Джибути по билету №3710 за 11 $^1/_2$ суток по 3 р. 15 коп. в сутки — 36 р. 23 к.» Очевидно, что запись это относится к турецкому консулу. Как сказано в «Дневнике», «мы съехали с парохода на берег в моторной лодке. Это нововведение. Прежде для этого служили весельные ялики, на которых гребли голые сомалийцы, ссорясь, дурачась и по временам прыгая в воду, как лягушки...» (стр. 16-19 второй главы № 12 (VI))

Стр.5-18 — №102 (II), автограф (в комментариях (с. 302) неверно разобран почтовый штемпель). В Колчане — с названием «Ислам» и посвящением: О.Н. Высотской.

127. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч III -- Полушин; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1974. Л.,1978 -- В мире отеч. классики -- Хейт; Новый мир.

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499.

Дат.: 16 / 29 апреля 1913 г. — по судовому журналу парохода «Тамбов».

Цветная открытка с видом проплывающего по Суэцкому каналу корабля и надписью «Suez Canal. P&O Marmora Passing through the Chanal» («Суэцкий канал. Пароход компании P&O Marmora проходит через канал»), адресованная «Russie. Россия. Царское Село. Анне Андреевне Гумилевой. Малая, 63». В правом верхнем углу — зеленая марка с изображением Сфинкса и пирамид, на ней штемпель — PORTSAID V.13.4 (видимо, штемпель по местному восточному календарю). Штемпель почтового отделения Царского Села — 29.04.13.

Открытка отправлена во время краткой остановки парохода «Тамбов» в Порт-Саиде, датировка по записям в судовом журнале (см. комментари к №126 наст. тома).

Стр. 3-4. — С собой в путешествие Гумилев, видимо, опять (как и в Италию в 1912 году) взял привезенное Ахматовой из Парижа в 1911 г. французское издание Т. Готье — «Emaux et Camées» («Эмали и Камеи»). Эта книга в его переводе вышла в начале марта 1914 года. Об «Африканском дневнике» см. комментарии к № 12 (VI). Стр. 8 — Молли — любимый бульдог Гумилевых: см. комментарии к №116 наст. тома.

128. При жизни не публиковалось. **Печ. по Соч. III**.

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики -- Хейт; Haight -- Новый мир (публ. Э.Г. Герштейн).

Дат.: 25 апреля / 8 мая 1913 г. — по содержанию.

Текст данного письма был скопирован П.Н. Лукницким в момент нахождения данного письма у Ахматовой (1920-е годы) и эта копия была, очевидно, «размножена» в кругу исследователей творчества Гумилева и Ахматовой. Первые публикаторы текста (А. Хейт и Э. Герштейн) источник публикации не оговаривали, местонахождение автографа на настоящий момент неизвестно.

Стр. 3 — Гумилев прибыл в Джибути 23 апреля в 17.00. Подробности плавания см. в комментариях к №126 наст. тома. Стр. 3-5. — Под «открытым листом» Гумилев имеет в виду документ, удостоверяющий его статус главы этнографической экспедиции Музея антропологии и этнографии Академии Наук и, соответственно, дающий привилегии «официального лица». «Открытый лист» был выдан ему 26 марта 1913 г. (см. с. 424-425 т. VI наст. издания) и его наличие придавало этому последнему африканскому странствию Гумилева — в отличие от прежних — известный материальный «комфорт». Стр. 5. — См. комментарии к стр 4-5 № 125 наст. тома. Стр. 7-8. — «Гилея» — кубофутуристическая группа, названная в честь местности, где находился дом братьев Бурлюков. В числе «гилейцев» были В.В. Маяковский,

Д.Д. Бурлюк, В.В. Каменский, Велимир Хлебников. О каком «футуристическом» ст-нии Гумилева идет речь — неизвестно. Стр. 10-11 — О ловле акулы в Джедде — см. стр. 200-249 первой главы № 12 (VI) и стр. 38-90 № 14 (VI). Стр. 12-13 — Речь идет о теще поэта Инне Эразмовне Горенко (1856 — 1930), жившей тогда либо в Киеве, либо в Севастополе. Стр. 16-19 — Про турецкого консула Мозар-Бея см. комментарии к стр. 144-152 первой главы № 12 (VI) и комментарии к письму №126. Он составлял компанию Гумилеву и Сверчкову вплоть до Дыре-Дауа.

129. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Давидсон**.

Давидсон (публ.) -- Давидсон А.Б. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск, 2001.

Автограф — СПб ОА РАН. Ф. 282.

Дат.: 25 апреля / 8 мая 1913 г. — по аналогии с датой письма № 128 наст. тома.

Штернберг Лев Яковлевич (1861-1927) — выдающийся этнограф, в 1910-е годы — главный хранитель Музея этнографии, курировавший проведение экспедиции Гумилева в Северо-Восточную Африку в 1913 г. Л.Я. Штернберг занимался проблемами общей этнографии, развивая идеи А. Бастиана о психологическом единстве всего человечества, а также — этнографией народов Севера и Дальнего Востока. Член-корреспондент АН СССР. Подробнее о нем см.: Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975; см. также комментарии к стр. 86-87 № 18 (VI).

В начале 1910-х годов Штернберг, вместе со своим непосредственным начальником, директором Музея антропологии и этнографии академиком В.В. Радловым «занимается переустройством музея, превращая его из собрания редкостей в подлинно научное учреждение. По замыслу обоих ученых Музей антропологии и этнографии должен был в своих коллекциях отразить развитие человеческой культуры в целом, начиная от каменного века и кончая нашим временем» (Ольдерроге Д.Н. Предисловие // Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг... С. 4). В контексте этих реформ следует рассматривать и гумилевскую экспедицию (см. об этом с. 423 т. VI наст. издания).

Стр. 3-4. — Подробное описание дороги из Джибути в Дыре-Дауа — стр. 85-175 главы второй № 12 (VI); см. также стр. 3-6 письма № 130 наст. тома. Стр. 5. — О Галебе см. комментарии к стр. 43-44 главы второй № 12 (VI).

130. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Давндсон.**

Давидсон (публ.) -- Давидсон А.Б. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск, 2001.

Автограф —СПбОА РАН Ф. 142.

Дат.: 7/ 20 мая 1913 г. — авторская датировка.

На бланке отеля «Континенталь».

Стр. 3-6. — Подробное описание дороги из Джибути в Дыре-Дауа — стр. 85-175 главы второй № 12 (VI). Стр. 7-9. — Подробное описание дороги в Харэр и

эпизода с покупкой мулов — стр. 1-108 главы третьей № 12 (VI). Стр. 10-11. — Подробное описание эпизода с наймом переводчика — стр.109-133 главы третьей № 12 (VI). Стр. 14-18. — В реальности маршрут Гумилева во время третьего абиссинского путешествия был следующим. Из Харэра, куда вновь, после возвращения в Дыре-Дауа «за вещами», отправилась экспедиция (на этот раз — в эскорте турецкого консула Мозар-Бея, торжественную встречу которого дедьязмачем (губернатором) Харэра, будущим императором Тэфэри Меконьыном Гумилев описывает в стр. 199-230 главы третьей № 12 (VI)), он, в ожидании пропуска в глубь страны, совершил «налегке, т.е. только с одним грузовым мулом и тремя ашкерами», восьмидневное путешествие на восток от города, в земли Сомали, «в Джиджига к сомалийскому племени Габаратль» (стр. 301-303 главы третьей № 12 (VI)). Потом, опять вернувшись в Харэр и получив искомое разрешение, Гумилев, уже с полностью сформированным караваном двинулся по маршруту, в общем совпадающему с тем, который указан им в письме: Шейх-Гуссейн — Гинир — Аккубе — Дулече — Метахара — Миесо — Дыре-Дауа (см. карту на с. 411 т. VI наст. издания). «Путешествие пешком в пустыне. Ночи в палатке и под открытым небом; охота; блуждания без дороги; отсутствие воды; дожди; встречные, редкие деревни; ненадежность ашкеров (слуг — *Ред.*). Переправа вплавь через реку Уаби, кишащую крокодилами (<6/>19 июня). Лихорадка и голод (<11/>24 и <12/>25 июня). Прибытие в Шейх-Гуссейн (<13/> 26 июня). Совместно с Хаджи Абдул Меджидом и Кабир Абассом пишет историю Шейх-Гуссейна. Фотографировали город и священную книгу (<14/> 27 июня). Путь от Шейх-Гуссейна в Гинир (с <15/>28 по <17/>30 июня). Поиски золота в реке. В Гинире (с <17/>30 июия по (<20 июня/>3 июля). Отдых. Прогулки за город. Покупка вещей, провианта. <21 июня/>4 июля вышли другой дорогой в обратный путь. Переправа через Уаби (<24 июня/>7 июля).Дожди и непроходимая глубокая грязь. Пришли в Аслахардамо (<2 />25 июля). Путь в Харрар» (Труды и дни. С. 232). Беллетризованное описание этого путешествия на основании кратких путевых записей Гумилева см.: Бронгулеев В.В. Африканский дневник Н. Гумилева // Наше наследие. 1988. № 1. С. 83-85. Стр. 19-22. — Описание разлива реки после дождя см. стр. 271-292 главы второй № 12 (VI). Стр. 23-25 — Из Дыре-Дауа Гумилев вернулся в Россию тем же маршрутом: Джибути — Константинополь — Одесса. Около 20 сентября он прибыл в Царское Село, а с 6 по 30 сентября сдавал в Музей привезенные им предметы, делая подробную опись (см.: Труды и дни. С. 232-233). Коллекция, собранная Гумилевым, до снх пор является существенной составляющей экспозиции, посвященной народам Африки. Стр. 25-26. — Денежную помощь Гумилеву оказал его старый знакомый — русский посланник в Аддис-Абебе Б.А. Чемерзин: «Послал письмо из Харрар<а> в Аддис-Абебу русскому посланнику в Абиссинии Б.А. Чемерзину с сообщением о том, что находится в командировке от Академии наук и с просьбой оказать ему материальную помощь. Б.А. Чемерзин выслал Н.Г. в Харрар 100 или 200 талеров. Примечание:- Деньги были возвращены Б.А. Чемерзину уже из России» (Труды и дни. С. 232). Стр. 28. — О Галебе см. комментарии к стр. 43-44 главы второй № 12 (VI).

131. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.
Автограф — РГАЛИ. Ф. 543. Оп.2. Ед.хр.3.
Дат.: Конец 1913 — начало 1914 г. — по содержанию письма.

Дмитрий Михайлович Цензор (1877-1947) — поэт, автор сборников «Старое гетто» (1907), «Крылья Икара» (1908), «Легенда будней» и др. Окончив художественное училище в Одессе в 1903 г., Цензор поступил в Петербургскую Академию художеств. С 1906 г. он стал активным членом «Кружка молодых» (см. комментарий к стр. 15-16 № 54 наст. тома), а в феврале 1909 г. он дебютировал в кружке «Вечеров Случевского», куда незадолго перед тем вошел Гумилев (см. комментарии к № 53 наст. тома; этим и фиксируется самая поздняя из возможных дат их первого знакомства). В феврале 1913 г. Цензор стал членом «Цеха поэтов» (Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 7/8. 1974. С. 37). Он регулярно посещал в это время «Бродячую собаку», участвовал редактором в ряде журнальных изданий (см. комментарии к № 145 наст. тома). Цензор продолжал встречаться с Гумилевым и в разных послереволюционных литературных организациях; в 1920 г. он один из первых был приглашен в Петроградское отделение «Всероссийского союза поэтов» (см.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 504). Согласно собщению О. Демидовой, сохранился автограф шуточного коллективного стихотворения, составленного при совместном участии Гумилева и Цензора на одном из так называемых «Вечеров поэтов (Вечерах богов)», проводимых в революционном Петрограде у С.И. Аничковой (с участием Н. Оцупа, И. Гриневской, В. Пяста, В.И. Немирович-Данченко и др.):

С. Аничкова

Мы — боги, нам доступно то,
Что жалким смертным недоступно;
И что понятно в божестве,
То в смертном может быть преступно.
Пусть наши чувства стеснены
Земною бренной оболочкой..

В. Пяст

Мы по желанью до Луны
Достигнуть можем звучной строчкой.

Н. Гумилев

И пусть грозят нам смерть и червь,
И пусть минутны дни блаженства, —

Д. Цензор

Достиг я, став, как дикий зверь,
В глазах коммуны совершенства.

С. Аничкова

И дал РСФСР урок
«Всем, всем» грабителям Европы —
Что, съев голодный свой паек,
Ворует «бог», как все холопы.

(см.: Демидова О. Женщины русской эмиграции: краткий обзор материалов Бахметьевского архива // <http://www. az. ru/women_cdl/html/russkie_pisatelnici_i_ lit_process_2.htm>).

Стр. 3-4. — Ср. жалобы Гумилева на его аграфию (т.е. — нежелание писать (лат.)) в летних письмах 1914 г. М.Л. Лозинскому (№№ 133 и 134 наст. тома). Стр. 4-5. — Приложенное к настоящему письму ст-ние «Мое прекрасное убежище» (№ 1 (III), автограф 1) предназначалось для журнала (еженедельника) «Златоцвет» (1913-1914), литературно-художественным отделом которого заведовал Д. Цензор. Оно было опубликовано в январе 1914 г. (Златоцвет. 1914. № 3). В том же номере журнала был напечатан отчет Цензора о январском заседании Цеха поэтов, на котором Гумилев отметил в творчестве «новейших поэтов» «стремление уйти из времени и обосновать свои переживания вне понятий: настоящее, прошедшее и будущее» (Златоцвет. 1914. № 3. С. 16). Стихи Ахматовой в «Златоцвете» не появлялись.

132. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин; НП.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед.хр.27. В стр. 3 после «считаю» ранее было «его неприличным». В стр. 10 после «деле» ранее было «будет». В стр. 13-14 после «да и не» ранее было «мог». В стр. 14 после «издательства» ранее было «, которому я не сочувствовал с самого начала, не сочувствую и теперь». В стр. 15 после «Однако» ранее было «та любовь, которую я питал к тебе». В стр. 19 после «поверь, не» ранее было «стал бы». В стр. 20 после «цепляться за» ранее было «нашу дружбу»; после «союз, если» ранее было «бы увидел, что ей». В стр. 21 после «поговорить без» ранее было «излишней».

Дат : 16 апреля 1914 г. — по датировке Р.Д Тименчика (НП. С. 70).

Черновой вариант ответа на письмо С.М. Городецкого от 16 апреля 1914 г., находящееся в частном архиве. Разрозненные фрагменты из этого письма приводит Р.Д. Тименчик в комментариях к НП (С. 71). Ответом на настоящее письмо явилось письмо № 32 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. О судьбе писем Городецкого к Гумилеву, которые Ахматова некогда «дала на сохранение» Л.С. Рудаковой, см.: Ахматова А. Собрание сочинений в шести томах. Т. V. М., 2001. С. 94-95.

Сергей Митрофанович Городецкий (1884-1967) вместе с Гумилевым являлся «синдиком» «Цеха поэтов» (см. комментарии к № 106 наст. тома). Личному знакомству Гумилева с Городецким, состоявшемуся, по всей вероятности, в ноябре 1908 г., предшествовал ряд крайней нелестных высказываний будущих вождей акмеизма друг о друге. Затем в их отношениях наступил период «очной» нелицеприятной полемики, причем «антигумилевские» выпады Городецкого продолжались до самого конца 1910 г, когда он в газетной статье, направленной против «эстетизма» «аполлоновцев», упомянул и Гумилева, «у которого единицами считаются стихотворения, имеющие какое-нибудь содержание» (Да, против теченья! // Против течения. № 5. 12 ноября 1910. С. 2). Однако после такой малообещающей прелюдии произошло неожиданное сближение двух поэтов — фактически сразу же после возвращения Гумилева из Африки в марте 1911 г. (к началу апреля они уже обсуждали возможность вместе возродить «Остров»: см. комментарии к № 106 наст. тома). Конечно, эта дружба при всей ее внезапности имела свою «предысторию»: в апреле 1910 г., на прениях по поводу доклада Вяч. И. Иванова о «заветах символизма» в Обществе ревнителей художественного слова, именно Городецкий вслед за Гумилевым «обрушился на доклад с резкой критикой» (см.: Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» // Русская литература. 1990. № 1. С. 205; ср. комментарии к №№ 85, 89 наст. тома). «Бунт» против Иванова, безусловно, оказался для будущих «синдиков» «Цеха поэтов» основной исходной точкой для последующего взаимодействия (впрочем, «прото-акмеистические» позиции можно, пожалуй, усмотреть и в литературно-критической продукции Городецкого этого времени (см.: Неизд 1986. С. 265)). В октябре 1911 г. у Городецкого состоялось первое заседание «Цеха...», а в феврале 1912 г. его «синдики» публично отреклись от символизма. Для большинства современников: «...акмеистический союз Гумилева с Городецким представлялся каким-то непрочным, даже «противоестественным. Блок, например, полагал, что акмеисты держат Городецкого «как застрельщика с именем», и что Гумилев «конфузится и шокируется им нередко»; эго-футурист И. Игнатьев иронически указывал на «дипломатичность» Гумилева, не допускавшего Городецкого до страниц «Аполлона» <...>; характерно также мнение близкого к акмеистам Г.В. Иванова: «Только правилом, что крайности сходятся, можно объяснить этот, правда, недолгий союз. Надменный Гумилев и «рубаха-парень» Городецкий — что было общего между ними и их стихами!»» (Неизд 1986. С. 264). Но для восприятия данного письма следует учесть что «Гумилев и Городецкий <...> и не думали во всем стать

единомышленниками: наоборот, «разность» между ними было возведена в некий принцип их литературной школы, в «синтетическую» программу акмеизма. <...> На такую мысль наводят, например, их тогдашние печатные отзывы друг о друге, или такой факт, как помещение в № 1 «Гиперборея» полемических по отношению друг к другу стихотворений Гумилева и Городецкого о Фра Беато Анджелико <...> [И все же] в их выступлениях можно было уловить и более глубокое несогласие, знаменующее не синтетичность, а именно <...> несплоченность союза. <...> Надо полагать, что Гумилев действительно иногда «шокировался и конфузился» Городецким...» (Там же. С. 266).

После «однодневной переписки» 1914 г. Гумилева с Городецким и последующего примирения «синдиков» (см. ниже), их «союз» продолжался — без первоначального пафоса, — еще года два, однако уже с весны 1914 г. «Цех поэтов» фактически распался. Весной 1916 г. Городецкий уехал корреспондентом на Закавказский фронт и отношения поэтов, по видимому, прекратились. Городецкий снова увиделся с Гумилевым лишь в июле-августе 1920 г, когда он приехал на месяц в Петроград; но к тому времени он занимал радикально «левую» политическую позицию, и их встречи, по его собственным словам, «окончились полным разрывом» (см.: Городецкий С.М. Мой путь // Городецкий С. Жизнь неукротимая. М., 1984. С. 16).

Стр. 5-6. — Имеется в виду совместные планы учреждения цикла лекций по стиховедению и стихосложению для молодых и начинающих поэтов; сам термин принадлежал Городецкому (Труды и дни. С.238). «Гумилев предлагал В.А. Чудовского и Е.А. Зноско-Боровского в качестве лекторов, но эти кандидатуры не устраивали Городецкого. Впоследствии Гумилев вернулся к этому проекту под тем же названием «Литературный политехникум» — см. письмо В.А. Рождественского Н.О. Лернеру от 17 июля 1919 г.» (НП. С. 70-71). Стр. 7-8. — «Заявляя о своей непричастности к издательству «Гиперборей», Городецкий (в письме Гумилеву, на которое и отвечает поэт — *Ред.*) добавил: «То же самое ты с твоими мог бы сделать относительно Цеха поэтов, мне дорогого и мной на произвол судьбы и гибель отнюдь не покидаемого». В статье об истории Цеха поэтов Городецкий писал: «Когда мы с Гумилевым после ряда бесед решили основать Цех поэтов, нами руководила идея именно совмещения влияний. Гумилев в то время был убежденным парнасцем, выше всего ставившим мастерство формы. Для меня вершиной достижений являлось слияние народной поэзии с литературой в форме предельного раскрытия символов, которое есть мифотворчество, по терминологии Вяч. Иванова. Мы решили слить свои искания и поставить под их перекрестный огонь творчество молодежи. Я привел своих, Гумилев своих, и таким образом создался Цех поэтов» (Закавказское слово. 1919, 26 апреля). «Своими» Городецкий считал в первую очередь В.И. Нарбута, Вас.В. Гиппиуса, Б.А. Верхоустинского» (НП. С. 71). Стр. 9-10. — «Городецкий писал, что давно заметил в Гумилеве «уклон от акмеизма», который Гумилев не считает школой» (НП. С. 71). В ответном письме, Городецкий снова заявил: «От акмеизма ты сам уходишь, заявляя, что он не школа; также и из Цеха, говоря, что он погиб» (№ 34 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Но следует отметить, что за три дня до этого, 13 апреля 1914 г., Гумилев выступил в Бродячей собаке по поводу доклада Кузмина о современной русской прозе, и там, согласно своему оппоненту, недвусмысленно высказывался по поводу школ: «Н. Гумилев <...> находил школы необходимыми, как ярлыки и паспорта, без которого <...> человек только наполовину человек и нисколько не гражданин» (Кузмин М.А. Как я читал доклад в «Бродячей собаке» // Синий журнал. 1914. № 18. С. 6). Об «уходе» из Цеха еще до этого просили некоторые рядовые «цеховики»: «В зиму 1913-1914 <...> мы стали тяготиться Цехом и даже дали Городецкому составленное Осипом [Мандельштамом] и мною прошение о закрытии Цеха. Сергей Городецкий наложил резолюцию: «Всех повесить, а Ахматову заточить» (Ахматова А. Собрание сочинений в шести томах. Т. V. М., 2001. С. 30). Но Ахматовой принадлежит и другая версия об «уходе из акмеизма» самого Городецкого из-за разногласия «синдиков» в апреле 1914 г.: «... немного поклевав *акмеизма*, [Городецкий] <...> устремился дальше. Картина этого «дальше» ярко обрисована в составленной или анонимно подсказанной им Антологии 1914 (очевидно, довоенной), где Г.<умилев>, бывший недавно союзник, объявлен стилизатором, а сам С.Г. <ородецкий> — *народником* (!?) вместе с Клюевым <...> а слово *акмеизм* вообще отсутствует...» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва — Torino, 1996. С. 245). Стр. 11-12. — «Городецкий писал: «Объяснения твои относительно появления изд. <ательства> «Гиперборей» я не могу признать достаточными»» (НП. С. 71). Речь шла о прекращении деятельности издательства. Последний номер журнала «Гиперборей» (№ 9/10) вышел в марте 1914 г. (о нем см. комментарии к № 123 наст. тома). В марте под маркой «Гиперборей» вышли «Четки» Ахматовой, затем — «Горница» Г. Иванова. «Готовящимися» были объявлены стихотворный сборник М. Лозинского, второе издание «Камня» О. Мандельштама и «Одноактные пьесы в стихах» Гумилева. Камень. 2-е, дополненное издание; Н.Гумилев. Одноактные пьесы в стихах. Два первых издания осуществились лишь через два года, третье — не состоялось. Стр. 16-17. — Обмену письмами предшествовал разговор обоих поэтов в комнате Гумилева в Тучковом переулке, прерванный приходом В. К. Шилейко (см.: НП. С. 71). Стр. 26-27. — См. в воспоминаниях Ахматовой о Мандельштаме: «Я вижу его как бы сквозь редкий дым-туман Васильевского Острова и в ресторане бывшего Кинши (угол Второй линии и Большого проспекта; теперь там парикмахерская), где когда-то, по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки». Никаких собраний на «Тучке» не было и быть не могло. Это была просто студенческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем» (Ахматова А. Собрание сочинений в шести томах. Т. V. М., 2001. С. 23; под «Тучкой» имеется в виду комната в Тучковом переулке, д. 17, кв. 29). Стр. 27-30. — «Объяснение» состоялось вечером в тот же день, и отношения до известной степени восстановились. 25 апреля 1914 г. Гумилев и Городецкий (вместе с Мандельштамом и М. А. Зенкевичем) выступали с докладами об акмеизме в Литературном обществе, в «майском» «Аполлоне» появилась «акмеистическая» рецензия Гумилева на «Цветущий посох» Городецкого (№ 65 (VII)). В июле 1914 г. Гумилев с Городецким

участвуют в петербургских манифестациях в поддержку Сербии — о чем Гумилев сообщает в письме к Ахматовой (см.: № 136 наст. тома). «...В течение следующих полутора лет они снова — может быть, и не раз — ссорились и затем мирились. О новом расхождении между Городецким и соратниками Гумилева по Цеху свидетельствует <...> его статья «Стихи о войне (в «Аполлоне»)», напечатанная в «Речи» от 3 ноября 1914 г. Однако, в январе 1915 г. Гумилев и Городецкий вместе сфотографировались; <...> весной того же года Мандельштам, Ахматова и Г. Иванов выступили вместе с Городецким на одном поэтическом вечере; <...> На новые разногласия намекает обзорная статья Г. Иванова о поэзии 1915 г., напечатанная в «Аполлоне» (1916. № 1. С. 59-61), но 30 апреля 1916 г. появилась большая статья Городецкого «Поэзия как искусство» (Лукоморье. 1916. № 18. С. 19-20), которая во многом дезавуирует ноябрьскую статью в «Речи» и несомненно указывает на восстановление хороших отношений с Гумилевым...» (Неизд 1986. С. 266-267). Ср. свидетельство Ахматовой: «В 1915 году произошла попытка примирения, и мы были у Городецких на какой-то новой квартире (около мечети) и даже ночевали у них, но, очевидно, трещина была слишком глубокой, и возвращение к прежнему было невозможно» (Ахматова А. Собрание сочинений в шести томах. Т. V. М., 2001. С. 95). Стр. 31-32. — В беловом варианте письма имелся и постскриптум, как явствует из ответного письма Городецкого (см. № 34 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома.

133. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Полушин; НП (публ. Р.Д. Тименчика).

Автограф — Архив Лозинского.

Дат.: До 1 июня 1914 г. — по почтовому штемпелю места отправления и содержанию.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Петербург. ЕВ Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Черная Речка (Wammelsuu), дача Шапировой [редакция «Аполлон». Разъезжая, 8]. Ст. Териоки Финляндск. <ой> ж.<елезной> д. <ороги>. Штемпель почтового отделения Подобино Тверской губернии — 01.06.14. Штемпель городской почты С-Петербурга — 02.06.14. Штемпель С-ПЕТЕРБУРГ 47 КОНТОРА 53 — 12.06.14. Штемпель Териоки TERIJOKI — 26.06.14. Штемпель Ваммельсуу Wammelsuu 26.06.14. На обратной стороне конверта имеется лиловый штамп «Вынуто из ящика», очевидно послуживший основанием для второго петербургского штемпеля.. Финляндские штемпели — по «новому», европейскому стилю. Слова в [ ] зачеркнуты Гумилевым.

Письмо написано Гумилевым в Слепнево, куда он приехад вместе с Ахматовой в 20-х числах мая 1914 г. (см.: НП. С. 72) и отражает первоначальные планы поэта провести весь летний сезон с женой и сыном в Тверской губернии. Эти планы будут вскоре перечеркнуты конфликтом с Ахматовой и последующим драматическим разрывом (подробно см. комментарии к № 37 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). См. также комментарии к № 134 наст. тома.

Стр. 3. — Ироническая реминисценция из Пушкина (ср.: «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...» («Осень. (Отрывок)»). Стр.6. — Здесь — каркас фразы; турнюр — жесткий каркас юбки, применявшийся еще в женских туалетах XIX-начала XX вв. Стр. 7. — Имеется в виду герой романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Стр. 13. — Чацкина Софья Исааковна — редактор журнала «Северные записки». Речь идет о гонорарах за переводы Гумилевым поэмы Ф. Вьеле-Гриффена «Кавалькада Изольды» (Северные записки. 1914. № 1) и драмы Р. Браунинга «Пиппа проходит» (Северные записки. 1914. № 3 и № 4). Стр. 17. — Имеется в виду Татьяна Борисовна Лозинская (урожденная Шапирова, 1885-1955), жена М.Л. Лозинского.

134. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Полушин; НП (публ. Р.Д. Тименчика).
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 9/ 22 июля 1914 г. — по постовому штемпелю.

Открытка с художественной фотографией и подписью «Териоки. Берег моря», адресованная: «Териоки. Ваммельсуу. Дача Шапиро. ЕВ Михаилу Леонидовичу Лозинскому» (фамилия написана с исправлениями букв). Штемпель Териоки Terijoki — 22.07.14. Штемпель Ваммельсуу Wammelsuu — 23. 07.14. Датировки по «новому», европейскому стилю. Ответом на это письмо явилось письмо М.Л. Лозинского от 10/23 июля 1914 г. (№ 36 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Письмо к М.Л. Лозинскому написано в обстоятельствах, крайне сложных для поэта, вовлеченного (в большей степени по его собственной вине) в чрезвычайно тяжелый семейный скандал. Это — обращение к другу за помощью (подробно см. о событиях июня-июля 1914 г. в комментариях к № 37 наст. тома). Лозинский показал себя настоящим другом Гумилева и Ахматовой, сумевшим с предельным тактом выполнить сложную «примирительную» роль в конфликте супругов, чуть-чуть было не обернувшимся полным разрывом.

По словам И.В. Одоевцевой, великий переводчик и даровитый поэт Михаил Леонидович Лозинский (1886-1955) был «ближе всех других» к Гумилеву из его литературного окружения (см.: Одоевцева I. С. 48). «Лозинский был одним из первых и самых активных членов «Цеха поэтов», хотя, как известно по воспоминаниям о нем А. Ахматовой, «когда зарождался акмеизм и ближе Михаила Леонидовича у нас [акмеистов] никогда не было, он все же не хотел отречься от символистов, оставаясь... другом нас всех» (Сочинения. Т.2. Мюнхен, 1968. С. 189). Ср. определение его творчества как «некоего синтеза распадающегося символизма с раннеакмеистическими конструкциями», но не принадлежавшего ни к одному из этих течений в статье В.Н. Топорова «Две главы из истории русской поэзии начала века» (Russian Literature. VII-VIII. (1979). Р. 285). Он был также секретарем редакции «Аполлона» (заменив на этой должности Е.А. Зноско-Боровского), редактором и издателем журнала «Гиперборей» и владельцем одноименного издательства. <...> После революции Гумилев и Лозинский снова близко сотрудничали — наверное, с

самого возвращения Гумилева в Петроград в мае 1918 г. — в возобновленном книгоиздательстве «Гиперборей» (см. №№ 170, 171 наст. тома и комментарии к ним — *Ред.*), и с осени того же года в редакционной коллегии «Всемирной литературы», где Гумилев, Лозинский и Блок составляли специальную поэтическую комиссию, занимавшуюся редактированием стихотворных переводов. В этом качестве Гумилев и Лозинский иногда редактировали переводы друг друга, совместно подготовили сборник немецких пьес (см. составленный И.Ф. Мартыновым список переводов, выполненных Гумилевым для «Всемирной литературы» (Гумилевские чтения 1984. С. 87-95). Как и Гумилев, Лозинский читал лекции о стихотворном переводе в Студии Всемирной литературы, а затем и в Студии Дома Искусств; вошел в первоначальный состав организационной группы и приемной комиссии Петроградского Союза поэтов...» (Неизд 1986. С. 281-282).

Стр. 5-6. — «Дачный адрес Гумилева установился не сразу. 7 июля 1914 г. критик М. В. Бабенчиков писал Н.И. Кульбину: «Вчера приехал в Куоккало на семь дней Н.С. Гумилев. Он Вас хотел бы повидать, его адрес пансион «Олюсино», комн. № 7» (РМ, ф. 134, № 21, л. 5)» (НП. С. 72).

135. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики, с ошибками -- Хейт; Новый мир, с ошибками.

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499.

Дат.: 10/ 23 июля 1914 г. — по датировке Соч III (С. 238).

Ответом на это письмо явилось письмо А.А. Ахматовой от 17 июля 1914 г. (№ 38 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). «Примирительное» письмо Гумилева после разрыва с женой в июне 1914 г. (см. комментарии к № 37 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

Стр. 5-8. — «Гомеровский» перечень «знакомых из Териок», очевидно призван стать «эпическим щитом» для лирического подтекста письма, написанного «беженцем из Либавы». Согласно блестящей комментаторской версии этого «перечня», принадлежащей Р.Д. Тименчику, — «*Евреинов* Николай Николаевич (1879-1953) — режиссер, драматург, теоретик театра, автор развернутой концепции «театрализации жизни». В помете на полях статьи «Наследие символизма и акмеизм» Блок соотнес фразу «Здесь смерть — занавес, отделяющий нас, актеров, от зрителей» с излюбленными метафорами Евреинова. *Кульбин* Николай Иванович (1866-1917) — художник, теоретик искусства, организатор кабаретного театра. Искусствовед М. Бабенчиков писал ему из Петербурга 7 июля 1914 года: «Вчера приехал в Куоккало на семь дней Н.С. Гумилев. Он хотел бы Вас повидать<...> У Гумилева, оказывается, есть три пьесы (одна из них «Актеон» нигде еще не шла), не требующие никаких затрат. <...> Н.С. Гумилев предлагает всяческое содействие и помощь. По-моему, этим надо очень дорожить» (РМ. Ф. 134. № 21. Л.5). *Лозинский* жил в Ваммельсу в девяти верстах от Териок. <...> Сын Лозинского Сергей родился 20 июля 1914 года

(ему посвящено ст-ние Гумилева «Новорожденному»). *Есть театр...* — В Летнем театре в Куоккала в этот сезон (начиная с конца мая) ряд спектаклей был поставлен А.П. Зоновым. Концертная программа этого театра («Кабаре»), поставленная К.Э. Гибшманом, показывалась в Териоках 6 июля 1914 г. В театре помимо названных Гумилевым участвовали также Г.А. Авлов, К.А. Фетисова, Г.Ф. Нотман, В.Я. Степанов и др. *Гибшман* Константин Эдуардович (1882-1942) — актер, конферансье, драматург. *Сладкопевцев* Василий Владимирович (1876-1957) — актер, чтец, автор рассказов для эстрады. *Блок* Любовь Дмитриевна (1881-1939) — жена Александра Блока, актриса. В сентябре 1921 г. вместе с матерью присутствовала на панихиде по Гумилеву в Казанском соборе. *Мгебров* Авель Александрович (1884-1966) — актер, режиссер, мемуарист» (Соч III. С. 339-340). Стр. 9-11. — Имеется в виду отзыв Чуковского на книгу «восьмистиший» С.М. Городецкого «Цветущий посох» (1913), являвшуюся вершиной «акмеистического периода» в творчестве «второго синдика» «Цеха поэтов». Рецензия эта увидела свет лишь на следующий год (Журнал журналов. 1915. № 1) и в полной мере оправдала прозорливость Гумилева, продемонстрировав в очередной раз парадоксальность мышления Чуковского-критика. Он сконцентрировал свое внимание на акмеистической идее строгой «поэтической дисциплины», отметив, что стихи «Цветущего посоха», воплощенные в классические формы (см. рецензию на эту же книгу Гумилева — № 65 (VII) и комментарии к нему) безусловно выигрывают в плане культуры слога на фоне импрессионистически-«стихийного» стиля раннего Городецкого. Однако, по мнению Чуковского, «стихийный» Городецкий был в общем интереснее. Являлась ли эта оценка акмеизма положительной или отрицательной — каждый понимал по-своему. Стр. 15-16. — Эта статья написана не была. Стр. 16-17. — До нас дошел только начальный фрагмент статьи (см. № 66 (VII) и комментарии к нему), которая, по-видимому, из-за начала войны так и осталась нереализованным замыслом поэта. Стр. 17. — В записях П.Н. Лукницкого о событиях лета 1914 г. фигурирует повесть «Княжна Ира» (*«С конца мая до 20-х числе июня.* <...> Обдумывает повесть «Княжна Ира». Примечание: Повесть «Княжна Ира», задуманная под названием «Белый Единорог» еще в 1903 г. не была написана и теперь. <...> *С начала до середины июля.* <...> Замысел написать повесть «Княжна Ира» оставлен уже окончательно» (Труды и дни. С. 240-241). Об этом замысле в общем контексте наследия Гумилева-прозаика см. с. 255-256 т. V наст издания.

136. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики -- Хейт; Новый мир (публ. Э.Г. Герштейн).

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499.

Дат.: 17 июля 1914 г. — по почтовому штемпелю.

Почтовая карточка. Штемпель почтового отделения С-Петербурга — 17.07.14. Штемпель почтового отделения Подобино Тверской губернии — 19.07.14.

Письмо фиксирует момент благополучного разрешения конфликта супругов Гумилевых (см. комментарии к № 37 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Написанное в самый канун военных событий (П.Н. Лукницкий отмечает, что, приехав в Петербург из Териок в «середине» июля — очевидно, 15 июля 1914 г., в день объявления Австрией войны Сербии — Гумилев «вместе с С.М. Городецким участвует в манифестациях, приветствующих сербов, с В.К. Шилейко — в манифестациях перед посольствами; присутствовал при разгроме германского посольства» (Труды и дни. С. 243)), это письмо, все-таки последнее «мирное» письмо Гумилева жене. Очевидно, хронология событий этих дней была следующая: 17 — го июля Гумилев отсылает письмо и, действительно, приезжает в Слепнево, как и писал, 19-го июля 1914 г. Происходит примирение Гумилева и Ахматовой — и именно в этот день Германия объявляет войну России. Весть эта доходит до Слепнево вечером (ср. слова Ахматовой: «Утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю...»), а вечером вся жизнь вдребезги» (Черных В.А. Указ. соч. С. 76)) — и Гумилев немедленно возвращается в столицу, где решает поступить вольноопределяющимся в действующую армию. 23 июля он возвращается в Слепнево, а 25-го слепневские обитатели покидают усадьбу, жизнь в которой в это безумное во всех отношениях лето очевидно «не заладилась»: Анна Ивановна с внуком сразу возвращаются в Царское Село, а Гумилев и Ахматова задерживаются в Петербурге на два дня (25-27 июля 1914 г.), гостят у Шилейко, общаются с М.Л. Лозинским (счастливым отцом!), затем — также уезжают в Царское, где Гумилев начинает хлопотать о приеме на военную службу (см.: Труды и дни. С. 243; Соч III. С. 387). Так завершается мирная жизнь Гумилевых.

Стр. 5. — «В 1920-е годы Мандельштам в ответ на расспросы П.Н. Лукницкого не мог прокомментировать эту фразу» (Соч III. С. 341). Стр. 6. — Имеется в виду «Путешествие в страну эфира» (см. № 15 (VI) и комментарии к нему).

137. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики (публ. Э.Г. Герштейн) -- Хейт; Новый мир.

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499.

Дат.: До 6 сентября 1914 г. — по датировке Соч III (С. 238).

Об историческом фоне данного письма см. с. 464-466 т. VI наст. издания. В качестве дополнения можно привести сведенья П.Н. Лукницкого (со слов Ахматовой и А.И. Гумилевой: «1914. Середина августа. Принят на военную службу в качестве охотника, с предоставлением выбора рода оружия. Выбрал кавалерию и был назначен в сводный запасной кавалерийский полк, расквартированный в Новгороде. Получив назначение, отправился в полк в Новгород для прохождения шестинедельного обучения военной службе. В этот же полк был назначен и племянник Н.Г. — Н.Л. Сверчков. <...> 2-я половина августа и начало сентября. Вместе с Н.Л. Сверчковым в деревне Ноболки близ Новгорода в полку проходит курс военной службы. Ученье происходит ежедневно: по одному часу, по два часа 2 раза в

день. Скучает, мечтая о походе. Читает. За отдельную плату берет у одного из унтерофицеров частные уроки рубки и защиты шашкой. Переписывается с женой, с матерью. В начале пребывания в полку к Н.Г. приезжала жена, вместе с ней ездил в Царское село в кратковременный отпуск. Перед выступлением в поход с Н.Л. Сверчковым приезжал в Царское Село вторично» (Труды и дни. С. 244).

Стр. 4-6. — Русская армия, выполняя союзнические обязательства перед Францией, начала наступление на противника одновременно с французами, на пятнадцатый день своей мобилизации. Русский генеральный штаб, под давлением военного министра В.А. Сухомлинова совершил стратегическую ошибку, запланировав два расходящихся направления наступления: в Восточную Пруссию, против Германии, и в Галицию, против Австро-Венгрии. Наступление в Восточной Пруссии обернулось т.н. «августовской катастрофой» — разгромом двух русских армий под Танненбергом, зато наступление в Галиции было успешным и 6 сентября 1914 г. под Гроддеком три австро-венгерские армии были разбиты и обращены в бегство. Франция, используя стратегическую слабость Германии, вынужденной вести «войну на два фронта», одержала в августе 1914 г. решительную победу в битве на Марне. Вероятно, именно с этой победой союзников и поздравляет жену Гумилев, поскольку главные успехи русских в Галиции пришлись уже на время прибытия Гумилева в Лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк и, к тому же, значение этих побед было ослаблено августовской катастрофой в Восточной Пруссии. Новый, 1915 год Гумилев встретил не в «Бродячей собаке», а в сторожевом охранении под Држевицей. Стр. 7-8. — Гумилев пишет о себе и о Н.С. Сверчкове.

138. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Соч III.**

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики (публ. Э.Г. Герштейн) -- Хейт; Haight -- Новый мир.

Автограф — Архив Лесмана.

Дат.: 7 октября 1914 г. — по датировке Е.Е. Степанова (см.: комментарии к № 16 (VI) (С. 466)).

Об историческом фоне данного письма см. с. 465-466 т. VI наст. издания.

Стр. 6-7. — Гумилев цитирует (неточно) поэму Ахматовой «У самого моря» («Я собирала французские пули, / Как собирают грибы и чернику...»). Стр. 9-10. — К письму прилагалось ст-ние «Наступление» (№ 14 (III)), опубликованное в № 10 «Аполлона» за 1914 г.

139. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Полушин; НП (публ. Р.Д. Тименчика).

Автограф — Архив Лозинского.

Дат.: 1 ноября 1914 г. — по штемпелю места отправления и содержанию.

Письмо написано на так называемой «секретке» (вид почтового отправления с перфорацией по периметру, позволяющей раскрыть заклеенное письмо только

оторвав края), адресованной: «Петроград. ЕВ Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Редакция «Аполлона». Разъезжая, 8». На лицевой стороне — три почтовых штемпеля «Шанцынов. 01.11.14», на обратной — штемпель петроградской городской почты — 12.11.14.

Об историческом фоне данного письма см. главы I и II № 16 (VI) и комментарии к ним.

Стр. 35. — Шилейко Владимир Казимирович (1891-1930) — выдающийся востоковед, поэт, в это время близкий друг М.Л. Лозинского; с 1918 г. — второй муж Ахматовой. Стихи Шилейко о Гумилеве, о которых упоминается в стр. 38 неизвестны.

140. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Полушин; НП (публ. Р.Д.Тименчика).

Автограф — Архив Лозинского.

Дат.: 2 января 1915 г. — авторская датировка.

Письмо написано на «секретке», адресованной: «Петроград. ЕВ Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Редакция «Аполлона». Разъезжая, 8». Справа — штамп овальной формы «Доплатить ____ коп. Петроград», зачеркнутый синим карандашом. Внизу слева: «Из Действующей Армии». На обороте два почтовых штемпеля. Штемпель городской почты С-Петербурга (так! — *Ред.*) — 08.01.15. Штемпель 10 12 конторы 31 Петрограда — 08.01.15. Возможно, «запоздалым» ответом на это письмо явилось письмо Лозинского от 21 октября 1915 г.

Об историческом фоне данного письма см. с. 485 т. VI наст. издания.

Стр.8-10. — «В конце декабря 1914 г. Гумилев был в Петрограде. 31 декабря А.А. Кондратьев писал Б.А. Садовскому: «В Петрограде побывал Гумилев. Его видели (Тэффи рассказывала мне) на вернисаже в рубашке, прорванной австрийским штыком и запачканной кровью (нарочно не зашитой и не вымытой). Чествовали в Собаке» (РГАЛИ, ф. 464, он. 2, ед. хр. 114, л. 58). В одном из «Писем из России» английский журналист К. Бехгофер описывал, как на упомянутом вечере в «Бродячей собаке» Гумилев читал свое стихотворение «Наступление». «Потом я поболтал с ним немного. «Вы думаете, что это ужасно? — сказал он. — Нет, на войне весело» (The New Age, London, 1915, 28 января). 4 января 1915 г. художник В.П. Белкин сообщал Г.И. Чулкову из Петрограда: «Гумилев Н.С. приезжал на 3 дня в отпуск сюда, но мне не удалось с ним повидаться. Он получил Георгиевский крест за 3 очень опасных разведки. Поступил он в уланы простым рядовым. Был у нас на днях Лозинский М. Л. и прочел два стихотворения гумилевских очень хороших о войне. В одном из них помню прекрасную строку «О как белы крылья победы» (ГТГ, Ф. 39, № 16; цитируется ст-ние «Наступление»)» (НП. С. 74).
Стр. 10-19. — Вскоре после своего возвращения из Африки в Петербург, 5 апреля 1911 г., Гумилев сделал доклад о своем путешествии в «Аполлоне» (см. приглашение на этот доклад Вяч. И. Иванову: Неизд. 1986. С. 124 и комментарии к нему).

Об этом докладе рассказывал впоследствии А. Кондратьев: «Помню состоявшийся в редакции «Аполлона» доклад Гумилева об одном из его путешествий в Абиссинию и о художниках этой страны. Самая большая из комнат редакции была заставлена привезенною им с собою большой коллекцией картин темнокожих маэстро (по преимуществу на библейские темы). Николай Степанович рассказывал тогда и об охотах своих на африканских зверей, о неудачном подкарауливании льва, о встрече с буйволом, высоко подбросившим поэта в колючие кусты, о столкновения с разбойничьим племенем адалей и тому подобных интересных вещах. Рассказывал Гумилев о своих охотничьих подвигах очень скромно, без всяких прикрас, видимо, более всего боясь походить на Тартарена. Тем ие менее, друзья-поэты изобразили его похождения в нескольких юмористических стихотворениях. Одно из них — едва ли не самое удачное, — принадлежало сыну Иннокентия Федоровича Анненского, Валентину Иннокентьевичу, печатавшемуся под псевдонимом «Кривич» (Кондратьев А. Из литературных воспоминаний // Последние известия (Ревель) 20 февраля 1927 (№ 48)). Скептическое отношение «друзей-поэтов» также засвидетельствовано в обзорной заметке К.Ю. Лаппо-Данилевского (Н. Гумилев и Русский Парнас. С. 101-103). Можно добавить, что когда Гумилев начинал кому-нибудь рассказывать об Африке, Ахматова выходила в другую комнату и просила дать знать, когда он закончит (см.: Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С.138). Все это, безусловно, повлияло на желание Гумилева более подробно делиться своими африканскими впечатлениями. Однако, нет сомнения и в том, что для самого Гумилева его африканский опыт не утерял свое значение. Стр. 20. — «Благоухающая легенда» — автоциата (см. ст. 12 № 65 (II)). Возможно этот образ ст-ния «Туркестанские генералы», совокупно с «трудами» и «веригами» вошел в несохранившееся ст-ние В.К. Шилейко, обращенное к Гумилеву (см. комментарий к стр. 35 № 139 наст. тома). Стр 33-36. — Четверостишие Гумилева, не развившееся в ст-ние (потому, возможно, что для России «лучший день» падения Берлина в той войне так и не наступил). Стр. 37. — Имеется в виду немецкий писатель-романтик Э.Т.А. Гофман. Стр. 39-40. — Историю первой награды Гумилева см. в главе IV № 16 (VI) и комментариях к ней (С. 480). Стр. 41. — Филипка — домашнее прозвище сына Лозинского (см. комментарии к № 40 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

141. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики (публ. Э.Г. Герштейн) -- Хейт; Haight -- Новый мир.

Автограф — ИРЛИ. P.I. Оп.5. № 499.

Дат.: 6 июля 1915 г. — авторская датировка.

Об историческом фоне данного письма см. главы XII и XIII № 16 (VI) наст. издания и комментарии к ним.

Стр. 14. — См. № 142 наст. тома и комментарии к нему. Стр. 24-25. — Гумилев цитирует ст-ние Ахматовой «Долго шел через поля и села...». Стр. 28-29. —

Колчан вышел в декабре 1915 г. — см. комментарии к № 40 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. Стр. 31. — Д.С. Гумилев и Н.Л. Сверчков, брат и племянник поэта. Д.С. Гумилев служил в 294 пехотном Березинском полку с 21 июля 1914 г. по 24 июля 1915 г., когда был переведен в 6-ой Финляндский полк (Из послужного списка Дмитрия Степановича Гумилева // Исследования и материалы. С. 296). Документы прохождения службы Н.Л. Сверчковым на настоящий момент в научный обиход не введены. Очевидно он был сослуживцем дяди.

142. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 1**.

Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Соч III -- Полушин; Haight.

Автограф 1 — ИРЛИ. Ф. 289. Оп.1. № 215. Автограф 2 (приложен к письму № 134 наст. тома) — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499. В стр. 2 имеются сокращения: «Мн. Ф.К.», а вместо «не баловали меня выражением своей симпатии» в стр.7 — 8 — «не баловали меня своей симпатией»; помимо того текст не разбит на абзацы. В остальном текст автографа 2 идентичен тексту автографа 1.

Дат.: 6 июля 1915 г. — авторская датировка.

Об историческом фоне данного письма см. главы XII и XIII № 16 (VI) наст. издания и комментарии к ним. См. также № 141 наст. тома. Об отношениях Гумилева и Сологуба в предвоенный период см. комментарии к №№ 9 и 27 (VII).

143. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики -- Хейт; Новый мир (публ. Э.Г. Герштейн).

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499.

Дат.: 16 июля 1915 г. — авторская датировка.

Об историческом фоне данного письма см. главу XIV № 16 (VI) наст. издания и комментарии к ней. Стр. 3. — В этот день Ахматова была в Слепневе, откуда отправила письмо мужу (см. стр. 3 № 144 наст. тома). Поскольку летом 1915 г. у нее начал активизироваться туберкулезный процесс она собиралась ехать в Крым (см.: Черных В.А. летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Часть I. М., 1996. С. 86). Стр. 19-20. — Гумилев имеет в виду известный царскосельский анекдот об эпатажном поведении И.Ф. Анненского на собрании филологов-классиков у историка Н.И. Казеева: чтобы как-то «оживить» смертельно скучную беседу, великий знаток н переводчик Еврипида Иннокентий Федорович стал говорить о «смерти Гомера» и о неактуальности античной литературы для современности вообще. Горячие возражения присутствующих мгновенно превратили нудные застольные прения в оживленную дискуссию. Стр. 25. — Ср. этюд о семейной жизни Гумилевых, рассказанный Николаем Степановичем И.В. Одоевцевой: «Я всегда весело и празднично воз-

вращался к ней. Придя домой, я по раз установленному ритуалу кричал: «Гуси!» И если она была в хорошем настроении, — что случалось очень редко, — звонко отвечала: «И лебеди» или просто «Мы!», — и я, не сняв даже пальто, бежал к ней в «ту темно-синюю комнату» и мы начинали бегать и гоняться друг за другом. Но чаще я на свои «Гуси!» не получал ответа и сразу отправлялся к себе в свой кабинет, не заходя к ней. Я знал, что она встретит меня обычной ненавистной фразой: «Николай, нам надо объясниться!», за которой последует сцена ревности на всю ночь» (Одоевцева I. С. 386).

144. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики -- Хейт; Haighi -- Новый мир (публ. Э.Г. Герштейн).

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499.

Дат.: 25 июля 1915 г. — авторская датировка.

Об историческом фоне данного письма см. главу XIV № 16 (VI) наст. издания и комментарии к ней. Стр. 3. — Письма не сохранились. Стр. 18-25. — Ахматова приложила к своему письму ст-ния «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» и «Не хулил меня, не славил...», которые и разбирает Гумилев. Стр. 26-27. — Ср. стр. 160-166 № 65 (VII). Стр. 29-30. — Речь идет о поездке в Крым (см. комментарий к стр. 3 № 143 наст. тома. Эта поездка не состоялась: 22 июля 1915 г. Ахматова уехала из Слепнево в Петроград и Царское Село, куда в начале августа приехал с фронта и Гумилев (см.: Черных В.А. летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Часть I. М., 1996. С. 86).

145. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) -- Полушин.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 543. Оп.2. Ед.хр.3.

Дат.: Ноябрь 1915 г. — по содержанию.

В данном недатированном письме речь может идти только о книге «Колчан», первом стихотворном сборнике Гумилева за четыре года. Колчан помечен 1916 г., но вышел из типографии к середине декабря 1915 г.: самые ранние дарственные надписи — от 15 декабря 1915 г. Исходя из этого, можно также предположить, что Гумилев, скорее всего, приложил к данному письму свое ст-ние «Конквистадор» (№ 325 (III)), которое впервые появилось в печати 12 декабря 1915 г. в журнале «Лукоморье» (1915. № 50). В течение 1915 г. Городецкий и Цензор сотрудничали в редакции этого журнала (см.: Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 510, 515, 528-529). Вместе с этим письмом и письмом № 131 в архивном единице хранения также имеются: сложенный вдвое листок бумаги со списком рукой Ахматовой ст-ний Гумилева «Вечер» и «На острове» (№№ 9 и 10 (III)); сложен-

ный вдвое листок бумаги с составленным Гумилевым списком избранных ст-ний из его четырех поэтических сборников от «Романтических цветов» до «Колчана», и пометкой: «Отрывки из пьес: I. Дитя Аллаха»; листок с отрывками из пьес «Актеон», «Дитя Аллаха», и «Гондла». Можно уточнить, что ст-ния «Вечер» и «На острове» были посланы Цензору Ахматовой в начале 1915 г., для сборника: «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде». Под. ред. Дмитрия Цензора. Вып. 1. Пг.: Цевница, 1915. (Дальнейших выпусков не было). В письме от 23 февраля 1915 г., Ахматова написала Цензору: «Посылаю Вам стихотворение<я?> Николая Степановича, потому что своего у меня ничего нет. Гонорар я получила» (цит. по: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 82). Однако в «Альманах» все же вошло, помимо названных ст-ний Гумилева, и «Тяжела ты, любовная память...» самой Ахматовой. По предположению Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина, к тому же изданию относится и дневниковая запись Кузмина от 4 февраля 1915 г.: «Цензор купил у меня стихи за 9 р.» Кузмин М.А. Дневник 1908-1915... С. 515). Другие архивные материалы, по-видимому, относятся к какому-то нереализованному издательскому замыслу Цензора, скорее всего от начала 1917 г. (по дате создания «Гондлы») — см. комментарии к № 6 (V)).

146. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Автограф — РМ. Ф.97. Ед. хр. 72.
Дат.: Конец декабря 1915 — начало января 1916 г. — по содержанию.

На бланке журнала «Аполлон».

Стр. 3. — Речь идет о последнем из гумилевских «Писем о русской поэзии», посвященном близким соратникам по бывшему «Цеху поэтов» (Адамовичу, Г. Иванову, Лозинскому, Мандельштаму — см. № 68 (VII)), и о ст-ниях «Деревья», «Андрей Рублев» и «Змей» (№№ 37-39 (III)). Все они вошли в «Аполлон», 1916, № 1. Стр. 8-9. — Имеется в виду Вера Игнатьевна Гедройц (1876-1932), первая русская женщина-хирург, писавшая стихи и прозу под именем умершего брата — Сергей Гедройц. Рецензируя ее первый сборник «Стихи и Сказки» в 1910 г., Гумилев назвал ее «не поэтом» (№ 67 (VII)). Тем не менее она вошла в «Цех поэтов» — что, возможно, было связано с тем, что В.И. Гедройц обещала оплатить половину суммы, необходимой для создания журнала «Гиперборей». В этом журнале периодически появлялись ее стихи; ее книга стихов «Вег» вышла под маркой «Цеха поэтов» в 1913 г. Подробнее об этом см. с. 349 т. VII наст. издания. В конце 1915 г., В.И. Гедройц, ставшая в 1910-е годы близкой подругой императрицы Александры Федоровны (которая вместе с дочерями работала под началом Гедройц в Царскосельском госпитале), содействовала Гумилеву в хлопотах о переводе в 5-й Александрийский гусарский полк (см. Труды и дни. С. 254; и ироничное воспоминание Ахматовой о том, как Гумилев тогда торопился на «свидание с Гедройц»: Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т.2. 1926-1927; запись от 25.02.1926).

147. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М Баскера и Ш. Греем) -- ф Полушин; НП.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 5. Оп.2. Ед.хр.2.

Дат.: Март 1916 г. — по содержанию.

На бланке журнала «Аполлон».

Константин Юлианович Ляндау (1890—1969) — поэт, актер, режиссер, драматург, в то время организатор кружка поэтической молодежи, куда входили Мандельштам, Г. Иванов и др. В сентябре 1916 г. Гумилев рецензировал (скорее отрицательно) его единственный сборник стихов «У темной двери» (см. № 70 (VII) и комментарии к нему). Стр. 4-5. — Имеется в виду «Альманах муз» (Пг., 1916), инициаторами которого являлись К.Ю. Ляндау и Евгений Григорьевич Лисенков. Альманах предполагался, как периодическое издание, однако вышел только один выпуск. 27 марта 1916 г. К.Ю. Ляндау повторно обратился к Кривичу с той же просьбой (см.: НП. С. 56); 29 марта он сообщил Брюсову, что «редакцией получено посмертное стихотворение Иннокентия Анненского» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 460). Альманах открывался стнием И.Ф. Анненского «Если любишь — гори»; в него вошла «драматическая сцена» Гумилева «Игра» (№ 3 (V)). Стр. 6. — По-видимому, именно в качестве личного одолжения Гумилеву Кривич и воспринимал публикацию в «Альманахе муз». По сообщению Р.Д. Тименчика, «10 января 1917 г. Кривич объяснял публикатору неизданных произведений И. Анненского, А.А. Альвингу: «Ввиду исключительно настойчивых просьб (давно это было), и просьб, подкрепленных письмом лица, которому в силу его отношений с отцом, отказать было нельзя,—я предоставил для первой страницы «Альманаха» одно папино стихотворение». Кривич с благодарной памятью относился к дружбе Гумилева с И. Ф. Анненским в последний год жизни автора «Кипарисового ларца». Когда этот сборник был на выходе, Кривич подарил чистые листы с инскриптом «Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву на память об ушедшем авторе. Валентин Кривич. IV. 910. Ц<арское> С<ело>»» (НП. С. 56).

148. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004 (публ., факсимильное воспроизведение (С. 452).

Автограф — Архив Лозинского.

Дат.: 5 мая 1916 г. — авторская датировка.

Тумповская Маргарита Марьяновна (1891-1942) — поэтесса, переводчица, литературный критик. Участница т.н. «второго» «Цеха поэтов», который пытались

создать осенью 1915 г. Г.В. Иванов и Г.В. Адамович и «третьего», гумилевского «Цеха» в 1920-1922 гг. (ее стихи были опубликованы в альманахе «Дракон» (Пг., 1921)). В 1920-е — 1930-е годы безуспешно пыталась найти себя в драматургии и кинематографе. Ее дочь, М.Л. Князева, автор талантливых стихов и жития св. Пантелеймона, входила в круг Л.Н. Гумилева.

Гумилева познакомила с М.М. Тумповской ее подруга М.Е. Левберг в ноябре 1915 г. и вплоть до осени следующего 1916 года ее и поэта связывали близкие отношения. М.М. Тумповская — адресат любовной лирики Гумилева и автор одной из лучших прижизненных статей о творчестве поэта (Тумповская М.М. «Колчан» Н.С. Гумилева // Аполлон. 1917. № 6-7. С. 58-69). См. о ней: Мочалова О.А. Маргарита // Жизнь Николая Гумилева. С. 312-314.

Стр. 1-2. — О пребывании Гумилева в 5-м Александрийском гусарском Ее Величества полку (дислоцированном в это время в Даугавпилсе) куда он был переведен с производством в прапорщики 10 апреля 1916 г. см.: Тименчик Р.Д. Над седою, вспененной Двиной... // Даугава. 1986. № 8. С. 115-121. Стр. 8-9. — Из «Речей Заратустры» («Так говорил Заратустра») — «О пути созидающего».

149. При жизни не публиковалось. **Печ. по факсимиле автографа.**

Жизнь Николая Гумилева (в составе комментариев С. 257)).

Автограф — РГБ. № 11045/42. Конверт — в собрании А.К. Станюковича (Москва).

Дат.: 8 июля 1916 г. — по содержанию письма.

Фотокарточка (воспроизведена в наст. томе, с. 179) с надписью на обороте была вложена в конверт «Здравницы Всероссийского Общества Здравниц в доме Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны для выздоравливающих и переутомленных. Массандра», адресованный: «Е.В. Ольге Александровне Мочаловой. Ялта. Массандровская. Дача Лутовского». Вместо почтовой марки боком наклеена фотография Гумилева (воспроизведена на фронтисписе тома I наст. изд.), а также типографская надпись «Н.Гумилев». И то, и другое вырезано из книги «Русские поэты. Сборник избранных произведений русской поэзии последних десятилетий. С 58 портретами. СПб., 1909. Конверт сложен вдвое по формату вложенной фотографии.

Мочалова Ольга Алексеевна (1898-1981) — поэтесса, перводчик, критик. Познакомилась с Гумилевым в Массандре, во время лечения поэта в Ялтинском санатории (с 1 июня по 7 июля 1916 г.). История их короткого летнего знакомства (завершившегося получением О.А. Мочаловой настоящего шутливого послания) подробно излагается О.А. Мочаловой в воспоминаниях (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 104-124). Пророча «новую встречу», поэт был прав: во время последнего пребывания Гумилева в Москве, 2-6 июля 1921 г., О.А. Мочалова стала героиней его последнего, скоротечного «романа», сопровождала его по городу в эти дни и оставила ценные записи его высказываний.

150. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Полушин; В мире отеч. классики -- Хейт; Новый мир (публ. Э.Г. Герштейн).
Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 500.
Дат.: 2 августа 1916 г. — авторская датировка.

Анна Ивановна Гумилева (урожденная Львова, 1854-1942), мать поэта, была дочерью бежецкого помещика Ивана Львовича Львова (1806-1862) и Юлии Яковлевны Львовой (1814 (?)-1865), урожденной Викторовой, помещицы Старо-Оскольского уезда Курской губернии. Официальная дата рождения деда поэта И.Л.Львова — 8 октября 1806 г. (умер 20 февраля 1862 г.). Он окончил морской корпус, участвовал в войне с Турцией, за что был награжден орденом Св. Анны 3-ей степени с бантом, серебряной медалью на георгиевской ленте. Уволившись из флота в чине лейтенанта, некоторое время служил в Москве по гражданскому ведомству, дослужившись до колежского асессора, затем вел жизнь помещика. По семейным воспоминаниям, И.Л. Львов, несмотря на горячий и нетерпеливый характер, был прекрасным семьянином, рачительным хозяином и добрым человеком, любимым как родными, так и крестьянами. Что же касается бабушки Гумилева, Юлии Яковлевны, то о последних годах ее жизни, известно, что «это была необыкновенно тихая, добрая старушка... Никаких поборов и притеснений никто <из слепневских крестьян> не видал. Сама барыня вела жизнь полумонашескую, а чтобы было на что свечки ставить в церкви, трудилась сама: вязала чулки и носки и продавала их, конечно, за бесценок «на масло для лампад»» (Жизнь Николая Гумилева. С. 6). Своего мужа она пережила ненадолго, скончавшись 9 февраля 1862 г. У Ивана Львовича и Юлии Яковлевны родилось 5 человек детей: 2 сына и 3 дочери. Старший сын Яков Иванович (1836-1876) был пехотным офицером. Детей не имел, хотя и был женат (личность жены не установлена). Его приемная дочь Евгения в браке с железнодорожным служащим И.И. Македонским, произвела обильное потомство. Младший сын Лев Иванович (1838-1894) окончил морской кадетский корпус, служил на Балтике, дослужился до контр-адмирала; он был близким другом С.Я. Гумилева, и крестным отцом поэта. Был женат на Л.В. Сохацкой, детей в браке не имел. Старшая сестра Варвара Ивановна (1839-1921) была замужем за командиром лейб-гвардии уланского полка Фридольфом Яновичем Лампе и родила дочь Констанцию (1865) и сына Яна (1867). Констанция Фридольфовна вышла замуж за ротмистра лейб-егерского полка Александра Дмитриевича Кузьмина-Караваева (1862-1915) — эта генеалогическая коллизия будет важна для жизни и творчества Гумилева. Агата Ивановна (1840 — 1897) состояла в крайне неудачном браке с жандармским офицером В.П. Покровским, рано овдовела, родив единственного сына Бориса (1872-1915), жившего после смерти матери в семье Гумилевых (в будущем офицера, трагически скончавшегося от наследственной душевной болезни). Его дочь Елена Борисовна (1899-1988) вышедшая впоследствии замуж за сына известного поэта В.В. Гиппиуса Евгения, оставила интересные воспоминания о

домашнем быте Гумилевых. Младшей сестрой в этом обширном семейном клане Львовых и была Анна Ивановна, в замужестве — Гумилева.

Анна Ивановна воспитывалась и училась дома. Достаточно рано ей, вместе со своей старшей сестрой Агатой, пришлось самостоятельно вести хозяйство. Их дед, герой наполеоновских войн Яков Алексеевич Викторов, дожив до глубокой старости, впал в детство и двум сестрам, переехавшим в его большое имение Викторовку под Старым Осколом, нужно было управлять делами. Анна Ивановна росла добродушной, красивой, здоровой девушкой, и прекрасной хозяйкой. «Анна Ивановна была хороша собой, — пишет ее невестка, А.А. Гумилева-Фрейганг, — высокого роста, худощавая, с красивым овалом лица, правильными чертами и большими добрыми глазами; очень хорошо воспитанная и очень начитанная. Характера приятного; всегда всем довольная, уравновешенная, спокойная. Спокойствие и выдержанность ее перешли и к сыновьям, в особенности к Коле» (Жизнь Николая Гумилева. С. 63).

Когда брат, контр-адмирал Л.И. Львов, познакомил ее со своим сослуживцем, судовым врачом Степаном Яковлевичем Гумилевым, вдовцом, старше Анны Ивановны на 20 лет, и тот сделал предложение, она не колеблясь дала согласие на брак и прожила в нем счастливо до глубокой старости мужа. Как пишет падчерица Анны Ивановны, А.С. Сверчкова, «характер С.Я. был твердый и властный, кроме того он был ревнив, расчетлив и требовал безусловного повиновения. Жена с другим характером, возможно, не ужилась бы с ним, но Анна Ивановна старалась все сгладить и, в особенности когда подросли сыновья, изображала, как она говорила, буфер, чтобы избежать всяких столкновений. Поэтому дети боготворили мать...» (Жизнь Николая Гумилева. С. 12). «Это была умная и чуткая женщина, очень любившая своего сына и гордившаяся его литературными опытами, - свидетельствует О.Л. Делла-Вос-Кардовская, царскосельская соседка Гумилевых. — Она много рассказывала нам о нем и показывала его стихи. По-видимому, между матерью и сыном была большая дружба» (Там же. С. 30). Сам Гумилев говорил, что лучшие черты его личности, прежде всего — глубокая православная религиозность, патриотизм и приверженность к патриархальным ценностям - были сформированы в детстве матерью. «Когда сыновья были маленькими, А.И. им много читала и рассказывала не только сказки, но и более серьезные вещи исторического содержания, а также из Священной Истории, - пишет А.А. Гумилева-Фрейганг. — Помню, что Коля как-то сказал: «Как осторожно надо подходить к ребенку! Как сильны и неизгладимы бывают впечатления в детстве! Как сильно меня потрясло, когда я впервые услышал о страданиях Спасителя». Дети воспитывались в строгих принципах православной религии. Мать часто заходила с ними в часовню поставить свечку, что нравилось Коле. С детства он был религиозным, и таким же остался до конца своих дней — глубоковерующим христианином» (Там же. С. 30).

По многочисленным сохранившимся свидетельствам, Гумилев очень много писал матери, посылая ей письма при малейшей возможности из самых экзотических и труднодоступных областей, куда его заносила судьба. По-видимому, это была далеко не формальная дань сыновьим обязанностям, но живой интерес к личности

корреспондента: мать поэта — «дорогая мамочка», как он неизменно обращается к ней, - была, действительно, замечательным человеком. К сожалению эта, по-видимому, очень большая часть эпистолярного наследия поэта разделила печальную участь всех семейных бумаг Гумилевых, оставшихся в 1917 г. в царскосельском особняке. От всех писем поэта к матери уцелел лишь маленький «осколок» — данное письмо и открытка из Окуловки, написанная в драматические дни февральской революции 1917 г. (№ 161 наст. тома).

Исторический контекст, в котором писалось данное письмо, воссоздается в «Хронике» Е.Е. Степанова: после того, как поэт прошел курс лечения от последствий воспаления легких, которое он заработал в зимнюю кампанию 1915-1916 гг., в ялтинском санатории, 14 июля 1916 г. он вернулся в Петроград. «16.07. — он был помещен в царскосельский эвакуационный госпиталь № 131 для медицинского освидетельствования и 18.07. был признан здоровым. Ему было выдано предписание вернуться в полк и 25 июля Гумилев был в Витенгофе, куда в начале июля перевели Гусарский полк. Полк отошел от линии фронта и составил резерв XII Армии. 26 июля Гумилев был уже назначен дежурным по полку. <...> И на этот раз его пребывание в полку было недолгим. Еще в Петрограде он начал хлопотать о допуске к сдаче экзаменов на чин корнета. Все время, пока полк стоял в резерве, шло обучение офицеров и солдат, каждый день устраивались скачки по пересеченной местности. Об этих состязаниях Гумилев написал матери. <... > Район, где стоял полк, располагался южнее Зегевольда (Сигулда), недалеко от Лембурга (Малпилс). На мызе Витенгоф (Уеспилс) был штаб Гусарского полка, 4-й эскадрон, в котором служил Гумилев, стоял в Анкориже. Весь месяц шла подготовка к намеченному на 30 августа полковому празднику, на котором должны были разыгрываться призы на скачках. 15 августа очередное дежурство [Гумидева] по полку, 17 августа приказом по полку № 240 Гумилев был командирован в Николаевское кавалерийское училище» (Соч III. С. 396).

151. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П.Струве) - - Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 23 сентября 1916 г. — авторская датировка.

Рейснер Лариса Михайловна (1895-1926) — публицист, поэтесса, драматург, общественный деятель. Дочь социолога и правоведа, М.А. Рейснера (1868-1928), в 1898-1903 гг. — политического эмигранта, близкого к социал-демократическим кругам России и Германии (среди его знакомых были А. Бебель, К. Либкнехт, В.И. Ленин). Отец оказал огромное влияние на дочь, которая с детских лет была захвачена романтикой революционной борьбы. Л.М. Рейснер рано проявила себя как богато одаренная, творческая натура. В 1912 г., окончив с золотой медалью гимназию, она поступает в петербургский Психоневрологический институт, одновременно посещая занятия и на историко-филологическом факультете Университета.

Здесь она становится сначала участником, а потом и лидером «Кружка поэтов» и начинает, будучи девятнадцати-двадцати лет от роду «открывать дорогу молодым талантам», издавая при помощи отца художественно-публицистические журналы «Богема» и «Рудин» (см. комментарий к № 39 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Публицистику она уже не оставит до конца своих дней: после закрытия «Рудина» она будет сотрудничать в горьковских «Летописи» и «Новой жизни», а в 1918-1923 гг. создаст несколько книг очерков «Фронт: 1918-1920», «Афганистан», «Берлин в 1923 году», «В стране Гинденбурга» и «Гамбург на баррикадах», блистательных по стилю и обнаруживающих неповторимую оригинальность журналистского мировосприятия. Л.М. Рейснер, работавшая специальным корреспондентом «Известий» и «Красной звезды», стояла у истоков советской художественно-публицистической традиции в журналистике. За ее плечами к 25 годам был уникальный опыт революции и гражданской войны. Легенда гласит, что именно она в решающий миг переворота, в ночь с 24 на 25 октября 1917 г. была направлена из штаба восстания на крейсер «Аврора» и заставила деморализованную команду начать обстрел Зимнего дворца, — что и решило дело в пользу большевиков. А строгая история рассказывает о ее работе комиссаром разведывательного отряда штаба 5-ой армии, принимавшего участие в боевых действиях Волжско-Камской флотилии, а затем — в должности комиссара Генерального штаба Военно-Морского флота РСФСР (декабрь 1918 — июнь 1919 гг. (!!!)). Черты Ларисы Рейснер угадываются в образе Комиссара из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского.

Л.М. Рейснер познакомилась с Гумилевым зимой 1915 — 1916 гг., как явствует из ее «Автобиографического романа» в артистическом кабаре «Привал комедиантов». «Частично об этом Рейснер рассказала в автобиографической повести, где главную героиню зовут Ариадной, а героя — Гафиз. Однажды в литературном кафе <...> она читала свои стихи о Петербурге. Строки «разбудили самых ленивых» посетителей <...> «Жрецы чистого искусства опустили между собой и сценой непроницаемый занавес, их невысказанное отрицание пахнуло в горячее лицо Ариадны сквозняком и серым туманом. <...> Гафиз одобрил ее как красивую девушку, но совершенно бездарную»» (Шоломова С.Б. Судьбы связующая нить (Л. Рейснер и Николай Гумилев) // Исследования и материалы. С. 482-483). Гумилев, заводивший тогда один за другим «параллельные» «литературные романы» (с М.Е. Левберг, М.М. Тумповской, О.Н. Арбениной, А.Н. Энгельгардт) начинает ухаживать за юной поэтессой, обладавшей к тому же невероятной красотой (сын Л.Н. Андреева Вадим, воспитывавшийся в семье Рейснеров, описывает Ларису так: «Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту как факел, и даже самые грубые предметы при ее приближении приобретают неожиданную нежность и мягкость. Я помню то ощущение гордости, которое охватило меня, когда мы проходили с ней узкими переулками Петербургской стороны... — не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий — статистика точно мною установленная, — врывался в землю столбом и смотрел вслед, пока мы не

исчезали в толпе. Однако на улице никто не осмеливался подойти к ней: гордость, сквозившая в каждом ее движении, в каждом повороте головы, защищала ее каменной и нерушимой стеной» (цит. по: Неизд 1980. С. 209)).

Во время отпуска для прохождения экзаменов в Николаевском училище (конец августа — октябрь 1916 г., см. комментарии к № 150 наст. тома), встречи поэта с Л.М. Рейснер становятся частыми и постоянными. Однако то, что для Гумилева было не более чем «дежурным» «любовно-литературным приключением» было для его «очередной пассии» главной и единственной страстью на протяжении всей ее жизни. «Финал» этого «осеннего романа» завершился, как и множество других подобных гумилевских историй, в «приличной, тихой гостинице» на Гороховой (см. № 172 наст. тома). «Л. Рейснер, - записывал со слов Ахматовой П.Н. Лукницкий, - пришла [к Ахматовой в 1920 году] и <...> рассказала о Николае Степановиче, что она была невинна, что она очень любила Николая Степановича, совершенно беспамятно любила. А Николай Степанович с ней очень нехорошо поступил — завез ее в какую-то гостиницу и там сделал с ней «все». Правда, потом он предлагал Ларисе Рейснер жениться на ней, и Лариса Рейснер передает АА последовавший за этим предложением разговор, так.: — она стала говорить, что очень любит АА и очень не хочет сделать ей неприятное. И будто бы Николай Степанович на это ответил ей такой фразой: «К сожалению, я уже ничем не могу причинить Анне Андреевне неприятность». АА говорит, что Лариса Рейснер, это рассказывая, помнила очень всю обиду на Николая Степановича и чувство горечи и любви в ней еще было...» (Лукницкая В.К. Гафиз и Лери // Памир. 1988. № 12. С. 172).

Действительно, пошлая «постельная сцена» в гостинице на Гороховой, которая, по рассчетам Гумилева, очевидно, должна была завершить его полугодовую «интрижку», внезапно открыла качественно новый этап их взаимоотношений. Поэт, озлобленный крахом своей семейной жизни с Ахматовой и, в общем, неприятно-циничный в своем «донжуанстве» этой поры, поверил в подлинность возникших отношений и сделал Л.М. Рейснер предложение. В течение нескольких месяцев (конец сентября 1916 — начало февраля 1917 г.) Рейснер считала себя невестой Гумилева (см.: Там же). Именно на эти месяцы приходится дошедшая до нас (далеко не полностью) переписка Гумилева и Рейснер, и именно этим состоянием корреспондентов объясняется ее уникальная специфика.

Разрыв между Рейснер и Гумилевым, происшедший в конце января 1917 г. принято объяснять политическими расхождениями между «монархистом» и «революционеркой» в канун революционных перемен в стране. Между тем, сама Рейснер, в письме к М.Л. Лозинскому («поверенному» их отношений в эти месяцы) прямо говорит о своем «уходе в революцию» как о попытке уйти от невыносимой личной боли, которую причинила ей январская встреча с Гумилевым: «Как глупо иногда разбивается человеческая жизнь совсем вдребезги, и какой-то ложный стыд мешает закричать о помощи, попросить пощады. Сколько зла и боли совершается совсем рядом, у всех на глазах, а сказать нельзя. <...> Совсем сломанной и ничего не стоящей я упала в самую стремнину революции... не создавая себе никаких иллюзий,

зная и видя все дурное, что есть в социальном наводнении, я узнала братское мужество и высшую справедливость, и то особенное волнение, которое сопровождает творчество, всякое непреложное движение к лучшему. И счастье» (Дружба народов. 1967. № 4. С. 245). Совершенно оправданной представляется версия Ахматовой о том, что в канун встречи в январе с Гумилевым Лариса Михайловна узнала о «параллельном» (и тоже — «с предложением руки и сердца»!) романе поэта с А.Н. Энгельгардт («А не узнать она, конечно, не могла» - см.: Лукницкая. Указ. соч. С. 172). Рейснер, считавшая себя невестой Гумилева, «беспамятно любящая его», была оскорблена смертельно! Она потребовала от поэта возвратить ей письма и разорвала общение с ним.

Интересно, что Гумилев продолжил переписку. Более того, на месяцы, последующие за разрывом, приходятся его гениальные «Канцоны», обращенные к Рейснер! Более того, как следует из рассказа Ахматовой о драматическом возвращении поэта из Лондона в Петроград в мае 1918 года, Гумилев ехал в Россию имея в качестве «запасного варианта» действий после сознающегося им неизбежным развода с женой...опять-таки женитьбу на Ларисе Михайловне («После разговора у АА о разводе Николай Степанович и АА поехали к Шилейко, чтобы поговорить втроем. В трамвае Николай Степанович, почувствовавший, что АА совсем уже эмансипировалась, стал говорить «по-товарищески» — «У меня есть кто бы с удовольствием пошел за меня замуж. Вот, Лариса Рейснер, например... Она с удовольствием бы...»» (Лукницкая. Указ. соч. С. 171). Гумилев еще не знал, что его «Лери» к этому времени была уже не только женой Ф.Ф. Раскольникова, но как раз тогда делала невероятную карьеру «женщины — военного политика», карьеру, которая через несколько месяцев приведет ее в кабинет Адмиралтейства.

Но она и теперь продолжала «до беспамятства» любить Гумилева! Встретившись с ним уже после женитьбы поэта на «дождавшейся» его А.Н. Энгельгардт, ее сопернице, ослепленная от боли и ярости Рейснер вела себя очевидно нелепо и дико, особенно если учитывать ее нынешнее общественное и семейное положение. Она то рассказывала полузнакомым людям «как нехорошо поступил с ней Николай Степанович», то испытывала приступы слепой ненависти к Гумилеву и его молодой жене, в припадке которой она потребовала... лишить поэта «балтфлотовского» пайка (Гумилев читал просветительские лекции для матросов). Ее состояние этого времени описывается в воспоминаниях Арбениной: «Как-то мы с Мандельштамом были в Мариинском театре. Сидели в ложе, а вблизи, тоже в ложе, была Лариса Рейснер. Она мне послала конфет, и я издали с ней раскланялась. (Осип бегал к ней здороваться). Потом он был у нее в гостях и рассказал мне, что она плакала, что Гумилев с ней не кланяется. Он вообще неверный. <...> Растроганная, я стала бранить Гумилева за то, что он «не джентльмен» в отношении женщины, с которой у него был роман. Он ответил, что романа не было (он всегда так говорил), а не кланяется с ней потому, что она была виновата в убийстве Шингарева и Кокошкина (министров Временного правительства, убитых матросами в 1918 г. — *Ред.*) (Исследования и материалы. С. 457-458).

Гибель Гумилева стала чудовищным ударом для Л.М. Рейснер. Она говорила Н.Я. Мандельштам, что для нее, прошедшей все ужасы Гражданской войны, эта смерть была «единственным темным пятном на ризах революции» (Н.Я. Мандельштам была уверена, что «будь она в Москве, когда забрали Гумилева (Л.М. Рейснер вместе с мужем, Ф.Ф. Раскольниковым была в это время с дипломатической миссией в Афганистане — *Ред.*), она бы вырвала его из тюрьмы» (см.: Неизд 1980. С. 216)). Разведясь с Раскольниковым, который не вынес «конкуренции» с поэтом, продолжавшейся и после смерти Гумилева, Рейснер какое-то время носилась с безумной идеей... взять детей Гумилева себе, и даже пыталась вмешаться в воспитание Лены Гумилевой, — советовала Анне Николаевне как правильно развивать ребенка, и жаловалась затем... Ахматовой (!) что Анна Николаевна ее не слушает. Своей матери она писала в 1922 году: «Если бы перед смертью его видела, - все ему простила бы, сказала бы правду, что никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта, Гафиза, урода и мерзавца. Вот и все» (Исследования и материалы. С. 484).

Она пережила своего «Гафиза» всего на несколько лет. В феврале 1926 г., Лариса Михайловна Рейснер, соединявшая по словам дружившего с ней Л.Д. Троцкого, «красоту олимпийской богини, тонкий ум и мужество воина», была убита (отравлена; официальная версия — умерла от внезапного приступа брюшного тифа) в жестокой политической борьбе, развернувшейся вокруг XIV съезда партии, разделив участь раздавленного теми же политическими жерновами несколькими неделями раньше С.А. Есенина.

Стр. 1-37. — № 49 (III).

152. При жизни не публиковалось. **Печ. по КРЛ**.

Соч III; КРЛ (публ. Р.Д. Тименчика).

Автограф — Архив Лесмана.

Дат.: 1 октября 1916 г. — авторская датировка.

Письмо написано Гумилевым во время экзаменов на чин корнента в Николаевском кавалерийском училище (см. № 150 наст. тома и комментарии к нему) Ахматовой, гостившей в это время у матери в Севастополе.

Стр. 5-7. — Как явствует из «Аттестационного списка с баллами, полученными прапорщиками и вольноопределяющимися кавалерийских и казачьих частей на офицерских экзаменах в сентябре и октябре месяцах 1916 годе при Николаевском кавалерийском училище» (Исследования и материалы. С. 263), «артиллерию с практическими занятиями» Гумилев, паче чаянья, сдал на «шесть» баллов (по десятибалльной шкале). Однако он не явился на экзамены по фортификации и по конно-саперному делу (неявка на экзамен, в отличие он несдачи его, давала право на переэкзаменовку, каковым Гумилев, очевидно, хотел воспользоваться в следующем, 1917 г. — но, в силу особого характера этого года в истории России XX века — не воспользовался). Стр. 9-10. — «Второй Цех поэтов был учрежден в сентябре 1916 г. Георгием Владимировичем Ивановым и Георгием Викторовичем Адамовичем По

воспоминаниям Иннокентия Оксенова, «собирался цех довольно редко, приблизительно раз в месяц, меняя место собрания. Последние происходили у Г. Адамовича, Г. Иванова (чаще всего), были собрания у М. Струве, С. Радлова и Я. Средника и в [Бродячей собаке] («Привале комедиантов» — [Р.Т.] <...> Наиболее сильным впечатлением, оставшимся у меня от собраний Цеха, было чтение Гумилевым (тогда офицером) начала «Гондлы» (см. дневниковое свидетельство И. А. Оксенова. Дневники хранятся у его дочери: текст сообщен нам Т. Л. Никольской). На заседания этого Цеха приглашались и гости, но затем было принято решение допускать только членов Цеха. Как явствует из рукописной повестки, присланной М. А. Кузмину, состоялось по меньшей мере семь собраний (7-е—24 марта 1917 г.). См.: ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1—2) (КРЛ. С. 370). Стр. 11. — См. №№ 69, 70 (VII) наст. тома и комментарии к ним. Стр. 12-13. — «Весной 1916 г. в Петрограде давал свои представления основанный Юлией Леонидовной Сазоновой-Слонимской (1887—1957), известным театральным критиком, первый в России театр марионеток. Тогда же Гумилеву была заказана пьеса для этого театра—восточная сказка в стихах «Дитя Аллаха» (публично прочитана им в Обществе ревнителей художественного слова 19 марта 1916 г.)» (КРЛ. С. 370). См. об этом комментарии к № 5 (V). Стр. 15. — Имеется в виду брат Ахматовой Андрей Андреевич Горенко, также живший тогда в Севастополе (см. о нем комментарии к № 68 наст. тома). Стр. 21. — По предположению Р.Д. Тименчика, речь идет о Елене Ивановне Страннолюбской (ур. Ахшарумовой), ближайшей подруге покойного к тому времени отца Ахматовой. Стр. 22. — См. комментарий к стр. 25 № 143 наст. тома.

153. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 8 ноября 1916 г. — авторская датировка.

Ответом на это письмо стали письма №№ 43, 44 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома.

Стр. 6-7. — Речь идет о неосуществленном гумилевском замысле пьесы о покорении Мексики Кортесом, возникшем, очевидно, в беседах с Л.М. Рейснер (см. стр. 9-11 № 154, стр. 13-19 № 157, стр. 13-17 № 158 наст. тома). Стр. 11-12. — Гумилев цитирует ст-ние И.А. Бунина «Одиночество». Стр. 13-14. — Имеется в виду богословский трактат П.А. Флоренского «Столп и Утверждение Истины». Стр. 15. — Солипсизм — философское учение, отрицающее подлинность любого бытия вне личностного мировосприятия субъекта. Стр. 26-27. — О значении в творчестве Гумилева греческого мифа об Актеоне, случайно оказавшегося свидетелем божественной наготы Артемиды (Дианы), см. комментарии к № 4 (V). Стр. 31. — Нимфа Дафна, которую преследовал влюбленный Аполлон, превратилась в лавровое дерево в его объятьях; в память об этой несчастной любви Аполлон носил лавровый венок, ставший в веках символом героев и поэтов.

154. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) - - Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 8 декабря 1916 г. — авторская датировка.

Ответ на письма №№ 43 и 44 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома.

Стр. 3. — Имеются в виду №№ 43, 44 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома. Реакцией на эти письма было, очевидно, ст-ние «Девушка»:

Ты говорил слова пустые,
А девушка и расцвела:
Вот чешет косы золотые,
По-праздничному весела.

Теперь ко всем церковным требам
Молиться ходит о твоем,
Ты стал ей солнцем, стал ей небом,
Ты стал ей ласковым дождем.

Глаза темнеют, чуя грозы,
Неровен вздох ее и част.
Она пока приносит розы,
А захоти — и жизнь отдаст.

(№ 60 (III)). Стр. 21. - Имеются в виду виновница троянской войны, жена спартанского царя Менелая, бежавшая от него с Парисом и героиня поэмы Л. Ариосто (Ariosto, 1474-1533) «Неистовый Роланд».

155. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Автограф — РГБ. Ф. 620. 63.44.
Дат.: Конец (декабрь (?)) 1916 г. — по содержанию.

Архивная датировка — «1916 г.».

Стр. 3. — Речь идет о третьей редакции поэмы Гумилева «Мик», которая планировалась для публикации в «Ниве». Эта публикация не состоялась. Подробнее об истории создания поэмы см. комментарии к к № 3 (III) (С. 306). Стр. 8. — «Около 22-23 декабря <1916 г.> Приехал в Петроград. Остановился у М.Л. Лозинского (?) Читал М.Л. Лозинскому главу из «Мика»» (Труды и дни. С. 265).

156. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу** Полушин; НП (публ. Р.Д. Тименчика).
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 15 января 1917 г. — авторская датировка.

Письмо (доставленное, как явствует из текста, с оказией) вложено в конверт, адресованный: «Петроград. Разъезжая 7. Редакция журнала «Аполлон». Здесь укажут точный адрес». Сбоку приписано: «Каменноостровский №... Е.В. Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Передать лично и зайти за ответом». Письмо и конверт имеют овальный штамп «Склад ЕВГИ Александры Федоровны». В письмо вложена отдельная записка: «Telemark» Skier mit «Huitfeld»-Bindung и восковую мазь к ним».

Стр. 3-4. — Имеется в виду краткое пребывание в Петроград 28 декабря 1916 г. во время которой Гумилев остановился у Лозинского. «В этот вечер брал у М.Л. Лозинского «Cor Ardens» Вяч.Иванова и исследовал его с точки зрения строфики, которой в этот период специально интересовался (см. стр. 20-23 № 157 наст. тома — *Ред.*). Взял у М.Л. Лозинского книгу «Marguis de Lanlay. Regueil de Poésie»» (Труды и дни. С. 265). Судя по постскриптуму к письму («маркиз оказался шарлатаном») книга, в которой Гумилев ожидал найти характеристики строф старофранцузской поэзии, его разочаровала. Стр. 6-7. — Имеется в виду статья В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (Русская мысль. 1916. № 12), в которой впервые за все существование акмеизма была сделана попытка научного анализа этого явления литературного процесса 1910-х годов и содержались отдельные мини-исследования творчества Гумилева, Ахматовой, Мандельштама. Эта статья и на настоящий момент является одной из лучших характеристик течения. Стр. 7-11. — «Речь идет об изданиях: Грээм К. Золотой возраст. СПб., 1898; Грээм К. Дни грез. СПб., 1900; Кальдерон П. Сочинения. Т.3. М., 1912. Внимание Гумилева к книгам английского детского писателя К. Грээма (Grahame, 1859-1932) могло быть привлечено тем, что переводчицей их на русский язык была А.В. Гольштейн, видная фигура в русских литературных кругах Парижа в 1900-е годы, близкая знакомая семейства Деникеров» (НП. С. 75). Стр. 22. — Мочульский Константин Васильевич (1892-1948) — литературовед, историк «серебряного века», в то время — постоянный собеседник Гумилева. О их разговорах об акмеизме упоминается в статье Мочульского о поэте (Современные записки (Париж). 1922. № 11).

157. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 15 января 1917 г. — авторская датировка.

«На конверте письма к Л.М. Рейснер — штемпель «Глазманка» 25.1.1917 и «Петроград» 27.1.1917» (Труды и дни. С. 266). Ответом на это письмо стало письмо № 45 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома.

Стр. 4-6. — «С 1 по 10 января [1917] Гумилев оставался в окопах на левом фланге обороны у деревни Грютерсгоф. В одном эскадроне с ним служил штаб-ротмистр А. Посажной, рассказывающий о браваде Гумилева, о том, как Гумилев под пулеметным огнем демонстративно раскуривал сигарету, не желая спрыгивать в окоп, за что командир эскадрона А. Мелик-Шахназаров устроил ему разнос. <...> 10.01.[17] гусар в окопах сменили драгуны и полк отошел в Н.-Беверсгоф» (Соч III. С. 398). Стр. 14-15. — Кортес (Cortes) Эрнандо (1485-1547), испанский конкистадор (конквистадор, в произносительной норме начала XX века). В 1519-1521 возглавил завоевательный поход в Мексику, приведший к установлению там испанского господства. События похода Кортеса легли в основу романа любимого Гумилевым английского писателя Райдера Хаггарда «Дочь Монтесумы». Этот роман, вероятно, и стал «отправной точкой» замысла Гумилева. По мере разработки темы поэт почувствовал необходимость в научном освещении событий 1519-1521 гг. и попросил Л.М. Рейснер (см. ниже, стр. 32-34) купить и переслать ему фундаментальный труд Уильяма Прескотта «Завоевание Мексики» (вышедший в 1843 г. в Нью-Йорке и переведенный затем на другие европейские языки). Стр. 16. — Имеется в виду лирическое отступление Пушкина в финале «Евгения Онегина». Стр. 22-23. — Гумилев перечисляет строфические формы средневековой (провансальской) поэзии; см. комментарии к 3-4 № 156 наст. тома. Стр. 25-26. — Теодор-Фоленде де Банвиль (de Banvill, 1823-1891) — французский поэт, драматург, критик и журналист, представитель «парнасцев». Стр.36-37. — Чехонин Сергей Владимирович (1878-1936) русский художник, представитель русского модерна, виртуоз декоративного дизайна. Имеется в виду его миниатюра-заставка к изданию поэмы Гумилева «Мик».

158. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 22 января 1917 г. — авторская датировка.

Ответ на письмо № 45 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома.

Стр. 10-12. — «Завершилась служба Гумилева в 5-м Гусарском полку неожиданно. Необходимостью временно пристроить офицеров в связи с переформированием полка был вызван приказ № 24 от 23.01.1917: прапорщик Гумилев прикомандировывался к корпусному интенданту 28 корпуса для закупки сена частям дивизии. По распряжении корпусного интенданта Гумилев был направлен в распоряжение 4-го Уланского Харьковского полка полковника барона фон Кнорринга на станцию Турцевичи Николаевской жел. дор. В полк он больше не возвращался» (Соч III. С. 399). Стр. 20-24. — «На его решение покинуть Россию могло повлиять и то, что с декабря 1916 г. 5-й Гусарский полк вошел в состав отдельного отряда генерала Нилова, вместе со 2-ой Особой пехотиой дивизией, готовившейся к отправке во Францию» (Соч III. С. 398-399). Бахтиары — одни из ираиских народов (наряду с пуштунами, таджиками, персами, курдами и т.д.). Об увлечении Гумилева

коллекционированием экзотической живописи в Париже в 1917 г. — см. комментарии к № 169 наст. тома. Стр. 26-31. — О статье Жирмунского см. комментарии к стр. 6-7 № 156 наст. тома. «Мессиада» (Der Messias (1745-1773)) — поэма в гекзаметрах Ф-Г. Клопштока, крупнейший литературный памятник германского пиетизма. Поль Шарль де Кок (Kock, 1793 — 1871), французский писатель, автор более 400 произведений (романы, мелодрамы, комедии, водевили, стихи). Мир Поль де Кока — это мир гризеток, солдат, поселян, среднего городского класса.

159. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 6 февраля 1917 г. — авторская датировка.

Открытка с репродукцией картины Л. Авилова «Гусары смерти в плену», издание журнала «Солнце России». Текст ст-ния написан рядом с картинкой. Штемпель почтового отделения станции Окуловка — 06.02.17.

Стр. 3. — Имеется в виду полковник фон Кнорринга (см. комментарии к стр. 10-12 № 158 наст. тома. Стр. 11-22. — см. № 50 (III) и комментарии к нему.

160. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 9 февраля 1917 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с картинкой «Плантации риса», издание общества св. Евгении. Штемпель почтового отделения станции Окуловка — 09.02.17.

Стр. 3. — Имеется в виду полковник фон Кнорринг (см. комментарии к стр. 10-12 № 158 наст. тома). Очевидно, это разыгралась на фоне трагических событий февраля 1917 г., приведших к краху монархии и установлению в России республиканской формы правления. Стр. 4-5. — См. комментарий к стр. 3 № 161 наст. тома.

161. При жизни не публиковалась. **Печ. по: Московские новости**. 26 января 1997.
Автограф — Архив Тверского областного краеведческого музея.
Дат. 17 февраля 1917 г. — по почтовому штемпелю.

Почтовая открытка. Штемпель почтового отделения станции Окуловка — 17.02.17. Штемпель почтового отделения Подобино Тверской губернии — 20.02.17.

Стр. 3. — 18 февраля 1917 г. на запрос полкового казначея 5-го гусарского полка о местонахождении и обязанностях прапорщика Гумилева временно исполняющий обязанности корпусного интенданта подполковник Гринев ответил: «Прапорщик Гумилев находится <на> станции Окуловка <в> распоряжении подполковни-

ка Сергеева по заготовке фуража для корпуса 3901...» (Исследования и материалы. С. 268). Стр. 5-6. — В полк Гумилев больше не вернулся; упоминание о перспективе попасть в пехотные войска связано с тем, что с 11 января 1917 года шло частичное расформирование 5-го гусарского полка: число эскадронов в нем сокращалось с шести до четырех (см.: Соч III. С. 398).

162. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 22 февраля 1917 г. — авторская датировка.

Открытка с репродукцией акварели Г.И. Нарбута «Св. София», издание журнала «Лукоморье». На открытке напечатаны стихи, зачеркнутые рукой Гумилева:

Сказал таинственный астролог:
«Узнай, султан, свой вещий рок, —
Не вечен будет и не долог
Здесь мусульманской власти срок.
Придет от севера воитель
С священным именем Христа —
Покрыть Софийскую обитель
Изображением креста.

Штемпель почтового отделения Москвы — 23.02.17.
Стр. 2-22. -См. № 51 (III) и комментарии к нему.

163. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 23 февраля 1917 г. — авторская датировка.

Открытка с репродукцией акварели Н. Самокиша «В австрийской деревне» издание журнала «Лукоморье». Штемпель почтового отделения Москвы — 24.02.17.
Стр. 2-22. — См. № 52 (III) и комментарии к нему.

164. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.
Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.
Дат.: 17/30 мая 1917 г. — по почтовому штемпелю..

Шведская фотооткрытка с изображением актера. Штемпель почтового отделения Стокгольма — 30.05.17.

15 мая 1917 г. Гумилев уехал из Петербурга, направляясь на Салоникский фронт. «Уехал из Петрограда с Финляндского вокзала. На вокзале провожала жена. Уезжая, был крайне оживлен, радостно взволнован, весел и доволен тем, что покидает смертельно надоевшую ему обстановку. <...> Военное министерство, выдававшее Н.Г. паспорт, скрыло его военное звание, как обычно делало, отправляя офицеров через нейтральные страны. Н.Г. уехал в качестве корреспондента «Русской воли» <...> От 15 мая до начала июня [1917]. В пути из Петрограда в Лондон. <...> 20 мая приехал в Стокгольм. Осматривает его. 21 мая — в Христианию. 23 мая — в Бергене. В конце мая из Бергена на пароходе уезжает в Лондон» (Труды и дни. С. 272).

Стр. 2-22. — См. № 62 (III) и комментарии к нему.

165. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.

Автограф — РГБ. Ф. 245. К.6. № 20.

Дат.: 23 мая / 5 июня 1917 г. — по почтовому штемпелю.

Открытка с видом Норвегии. Штемпель почтового отделения Бергена — 05.06.17. Штемпель почтового отделения Петрограда — 11.06.17.

166. При жизни не публиковалось. **Печ.по: Соч III**.

Соч III; КРЛ (публ. Р.Д. Тименчика).

Автограф — Архнв Лесмана. В стр. 6 вместо «устанавливаю» ранее было «устраиваю».

Дат.: После 4 / 17 июня 1917 г. — по датировке (реконструкции) Э. Русинко (Исследования и материалы. С. 301).

Стр. 3. — В Лондоне Гумилев пробыл две недели в июне 1917 г. на пути в Париж, куда он добрался к 1 июля 1917 г. Борис Васильевич Анреп (1883-1969) — художник-мозаист, поэт. По его собствеиным словам: «... бросил университет и в 1908 году отправился в Париж, дабы всецело посвятить себя живописи <...> В 1913 году устроил первую выставку своих работ в Лондоне, имевшую большой успех. Как офицер запаса вернулся во время войны в Россию; в 1916 году был командирован в Англию в Русский правительственный комитет, где работал до конца войны. С тех пор исключительно занимался художественными работами, главным образом, в Англии, где они имеются в Национальной галерее, Вестминстерском Соборе, Греческом Соборе и др.» (Императорское училище Правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. С. 372). Анреп был сотрудником «Аполлона». В Лондоне в июле 1917 г. он активно знакомил Гумилева с английскими литераторами и культурными деятелями, а после возвращении поэта в Англию в конце января 1918 г., устроил его на работу в шифровальном отделе Русского Правительственного Комитета. Гумилев, как известно, оставил у Анрепа часть архива, который тот впоследствии передал своему лондонскому знакомому и товарищу по работе во время

Второй мировой войны, литературоведу Г.П.Струве. Вадим Данилович Гарднер (1880—1956) — петербургский поэт (см. № 60 (VII) и комментарии к нему). В феврале 1913 г. он был принят в «Цех поэтов», в том же году печатался в «Гиперборее». В 1916 г. вместе с Б.В. Анрепом он был отправлен на военную службу в Лондон на работу в «Комитете по снабжению союзников оружием», а в апреле 1918 г. — вернулся из Лондона в Мурманск на одном корабле с Гумилевым. В 1921 г. Гарднер сбежал из РСФСР в Финляндию. В эмиграции продолжал писать стихи, умер в Хельсинки. О нем см.: Hellman Ben. An Agressive Imperialist? The Controversy over Nikolaj Gumilev's War Poetry (Appendix: An Unpublished Poem by Vadim Gardner) // Nikolaj Gumilev. 1886-1986. Papers from the Gumilev Centenary Symposium. Berkeley, 1987. Pp. 148-154 (даниое письмо позволяет уточнить, что с Гарднером Гумилев встречался в Лондоне ие только в 1918 г., но и в 1917 г.). О его более раннем общении с Вяч. И. Ивановым см. также: Богомолов Н.А. К биографии В.Д.Гарднера // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 304-310. Бехгофер (Bechofer) Карл Эрик (известен также под фамилией Робертс; 1894—1949) — прозаик, переводчик, журналист, автор многочисленных биографий, романов, путевых записок, был иностранным корреспондентом в Петрограде, где и познакомился в 1915 г. с Гумилевым. С декабря 1914 по ноябрь 1915 г. посылает в редакцию еженедельника «Нью-Эйдж» («The New Age») серию «Писем из России», в одном из которых описывает вечер в петроградском кафе «Бродячая собака», где произошла его встреча с Гумилевым. В июле 1917 г. Бехгофер взял интервью у Гумилева для того же журнала «Нью-Эйдж». В 1921 г., вернувшись в большевистскую Россию, он «посылает в литературное приложение к газете «Таймс» сообщение о судьбе его «двух наиболее близких друзей из молодых русских поэтов» — Городецкого и Гумилева. Это письмо от 13 декабря 1921 г. фактически было первым некрологом Гумилева в западной прессе» (см.: Гумилев в Лондоне: Неизвестное интервью / Публ. Э.Русинко // Исследования и материалы. С. 304-305). Стр. 7. — Курнос (Cournos) Джон (1881-1966) — американский поэт, романист, критик и журналист русского пронсхождения; печатался в «Аполлоне» и «Ниве»; перевел на английский язык произведения Андреева, Белого, Розанова, Сологуба; издал несколько антологий русской поэзии и прозы. В 1917-1918 гг. приезжал в Петроград как член Англо-русской комиссии, встречался с Ахматовой (его стихи вписаны в ее альбом), Сологубом, Ремизовым, Чуковским (см.: Исследования и материалы. С. 303; КРЛ. С. 371). В контексте гумилевских «литературных связей» в Лондоне небезынтересно, что Курнос считался поэтом-имажистом, был близким знакомым Р. Олдингтона, Э. Паунда и др. С. 10. — Анреп познакомился с Ахматовой в 1915 г. и стал одним из главных адресатов ее любовной лирики. В письме к Г.П.Струве от 23 октября 1968 г. он вспоминал об отъезде Гумилева из Лондона в Россию: «Я хотел послать маленький подарок Анне Андреевне. И когда он уже откладывал свой чемодан, передал ему большую редкую серебряную монету Александра Македонского и несколько ярдов шелкового материала для нее. Он театрально отшатнулся и сказал: «Борис Васильевич, как вы

можете это просить, ведь она все-таки моя жена!» Я рассмеялся: «Не принимайте моей просьбы дурно, это просто дружеский жест». Он взял мой подарок, но я не знаю, передал ли он его по назначению, так как я больше ничего об этом не слыхал. С другой стороны, мы, конечно, много раз говорили о стихах А.А. Я запомнил одну фразу его: «Я высоко ценю ее стихи, но понять всю красоту их может только тот, кто понимает глубину ее прекрасной души» (Струве Г.П. Из моего архива // Мосты (Мюнхен). 1970. Кн. 15. С. 410). К концу жизни, по просьбе Г.П.Струве, Анреп также записал свои воспоминания об Ахматовой, под названием «О черном кольце» (впервые, в своде других ценных материалов об Анрепе, в кн.: Ахматова Анна. Сочинения Т. III. Ред. Г.П.Струве, Н.А. Струве, Б.П. Филлипова. Париж, 1983. С. 428-465; перепечатаны с комментариями Р.Д. Тименчика: Ахматова Анна. Десятые годы. М., 1989. С. 191-211). Стр. 10-11. — Леди Оттолин Моррел (Ottoline Morrel, 1873—1938) -покровительница кружка литераторов и художников из т.н. «Bloomsbury Group». По сообщению Э. Русинко: «единокровная сестра Герцога Портлендского, жена либерального члена парламента, леди Моррел была любовницей Бертрана Рассела, конфиденткой Литтона-Стрэчи и близким другом Генри Джеймса, Олдоса Хаксли и Т.С. Элиота. В ее оксфордширской усадьбе «Гарсингтон Мэнор» можно было встретить Д.Х. Лоуренс, У.Б. Йетса, Вирджинию Вулф <...> и других знаменитостей. Анрепа ввел в этот круг его знакомый, художник Генри Лэм...» (Исследования и материалы. С. 300). Собрания в Гарсингтоне стали регулярно проводиться с 1915-1916 г. Гумилев, по-видимому, был у нее вместе с Анрепом, 16—17 июня 1917 г. (см. там же). Стр. 14. - «В India House (на улице Кингсуэй, 36—38) располагались тогда русские военные службы в Лондоне» (КРЛ. С 371). Стр. 20-21. - По предположению Р.Д. Тименчика, Гумилев сопоставляет великого ирландского поэта-символиста Уильяма Батлера Йетса (Yeats, 1865- 1939) с Вяч. И. Ивановым «по признаку интереса к мифотворчеству» (КРЛ. С 371). Гумилев говорил о Йетсе в своем интервью с Бехгофером (см. выше) и перевел пьесу Йетса «Графиня Кэтлин» во время работы во «Всемирной литературе» (см.: ПРП 1990. С. 356). Стр. 21-23. — Гилберт Кит Честертон (1874-1936) в книге «Автобиография» (1936) вспоминал свою беседу с неким русским поэтом-офицером: «Его практическое предложение состояло в том, что только поэтов следует допускать к управлению миром. Он торжественно объявил нам, что и сам он поэт. Я был польщен его любезностью, когда он назначил меня, как собрата-поэта, абсолютным и самодержавным правителем Англии. Подобным образом Д' Аннунцио был возведен на итальянский, а Анатоль Франс — на французский престол. <...> он был уверен в том, что если политикой будут заниматься поэты или, по крайней мере, писатели, они никогда не допустят ошибок и всегда могут найти между собой общий язык» (Исследования и материалы. С. 301-302). О своем знакомстве с Честертоном Гумилев потом сообщал М.Ф. Ларионову (Струве Г.П Из моего архива... С. 406). В июле 1921 г. Гумилев рассказывал Г.В. Адамовичу: «Я четыре года жил в Париже. Андре Жид ввел меня в парижские литературные круги. В Лондоне я провел два вечера с Честертоном. По сравнению с предвоенным Петербургом все

это «чуть-чуть провинция»» (Звено (Париж). 3 октября 1926; цит. по: КРЛ. С. 371). Стр. 24. — О стихах Честертона Гумилев также говорил в своем интервью в «Нью-Эйдж» (см. выше). Между тем, эта сторона творчества Честертона была сравнительно малоизвестна. Но факт написания «совсем хороших» стихов имел для Гумилева принципиальное значение в определении «статуса» писателя: «поэт» был в его глазах художником качественно иным, нежели «прозаик» — в эти определения он вкладывал содержание, восходящее к собственному пониманию «метафизики» творчества. Стр. 25-26. — О возобновлении издательства «Гиперборей» — правда, не в Лондоне, а в Петрограде — см. №№ 170 и 171 наст. тома и комментарии к ним. Стр. 29-30. — Т.е. «дай С.К. Маковскому». «Аполлоновское» прозвище Маковского — «папá Мако» в общении супругов Гумилевых иронически переиначивалось. Р.Д. Тименчик сообщает, что к письму были приложены ст-ния «Стокгольм» и «Природа» («Так вот и вся она, природа...») (№№ 63, 59 (III)) (см.: КРЛ. С. 371). В периодической печати в то время они не появлялись.

167. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Полушин; НП (публ. Р.Д. Тименчика).
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: Конец июня (н. ст.) 1917 г. — по датировке Р.Д. Тименчика (НП. С. 76).

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Петроград. Разъезжая, 8. Редакция журнала «Аполлон». Михаилу Леонидовичу Лозинскому». Кроме адреса на конверте нет никаких пометок и надписей

Стр. 3. — К 1 июля 1917 г. Гумилев был в Париже. Стр. 4-5. - Интервью Карла Бехгофера с Гумилевым опубликовано в еженедельнике «Новый век» («The New Age») 28 июня 1917 г.; перепечатано в русском переводе: Гумилев в Лондоне: Неизвестное интервью / Публ. Э.Русинко // Исследования и материалы. С. 305-309. Стр.6-7. - Р.Д. Тименчик высказывает предположение, что Гумилев имеет в виду Дж. Курноса (НП. С. 77; о Курносе см. № 166 наст. тома и комментарий к нему). Стр. 12-14. — Книга Ахматовой «Белая стая» вышла в свет в октябре 1917 г. (Пг.: Гиперборей); «Камень» О. Мандельштама вышел первым изданием в 1913 г. (СПб.: Акмэ), вторым, переработанным,— в 1916 (Пг.: Гиперборей); третье издание в 1910-е годы не состоялось. Лозинский курировал все «гиперборейские» издания (см. комментарии к № 33 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Стр. 15. — У Н. А. Клюева к этому времени вышли сборники «Братские песни» (1912), «Сосен перезвон» (1912), «Лесные были» (1912, 1913), «Мирские думы» (1916). Стр. 16 — Пьеса «Дитя Аллаха» (№ 5 (V)) печаталась в «Аполлоне» (1917. № 6-7). Этот (последний) номер вышел в свет в марте 1918 г. Стр. 17-18. — Имеются в виду статья В. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (Русская мысль. 1916. № 12) и акмеистические манифесты Гумилева и Городецкого («Наследие символизма и акмеизм», «Некоторые течения в современной русской поэзии»), вошедшие в № 1 «Аполлона» за 1913 г. Стр. 22. — Неточная цитата из

стихотворения Пушкина «Художнику» («Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет»). О специфическом резонансе цитат из Дельвига — и из пушкинских стихов о нем — в интимном акмеистическом кругу см.: Basker M. The Title-Page Conundrums of Osip Mandel'shtam's First Kamen': Baron A.A.Del'vig and the Gumilevs // Slavonic and East European Review. Vol. 83. № 3. 2005. Pp.440-469. Стр. 24. — Имеется в виду В.К. Шилейко. Стр. 27-28. — Папá — С. К. Маковский (см комментарий к стр. 29-30 № 166 наст. тома). К письму приложен первоначальный вариант ст-ния «На Северном море» (см. № 68 (III), комментарии к нему и раздел «Другие редакции и варианты» (С. 254)).

168. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч III -- Полушин; В мире отеч. классики -- Хейт; Новый мир (публ. Э.Г. Герштейн).

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 499. В стр. 19 после «поскорее» ранее было «новые», после «паспорта» ранее было «взамен просроченных на право приезда в Россию». На письме — приписка рукой Ахматовой, адресованная А.И. Гумилевой: «Милая Мама, только что получила твою открытку от 3 ноября. Посылаю тебе Колино последнее письмо. Не сердись на меня за молчание, мне очень тяжело теперь. Получила ли ты мое письмо?

Целую тебя и Леву.

Твоя А н я.»

Дат.: После 13 / 25 октября 1917 г. — по дате получения отношения об утверждении Гумилева в должности офицера для поручений при Комиссаре Временного Правительства Е.И. Раппе (см.: Исследования и материалы. С. 275)..

Стр. 3-4. — «...25 июля Гумилев был оставлен в Париже в распоряжении генерала Занкевича, находясь в составе управления Военного Комиссара. Военным Комиссаром в начале июля был назначен Е.И. Рапп. Через своих парижских друзей Гумилев познакомился с Раппом, и тот предложил ему быть офицером для связи и особенных поручений непосредственно при нем самом. Раппу по штату полагалось иметь при себе одного офицера и писаря. Эту должность Гумилев и занял, вплоть до расформирования русского экспедиционного корпуса после октябрьских событий в России» (Степанов Е.Е. Н. Гумилев. Хроника // Соч III. С. 401). Уже 11 / 24 июля Гумилев «властью Занкевича был назначен в распоряжении Раппа»; 20 июля /2 августа Занкевич сообщил в Главное управление Генерального Штаба о том, что «... прапорщика Гумилева, направляющегося во 2-ю дивизию в Салоники, оставляю в Париже». Однако, только 7 октября 1917 г. назначение Гумилева «в должности офицера для поручений при Комиссаре» было официально подтверждено отношением начальника Политического управления Военного министерства (см.: Поэт и воин / Публ. И.А. Курляндского // Исследования и материалы. С. 272, 275). Стр. 9-10. — Ср. письмо Ахматовой М.Л. Лозинскому от 16 августа 1917 г.: «...Буду ли я в Париже или в Бежецке, эта зима представляется мне одинаково

неприятной. Единственное место, где я дышала вольно, был Петербург. Но с тех пор, как там завели обычай ежемесячно поливать мостовую кровью граждан, и он потерял некоторую часть своей прелести в моих глазах» (Ахматова Анна. Десятые годы. М., 1989. С. 212). Стр. 14-15. — См. комментарии к № 169 наст. тома. Стр. 15-16. — Писано до переворота 25 октября / 7 ноября 1917 г. После смены власти и установления диктатуры большевиков и левых эсеров Ларионов и Гончарова отказались от идеи посещения России и больше туда не возвращались. Стр. 21-22. — Гумилев остановился первоначально на Rue Galilée, в отеле с таким же названием, а в октябре переехал в Hôtel Castille на Rue Cambon, где жили Ларионов и Гончарова. Стр. 24-25. — Евгений Васильевич Аничков (1866-1937) — историк литературы, критик. Как отметил Р.Д. Тименчик: «Друг Вяч. Иванова, он позднее с позиций последнего излагал эволюцию литературных установок Гумилева: « ...<...> Повелась дружеская борьба против Вячеслава Иванова. <...> «Акмеизм» был только шагом назад, упрощенным отказом от трудной задачи, как в этом сознаются, сами того не замечая, его теоретики» (Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 108-109)» (Соч. III. С. 342-343). О знакомстве Гумилева с Н.М. Минским см. № 10 наст. тома и комментарии к нему. Мещерский Борис Алексеевич (ум. в 1957) — выпускник Александровского лицея, художник, участвовавший, вместе с С.Ю. Судейкиным в росписи подвала «Бродячей собаки». «Судейкины» — художник Сергей Юрьевич Судейкин (1884-1946) и его первая жена, актриса Ольга Афанасьевна Глебова (1885-1945), позже воспетая Ахматовой в «Поэме без героя». Трубников Александр Александрович (1883-1966) - искусствовед, прозаик (под псевдонимом «Андрей Трофимов»), сотрудник журнала «Старые годы» и «Аполлон»» (см.: Соч. III. С. 343). Стр. 29. — Galerie Lafayette — парижский пятиэтажный универсальный магазин, с балконами и стеклянным куполом, один из центров европейской моды.

169. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Новое русское слово. 22 июля 1971.**

Новое русское слово. 22 июля 1971 (публ. Г.П. Струве) -- Ustinov Andrey. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and the Poets. Columbus, Ohio, 1993. P. 303 (факсимильное воспроизведение).

Автограф — Архив Струве.

Дат.: Вторая половина 1917 г. — по времени пребывания Гумилева в Париже (см.: Соч III. С. 401-404).

Письмо написано на обороте бланка Hotel de Castille. Paris. Отдельно приписан адресат: «M-re Larionoff». Михаил Федорович Ларионов (1881-1964) — художник-авангардист. С ним и с его женой, художницей Натальей Сергеевной Гончаровой (1881-1962), Гумилев тесно общался в течение всего своего пребывания в Париже, с начала июля 1917 по январь 1918 гг. По сообщению Ларионова в письме Г.П. Струве от 22 ноября 1952 г., «с весны 1915 г. мы (Ларионов и Гончарова — *Ред.*)

живем за границей. В 1916 г. были в Италии — так как я лечился после контузии (на первой 1914-1918 мировой войне) от хронического воспаления почек. В начале лета 1917 г. мы были в Париже <...> Мы с Николаем Степановичем видались каждый день почти до его отъезда в Лондон» (Струве Г.П. Из моего архива // Мосты. Мюнхен, 1970. Кн. 15. С. 404-405). Помимо нереализованных совместных замыслов «дягилевских» спектаклей по сюжетам «Гондлы» и «Отравленной туники» (см. с. 457, 485 т. V наст. изд.), эта парижская дружба нашла отражение в ст-нии Гумилева «Пантум» (№ 108 (III)), его рассказе «Черный генерал» (№17 (VI)), и также в нескольких рисунках и портретах, исполненных как Ларионовым и Гончаровой, так и самим Гумилевым (см. Савельева Г.Т. Иконография Николая Гумилева // Гумилевские чтения 1996. С. 208-212). Особый интерес представляет гумилевский портрет Ларионова с «заумной» стихотворной надписью (об этом см.: Тименчик Роман. Гумилев — Футурист? // Поэзия и живопись: сборник трудов памяти Н.И. Харджиеву. М., 2000. С. 509-511). Взаимоотношения Гумилева с Ларионовым и (в меньшей степени) Гончаровой сравнительно полно освещены в научной литературе: помимо уже указанных работ — и в первую очередь вышеуказанной публикации писем самого Ларионова Г.П.Струве, — см. также: Ustinov Andrey. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev // A Sense of Place. Tsarskoe Selo and its Poets. Columbus, Ohio, 1993. Pp. 297-306; и прекрасное исследование: Parton Anthony. «Gonĕarova and Larionov»: Gumilev's Pantoum to Art // Nikolaj Gumilev. 1886-1986. Papers from the Gumilev Centenary Symposium. Berkeley, 1987 Pp. 225-242. Для датировки и разъяснения крайне лаконичной записки Гумилева Ларионова точных оснований нет. О проживании поэта в Hôtel de Castille также ничего неизвестно.

Стр. 3. — По предположению А. Устинова, упоминание о типографии могло относиться к типографии газеты «Русский солдат-гражданин во Франции», с административными делами которой Гумилев должен был «ознакомиться» по поручению комиссара Раппа. В этой газете он напечатал в ноябре 1917 г. свою рецензию на сборник стихов Н. Алексеева (см.: Ustinov Andrey. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev... С. 304). Посещение Кастелючч могло быть связано с гумилевской коллекцией экзотических картин: М.Ф. Ларионов вспоминает, что в Париже Гумилев «собирал все», что касается восточной поэзии (Жизнь Николая Гумилева. С. 102). О гумилевском увлечении коллекционированием «персидских миниатюр» упоминает и встречавшийся с ним тогда Н.М. Минский (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 170; см. также №№ 48 и 49 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Ср. письмо М.Ф. Ларионову антиквара Туссана (Toussaint) от 25 октября 1917 г.: «Я хотел бы сообщить, для Вашего друга, прапорщика Гумилева, что я имею ему показать несколько новых китайских полотен. Если Вы в настоящий момент свободны, заезжайте с ним» (Ustinov Andrey. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev... С. 300-301, в статье цитируется полностью в французском подлиннике; там же приводится и письмо вдовы Ларионова из архива Струве: «О картинах, книгах и т.д. оставленных Гумилевым, я ничего не

знаю. Мне говорили, что он собирал коллекцию эротического характера. Если таковые или другие, были переданы Ми.<хаилу>Фед.<оровичу>, они находились, вероятно, в ателье, которое мне пришлось в срочном порядке освободить. Я <...> спасала лишь вещи Ларионова и Гончаровой»).

170. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Полушин; НП (публ. Р.Д.Тименчика).
Автограф — Архив Лозинского.
Дат.: 18 июня 1918 г. — по помете о получении.

В верхней части листа написано рукой Гумилева: «Каменноостровский 73 (подъезд налево) (вт. <орая> ост. <ановка> после Карповки). Михаил Леонидович Лозинский».

На записке помета о получении — «18.VI. 1918».

Стр. 3-7. — Просьба Гумилева связана с планом переиздания его книг в издательстве Н.Н. Михайлова «Прометей». «1918. Июнь. Встретив у А.А. Ахматовой ее издателя Михайлова [Гумилев] получил от него предложение поручить ему издание своих книг. Принял предложение и вскоре (во второй половине июня) заключил с Михайловым соглашение на переиздание «Романтических цветов», «Жемчугов», «Чужого неба», «Колчана», «Пути конквистадоров» и на издание сборника переводов (Р. Броунинга и Вьеле Гриффина). Примечание. Из перечисленных книг Михайловым изданы только две: «Романтические цветы» и «Жемчуга». Остальные книги Михайлов, уехав в провинцию, не издал» (Труды и дни. С. 280). «Милым сборником переводов» был, очевидно, том «Эмалей и камей» Т. Готье, подаренный переводчиком-Гумилевым М.Л. Лозинскому 1 марта 1914 г. с надписью:

Как путник, препоясав чресла,
Идет к неведомой стране,
Так ты, усевшись глубже в кресло,
Поправишь на носу пенсне...

И, не пленяясь блеском ложным,
Хоть благосклонный, как всегда,
Движеньем верно-осторожным
Вдруг всунешь в книгу нож... тогда

Стихи великого Тео
Тебя достойны одного.

Впрочем, у Лозинского был и собранный Гумилевым из разных изданий конволют его переводов (также снабженный надписью: «М.Л. Лозинскому, блестящему готьеисту благодарный переводчик») (см.: Платонова-Лозинская И.В. О некоторых

рукописях Н.С. Гумилева в архиве М.Л. Лозинского // Исследования и материалы. С. 355; Соч I. С. 461). «Подательницей» письма, возможно, была И.Е. Кунина, наиболее активное общение поэта с которой приходится именно на это время. Кунину Гумилев знакомил со своим литературным окружением и она сопутствовала ему в деловых визитах (см. ее воспоминания «Моя гумилевская весна» Литературное обозрение. 1991. №9). Стр. 8. — Имеется в виду проект возобновления издательства «Гиперборей», который Гумилев и М.Л. Лозинский стали реализовывать сразу после возвращении поэта из-за границы, в мае 1918 г. «Вместе с М.Л. Лозинским [Гумилев] возобновил деятельность издательства «Гиперборей». Намечены были к изданию следующие книги: И. Анненского «Фамира Кифаред», Н. Гумилева — «Мик», «Фарфоровый павильон», «Костер», «Гильгамеш». Н.Г<умилев> вместе с М.Л. Лозинским приступил к энергичной издательской работе и не прекращал ее до конца года. Примечание. Средств не было никаких, и поэтому было предложено печатать книги в кредит, затем распределить издание между книготорговцами и из поступающих от них сумм оплачивать типографию» (Труды и дни. С. 278). Вполне разумный план в условиях тотального кризиса эпохи «военного коммунизма» был, конечно, утопичен, однако первые намеченные издания осуществить удалось (см. комментарии к № 171 наст. тома).

171. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем), раздельно тексты письма и объявлений -- Полушин (текст письма).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 95. Оп.1. Ед.хр.456 (текст письма); РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед.хр. 63 (текст объявлений).

Дат.: Вторая половина июля — сентябрь 1918 г. — по уточненной датировке Р.Д.Тименчика (см.: ПРП 1990. С. 346).

Выдающийся историк и теоретик искусства, один из идеологов «раннего» русского модернизма, литературный и балетный критик Аким Волынский (настоящее имя — Флексер Хаим Лейбович, 1961-1926) был во второй половине 1910-х гг. связан с Гумилевым, прежде всего, как постоянный сотрудник газеты «Биржевые ведомости». Волынский выступал в этом популярном петербургском издании с 1910 г., сначала — как обозреватель балета, с 1913 г. — как сотрудник отдела литературы, а с 1916 г. — как редактор этого отдела. В «Биржевых ведомостях» Гумилев в 1915-1916 гг. печатал свои «Записки кавалериста» (см. № 16 (VI) и комментарии к ним). Данное письмо (как и предшествующее ему письмо к М.Л. Лозинскому (№ 170 наст. тома) относится к тем первым месяцам по возвращении Гумилева в Россию, когда поэт еще надеялся на возможность благополучного «мирного» существования за счет публикаций произведений, созданных в период зарубежной командировки 1917-1918 гг., а также — за счет переиздания ранних книг. «Летом 1918 года Гумилев уже был в Петербурге. Он приехал с двумя фунтами стерлингов в кармане. Имение его было конфисковано. Дом в

Царском Селе заселен. Но он не растерялся, как не терялся никогда. «Теперь меня должна кормить поэзия», - сказал он мне в одну из наших первых встреч в те дни. Я улыбнулся его самонадеянности: поэзия и во времена более благополучные была плохой «кормилицей». «Может быть и должна. — сказал я, - только вряд ли она тебя прокормит».

Гумилев стал хлопотать. Он добился кредита в какой-то типографии, напечатал свои новые книги — «Костер», «Фарфоровый павильон», переиздал старые — «Романтические цветы», «Колчан», «Чужое небо», и через месяц, встретив меня, он сказал, самодовольно улыбаясь:

— Вот видишь, я живу с молодой женой (он только что женился на А.Н. Энгельгардт), вожу ее в балет, покупаю ей пирожные (высшая роскошь в те дни) и икру, и все это — на доходы с моих книг.

Я его поздравил, но, конечно, все это, т.е. и пирожные и икра, долго не продолжалось: деньги кончились, издавать дальше было нечего» (Иванов III. С. 233). «1918. Осень. Наступает период исключительно тяжелого материального положения. Обремененный большой семьей. Которую впервые должен содержать (мать, жена, сын, частично — брат с женой, сестра, племянник), в условиях военного коммунизма, в голоде и холоде принужден работать не по своим силам. Родные свидетельствуют, что в течение зимы 1918-1919 гг. в холодной комнате с температурой около нуля, работал ночами напролет, что всю зиму ни разу не был сыт, что в погоне за самым ничтожным заработком, переутомлялся до крайности, совершенно не заботясь о своем здоровье. Заработка решительно не хватало. Для поддержания существования семьи продавал свои вещи, начиная с привезенного из-за границы костюма и еще сохранившегося с царскосельской квартиры имущества и книг до всего, что можно было продать. В числе проданных вещей был и Энциклопедический словарь» (Труды и дни. С. 283).

Публикация гумилевских анонсов в «Биржевых ведомостях» не состоялись из-за того, что сама газета, как и прочие «буржуазные издания» вскоре прекратила существование.

Стр. 10-19. — Проект Камерного театра при «Аполлоне» восходит, очевидно, с одной стороны, к театральным экспериментам 1915 г. С.К. Маковского и Ю.Л. Сазоновой-Слонимской, в результате которых возникла гумилевская пьеса для кукольного театра «Дитя Аллаха» (см. № 5 (V) и комментарии к ней). С труппой Мейерхольда Гумилев общался перед войной, летом 1914 г. в Териоках (см. № 135 наст. тома и комментарии к нему). Проект остался неосуществленным. Стр. 20-28. — Об «книгоиздательстве «Гиперборей»» см. комментарии к № 170 наст. тома. Под маркой этого издательства вышли следующие книги Гумилева: поэма «Мик» (28 июня 1918 г.), «Костер» (около 11 июля 1918 г.) и «Фарфоровый павильон» (около 13 июля 1918 г.), каждая книга — тиражом 2000 экземпляров и 30 авторских. «Гильгамеш», вышедший в середине августа и изначально также предполагавшийся к изданию под маркой «Гиперборея» был, из-за отсутствия средств, передан для издания З.И. Гржебину. «Фамира-Кифаред»

вышел вторым изданием (первое — посмертное, вышло в 1913 г. в Москве тиражом в 100 экземпляров) только в 1919 г.; часть экземпляров были помечены маркой «Гиперборея», часть — маркой издательства З.И. Гржебина. Аннонсированная книга Ахматовой, равно как и «Тристан и Изольда» в свет не вышли. Стр. 29-37. — Из перечисленных изданий вышла только «Матрона из Эфеса», причем уже после гибели поэта, в 1923 г. См. об этом начинании Гумилева и Г.И. Гидони комментарии к № 74 (VII). Стр. 38-40. — См. об этом комментарии к № 170 наст. тома.

172. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1992. СПб., 1992 (публ. М.Д. Эльзона).

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 586.

Дат.: Осень 1918 г. — по содержанию.

Малкина Екатерина Романовна (1899-1945) — филолог-классик, переводчик, специалист по русской литературе XX века, в 30-е годы достаточно известный литературный критик. В юности она посещала студию переводчиков при издательстве «Всемирная Литература», где преподавал Гумилев. В это время Е.Р. Малкина входила в кружок «Арион», созданный молодыми поэтами (А.И. Пиотровским, В.А. Рождественским, Д.И. Майзельсом и др.) во второй половине 1918 г.; Гумилев стал по их просьбе руководителем кружка и присутствовал на заседаниях, участвовал в организуемых кружком литературных мероприятиях. Он же был автором рецензии на коллективный стихотворный сборник «Арион» (Пг., 1918) (см. Труды и дни. С. 285; Соч III. С. 408; № 75 (VII) и комментарии к нему). Одной из юношеских филологических работ Е.Р. Малкиной, выполненной уже после гибели поэта, стал библиографический указатель его произведений и литературы о нем, - едва ли не первый в этом роде.

Содержание письма, в какой-то мере дополняет сохранившийся в записях П.Н. Лукницкого его диалог с Ахматовой о месяцах, последующих за ее разводом с Гумилевым (5 августа 1918 г.): «АА сказала, что во время объяснения у Срезневских Николай Степанович сказал: «Значит, я один остаюсь?.. Я не останусь один... Теперь меня женят!»

АА составила «донжуанский» список Николая Степановича. Показывает мне.

До последних лет у Н.С. было много увлечений, но не больше в среднем, чем по одному на год... А в последние годы женских нмен — тьма. И Николай Степанович никого не любил в последние годы. <...>

Я: «В последние годы в нем шахство было...»

АА: «Да, конечно, было... В последние годы — студий, «Звучащих раковин» (поэтический кружок, организованный Гумилевым в 1921 г. — *Ред.*), институтов — у Н.С. целый гарем девушек был... И ни одну из них Н.С. не любил. И были только девушки — женщин не было...»

Я: «Чем это объяснить? Может быть, среди других причин было и чувство некоей безответственности, которым был напоен воздух 20-21 года?

АА: «Это мое упорство так подействовало...<...> Кто к нему теперь проявлял упорство? Я не знаю никого...» (Жизнь поэта. С. 209-210).

Стр. 6. — Имеется в виду либо кондитерская В.П. Вольфа у Полицейского моста на Невском проспекте, либо книжный магазин «Товарищества М.О. Вольфа» — в Гостином Дворе или на Большой Морской улице. Стр. 8. — Исаакиевский собор как место любовного свидания фигурирует и в воспоминаниях О.Н. Арбениной о Гумилеве (см.: Исследования и материалы. С. 429). Стр. 9. — В начале своего существования редакция издательства «Всемирная литература» помещалась в доме на углу Невского и Караванной улицы (Невский, 64/ 11), а затем переехала на ул. Моховую, 64 (напротив Тенишевского училища). Гумилев, очевидно, имеет в виду первый адрес. Стр. 10. — Имеется в виду Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии), которая находится на Университетской набережной Васильевского острова. Ср. воспоминания Арбениной (Указ. соч. С. 450). Стр. 11. — «Тихая гостиница» на Гороховой улице фигурирует и в материалах Лукницкого об истории романа Гумилева и Л.М. Рейснер (см.: Жизнь поэта. С. 190-191). В это время на Гороховой улице было четыре гостиницы: «Биржевая» (д. 14-26), «Европа» (д. 59), «Центральная» (д. 73), «Палермо» (д. 75). Стр. 27-28. — «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Пет. 4. 12-13). Стр. 45. — 31 декабря 1918 г. Гумилев участвовал в маскараде, организованном кружком «Арион» (см.: Труды и дни. С. 285).

173. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Автограф — ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 340.

Дат.: 4 февраля 1919 г. — по штампу издательства «Всемирная литература».

Листок из карманного альбома с штампом: «Издательство «Всемирная литература». 4 февр. <аля> 1919. № 35. Отпущено». Текст записки написан не рукой Гумилева. Подпись Гумилева.

Тихонов Александр Николаевич (псевдоним А. Серебров, 1880-1956) — писатель, издательский деятель, руководитель аппарата «Всемирной литературы» (см. комментарии к № 51 раздела. «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). «1919. Февраль. Открылась студия переводов при издательстве «Всемирная литература». Занятия проходили на Невском пр., 64. [Гумилев] принимает участие в работе студии, присутствует на трех лекциях М.Л. Лозинского, прочитанных 10, 17, 24 (?) февраля. Вскоре, однако, студия была закрыта. <...> Студия в реорганизованном и расширенном виде возобновила свое существование в июне 1919 г. в новом помещении» (Труды и дни. С. 287).

Стр. 4. — Заира - героиня одноименной трагедии Вольтера (1732).

174. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Чуковский К.И. Дневник. 1901-1929. М., 1991.**

Чуковский К.И. Дневник. 1901-1929. М., 1991 (публ. Е.Ц. Чуковской (С. 128)).

Автограф — дневник Чуковского (до 1991 г. находился в семейном архиве Чуковских).

Дат.: 23 ноября 1919 г. — по дате в дневнике Чуковского.

«Я достал Гумилеву через Сазонова дров — получил он него во вр<емя> заседания («Всемирной Литературы» — *Ред.*) такую записку <приводится текст вклеенной в дневник записки>. П.В. — это Петр Владимирович Сазонов, чуть не бывший пристав, который теперь в глазах писателей, художников и пр. — единственный источник света, тепла, красоты. Он состоит заведывающим Хозяйства ГлавАрхива — туда доставили дрова, он взял и распорядился направить их нам — в Дом Искусства» (Чуковский К.И. Дневник. 1901-1929. М., 1991. С. 128). Об остроте «дровяной проблемы» в голодном и холодном Петрограде эпохи «военного коммунизма» свидетельствуют и два экспромта Гумилева, написанные тогда же на эту же тему (см. №№ 36, 37 (IV) и комментарии к ним).

175. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) --Полушин.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед.хр. 26.

Дат.: Осень (октябрь?) 1919 г. — по содержанию

Арбенина Ольга Николаевна (1897-1980) — актриса и художница. Родилась в Петербурге, в семье артиста Н.Ф. Гильдебранта, более известного под сценическим псевдонимом «Арбенин» (его дочь будет впоследствии использовать на художественных выставках свою настоящую «родовую» фамилию в качестве псевдонима). Окончила с золотой медалью петербургскую женскую гимназию Лохвицкой-Скалон, во время учебы в которой подружилась с А.Н. Энгельгард, будущей второй женой Гумилева. Затем продолжила образование на Женских педагогических курсах новых языков, писала стихи и принимала активное участие в литературной жизни Петрограда последних предреволюцонных лет. 14 мая 1916 г. на вечере Брюсова в Тенишевском училище О.Н. Арбенина знакомиться с Гумилевым, который увлекается ей, но скоро охладевает из-за начавшегося тогда же гораздо более глубокого и продолжительного романа с ее подругой — Анной Энгельгардт, завершившегося в августе 1918 г., после возвращения поэта из-за границы, браком. До конца 1919 г. Арбенина, все это время «безответно» влюбленная в Гумилева, не видится с ним из-за ревности бывшей подруги. В это время она завершает курсы «Актдрамы» при Александрийском театре и начинает выступать на сцене. Бурный «роман» между ней и поэтом начинается в январе 1920 г. и длиться весь год, до рождественских праздников, во время которых происходит разрыв. С начала 1921 г. Арбенина становится подругой Ю.И. Юркуна, образовав с ним и М.А. Кузминым богемный

«тройственный союз». В 1923 г. она уходит из театра и начинает работать как «художник-акварелист, живописец, мастер неповторимого колорита, создатель полуреального. Полусказочного мира старинных гасиенд, экзотической природы, видений, навеянных Бальзаком и К. Гисом» (Исследования и материалы. С. 427). Арбенина — адресат стихотворений Гумилева, Мандельштама, Кузмина и автор пространных и весьма откровенных мемуаров о Гумилеве (см.: Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Гумилев / Публикация М.В. Толмачева, примечания Т.Л. Никольской // Исследования и материалы. С. 427-470).

Стр. 3-4. — Очевидно, имеется в виду Институт истории искусств, в котором Гумилев читал лекции осенью 1919 г. Последняя его лекция (о футуристах) состоялась в начале октября (см. Труды и дни. С. 292). Стр. 4-6. — В сентябре 1919 г. Гумилеву удалось перевезти из царскосельского особняка на новую квартиру (ул. Преображенская, 5) свою библиотеку, так что упоминание о «вещах и книгах», которые необходимо «уставить» по местам есть не предлог для романтической встречи, а, по всей вероятности, — призыв на помощь, обращенный к «подруге семьи». А.Н. Энгельгард в это время живет вместе с мужем в Петрограде

176. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Автограф — РГБ. Ф. 620.63.45.

Дат.: До 16 февраля 1920 г. — по содержанию записки.

16 февраля 1920 г. Гумилев вместе с К.И. Чуковским, А.А. Блоком, Е.А. Замятиным и М. Горьким обратился в Госиздат с просьбой «разрешить и поддержать» «издание художественного альманаха». Этот запрос о ссуде на издание (автограф — Государственный Архив Российской Федерации (Москва). Р.395.1.109) был Госиздатом отклонен (см.: Литературная жизнь России. Москва и Петроград. 1917-1922. М., 2005. Т. 1. С. 516). Гумилев (чья подпись стоит первой в данном документе) был, очевидно, инициатором этого неосуществленного издания. Тематика предполагаемой статьи Чуковского связана с их с Гумилевым и Ф.Д. Батюшковым совместной работой над вторым изданием тематического сборника «Принципы художественного перевода», ср. запись в дневнике Чуковского от 30 ноября 1919 г.: «Сижу при огарке и пишу об Иринархе Введенском. Для «Принципов худ. перевода»» (Чуковский К.И. Дневник. 1901-1929. М., 1991. С. 131).

177. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) (с ошибкой)-- Полушин (с ошибкой)-- Жизнь Николая Гумилева (С. 126).

Автограф — РГБ. Ф. 620.63.45.

Дат.: Весна (?) 1920 г. — по датировке К.И. Чуковского (Жизнь Николая Гумилева. С. 126) с уточнением по дневниковой записи о критике Чуковским гумилевской редактуры (19 марта 1920 г. — Чуковский К.И. Дневник. 1901-1929. М., 1991. С. 142).

Стр. 3. — «Абидосская невеста», поэма Д-Г. Байрона, была рекомендована Горьким для издания во «Всемирной Литературе». Гумилев редактировал книгу Байрона «Драмы», вышедшую в этом издательстве в 1922 г. Значение новообразования «предентировать», по всей вероятности, восходит в французскому «pretendre», имеющего значение «домогаться чего-либо»; в сочетании с названием поэмы Байрона это предложение приобретает характер фривольного каламбура (ср. «pretendu (-e) — жених, невеста (разг.) (Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М., 1979. С. 672)). Стр. 5. — Второе издание поэмы «Мик» вышло в 1921 г. Посвящение Чуковскому в нем отсутствует.

178. При жизни не публиковалось. **Печ по автографу.**

Автограф — РГАЛИ Ф.436. Оп.1. № 36. Лл.1-3.

Дат.: 15 марта 1920 г. — авторская датировка.

Письмо вложено в конверт, адресованный: «Здесь Ольге Николаевне Арбениной. Суворовский 39, кв. 4». Штемпели почтовых отделений Петрограда — 16. 3. 20; 17. 3.20.

Письмо относится ко времени «пика» романа Арбениной с Гумилевым (в отсутствие А.Н. Энгельгардт, жившей с января по июнь 1920 г. и с конца июля по май 1921 г. с малолетней дочкой в Бежецке (см. Труды и дни. С. 297)). «Начался 1920 год. Январские морозы. Шел «Маскарад». В одном из антрактов ко мне кто-то пришел и попросил выйти к... Гумилеву. Гумилев никакого отношения к театру не имел! Я ничего не понимала! Я о нем не думала! Но что делать? Я подобрала свой длинный-длинный палевого цвета шлейф (платье было белое, с огромным вырезом), на голове колыхались белые страусовые перья — костюм райский! — и пошла. Он стоял на сцене. Не помню ничего, что он объяснял. <...> Сказал, что надо поговорить со мной. Попросил выйти к нему, когда разденусь. Я согласилась. Пришлось снять наряд прекрасной леди и надеть мое скромное зимнее пальто. Мы пошли «своей» дорогой, т.е. «моя» дорога была теперь и «его» дорога — он жил на Преображенской. Что он говорил не помню. Аня была отослана в Бежецк. Ему надо было прочесть мне новые стихи. «Заблудившийся трамвай». Неужели это переливало через край? Я была, как мертвая, и шла, как овца на заклание. Я говорю сейчас и помню, что у меня не было ни тени кокетства или лукавства. Уговорить зайти к нему домой, с клятвами, что все будет спокойно, было просто. Я «уговорилась» <...> Очень странно, я смотрела на Гумилева с первого дня знакомства как на свою полную собственность. Конечно, я фактически исполняла его желания и ничего от него не требовала, но вот сознание было такое, и думаю, что он это понимал. Я равнодушно относилась к его поездкам в Бежецк, где была его семья, и смотрела на Аню как на случайность. Очень хорошо относилась к сыну — Леве, — о девочке он почти ничего не говорил и вообще никогда не говорил ни одного слова, которое бы мне не понравилось. Я никогда не заметила ни одного взгляда или интонации, которая бы меня обидела. Что это — особая хитрость или так все получалось? <...>

Правда, было состояние, что ртуть покатилась по своему руслу, и, может быть, это было счастьем. <...> Почему он не сказал простых русских слов, вроде «не уходи» или «не бросай меня»? Что это, гордость? Стыд? Отчего можно говорить раболепные слова, когда надо добиться того, чтобы уложить в постель, и не сказать ни слова, чтобы остановить свою женщину? Как он нисколько — ни капли — не верил в *мою* любовь?.. Я думаю теперь, надо было меня избить и бросить на пол, а потом легче было бы ему просить прощения, и я обещала бы ему все, все (и все выполнила!) Вероятно, злая судьба надругалась над нами обоими, и мы оба пошли к своему разрыву, и он — к своей смерти. <...> А я... выпустила из рук — на волю ко всем четырем ветрам — на охоту за другими девушками, на тюрьму, на смерть — своего Гумилева» (Исследования и материалы. С. 440-460).

Стр. 4. — «Шут Тантрис. Драма в 5 действиях» — пьеса Э. Хардта. Ср. в мемуарах Арбениной: «В 1920 г. благодаря халтурам у меня было... 7 пайков. <...> Роли меня мало волновали. Репертуар был средне-интересный. Были неприятности, но в общем меня любили в театре. Актеры, а также техперсонал. Горничные, парикмахеры. Мне давали самые лучшие парики — даже золотые волосы Изольды из «Шута Тантриса»» (Исследования и материалы. С. 440). Стр. 12-73. - № 113 (III). Автограф 3.

179. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 (публ. М. Баскера и Ш. Греем) Полушин; ЛН.

Автограф — РГБ. Ф. 386. 84. 20.

Дат.: Октябрь 1920 г. — по содержанию.

Письмо передано Брюсову лично. Внизу листа рукой Брюсова, написано два адреса:

Серпуховская 7, кв.5. Ник. Авд. Оцуп.

Невский 64, изд. Гржебина. Мих. Леон. Слонимс.

Стр. 5-6. — В 1920 г. Брюсов широко занимался культурно-административной работой: в частности, он заведовал Литературным Отделом Наркомпроса, и с июля 1920 г. возглавил Всероссийский союз поэтов. Стр. 7-8. — О Н.А. Оцупе см. комментарии к № 183 наст. тома. Как указывают Р.Д.Тименчик и Р.Л.Щербаков (ЛН. С. 514), данное письмо может быть датировано на основе воспоминаний Оцупа о том, как он приехал в Москву «совместно с беллетристом С.<лонимским> за отсрочкой по воинской повинности. Издательство «Всемирная литература» снабдило меня и С. <лонимского>рекомендательным письмом Горького к Луначарскому» (Оцуп Н. Современники. Париж, 1961. С. 64). Далее Оцуп рассказывает о том, как во время пребывания в Москве он присутствовал на «Суде над имажинистами», где прокурором выступал В. Брюсов: суд над имажинистами состоялся 4 ноября 1920 г. в Большом зале консерватории (ЛН С. 514). Михаил Леонидович Слонимский (1897 — 1972) — прозаик, член группы «Серапионовы

братья», с 1919 г. работал вместе с Гумилевым в издательстве «Всемирная литература». В 1966 г. Слонимский написал краткие воспоминания о своем знакомстве с Гумилевым (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 155-157). Стр. 9-11. — Возможно, что имеется в виду издательство «Цех поэтов», вскоре выпустивший свой первый альманах «Дракон» (Пг., 1921). Этот альманах стал комплектоваться уже в марте 1920 г. — еще до окончательного оформления «третьего» Цеха поэтов (см.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц. Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 530). В мае 1920 г. в «Доме искусств» Оцуп читал доклад «Перелом в современной поэзии», в котором говорил о необходимости «по-своему» продолжить линию акмеизма, «вечно юную и обновляющуюся» (Жизнь искусства. № 463. 28 мая 1920). Стр. 12-14. — Имеются в виду книги Брюсова: «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. Стихи 1912-19 гг. Со вступ. ст. «Ремесло поэта» (М., 1918) и «Краткий курс науки о стихе. Ч. 1» (М., 1919). «Пособия» Брюсова по русскому стиху, безусловно, вызывали особый интерес Гумилева в то время в связи с его собственными лекциями по теории поэзии, занятиями в литературных студиях, и, прежде всего, его планами по кнниге «Теории интегральной поэзии» (см. ПРП 1990. С.358-360 и комментарии к № 85 (VII)). Ср. полемическое возражение Оцупа Георгию Иванову по поводу неосуществленного «Art poétique» Гумилева (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 195-196).

180. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Жизнь Нжолая Гумилева.**

Жизнь Николая Гумилева -- ПРП -- Соч III.

Автограф — альбом «Чукоккала» (до 1991 г. находился в семейном архиве Чуковских).

Дат.: Первая половина февраля 1921 г. — по датировке П.Н. Лукницкого (Труды и дни. С. 316).

«Как-то на заседание издательства вошел встревоженный А.М. Горький и сообщил, что в зарубежной прессе печатаются злые измышления о задачах и методах нашей работы. Было решено обратиться в одну из иностранных газет с протестом от лица «Всемирной литературы». Написать этот протест было поручено Гумилеву. Автограф протеста, составленного Гумилевым, сохранился в «Чукоккале»» (Чуковский К.И. Воспоминания о Н.С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева. С. 129). Об этом же эпизоде рассказывается и в воспоминаниях члена редколлегии «Всемирной литературы» А.Я. Левинсона: «Помню как сейчас: кто-то принес на заседание редакционной коллегии издательства «Всемирной Литературы» в Петрограде бумажку: копию письма Д.С. Мережковского, напечатанной в парижской газете (в газете «Последние Новости» (Париж) в ноябре 1920 г. (см.: Соч III. С. 337) — *Ред.*). То, что называлось по-советски «коллегией», была группа писателей и ученых, голод-

ных, нищих, бесправных. Отрезанных от читателей, от источников знания, от будущего, рядов которого уже коснулась смерть, писателей, затравленных доносами ренегатов, вяло защищаемых от усиливающегося натиска власти, — и безоговорочно, до конца (от истощения, как Ф.Д. Батюшков, от цинги или от пули) верных литературе и науке. И вот в письме этом для этого пусть фантастического, пусть безнадежного, но высокого, но бескорыстного усилия нашлись лишь два слова: «Бесстыдная спекуляция». Я не забуду этого дня: Гумилев, «железный человек», как прозвал его я в шутку, — так непоколебимо настойчив был он при защите того, что считал достоинством писателя, — был оскорблен смертельно, он хотел отвечать в той же заграничной печати» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 219-220). Комментируя этот фрагмент воспоминаний Левинсона, В. Крейд заметил: «Любопытное совпадение: Мережковский, причиняющий духовное страдание Гумилеву в самом начале его пути (1906) и затем — в самом конце» (Там же. С. 307).

О судьбе гумилевского протеста сообщает П.Н. Лукницкий: «Проект этот обсуждался на заседаниях редакционной коллегии [«Всемирной Литературы»] 18 февраля и 1 марта [1921 г.]. Было постановлено приобщить письмо к делам издательства и никаких опровержений в иностранные газеты не посылать» (Труды и дни. С. 316).

181. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Автограф — РГБ. Ф. 620.63.45.
Дат.: 27 марта 1921 г. — авторская датировка.

Стр. 4. — Правильное название журнала «Дом Искусств» (1920-1921). Стр. 5-6. — Георгий Владимирович Иванов (1894-1958) в последние годы жизни Гумилева входил в «ближайший круг» поэта, являясь, по существу, его заместителем по работе в петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов (см. комментарии к стр. 3 № 182 наст. тома) и играя одну из главных ролей в т.н. «Третьем Цехе поэтов» (см. ниже). Статья, о которой идет речь, называлась «О новых стихах. *Владислав Ходасевич. Путем зерна. Стихи. М., 1920. И-во «Творчество»; Дракон. Альманах стихов. Кн.I. Изд. Цеха поэтов. П., 1921; Анна Ахматова. Подорожник. Стихи. И-во «Петрополис». П., 1921*». Стр. 10-11. — В 1920-1921 гг. вокруг Гумилева объединились молодые поэты Петрограда, провозгласившие себя новым (третьим) «Цехом поэтов» (зима 1920-1921 — см. Труды и дни. С. 313). Отношение к поэтам «Цеха» — Георгию Иванову, Оцупу, Адамовичу, Одоевцевой и др. среди творческой интеллигенции Петрограда было «неоднозначным». Поэтов «Цеха» обвиняли, среди прочего, в «келейности», самоизоляции от современного литературного процесса и в «безыдейности» творчества. Необходимо отметить, что продолжая традиции «дореволюционного» «Цеха поэтов», молодые поэты, окружавшие Гумилева в это время также много работали над формальным совершенством стиха и уделяли много внимания теоретическим вопросам стихосложение (многие из участников «третьего» «Цеха» были слушателями лекций Гумилева по теории поэзии). Тем не менее они не были связаны (как это казалось,

например, Блоку) некоей «формальной» эстетической программой, оставаясь свободными в своем эстетическом самоопределении (как и поэты «первого» «Цеха» не были обязаны следовать собственно «акмеистическим» установкам Гумилева и Городецкого). Стр. 12. — Статья Иванова вышла в № 2 «Дома Искусств» (С. 96-98). Она была написана в традициях критических обзоров журнала «Аполлон» и носила, в какой-то мере «программный» характер, что, если учесть настойчивое желание Гумилева видеть ее опубликованной в кратчайший срок, позволяет предположить активное участие поэта в ее создании. Приведем несколько наиболее характерных выдержек из нее: «Простота стихов Ходасевича таит за собой высшую гармоническую сложность. И его почти разговорная (иногда только чуть-чуть приподнятая) речь действует неотразимо. <...> ...Эта благородная бедность, столь близкая целомудренной музе Баратынского, прекрасна и драгоценна. <...> Ирина Одоевцева тяготеет к бутафории «страшных» баллад... Ее стихи построены как рассказ, но сквозь их внешнюю эпичность всегда пробивается какой-то очень женский лиризм и затаенное, но острое чувство иронии. <...> Всеволод Рождественский находится на перепутьи. Ему предстоит сделать серьезный выбор: или <...> выйти на широкую дорогу истинной поэзии <...> или окончательно примкнуть к лагерю т. наз. «старой школы», <...> к лагерю людей, одинаково чуждых и старой, и новой, и какой бы то ни было школе, ибо само понятие «школы», т.е. дисциплины, знания и движения вперед — им чуждо и ненавистно». Эту статью можно рассматривать как ответ на резкие выпады некоторых поэтов и критиков против Гумилева в связи с выходом первого «цехового» сборника «Дракон». Стр. 13. — В Бежецке в голодные годы «военного коммунизма» жила семья поэта — мать, жена — Анна Николаевна Энгельгардт с маленькой дочерью Леной, и сын Лев. 30 марта 1921 г. в Бежецке состоялся творческий вечер Гумилева на котором он прочел доклад о литературе, статью К.И. Чуковского «Ахматова и Маяковской» и стихи членов третьего «Цеха поэтов». Во втором отделении он читал свои стихи. Аудитория вечера состояла из местных педагогов (см. Труды и дни. С. 318).

182. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991 (публ. В.В. Базанова).
Автограф — ИРЛИ. Ф. 720. Ед.хр.81.
Дат.: 16 июля 1921 г. — авторская датировка.

Сутугина (в замужестве — Кюнер) Вера Александровна (1892-1969) — секретарь издательства «Всемирная Литература» и делопроизводитель Всероссийского Профессионального Союза поэтов. Как указывает В.В. Базанов, речь в записке Гумилева «идет о делопроизводственной документации возглавляемого тогда Гумилевым петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов, о чем свидетельствует содержащаяся на обороте этой записки расписка брата поэта Дмитрия Степановича Гумилева: «Печать, штамп, 7 (семь) билетов и все дела Союза поэтов от В.А. Сутугиной получил. 18. VII. Управдел Союза поэтов Д. Гумилев».

Сохранился в архиве В.А. Сутугиной и тогда же подаренный ей Гумилевым его сборник «Шатер. Стихи 1918 г.» (Севастополь, 1921) со следующей надписью: «Всегда бесконечно любимой Вере Александровне Сутугиной. Н. Гумилев. 22 июля 1921» (Ф. 720. Ед.хр. 43). Это, в сущности, один из самых поздних автографов поэта: буквально через несколько дней, 3 августа, он был арестован и уже больше никому не надписывал своих сборников» (Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С. 322).

Стр. 3. — История Петроградского отделения Всероссийского Профессионального Союза Поэтов, просуществовавшего восемь лет (1920 - 1928) является своеобразной страницей «духовного противостояния» в начале 1920-х гг. «красной» Москвы и оппозиционного ей Петрограда. Идея профессиональных объединений работников искусства (и, в частности, поэтов) была популярной в первые годы советской власти, причем если представители последней видели в таком объединении первый шаг по пути к «организации» творческой интеллигенции под центральным руководством коммунистических идеологов, то большинство самих художников трактовали его как меру, необходимую «для физического и духовного выживания тех, кто если не создавал русскую поэзию в ту пору, то, по крайней мере, ее слышал и, с большим или меньшим успехом, заявлял о себе». (См.: Блок и Союз поэтов. Блок в архиве Вс. А. Рождественского. Предисловие. и публикация М.В. Рождественской. Комментарии Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. М., 1987. С. 684). Петроградское отделение Союза поэтов создавалось по непосредственной «инициативе Москвы» как прямое продолжение «левого» московского поэтического профессионального объединения (которое тогда возглавлял В.Я. Брюсов). В качестве «московского эмиссара» Союза в Петроград прибыла Н.А. Павлович. «У меня сохранилась, - вспоминала она. — копия Протокола № 1 от 4. VII. 1920 г. Общего собрания Петроградского отделения Всероссийского Профессионального Союза Поэтов.

«*Присутствуют*: Блок, Оцуп, Эрберг, Рождественский, Георгий Иванов, Нельдихен, Павлович.

Председатель Блок, *секретарь* Павлович.

Зачитывается протокол заседания инициативной группы по организации Петроградского Отделения Всероссийского Профсоюза Поэтов <...> Постановляется: признав тов.<арищей>, указанных в списке организационной группы, временным Президиумом, назначить вторичное общее собрание, на котором и будет разработан точный план деятельности Союза». <...> Я отвезла в Москву Брюсову протоколы наших собраний; московский Президиум Союза поэтов утвердил состав президиума Петроградского отделения. <...> Председателем был избран Блок, секретарями Рождественский и я, членами президиума были Оцуп, Лозинский, Эрберг, Зоргенфрей. Позднее в президиум вошла и М. М. Шкапская. Председателем хозяйственной комиссии была Н. Грушко» (Жизнь Николая Гумилева. С. 162). Однако, «красный» Союз поэтов в Петрограде не получился: «Сам тон тогдашней

петроградской литературной жизни очень отличался от московского. Если в Москве тон определялся Маяковским, Есениным, Брюсовым, Пастернаком, то здесь — Блоком, Гумилевым, Ахматовой, Лозинским, Кузминым... Чувствовались и разные традиции, уходящие корнями еще в пушкинскую эпоху, и совершенно иной ритм жизни, иной характер взаимоотношений» (Там же). Дальнейшие события в изложении И.В. Одоевцевой развивались так. «Союз Поэтов, как и предполагалось по заданию, был «левым». И это, конечно, не могло нравиться большинству петербургских поэтов. К тому же стало ясно, что Блок, хотя и согласился возглавить Союз поэтов, всю свою власть передаст Надежде Павлович «с присными», настроенными более чем пробольшевистски. Выгод от такого правления петербургским поэтам ждать не приходилось. Гумилев же был полон энергии, рвался в бой, желая развить ураганную деятельность Союза на пользу поэтам. Лагерь Павлович «с присными» был силен и самоуверен. Ведь его поддерживала Москва — и все же ему пришлось потерпеть поражение. Гумилев проявил в этой борьбе чисто макиавелистические способности. Придравшись к тому, что Правление Союза было выбрано без необходимого кворума, некоторые поэты потребовали перевыборов, на что правление легко согласилось, предполагая, что это простая формальность и оно, конечно, останется в своем полном и неизменном составе. Но в гумилевском лагере все было рассчитано и разыграно виртуозно; на перевыборах совершенно неожиданно была выставлена кандидатура Гумилева, который и прошел большинством... одного голоса. Результат перевыборов ошеломил и возмутил прежнее правление.

— Это Пиррова победа, — горячилась Павлович, — мы этого так не оставим. Мы вас в порошок сотрем!

В Москву полетели жалобы. Но вскоре выяснилось — ничего противозаконного в действиях Гумилева «не усматривалось». Все, по заключению экспертов, было проведено так, что и «комар носа не подточит». Хотя Блок нисколько не держался за свое председательство, все же провал не мог не оскорбить его. Но он и вида не показал, что оскорблен. Когда новое правление во главе с председателем Гумилевым и секретарем Георгием Ивановым отправилось к нему с визитом, Блок не только любезно принял его, но нашел нужным «отдать визит», посетив одну из пятниц, устраиваемых Союзом...» (Одоевцева I. С. 119-120).

В архиве П.Н. Лукницкого сохранилось много документов, связанных с деятельность Гумилева на посту председателя петроградского отделения Союза поэтов, свидетельствующих о том, что свое желание «развить ураганную деятельность Союза на пользу поэтам» он выполнил. Союз под руководством Гумилев решал, конечно, прежде всего, трудные «бытовые» проблемы тех лет (продовольственные, жилищные), но был и организацией просветительской, противостоящей «звериному быту» (В.И. Немирович-Данченко) того мрачного времени. «Семейственное» же назначение Д.С. Гумилева на должность «ответственного работника» Союза было, вероятно, одним из последних распоряжений Гумилева в качестве Председателя:

16 июля 1921
N 213
г. Петроград

Сим удостоверяется, что Дмитрий Степанович Гумилев действительно состоит Юрисконсультом и Управляющим финансовой частью Петроградского Отделения Всероссийского Профессионального Союза Поэтов.

Председатель: Н. Гумилев.

На «новой должности» Дмитрий Степанович проработал немного: его здоровье было радикально подорвано тяжкой военной контузией и состояние старшего брата поэта ухудшалось с каждым днем. 1 августа 1921 г. его жена, А.А. Гумилева-Фрейганг увезла мужа к своим родным в Прибалтику, где, в Резекне, в 1922 году он скончался.

183. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Жизнь поэта.**
Жизнь поэта (публ. В.К. и С.П.Лукницких).
Автограф — «Дело» Гумилева.
Дат.: До 3 августа 1921 г. — по местонахождению автографа (изъят при обыске).

Николай Авдеевич Оцуп (1894 — 1958) — поэт, прозаик, литературовед и мемуарист — ученик и друг Гумилева в последние годы его жизни, эмигрировавший во Францию в 1922 г. См. о нем комментарии к № 75 (VII;. С. 525), а также — Аллен Л. «С душой и талантом»: Штрихи к портрету Николая Оцупа // Оцуп Николай. Океан времени: Стихотворения; Дневники в стихах; Статьи и воспоминанья. СПб., 1993. С. 3-24. Н.А. Оцуп познакомился с Гумилевым в начале 1918 г., хотя, как следует из его воспоминаний, он увидел его гораздо раньше, еще мальчиком в Царском Селе. С конца 1918 или начала 1919 г. начинаются их дружеские отношения. Обладавший «деловой хваткой» Оцуп играл заметную роль в организации литературной жизни Петрограда начала конца 1910-х — начала 1920-х годов, был секретарем «гумилевского» Союза поэтов и входил в состав правления «Дома Литераторов». В августе 1921 г. Оцуп вместе с С.Ф. Ольденбургом, А.Л. Волынским, и Н.М. Волковысским безуспешно ходатайствовал у председателя Чека об освобождении Гумилева из-под ареста (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 177-178; ср. Жизнь Николая Гумилева. С. 210-213). Оцуп написал несколько мемуарных очерков о Гумилеве (см. к примеру: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 173-181; 182-199; Жизнь Николая Гумилева. С. 199-203), а также ряд литературно-критических работ, посвященных Гумилеву (напр.: О Н. Гумилеве и классической поэзии // Цех Поэтов. Альманах II-III. Берлин, 1922. С. 111-114), часто упоминал о нем в работах о других (Блоке, Белом, П. Потемкине и др.). В 1952 г. он защитил в Парижском университете в Нантерре докторскую диссертацию о Гумилеве (в переводе на русский язык: Оцуп Николай.

Николай Гумилев. Жизнь и творчество. Спб., 1995), а в 1959 г. выпустил в Париже с большим предисловием «Избранное» Н. Гумилева. На поэтическое творчество Оцупа Гумилев оказывал заметное влияние (см., к примеру: Doherty J. Three Poetic Responses to the Death of Nikolai Gumilev // Slavonica. 3/2. 1996-1997. Pp. 27-48).

Стр. 3-5. — Конфликты «буржуазных» писателей с «новаторами» из Пролеткульта были традиционным «сюжетом» литературной жизни Петрограда тех лет, причем источником этих конфликтов были не только «идейные» расхождения, но и разница в воспитании. Характерная сцена того времени приведена в воспоминаниях И.М. Басалаева: «Уже в двадцатые годы. В теперешнем Доме радио идет Литературный вечер. Появляется Гумилев с новой женой — Анной Николаевной, остроносенькой, недалекой; она с подругой — тоже Анной. <...> Николай Степанович усаживает своих дам с краю прохода, а сам на минутку уходит. В зал входит Садофьев. Огляделся, увидел свободное место рядом с незнакомыми женщинами — плюхнулся. Возвращается Гумилев. «Извините, это место занято!». Садофьев, рывком: «Ну и что?». — «Но извините, я еще раз говорю — место занято!» Садофьев еще громче: «Ну и что ж?» — «Я повторяю, извините, это место занято мной!» — «Наплевать!» — огрызнулся Садофьев. Гумилев не выдержал, и громогласно, на весь зал крикнул: «ослушайте, Садофьев! Если бы Вы не были поэтом, я бы за такие слова дал Вам по физиономии!» Садофьев вскочил и убежал» (Жизнь Николая Гумилева. С. 22). Но, конечно, идеология здесь также играла основную роль: «Илья Садофьев рассказывал мне, - вспоминал М.Л. Слонимский, - что Гумилева спросил кто-то в Студии Пролеткульта о его убеждениях. Гумилев ответил: «Я монархист!». Это тогда сочли за позу» (Там же. С. 156).

Остается добавить, что в страшные дни августа 1921 г. поэт-пролеткультовец Илья Иванович Садофьев вместе с другим представителем Пролеткульта — А.И. Машировым-Самобытником, по своей собственной инициативе, рискуя головой, ходатайствовали за арестованного Гумилева перед И.П. Бакаевым, пытаясь спасти «классово чуждого» поэта от расстрела (см. там же. С. 156).

184. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КРЛ.**
КРЛ (публ. Р.Д. Тименчика)
Автограф — Архив Лесмана.
Дат.: 9 августа 1921 г. — авторская датировка.

На записке отдельно адрес: «Из ДПЗ. Шпалерная, 25, шестое отделение, камера 77, от Н. Гумилева. Здесь. Угол Бассейной и Эртелева пер. Дом литераторов. Хозяйственному комитету».

«Дом литераторов — организация взаимопомощи литераторов в Петрограде (1918-1922). Гумилев входил в Комитет Дома Литераторов, который к моменту написания публикуемой открытки включал в свой состав Н.А. Котляревского (председателя), Вас. И. Немировича-Данченко (товарища председателя), В.А. Азрова, А.В. Амфитеатрова, Б.И. Бентовина, Н.М. Волковысского, А.В. Ганзен, В.И. Ирецкого, А.Е.

Кауфмана, Е.П. Карпова, А.Ф. Кони, В.Б. Петрищева, А.М. Редько, Е.П. Султанову (Леткову), Ф.К. Сологуба. О реакции на сообщение об аресте Гумилева вспоминал А.В. Амфитеатров месяц спустя: «Арест человека, столь исключительно замкнутого в своем искусстве, возбудил в недоумевающем обществе самые разнообразные толки. Тогда шла перерегистрация военных «спецов» — думали, что Гумилев попал в беду, как бывший офицер, который скрывал свое звание. Другие полагали, что он арестован как председатель Клуба поэтов за несоблюдение каких-то формальностей при открытии этого довольно странного учреждения, принявшего к тому же несколько слишком резвый характер. Принадлежности поэта к какому-нибудь заговору никто не воображал» (Сегодня (Рига). 18 сентября 1921) <...> 5 августа 1921 г. был составлен запрос издательства «Всемирная литература» во Всероссийскую чрезвычайную комиссию о Гумилеве» (КРЛ. С. 371-372).

КОММЕНТАРИИ
(ПИСЬМА К Н.С. ГУМИЛЕВУ)

1. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 32). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин; ЛН.

Ответ на письмо Гумилева от 17/30 октября 1906 г. (№ 6 наст. тома). Ответом на это письмо явилось письмо Гумилева от 12/25 ноября 1906 г. (№ 8 наст. тома). Конверт адресован: Франция, Париж Monsieur Nicolas Goumileff, Paris, 68 Bd St Germain, I France.

Я поехал дня на три ... здесь на две недели — Брюсов прибыл в Петербург не позднее 26 октября 1906 г., и вернулся в Москву 6 ноября (см.: Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. С. 223, 227-228).

Я бы выбрал несколько пьес для «Весов» — Брюсов в следующий раз поместил три стихотворения Гумилева в № 7 «Весов» за 1907 (см. комментарий к № 11 наст. тома). Два из них (№№ 52, 53 (I)) были уже посланы ему в предыдущем письме Гумилева (№ 6).

2. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 386. 71. 3). Опубликовано: Неизд 1980 -- Полушин; ЛН.

Ответ на письмо Гумилева от 24 августа / 6 сентября 1907 г. (№ 16 наст. тома). Ответом на это письмо явилось письмо Гумилева от 10/23 сентября 1907 г. (№ 17 наст. тома).

Правда, Вы по политическим убеждениям — правый, ... в нее послали — Ср. письмо Брюсову к А.А. Блоку от 5 октября 1907 г.: «В Москве есть две газеты, которые жаждут Вашего сотрудничества. Первая: «Столичное Утро». Политическое направление — «левее кадетов». Среди ее сотрудников — Д. Мережковский, З. Гиппиус, я. Она ждет от Вас стихов...» (Переписка <Блока> с В.Я. Брюсовым (1903 -1919) / Вст. статья З.Г. Минц и Ю.П. Благоволиной. Публ. и комментарии Ю.П. Благоволиной // Александр Блок. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство. Т.92). Кн. 1. М., 1980. С. 501). К котекстуализации брюсовских оценок см. также его дневниковую запись от июня 1907 г.: «Поездка по Волге. <...> Настроение всех, с кем я встречался, правое, но левее «октябристов»» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 158).

3. Печ. по: Revue des Études slaves. LXXI/1. 1999. P. 161 (публ. Р. Дубровкина). Автограф — РГАЛИ. Ф. 1347. Оп.1.Ед.хр.97.

Связано с письмами Гумилева В.Я. Брюсову от 23 сентября / 6 октября 1907 г. и от 26 сентября / 9 октября 1907 г. (№№ 19 и 20 наст. тома) и является ответом на неизвестное письмо Гумилева от 22 сентября / 5 октября 1907 г. (см. № 19 наст. тома)

Есть некоторое основание предположить, что Гиль, возможно, собирался вступить с Гумилевым в переписку после его возвращения в Россию (см. комментарий к № 42 наст. тома). Однако, как указывает Р. Дубровкин, Гумилев в скором времени перестал разделять высокое мнение Брюсова о французском поэте и неизменный интерес к его творческим достижениям и теориям (прежде всего, «научной поэзии») (см.: Неопубликованное письмо Н. Гумилева. Publ., comment. et notes R.Doubrovkine // Revue des Etudes Slaves. LXXI/1. 1999. P. 160). В будущем, после закрытия «Весов», Гиль также стал одним из заграничных сотрудников «Аполлона».

4. Печ. по автографу письма № 20 наст. тома. Опубликовано: Неизд 1980 -- Полушин; ЛН.

в Вашем стихотворении прелестные образы ... Стихотворения Ваши будут напечатаны — Разного рода солецизмы (в данном случае, переход с (неправильного) единственного числа на множественное) являлись характерной чертой эпистолярного стиля Рябушинского: ср., к примеру, уже упомянутое в комментарии к № 20 наст тома «смешное до трогательности» письмо Рябушинского к Кузмину от 22 августа 1907 г. (Богомолов Н.А. К истории «Золотого руна» // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 60-61). См. также, например, отзыв С.А. Соколова о «безграмотном языке» Рябушинского; и его скептическую оценку способности Рябушинского определять «родственные стремления» в современной ему литературе: «Когда создавалось «Золотое Руно», я не мог не видеть, что Вы не обладаете ни должными знаниями, ни должным литературным опытом, ни достаточной литературной эрудицией, ни даже хотя бы самым смутным уменьем ориентироваться в различных литературных течениях и их оттенках» (Там же. С. 47, 42).

с радостью помещаю Ваше имя ...напечатаны в следующем номере журнала и уже набраны к печати — Несмотря на это сообщение Рябушинского, имя Гумилева в списке сотрудников «Золотого Руна» не появилось, и его ст-ния в журнале не печатались (см. комментарий к № 21 наст. тома). Хотя Гумилев резонно предполагал, что Рябушинский адресовал ему настоящее письмо, уже получив и проигнорировав его же «письмо с извинениями» (см. комментарий к № 20 наст. тома), это «внезапное» невыполнение уже обещанного все-таки также позволяет считать, что Рябушинский по той или иной причине мог получить несохранившееся второе письмо Гумилева только со значительным запозданием, отправив данное письмо незадолго до того.

На днях буду в Париже... повидаться с Вами — Насколько известно, встреча Гумилева с Рябушинским не состоялась.

5. Печ. по: ЛН (см. с. 407-408). Ответ на письмо Гумилева от 13/26 декабря 1907 г. (№ 27 наст. тома). Ответом на это письмо явились письма Гумилева от 25 декабря 1907 / 7 января 1908 г. и от 27 декабря 1907 / 9 января 1908 г. (№№ 29 и 30 наст. тома).

«Образование» № 11 недавно ... очень «похвально» — Имеется в виду отзыв П. Дмитриева в «Журнальном обозрении».

Баронессе О<рвиц>-З.<анетти> — Т.е. стихотворение «Маскарад» (№ 62 (I)).

отмеченные W — мне хотелось... в то или иное издание — Из стихотворений, отмеченных Брюсовым для отдачи «в то или иное издание», только «Волшебная скрипка» (№89 (I)) и «Улыбнулась и вздохнула» («Самоубийство»; № 76 (I)) были опубликованы им. «Мне было грустно» (т.е. «Думы»; № 54 (I)) и «В красном фраке» («Маэстро»; № 83 (I)) были помещены Гумилевым в периодических изданиях после его возвращения в Россию (Весна. 1908. № 2; Образование. 1908. № 7); «От кормы» (т.е. «Помпей у пиратов»; № 83 (I)) вошло в РЦ 1908.

у меня Ваша драма и новелла... — По-видимому, подразумеваются «Шут короля Батиньоля» (см. №№ 7 и 8 наст. тома и комментарий к № 8) и «новелла» «Радости земной любви» (№ 4 (VI)).

6. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 32). Опубликовано: Неизд 1980 -- Полушин; ЛН.

Ответ на письмо Гумилева от 13/26 января 1908 г. (№ 32 наст. тома). Ответом на это письмо явилось письмо Гумилева от 25 января / 7 февраля 1908 г. (№ 34 наст. тома).

Умер мой отец ... расстроило все мои занятия — Отец Брюсова Яков Кузьмич скончался 7 января 1908 г.. Ср. письмо Вяч.И. Иванова к Брюсову от 14 января 1908 г.: «...Я не знавал твоего отца, ни разу не встречался с ним, ты только про него рассказывал; твоя особенная, личная близость с покойным, помимо любви сына, делает для тебя его утрату вдвойне тяжелой...» (Переписка < Брюсова> с Вячеславом Ивановым (1903-1923) / Предисловие и публикация С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов. (Лит. наследство. Т. 85). М., 1976. С. 508).

«Раннее утро» для нас закрылось, ибо в нем изменилась редакция — «В 1908 г. вместо Н.Л. Казецкого редактором-издателем «Ранего утра» стал Н.П. Прединский» (ЛН. С. 466).

Можно ли дать Ваши стихи в «Русский артист» — Никаких стихов Гумилева в «Русском артисте» не появилось.

7. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 32). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин; ЛН. Датируется по дате письма № 41 наст. тома.

Ответ на письмо Гумилева от 12 мая 1908 г. (№ 41 наст. тома). Ответом на это письмо явилось письмо от второй половины мая (между 23 мая и 28 мая — м) (№ 42 наст. тома).

Посылаю Вам корректуру Вашей статьи — Имеется в виду статья «Два Салона. (Société des Artistes Indépendants — Société Nationale des Beaux Arts)» (№ 4 (VII)).

8. Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 123. Оп.1. № 711). Опубликовано - Мельников В.П. Филологическое окружение Н.К. Рериха // Грани эпохи. № 10. 2002.

Настоящее, предельно краткое письмо свидетельствует о уже достаточно доверительных творчески-деловых отношениях Н.К. Рериха с Гумилевым; некоторое представление об их дальнейшем общении дает краткая запись в позднейших воспоминаниях Рериха, относящаяся, по всей видимости, к десятым годам: «Не забуду, как приходил вечерами Гумилев. Как горел он о благе, о совершенствовании. Задумывал поэму о граде Китеже. Толковали о постановке ее. Может быть, он уже начинал ее, но собраны ли все его писания?» (Рерих Н.К. Листы дневника. Т. II. М., 1995. С. 191 (Лист дневника «Во славу», датированный 24 февраля 1944 г.)). По сведениям В.В. Бронгулеева (не знавшего о существовании данного письма), Гумилев и Рерих «по-видимому, долгое время <...> обменивались письмами. К сожалению, архив Рериха, оставшийся в России после отъезда художника в Индию, был полностью уничтожен, а вместе с ним, естественно, и все письма Гумилева. По устному сообщению Л. Горнунга, это произошло в 1957 году. <...> По свидетельству очевидцев, ... была «гора всевозможных документов». <...> Так погибли еще одни бесценные материалы русской культуры» (Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886-1913. М., 1995. С. 347).

Не заглянете ли ко мне по поводу альманаха — По предположению В.П. Мельникова, «Рерих хотел посоветоваться по поводу альманаха, выпускаемого <...> издательством «Шиповник»» Однако Гумилев не участвовал в альманахах «Шиповник», и ни он, ни Рерих, не имели возможности повлиять на «тактику» издания (о восьмом и девятом выпусках альманаха «Шиповник», вышедших в начале 1909 г. и в мае месяце, см.: Келдыш В.А. Альманахи издательства «Шиповник» // Русская литература и журналистики начала XX века. 1905-1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 275, 277-279. См. также письмо П. Потемкина В.Ю. Эльснеру весны 1909 г.: «Ремизов, Толстой, Волошин, Ауслендер, Гумилев, я — все сидим без издателей. Ибо ненавистны не только эсдекам, но и «Шиповнику», самому модернистскую из издательств» (цит. по: Тименчик Р.Д. «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 248-

249)). По-видимому, речь на самом деле идет о каком-то нереализовавшемся замысле самого Рериха. Ср. дневниковую запись М.А. Кузмина, тоже датированную 23 января 1909 г.: «Вяч<еслав> ругал меня, что я гимны хочу отдать в альманах Рериха» (Кузмин М.А. Дневник 1908-1915. СПб., 2005. С. 105). Кузмин, должно быть, имел в виду стихи из цикла «Праздники Пресвятой Богородицы» (7 стихотворений), датированного январем-февралем 1909 г., и напечатанного в первом номере «Острова»; в начале февраля его рукопись находилась у Гумилева (см. № 60 наст. тома).

9. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп.2. Ед.хр.406). Публикуется впервые.

Нет ли у Вас пьесы? Если нет, то не напишите ли коротенькую пьесу — 14 декабря 1908 г. Ремизов написал В.Э. Мейерхольду: «Обращаю Ваше внимание на поэта Гумилева, который может быть полезен делу. <...> Его очень интересует театр, и он всегда готов будет приезжать из Ц<арского> С<ела> в Петербург» (цит. по: Мейерхольдовский сборник. Вып. 2. Мейерхольд и другие. Документы и материалы. М., 2000. С. 286). Под «делом» Ремизов подразумевает замысел театра «Лукоморье», который, по идее Мейерхольда, должен был одновременно представлять собой экспериментальную студию и некий центр, «способный объединить «молодых модернистов», ощущавших себя художественной элитой столицы» (Там же. С. 251). «Группа литераторов, артистов, художников и музыкантов, выступавших под именем «Лукоморье»» состояла из 33 человек, в нее помимо самого режиссера, входили К.А.Сомов, С.А. Ауслендер, М.А. Кузмин, П.П. Потемкин, А.М. Ремизов, А.Н. Толстой, Б.К. Пронин, однако, по признанию Мейерхольда, «в распоряжении исполнителей совершенно не было интересного материала для ближайших постановок» (Там же. С. 266). В начале 1909 г. материальную поддержку театру «Лукоморье» предложил С.К. Маковский, которого Мейерхольд соответственно попросил говорить о «театральном действе <...> в будущем сезоне» на редакционном собрании «Аполлона» 9 мая 1909 г. (Там же. С. 268). Гумилев передал Ремизову свою пьесу «Шут короля Батиньоля», однако эта несохранившаяся гумилевская пьеса, хотя и понравилась Ремизову (см. его следующее письмо — № 10 наст. тома раздела «Письма к Н.С. Гумилеву»), очевидно, не подошла для репертуара «Интимного театра»

10. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп.2. Ед.хр.406). Публикуется впервые. Ответом на это письмо является письмо Гумилева от 9 февраля 1909 г. (№ 60 наст. тома).

А Каменский обманул... журнал отлагается до марта месяца — Имеется в виду поэт и прозаик Василий Васильевич Каменский (1884 - 1961), с 1910 г. ставший одним из организаторов группы кубофутуристов (отзыв Гумилева о его стихах в первом сборнике «Садок Судей» см. № 30 (VII) наст. изд.). Возможно,

что в данном письме речь идет о денежных расчетах, связанных с газетой «Луч света», о которой Ремизов сообщил А. Белому в письме от 5 января 1909 г.: «Тут у нас основывается газета «Луч света» с русскими сотрудниками. <...> Из знакомых участвуют Гумилев Н.С., гр. А.Н. Толстой, я, Блок, Городецкий и Г.И. Чулков. Я бы очень, очень хотел, чтобы Вы дали Ваши стихи русские. Редактор такой есть — Каменский В.В.» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921) / Вст. статья Н.В.Котрелева и З.Г.Минц. Публ. Н.В.Котрелева и Р.Д.Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 346; там же приводятся воспоминания самого Каменского: «В Петербурге возникла ежедневная газета <Е.Х.>Белкова — «Луч света». Меня пригласили реактировать. Я сгруппировал почти всю новую литературу. Предложил сотрудничать Ф. Сологубу, Алексею Ремизову, А. Блоку, Вяч. Иванову, Кузмину, Г. Чулкову, Хлебникову, Гумилеву, Городецкому. На одном из первых редакционных собраний Г. Чулков и Городецкий <...> осудили зло мой образ действий. Я ушел из редакции и газета кончилась»). Вышло всего два номера газеты, от 15 и 22 января 1909 г. До этого, Каменский, проживавший в Петербурге с 1907 г., также редактировал иллюстрированный еженедельный журнал Н.Г. Шебуева «Весна», в котором Гумилев печатал стихи и рассказы, в том числе (Весна. 1908. № 11), упомянутый в настоящем письме рассказ «Лесной Дьявол» (№ 11 (VI)). О работе Каменского в «Весне», а также его встречах в это время с Ремизовым, см.: Каменский Василий Танго с коровами. Степан Разин. Звучаль Веснеянки. Путь энтузиаста. М., 1990. С. 428-434, 441.

О Вас есть несколько строчек и очень хороших в №1 Весов — Имеется в виду статья Ptyx [Б.Садовской] «Обзор русских журналов за июнь-декабрь 1908». В № 1 «Весов» за 1909 г. также появился рассказ Ремизова «Жертва» (Весы. 1909. № 1. С. 42-56), помещение которого «в органе, резко враждебном всему, что исповедует «З<олотое> Руно» (в котором Ремизов до этого часто печатался) вызвало резкий, «принципиальный» протест «руководителей» «Золотого Руна», нашедший выражение в двух письмах секретаря редакции Г.Э. Тастевена. (см.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 344-346; Валерий Брюсов и его корреспонденты. Лит. наследство. Т.98. Кн. 2. М., 1994. С. 205-206).

Это для вятского вечера ... будет или 7 или 25 марта — Этот литературный вечер скорее всего, не состоялся (по крайней мере — не состоялся в указанном составе). 7 марта 1909 г. Гумилев и Волошин, вместе с Брюсовым и И. Грабарем, были на обеде у С.К. Маковского, а с 22 по 26 марта Волошин был в Москве (см.: Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877-1916. СПб., 2002. С. 218, 219-220). Упомянутый Ремизовым поэт, переводчик, историк литературы Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) был со второй половины 1908 г., по определению О.А.Дешарт, «обитателем... мансард (на башне Иванова — *Ред.*) <...> , любимейший друг В.И.<ванова>, человек блаженный, не от мира сего, и вдруг невероятно, пронзительно

зоркий, знаток просодии, умный поэт» (Иванов В. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель, 1974. С. 824). Гумилев уже в декабре 1908 г. рецензировал сборник Верховского «Разные стихотворения» (№ 12 (VII)), а в марте 1909 г. Ремизов причислил его к потенциальным сотрудникам журнала «Остров» (см. комментарий к № 63 наст. тома). Гумилев, должно быть, часто встречался с ним в «Академии стиха» и «Обществе ревнителей художественного слова», но при возникновении акмеизма Верховский всецело принял сторону Иванова, и их пути разошлись; более подробно о нем и его отношениях с Гумилевым см. комментарий к № 12 (VII) наст. изд.

Пьесу я собираюсь устроить у Комиссаржевской — Тесные творческие связи Ремизова с театром Веры Федоровны Коммиссаржевской (1864-1910) восходили к 1908 г.: «На Варварин день 1908 г. на театре В.Ф. Коммисаржевской играли мое «Бесовское действо» <...> Режиссер В.В. Комиссаржевский — его первая постановка — встречен аплодисментами, М.В. Добужинский — его первые декорации — встречи восторженные, а я под дождь свистков слышу сквозь неистово хлопают: «Балаган!» «Бесовское действо» было вызовом, наперекор погоне за утонченностью петербургских эстетов.» «За «Бесовское действо» она наградила меня лавровым венком, стоил 80 рублей...» (Ремизов А.М. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 15, 174). В контексте этих театральных пристрастий Ремизова упоминается и Гумилев: «...«Бесовское действо» — весь мой театр и с русалиями пролетел! Кто знает или хоть бы слышал о «Бесовском действе»? И никого-то из свидетелей не осталось: Блок, Андрей Белый, Кузмин, Сологуб, Гумилев, Розанов, Щеголев, Волынский <...> Брюсов, Гершензон, все на том свете! Но разве моя театральная страсть из-за неудач или моего неуменья могла погаснуть? И я не существую?» (Там же. С. 187)). В.Ф. Коммисаржевская скончалась от черной оспы 10 февраля 1910 г., так что намерение Ремизова «устроить» «Шута короля Батиньоля» у нее, видимо, не осуществилось.

11. Печ. по: Кобриинский А.А. Николай Гумилев — секундант Волошиина (несостоявшаяся дуэль как предыстория состоявшейся) // Гумилевские чтеиия 2006. СПб., 2006 (публикация). Автограф — ИРЛИ. Ф. 562. Оп.3. № 36.

Письмо вызвано конфликтом Волошина с мужем его близкой знакомой по Коктебелю учительнице Александре Иосифовне Орловой (урожд. Бедункевич). Александра Иосифовна давно дружила с матерью Волошина, а в Максимилиана Александровича была долгое время влюблена. Убедившись в бесперспективности своего чувства, она вышла замуж за Константина Ивановича Лукьянчикова. Волошин, продолжая обращаться в письмах к ней к ней свободно — как к своей доброй подруге, спровоцировал резкие выпады Лукьянчикова, грубо оскорбившего как самого поэта, так и его мать. Волошин попытался вызвать обидчика на дуэль, но после вмешательства самой А.И. Орловой, умолявшей предать дело забвению и не допустить поединка, вынужден был отказаться от этого намеренья (см. следующее письмо —

№ 12 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). Данное письмо интересно как «пролог» к будущему дуэльному инциденту Волошина с его нынешним «секундантом» — Гумилевым (см. комментарии к № 66 наст. тома).

в прилагаемом открытом письме — В открытке, посланной Е.О. Кириенко-Волошиной К.И. Лукьянчиков писал:

Глазовская, д.15, кв.18.

Милостивая государыня!

Елена Оттобальдовна, прошу прекратить посещения моей семьи и посоветовать Вашему сыну (*как мать*) не посылать писем чужой жене с гнусными предложениями.

Известный К. Лукьянчиков.

(ИРЛИ. Ф. 562. Оп.5. № 314. Л.1-1об).

12. Печ. по: Кобринский А.А. Николай Гумилев — секундант Волошина (несостоявшаяся дуэль как предыстория состоявшейся) // Гумилевские чтения 2006. СПб., 2006 (публикация). Автограф — ИРЛИ. Ф. 562. Оп.3. № 36.

См. № 11 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома и комментарии к нему.

13. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 386. 71. 3). Опубликовано: Неизд 1980 - - Полушин; ЛН.

Письмо находилось в конверте (ныне утраченном), адресованном: «Е.В.Б. Николаю Степановичу Гумилеву. Гост. Славянский базар № 100 (Никольская). От В.Я. Брюсова» (копия адреса снята П.Н. Лукницким).

Гумилев заходил к Брюсову в Москве по пути из Петербурга в Коктебель, куда он ехал к Волошину вместе с Е.И. Дмитриевой (см. № 65 наст. тома, и комментарий к № 66). По сообщению П.Н. Лукницкого: «Вместе с Е.И. Дмитриевой остановился на один день в Москве (в гостинице «Славянский Базар», No 100, на Никольской улице)» (Труды и дни. С.192). Согласно рассказу А.А. Ахматовой, записанному П.Н. Лукницким 5 апреля 1926 г.: «встреча Брюсова с Гумилевым и Дмитриевой состоялась в кафе. Речь шла о сонетах. Брюсов очень хвалил сонеты П.Д. Бутурлина, книгу которого Гумилев купил сразу же после встречи и подарил Дмитриевой с надписью: «Лиле по указанию Брюсова» (см.: ЛН. С. 494).

14. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп.2. Ед.хр.406). Публикуется впервые.

Адрес на обороте открытки: «Е.в.род. Николая Степановичу Гумилеву. Бульварная ул., д. Георгиевского. Царское Село».

брат тех Бурлюков... нуждается в руководителе — Имеется в виду брат известных футуристов Николай Давидович Бурлюк (1890-1920?), который в 1909 г. окончил Херсонскую гимназию, а в 1909-1914 гг. учился на историко-филологическом и физико-математическом факультетах Петербургского университета. Впечатление о знакомстве с ним в следующем, 1910 г., передает его друг Бенедикт Лившиц: «Застенчивый, красневший при каждом обращении к нему, еще больше, когда ему самому приходилось высказываться, он отличался крайней незлобивостью, сносил молча обиды, и за это братья насмешливо называли его Христом. Он только недавно начал писать, но был подлинный поэт, то есть имел свой собственный, неповторимый мир, не укладывавшийся в его рахитичные стихи, но несомненно существовавший. При всей своей мягкости и ласковости, от головы до ног обволакивающих собеседника, Николай был человек убежденный, верный своему внутреннему опыту...» (Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Нью-Йорк, 1978. С. 13). Н.Д. Бурлюк участвовал во многих футуристических изданиях и выступлениях, но так и не выпустил собственного сборника стихов. Гумилев в начале 1913 г. выделял его стихи, наряду с хлебниковскими, как «самые интересные и сильные» во втором сборнике кубофутуристов «Садок Судей» (см. № 61 (VII)). Вскоре после этого вышел футуристический манифест «Идите к черту» («...выползала свора Адамов с пробором — Гумилев, С. Маковский, С. Городецкий, Пяст, попробовавшая прицепить вывеску акмеизма и аполлонизма на потускневшие песни о тульских самоварах и игрушечных львах... <...> Сегодня мы выплевываем навязшее на наших губах прошлое...» и т.д.), вызвавший личную обиду Гумилева, прервавшего отношения с «будетлянами». Однако, Н.Д. Бурлюк не подписал этот манифест, «резонно заявив, что нельзя даже метафорически посылать к черту людей, которым через час будешь пожимать руку» (Лифшиц Б. Указ. соч. С. 131), и Гумилев «сделал исключение» для «студента первокурсника»: «...с ним он поддерживал знакомство и охотно допускал его к версификационным забавам «Цеха», происходившим иногда в подвале (т.е. в «Бродячей Собаке» — *Ред.*)» (Там же. С. 181). В 1909 г., когда было написано настоящее письмо, футуристические манифесты были еще впереди, но старшие братья Н.Д. Бурлюка, поэт и художник Давид (1882-1967) — по определению В. Шкловского будущий «гениальный организатор футуристов» — и художник Владимир (1888-1917) входили в группу художников под тавтологическим названием «Венок — Стефанос». Выставки «Венка» проводились в разных городах, в том числе в Петербурге в марте 1908 и марте 1909 гг.: о выставке 1908 г. как об открытии новаторских явлений в искусстве, см. рецензию М. Волошина: «Русская живопись в 1908 г. «Венок»» (Русь. 29 марта 1908. № 88).

В объявлениях журнала «Аполлон» в числе сотрудников я не нахожу своего имени — Ср. письмо Ремизова А. Белому от 24 мая 1910 г.: «...В «Аполлоне» меня под благовидным предлогом не принимают, да и жизни «Аполлону» написан срок. И я в воздухе между Аполлоном-Мусагетом, Речью и К° и твердынями русского просвещения» (цит. по: Переписка В.И. Иванова и А.М.Ремизова / Вст. статья , прим. и подготовка писем Ремизова А.М. Грачевой; подготовка писем Вяч. Иванова О.А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 115).

Жизнь свою понемногу налаживаю: по часам распределил занятия и прогулку — Затянувшиеся неприятности, возникшие в связи с «делом о плагиате» (см.: Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. ... С. 113), значительно расстроили жизнь Ремизова, приведя к обострению язвенной болезни, которой он страдал с 1908 г. В 1909-1911 гг. он должен был соблюдать особый распорядок дня и лечебную диету, во многом затруднявшие его общение с друзьями (Там же. С. 117).

Так с Божьей помощью примусь и за рассказ — Возможно, что Ремизов имеет в виду рассказ «Неуемный бубен», над которым он работал в конце 1909 г. 11 февраля 1910 г. он читал этот рассказ перед «синедрионом «Аполлона»» (Маковский, Вяч. Иванов, Зелинский, Кузмин, Ауслендер, Зноско-Боровский и др.), но «синедрион», хотя и «одобрил» услышанное, но к печати рассказ не принял: «С.К.Маковский, возвращая рукопись, мне объяснил на петербургском обезьяньем диалекте: по размерам не подходит, у них нету места, печатается большая повесть Ауслендера» (Ремизов А.М. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 31-33).

15. Печ. по автографу (РНБ. Ф. 248. № 221). Опубликовано: Панорама искусств. 1988. № 11 -- Ustinov Andrey. Two Letters of Count Vasily Komarovsky // A Sense of Place. Tsarskoe Selo and its Poets. Columbus, Ohio, 1993. P. 287.

Дмитрий Николаевич Кардовский (1866-1943) — художник, иллюстратор, сценограф; инициатор образоваиия Нового Общества Художников в Петербурге в конце 1903 г.; преподаватель, а с 1915 г. — профессор Петербургской Академии художеств. В 1907 г., Кардовские поселились в Царском Селе, в доме Белозерова по Конюшенной ул., 35, куда в том же году переехали Гумилевы, и где они познакомились с Н.С. Гумилевым по его возвращении из Парижа весной 1908 г. (см. комментарии к №№ 13, 42 наст. тома). Воспоминания о Гумилеве оставили жена Д.Н. Кардовского, художница О.Л. Делла-Вос-Кардовская, и их дочь, Е.Д. Кардовская (Жизнь Николая Гумилева. С. 30-34; 34-40). В данном письме речь идет об обложке Ж 1910, автором которого являлся Д.Н. Кардовский. «Пестрая обложка книги» неоднократно привлекала на себя внимание рецензентов («...на обложке — восточный человек, пантеры, бесконечные нити жемчуга...») Цветное воспроизведение обложки см. в кн.: Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004 (между с. 384 и 385).

Лучше я отправлю его послезавтра — один день разницы не сделает — «Жемчуга» были выпущены издательством «Скорпион» только в апреле следующего, 1910 г. (см. комментарии к № 86 наст. тома).

16. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 453. К.1. Ед.хр. 16). Публикуется впервые. Датируется по архивной помете: «Нач. 1910-х».

Эрик Федорович Голлербах (1895-1942 (?), умер в эвакуации) родился 23 марта 1895 г. в Царском Селе. После обучения в реальном училище закончил

Петербургский университет, затем работал научным сотрудником Русского музея, заведующим художественным отделом Госиздата, сотрудничал в институте книговедения, был председателем Ленинградского общества библиофилов. Известностью пользовались его книга о Царском Селе «Город Муз» (в которой выведены апокрифические образы Гумилева и Ахматовой) и его работы по вопросам философии и эстетики. В 1919 г. вышел сборник его стихов «Чары и таинства», прошедший незамеченным. Второй сборник — «Портреты» (1926) был интересен не столько художественными достоинствами, сколько «мемуарным» содержанием: в нем были собраны «поэтические портреты» многочисленных «литературных знакомых» Голлербаха, в том числе «портрет» Гумилева (который сам поэт, по словам автора, находил «очень похожим»):

Не знаю, кто ты — набожный эстет
Или дикарь, в пиджак переодетый?
Под звук органа или кастаньет
Слагаешь ты канцоны и сонеты?
Что, если вдруг, приняв Неву за Ганг,
Ты на фелуке уплывешь скользящей
Или метнешь свистящий бумеранг
В аэроплан, над городом парящий?
Тебе сродни изысканный жираф,
Гиппопотам медлительный и важный,
И в чаще трав таящийся удав,
И носорог свирепый и отважный.
Они нашли участье и приют
В твоих стихах, узорных и чеканных,
И мандрагоры дышат и цветут
В созвучьях одурманенных и странных.
Но в голосе зловещем и хмельном,
В буддоподобных очертаньях лика
Сокрытая тоска о неземном
Глядит на нас растерянно и дико.
И как порыв к иному бытию,
Как зов нетленный в темном мире тленья,
Сияют в экзотическом раю
Анжелико безгрешные виденья,
И перед ними ниц склонясь, поэт
На каменном полу кладет поклоны,
Сливая серых глаз холодный свет
С холодноватым сумраком иконы.

«Мои первые воспоминания о Николае Степановиче относятся к той поре, когда он был учеником Царскосельской Николаевской гимназии, а я учеником Реального училища в том же Царском Селе. Вернее, от этого времени у меня сохранились не воспоминания, а мимолетные и смутные впечатления, - лично знакомы мы тогда не были. Он уже кончал гимназию, имел вполне «взрослое» обличье, носил усики, франтил, - я же был еще малышом. Гумилев отличался от своих товарищей определенными литературными симпатиями, писал стихи, много читал. В остальном он поддерживал славные традиции лихих гимназистов — прежде всего усердно ухаживал за барышнями. Живо представляю себе Гумилева, стоящего у подъезда Мариинской женской гимназии, откуда гурьбой выбегают в половине третьего розовощекие хохотушки, и «напевающего» своим особенным голосом: «Пойдемте в парк, погуляем, поболтаем»» (Голлербах Э.Ф. Н.С. Гумилев // Исследования и материалы. С. 579).

Публикуемая записка относится к более позднему, «университетскому» периоду в жизни Голлербаха; впрочем его непосредственное общение с Гумилевым началось только в послереволюционные годы. Голлербаху принадлежит очерк о творчестве поэта, написанный к 15-ти летию его литературной деятельности (Вестник литературы. 1920. № 11). К сожалению, их отношения в последние месяцы жизни Гумилева омрачил нелепый скандал вокруг рецензии Голлербаха на альманах «Цеха поэтов» «Дракон» (см. №№ 56, 57 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома и комментарии к ним).

17. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 32). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин; ЛН.

Ответ на письмо Гумилева от 25 марта 1910 г. (№ 86 наст. тома). Ответом (?) на это письмо явилось письмо Гумилева от 21 апреля 1910 г. (№ 87 наст. тома). Открытка с репродукцией: Eyck, Hubrt et Jean Van — Adam et Eve. Musée de Bruxelles, адресованная «Николаю Степановичу Гумилеву. Царское Село. Бульварная. д. Георгиневского».

Н. Лернер — Николай Осипович Лернер (1877-1934) — критик, литературовед, пушкинист; сотрудник множества журналов, в т.ч. и «Весов». О скептическом («недолюбливал») отношении к нему Гумилева в более поздние годы см.: Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. Paris, 1991. С. 249.

18. Печ. по автографу (ИРЛИ. Р.I. Оп.5. Ед.хр.505). Публикуется впервые. Дат.: Лето 1910 г. — по содержанию.

Жан Шюзевиль — французский поэт, критик, переводчик, с которым Гумилев встречался несколько раз в Париже в 1910 г. Возможно, что их знакомство осуществилось через Брюсова, который сам познакомился с Шюзевилем в Париже в 1908

или 1909 г. (см.: Динесман Т.Г. Предисловие к французской «Антологии русских поэтов» // Валерий Брюсов. Литературное наследство. Т. 86. М., 1976. С. 200).

В настоящем письме речь идет о подготовительной работе к «Антологии русских поэтов», составленной и переведенной на французский язык Шюзевилем. «Антология» вышла в свет, с предисловием Брюсова в декабре 1913 г. Гумилев рецензировал ее в № 5 «Аполлона» за 1914 г. (см. № 65 (VII) и комментарии к нему). В «Антологию» вошли переводы стихов Гумилева «Попугай», «Камень», «Основатели» и цикл «Озеро Чад» (№№ 151, 104, 101, 81, 93, 95 (I)), со вступительной заметкой Шюзевиля, основанной, как и эта подборка, исключительно на Ж 1910. Если предположить, что Гумилев вручил Шюзевилю экземпляр своей книги в Париже в мае, то в настоящем письме, очевидно, речь идет о предоставлении для перевода русских текстов других авторов. Иначе говоря, Гумилев (не исключено, опять-таки, что по рекомендации Брюсова) мог принимать некоторое участие в предварительном выборе текстов для «Антологии».

19. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп.2. Ед.хр.203). Опубликовано: ЛН.

Ответом на это письмо (после возникшей паузы в переписке) стало письмо Гумилева от 2 сентября 1910 г. (№ 89 наст. тома).

Я не писал Вам давно ... пересказывать которые не было бы интересно — В августе 1910 г. Брюсов переезжал с Цветного бульвара на 1-ую Мещанскую улицу. «С 1910 года в жизни поэта начинается «кабинетный период» — он уходит от журнальной полемики, кружковых выступлений, манифестов о новом искусстве и погружается в свой любимый книжный мир» (Мочульский К.В. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М., 1997. С. 427).

Ибо в этом году мне придется в Петербурге бывать неоднократно — Осенью и зимой 1910 г. Брюсов в Петербург не выезжал.

20. Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 444. № 37). Опубликовано: Неизд 1980 -- Полушин; ЛН.

Ответ на письмо Гумилева от 24 мая 1911 г. (№ 96 наст. тома). Ответа от Гумилева на это письмо не последовало (не сохранилось?).

в одном месте дактилические рифмы заменены женскими - Брюсов подразумевает ст. 10-11 ст-ния «Из логова змиева» (№ 16 (II)), напечатанного в Русской мысли (1911 № 7) с сохранением этой женской рифмы.

Читал Ваше письмо о поэзии и в большинстве с Вашими отзывами согласен — Брюсов имеет в виду вторую часть № 30 (VII) (ст. 113-280), опубликованную в майской книжке «Аполлона».

Более меня тревожит, что он пишет и в «Сатириконе» и (кажется) в «Синем Журнале» — «Замечание Брюсова относится к стихам Эренбурга, появившимся в печати после его первой поездки в Италию весной 1911 г. Итальянские

впечатления отразились во многих стихах, которые Эренбург активно рассылал по редакциям петербургских и московских журналов <...> В «Синем журнале» Эренбург не печатался» (Переписка <Брюсова> с И.Г. Эренбургом (1910 -1916) / Вст. статья, публ. и комментарии Б.Я.Фрезинского // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая. (Литературное наследство. Т. 98). М., 1994. С. 516). «Не исключено, что Брюсов своим упреком косвенно предостерегал Гумилева, друзья которого (в частности, П. Потемкин) публиковались в <«Синем журнале»>» (ЛН С. 504). Сам Гумилев поместил в этом петербургском еженедельнике от 23 апреля 1911 г. публикацию по привезенной им из Абиссинии «редкой коллекции картин».

21. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 32). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин; ЛН.

Ответ на письмо Гумилева от 15 ноября 1911 г. (№ 109 наст. тома).

Спасибо за присланные стихи... Сообщу Вам об этом на днях — Имеются в виду ст-ния «Я верил, я думал...», «Туркестанские генералы» и «Освобождение» (№№ 62, 65, 64 (II) — см. № 109 наст. тома и комментарии к нему). Брюсов напечатал оба названные им ст-ния в январе 1911 г.

22. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп.2. Ед. хр. 406). Публикуется впервые.

Серафима Павловна все еще не на ногах...— Жена писателя, С.П. Ремизова-Довгелло имела серьезные проблемы с здоровьем с того самого «холерного» 1909 г., о котором упомянуто в письме: ср. ее письмо Вяч. Иванову от 24 января 1909 г, написанное рукой А.М. Ремизова: «... была только что у Манасенна. <...> Говорит, что может быть рожистое воспаление на правой руке. И я должна пойти к нему во вторник непременно. Он будет спасать мою руку. Рукой совсем двигать нельзя, поэтому и писать не могу...» (цит. по: Переписка В.И. Иванова и А.М. Ремизова / Вст. статья , прим. и подготовка писем Ремизова А.М. Грачевой; подготовка писем Вяч. Иванова О.А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 112).

выйдут VI и VII т. <ома>... — В 1910-1912 гг. выходило восьмитомное Собрание сочинений Ремизова, работа над которым и обозначена им как «корректурная страда».

23. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2571. Оп.1. Ед. хр. 517). Публикуется впервые.

Ответ на письмо Гумилева конца марта-начала апреля 1912 г. (№ 111 наст. тома). Ответа на это письмо не последовало, но оно упоминается в письме Гумилева

от 28 августа 1912 г. (№ 117 наст. тома). Дат.: Конец марта-начало апреля 1912 г. — по времени отъезда Гумилевых в Италию.

Познакомился с композитором Гартевельдом... - Гартевельд Вильгельм Наполеонович (1862-1927) — композитор и путешественник, автор оперы «Песнь торжествующей любви» (на сюжет И.С. Тургенева) (1894) и книги «Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913)» (М., 1914). В.Н. Гартевельд путешествовал и по Сибири, собирая песни каторжан, бродяг и сибирских инородцев. Его романсы на слова Гумилева на настоящий момент не найдены.

24. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 31). Опубликовано: Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М-Л., 1963. Т.8. С. 386.

Письмо относится ко времени внутренне очень сложном в отношениях Гумилева и Блока. С одной стороны, «после доклада Блока «О современном состоянии русского символизма», Гумилев был склонен сближать свое понимание идеала поэзии как строгого ремесла с некоторыми формулировками блоковского доклада. Когда осенью 1911 г. Гумилев вместе с Городецким организовал Цех поэтов, Блок (по-видимому в пику Вяч. Иванову) рассматривался ими как «классик» этого кружка. Соответственно в поэзии Блока Гумилев выделял в этот период «акмеистические» черты...» (Неизвестная статья Н.С. Гумилева «Театр Александра Блока» / Вступительная статья Р.Д. Тименчика. Публикация и примечания Р.Л. Щербакова // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга пятая (Литературное наследство. Т. 92). М., 1993. С. 23). С другой стороны, «А. Белый вспоминает, что к его приезду в Петербург в январе 1912 г. «был А<лександр> А<лександрович> исключен из тогда лишь сформированного «Цеха поэтов»: за непоявление в Цехе поэтов без уважительных причин» (Эпопея. 1923. № 4. С. 239)», а «Гумилев уже в эти годы определился как литературный антипод Блока, тем более, что со стороны Гумилева явно присутствовал элемент личного соперничества с Блоком» (Там же. С. 29, 24).

История единственного сохранившегося блоковского послания к Гумилеву в полной мере отражает эту «двойственность момента». Письмо Блока — реакция на посланную ему из Италии (!) книгу Гумилева «Чужое небо» («сборник вышел во время отсутствия Н.Г. Первый экземпляр был послан Н. Гумилеву в Италию. НГ получил его во Флоренции» (Труды и дни. С. 219)). Экземпляр этот, снабженный надписью «Александру Александровичу Блоку с искренней дружественностью. Н. Гумилев», буквально испещрен блоковскими пометами (см.: Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн.1. Л., 1984. С. 254), так что «нейтрально» любезный тон Блока не должен обманывать: старший поэт также относился к будущему теоретику акмеизма уже пристрастно и настороженно: до начала их своеобразного «противостояния», ставшего одной из самых замечательных и глубоких страниц истории русской литературы XX века, оставалось менее года.

25. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2571. Оп.1. Ед. хр. 517). Публикуется впервые.

Ответом на это письмо стало письмо Гумилева от 28 августа 1912 г. (№ 117 наст. тома). Дат.: До 28 августа 1912 г. — по дате ответа Гумилева.

Бог и бок — это вульгарность... Надеюсь Вы ее устраните. — В окончательном варианте отмеченные Чуковским строки звучат так:

Один лишь Бог сходил во тьму,
Пронзило бок лишь одному
Копье сурового солдата.

(Уайльд О. Полное собрание сочинений. Т.4. СПб., 1912. С. 11).

26. Печ. по автографу (ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 503). Публикуется впервые.

Ответом на это письмо стало письмо Гумилева от 3 октября 1912 г. (№ 118 наст. тома).

...как к нашему «патенту на благородство»... - Из ст-ния А.А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева».

27. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 36). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин.

Написано на бланке журнала «Аполлон». Ответом на это письмо явилось письмо Гумилева от 8 или 9 октября 1912 г. (№ 119 наст. тома).

следующей формулой: «Литературный отдел — при непосредственном участии Н. Гумилева» — Ср. в «Проспекте «Аполлона» на 1913 г»: «отдел поэзии и литературы при непосредственном участии Н. Гумилева».

28. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2571. Оп.1. Ед. хр. 344). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин.

О коллизии осени 1912 г. между Гумилевым и эгофутуристами, среди которых центральной фигурой был Игорь Северянин (Лотарев Игорь Васильвеич, 1887-1941), казавшийся в то время некоторым критикам «бóльшим акмеистом, чем сами акмеисты» (см.: Игнатов И. Литературные отголоски // Русские ведомости. 6 апреля 1913 (№ 80)) — см. комментарии к № 55 (VII). Иронический рассказ другого участника этих событий — Г.В. Иванова — мы находим в воспоминаниях И.В. Одоевцевой: «Я во что бы то ни стало хотел, чтобы и Северянин стал членом Цеха. И даже уговорил Гумилева позволить мне привести Северянина на заседание Цеха и баллотироваться. <...> По дороге в Цех Северянин, свежевыбритый, напуд-

ренный, тщательно причесанный, в лучшем своем костюме и новом галстуке, сильно волновался, и все повторял, что едет в Цех только для того, чтобы увидеть эту бездарь in corpore и показать им себя — настоящего гения.

Гумилев, синдик Цеха поэтов, принял его со свойственным ему высокомерием и важной снисходительностью и слушал его стихи холодно и строго. Северянин начал читать их преувеличенно распевно, но под холодным, строгим взглядом Гумилева все больше терял самоуверенность. И вдруг Гумилев оживился:

— Как? Как? Повторите!

Северянин повторил:

И, пожалуйста, в соус
Положите анчоус.

— А где, скажите, вы такой удивительный соус ели?

Северянин совершенно растерялся и покраснел:

— В буфете Царскосельского вокзала.

— Неужели? А мы там часто под утро, возвращаясь домой в Царское, едим яичницу из обрезков — коронное их блюдо. Я и не предполагал, что там готовят такие гастрономические изыски. Завтра же закажу ваш соус! Ну, прочтите еще что-нибудь!

Но от дальнейшего чтения стихов Северянин резко отказался и, не дожидаясь ни ужина, ни баллотировки, ушел. <...> Ушел в ярости на Гумилева. И, конечно, на меня. Впрочем, его все равно «прокатили бы на вороных». Цеху он совсем не подходил...» (Одоевцева II. С. 33). Заседание Цеха, о котором рассказывает Иванов состоялось у Гумилевых в Царском Селе 15 ноября 1912 г. (см. Труды и дни. С. 222), за пять дней до написания данного письма. Очевидно, Гумилев решил смягчить впечатление от учиненного им «разноса» и зашел к Северянину «запросто», — но тот демонстративно «заболел инфлюэнцой» (гриппом) и дал «синдику» Цеха «от ворот поворот». Потом, осознав, что допустил неловкость уже в свою очередь, Северянин и написал данное письмо. Впрочем, очень скоро «политес» ему наскучил, и весной 1913 г. он подписывает «антиакмеистский» футуристический манифест с емким названием «Идите к чорту!» (см. комментарии к № 14 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома).

29. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 33). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин. Дат.: Осень 1912 — весна 1913 г. — по содержанию.

Письмо связано с историей скандального перехода юного Георгия Владимировича Иванова (1894-1958) «из эгофутуристов в акмеисты» (см. комментарии № 40 (VII) С. 420) комментарии к предыдущему письму Игоря Северянина (№ 28 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома)). В несколько измененном виде это письмо было опубликовано в «Аполлоне» (1913. № 6. С. 91-92). Сходное по содержанию «открытое письмо» еще одного эгофутуриста-ренегата Грааля Арельского было помещено в № 2 «Гиперборея» за 1912 г. (С. 29-30).

...отделить свое имя от ряда новых выступлений футуристов... — «имеется в виду манифест «Академия Эго-поэзии» — так называемые «Скрижали» эго-футуризма, подписанные «Ректориатом», состоящим из Игоря-Северянина, Константина Олимпова, Георгия Иванова и Грааль Арельского. Этот лаконичный манифест рассылался по редакциям газет в виде листовки с января 1912 г. (см. V. Markov. Russian Futurism: A History. Berkley, 1968. Pp. 64-65, 393)» (Неизд 1986. С. 276). Возможно, впрочем, что речь здесь идет о манифесте «Идите к чорту!», появившемся весной 1913 г.

30. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 34). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин. Дат.: Первая половина 1914 г. - по содержанию.

О рецензях Гумилева на книги Алексея Константиновича Лозины-Лозинского (1886-1916), вышедших в 1913 г, см. №№ 58 и 16 (VII) и комментарии к ним.

31. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 37). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин.

О взаимоотношениях с Гумилевым Шапиро Исаак Михайлович сведений нет. В письме цитируется ст-ние «Корабль» (№ 71 (II)).

32. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп.2. Ед. хр. 176). Публикуется впервые. Дат.: Март 1914 г. — по содержанию (см.: Соч III. С. 386).

О С.А. Ауслендере см. комментарии к № 76 наст. тома.

В воспоминаниях Ауслендера этому эпизоду посвящен отдельный фрагмент: «Весной 1914 г. я собрался ехать в Италию. В это время я кончал переводить какие-то рассказы Мопассана и заказал Гумилеву перевести стихи, которые там встречались. Чуть ли не в день отъезда я поехал к нему на Васильевский остров. Там он снимал большую несуразную комнату для ночевки.

Когда я приехал, Гумилев только начинал вставать. Он был в персидском халате и ермолке. Держался мэтром и был очень ласков. Оказалось, что стихи он еще не перевел. Я рассердился, а он успокоил меня, что через десять минут все будет готово.

Вскоре приехала Анна Андреевна из Царского в черном платье и в черных перчатках. Она, не сняв перчатки, начала неумело возиться, кажется, с примусом. Пришел Шилейко.

Гумилев весело болтал с нами и переводил тут же стихи. После мы вышли с Анной Андреевной и поехали на извозчике» (Жизнь Николая Гумилева. С. 47-48). Переводы Гумилева - «Как ненавижу я плаксивого poэта...» и «Благословен тот хлеб, что нам из почвы скудной...» — вошли в рассказы «Сестры Рондоли» и «Проклятый хлеб». Книга Мопассана в переводах Ауслендера вышла в том же году

в Москве (Мопассан Ги де. Сестры Рондоли: Рассказы. М.: «Польза», 1914 г.). См. об этом также: Панорама искусств. М., 1988. Вып. II. С. 205-206.

33. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 35). Опубликовано: Неизд 1986 — Полушин.

В письме речь идет о книге: Готье Т. Эмали и камеи. Перевод Н. Гумилева. Изд. М.В. Попова, влад. М.А. Ясный. СПб., 1914. Книга была напечатана в типографии А. Лаврова и К°. Об этом см. также комментарии к № 170 наст. тома. В контексте данного письма интересны слова познакомившейся с Лозинским несколько лет спустя И.В. Одоевцевой: «Роль Лозинского в кругах аполлоновцев и акмеистов была первостепенной. С его мнением считались действительно все. Был он также библиофил и знаток изданий. Это ему сборники стихов акмеистов обязаны своей эстетической внешностью <...> Гумилев говорил о Лозинском, внимательно рассматривающем принесенный на суд проект обложки:

Лозинский глаз повсюду нужен
Он вмиг заметит что-нибудь.

И, действительно, «Лозинский глаз» всегда замечал «что-нибудь». Вот эту букву надо поднять чуть-чуть и все слово отнести налево, на одну десятую миллиметра. А эта запятая закудрявилась, хвостик слишком отчетлив. Лозинский, прославленный редактор журнала «Гиперборей»» (Одоевцева I. С. 42)..

32. Печ. по автографу (ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 502). Опубликовано: НП (в комментариях, с. 71).

Ответ на письмо Гумилева от 16 апреля 1914 г. (№ 132 наст. тома). Дат.: 16 апреля 1914 г. — по содержанию.

Об «однодневной переписке» Гумилева и Городецкого см. № 132 наст. тома и комментарии к нему.

...выставлять меня политиканом (твое PS)... - В дошедшем до нас черновике письма Гумилева подскриптума нет.

35. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. № 47). Публикуется впервые.

О Е.А. Зноско-Боровском см. комментарии к № 78 наст. тома.

«Пипу» Твою — Броунинга — Имеется в виду гумилевский перевод пьесы Р. Броунинга (Браунинга) «Пиппа проходит». Этот перевод (со вступительной статьей В.М. Жирмунского) был опубликован в № 3 и № 4 журнала «Северные записки» за 1914 год.

36. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 35). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин.

Ответ на письмо Гумилева от 9/22 июля 1914 г. (№ 134 наст. тома). Лозинский пишет это письмо, приняв на себя роль посредника-примирителя между супругами Гумилевыми, переживавших в это время резкий разрыв отношений (см. подробно об этом комментарии к № 37 наст. тома). Одновременно с этим письмом он отправил информацию о приезде Гумилева в Териоки и его адрес в Слепнево Ахматовой.

...Таня и я переселяемся в Петербург — Т.Б. Лозинская была на последнем месяце беременности и 19 августа 1914 г., в день вступления России в Мировую войну родила мальчика, будущего замечательного математика С.Л. Лозинского (1914-1985). Гумилев написал на его рождение ст-ние «Новорожденному» (№ 12 (III)).

В Петербурге я ловил тебя по телефону... - Очевидно, после скандала в Слепнево и разрыва с Ахматовой, Гумилев по пути в Либаву, заехал в Петербург. Ахматова также поехала в Дарницу через Петербург, так что в середине июня Лозинскнй оказался «между двух огней», став de facto конфидентом обоих поссорившихся супругов.

Выписал через Вольфа (угол Морской) Georgiques Chretiennes — Т.е. заказал для Гумилева через книжный магазин товарищества М.О. Вольфа книгу французского поэта и романиста Ф. Жамма (F. Jammes, 1868-1938) «Georgiques Chretiennes» (1912). См. № 37 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву».

Писал также, что Платонова и Кареева у меня нет, равно как и твоего Rossetti — Платонов Сергей Федорович (1860-1933) — профессор русской истории, с 1920 г. — академик. Кареев Николай Иванович (1850-1931) — историк, публицист. Россетти Данте Габриэль (1828-1882), английский живописец и поэт, основатель «Братства прерафаэлитов».

37. Печ. по автографу (РНБ. Ф. 474 (альбом П.Н. Медведева № 1. Л. 34-40)). Опубликовано: Гумилевские чтения 1984 -- Ахматова А.А. Десятые годы. М., 1989 -- Ахматова А.А. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т.2. -- Хейт.

Два пнсьма Ахматовой Гумилеву из Слепневј, написанные 13 и 17 июля 1914 г., в самый канун Мировой войны, — единственные дошедшие до нас из всего их эпистолярного цикла. В сочетании с письмами Гумилева от 10/ 23 июля 1914 г. из Териок и от 17 июля 1914 г. из Петербурга (№ 135 и № 136 наст. тома) они дают возможность хотя бы частичной реконструкцин стилистики утраченной переписки, позволяют слышать голоса великой супружеской пары в их диалогическом общении.

Предвоенные месяцы в жизни супругов Гумилевых были крайне драматичными и насыщены всевозможными событиями, так, что для лучшего понимания писем необходим исторический экскурс. Гумилев и Ахматова переехали из Царского Села в Слепнево в конце мая 1914 г., рассчнтывая, очевидно, на длительный совместный

летний отдых. По приезде Гумилев пишет письмо М.Л. Лозинскому (см. № 133 наст. тома), приглашая его в гости («У нас дивная погода, теннис, новые стихи...» (стр. 9). И, действительно, как фиксирует в своих записях П.Н. Лукницкий «до 20-х чисел июня занятиями сменивших обитателей были «игра в лон-теннис, встречи с соседями по именьям» (Труды и дни. С. 240). Затем следует тяжелейший конфликт, повод к которому нам неизвестен, но причина несомненна — с января 1914 года Гумилев серьезно увлекается Татьяной Викторовной Адамович (1892-1970, в замужестве — Высоцкая), сестрой юного Г.В. Адамовича, самого молодого участника «Цеха поэтов», в то время — выпускницей Смольного института и подающей надежды танцовщицей, в будущем — известной балериной, создательницей собственной балетной школы (см.: Tacianna Wysocka. Wspomnienia. Warszawa, 1962).

В материалах П.Н. Лукницкого сохранились любопытные материалы, связанные с этой важной биографической коллизией, существенно повлиявшей на творчество поэта (Т.В. Адамович посвящена книга стихов «Колчан», непосредственно с событиями лета 1914 г. связано появление рассказа «Путешествие в страну эфира» (см. № 15 (VI) и комментарии к нему)). «Я вчера много говорил с В.С. Срезневской о Татиане Адамович. Та мне рассказала, что считает роман с Таней Адамович выходящим из пределов двух обычных категорий для Н.С. (первая — высокая любовь: к АА, к Маше Кузьминой-Караваевой, к Синей звезде), вторая — ставка на количество девушек... Роман с Таней Адамович был продолжительным, но, так сказать, обычным романом в полном смысле этого слова. В. Срезневская сказала, что однажды в разговоре с Николаем Степановичем она упомянула про какой-то факт. Он сказал: «Да, это было в период Адамович»» (Жизнь поэта. С. 162). Легко представить, как этот «обычный роман в полном смысле этого слова» действовал на Ахматову, тем более, что «Таня Адамович, по-видимому, хотела выйти замуж за Николая Степановича» (Там же. С. 163), вела себя, насколько можно судить, достаточно «жестко» и без стеснения появлялась в царскосельском доме Гумилевых. Она была расчетлнвым, сильным, лицемерным, прагматичным до цинизма, обаятельным и талантливым человеком, любящим и понимающим искусство и умеющим окружать себя изысканным обществом («Мама позволила нам иметь jour-fixe, день приемов, и каждый понедельник по вечерам у нас всегда бывало по десять-пятнадцать гостей. Играли, пели, читали стихи, спорили. О, это были воистину очаровательные вечера. Всегда бывали Анна Ахматова [sic!], Михаил Кузмин, Николай Гумилев, Георгий Иванов. <...> Приходили и играли Лурье, Ирена Энери и — когда бывал в Петербурге — Николай Орлов. У наших вечеров была артистическая, дружеская атмосфера, и хотя моя сестра Габриэль и я, быть может, и составляли для некоторых особ своего рода магнит, то все же, а это — самое главное — объединяла нас всех общая приверженность искусству» (Жизнь Николая Гумилева. С. 89)).

У двадцатипятилетней Ахматовой впервые в ее отношениях с Гумилевым появилась сильная, настоящая «соперница», и она очень болезненно переживала это. Отношения между супругами с зимы 1914 г. совершенно разладились, и нужен был лишь внешний толчок, чтобы скрытое неблагополучие вырвалось наружу. Именно это и

произошло в середине июня в благополучной, с теннисом и гостями-соседями «дачной» слепневской жизни. Реакция Гумилева была резкой и недвусмысленной: «Николай Степанович предложил АА развод (!) АА: «Я сейчас же, конечно, согласилась! <...> Сказала Анне Ивановне [Гумилевой], что разводится с Николаем Степановичем. Та изумилась: «Почему? Что?» — «Коля сам предложил». АА поставила условием, чтобы сын остался у нее в случае развода. Анна Ивановна вознегодовала. Позвала Николая Степановича и заявила ему, тут же при АА: «Я тебе правду скажу, Леву я больше Ани и больше тебя люблю...» <...> АА снова рассказывала, как она «всю ночь, до утра» читала письма Тани и как потом никогда ничего об этом не сказала Николаю Степановичу» (Жизнь поэта. С. 163). Кончилось все тем, что Гумилев уехал из Слепнево «в Либаву и Вильно, где жила Т.В. Адамович» (Труды и дни. С. 240), а Ахматова — «в Петербург (одна, к папе) <...> Пробыла у папы несколько дней, неделю — не больше, и поехала в Киев. Не в самый Киев, а в Дарницу (мама жила там)» (Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч.1. М., 1996. С. 74). Состояние ее исчерпывающе выражено в письме к М.Л. Лозинскому от 25 июня 1914 г. «За границу я не поеду, что там делать! А дней через 10 буду опять в Слепневе и уж до конца там останусь. Если даст Бог, помру, если нет — вернусь в Петербург осенью глубокой <...> Лето у меня вышло тревожное: мечусь по разным городам, и везде страшно, пусто и невыносимо» (Там же). Действительно, в Дарнице Ахматова пробыла лишь несколько дней (приблизительно с 25 июня по 7 июля 1914 г.) — ведь в Слепнево, на руках у А.И. Гумилевой оставался маленький сын. 9 июля она уже в Москве (где, пересаживаясь «в первый попавшийся почтовый поезд», идущий до Подобино или до Твери, она случайно встречает... Блока: «С кем вы едете?» — «Одна»), а 10-го — снова в Слепнево.

Между тем Гумилев пребывает в Либаве, и никакой связи между ним и Слепнево нет. Обстоятельства этого пребывания неизвестны, но не надо забывать, что буквально сразу же по отбытию из Либавы создается «Путешествие в страну эфира» — рассказ, дающий богатую пищу для размышлений, в том числе — и в биографическом плане. Можно также с уверенностью сказать, что перспектива бракосочетания с Т.В. Адамович по истечению достаточно небольшого срока стала казаться ему все менее и менее заманчивой — и тогда же, 9 июля, когда Ахматова в Москве, удивляя Блока («Анна Ахматова в почтовом поезде») на перекладных спешит в Бежецк, Гумилев «выныривает» в Териоках, в равном удалении и от Либавы, и от Слепнево (дом в Царском Селе, по всей вероятности, как обычно сдавался на лето дачникам). Здесь, в Терионах (ныне — Зеленогорск), он, здраво обдумав обстоятельства, принимает «соломоново решение», и дает знать о себе — другу, Лозинскому, причем — посланием самого «обтекаемого» содержания (см. письмо № 134 наст. тома). Лозинский, который из-за последнего срока беременности жены не может отлучиться из дому, все же идеально выполняет взятую им на себя «миссию примирения»: пишет блестящее в своем роде, — «успокаивающее» и со многими ободряющими «подтекстами», — послание попавшему в затруднительное положение Гумилеву

(см. письмо № 36 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), и немедленно связывается с Ахматовой, сообщая ей точные координаты затерявшегося мужа. Та, подавив гордость, первая пишет настоящее — удивительное! — «примирительное» письмо:

Милый Коля,
10-ого я приехала в Слепнево. Нашла Левушку здоровым, веселым и очень ласковым. О погоде и делах тебе верно напишет мама...

Ахматова пишет это письмо, прилагая к нему два, созданных в эти дни гениальных стихотворения (комментировать которые в *этом* контексте нет сил человеческих), - пишет, не зная, что пока «шли переговоры» между Ваммельсуу и Слепнево, сам Гумилев, отдав визиты Чуковскому и С.К. Маковскому и допоздна проговорив с ними о текущих вопросах литературной политики, наутро собрался с духом, *и тоже, подавив гордость, решил первым «пойти на мировую»*:

Милая Аничка,
думал получить твое письмо на Царск. <осельском> вок. <зале>, но не получил. Что, ты забыла меня или тебя уже нет в Дарнице? Мне страшно надоела Либава, и вот я в Териоках...

(см. № 135 наст. тома). Это письмо от отправляет в Дарницу, откуда Инна Эразмовна Горенко (по всей вероятности, не менее взволнованная происходящим, чем Анна Ивановна Гумилева) немедленно пересылает его в Слепнево. Второе письмо Ахматовой — от 17 июля (№ 38 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома) — вздох облегчения, и такое же вздох облегчения — письмо Гумилева от того же 17 июля, которое он пишет «синхронно» с женой, также получив ее «мировую» - «Целую всех. Очень скоро увидимся» (см. № 136 наст. тома). Ни тот, ни другая не знают, что мирной жизни после благополучного примирения в это страшное лето им будет отпущено несколько часов — Гумилев, действительно, приедет одновременно со своим письмом (трогательные хозяйственные планы Ахматовой на осень так и останутся, увы, по всей вероятности, неизвестными ему), 19 июля 1914 года — в миг, когда Германия объявит войну России («Утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю...»), а вечером вся жизнь вдребезги» (Черных В.А. Указ. соч. С. 76)). Все события этих месяцев Гумилев подытожил в строфах окончательной версии «Пятистопных ямбов»:

Сказала ты, задумчивая, строго:
«Я верила, любила слишком много,
А ухожу не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя»

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук,
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпало зерно,
И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди».

В истории мирового эпистолярного искусства найдется немного эпизодов, равных по драматизму, психологической глубине и исторической содержательности переписке Гумилева с Ахматовой в июле 1914 года.

в июньской книге «Нового Слова» меня очень мило похвалил Ясинский — Упоминание о положительной оценке «Четок» писателем и журналистом Иеронимом Иеронимовичем Ясинским (1850-1931), редактором консервативного журнала «Новое слово» (1908-1914; литературное приложение к газете «Биржевые ведомостяи») — несомненный скрытый «вызов» обиженной Ахматовой: Гумилев, ранее сотрудничавший с этим изданием, порвал все отношения с журналом и его редактором после выхода оскорбительно-разносной рецензии «М. Чуносова» (постоянный псевдоним Ясинского) на ЧН (Новое слово. 1912. № 7. С. 157-158). Действительно, в оценке «Четок» Ахматовой «М. Чуносов» был более чем комплиментарен: «Слова у нее простые, без вывертов, без модных фасонов, а между тем, кажутся новы. Стоят на месте, и из сочетания их звучит то прекрасное, что так характерно для стиха Анны Ахматовой. <...> Нет ничего «умного» в стихах Анны Ахматовой; она не мудрствует лукаво, но зато сколько поэтического, сколько глубоко прекрасного, очаровательно женского» (Новое слово. 1914. № 7. С. 158). Ср. его же заключения о стиле автора ЧН: «...Это почти пошлость и напоминает произведения фабричных поэтов из народа» (Новое слово. 1912. № 7. С. 157).

Сюда пришел Жамм — Имеется в виду посланная Лозинским книга «Georgiques Chretiennes» («Грузинские христиане», 1912). См. № 36 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома.

я распечатала письмо Зноски — Возможно, имеется в виду письмо № 35 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома, которое переслали в Слепнево из Царского Села, и теперь оно вновь пересылается к адресату — уже из Слепнева в Териоки. Тогда фраза про «большой конверт» означает, что к своему письму Ахматова приложила еще несколько писем и открыток, ожидавщих Гумилева в Слепневе.

получила от Чулкова несколько слов... — О Г.В. Чулкове см комментарии к № 105 наст. тома. В ответном письме Ахматова писала: «Милый Георгий Иванович, не ссорьтесь со мной из-за моего молчания. Я так рада получать письма от Вас и отвечать, конечно, буду. А то, что Вы ни жить, ни умирать не хотите — для меня и есть самое понятное. Здесь тихо, скучно и немного страшно. Вести извне звучат совсем невероятно, людей я не вижу и вообще как-то присмирела. Недавно начала писать наконец большую вещь, но, кажется, мне тишина мешает. И все вокруг такое померкшее, стертое, и, главное, связанное с целым рядом горьких событий» (Ахматова А.А. Десятые годы. М., 1989. С. 132).

38. Печ. по: Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1990. т.2. Автограф — РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 49. Опубликовано: Ахматова А.А. Десятые годы. М., 1989 -- Ахматова А.А. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т.2 -- Хейт.

Ответ на письмо Гумилева от 10/ 23 июля 1914 г. (№ 128 наст. тома). Письмо знаменовало собой окончательное примирение супругов Гумилевых после разрыва в июне 1914 г. (см. подробно о биографическом контексте письма комментарии к № 37 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). К письму было приложено ст-ние «Подошла я к сосновому лесу...»

Не забудь, что заложены вещи...- Ср. в воспоминаниях К.И. Чуковского: «Помню: стоит в редакции «Аполлона» круглый трехногий столик, за столиком сидит Гумилев, перед ним груда каких-то пушистых, узорчатых шкурок, и он своим торжественным, немного напыщенным голосом повествует собравшимся <...> сколько пристрелил он в Абиссинии разных диковинных зверей и зверушек, чтобы добыть ту или иную из этих экзотических шкурок. Вдруг встает редактор «Сатирикона» Аркадий Аверченко — неутомимый остряк, и заявив, что он внимательно осмотрел эти шкурки, спрашивает у докладчика очень учтиво, почему на обороте каждой шкурки отпечатано лиловое клеймо петербургского городского ломбарда. В зале поднялось хихикание — очень ехидное, ибо из вопроса сатириконовского насмешника следовало,, что все африканские похождения Гумилева — миф, сочиненный им здесь, в Петербурге. Гумилев ни слова не сказал остряку. На самом же деле печати на шкурках были поставлены отнюдь не ломбардом, а музеем Академии Наук, которому пожертвовал их Гумилев» (Жизнь Николая Гумилева. С. 135). По всей вероятности,

Чуковский неправ, и клейма были поставлены именно петербургским городским ломбардом, а молчание Гумилева значило только, что «сатириконовский остряк» на деле оказался не очень воспитанным человеком, задающим вопросы, неуместные вне приватного общения.

Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? — Имеется в виду рецензия Чуковского на книгу С. Городецкого «Цветущий посох» — см. комментарии к № 135 наст. тома.

...жду июльскую «Русскую мысль»... думаю о горчайшем, уже перенесенном... - Имеется в виду рецензия В.Я. Брюсова на «Четки», действительно появившаяся в № 7 «Русской мысли» за 1914 г. и оказавшаяся, в общем, положительной, хотя и указывающей на ограниченность ахматовского «поэтического горизонта». «Горчайшим» была рецензия на «Четки» самого Гумилева в № 5 «Аполлона», в которой, в частности, упоминалось, что Ахматова являет собой наглядный пример того, «как велика в молодости способность и охота страдать» (см. № 65 (VII) и комментарии к нему). Не исключено, что эта рецензия Гумилева и «сдетонировала» в сложном биографическом контексте июня 1914 г.

39. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед.хр. 34). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин. Дат.: 21 марта 1915 г. — по штемпелю почтового отделения Петрограда на почтовой карточке.

...молодого поэта Злобина... - Владимир Ананьевич Злобин (1894-1967) через три года, с 1919 г. станет секретарем Мережковских и войдет в историю русской литературы, прежде всего, именно в этом качестве (его книга о З.Н. Гиппиус «Тяжелая душа» (1970, вышла посмертно) — ценнейший источник сведений об обоих художниках). Во время написания данного письма В.А. Злобин был студентом историко-филологического факультета Петроградского университета. Знакомство его с Гумилевым по всей вероятности состоялось. По крайней мере, организуя кружок «Арион» в 1918 г. (см. комментарии к № 172 наст. тома) он, вместе с другими юными поэтами-«арионовцами» пригласит Гумилева быть их руководителем. Рецензию Гумилева на его стихи см. в № 75 (VII).

...мизерного журнала «Богема»... — Л.М. Рейснер была издательницей «Богемы». Это был первый (и — недолговечный) из «домашних» журналов семьи Рейснеров. Следующий за «Богемой» «Рудин», выходивший в 1915-1916 гг. был более удачен и даже остался в истории предреволюционной журналистики как одно из политически-«левых» эстетических изданий (двадцатилетняя Рейснер критиковала в нем... Г.В. Плеханова за «оборонничество»). К сотрудничеству в своих журналах Л.М. Рейснер привлекала участников университетского «Кружка поэтов» (в который входила сама), в т.ч. — О.Э. Мандельштама и В.А. Рождественского. В оформлении ее журналов участвовали С.Н. Грузенберг, Н.Н. Купреянов, Е.И. Праведников.

40. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147. Оп.1. Ед. хр. 35). Опубликовано: Неизд 1986 -- Полушин.

В письме содержатся мотивы письма Гумилева от 2 января 1915 г. (№ 133 наст. тома). Возможно это — «запоздавший» ответ. Письмо (на бланке журнала «Аполлон») вложено в конверт, адресованный «Анне Андреевне Гумилевой или Н.С. Гумилеву от М. Лоз.<инского>».

Видно ты овладел тайной философского камня, ибо твои опыты превращения серебря в золото протекают в высшей степени успешно, клянусь Египетским Сержантом... рукоплещу близкому торжеству! — Имеется в виду скорый выход книги Гумилева «Колчан» (15 декабря 1915 г.), издание которой готовилось Лозинским. Обыгрываются две реминисценции из гумилевских текстов, находящихся в приватном обращении Лозинского: исключенной из «аполлоновского» текста заключительной строфы первой редакции «Пятистопных ямбов» -

Мне золоченый стиль вручил Вергилий,
А строгий Дант — гусиное перо,
И мне не надо ангельских воскрылий,
Чужое отвергаю я добро,
Я лилия простая между лилий,
Средь серебра я только серебро

(см. комментарии к № 98 (II)) и четверостишие (стр. 33-36) из № 185 наст. тома).

А раз адепты Великого Трансхопса занялись разоблачением сокровеннейших тайн... открыть Окаменелыя Дороги — В этом предельно семантически насыщенном отрывке реминисцентно обозначены: 1) Гермес Трисмегист — легендарный родоначальник магии (см. № 34 (IV) и комментарии к нему); 2) Название популярной в среде поэтов «первого Цеха» литературной игры — «Транхопс» (см.: Иванов III. С. 226-227); 3) Ст-ние самого Лозинского «Он в юности меня томил...»:

Что знал я там, где вечен строгий
И мертвый блеск и где легли
Среди безжалостной земли
Окаменелыя дороги.

Все же в целом оказывается информацией о решении Лозинского публиковать свою книгу стихов «Горный ключ» (вышла в издательстве «Альциона» (М-Пг) в следующем, 1916 г.); см. рецензию на нее Гумилева, во многом имплицитно пародирующую «герметический» стиль данного письма (№ 68 (VII)) и комментарии к ней.

...украсить посвящением тебе мои пятистопные ямбы... чем богат — Имеется в виду посвященное Гумилеву ст-ние Лозинского «Каменья» и его образность (см. комментарии к № 68 (VII)).

Таня — Т.Б. Лозинская, жена писателя.

Филипка — Домашнее прозвище С.М. Лозинского.

Струве — См. комментарии к № 69 (VII).

Соловьев — Имеется в виду Владимир Николаевич Соловьев (1884-1941) — режиссер и театровед, друг Лозинского и знакомый Гумилева. О его участии в 1916 г. в судьбе гумилевской пьесы «Дитя Аллаха» см. комментарии к № 5 (V; С. 436, 439). См. также № 171 наст. тома.

41. Печ. по автографу (ИРЛИ. Р.I. Оп.5. № 501) Публикуется впервые.

Письмо оригинального поэта-авангардиста Тихона Васильевича Чурилина (1885-1946) связано с гумилевской рецензией на его книгу «Весна после смерти» (М., 1915) — см. № 67 (VII) и комментарии к нему.

Иметь... Вашу книгу, где «Открытие Америки» - Поэма «Открытие Америки» (№ 12 (II)) вошла в ЧН.

42. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр.20). Опубликовано: Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг .

Ответ на письмо Гумилева от 8 ноября 1916 г. (№ 153 наст. изд.). Дат.: Ноябрь 1916 г. — по дате письма № 153 наст. изд. Ответа на это письмо не последовало (не сохранилось?).

Милый мой Гафиз...- Обращение Рейснер к Гумилеву связано с написанной в феврале-марте 1916 г. «арабской сказкой» «Дитя Аллаха» (см. № 5 (V) и комментарии к нему). Под именем «Гафиза» Гумилев выведен в незаконченном «Автобиографическом романе» Рейснер (см.: Рейснер Л.М. Автобиографический роман / Вст. статья А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской; прим. Н.А. Librarianшевой // Из истории советской литературы 1920-1930 годов. Новые исследования и материалы. (Литературное наследство. Т. 93). М., 1983. С. 208).

43. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр.20). Опубликовано: Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.

Ответом на это письмо и письмо № 44 явилось письмо Гумилева от 8 декабря 1916 г. (№ 154 наст. тома). Дат.: Начало декабря 1916 г. — по дате письма № 154 наст. тома и по содержанию (праздник св. Николая, епископа Мирликийского, чудотворца — т.н. «Николы Зимнего» — 6/ 19 декабря). Письмо сохранилось частично (утрачен второй листок).

...будут все Юркуны... — В качестве обобщающего образа «поэтов, которые ее не любят», Л.М. Рейснер использовала фигуру Юрия Ивановича Юркуна (Юркунас, 1895-1938) — писателя из «круга М.А. Кузмина», интимного друга поэта (впоследствии — мужа О.Н. Арбениной).

44. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр.20). Опубликовано: Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) - - Полушин; В мире книг.

Ответом на это письмо и письмо № 43 явилось письмо Гумилева от 8 декабря 1916 г. (№ 154 наст. тома). Дат.: Начало декабря 1916 г. — по дате письма № 147 наст. тома и по содержанию (праздник св. Николая, епископа Мирликийского, чудотворца — т.н. «Николы Зимнего» — 6/ 19 декабря).

45. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр.20). Опубликовано: Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.

Ответ на письмо Гумилева от 15 января 1917 г. (№ 157 наст. тома). Ответом на это письмо явилось письмо Гумилева от 22 января 1917 г. (№ 158 наст. тома). Дат.: Между 15 и 22 января 1917 г. — по датам писем №№ 157 и 158 наст. тома.

...Микель Анджело жил почти рядом с Содомой, после Леонардо, после женщин, неспособных держать даже Лебедя... — Упоминается современник создателя Сикстинской капеллы в Ватикане Микеланджело Буонаротти (1475-1564) Джованни Антонио Бацци, известный как Содома (1477-1549) (см. об этом художнике № 81 (II) и комментарии к нему), а также — картина Леонардо да Винчи «Леда с лебедем» (см. № 95 (II) и комментарии к нему).

...Брюсов, учившийся искусству, как Мазаччио перспективе...- Мазаччо (наст. имя Томмазо ди Джованни ди Симоне Гвиди, 1401-1428), итальянский живописец, творчество которого приходится на рубеж раннего Возрождения (т.н. кватроченто, т.е XV век) и «Высокого Возрождения»; упоминаемое введение им в свои полотна законов перспективы уводило живопись от символической условности Средних Веков и стало прологом к «реалистическому» изображению человеческих фигур и интерьера на полотнах последующих итальянских мастеров — Леонардо, Микеланджело, Рафаэля. «Мазаччо пользуется линейной перспективой, изображая объемные фигуры в трехмерном пространстве, которое обладает реальной протяженностью, шириной и глубиной. Изображение отличается логической ясностью и зрительной достоверностью, оно ориентировано на реальное восприятие. Писатель конца XV века Ландино отмечал, что Мазаччо «превосходно передавал натуру, так как он стремился изобразить только действительность и моделировку фигур и был сильнее своих современников в перспективе»» (см.: Шрамкова Г. Искусство Возрождения. М., 1977. С. 11). Упоминание о «боевых тяжелых конях», вероятно, относится к картине последователя Мазаччо флорентийского художника Паоло Учелло (1397-1475) «Битва при Сан Романо» (1457): «Для Учелло, как и для многих современных ему мастеров, живописная перспектива стала необходимым средством познания реального мира и выражения его закономерностей в искусстве» (Там же. С. 12).

...ученый, как болонец... — В городе Болонья был открыт один из первых европейских университетов (см. № 97 (II) и комментарии к нему).

...сикстинская капелла еще не кончена — Интересно, что образ Возрождения ассоциировался у Л.М. Рейснер с русской революцией (см. ее письмо М.Л. Лозинскому (март 1920 г.): «Что будет дальше? Не знаю, по-моему, то величественное и спокойное восхождение Солнца Духа, тот новый Ренессанс. О котором мы все когда-то мечтали...» (Дружба народов. 1967. № 4. С. 245).

46. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр.20). Опубликовано: Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) ф -- Полушин; В мире книг.

Ответ на письмо Гумилева от 22 января 1917 г. (№ 158 наст. тома). Дат.: Конец января 1917 г. — по содержанию. Возможно, письмо не сохранилось полностью.

Застанет ли Вас это письмо... - 23 января 1917 г. приказом по полку Гумилев был прикомандирован к корпусному интенданту 28 корпуса для закупки сена частям дивизии и направлен на станцию Турцевичи Николаевской железной дороги (близ Окуловки, где и остановился Гумилев). Оттуда он отправился в Петроград 28 января, где был арестован за неотдание чести генералу, сутки просидел на гауптвахте и затем был препровожден обратно в Турцевичи, согласно предписанию (см.: Соч III. С. 399). Очевидно, он успел повидать Рейснер и между ними произошел роковой конфликт, радикально изменивший отношения «Гафиза» и «Лери» (ср. нарочито «официальное» обращение Гумилева к корреспондентке в письме от 6 февраля (№ 159 наст. тома). Не исключено, что и инцидент с неотданием чести как-то связан с этим конфликтом и, возможно, аффектированным состояние поэта.

47. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр.20). Опубликовано: Неизд 1980 (публ. Г.П. Струве) -- Полушин; В мире книг.

Дат.: Февраль — июнь (?) 1917 г. — по времени ссоры корреспондентов, после которой Гумилев вернул Л.М. Рейснер ее письма к нему, и датой последнего письма Гумилева к Рейснер (см. № 165 наст. тома).

Письмо не было отправлено. Надпись на конверте: «Если я умру, эти письма, не читая, отослать Н.С. Гумилеву» позволяет заключить, что это — «посмертное» послание Рейснер, которое должно было сопровождать возвращение писем Гумилева в случае смерти «Лери». Нужно отметить, что с февраля 1917 г. переписка шла только «в одну сторону» — Рейснер не отвечала на письма Гумилева, так что наличие в общей подборке ее писем ноября 1916 г. — января 1917 г. означает, что при их ссоре Гумилев вернул все письма, которые у него были с собой. Больше до отъезда поэта во Францию они, очевидно, не виделись.

48. Печ. по: СС IV (С. 546-548). Автограф — Архив Струве. Опубликовано: СС IV. -- СС IV (Р-т) -- Полушин.

Энгельгардт Анна Николаевна (в замужестве — Гумилева, 1884 или 1885-1942) — вторая жена Гумилев; ей посвящен «Огненный столп». А.Н. Энгельгардт была дочерью Л.М. Гарелиной-Бальмонт и Н.А. Энгельгардта. Ее отец начинал как поэт (Стихотворения. СПб., 1890) сотрудничал в газете «Новое время», журналах Вестник иностранной литературы», «Книжки Недели», «Русский вестник», «Исторический вестник» и др. как прозаик, переводчик, публицист и литературовед. Он был автором двухтомной «Истории русской литературы XIX столетия» (СПб., 1902-1903). Мать ее, первая жена К.Д. Бальмонта, ушла к Н.А. Энгельгардту от мужа после того как Бальмонт влюбился в невесту Н.А. Энгельгардта Е.А. Андрееву. В результате возникшего в 1893-1894 гг. «любовного четырехугольника» возникают de facto две новые пары — К.Д. Бальмонт и Е.А. Андреева и Н.А. Энгельгардт и Л.М. Гарелина — «формальный статус» которых оставался долгое время крайне запутанным. Т.к. Л.М. Гарелина не давала развод К.Д. Бальмонту, тот вынужден был «узаконить» родившуюся у нее от Н.А. Энгельгардта дочь. Отсюда и уверенность Гумилева, что его жена — дочь любимого им в юности поэта-символиста. Впрочем, Бальмонт хорошо относился к Анне Николаевне («Мне дорога эта девушка со всем своим очарованием и грустной судьбой...»), тем более, что она была очень дружна со своим сводным братом, сыном поэта Н.К. Бальмонтом, который тоже жил в семье Энгельгардтов вместе с матерью.

А.Н. Энгельгардт училась в частной гимназии Лохвицкой-Скалон (вместе с О.Н. Арбениной — см. комментарии к №№ 175, 178 наст. тома). По воспоминаниям ее младшего брата, Александра Николаевича Энгельгардта, семья жила «очень уединенной жизнью», тем более, что Н.А. Энгельгардт страдал с 1910 г. нервным заболеванием. «Сестра Аня особенно ничем не увлекалась. Читала много. По своему характеру была очень непосредственна, не по летам наивна и всегда — неожиданно обидчива». Закончив гимназию, А.Н. Энгельгардт поступает на Курсы сестер милосердия и, закончив их, работает в военном госпитале, расположенном в том же Эртелевом переулке, где жили Энгельгардты. «...Ей очень шел костюм сестры милосердия с красным крестом на груди. Она любила гулять в Летием саду... в этом костюме...». Ее «роман» с Гумилевым начался после их встречи на брюсовском вечере в Тенишевском училище 14 мая 1916 г. В 1916-1917 гг. А.Н. Энгельгардт, вызывая бешенную зависть и ревность подруги — О.Н. Арбениной, - переписывается с Гумилевым и регулярно встречается с поэтом во время его отлучек в Петербург с фронта. Сведенья об этом имеются в дневнике О.Н. Арбениной (хотя и в специфической интерпретации): «24 ноября [1916 г.] Письмо... от Ани <...> Она пишет: «Г. <умилев> пришет с фронта, я была оч<ень>еpоломной по отношению к нему; но все же я его не оч<ень> не люблю!...» Дрянь! <...> И за что это мне, Господи! Мы в один день с нею с ним познакомились; одинаково и очень ему понравились (это-то я наверное знаю); и вот — он пишет ей, а я забыта им, как снега

прошлых зим, как зелень старых весен... <...> Мне — мелкие радости, мелкие печали, мелкие волнения, — а ей — любовь и письма прекрасного, великого, бурного поэта!.. 27 ноября [1916 г.] <...> А Ане пишет любимый поэт, и ей жизнь улыбается. 30 ноября [1916 г.] <...> Он ей нравится. Хоть она и говорит — нет, как я. Он возил ее на острова в автомобиле, они ели в Астории икру и груши, приехал к ней в Вознесенск (в Иваново-Вознесенск, где Энгельгардты проводили лето; этот визит состоялся 10-13 июля 1916 г. — *Ред.*) и грозой, в беседке с настурциями, безумно целовал ее... <...> Он посвящает ей стихи и посылает розы! <...> 27 декабря [1916 г.] <...> Не на радость, а на горе я ей звоню! Незадолго до меня был ей звонок: он. Он просит уделить ему «10 минут». Только что приехал с фронта...». Нужно отметить, что А.Н. Энгельгардт именно в качестве второй жены поэта, «Анны Второй», и адресата его лирики конца 1910-х — начала 1920-х гг. (адресата «Огненного столпа!) была впоследствии излюбленной «мишенью» мемуаристов (прежде всего — «мемуаристок»), которые стремились всячески дезавуировать ее роль в последний период жизни Гумилева, представить ее «недалекой», «сварливой», «мелочной», а ее замужество — результатом случайного стечения обстоятельств. Между тем, как пишет современный исследователь, «все, что известно ныне об Анне Энгельгардт, заставляет думать о ней, как о способной, даже одаренной девушке, но не сумевшей (может быть, не успевшей) раскрыться в насыщенной талантами атмосфере тех лет. Близкая к людям выдающимся (Бальмонт, Гумилев), она — в отличие от той же Ахматовой — осталась незамеченной в их тени» (см. подборку материалов: Анна Энгельгардт — жена Гумилева (по материалам архива Д.Е. Максимова) / Публикация К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // Исследования и материалы. С. 358-398). См. также комментарии к письму № 60 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома.

...я перепутала адрес — Парижский адрес Гумилева, действительно, поменялся осенью 1917 г. — см. комментарии к № 169 наст. тома.

...письмо придет чуть ли не через год — Как указывает Г.П. Струве, письмо было получено в Лондоне, куда его пересылали из Парижа, 3 июня 1918 г., когда Гумилев уже вернулся в Петроград.

...твоя коллекция картин... — В Париже Гумилев коллекционировал экзотическую живопись (см. № 169 наст. тома и № 49 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома). О судьбе вещей Гумилева, оставшихся в Париже, говориться в письме А. Цитрона М.Ф. Ларионову от 30 сентября 1919 г.: «Дело у меня такое: где Гумилев? Его вещи у меня — и ей Богу лучше бы он мне оставил сына! Я эти вещи перевозил в Лион (в 1918 г.) и обратно — Раз ящик упал с воза и стекла побиты. Не хочешь ли ты взять на хранение? Я к тому помирать собираюсь» (цит. по: Ustinov Andrey. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev // A Sense of Place. Tsarskoe Selo and its Poets. Columbus, Ohio, 1993. P. 300).

...никого из мальчишек не вижу, кроме Володи Ч... все наши общие знакомые уехали— Очевидно, имеется в виду Владимир Степанович Чернявский (1889-1946), поэт, актер, в 1916-1917 гг. поклонник А.Н. Энгельгардт. О.Н.

Арбенина, у которой с Чернявским случилась тогда же «печальная история», вспоминала, что у него была книга Гумилева «Чужое небо», по тексту которой ставилась домашняя постановка «Дон-Жуана в Египте», где, помимо Чернявского участвовали Николай Константинович (Никс) Бальмонт (1890-1926), сын поэта и сводный брат А.Н. Энгельгардт, и Л.И. Канегиссер (1896-1918), поэт, впоследствии — убийца председателя ПетроЧК М.С. Урицкого (см.: Исследования и материалы. С. 436).

Я работаю как сестра в санатории, вне города... - Письмо было отправлено 4 декабря 1917 г. из Лигово, деревни на Петергофской дороги, известной некогда как имение князя Г.Г. Орлова. В начале XX века это был пригородный поселок, ныне — юго-западная окраина города.

49. Печ. по.: Опыты. 1953. № 1. Автограф — Архив Струве. Опубликовано: Струве Г.П. Из архива Н.С. Гумилева. Неизданные материалы для библиографии Гумилева и истории литературных течений // Опыты. 1953. № 1. С. 186-187.

Льдов Константин (наст. имя Витольд-Константин Николаевич Розенблюм, 1862-1937) — поэт, прозаик, переводчик. Более всего был известен как детский поэт, автор целого ряда популярных детских стихотворных сборников, издававшихся и переиздававшихся начиная с 1880-х годов вплоть до революции. В качестве «взрослого» поэта (сборники «Стихотворения» (1890), «Лирические стихотворения» (1897), «Отзвуки души» (1899)) был типичным представителем «поэтического межвременья» 1880-х гг., хотя и участвовал в сборнике П.П. Перцова и Д.С. Мережковского «Молодая поэзия» (1895), сотрудничал в журнале «Северный вестник» — оплоте раннего русского символизма (с июня 1896 и до завершения издания Льдов выполнял обязанности секретаря журнала). В качестве поэта, прозаика и публициста К. Льдов активно публиковался в периодике 1900-х — 1910-х гг. С 1914 г. жил в Париже, в 1918 г. переехал в Женеву, потом — в Брюссель, где издал свой последний сборник стихов «Против течения» (1926). Публикуя письмо, Г.П. Струве писал: «В конце января 1918 г. Н.С. Гумилев, находившийся с лета 1917 г. в Париже <...> прибыл в Лондон. В начале февраля он получил на адрес русского консульства печатаемое ниже письмо от Константина Николаевича Льдова. <...> Гумилев, очевидно, познакомился с ним в Париже. В 90-х годах Льдов сотрудничал в «модернистском» «Северном Вестнике» А.Л. Волынского и Л.Я. Гуревич, и народническое «Русское богатство» даже провозгласило его символистом. <...> В дальнейшем Льдов оказался, однако, совершенно вне символистского течения и стоял далеко от тех литературных кругов, к которым принадлежал Гумилев. Из его письма можно заключить, что и со стихами Гумилева он познакомился лишь в Париже, после личного знакомства с ним» (Струве Г.П. Из архива Н.С. Гумилева. Неизданные материалы для биографии Гумилева и истории литературных течений // Опыты. № 1. Нью-Йорк, 1953. С. 181).

20 Гумилев ПСС в 10 т. Т. 8

...мы обрадовались, узнав, что Вам удалось пристроиться в Лондоне... - 8 января 1918 г. Гумилев, узнав о том, что русский военный агент в Англии, генерал Ермолов имеет возможность направить на Персидский фронт 26 русских офицеров, подал рапорт генералу М.А. Занкевичу, командовавшему русскими войсками во Франции, о своем желании отбыть из Парижа в Лондон для последующей отправки в Месопотамию. 14 января 1918 г. он был командирован из Парижа в Лондон, однако по прибытию оказалось, что «неудовлетворение... прапорщика Гумилева проездными и подъемными деньгами» было истолковано английским военным ведомством как «отсутствие рекомендации» со стороны его непосредственного начальства (!), и потому «команд<иров>ание его в Месопотамию... отклонили» (см.: Исследования и материалы. С. 294). «Гумилев все-таки задержался в Лондоне еще на три месяца. С помощью Бориса Анрепа.., устроился на работу в шифровальный отдел русского правительственного комитета. Один из его знакомых написал ему из Парижа: «Мы обрадовались, узнав, что Вам удалось устроиться в Лондоне». Но комитет, как и все представительства добольшевистской России, доживал свои последние дни» (Давидсон А.Б. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск, 2001. С. 285).

Коллекция направлена в отель Друо; туда же, вероятно, последует и обстановка. — «...Из письма явствует, что в Париже [Льдов] имел обстановку и даже ценные картины, которые собирался продавать с аукциона» (Неизданные материалы для биографии Гумилева... С. 181). Возможно, что именно собирание живописи стало причиной знакомства Гумилева с Льдовым (см. № 169 наст. тома, № 48 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома и комментарии к ним).

г. А-в... А.Н. — Сведений об упоминаемых в письме Льдова лицах нет.

Посылаю для самого придирчивого рассмотрения... - «В письме Льдова на том же листке были переписаны <...> четыре его собственных стихотворения. Эти свеженаписанные стихотворения он посылал на суд Гумилеву. Как и вся поэзия Льдова, они большой поэтической ценности не имеют, но любопытны, как свидетельство того, что этот совсем не молодой (Льдову тогда было 55 лет) и в сущности далекий от всякого «модернизма» поэт подпал — очевидно, в результате личного общения — под влияние самого Гумилева. Влияние это особо чувствуется в стихотворениях «Кабилы» и «Поэма», отчасти в «Державине». В «Поэме» в типично-банальную «нивскую» поэзию врываются гумилевские нотки. В «Кабилах» чувствуется гумилевская фактура, не говоря уже о самой теме...» (Неизданные материалы для биографии Гумилева... С. 181-182).

50. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп.1. № 3). Публикуется впервые. Бумага заверена: «Верно. В. Трахтенберг».

Слезкин Юрий Львович (1885-1947) — прозаик, дебютировавший как талантливый автор мистико-фантастической прозы, а завершивший свою карьеру историческими романами в традициях «соцреализма». В дореволюционные годы был лишь «шапочно знаком» с Гумилевым по клубу «Медный всадник» (см.: Воспоминания о

«серебряном веке». М., 1993. С. 468), зато в 1918 — 1919 гг., став секретарем петроградского Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ, см. комментарии к № 52 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» наст. тома), оказался связан с ним достаточно тесными деловыми отношениями и даже — в качестве счастливого избранника И.Е. Куниной, - сумел внести в эти отношения оттенок романтической интриги. «...Ясно вижу...особняк, кажется мне, барона Гинзбурга... Тут находится (находилось в 1918 г.) какое-то профессиональное учреждение литераторов — не помню, клуб ли, союз. Не помню и того, зачем мы сюда пришли — прямо из Ботанического сада, где опьяняюще пахло всеми веснами мира... У Гумилева там какие-то дела <...> Он настаивает, чтобы я вошла, знакомит меня с множеством новых людей... <...> Через вечность, которая на часах, вероятно, не длилась более получаса, я увлекаюсь Слезкиным — кажется председателем этого клуба или союза. Он в военной форме, без погон, ладный, движения у него молоды, красивы, темные волосы гладко и молодо причесаны — на пробор сбоку и — что самое важное: я чувствую, что и я ему нравлюсь. И вижу, что Гумилев хмурится. Это не ревность, я знаю, я уже массу вещей знаю! — это его сознание своей некрасивости рядом со Слезкиным. Он уводит меня из особняка — в сад быстрее, чем хотелось бы» (Кунина И.Е. Моя гумилевская весна // Литературное обозрение. 1991. № 9).

Данное письмо рисует Ю.Л. Слезкина только с «деловой» стороны. Упоминаемый в письме адрес — Васильевский Остров, 11 линия, д. 18 — адрес описанного Куниной (правда в весеннее время) особняка барона Гинзбурга, где и помещался СДХЛ (см.: Соч III. С. 409).

51. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 147.1.46). Публикуется впервые.

Гриневская Изабелла Аркадьевна (1864 - 1942) — драматург, прозаик, поэтесса, переводчица, критик. Обучалась на Высших женских (Бестужевских) курсах, затем, познакомившись с И.А. Ефроном, работала в «Энициклопедическом словаре». Владела многими европейскими языками и литературную деятельность начала переводами (В. Гюго, А. Мицкевич, Дж. Кардуччи, Г.Д'Аннунцио, Г. Гауптман, Шекспир, Байрон и др.). Печатала стихи, пьесы, рассказы, статьи в журналах «Живописное обозрение», «Нива», «Вестник Европы». В конце 1910-х — начале 1920-х годов работала переводчиком в издательстве «Всемирная Литература». В последние, «советские» десятилетия своей жизни И.А. Гриневская по болезни и немощи никакого участия в литературной жизни не принимала. И.А. Гриневская была членом литературно-художественного кружка имени Я.П. Полонского и «Вечеров Случевского», где могла встречаться с Гумилевым, однако, судя по тому, что она не знала даже имя поэта (!) никаких контактов с ним у нее не было.

Письмо И.А. Гриневской состоит из двух частей: первая из которых — «вступительная» адресована, предположительно, Федору Александровичу —Лютеру (1864-1920), преподавателю древних языков и участнику «Литературно-мыслительного кружка» в Петербурге, которого Гриневская, вероятио использовала в качестве

посредника «по старой дружбе» (его статус во «Всемирной Литературе» неясен. Вторая часть письма адресована Гумилеву (которого она называет «Григорием Степановичем»). Это послание носит характер «открытого письма» и представляет собой, в сущности, критическую рецензию на книгу Гумилева и К.И. Чуковского «Принципы художественного перевода», вышедшую первым изданием в 1919 г., вторым, уже с «тройным» авторством — Гумилева, Чуковского и Ф.Д. Батюшкова — в 1920 г. Датировка текста соответствует времени выхода этих изданий.

Письмо Гриневской отражает взгляд многих «спецов» (по тогдашней советской терминологии) «Всемирной Литературы», не принимавших стремление Гумилева разработать для этого грандиозного проекта Горького некие общие, универсальные методические принципы, дающие хотя бы общие гарантии соответствия поставляемой издательством «продукции» качественному «стандарту» современного европейского перевода. Для понимания конфликта Гриневской и Гумилева (поводом для которого, как можно понять из письма стала работа над книгой перводов С. Бенелли «Драматические поэмы» (опубликована в 1923 г.)) нужно особо отметить беспрецедентность самого феномена «Всемирной Литературы» в истории мировой переводчицкой деятельности.

«Всемирка» (как очень скоро стали ее называть писатели, вовлеченные в дело) возникла 20 августа 1918 г., когда был заключен «Договор между А.М. Горьким, А.Н. Тихоновым, З.И. Гржебиным и И.П. Ладыжниковым об организации издательства «Всемирная Литература». Согласно этому договору, издательство ставило своей целью «перевод на русский язык и подготовку к печати избранных произведений иностранной художественной литературы конца XVIII — XIX вв.» Полную ответственность за все предприятие взял на себя Горький, особо оговорив в договоре, что «А.М. Пешкову предоставляется полная свобода в организации издательства, как-то: в выборе подлежащих изданию книг, в установлении их тиража, в определении характера вступительных статей и примечаний, а также в выборе сотрудников, авторов, переводчиков и служащих издательства...» (см.: Зайдман А.Д. Литературные студии «Всемирной Литературы» и «Дома Искусств» // Русская литература. 1973. № 1. С. 141). Такой «авторитаризм» со стороны Горького не случаен, ибо он замышлял реализацию грандиозного просветительского проекта, равного которому не было со времен французской энциклопедии. Это не могло не вызывать скепсис и раздражение со стороны большинства привлекаемых им сотрудников, поставленных к тому же в подавляющем большинстве своем перед проблемой физического выживания и менее всего расположенных к пафосу футурологического мышления. «Трудно починить водопровод, - горько иронизировал Евгений Замятин, трудно построить дом — но очень легко — Вавилонскую башню. И мы строили Вавилонскую башню: издадим Пантеон Литературы российской — от Фонвизина до наших дней. Сто томов! Мы, быть может, чуть-чуть улыбаясь, — верили, или хотели верить» (Замятин Е. Лица. Нью-Йорк. 1967. С. 16-19). Во «Всемирку» приходили те, кому в годы «военного коммунизма» негде было заработать на кусок насущного хлеба, и приносили с собой соответствующий настрой.

«Переводы делаются наспех для «Всемирной Литературы», - простодушно замечала И.В. Одоевцева. — <...> К переводам никто не относится серьезно — это халтура, легкий способ заработать деньги» (Одоевцева I. С. 216). Впрочем, были и гораздо более серьезные, «идеологические» оппозиции. «Во «Всем. Лит.» видел Сологуба, - отмечает в дневнике К.И. Чуковский. — Он фыркает. Зовет это учреждение «ВсеЛит» — т.е. вселить пролетариев в квартиру, и говорит, что это грабиловка» (Чуковский К.И. Дневник. 1901-1929. М., 1991. С. 96).

«Пролетарий», читающий Байрона или Сема Бенелли вызывал резкое раздражение у столь «народолюбивой» до революции русской интеллигенции. Горький был одинок в своем просветительстве — и совершенно неожиданно получил поддержку со стороны «аристократа» и «эстета» Гумилева.

В конце августа 1918 г. Гумилев «получает от М.Л. Лозинского письмо с извещением о возникновении издательства «Всемирная Литература» и советом переговорить с А.Н. Тихоновым. После переговоров с А.Н. Тихоновым вошел в число членов редакционной коллегии издательства и принял участие во всей организационной работе, в выработке плана изданий, а впоследствии во всей текущей работе издательства» (Труды и дни. С. 283). Заметим, что несохранившееся письмо Лозинского Гумилев получает как раз в тот момент, когда становится очевидно, что возрожденое издательство «Гипорберей», равно как и прочие его «летние проекты» (см. № 171 наст. тома и комментарии к нему) терпят крах и вопрос об источнике постоянного дохода встает очень остро. В горьковское издательство он приходит едва ли не так, как и все прочие его литературные знакомцы — как, по словам Г.В. Иванова, «в единственное место, где можно было «не теряя чести», если не печататься, то заниматься литературным трудом, получая за него гонорар» (Иванов III. С. 410). То, что происходит дальше с хронологической точностью зафиксировано в дневниках Чуковского 1918-1919 гг.

28 октября. Тихонов пригласил меня недели две назад редактнровать английскую и америк. литературу для «Издательства Всемирной Литературы при Комиссариате Народного Просвещения», во главе которого стоит Горький. <...> Самое мучительное эти заседания под председательством Горького. Я при нем робею, глупею, говорю не то, трудно повернуть шею в его сторону — и нравится мне он очень, хотя мне и кажется, что его манера наигранная. <...> Он заботится только о *народной* библиотеке. Та, основная, к-рую мы затеваем параллельно, - к ней он равнодушен. Сведенья его поразительны. Кроме нас участвуют в заседании: проф. Ф.Д. Батюшков (полный рамоли, пришибленный), проф. Ф.А. Браун, поэт Гумилев (моя креатура), прив.- доцент А.Я. Левинсон — и Горький обнаруживает больше *сведений*, чем все они. <...>

Ноябрь 12 Вчера заседание — с Горьким. <...> На заседании была у меня жаркая схватка с Гумилевым. Этот даровитый ремесленник — вздумал составлять *Правила для переводчиков*. По-моему, таких правил нет. Какие в литературе правила — один переводчик сочиняет, и выходит отлично, а другой и ритм дает и все, — а нет, не шевелит. Какие же правила? А он — рассердился и стал кричать. Впрочем, он занятный, и я его люблю.

24 ноября Вчера во «ВсеЛите» должны были собраться переводчики и Гумилев должен был прочитать им свою *Декларацию*. Но вчера было воскресенье, «ВсеЛит» заперт, переводчики столпились на лестнице, и решено было все гурьбой ехать к Горькому. Все в трамвай! Гумилев прочел им программу максимум и минимум — великолепную, но неисполнимую — и потом выступил Горький. <...> «Именно потому, что теперь эпоха разрушения, развала, - мы должны созидать... Я именно потому и взял это дело в свои руки, хотя, конечно, с моей стороны не будет рисовкой, если я скажу, что знаю его меньше, чем каждый из вас...»

10 марта 1919. Был у меня Гумилев вчера. Говорили о Горьком. — «Помятите мое слово, Горький пойдет в монахи. В нем есть религиозный дух. Он так говорил о литературе, что я подумал: ого!»

Это быстрое движение друг к другу двух великих художников — глобальное явление литературной жизни конца 1910-х годов — происходило, прежде всего, потому, что Гумилев оказался наиболее восприимчив к горьковской идеологии массового просвещения, мог воспринять и «вместить» ее, как что-то безусловно «свое». «В наше трудное и страшное время спасенье духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде. Не по вине издательства эта работа его сотрудников протекает в условиях, которые трудно и представить себе нашим зарубежным товарищам. Мимо нее можно пройти в молчании, но гикать и улюлюкать над ней могут только люди, не сознающие, что они делают, или не уважающие самих себя», - формулирует он в 1921 г. свое собственное credo этих лет (см. № 180 наст. издания), почти дословно повторяя Горького. «Ты же знаешь о Леконт де Лиле, одном из величайших поэтов Франции — обращался Гумилев к бывшему «сподвижнику» С.М. Городецкому, - почему бы не узнать о нем рабочему и крестьянину. <...> Литература и народ любовно тянуться друг к другу, только встреча их произойдет на на улице, пестрящей обрывками воззваний, под выкрики митинговых ораторов, а в просторных светлых дворцах, превращенных в библиотеки...» (См.: Соч III. С. 337). Приняв «демократическую стратегию» «Всемирной Литературы» Гумилев немедленно сделал из нее практические выводы: любая деятельность при таких масштабах (в том числе и деятельность переводчика) может мыслиться только как *технология* (те же ассоциации приходили в голову и Чуковскому — «Третьего дня я написал о Райдере Хаггарде. Вчера о Твэне. Сегодня об Уайльде. Фабрика!» (Чуковский К.И. Дневник... С. 96). Гумилев понимает (и принимает) задачу издательства Горького как необходимости поставить переводы «на поток». — и начинает, увлекая туда же и Чуковского, создавать *методику* как необходимую основу любого технологического процесса, и *учебные заведения для освоения этой методики молодыми кадрами* — знаменитые «Студии перевода» при «Всемирной Литературе». Вне подобных действий все рассуждения о «рабочем и крестьянине, которые открывают для себя творчество Леконта де Лиля» есть, конечно, прекраснодушная демагогия. В сущности, сотрудничество

Горького и Гумилева во «Всемирной Литературе» мы можем рассматривать как первый практически опыт «культурной революции» — хотя и в очень ограниченном масштабе.

Естественно, что такой «фабричный» подход к творческой работе переводчика не мог не вызвать как тайный, так и явный протест со стороны деморализованных происходящим (не только в области художественного перевода) старых переводчиков-«кустарей», которых привела во «Всемирную Литературу» лишь (фатальный каламбур) горькая необходимость. Своеобразным «манифестом» этой «оппозиции» и стало открытое письмо Гриневицкой «Григорию Степановичу». Объективную же оценку деятельности Горького и Гумилева дал, по прошествии лет Г.В. Иванов: «Его (издательства «Всемирная Литература» - *Ред.*) значение очень велико — и тем, что добрая сотня русских писателей спасена им от голодной смерти <...> и благодаря ряду превосходных переводов, им изданных или приготовленных к печати. Техника перевода, в частности, стихотворного, была поднята «Всемирной Литературой» на небывалую у нас высоту» (Иванов III. С. 234). Правоту этих слов подтверждает реализованная на деле в 1960-е — 1970-е годы мечта Горького — 200 томная массовая серия «Библиотеки всемирной литературы», давшая возможность доступа к сокровищницам мировой культуре миллионам русскоговорящих (и только русскоговорящих) «рабочих и крестьян» России XX века.

«Горные вершины», «На севере диком» — Свободные переводы ст-ний И-В. Гете, воспринимаемые читателями как оригинальные произведения самого Лермонтова.

...9 заповедей Гумилева — «Повторим же вкратце, что обязательно соблюдать: 1) число строк; метр и размер; 3) чередованье рифм; 4) характер enjambement; 5) характер рифм; 6) характер словаря; 7) тип сравнений; 8) особые приемы; 9) переходы тона

Таковы девять заповедей для переводчика; так как их на одну меньше, чем Моисеевых, я надеюсь, они будут строже соблюдаться» («Переводы стихотворные»).

Сонет, октава, терцина — особые устойчивые формы стихотворной строфы.

Кардуччи... я должна была переводить. — Джозуэ Кардуччи (1835-1907), итальянский поэт, см. № 59 (VII) и комментарии к нему. Сведений о гумилевских переводах Кардуччи (или о переводах из Кардуччи, отредактированных Гумилевым) нет.

По поводу моего перевода Сема Бенелли... — Пьесы испанского драматурга Сема Бенелли (1877-1949) издавались «Всемирной литературой» дважды: С. Бенелли. Драматические поэмы «Рваный плащ». «Ужин шуток». (Пер. А.В. Амфитеатрова и др. М.; Пг., 1923); С. Бенелли. Пер. И.А. Гриневской; под ред. Н. Гумилева и А.Л. Волынского. М.; Пг., 1923.

52. Печ. по автографу (РГБ. Ф. ОФ. К. 45. Ед. хр. 44). Опубликовано: Гумилевские чтения 1984. Машинопись с подписью.

Письмо представляет собой ответ Ф. Сологуба (Тетерников Федор Кузьмич (1863-1927) на протест Гумилева против сологубовской статьи «О союзе деятелей

художественной литературы» (Вестник литературы. 1919ю № 4. С. 10-11). В этой статье Сологуб руководителей этой организации В.В. Муйжеля и Ю.Л. Слезкина (см. № 50 раздела «Письма к Н.С. Гумилеву» и комментарии к нему) в бесконтрольном разбазаривании и присвоении общественных фондов, отпущенных Народным Комиссариатом просвещения на улучшение быта петроградских писателей. Союз деятелей художественнной литературы (СДХЛ) был создан весной 1918 г. по инициативе самого Сологуба как для реализации издательских проектов, так и в качестве одного из первых в РСФСР «профессиональных союзов творческих работников». Однако, в отличие от горьковской «Всемирной Литературы» или от созданного в тот же год Брюсовым (с подачи Луначарского) Всероссийского союза поэтов, деятельность СДХЛ, подававшего в начале своего существования большие надежды, превратилась в бесконечный ряд заседаний всевозможных секций, коллегий и комиссий, обсуждающих проекты, большей частью заведомо неосуществимые (ср. запись К.И. Чуковского от 13 февраля 1919 г. — «Вчера было заседание редакц-.<ионной> коллегии «Союза Деятелей Художественного Слова». На Вас. <ильевском» Остр. <ове> в 2 часа собрались Кони, Гумилев, Слезкин, Нем<ирович>-Данченко, Эйзен, Евг. Замятин и я. Впечатление гнусное» (Чуковский К.И. Дневник 1901-1920 гг. М., 1991. С. 100). Сразу после появления сологубовской статьи, 12 апреля 1919 г. из СДХЛ демонстративно вышли Горький, Блок, Замятин, Мережковский, Чуковский и Шишков и была создана общественная комиссия, которая полностью подтвердила правоту Сологуба. СДХЛ прекратил свое существование, а Ю.Л. Слезкин даже счел за благо покинуть Петроград (о краткой истории СДХЛ см.: Ширмаков П.П. К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы (1918-1919) // Вопросы советской литературы. М-Л., 1958. Вып. VII. С. 454-475).

Гумилев стал членом СДХЛ 8 мая 1918 г. (см.: ИРЛИ Ф. 98. Ед.хр. 197. Л. 28об) и принимал активное участие в его начинаниях, был товарищем председателя Совета союза и членом его различных секций, но он не имел практического доступа к распределению средств Союза и не обладал никакими властными полномочиями. Тем не менее Сологуб, вообще недолюбливавший поэта, поставил его имя в один ряд с «хамелеонами» из правления СДХЛ. Гумилев, указав Сологубу на ошибку, потребовал извинений — и получил их в этом письме. См. о деятельности Гумилева в СДХЛ также: Базанов В.В. Из архивных разысканий о Николае Гумилеве (по материалам рукописного отдела ИРЛИ // Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С. 323.

53. Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 3. № 123). Публикуется впервые. На бланке «Hotel Van Renggelaer. 15 East Eleventh street. New Jork».

Личность автора настоящего письма — *Г.* Сыромятникова - не установлена (в источниках «Гондлы» встречается статья *С.Н.* Сыромятникова «Саги скандинавского севера», предисловие к книге «Древнесеверные саги и песни скальдов в переводах русских писателей» (СПб., 1903) — см. с. 472 т. V наст. издания). В письме

разбирается ст-ние «Экваториальный лес», опубликованное № 1-2 журнала «Северное сияние» за 1919 г. (см. № 17 (IV) и комментарии к нему) и упоминается цикл «Капитаны», опубликованный в № 1 «Аполлона» за 1909 г. (см. №№ 147, 148, 149, 150 (I)).

54. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп.2. Ед. хр. 145). Публикуется впервые. Дат: 1919-1920 гг. — по времени пребывания Г.В. Адамовича в Новоржеве (см.: Русские писатели. XX век. Ч.1. М., 1998. С. 18).

Об отношениях Гумилева и Георгия Викторовича Адамовича (1892-1972) см. комментарии к № 68 (VII).

...это «от Розанова»... - Имеется в виду парадоксализм, присущий стилю мышления Василия Васильевича Розанова (1856-1919).

...я Ч<айльд> - Гарольда могу повторять... а Дон-Гуана почти не помню... — В «Каталоге издательства Всемирная литература» (Пг., 1919) указаны поэмы Д-Н-Г. Байрона «Чайльд Гарольд» (перевод Г.В. Адамовича), «Дон Жуан» (перевод Н.А. Оцупа), «Мазепа» (перевод Г.В. Иванова), «Лара» (перевод В.А. Рождественского) и «Гяур» (перевод Кладо). Все эти переводы были отредактированы Гумилевым (см.: Гумилевские чтения 1984. С. 92).

55. Печ. по автографу (РГБ. Ф. 416.6.61). В конверте «Торгово-экспортного Акционерного Общества. Петроград. Николаевская, 47», адресованном: «Здесь. Бассейная 11. «Дом Литераторов». Николаю Степановичу Гумилеву». Штемпель почтового отделения Петрограда — 01.08.20. По новой орфографии.

«Какие-то девицы писали ему записочки с предложениями романа и даже со стихами (мы очень хохотали)» (Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Гумилев // исследования и материалы. С. 445).

...в четверг в Доме Литераторов на чтении пьесы «Грешная Покойница» - Пьеса А.М. Ремизова.

...на вашем вечере в понедельник... — Имеется в виду «Вечер Н. Гумилева» 2 августа 1920 г. в «Доме Искусств». Афишу этого вечера см.: БП. Вклейка между с. 128-129.

...Если будешь ты на горном пике... — Цитируется ст-ние «Лаос» из сборника стилизованных переводов Гумилева из китайской и индокитайской поэзии «Фарфоровый павильон» (см.: Соч III. С. 233).

56. Печ. по автографу (Архив Лесмана). Опубликовано: Исследования и материалы. С. 595-597.

«Я напечатал рецензию о сборнике «Дракон», в которой не очень почтительно обошелся с произведениями Гумилева. Иронический тон рецензии подействовал

на Н.С. как личное оскорбление. Он высказал мне свое неудовольствие в довольно резких выражениях. Так как разговор наш произошел при свидетелях <...> и вскоре по Петербургу начали циркулировать «свободные композиции» на тему этого разговора, то я <...> обратился к суду чести при Петербургском отделении Всероссийского союза писателей с просьбой рассмотреть происшедшее столкновение <...> Н.С. сначала отказался явиться на суд чести, но потом его уговорили А.Л. Волынский и др. Этот суд чести <...> вынес резолюцию, как и полагается суду чести, двойственную и потому безобидную. Моя статья была признана действительно резкой и способной возбудить неудовольствие Гумилева, но было также признано, что она не давала Гумилеву основания употреблять при объяснении со мной обидные выражения. Кажется Н.С. остался очень доволен приговором: при встрече со мной (мы после этого события «раззнакомились») он улыбался победоносно и насмешливо» (Голлербах Э.Ф. Н.С. Гумилев // Исследования и материалы. С. 588-589). Подробно об этом трагикомическом эпизоде см.: Зобнин Ю.В., Петрановский В.П. К воспоминаниям Э.Ф. Голлербаха о Н.С. Гумилеве (Суд чести) // Исследования и материалы. С. 592-605).

В № 40 «Известий Петросовета»... - «Есть в сборнике две дамы: М. Тумповская и Ирина Одоевцева. Обе умеют писать стихи и, вероятно, не хуже стихов вышивают салфеточки на столики и подушечки для диванчиков. Тумповская вышивает мечтательные и фантастические узоры, а Одоевцева любит «гумилевщину» и разные мрачные штуки, вроде солдата, подсыпающего в соль толченое стекло, или могильщика Тома, которому «не страшно между могил, могильное любит он ремесло»; «окончив работу идет домой, вполне довольный судьбой такой». Просто и хорошо. Домашние, наверно, хвалят не нахвалятся. «Вот она у нас какая. Стихи пишет, сам Гумилев одобряет». Кстати сказать, Гумилев оповещает, что у поэтессы «косы — кольца огневеющей змеи» (без змеи он не может, ему непременно подавай не дракона, так змею) и «зеленоватые глаза, как персидская бирюза»». Голлербах цитирует здесь ст-ния И.В. Одоевцевой «Роберт Пентегью» и гумилевский «Лес» (№ 30 (IV)), вошедшие в «Дракон. Альманах Цеха Поэтов» (Пг., 1921).

Ольденбург С.Ф. (1863-1934) — востоковед-индолог; *Державин* Н.С. (1877-1953) — филолог и историк, славист; *Лемке* М.К. (1872-1923) — историк; *Стрельников* (Мезенкампф) Н.М. (1888-1939) — композитор и музыкальный критик; *Носков* Н.Д. (1870-?) — критик; *Пресс* А.Г. — историк философии; *Курбатов* В.Я. (1878-1957) — физико-химик, историограф Петрограда.

...выступать...с эстрады Дома отдыха можно — «Осенью 1920 г. мы встречались с Н.С. в Доме отдыха (б. <ывшем> Чернова) на правом берегу Невы» (Голлербах Э.Ф. Н.С. Гумилев... С. 586).

...подсыпать... «Толченого стекла» — Имеется в виду «Баллада о толченом стекле» И.В. Одоевцевой.

...реагировал Блок на критику Розанова... — Имеется в виду критика В.В. Розановым взглядов Блока в статьях «Трагическое остроумие» и «Попы, жандармы и Блок» (Новое время. 9 и 16 февраля 1909 г.). Блок не ответил Розанову в печати, но написал учтивое и обстоятельное письмо.

... «жил на свете рыцарь бедный»... «в биографии славной твоей не должно оставаться пробелов» - Цитируются ст-ния Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» и Ахматовой (неточно) «Сколько просьб у любимой всегда...»

57. Печ. по автографу (Архив Лесмана). Опубликовано: Исследования и материалы. С. 603.

На письме помета Голлербаха: «Не послал».

58. Печ. по: Жизнь поэта. С. 281. Автограф — Дело Гумилева.

Ольга Максимовна Зиф (Зив (Вихман), 1904-1963) — в конце 1910-начале 1920 гг. поэтесса, студистка Гумилева, участница организованного им поэтического кружка «Звучащая раковина». Впоследствии переехала в Москву и стала писать прозу для детей и «производственные романы». Записка относится ко времени последнего посещения Гумилевым Москвы после путешествия с адмиралом А.В. Немитцем по Крыму — 2-6 июля 1921 г.

59. Печ. по: Жизнь поэта. С. 287. Автограф — «Дело» Гумилева. Дат.: До 3 августа 1921 г. — по местонахождению письма (изъято при обыске).

На *Почтамтской* улице находилась квартира тетки Г.В. Адамовича, в которой жили Адамович и Г.В. Иванов, а после женитьбы Иванова — и И.В. Одоевцева (см.: Одоевцева II. С. 154).

Анна Николаевна... Михаил Леонидович...- А.Н. Гумилева (Энгельгардт) и М.Л. Лозинский.

...один корпусной товарищ... - однокурсником Г.И. Иванова по Петербургскому кадетскому корпусу был Ю.П. Герман, один из руководителей Петроградской Боевой организации. Иванов, встречавшийся с ним в послереволюционном Петрограде, характеризует его как человека «ледяного хладнокровия и головокружительной храбрости», убежденного антикоммуниста и профессионального конспиратора (см. Иванов Г.В. Мертвая голова // Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1993. Т.3. С. 363-373)). Ю.П. Герман был убит при переходе финской границы 30 мая 1921 года (в перестрелке было убито и ранено более десятка чекистов). Неизвестно, относится ли эта записка непосредственно к Ю.П. Герману, однако причина ее присутствия в «Деле Гумилева» — очевидна.

60. Печ. по: Жизнь поэта. С. 280. Автограф — «Дело» Гумилева. Дат.: До 3 августа 1921 г. — по местонахождению письма (изъято при обыске).

Гумилев и А.Н. Энгельгардт поженились 6 или 8 августа 1918 г. (см.: Труды и дни. С. 282). 14 апреля 1919 г. у них родилась дочь Елена. Поскольку Петроград

в годы «военного коммунизма» испытывал жестокую нехватку продовольствия, Анна Николаевна с маленькой дочкой была вынуждена подолгу жить в Бежецке (с июня по август 1919 г., с января по июнь 1920 г. и с конца июля 1920 г. по май 1921 г.). После трагической гибели мужа А.Н. Гумилева оказалась без средств к существованию, ее попытки танцевать и работать в театрах были безуспешны. «Сестра Анна Николаевна жила продажей кой-каких оставшихся у нее вещей, родители мои — тоже, - вспоминал А.Н. Энгельгардт. - <...> Аня не могла найти себе места в жизни. Леночка подросла и пошла в школу; впоследствии, после школы, работала иа почте» (Исследования и материалы. С. 374). «Тоненькая, бледная, молчаливая, грустная, затаившая свое горе, похожая по фигуре и манере скорее на девушку, чем на женщину, она была изящна, почти красива, - описывает Анну Николаевну Д.Е. Максимов, встречавшийся с ней в конце 1920-х годов. — Во всяком случае, все в ней казалось исполненным меры и естественного, непридуманного, но очень выдержанного стиля. <...> Эта хрупкая, неумелая, беспомощная женщина выглядела жертвой обступившего ее бесжалостного города — «страшного мира». Может быть, в детской беспомощности и заключалась ее женская прелесть» (Исследования и материалы. С. 380). Конец Анны Николаевны Гумилевой был страшен — она умерла голодной смертью в блокадном Ленинграде в апреле 1942 г.; ее родители умерли раньше, в январе. Елена Николаевна Гумилева, дочь поэта, умерла от истощения последией — 25 июня 1942 г.

Нахождение в «Деле» Гумилева этой сугубо «домашней» записки вызывало недоумение исследователей: «Чего только нет в «деле» Гумилева! И приглашение участвовать в поэтическом вечере к нему подшито, и членский билет Дома Искусста на 1920 г., и интимные записки со стершимся карандашным текстом... <...> Начиная с листа № 31 — подшитые к делу записки различных литераторов Гумилеву с просьбой о встрече, клочки бумаги, на которых поэт что-то помечал для памяти. Оказалась в деле и трогательная записка жены на смятой папиросной бумаге» (Хлебников О. Шагреневые переплеты // Огонек. 1990. № 18. С. 13). Между тем, если учесть, что одним из главных пунктов обвинения поэта был факт передачи ему денег «от организации на технические надобности», то данная записка оказывается косвенным подтверждением того, что материальное положение поэта не было бедственным. Согласно постановлению ВЦИК и Совнаркома от 17 января 1920 г. получение любых материальных средств от заграничных антисоветских организаций приравнивалось к соучастию в террористической деятельности и каралось расстрелом (см.: Новый мир. 1989. № 4. С. 268).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Список условных сокращений принятых в комментариях

Архив Лесмана — коллекция книг и рукописей М.С. Лесмана (хранится у Н.Г. Князевой, Санкт-Петербург).

Архив Лозинского — архив М.Л. Лозинского (хранится у И.В. Платоновой-Лозинской, Санкт-Петербург).

Архив Струве — коллекция автографов, документов и вещей Гумилева, переданная Г.П. Струве Б.В. Анрепу (хранится в Гуверовском институте, Стенфорд, Калифорния)

Баскер — Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб.: Изд. РХГИ, 2000.

БП — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988 (Б-ка поэта. Большая сер.).

В мире отеч. классики — В мире отечественной классики: Сб. статей. Вып. 2 / Сост. Д. Николаев; Редкол. Г. Бердников, Ф. Кузнецов, Ю. Мелентьев, В. Рыкович. — М.: Худож. лит-ра, 1987.

В мире книг — Богомолов Н.А. «Лишь для тебя на земле я живу» (Из переписки Н. Гумилева и Л. Рейснер) // В мире книг. 1987. № 4.

Гумилевские чтения 1984 — Гумилевские чтения. Wien, 1884 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband № 15).

Гумилевские чтения 1986

Гумилевские чтения 1996 — Гумилевские чтения. Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб.: СПбГУП, 1996.

Гумилевские чтения 2006 — Гумилевские чтения. Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб.: СПбГУП, 2006.

Давидсон — Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука, 1992.

Дело Гумилева — Архивное следственное дело № 214224 об участии 0Н.С. Гумилева в Петроградской Боевой Организации (опубликовано В.К. и С.Н. Лукницкими (Жизнь поэта))

Ж 1910 — Гумилев Н.С. Жемчуга: Стихи. — М.: Скорпион, 1910.

Жизнь Николая Гумилева — Жнзнь Николая Гумилева: Воспоминания современ ников / Сост., коммент. Ю.В. Зобнина, В.П. Петрановского, А.К. Станюко вича. — Л.: Международный фонд истории науки, 1991.

Жизнь поэта — Лукницкая В.К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990.

Зобнин — Зобнин Ю.В. Николай Гумилев — поэт Православия. СПб.: Изд. СПб ГУП, 2000.

Иванов III — Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Мемуары. Литера турная критика. М., 1994.

Изд. — издание

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького (Москва). Рукописный отдел.

ИРЛИ — Институт русской лит-ры (Пушкинский дом) РАН (С-Петербург). Рукописный отдел.

Исследования и материалы — Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. / Сост. М.Д. Эльзон, Н.А. Грознова. — СПб.: Наука, 1994.

Колчан — Гумилев Н.С. Колчан: Стихи. М-Пг.: Альциона, 1916 (на титульном листе проставлена марка изд-ва Гиперборей).

Костер — Гумилев Н.С. Костер: Стихи. Пг.: Гиперборей, 1918.

КРЛ — Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М., 1989.

ЛН — Переписка [В.Я. Брюсова] с Н.С. Гумилевым (1906-1920) / Вст. статья и комментарии Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова. Публ. Р.Л. Щербакова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая. М.: Наука, 1994. С. 400-514 (Лит. наследство. Т.98).

наст. — настоящий (-ая, -ее, -ие)

Неизд 1980 — Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. — Paris: YMCA-PRESS, 1980.

Неизд 1986 — Гумилев Н.С. Неизданное и несобранное / Сост., ред., коммент. М. Баскер и Ш. Греем; Художник А. Ракузин — Paris: YMCA-PRESS, 1986.

Николай Гумилев в воспоминаниях современников — Николай Гумилев в воспо минаниях современников / Ред., сост., предисл., коммент. В. Крейда. — Репринтное изд. — М.: Вся Москва, 1990.

Новый мир — Стихи и письма. Анна Ахматова. Н. Гумилев / Вст. ст., публ., примеч. — Э.Г. Герштейн // Новый мир. 1986. № 9.

НП — Неизвестные письма Н.С. Гумилева / Публикация Р.Д. Тименчика // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 46. 1987. № 1

Одоевцева I — Одоевцева И.В. На берегах Невы. М.: Захаров, 2005 (Серия «Биографии и мемуары»; на обл. — Ирина Одоевцева. Воспоминания. Т.I).

Одоевцева II — Одоевцева И.В. На берегах Сены. М.: Захаров, 2005 (Серия «Биографии и мемуары»; на обл. — Ирина Одоевцева. Воспоминания. Т.II).

П К — Гумилев Н.С. Путь конквистадоров. СПб.: Тип. Р.С. Вольпина, 1905.

Полушин — Гумилев Н.С. В огненном столпе / Сост. В.Л. Полушин. — М.: Советская Россия, 1991.

ПРП 1990 — Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М.Фридлендер (при участии Р.Д. Тименчика). Вступ. ст. Г.М. Фридлендера. Подготовка текста и коммент. Р.Д. Тименчика. — М.: Современник, 1990 (Б-ка «Лю бителям российской словесности»).

публ. — публикация.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГА ВМФ — Российскй государственный архив Военно-морского флота (Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва). Отдел рукописей.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА СПб — Российский государственный исторический архив (С-Петербургское отделение)
РМ — Государственный Русский музей (С-Петербург). Отдел рукописей.
РНБ — Российская национальная библиотека (С-Петербург). Отдел рукописей.
РЦ 1908 — Гумилев Н.С. Романтические цветы. Париж: Danzig, 1908.
с. — страница
Соч I — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т.1. Стихотворения.Поэмы / Вст. статья, сост., прим. Н.А. Богомолова. - М.: Худож. лит-ра, 1991.
Соч III — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии / подгот. текста, прим. Р.Д.Тименчика. — М.: Худож. лит-ра. 1991.
СПб ОА РАН — Архив Российской Академии Наук (отдел Африки) (С-Петербург).
СП (Тб) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Ред., предисл. В.П. Епикрилова. Сост., биогр. очерк, коммент. В.Н. Лукницкой. — Тбилиси: Мерани, 1988 (Сер. Россия — Грузия: сплетение судеб. XX век).
СС IV — Гумилев Н.С. Собр. соч.: В 4 т. Т.4. Рассказы, очерки, литературно-критические и другие статьи, «Записки кавалериста» / Подг. Текста, коммент. Г.П.Струве, вст. статья В.В.Вейдле — Вашингтон, 1968.
СС IV (Р-т) — Гумилев Н.С. Собр. соч.: В 4 т. Т.4. Репринтное воспроизведение изд. 1962-1968 гг. — М.: Терра, 1991.
ст. — стих
ст-ние — стихотворение
стр. — строка
Труды и дни — Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилева // Лукницкая В.К. Любовник. Рыцарь. Летописец. Еще три сенсации «серебряного века». СПб.: Сударыня, 2005. С. 141-339.
Хейт — Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма. М., 1991.
ЧН — Гумилев Н.С. Чужое небо: Третья книга стихов — СПб.: Аполлон, 1912.
Graham 1983 — Graham S. D. Leters from Nikolay Gumilyov to Valeri Brusov // Slavonic and East European Review.1983. № 61.
Haight — Haight Amanda. Leters from Nikolay Gumilyov to Anna Akhmatova 1912-1915 // Slavonic and East European Review.1972. Vol. 50. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Письма Н.С. Гумилева (1906—1921)

48. Анненскому-Кривичу В.И., 5 сентября (?) 1908 г. («Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич, я очень и очень сожалею, что не могу воспользоваться...») — 121.
49. Аренс В.Е., 25 сентября / 8 октября 1908 г. («Многоуважаемая Вера Евгеньевна, приветствую Вас из Константинополя...») — 121.
50. Аренс В.Е., 2/ 15 октября 1908 г. («Многоуважаемая Вера Евгеньевна, приветствую Вас и Зою Евгеньевну из Египта...») – 122.
51. Брюсову В.Я., 2/15 октября 1908 г. («Дорогой Валерий Яковлевич, я не мог не вспомнить Вас...») — 122.
52. Анненскому-Кривичу В.И., 13 / 26 октября 1908 г. («Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич! Мой привет Вам и Наталье Владимировне...») — 122.
53. Уманову-Каплуновскому В.В., 14 ноября 1908 г. («Многоуважаемый Владимир Васильевич, я вернулся из моей поездки...») — 122.
54. Брюсову В.Я., 27 ноября 1908 г. («Дорогой Валерий Яковлевич, я уже недели три вернулся в Царское Село...») — 123.
55. Брюсову В.Я., 9 декабря 1908 г. («В муках и пытках рождается слово...») — 125.
56. Брюсову В.Я., 10 декабря 1908 г. («Дорогой Валерий Яковлевич! Искренне благодарю Вас за Ваше письмо и за приглашение...») — 127.
57. Анненскому И.Ф., Около 15 декабря 1908 г. («Многоуважаемый Иннокентий Федорович! Я уже много раз просил...») — 127.
58. Брюсову В.Я., 15 декабря 1908 г. («Дорогой Валерий Яковлевич, спешу Вас известить, что я раздумал печатать ту статью...») — 128.
59. Брюсову В.Я., 19 декабря 1908 г. («Дорогой Валерий Яковлевич, разумеется, я не приеду в Москву...») — 129.
60. Ремизову А.М., 9 февраля 1909 г. («Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович, Ваше письмо застало меня совсем больным...») — 130.
61. Брюсову В.Я., 26 февраля 1909 г. («Дорогой Валерий Яковлевич, я не писал Вам целую вечность...») — 131.
62. Анненскому И.Ф., 4 марта 1909 г. («Многоуважаемый Иннокентий Федорович, не согласитесь ли Вы посетить сегодня...») — 132.
63. Брюсову В.Я., 21 апреля 1909 г. («Дорогой Валерий Яковлевич, ради Бога, простите мою настойчивость...») — 132.
64. Кузмину М.А., 7 мая 1909 г. («Дорогой Михаил Алексеевич, наконец-то вышел первый номер «Острова»...»).
65. Брюсову В.Я., 11 мая 1909 г. («Дорогой Валерий Яковлевич, на этих днях я посылаю Вам первый номер «Острова» ...») — 134.

Письма к Н.С. Гумилеву

Научно-художественное издание
Николай Степанович Гумилев

Руководитель издательского проекта
академик Российской Академии словесности Г.В. Пряхин
Зам. руководителя Д.Г. Горбунцов
Ответственный редактор
кандидат филологических наук И.И. Жуков
Художественный редактор проекта М.В. Георгиев
Компьютерный набор, верстка: Т.В. Серегина
Техническое обеспечение: С.Д. Афанасьев
Издание подготовлено при участии ООО «Евразия+»
Лицензия ЛР № 010193 от 19.02.1997

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93
том 7: 953000 — книги, брошюры
Сдано в набор 26.06.06
Подписано в печать 30.08.06
Формат 60Х90 1/16 40 п. л.
Тираж 1210 экз., 1-й завод. Заказ № 4213

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
Москва, ул. Октябрьская, д. 98, стр. 1
Тел. (495) 780-05-56

Отпечатано с оригинал-макета в ЗАОр "НПП "Джангар",
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245